

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Экономические и социальные перемены

№ 2 (150)
март — апрель 2019

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

ГЕНДЕР
И СЕМЬЯ

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

M77

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
генеральный директор ВЦИОМ, кандидат политических наук,
профессор НИУ ВШЭ

Заместитель главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2019. — № 2 (150). — 498 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

ISSN 2219-5467

© АО «Всероссийский центр изучения
общественного мнения», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

- А. М. Веркеев, В. В. Волков, А. В. Дмитриева, А. В. Кнорре, В. Е. Кудрявцев,
Д. А. Кузнецова, Р. К. Кучаков, К. Д. Титаев, Е. А. Ходжаева*
Как изучать жертв преступлений?..... 4
- С. В. Жучкова, А. Н. Ротмистров*
Поиск многомерной связи категориальных признаков: сравнение CHAID,
логлинейного анализа и множественного анализа соответствий32
- Д. А. Яковлева, О. Ю. Колесниченко, Л. С. Мазелис,
И. Н. Григорьевский, Ю. Ю. Колесниченко*
API-социология и глобальное сообщество Google: живая система социальной
трансформации.....54
- П. О. Ермолаева, О. Н. Яницкий, О. А. Башева, Ю. В. Ермолаева, И. Б. Кузнецова*
Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов:
поиск теоретико-методологических перспектив80

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

- Р. Г. Калинин, И. Ф. Девятко*
Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной
справедливости95
- О. С. Тарабашкина, А. А. Валеева*
Почему неполноценное питание продолжает оставаться нормой? Изучение
представлений и практик матерей в Бишкеке 115
- В. И. Мукомель*
Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст 141
- А. В. Ситников, М. В. Романов, Т. Х. Одаев*
Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты
и институты власти..... 157

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

- Д. Н. Шалин*
Игорь Кон: «Если бы в начале 1980-х меня куда-нибудь выпустили, я бы точно
не вернулся» 184
- Ж. В. Чернова*
Незавершенная гендерная революция..... 222
- И. И. Юкина*
Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая
идентичность 243

<i>А. А. Ожиганова</i> «Чего хотят женщины»: мотивы отказа от роддома в пользу домашних родов	263
---	-----

<i>М. Е. Гошин, Т. А. Мерцалова, И. А. Груздев</i> Типы родительского участия в учебном процессе детей	282
---	-----

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

<i>П. П. Лисицын, А. М. Степанов</i> Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность	304
---	-----

<i>Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова</i> Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18—35 лет в России: результаты исследовательского проекта	318
--	-----

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2019	365
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

<i>А. А. Космарский</i> Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы	388
--	-----

<i>В. М. Пешкова</i> Социальная инженерия против социальных исследований, или возможна ли «меняющая/решающая социология»? По материалам IX социологической Грушинской конференции	410
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. Е. Петрова, М. Г. Бурлуцкая</i> НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в регионах. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции	421
---	-----

<i>Е. А. Гаврилина, И. Э. Петрова</i> (Не)человеческая социология и власть искусственной социальности	434
--	-----

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

<i>А. В. Шариков</i> Государственное радиовещание в России: тренд на потерю влияния	439
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

С. С. Бразевич

Эмпирические социальные исследования Карла Маркса..... 459

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А. А. Кондаков

Мир глазами Кинг-Конга и теория относительности.

Рец. на кн.: Депант В. Кинг-Конг теория / Пер. с фр. Е. Шторна. М.: No Kidding Press, 2019..... 477

Н. Г. Багдасарьян

Ностальгия по прошлому или в будущее — с надеждой.

Рец. на кн.: Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер. с англ. В.Л. Силаевой;

под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019486

Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина

Феномен прекариата: комплексный исследовательский подход.

Рец. на кн.: Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу /

Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018493

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01

Правильная ссылка на статью:

Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

For citation:

Verkeev A. M., Volkov V. V., Dzmitryieva A. V., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Kuznetsova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Khodzhaeva E. A. (2019) How to study victims of a crime? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

**А. М. Веркеев, В. В. Волков, А. В. Дмитриева, А. В. Кнорре, В. Е. Кудрявцев,
Д. А. Кузнецова, Р. К. Кучаков, К. Д. Титаев, Е. А. Ходжаева
КАК ИЗУЧАТЬ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?**

КАК ИЗУЧАТЬ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?

HOW TO STUDY VICTIMS OF A CRIME?

ВЕРКЕЕВ Арсений Максимович — лаборант Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4532-1495>

Arseny M. VERKEEV¹ — Research Assistant at the Institute for the Rule of Law

E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4532-1495>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

ВОЛКОВ Вадим Викторович — PhD, д.с.н., ректор, научный руководитель Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: volkov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4726-2465>

Vadim V. VOLKOV¹ — PhD, Dr. Sci. (Soc.), Rector, Academic Director at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: volkov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4726-2465>

ДМИТРИЕВА Арина Викторовна — научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; аспирант, Университет Восточной Финляндии, Йозенсуу, Финляндия
E-MAIL: admitrieva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4548-0015>

Aryna V. DZMITRYIEVA¹ — Researcher at the Institute for the Rule of Law; Post-Graduate Student
E-MAIL: admitrieva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4548-0015>

КНОРРЕ Алексей Викторович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: a.v.knorre@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5079-9573>

Alexey V. KNORRE¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: a.v.knorre@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5079-9573>

КУДРЯВЦЕВ Владимир Евгеньевич — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vkudryavtsev@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6509-9094>

Vladimir E. KUDRYAVTSEV¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: vkudryavtsev@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6509-9094>

КУЗНЕЦОВА Дарья Александровна — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: dkuznetsova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5225-530X>

Darya A. KUZNETSOVA¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: dkuznetsova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5225-530X>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

КУЧАКОВ Руслан Камилович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rkuchakov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

Ruslan K. KUCHAKOV¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: rkuchakov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

ТИТАЕВ Кирилл Дмитриевич — кандидат социологических наук, директор по исследованиям Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ktitaev@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1921-7969>

Kirill D. TITAEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of research at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: ktitaev@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1921-7969>

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

Ekaterina A. KHODZHAeva¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья рассказывает о методологии первого российского масштабного репрезентативного исследования жертв преступлений (виктимизационного опроса), результаты которого размещены в открытом доступе. Такие опросы позволяют проанализировать структуру преступности, социальные характеристики жертв, условия совершения преступлений, поведение потерпевших и правоохранительных органов. В мировой практике есть два главных национальных виктимологических исследования — NCVS в США и CSEW в Великобритании, которые проводятся ежегодно или чаще с 1970-х — 1980-х годов. В России серьезных виктимизационных опросов, которые позволяют валидно опре-

Abstract. This paper reports on the methodology of the first Russian representative victimization survey (the data is publicly available online). Victimization surveys are conducted to analyze the crime structure, socio-demographic characteristics of victims, crime circumstances, the behavior of victims and law enforcement agents. In world practice, there are two main national victimological studies — NCVS in the US and CSEW in the UK, both conducted annually or even more often since the 1970s - 1980s. However, up to date, there were no victimization surveys in Russia conducted in the same way. Previous victimization surveys either include the minimum of questions about victimization experience or were conducted on very

делить именно жертв преступлений, реконструировать структуру преступности и проанализировать поведение потерпевших до сих пор не проводилось. Существующие образцы либо были крайне ограничены по количеству вопросов именно о виктимном опыте, либо опирались на очень небольшие выборки. Предлагаемый опрос проведен с использованием технологии CATI на основании простой случайной выборки. Структура выборки воспроизводит структуру населения по основным демографическим параметрам (квотирование не применялось). Опрошено 16 818 человек, из их числа 3 тысячи по собственной оценке имели виктимный опыт в течение последних пяти лет, 3,5 тысячи респондентов не имели виктимного опыта, но подробно ответили на вопросы социально-демографического блока анкеты, 10,3 тысячи респондентов отвечали только на вопросы о поле, возрасте, наличии (отсутствии) виктимного опыта и месте проживания. В опросе преимущественно использовались дихотомические вопросы, позволившие установить юридически значимые характеристики произошедшего и тем самым получить картину преступности не в терминах респондентов («меня ограбили»), а в юридически корректных терминах («произошла кража»). Статья подробно описывает использованные методические решения, обосновывает и соотносит их с мировым опытом.

Ключевые слова: виктимизационный опрос, преступность, структура преступности, поведение жертв, виктимный опыт

small samples and did not allow to have reliable estimates for the number of victims or discover the crime structure and patterns of post-victimization behavior in a reliable way. The victimization survey we present (Russian Crime Victimization Survey - RCVS) based on CATI technology and simple random sample that represents the population of the Russian Federation (no quotas have been used). We interviewed 16 818 persons, out of which 3 001 admitted being victimized during the last 5 years, 3 719 answered, that they did not have victim experience but were asked detailed questions about social and demography background, and 10 098 also answered, that they did not have victimization experience and proceed only with questions about sex, age, and place of living. The questionnaire is mainly composed of dichotomous questions, so circumstances of a crime can be reconstructed and described according to Russian legal discourse (as common descriptions of crimes in Russia sometimes differ from legal ones). In the paper, we describe in detail and substantiate the used methodological solutions, and show its connection with other victimization surveys in the world.

Keywords: vicitimisation survey, criminality, structure of crime, behavior of victims, victim experience

Благодарность. Сбор данных и разработка инструментария проводились при финансовой поддержке АНО «Интерцентр» в рамках договора на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Разработка методологии и проведение всероссийского репрезентативного виктимизационного опроса». Анализ международного опыта и подготовка статьи выполнены в рамках проекта Российского научного фонда «Исследование социального контроля и мобилизации права с использованием больших данных», № 17-18-01618. Авторы признательны Дмитрию Скугаревскому, Денису Савельеву, Сергею Чувакину, Серафиму Бутакову и Ксении Руновой за участие в дискуссиях на различных стадиях. Отдельно мы благодарны Юлии Чурсиной и Павлу Степанцову. Особая благодарность анонимному рецензенту, советы которого позволили, на взгляд авторов, преодолеть ряд недочетов, возникающих у статей, написанных при сотрудничестве большого количества авторов.

Acknowledgments. Data collection and tools development were completed with the financial support of ANO "Intercentre" within the contract for the implementation of research work on the topic "Development of methodology and conduct of the all-Russian representative victimization survey". The analysis of international experience and preparation of the article were carried out during the project "A big data study of social control and mobilization of law", supported by Russian Science Foundation, project number: 17-18-01618. The authors are grateful to Dmitry Skugarevsky, Denis Saveliev, Sergey Chuvakin, Serafim Butakov and Ksenia Runova for their participation in discussions at various stages. Special thanks to Yulia and Pavel Stepantsov. Special thanks to the anonymous reviewer, whose advice, in the opinion of the authors, allowed to overcome a number of issues arising when articles written in the cooperation of a large number of authors.

Введение

В России, как и во всем мире, правоохранительные органы используют официальную статистику для понимания уровня преступности. Однако она включает только те преступления, о которых было сообщено в полицию и по которым полиция нашла убедительные доказательства того, что преступление действительно имело место. При таком подходе вне поля зрения правоохранительных органов и официальной статистики остаются случаи, о которых по каким-то причинам люди не заявили или они не были зарегистрированы. Случаи, не попадающие в официальную статистику, еще в первой половине XIX в. были названы бельгийским математиком Адольфом Кетле *dark figure of crime*, в современной российской криминологии используется понятие «латентная преступность» [Иншаков, 2009].

Следовательно, необходим инструмент для точного измерения реального уровня преступности и ее структуры в обществе. Таким средством является социологический инструментарий в целом и непосредственно опросный метод — как один из наиболее эффективных.

Понимание реального количества и структуры преступлений необходимо для выстраивания государственной правоохранительной политики и социальной по-

литики, косвенно направленной на предупреждение преступности. Также важно учитывать, что уровень латентности разных преступлений различен [Титаев, 2019].

В мире с 1970-х гг. для решения этой задачи используются специальные виктимологические (виктимизационные) опросы. Сначала в США, потом в Великобритании, затем и в большинстве развитых государств они стали проводиться с некоторой периодичностью. В России до сих пор не проводилось полноценных виктимизационных опросов, репрезентативных на национальном уровне.

Весной 2018 г. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге разработал инструментарий и провел телефонный опрос более чем 16 тыс. респондентов, из которых более 3 тыс. заявили, что они были жертвами преступлений за последние пять лет. Опрос проводился по простой случайной выборке телефонных номеров, охватывающей и сотовые, и городские номера. Распределения социально-демографических характеристик, полученные по итогам опроса, говорят о его высокой репрезентативности.

Статья описывает методологию опроса в сравнении с мировой практикой и показывает логику формирования массива. Сам массив размещен в открытом доступе для свободного использования¹. На сегодняшний день предполагается, что опрос станет регулярным (раз в два-три года) и его данные позволят впредь отслеживать динамику реальной преступности в России.

В статье мы сосредоточимся на методических вопросах такого исследования, поскольку есть надежда, что подобные опросы будут проводиться в России и впредь. Анализ мирового опыта и вставших перед авторами данного опроса методических проблем позволит исследователям в будущем учесть накопленный опыт. Ключевой вопрос, ответу на который посвящена данная статья, можно сформулировать так: какова может быть методология репрезентативного национального виктимизационного опроса, если реализовать общепринятую модель — панельную выборку на десятки тысяч домохозяйств и личный опрос — нет возможности.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно последовательно разобрать несколько аспектов. Первая часть статьи кратко описывает само понятие виктимизационного опроса, мировой и российский опыт их проведения — чтобы показать те образцы, от которых мы отталкивались при проектировании данного опроса. Отдельно в первой части рассматривается проблема использования телефонного интервью в высокосензитивных и сложноформулируемых опросах — это необходимо, поскольку в мировой практике такой подход до сих пор применялся редко. Вторая часть статьи представляет методологию конкретного опросного проекта, рассматривая конкретные решения возникающих методических проблем, а именно: проблему формулирования вопроса в телефонном интервью, проблему его репрезентативности. Заключение кратко показывает первые примеры использования таких данных.

Отдельно стоит сказать о логике реализации проекта (которая, в частности, объясняет длинный перечень авторов данной статьи). Для проектов такого рода необходим большой и разнодисциплинарный исследовательский коллектив, работающий по нехарактерному для количественных исследований методу «длинного

¹ Ссылка на массив: Knorre A. 2019, Russian Crime Victimization Survey 2018. <https://doi.org/10.7910/DVN/C20TH9> (дата обращения: 12.04.2019).

стола» [Ковалев, Штейнберг, 1999] в ходе подготовки инструментария, его проверки, предварительных качественных исследований, анализа международного опыта. В результате возникает ситуация, в которой каждый член исследовательского коллектива вносит содержательный вклад как в методологию проекта, так и в статьи, подготовленные на его основании.

Виктимизационные опросы в России и в мире

Понятие виктимизационного опроса и его цели

Виктимизационный, или виктимологический опрос — это исследование, в ходе которого респонденты опрашиваются о том, были ли они жертвой преступления, как вели себя в этой ситуации, как поступали после этого.

На сегодняшний день такие опросы — лучший инструмент, который позволяет создавать прочную эмпирическую базу [Кнорре, Титаев, 2018] для государственной политики в таких сферах, как контроль преступности, социальная политика, судебная политика и т. д., поскольку дает наиболее полную и пригодную для анализа информацию.

Можно выделить несколько блоков информации, которые получаются в результате проведения такого опроса, — собственно виктимологические данные (кто и как становится жертвой); криминологические данные о структуре преступности (где, когда и как совершаются те или иные виды преступлений); поствиктимное поведение (обращение в полицию и медицинские учреждения, использование неформальных механизмов поиска преступника); отношение к правоохранительным и судебным органам — когда человек оценивает свой опыт взаимодействия и сообщает о том, как он поведет себя, вновь оказавшись в подобной ситуации.

Вместе с социально-демографическими характеристиками респондентов это дает возможность понять, какова структура преступности и ее социальный профиль, какие социальные группы находятся в зоне риска, каково реальное, а не оценочное отношение к правоохранительным органам. Данные, полученные в ходе таких опросов, позволяют очень точно (гораздо точнее, чем простые опросы о доверии) аппроксимировать отношение населения к правоохранительным органам.

Виктимизационные опросы помогают решать целый ряд академических задач. Так, именно поведение в подобных сложных ситуациях многое говорит об обществе [Black, 1979], и анализ такого поведения позволяет проверять большие социологические теории [Веркеев, 2018].

При этом виктимизационные опросы связаны с целым рядом методических проблем. Во-первых, это сензитивная тема, и авторы вопросника должны выстраивать опрос таким образом, чтобы минимально травмировать респондента возвратом в явно дискомфортную ситуацию. Во-вторых, масштабные виктимизационные опросы обычно отличает панельный характер данных (в котором одни и те же люди или домохозяйства опрашиваются ежегодно или чаще) и/или сложный дизайн выборки и высокая регулярность замеров. Это позволяет отслеживать динамику виктимизации населения и выделять тренды. Специфика таких опросов состоит в большом количестве вопросов и логических переходов (разветвлений) в анкете. Выстроить такую выборку достаточно сложно, это требует регулярного

контакта интервьюеров с одними и теми же домохозяйствами, высокой квалификации интервьюеров и прозрачных данных о географической мобильности населения. Важно и то, что виктимный опыт, как правило, имеет не более 10 % опрошенных, что создает очень большую нагрузку на опрашиваемых. В-третьих, большие сложности связаны с квалификацией произошедшего события в качестве преступления.

В виктимизационных опросах обычно применяется метод личного интервью лицом к лицу (face-to-face, F2F). Набор и подготовка интервьюеров для таких опросов, учитывая специфику темы, представляет собой отдельные методологические трудности. Забегая вперед, отметим, что в нашем опросе мы отказались от этого способа в пользу телефонного опроса с применением специального программного обеспечения. Подробнее о плюсах и минусах такого решения расскажем далее.

Ниже покажем мировой и российский опыт, которые стали отправной точкой для нашего виктимизационного опроса.

Мировой опыт проведения виктимизационных опросов

В большинстве развитых стран с начала 70-х годов XX века проведение регулярных виктимизационных опросов стало важным элементом как академической дискуссии о преступности, так и государственной политики по контролю над ней. Наиболее ранние эксперименты в этой области начались в США середины 1960-х гг., когда правительственные эксперты пришли к выводу, что надежные источники данных о латентной преступности отсутствуют. Первый пилотный виктимизационный опрос имел локальную направленность и был проведен уже в 1966 г. в Вашингтоне [Rennison, Rand, 2006: 19—21].

На текущий момент наибольшую известность и значение имеют три проекта по проведению виктимизационных опросов: американский, британский и международный.

Американский опрос National Crime Victimization Survey, NCVS (панее — National Crime Survey, NCS) проводит Бюро правовой статистики США (Bureau of Justice Statistics) с 1972 г. Таким образом, NCVS является хронологически первым регулярным виктимизационным опросом в мире. Каждые полгода по национально репрезентативной стратифицированной выборке опрашиваются все члены домохозяйств старше 12 лет (примерно 49 тыс. домохозяйств, около 100 тыс. человек). NCVS имеет двухуровневую выборку: сначала отбираются простые выборочные единицы (примерный аналог российских избирательных участков), которые соответствуют определенным областям страны, затем отбираются собственно домохозяйства². Каждое домохозяйство, попав в выборку, остается в ней в течение трех лет, что дает панельные данные. Респондентов спрашивают о виктимном опыте за последние полгода. Особые усилия при этом прикладываются к тому, чтобы из-за ошибок респондентов информация, уже попадавшая в опрос полгода назад, не дублировалась.

Первое (установочное) интервью проводится лично на дому, затем возможен переход на телефонное интервью [Catalano, 2006: 23—24]. Процент домохозяйств,

² National Crime Victimization Survey, 2016. Technical Documentation. NCJ 251442. 2017. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ncvstd16.pdf> (дата обращения: 16.04.2019).

согласившихся на прохождение опроса (response rate) в 2016 г., равен 78%³. NCVS, как и другие похожие опросы, периодически переживает усовершенствования методологии, но основные улучшения были сделаны еще в середине 1990-х гг., когда были решены проблемы с операционализацией анкетных вопросов⁴.

Анкета NCVS рассчитана на все основные типы преступлений, обычно релевантные для виктимизационных опросов. Это преступления против личности (personal crimes) и преступления против собственности/домохозяйства (property/household crimes). Первые включают физическое насилие, изнасилования, другое сексуальное насилие, грабежи и кражи личных вещей, а также угрозы. Вторые включают домовые/квартирные кражи, кражу со взломом, угон транспорта и вандализм. Важно, что включаются и попытки, т. е. незавершенные преступления⁵.

Как и в других виктимизационных опросах, интервью разделено на два этапа (две разные анкеты). Первый этап нацелен на выявление виктимного опыта у респондента. На этом этапе выявляются все случаи виктимизации, если их было несколько у респондента. А затем, на втором, более объемном этапе, уточняются детали произошедшего.

NCVS также периодически проводится с дополнительными анкетами: например, о stalking, т. е. продолжительном преследовании, проявлении навязчивого внимания к человеку против ее/его воли (Stalking Victimization Supplement, SVS) или о внутришкольной виктимизации (School Crime Supplement, SCS).

Британский Crime Survey for England and Wales, CSEW (ранее — British Crime Survey, BCS) проводится с 1982 г. Сначала он реализовывался Home Office (МВД Соединенного Королевства), а затем Национальной статистической службой Великобритании (Office for National Statistics). С начала 2000-х гг. опрос проводится с привлечением внешнего исполнителя, коммерческой фирмы TNS BMRB. В настоящее время опрос имеет непрерывный характер, в результате чего основные репрезентативные для страны в целом показатели обновляются каждые три месяца.

Для опроса используется стратифицированная выборка домохозяйств Англии и Уэльса объемом 35 тыс. респондентов. Большинство из них старше 16 лет, но при этом ставится цель опросить не менее 3 тыс. детей в возрасте 10—15 лет⁶.

Выборка носит непанельный характер и имеет сложный дизайн, который несколько раз модифицировался. С 2012 г. процедура построения выборки существенно не модифицировалась. На данный момент в основе опроса лежит кластерная выборка (cluster sampling), включающая различные подходы для построения выборки в трех территориальных группах, различающихся по плотности населения. Эти группы определяются относительно пространственной плотности

³ Criminal Victimization, 2016. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv16.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).

⁴ Kindermann Ch., Lynch J., Cantor D. Effects of the Redesign on Victimization Estimates. Washington DC: U. S. Department of Justice. 1997. BJS Fact Sheet NCJ 164381. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ERVE.PDF> (дата обращения: 16.08.2018).

⁵ National Crime Victimization Survey, 2016. Technical Documentation. NCJ 251442. 2017. P. 6—7. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ncvstd16.pdf> (12.04.2017)

⁶ CSEW Technical report, 2016/17. С. 13 URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/methodologies/crimeandjusticemethodology/201617csewtechnicalreportvolumeone.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).

расположения адресов домохозяйств. Еще одно требование к выборке заключается в необходимости достижения одинакового минимального числа интервью в 42 полицейских округах (Police Force Areas). Доля ответивших в 2015 г. составила 70 %. Помимо имеющихся основных типов преступлений, в 2015 г. был добавлен дополнительный набор вопросов, направленный на мошенничество и киберпреступность⁷.

CSEW частично составляет методологическую основу для ICVS — международного проекта по исследованию виктимизации. Международный International Crime Victims Survey (ICVS) был инициирован в 1987 г. как проект по унификации опросного инструментария в разных странах и проводился каждые четыре-пять лет шесть раз в период с 1989 г. по 2010 г. [van Kesteren, van Dijk, 2010; van Dijk, 2015]. Опросники большинства европейских стран построены на основании единой методологии ICVS. В отличие от рассмотренных выше NCVS и CSEW, позволяющих сравнивать базовое состояние преступности в отдельно взятой юрисдикции в зависимости от времени, ICVS принципиально кросснационален. Выборки опросов по методологии ICVS обычно составляют несколько тысяч респондентов, что гораздо меньше выборок национальных опросов NCVS и CSEW, а также не являются панельными, т. е. каждый раз единицы выборки отбираются заново, нет намеренного повторения респондентов. Таким образом, ICVS менее масштабен и проводится реже, но это совпадает с его задачей, которая заключается в производстве данных, наиболее релевантных для межстрановых сравнений.

Опросы на основании этой методологии с незначительными модификациями успели провести более чем в 80 странах [van Kesteren, van Dijk, Mayhew, 2014]. Формально в 18 странах Евросоюза проводится отдельный опрос — European Survey on Crime and Safety (EU ICS). Он, однако, практически полностью основан на методологии ICVS и пригоден для сравнений [Methodology..., 2007].

Опросы ICVS отличает их ориентация на кросснациональные сравнения, которой способствует унификация опросных инструментов: применение идентичной операционализации и стратегии построения выборки. Однако единый инструментарий ставит другую проблему: необходимо не упустить специфику конкретных стран. Правовые системы разных стран, структура правоохранительных органов, а также квалификации правонарушений в уголовном и/или административном кодексе могут значительно различаться. Это затрудняет как использование унифицированного инструментария, так и межстрановые сравнения по итогам опроса. Представляется, что хороший опросный инструмент должен балансировать между двумя крайностями: чрезмерной локализацией и полной унификацией.

Телефонное интервью в виктимизационном опросе

Традиционно большая часть виктимизационных опросов проводилась и проводится с использованием личных интервью. Так, наиболее крупные и значимые из них NCVS, CSEW и ICVS предполагают именно очное обследование. Телефонные интервью, и в частности CATI (Computer Assisted Telephone Interview, телефонное интервью, в ходе которого оператору помогает специальное программное обеспе-

⁷ Там же. С. 3.

чение), использованное в проведенном нами опросе, применяются значительно реже. Далее мы рассмотрим способы оценки эффективности F2F и CATI, существующий опыт сравнения этих двух техник, а также продемонстрируем, почему CATI составляет возможную альтернативу F2F.

Традиционно выделяются две базовые метрики, по которым оценивается эффективность опроса: доля ответивших (response rate, RR) и степень покрытия⁸ (coverage rate, CR). Теоретически возможно, что в силу сензитивности темы некоторым респондентам виктимизационного обследования проще делиться своим опытом в ходе «обезличенного» телефонного общения с интервьюером. Соответственно, CATI предположительно должен был бы показывать более высокие RR и CR, чем F2F. Однако мета-аналитические исследования, подробно рассмотренные ниже, говорят о том, что в действительности F2F обладает более высокими RR и CR, чем телефонные форматы сбора данных [Klausch et al., 2017]. Рассмотрим подробнее существующий экспериментальный опыт.

В 2004 г. Scottish Crime Survey (с 1993 по 2003 гг. — SCS, с 2004 по 2006 гг. — SCVS) изменил способ сбора данных — F2F был заменен на CATI. Для оценки последствий методологических изменений в 2004—2005 гг. было проведено исследование⁹, включающее два параллельных опроса — с дизайном F2F и CATI. В итоге было обнаружено существенное отличие в RR (67,3% — F2F, 48,6% — CATI, числа, близкие к результатам по DCVS) и статистически значимое различие в ряде социально-демографических характеристик опрошенных. В результате сделан вывод об отсутствии достаточных оснований для подтверждения надежности и репрезентативности данных, полученных посредством телефонного опроса. Следствием чего стало возвращение в 2006 г. в SCVS¹⁰ (с 2008 г. — SCJS) к методологии F2F. Однако следует понимать, что показатель RR считается для CATI и F2F несколько по-разному. В обоих случаях это доля согласившихся на интервью из числа тех, с кем произошел первичный контакт. Однако первичный контакт по телефону (ответ на звонок) требует от респондента меньших усилий, чем первичный контакт в личном интервью (открытие двери или ответ на звонок домофона).

При этом существует и противоположный взгляд на данную проблему. Эксперимент с дизайном сбора данных DCVS показал весомое отличие RR для F2F (64,3%) и телефонного интервью (48,2%). Вместе с тем разница в ошибках выборки по валидационному пулу переменных была или незначительной, или отсутствовала вовсе. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что альтернатива F2F в виде телефонного опроса в целом возможна и жизнеспособна [Klausch et al., 2015].

В результате мы можем сделать вывод, что два базовых исследования по интересующей нас проблеме противоречат друг другу. При сопоставлении их результатов следует учитывать разницу в дизайне экспериментов. В DCVS использовалась

⁸ Подразумевается вероятность попадания элемента генеральной совокупности (домохозяйства или гражданина) в список, на основе которого строится выборка. В случае телефонного опроса это уровень телефонизации, который наблюдается в генеральной совокупности.

⁹ Steven H. Research report for The Scottish Executive. 2005. URL: <https://www.gov.scot/Publications/2005/12/22132936/29366> (дата обращения: 16.08.2018).

¹⁰ Scottish Crime and Justice Survey 2016/17, Technical Report. URL: <http://www.gov.scot/Topics/Statistics/Browse/Crime-Justice/crime-and-justice-survey/publications> (дата обращения: 16.08.2018).

двухволновая схема, то есть отпрашивались одни и те же респонденты, и источник формирования выборки также был единым — национальный реестр. В случае SCVS были построены две независимые выборки, для CATI случайным образом генерировались телефонные номера с помощью набора случайных цифр (random digit dialing, RDD), выборка для F2F создавалась на основе реестра почтовых индексов (postcode address file, PAF).

Статистически величины RR и CR напрямую не связаны с систематическим смещением выборки [Groves, Peytcheva, 2008; Wagner, 2012]. Последнее обусловлено не размером RR, а подлежащими механизмами принятия решений об отказе от ответов или невключения в процесс построения выборки обособленных совокупностей. В связи с этим RR как инструмент оценки качества опроса должен использоваться с осторожностью. На российском материале более сложные инструменты также использовались для сравнения разных способов контакта с респондентом [Соколов, Казанцев, 2017] и не дали однозначных результатов ни «за», ни «против».

Специфика полевого эксперимента как исследовательского метода такова, что различия в дизайне делают невозможным прямое сопоставление результатов. Для реальной практики допущение, что две случайные выборки, опирающиеся на разные базы формирования, дадут по всему валидационному пулу переменных выборочные ошибки в пределах случайной изменчивости, выглядит завышенным. Таким образом, методология, допускающая использование CATI и сделанные исследователями выводы, представляются более убедительными.

Если предположить, что результаты полевого эксперимента по DCVS корректны и данные, полученные посредством F2F/CATI статистически близки, то с учетом географических масштабов России и существенной региональной гетерогенности, для покрытия которой желательнее иметь большую выборку, CATI выглядит предпочтительнее классического F2F.

Российский опыт и проблемы виктимизационных опросов

В отличие от США и других стран, в России до недавнего времени не было проведено ни одного масштабного виктимизационного опроса, который бы репрезентировал население России в целом и был бы известным широкому кругу ученых и исследователей. Из того, что есть на данный момент, можно выделить три группы: виктимизационные опросы на уровне отдельных регионов, закрытые виктимизационные опросы на уровне страны и опросы крупных опросных компаний, соприкасающиеся с тематикой виктимизации.

Эмпирические исследования жертв преступлений были начаты еще в советское время в тесной связи с академическими учеными из правоохранительных органов. Основными источниками данных для исследователей были материалы уголовных дел (реже — данные из других источников и опросы осужденных). Жертва преступления описывалась в терминах правовой науки как потерпевший, и основное внимание было сосредоточено на взаимоотношениях «преступник — потерпевший», а также на контекстах совершения тех или иных преступлений [Франк, 1977].

Первые независимые виктимизационные опросы незадолго до распада СССР проводились исследовательской группой, в составе которой был Я. И. Гишинский:

они начались в 1989 г. и были региональными (изучался Ленинград (Санкт-Петербург), в отдельные годы — и другие города, например, Волгоград в 2001 г.). И. Н. Гурвич, работавший вместе с Я. И. Гилинским, пишет, что первое исследование динамики преступности было проведено в 1991 г. В исследовании 1996 г. И. Н. Гурвич и коллеги использовали телефонный опрос, для которого было отобрано 1500 случайных квартирных телефонных номеров, репрезентирующих территорию Санкт-Петербурга, из которых получили 418 валидных ответных листов [Гурвич, 1999]. С 1999 по 2002 гг. эти исследования проводились в Центре девиантологии Социологического института РАН [Гилинский, 2004].

Известно несколько исследований, которые проводились учеными-юристами, однако у всех есть ограничения, связанные либо с объемом выборки (не больше нескольких сотен), либо с генеральной совокупностью, которую выборка репрезентирует (обычно студенты). Кроме того, во всех текстах, описывающих проведенные опросы, исследовательский дизайн представлен крайне скудно либо не представлен вообще. Характерной особенностью таких работ является отсутствие описания того, как были собраны данные, нет описания выборки, процедуры рекрутирования респондентов и так далее. Кроме того, выводы опроса построены на недостаточном для продвинутого количественного анализа объеме данных. Например, в одной из наиболее цитируемых в российской науке статей о латентной преступности С. М. Иншакова подробно описываются масштабы латентной и фактической преступности в России 2000-х годов, но совсем не описываются данные и методика их сбора: лишь в одном месте статьи вкратце указано, что было опрошено 1480 студентов Москвы и других регионов [Иншаков, 2009].

В другой статье о виктимизации в Уральском федеральном округе [Майоров, 2015] выборка составила 240 человек (что недостаточно для продвинутого количественного анализа данных за пределами простых частотных распределений), и не сказано ничего о том, как эти данные были собраны. Схожие проблемы имеет виктимизационный опрос, проведенный в Удмуртской Республике, где было опрошено 550 человек [Зварыгин, Стех, 2008]. В тексте об этом опросе указывается, что «уголовно-правовые признаки составов преступлений описывались обыденным, доступным языком, понятным человеку, не имеющему юридического образования», однако нет описания выборки, процедуры рекрутирования респондентов и дизайна вопросника. То же можно сказать и об одной из немногих юридических диссертаций, посвященных проблеме латентной преступности, где эмпирической базой исследования стал опрос 214 человек, не связанных с правоохранительными органами, на чем описание опроса заканчивается [Кривенцов, 2014]. П. А. Кривенцов в своей диссертации, помимо прочего, описывает исследование А. А. Тирских, в котором приняло участие 300 респондентов [Тирских, 2003]¹¹.

После реформы полиции и включения отношения к ней населения в систему показателей оценки ее работы Министерство внутренних дел РФ как минимум три раза проводило виктимизационные опросы, репрезентативные на уровне субъектов Российской Федерации, где общая выборка составляла десятки тысяч

¹¹ Цит. по: [Кривенцов, 2014].

наблюдений. В 2013 г. такой опрос проводил Фонд «Общественное мнение»¹², в 2014—2015 г. — РГСУ¹³.

Сотрудники Института проблем правоприменения при ЕУСПб проводили диагностику как собранных данных, так и использовавшегося в этих опросах инструментария и пришли к выводу, что опросы имеют признаки множества нарушений стандартов сбора социологических данных [Кнорре, Ходжаева, 2016]. В итоге результаты этих опросов непригодны как для научного анализа, так и для анализа, направленного на принятие управленческих решений. Обнаружено, что ключевые вопросы интервьюеры не задавали вовсе или задавали лишь части респондентов, а выборка была реализована с ощутимыми нарушениями. Например, в 2014—2015 гг. опрос «показал», что с подразделением по лицензионно-разрешительной работе (специальное и малочисленное подразделение) граждане сталкиваются всего лишь в 2,5 раза реже, чем с ГИБДД, чего не может быть в реальности. Никакие распределения, полученные по результатам этих опросов, не могут отражать ситуацию в российском обществе.

Наиболее критичным недостатком в опросах Фонда «Общественное мнение» и РГСУ (в особенности образца 2014—2015 гг.) был дизайн вопросника, то есть тех вопросов, которые задавались респондентам: эти вопросы перенасыщены профессиональными юридическими терминами, сформулированы так, чтобы склонить респондента к определенному ответу, и в целом не позволяют зафиксировать виктимный опыт жертв преступлений. Например, наиболее важный вопрос о том, жертвой каких преступных действий становился человек, включал в себя перечень составов преступлений в основном так, как они сформулированы в УК РФ. В этот перечень были включены как массовые типы преступления, так и редкие (например, террористические), от которых в те годы пострадали менее ста человек на всю страну. В целом эти исследования, результаты которых сегодня попадают в научный оборот через научные публикации сотрудников Академии управления МВД России (например, [Топоров, 2015; Ребий, Васильев, 2016]), хотя и являлись по своему дизайну виктимизационными опросами, однако прагматически были нацелены на использование результатов для оценки МВД и различных подразделений ведомства.

Опросы, проведенные опросными компаниями — полстерами, в частности, представителями «большой тройки» российских полстеров (ФОМ, ВЦИОМ, «Левада-центр»), — также иногда содержат релевантные данные, хотя в целом вопросы о виктимном опыте для полстеров нехарактерны. Обычно они работают скорее с оценочным инструментарием (например, вопросы о доверии полиции), нежели с фактологическими вопросами (о наличии того или иного опыта, поступках, поведении). Но исключения встречаются в опросах на правоприменительную тематику и в omnibus (регулярных опросах со смешанной тематикой вопросов). В качестве примера можно указать опрос о работе

¹² Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД. Криминальные угрозы, опасность россиян и их контакты с органами внутренних дел. 2013. URL: https://fom.ru/posts/11180?fbclid=IwAR1RXLsQ0Zp8Wmr3deEkzIvRk0fY3cM7_q3inUwLrfo0ka4A1auXiqdBYc (дата обращения: 12.04.2019).

¹³ Долгорукова И. В., Кириллов А. В., Мазаев Ю. Н., Танатова Д. К., Юдина Т. Н. Динамика виктимизации населения России: социологическая оценка. 2018. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/18455> (дата обращения: 12.04.2019).

полиции, который провел ФОМ в октябре 2014 г.¹⁴ Здесь задавался вопрос об опыте обращения в полицию в последние год-два. Однако без предварительного вопроса о виктимном опыте он не дает информации о том, по какому поводу люди обращались в полицию. В другом вопросе из этой анкеты респонденту предлагают представить, что у него украли кошелек, и сказать, будет он обращаться в полицию по этому поводу, или нет. Это попытка оценить поведение жертв преступлений, но она не обязательно даст данные, близкие к реальному поведению людей, а не к их мнению о своем поведении в заданной ситуации, в которой они не находятся. Интересно, что публикация данных этого исследования была приурочена к профессиональному празднику Дню полиции 10 ноября и имела комплементарный характер.

В феврале 2017 г. ВЦИОМ провел по заказу Фонда поддержки пострадавших от преступлений¹⁵ независимый от МВД опрос. Однако и здесь обнаруживается приоритет юридического взгляда на проблему виктимности (как это было в исследованиях МВД 2013—2015 гг.). Так, ключевой вопрос о виктимном опыте был сформулирован следующим образом: «Становились ли Вы лично за последние 12 месяцев жертвой преступления?». Однако респонденту может быть сложно юридически квалифицировать событие из реальной жизни как преступление.

Общее свойство опросов, проводимых полстерами (за исключением исследования ФОМ для МВД в 2013 г.), является стандартный для общероссийского замера размер выборки: 1500—1600 человек. Но он оказывается слишком мал в сравнении с полноценным виктимизационным опросом, поскольку людей с реальным виктимизационным опытом в такой выборке не более 150 человек (максимум 7%—10% от выборки). Это не позволяет провести детальный криминологический анализ, релевантный для всей генеральной совокупности жертв преступлений в России.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что полноценного виктимизационного опроса в России до сегодняшнего дня не проводилось.

Российский виктимизационный опрос (RCVS)

Общая логика опроса

В 2018 г. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге начал разработку инструментария, подготовку и проведение общероссийского виктимизационного опроса.

В современных российских условиях полноценное воспроизведение классических образцов национальных опросов (США и Великобритания) было бы чрезвычайно затратным (в силу размера выборок). Работа же по образцу ICVS (несколько тысяч респондентов, непанельная выборка и т. д.) дает скорее данные для межнациональных сравнений, чем детальную картину одной юрисдикции (в силу малых объемов выборок). Это потребовало при учете международного опыта разработки нового инструментария.

¹⁴ Работа полиции и отношение к полицейским // ФОМ. 27.10.2014. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11784> (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁵ Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость // ВЦИОМ. 22.02.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116081> (дата обращения: 12.04.2019).

Опрос проводился по технологии CATI на основании простой случайно выборки телефонных номеров. Опрашивались резиденты (вне зависимости от гражданства) старше 18 лет. Опрос проводился по специально подготовленному опроснику, целью которого было получить максимально подробную информацию о количестве преступных посягательств и характере последнего из них. Опросник включал блоки о характере преступления, его условиях и поведении жертвы, а также блок вопросов о социо-демографическом профиле. Дополнительная необходимость в разработке специального опросника объяснялась тем, что в русском языке, в отличие от, например, английского, плохо совпадают правовые (важные для последующего анализа) и повседневные категории для описания преступлений. Так, и человек, который стал жертвой квартирной кражи, и человек, который стал жертвой разбоя, могут сказать: «меня ограбили». Однако совершенные преступления не являются грабежом. Поэтому, чтобы избежать путаницы и неточности в юридических терминах, было принято решение о необходимости задавать в опроснике вопросы о конкретных квалифицирующих признаках, а не о том, как сам респондент называет совершенное преступление. Подробнее эту проблему мы рассматриваем далее.

Формированию опросника предшествовал качественный этап — была проведена серия фокусированных интервью для того чтобы реконструировать логику рассказывания о преступлении, используемые термины, понять степень сензитивности тех или иных вопросов. После этого было проведено 30 пилотных интервью по составленному опроснику (которые впоследствии не вошли в массив). На основании тотального прослушивания аудиозаписей этих интервью был скорректирован набор фильтров, порядок вопросов и ряд формулировок. После этого прошел второй пилот (100 интервью), данные которого вошли в итоговый массив. На основании статистического анализа этих данных были выявлены маргинальные ситуации и вопросы, которые не имеет смысла задавать в связи с высоким уровнем затруднений или неответов.

Следующие части этого раздела подробно разбирают логику формирования и репрезентативность выборки, логику построения опросника и обоснованность использования технологии телефонного интервью.

Логика выборки, ее преимущества и репрезентативность

В качестве выборки для данного опроса, вопреки мировой практике, которая, как правило, предполагает сложные многоступенчатые выборки, была положена простая случайная выборка. В телефонном опросе случайным образом отбирался номер телефона из актуальной базы всех мобильных и городских номеров, до данного номера дозванивались и производилась попытка интервью. Уровень ответов (доля тех, кому задавались содержательные вопросы от числа всех, кто взял трубку) составил 14,1% (что типично для телефонных опросов в России). Доля прерванных интервью — 11,8%. Вопреки нашим опасениям, такая модель позволила получить репрезентативную выборку, которая по своей структуре совпадает со структурой генеральной совокупности. В табл. 1 приведено соотношение между популяцией и всеми опрошенными (жертвами и нежертвами).

Таблица 1. Половозрастное распределение в выборке и населении старше 18 лет, %

Возраст	Мужчины			Женщины			Всего		
	Население	Выборка	Разница	Население	Выборка	Разница	Население	Выборка	Разница
18—24	4,6	5,5	0,9	4,4	5,0	0,6	9,0	10,5	1,5
25—34	10,5	12,8	2,3	10,3	12,2	1,9	20,8	25,0	4,1
35—44	9,0	10,4	1,4	9,4	10,5	1,0	18,4	20,8	2,4
45—54	7,7	7,3	-0,4	8,6	9,2	0,6	16,3	16,5	0,2
55—64	7,6	5,7	-1,9	10,1	10,1	0,0	17,7	15,8	-1,9
65+	5,8	3,1	-2,7	12,0	8,3	-3,7	17,8	11,4	-6,4
Всего	45,1	44,7	-0,4	54,9	55,3	0,4	100,0	100,0	N/A

Источник: опрос (N = 16818); Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 20.

Как видно из табл. 1, использование простой случайной выборки, даже с учетом не-ответов, позволило получить распределение, очень близкое к реальному с поправкой на ожидаемую меньшую доступность старших возрастных групп. Теоретически простая случайная выборка, с учетом почти полной телефонизации в России, и должна давать такой результат. Ожидается больше доля относительно молодых возрастов за счет меньшей доступности в силу физического состояния представителей более старших возрастных групп. В остальном же такое распределение при отсутствии какого бы то ни было квотирования показывает, что полученные результаты хорошо соответствуют базовой цели любой выборки — равновероятному попаданию в выборку представителей всех категорий.

В качестве еще одного контроля можно привести уровень образования. В табл. 2 представлено распределение по уровню образования. Вопрос об образовании задавался не всем респондентам, а только тем, кто был жертвой преступления, и контрольной группе из 3719 человек.

Таблица 2. Уровень образования в выборке и в населении старше 18 лет

Образование	Население	Выборка	Разница
Высшее	26,7 %	37,2 %	10,5 %
Неполное высшее	2,9 %	4,8 %	1,9 %
Среднее специальное / профессиональное	41,6 %	37,2 %	-4,4 %
Полное среднее	17,7 %	15,2 %	-2,5 %
Общее среднее	8,0 %	5,2 %	-2,8 %
Начальное и менее	3,1 %	0,4 %	-2,7 %

Источник: survey (N = 6528); Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 179. (данные на 2015 г.)

Как видно из таблицы, существует перепредставленность респондентов с высшим образованием. Однако это объясняется недоступностью старших возрастных групп, а уровень образования в России прочно коррелирован с возрастом. Кроме того, официальные данные отстают от опроса на три года, а за этот период должна была несколько (на 2%—3%) вырасти доля в населении людей с высшим образованием. В остальном же можно говорить, что поставленные цели достигнуты в полном объеме.

В результате были опрошены 16 818 респондентов, из которых 3 001 заявили о том, что они были жертвами преступлений за последние пять лет. Им и 3 719 респондентам без подобного опыта были заданы вопросы по социо-демографическому профилю.

Логика опросника, его преимущества, контроль

В отношении виктимизационных опросов существует достаточно проработанный методологический аппарат. Основные рекомендации по проведению таких опросов содержатся в «Руководстве по проведению виктимизационных опросов», разработанном Управлением ООН по наркотикам и преступности и Европейской экономической комиссией ООН¹⁶. Рекомендации касаются в основном трех аспектов: структуры опросника, выбора типов вопросов и учета языковых и культурных аспектов. При разработке дизайна нашего исследования мы старались учесть эти рекомендации.

Основная проблема языка российских виктимизационных опросов, как было показано выше, заключалась в юридикализации вариантов ответов на вопросы о том, жертвой каких преступных действий становился человек. Однако в обыденном языке, как показывают качественные интервью, нет ни четкого разделения таких действий по различным составам Уголовного кодекса, ни способности квалифицировать действия злоумышленника.

Классический пример — имущественные преступления: люди могут называть кражей как тайное хищение их вещи (что соотносится с нормой УК РФ), так и мошеннические действия против них, грабеж и даже разбой, завершившиеся потерей имущества. Люди также не знают различия в уголовных и административных составах за схожие действия — кражей может быть названо, например, и мелкое хищение из магазина бутылки водки¹⁷. В связи с этими обстоятельствами номинализация в вариантах ответов различных составов УК РФ (как массовых, так и экзотических, с которыми сталкиваются не более 200 человек на страну в год), принятая в практике виктимизационных опросов МВД (2013—2015 гг.), не позволяет достоверно понять, о каком конкретно преступлении (и преступлении ли вообще) рассказал респондент, отвечая на вопрос анкеты. В случае нашего телефонного опроса необходимость экономии времени участников опроса выставляла еще более жесткие ограничения на разъяснения к подсказкам интервью, допустимые в случае F2F.

¹⁶ UNODC, UNECE. Manual on victimization surveys. 2010. 232 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁷ На данный момент, чтобы действие считалось кражей, а не мелким хищением, ущерб должен превышать 2,5 тыс. рублей, поэтому хищение бутылки водки, скорее всего, не будет уголовным преступлением.

В типичном случае структура виктимизационного опроса включает несколько разделов. Внутри разделов могут задаваться более детальные вопросы или менее подробные. На рис. 1 представлена общая структура нашего опроса.

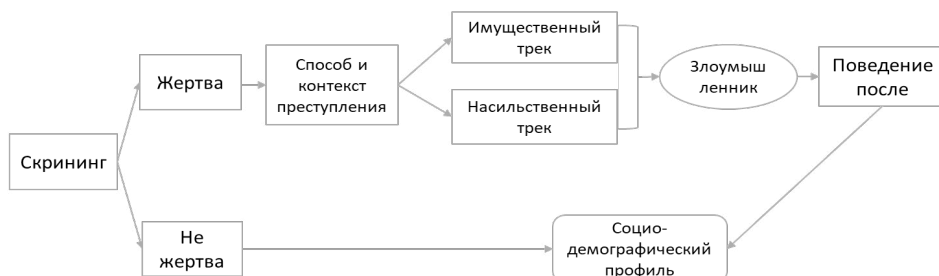

Рисунок 1. Структура виктимизационного опроса

В связи с тем, что многие респонденты не способны отделить преступление от непроступления, особую важность в разработке анкеты играет формулировка скринингового вопроса. Он был сформулирован максимально обыденным языком, но содержал примеры разных ситуаций, которые можно описать как преступления. Такой подход к формулировке скринингового вопроса позволяет гораздо эффективнее выявить и распознать преступление, чем прямой вопрос «Были ли вы жертвой преступления?»¹⁸.

Теми же принципами мы руководствовались при разработке основной логики вопросника. Она базировалась не на номинализации тех или иных составов преступлений, а на поэтапном расспросе респондента о том, что произошло в его случае. При этом из всего разнообразия типов анкетных вопросов, предпочтение было отдано закрытым вопросам, представленным преимущественно вариантами ответов «да» или «нет». Такие формулировки вопросов позволяли не только получить содержательные ответы, но и выполняли роль фильтров, направляющих участников опроса по различным «трекам» преступности (имущественное/неимущественное, насильственное/ненасильственное и т. д.), которым соответствуют наиболее массовые составы УК РФ. В результате ни от респондента, ни и от интервьюера не требовалось определение того, жертвой какого преступного действия стал человек. Это задача исследователей, а не респондентов, и она решалась уже на этапе анализа данных. Нам было необходимо в зависимости от конфигурации ответов определить, к какой категории относится преступление.

Помимо простых дихотомий «да» — «нет», респондентам задавался набор содержательных вопросов, имеющих значение для тех или иных задач криминологического исследования. Содержательные вопросы условно можно разделить на те, которые задавались всем жертвам преступлений и касались общего контекста ситуации, и те, которые позволяют детализировать конкретный тип преступления и создают контекст только применительно к нему.

¹⁸ UNODC, UNECE. Manual on victimization surveys. 2010. 232 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf (дата обращения: 12.04.2019)

Общие содержательные вопросы задавались после того, как респондент прошел скрининг и назвал себя жертвой преступных действий (за последние пять лет или 12 месяцев). Далее ему было предложено кратко описать, каким был самый недавний случай (открытый вопрос).

После предлагались содержательные вопросы с вариантами ответов о способах и контексте, релевантном для большинства преступных действий (время суток, время года, наличие людей вокруг и т. п.).

Для построения типов преступлений из всей этой серии важен вопрос, совершено ли преступление по телефону или интернету. Это важная характеристика таких преступлений, как мошенничество, но также может служить криминологической характеристикой угроз (в зависимости от того, озвучивались угрозы лично или по телефону, характер преступления существенно меняется).

В опросник был включен сензитивный вопрос о том, ощущает ли респондент в чем-то себя виноватым в сложившейся ситуации. Значительное количество исследований [Janoff-Bulman, Hanson Frieze, 1983; Miller, Porter, 1983], анализ глубинных интервью и последующий анализ в целом подтверждают, что самообвинение (self-blaming) значительно влияет на решение о заявлении о преступлении в полицию при некоторых видах преступлений, в частности, связанных с побоями [Cascardi, O'Leary, 1992; O'Neill, Kerig, 2000], изнасилованиями [Ullman, 1996], мошенничествами [Titus, Gover, 2001], особенно телефонными и компьютерными, и несчастными случаями.

Рассмотрим дихотомии и в целом разработанные «треки преступлений» более детально. Две основные развилки — это вопросы о наличии материального ущерба и насильственных действий в отношении человека (преступления без жертвы и в отношении юридических лиц в опрос не включались). Они создают два основных трека — «имущественный» и «насильственный». Если человек стал жертвой грабежа или разбоя (когда при отъеме собственности он подвергся также насилию или ему угрожали), то при точных ответах на два вопроса-фильтра он «проходит» оба трека.

Имущественный трек включает в себя новые развилки:

— наличие факта присвоения кем-то материальной собственности позволяет отделить все виды хищения (кражи, грабежи, разбои, мошенничества, угоны транспортных средств и т. п.) от других преступлений, приведших к материальному ущербу (например, порча имущества или повреждения автомобиля при ДТП);

— уничтожение или повреждение имущества позволяет не только квалифицировать те или иные составы преступлений, но и оценить, было ли преступление окончанным или имело место покушение на преступление.

— введение жертвы в обман или в заблуждение — используется для разделения мошеннических составов от других форм хищения собственности.

Насильственный трек также включает в себя ряд дихотомических вопросов (с последующими уточнениями), операционализация которых позволяет «квалифицировать» преступление:

— использование оружия (с уточнением «огнестрельное» или «холодное»);

— наличие физического ущерба или телесных повреждений (с основными «закрытиями», позволяющими оценить тяжесть насильственных действий, а также отдельными вопросами об обращении в медицинские учреждения);

- оказание сопротивления нападающему;
- в случае, если физического насилия не было, уточнялось, были ли высказаны угрозы такового (что является отдельным составом УК РФ, а в случае имущественных преступлений — квалифицирующими признаками);
- наличие сексуальных мотивов у нападающего.

Если на все вопросы насильственного трека был получен отрицательный ответ, респонденту задавалась дихотомия о ДТП и последствиях.

Следующий блок — это вопросы о злоумышленниках, которые также чаще выступали дихотомическими фильтрами. Самый первый их них — видела ли жертва или разговаривала со злоумышленником. Этот фильтр необходим для квалификации тайных и открытых хищений (условно, отделения краж и мошенничеств от грабежей и разбоев). Следующий дихотомический вопрос — знакомство жертвы и злоумышленника (что является важнейшим криминологическим признаком насильственных преступлений). Помимо этого уточнялись социальные характеристики злоумышленников, которые известны респонденту (пол, степень знакомства, наличие зависимого положения жертвы, действовали ли злоумышленники группой и т. п.). Также в этой части телефонного интервью всем респондентам задавался дихотомический вопрос о том, можно ли назвать преступные действия повторяющимися. Это важно и для криминологического анализа бытовой преступности, и для исследования особенности российской виктимности в целом.

После прохождения блока «злоумышленник», респондента переключали на трек «поведение после инцидента». Здесь посредством серии дихотомических и содержательных вопросов выяснялось, были ли предприняты какие-либо действия для обнаружения преступника и его наказания (поступление информации или обращение самой жертвы в полицию и другие правоохранительные органы). Важная информация в этой части опроса касается рутины работы полицейских и органов расследования (скорость и особенности реакции на заявление, частота встреч с потерпевшим, исход рассмотрения материалов в случае возбуждения уголовного дела; утонялось, было ли оно раскрыто, а виновник — найден и наказан). Важными исходами, уточняющимися дихотомическими вопросами, является также факт возмещения материального вреда потерпевшему. Далее уточнялось, обращался ли респондент к негосударственным источникам правопорядка, искал ли злоумышленника самостоятельно. И, наконец, задавался самый важный вопрос, характеризующий доверие к полиции среди тех, кто к ней обращался: это намерение обратиться к полицейским снова при повторном инциденте.

Использование преимущественно дихотомических вопросов в виктимизационном опросе имеет безусловные достоинства. Прежде всего — это высокая скорость прохождения опросника, что важно, поскольку респондент при ответе на виктимизационные опросы вынужден повторно погрузиться в негативно окрашенную жизненную ситуацию. Как видно из табл. 3, и вопросы социально-демографического блока, и содержательные вопросы, заданные в дихотомическом виде, требовали меньше всего времени для ответов. Кроме того, дихотомические вопросы не допускают амбивалентных и противоречивых ответов. К недостаткам дихотомических вопросов относят потерю некоторых деталей ответов, но в данном случае можно утверждать, что потеря информации при использовании таких

вопросов происходит минимальная, поскольку речь идет о пережитом опыте респондентов, а не о мнении.

В отличие от содержательных вопросов, возвращающих респондента в неприятную для него ситуацию, вопросы социально-демографического блока не составляют большой трудности для ответа. Ответы на вопросы о возрасте и образовании всегда находятся в оперативной памяти человека [Рогозин, 2000] и могут быть получены мгновенно. В то же время поиск ответов на вопрос о профессиональном статусе зачастую вызывает трудности [Рогозин, Мануильская, 2007]. Так, человек одновременно может находиться в нескольких статусах, например, работать удаленно, будучи в декретном отпуске, учиться на дневном отделении и подрабатывать ручным трудом. Для того чтобы избежать ошибок операционализации вопросов о занятости, они также были сформулированы в виде простых дихотомий с соответствующими переходами:

1. Вы работаете в настоящее время?
2. Вы учитесь в настоящее время?
3. Вы получаете пенсию, пособие, стипендию от государства?
4. Искали ли Вы работу в течение последних 12 месяцев?
5. Вы руководите другими людьми?
6. Ваша работа связана с физическим трудом?

На пересечении ответов на все эти вопросы легко можно определить профессиональный статус респондента.

Для вопроса о доходе нами был выбран оценочный подход, который более привычен респондентам, чем непосредственный подсчет [Рогозин, Мануильская, Климов, 2006]. Однако у такого подхода есть и свои минусы — он требует больше всего времени на ответ среди всех закрытых вопросов (см. табл. 3).

Таблица 3. **Описательные статистики длительности вопросов в анкете (в секундах)**

Вопросы	Тип вопроса	N	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Самые длинные					
КАКИМ было ПОСЛЕДНЕЕ по времени преступление — опишите в нескольких словах. Потом я задам о нем несколько простых уточняющих вопросов.	Открытый	1876	48,9	38,5	37,2
КАКИМ было это преступление — опишите в нескольких словах. Потом я задам о нем несколько простых уточняющих вопросов.	Открытый	1140	43,6	32,2	37,4
Как бы Вы определили уровень дохода	Закрытый с вариантами ответов	6504	42,4	38	22,6
Можно ли сказать, что в результате этого события Вам был нанесен материальный ущерб?	Закрытый с вариантами ответов	3001	24,5	19,5	18,9
Если возможно указать, то где это произошло?	Закрытый с вариантами ответов	2104	22,5	18,3	16,1

Вопросы	Тип вопроса	N	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Самые короткие					
Угрожали ли Вам в этой ситуации физическим насилием?	Дихотомический	2621	6,5	5,4	4,6
Вы работаете в настоящее время?	Дихотомический	6581	6,2	5,3	4,3
Скажите, пожалуйста, сколько Вам полных лет?	Открытый	16818	6,1	5,6	4
Это был мужчина или женщина?	Дихотомический	1506	5,8	4,8	4,3
У Вас есть гражданство Российской Федерации?	Дихотомический	6538	5,6	4,8	4,8
Вы учитесь в настоящее время?	Дихотомический	6574	5,1	4,3	3,4
Пол	Не зачитывался, кодировался по имени	16818	2,4	2,2	1,2

Вместо заключения: пример использования данных

Таким образом, в результате проведенного опроса получен массив данных, позволяющий анализировать структуру преступности и условия совершения преступлений, поствиктимное поведение граждан и, частично, работу правоохранительных органов. Полученная информация собрана с использованием оригинального инструментария, но соотносимого с мировой практикой. В дальнейшем результаты опроса лягут в основу более узких исследований.

В качестве самого простого примера использования собранных данных и, одновременно, иллюстрации их качества можно попробовать соотнести полученные данные с официальной статистикой (см. напр., [Титаев, 2019]). Для того чтобы сделать такое соотнесение, необходимо выбрать параметр, который бы и хорошо отражался в официальной статистике, и точно оценивался респондентами. Само количество преступлений, о которых сообщают в полицию, таковым точно не является. Часть преступлений не регистрируется потому, что потерпевшие неверно определяют ситуацию. Количество возбужденных уголовных дел по той же причине может расходиться. Так, потерпевший может не знать, было ли принято такое официальное решение, или быть введенным в заблуждение. То же самое касается и установления преступника (доля раскрытых дел). А вот факт передачи дела в суд фиксируется официальной статистикой на высоком уровне достоверности (здесь есть стык статистики правоохранительных органов и судебной системы). Одновременно процедура уведомления потерпевшего в России такова, что не знать о том, что дело о преступлении в отношении вас было передано в суд, практически невозможно [Панеях и др., 2018]. Таким образом, мы можем оценить количество поступивших в суд дел по двум независимым источникам.

Здесь, важно оговориться, что в официальной статистике нужно отобрать дела, в которых был реальный потерпевший старше 18 лет. По данным аналитического массива статистических карточек МВД в 2014 г., таких дел было чуть менее 400 тысяч (более свежие данные недоступны, но это достаточно стабильный показатель). Если экстраполировать данные опроса, то мы получим 380 тысяч таких

дел за год. Таким образом, можно говорить, что имеющиеся опросные данные проходят валидацию официальной статистикой.

И именно это дает нам возможность утверждать, что и в остальном на предложенных данных можно строить аналитическую работу и по тем преступлениям, которые не попали в поле зрения правоохранительных органов.

Список литературы (References)

Веркеев А. Эмпирические индикаторы мобилизации права // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>.

Verkeev A. M. (2018) Empirical Indicators of Mobilization of Law. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>. (In Russ.)

Гурвич И. Н. Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 142—143.

Gurvich I. N. (1999) Victimization as a Factor in the Change of Justice. *Sociological Studies*. No. 1. P. 142—143. (In Russ.)

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.

Gilinskiy Ya. I. (2004) *Deviantology: Sociology of Criminality, Drug Addiction, Prostitution, Suicides and Other Deviations*. St. Petersburg: Legal Center Press. (In Russ.)

Зварыгин В. Е., Стех Э. Э. Латентная преступность и фактическая виктимизация населения в Удмуртской Республике (по результатам проведенного в 2007 г. криминологического исследования) // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2008. № 1. С. 121—125.

Zvarigin V. E., Steh E. E. (2008) Latent Criminality and Actual Victimization of the Population in the Udmurt Republic (By Results of Carried out (Spent) in 2007 Kriminologic of Research)¹⁹. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. No. 1. P. 121—125. (In Russ.)

Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1(16). С. 107—130.

Inshakov S. M. (2009) Latent Criminality as a Subject of Criminological Study. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 1(16). P. 107—130. (In Russ.)

Кнорре А. В., Титаев К. Жертвы преступлений в России. Основные результаты виктимизационного опроса. Аналитический обзор. (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2018.

Knorre A. V., K. Titaev. (2018) Victims of crimes in Russia. The main results of The Victimization Survey. Analytical Review. (Series “Analytical Reviews on Law Enforcement”). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

¹⁹ Перевод названия источника цит. по данным Вестника удмуртского университета. Серия экономика и право. 2008. № 1.

Кнорре А. В., Ходжаева Е. А. Опросы общественного мнения о работе полиции: методологический анализ инструмента и результатов. Аналитическая справка / под ред. К. Д. Титаева. СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2016.

Knorre A. V., Khodzhaeva E. A. (2016) Public Opinion Polls on the Work of the Police: a Methodological Analysis of the Scientific Instruments and Results. Analytical Reference / ed. By K. D. Titaev. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Ковалев Е. Ж., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М. : Логос, 1999.

Kovalev E. M., Shtejnberg I. E. (1999) Qualitative Methods in Sociological Field Research. Moscow: Logos. (In Russ.)

Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08. [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)]. М., 2014.

Kriventsov P. A. (2014) Latent Crime in Russia: Criminological Research. Diss. Cand. Sci. (Law): 12.00.08. [Kutafin Moscow State Law University (MSLA)]. Moscow. (In Russ.)

Майоров А. В. Современный анализ виктимизации в обществе (на примере Уральского федерального округа) // Виктимология. 2015. № 2(4). С. 59—69.

Mayorov A. V. (2015) Analysis of Modern Society Victimization (on the Example of Ural Federal District). *Victimology*. No. 2(4). P. 59—69. (In Russ.)

Ребий В. А., Васильев Д. В. Влияние нарушений в регистрации заявлений населения в полицию о преступлениях на оценку населением мер, принятых полицией по заявлениям (количественный анализ по видам преступлений) // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (37). С. 57—65.

Rebiy V. A., Vasilyev D. V. (2015) The Impact of Violations in the Registration of Statements of the Population to the Police About Crimes on The Assessment of Measures Taken by the Police by the Population According to the Statements (Quantitative Analysis of the Types of Crimes). *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*. No. 1 (37). P. 57—65. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 18—68.

Rogozin D. M. (2000) Cognitive Analysis of Questionnaire Design in Survey Research. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 18—68. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Мануильская К. М. Как правильно задавать вопросы о профессиональном статусе // Социология 4М. 2007. № 24. С. 130—148.

Rogozin D. M., Manuil'skaya K. M. (2007) How to Ask Questions about Occupational Status Correctly. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 24. P. 130—148. (In Russ.)

Рогозин Д., Мануильская К., Климов И. Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность: Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 11. С. 103—115.

Rogozin D., Manuil'skaya K., Klimov I. (2006) Income Questions Testing. *Socialnaya realnost'*. [Social Reality]. No. 11. P. 103—115. (In Russ.)

Соколов М. М., Казанцев А. Ю. Типы опросов, выборочные смещения и эффекты квоты: результаты эксперимента с трехосновной выборкой в российском мегаполисе // *Экономическая социология*. 2017. № 18(5). С. 87—110.

Sokolov M., Kazantsev A. (2017) Survey Types, Sample Biases and the Effects of Demographic Quotas. The Results of an Experiment with a Three-Frame Survey in a Major Russian City. *Economic Sociology*. Vol. 18. No. 5. P. 87—110. (In Russ.)

Тирских А. А. Негативные тенденции и меры по снижению уровня латентной преступности // *Современность в творчестве вузовской молодежи*. Сборник научных трудов молодых ученых. Иркутск: ВСИ МВД России. 2003. Вып. 5. С. 54—57.

Tirskikh A. A. (2003) Negative Trends and Measures to Reduce the Level of Latent Crime. In: *Modernity in the Work of High School Youth. Collection of Scientific Works of Young Scientists*. Irkutsk: VSI MIA of Russia. Vol. 5. P. 54—57. (In Russ.)

Титаев К. Д. Жертвы тяжкого насилия в современной России. Аналитический обзор. (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2019.

Titaev K. D. (2019) Victims of Severe Violence in Modern Russia. Analytical Review. (Series “Analytical Reviews on Law Enforcement Issues”). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Топоров Б. А. О некоторых подходах к многокритериальному оцениванию деятельности полиции // *Труды Академии управления МВД России*. 2015. № 2(34). С. 42—45.

Toporov B. A. (2015) On Some Approaches to Multi-Criteria Evaluation of Police Activities. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*. No. 2 (34). P. 42—45. (In Russ.)

Панеях Э. Л., Титаев К. Д., Шклярук М. С. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб. : ЕУ СПб, 2018.

Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2018) The Trajectory of the Criminal Case: an Institutional Analysis]. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Франк Л. А. Потерпевшие от преступления и проблемы советской криминологии. Душанбе : Изд-во Ирфон, 1977.

Frank L. A. (1977) Victims of crime and problems of Soviet criminology. Dushanbe: Publishing House Irfon. (In Russ.)

Black D. (1979) Common Sense in the Sociology of Law. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 1. P. 18—27. <https://doi.org/10.2307/2094814>.

Cascardi M., O'Leary K.D. (1992) Depressive Symptomatology, Self-Esteem, and Self-Blame in Battered Women. *Journal of Family Violence*. Vol. 7. No 4. P. 249—259. <https://doi.org/10.1007/BF00994617>.

Catalano S. (2006) The Measurement of Crime: Victim Reporting and Police Recording. New York: LFB Scholarly Publishing.

Groves R., Peytcheva E. (2008) The Impact of Nonresponse Rates on Nonresponse Bias: A Meta-Analysis. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 2. P. 167—189. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn011>.

Janoff-Bulman R., Hanson Frieze I. (1983) A Theoretical Perspective for Understanding Reactions to victimization. *Journal of Social Issues*. Vol. 39. No. 2. P. 1—17. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1983.tb00138.x>.

Klausch T., Hox J., Schouten B. (2017) Evaluating Bias of Sequential Mixed-mode Designs Against Benchmark Surveys. *Sociological Methods & Research*. Vol. 46. No. 3. P. 456—489. <https://doi.org/10.1177/0049124115585362>.

Klausch T., Hox J., Schouten B. (2015) Selection error in single- and mixed mode surveys of the Dutch general population. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 178. No. 4. P. 945—961. <https://doi.org/10.1111/rssa.12102>.

Methodology of the European Crime and Safety Survey. Gallup Europe. (2007 EU ICS working paper series Brussels. URL: http://wp.unil.ch/icvs/files/2012/11/WP_methodology.pdf (accessed: 16.08.2018).

Miller D. T., Porter C. A. (1983) Self-Blame in Victims of Violence. *Journal of Social Issues*. Vol. 39. No. 2. P. 139—152. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1983.tb00145.x>.

O'Neill M.L., Kerig P. K. (2000) Attributions of Self-Blame and Perceived Control as Moderators of Adjustment in Battered Women. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 15. No. 10. P. 1036—1049. <https://doi.org/10.1177/088626000015010002>.

Rennison C., Rand M. (2006) Introduction to the National Crime Victimization Survey. In: *Understanding Crime Statistics: Revisiting the Divergence of the NCVS and the UCR* / ed. by J. P. Lynch, L. A. Addington. Cambridge: Cambridge University Press. P. 17—54.

Titus R. M., Gover A. R. (2001) Personal Fraud: the Victims and the Scams. In: Farrell G., editor, Pease K., editor. *Repeat Victimization: Crime Prevention Studies*. NY: Criminal Justice Press. Vol. 12. P. 133—151.

Ullman S. E. (1996) Social Reactions, Coping Strategies, and Self-Blame Attributions in Adjustment to Sexual Assault. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 20. No. 4. P. 505—526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>.

van Dijk J. (2015) The Case for Survey-Based Comparative Measures of Crime. *European Journal of Criminology*. Vol. 12. No. 4. P. 437—456. <https://doi.org/10.1177/1477370815585446>.

van Kesteren J., van Dijk J. (2010) Key Victimological Findings from the International Crime Victims Survey. In: *International Handbook of Victimology* / ed. by S. G. Shoham, P. Knepper, M. Kett. Boca Raton: CRC Press. P. 151—180.

van Kesteren J., van Dijk J., Mayhew P. (2014) The International Crime Victims Surveys: A Retrospective. *International Review of Victimology*. Vol. 20. No. 1. P. 49—69. <https://doi.org/10.1177/0269758013511742>.

Wagner J. (2012) A Comparison of Alternative Indicators for the Risk of Nonresponse Bias. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 76. No. 3. P. 555—575. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs032>.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.02

Правильная ссылка на статью:

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Поиск многомерной связи категориальных признаков: сравнение CHAID, логлинейного анализа и множественного анализа соответствий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 32—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>.

For citation:

Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N. (2019) In search of multivariate associations: comparison of CHAID, log-linear analysis, and multiple correspondence analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 32—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>.

С. В. Жучкова, А. Н. Ротмистров

ПОИСК МНОГОМЕРНОЙ СВЯЗИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ: СРАВНЕНИЕ CHAID, ЛОГЛИНЕЙНОГО АНАЛИЗА И МНОЖЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА СООТВЕТСТВИЙ

ПОИСК МНОГОМЕРНОЙ СВЯЗИ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ: СРАВНЕНИЕ CHAID, ЛОГЛИНЕЙНОГО АНАЛИЗА И МНОЖЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА СООТВЕТСТВИЙ

IN SEARCH OF MULTIVARIATE ASSOCIATIONS: COMPARISON OF CHAID, LOG-LINEAR ANALYSIS, AND MULTIPLE CORRESPONDENCE ANALYSIS

ЖУЧКОВА Светлана Васильевна — студентка 1 курса магистратуры факультета компьютерных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: iana_job@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Svetlana V. ZHUCHKOVA¹ — Master Student at the Faculty of Computer Science
E-MAIL: iana_job@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

РОТМИСТРОВ Алексей Николаевич — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: alexey.n.rotmistrov@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-2386-8710>

Alexey N. ROTMISTROV¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Associate Professor

E-MAIL: alexey.n.rotmistrov@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-2386-8710>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В работе затрагивается проблема отсутствия разработанных концепций анализа многомерных связей между категориальными признаками при том, что такие признаки и многомерные связи между ними довольно распространены в социологических исследованиях. Об этом свидетельствует ряд методологических работ, в которых делается вывод о необходимости анализа многомерных связей, а не только парных, поскольку многомерные связи не сводятся к набору парных связей. Тем не менее опыт изучения многомерных связей между категориальными признаками в социологии остается довольно ограничен и практически отсутствует его теоретическое обобщение. Настоящим исследованием авторы попытались восполнить этот пробел через сравнение трех методов, подходящих для поиска многомерной связи между категориальными признаками: дерева решений CHAID, логлинейного анализа и множественного анализа соответствий. Сравнение методов происходило на теоретическом и эмпирическом уровнях. Содержательной задачей эмпирического этапа выступило составление портрета типичного представителя электората различных российских политических партий на основе базы восьмой волны Европейского социального исследования, проведенного в 2016 г., и социологического теоретико-методологического подхода к

Abstract. The paper addressed to the problem of the elaborated concepts shortage which deals with the analysis of multivariate associations among categorical variables. Meanwhile, such associations are rather common in sociological research what is argued by a corpus of methodological works. In them, it is grounded the necessity of the analysis of multivariate associations among categorical variables. Nevertheless, sociological experience in such an analysis is pretty poor as well as its theoretical generalization. In this study, we have tried to fill this gap by comparing the three methods: CHAID, log-linear analysis, and multiple correspondence analysis. The methods were compared at both theoretical and empirical levels. The empirical objective was to create a portrait of various Russian political parties' electorate using the data of the European social research conducted in 2016. By bringing the results of the application of methods to the form of categories combinations and by formulating numerical criteria for the comparison, the study allowed to identify the most effective method in two types of analytical tasks: description and forecasting. According to the results of the study, multiple correspondence analysis was the most effective in descriptive tasks, and log-linear analysis was the most effective in forecasting. The latter conclusion contradicts the currently predominating opinion regarding the CHAID's efficiency in cases when a

изучению электорального поведения. Результаты применения этих методов приведены к форме комбинаций категорий; введены числовые критерии сравнения, благодаря чему выделен наиболее эффективный метод в двух типах аналитических задач: описании и прогнозировании. Согласно результатам исследования, в описательных задачах наиболее эффективен множественный анализ соответствий, а в задачах прогноза — логлинейный анализ. Последний вывод противоречит сложившемуся мнению о преимуществе CHAID в случаях наличия в данных какого-либо целевого признака и в связи с этим обладает высокой практической значимостью для дальнейшего развития идеи построения высокоточных прогностических моделей в социологических исследованиях.

Ключевые слова: категориальные переменные, многомерная связь, прогностические модели, электоральное поведение, эффекты взаимодействия

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Обоснование преимуществ поиска эффектов взаимодействия и их учета в социологических регрессионных моделях» (№18-05-0031) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

target variable is presented in data and, therefore, has high practical significance for further development of the idea of building high-precision predictive models in sociological research.

Keywords: categorical variables, electoral behavior, interaction effects, multivariate associations, predictive models

Acknowledgments. The publication has been prepared during the study "Substantiation of the benefits of searching for interaction effects and their consideration in sociological regression models" (№18-05-0031) under "HSE Academic Fund Programme" in 2018 and under the state support programme of leading universities of the Russian Federation "5-100".

Введение

Использование статистических методов характерно для многих областей науки, однако именно в социологических исследованиях, оперирующих данными массовых опросов, преобладают категориальные переменные, которые накладывают ограничения на применение привычных статистических методов. Категориальные переменные — это признаки, измеренные на уровне номинальных или порядковых шкал. Упомянутое ограничение имеет разные проявления: во-первых, к категориальным переменным исходно не применимы многие методы статистического анализа (например, классическая линейная регрессия), во-вторых, в большинстве случаев даже при использовании адаптированных вариантов классических методов (например, регрессии с фиктивными переменными) анализ категориальных признаков заканчивается рассмотрением двумерных связей между ними. Тем не менее методы, позволяющие обнаружить многомерную связь категориальных признаков, существуют, и именно в социологических исследованиях актуальность их использования особенно велика. Эта актуальность обосновывается как теоретическими, так и эмпирическими предпосылками.

Так, впервые эту актуальность обосновали авторы первого алгоритма автоматического поиска взаимодействий, заявив о распространенности в данных массовых опросов интеркорреляций и взаимодействий — двух разновидностей многомерной связи признаков [Morgan, Sonquist, 1963]. При интеркорреляции, или совместной изменчивости (встречаемости) признаков, становится невозможно «разделить» их и определить вклад каждого при моделировании какого-либо явления. Взаимодействие — иной случай проявления многомерной связи — возникает, когда вклад каких-либо предикторов (независимых переменных) в отклик (зависимую, целевую переменную) опосредуется другой переменной, изменяется при ее введении. В обоих случаях речь идет об учете трех и более переменных сразу. Обозначив множество примеров интеркорреляций и взаимодействий в эмпирических исследованиях, авторы связали распространенность многомерных связей с понятием «латентного признака»: зачастую необходимые в социальных науках признаки невозможно измерить напрямую, а наблюдаемые индикаторы представляют собой лишь индикаторы латентных переменных — тогда именно совместное рассмотрение индикаторов и позволяет изучить необходимый теоретический конструкт.

Кроме того, необходимость рассмотрения именно многомерных связей имеет свое обоснование и в самой статистике: при анализе агрегированных, двумерных данных исследователь рискует столкнуться с парадоксом Симпсона — явлением, при котором связь между признаками «исчезает» или меняет свой характер на противоположный, если в анализе не учтены важные переменные [Simpson, 1951]. Примеры проявления парадокса можно встретить во множестве исследований из области демографии, образования, психологии, социологии, экономики [Kievit et al., 2013; Goltz, Smith, 2010; Fabris, Freitas, 2006]. Существование парадокса Симпсона свидетельствует о том, что отказ от рассмотрения многомерной связи может обернуться неверными или неполными выводами, а следовательно, и смещенными представлениями об изучаемой социальной реальности. Однако несмотря на обозначенные аргументы в пользу анализа многомерной связи кате-

гориальных признаков, использование соответствующих методов в эмпирических исследованиях — скорее исключение, чем правило. Отчасти такое противоречие может быть объяснено отсутствием универсальной концепции многомерного анализа категориальных данных (известные методы существенно различаются своими алгоритмами и реализацией, поэтому только аналитик, владеющий обширным арсеналом методов поиска многомерных связей, может ставить перед собой задачи их поиска), а также тем, что возможности и ограничения существующих методов в подобных задачах остаются не изучены и не обобщены.

Целью настоящего исследования стало комплексное сравнение трех методов поиска многомерной связи категориальных признаков: дерева решений CHAID, логлинейного анализа и множественного анализа соответствий. Выбранные методы хотя и основаны на расчете одинакового статистического критерия (хи-квадрата), однако значительно различаются алгоритмом поиска связи внутри таблицы сопряженности. Приведение результатов применения методов к форме комбинаций категорий и введение числовых критериев сравнения позволило выделить наиболее эффективный метод в двух типах аналитических задач: описании и прогнозировании. Содержательной задачей в исследовании выступило составление портрета типичного представителя электората различных политических партий по российским данным восьмой волны Европейского социального исследования 2016 г. и его интерпретация в категориях социологического анализа электорального поведения.

Описание и теоретическое сравнение методов

Для исследования были отобраны три наиболее доступных метода поиска многомерной связи категориальных признаков: дерево решений CHAID, логлинейный анализ и множественный анализ соответствий. Основанием для выбора методов стал заложенный в них статистический критерий — хи-квадрат, универсальный инструмент для статистического сравнения нескольких распределений и анализа таблиц сопряженности. Каждый из методов включает в себя расчет указанного критерия, однако задачи, выполняемые ими, вид получаемых результатов и области применения методов существенно различаются. Так, множественный анализ соответствий используется для визуализации «похожести» категорий изучаемых признаков и часто встречается в маркетинговых исследованиях; логлинейный анализ используется для моделирования частот в ячейках таблицы сопряженности, позволяет получить результат в виде соответствующего уравнения с откликом-частотой и распространен главным образом в эконометрике; CHAID, наиболее универсальный из трех методов, используется для множества задач (кластеризации, классификации, регрессии, поиска взаимодействий) и применяется в различных областях социальных и компьютерных наук. В основе всех перечисленных различий находятся разные алгоритмы поиска связи, реализуемые внутри каждого метода. Рассмотрим подробнее, что они из себя представляют.

Дерево решений CHAID

Принцип любого алгоритма построения деревьев решений — разбить имеющуюся выборку на группы по какому-либо основанию. В CHAID таким основани-

ем становится связь предикторов и отклика, и алгоритм нацелен на максимизацию этой связи через отбор предикторов с наибольшим значением статистики хи-квадрат.

На первом этапе работы алгоритма рассматриваются двумерные таблицы сопряженности между откликом и каждым предиктором. В каждой таблице вычисляется значение хи-квадрата, и предиктор, для которого в паре с откликом это значение оказывается наибольшим¹, становится первым из разделяющих, образует первый ярус дерева. Следующей задачей для машины становится объединение в узел таких категорий этого предиктора, связь которых с откликом одинакова (статистически значимо не различается). Математически это происходит через расчет того же хи-квадрата в таблицах, где представлены все категории отклика и отдельные пары категорий предиктора (если в такой таблице статистика не значима — рассматриваемая пара категорий объединяется). Причем в случае, когда предиктор измерен на уровне номинальной шкалы, объединяться категории могут в любом порядке, если же речь идет о переменных порядкового типа и выше — объединяться могут только соседние категории. Наконец, после объединения необходимых категорий рассматриваемого предиктора алгоритм «спускается» на ярус ниже — переходит к повторению всех описанных этапов уже в каждом из полученных узлов: снова рассматривает все возможные предикторы и их связь с откликом, выбирает из них наиболее сильно связанный, при необходимости объединяет категории этого предиктора в узлы. На этом этапе можно говорить о рассмотрении именно многомерной связи, поскольку теперь учитывается не только текущий предиктор, но и предиктор, который был выделен ранее — иными словами, теперь рассматривается условное распределение отклика. Описанные шаги повторяются в новых узлах, и построение дерева заканчивается либо естественным образом — в случае, когда значимо связанных с откликом предикторов не остается в наборе данных, либо по воле исследователя — когда достигнуты заданные глубина дерева (число ярусов) или минимальный объем наблюдений в узле. Итогом анализа становится схема в виде дерева.

Узлы, из которых не исходят другие узлы, называются терминальными, и именно они представляют наибольший интерес для исследователя: эти узлы содержат информацию о полученных группах наблюдений, включая признаки, по которым эти группы можно описать, и распределение отклика внутри этих групп, описывающее характер связи между ним и выделенными признаками. Подробное описание алгоритма CHAID можно найти в [Ritschard, 2013].

Логлинейный анализ

Задача алгоритма в логлинейном анализе — смоделировать частоты в многомерной таблице сопряженности через частоты отдельных категорий признаков и комбинаций этих категорий. Так, «на вход» метода подается таблица профилей — всех возможных комбинаций категорий переменных, в которой также ука-

¹ Строго говоря, учитывается не абсолютное значение хи-квадрата, а значение p-value — величины, нормирующей хи-квадрат на количество категорий и позволяющей таким образом сравнивать переменные с разным их числом. Разделяющей становится переменная с наименьшим p-value (что часто, но не всегда соответствует наибольшему хи-квадрату).

зываются частоты, с которыми эти комбинации встречаются. Вопрос, который стоит за процедурой проведения логлинейного анализа, заключается в следующем: почему конкретная комбинация признаков встречается именно столько раз? Обусловлено ли это только особенностями формирования выборки или же конкретным категориям действительно свойственно «встречаться вместе» (или, напротив, не свойственно)? Логлинейный анализ способен разграничивать эти ситуации — определять, какой вклад в формирование частоты некой комбинации вносят частоты составляющих эту комбинацию категорий по отдельности, попарно, по трое и т. д. Каждый такой вклад называется эффектом. Кроме того, выясняется направление эффектов: каким категориям свойственно встречаться вместе, а какие как бы отталкиваются друг от друга.

Каждый эффект представляет собой числовое значение (коэффициент уравнения), соответствующее параметру распределения Пуассона и вычисляемое по специальным формулам после логарифмирования моделируемых частот (подробнее см. [Vermunt, 2005]). При этом расчет параметров для построения модели происходит в строгой последовательности: вначале рассчитываются одномерные эффекты, затем на их основании рассчитываются двумерные, далее с учетом одномерных и двумерных эффектов рассчитываются трехмерные и т. д. — таким образом, каждый эффект уже «учитывает» вклады, которые приходятся на эффекты более низких уровней, и «объясняет» только то отклонение, которое не было «объяснено» предыдущими эффектами. С помощью расчета стандартной ошибки полученные значения эффектов можно ранжировать по силе, разграничив при этом статистически значимые и незначимые эффекты. Наконец, значимые эффекты интерпретируются содержательно: главные, или одномерные, эффекты идентифицируют смещения в распределении исходных переменных, т. е. указывают на особенности выборки, а не на связь признаков, а эффекты второго и выше уровней содержат информацию о двумерной или многомерной связи конкретных категорий переменных соответственно. При этом каждый эффект виртуально сравнивает частоту с базовой частотой, которая находилась бы в ячейке таблицы в случае отсутствия связи между категориями признаков (или в случае отсутствия значимых смещений в распределении — если речь идет об одномерных эффектах).

Статистика хи-квадрат в логлинейном анализе используется для предварительной процедуры отбора нужной спецификации модели. Модель, в которую включены все возможные эффекты (насыщенная модель), на практике оказывается мало полезна, поскольку не учитывает, что некоторые колебания частот могут быть случайными, несущественными. Для восполнения этого недостатка перед расчетом параметров отбирается модель, которая содержит наименьшее число эффектов и при этом все еще не значимо отклоняется от имеющихся данных — и оценка значимости этого отклонения происходит через оценку значимости хи-квадрата. Так, после выбора нужной спецификации, машина моделирует уже не исходные эмпирические частоты, а так называемые ожидаемые — частоты, «очищенные» от лишних колебаний, которые не объясняются никакими эффектами. Полная пошаговая схема применения логлинейного анализа представлена, например, в [Tabachnick, Fidell, 2012].

Множественный анализ соответствий

Суть анализа соответствий состоит в расположении категорий на карте соответствий: похожих близко, а непохожих — далеко. «Похожесть» определяется как сходство условных распределений признаков. При этом в методе предполагается процесс снижения размерности — переход от исходного числа анализируемых категорий переменных к меньшему числу агрегированных измерений-осей, в связи с чем метод часто определяют как аналог метода главных компонент, применяемый к категориальным переменным [Franco, 2016].

Множественный анализ соответствий ориентирован на особый тип таблицы сопряженности — матрицу Берта² [Greenacre, Blasius, 2006]. В ней по строкам и столбцам располагаются категории всех анализируемых переменных — так, что матрица оказывается симметричной, в итоге включает в себя несколько одинаковых таблиц сопряженности, а по диагонали у нее располагаются безусловные частоты категорий. К этой таблице далее применяется «простой» анализ соответствий, и на первом шаге рассчитывается инерция — нормированная на сумму частот в матрице величина хи-квадрата.

В дальнейшем алгоритм использует не абсолютные частоты из матрицы, а относительные частоты, которые формируют профили строк и столбцов. Профиль — это вектор, или набор значений относительных частот каждой строки и каждого столбца матрицы. Средний профиль по строке и столбцу отражает «центр тяжести» — начало координат будущего пространства. Кроме самих профилей, в построении модели задействован и показатель массы строк и столбцов матрицы, который вычисляется как доля соответствующей категории относительно общей частоты.

После получения профилей строк и столбцов матрицы, а также их масс, алгоритм переходит к расчету расстояния хи-квадрат между профилями. Эта процедура похожа на привычный расчет хи-квадрата в таблице сопряженности с тем отличием, что вместо абсолютных частот используются относительные (образующие профили), наблюдаемыми частотами считаются профили одной строки (столбца), ожидаемыми — профили другой строки (столбца), а поправка идет на средний профиль строки или столбца. С помощью полученных расстояний можно альтернативным способом представить инерцию, и тогда она обретает физический смысл — показывает, насколько в целом точки далеки от имеющегося центра тяжести, т. е. насколько профили строчных и столбцовых категорий отличаются от среднего профиля по строкам и столбцам соответственно. Затем с помощью процедуры сингулярного разложения инерции находится некоторое пространство, оптимальным образом описывающее точки, используемые в матрице. В ходе этого процесса точкам задаются координаты в найденных осях, согласованные с ранее полученным расстоянием, а также рассчитываются показатели качества модели — доля объясненной инерции и разнообразные вклады осей и точек в инерцию, которые затем используются для интерпретации найденных связей. Наконец, с помощью рассчитанных координат строится искомая карта. Формально-математическая составляющая всего описанного процесса представлена в [Greenacre, 2007].

² Существует также реализация множественного анализа соответствий с использованием другого вида таблицы — индикаторной матрицы. Однако этот вариант метода рассчитан на анализ связи объектов, а не категорий, поэтому в этой статье не рассматривается.

Теоретическое сравнение методов

В каждом из методов используется существенно отличный от остальных алгоритм поиска связи, однако можно обнаружить и основания для их сравнения. Как уже было отмечено, главное общее основание заключается в анализе таблиц сопряженности, основанном на расчете статистики хи-квадрат. Но принципы анализа этих таблиц посредством статистики хи-квадрат в каждом методе свои. Так, в CHAID анализируются привычные двумерные таблицы сопряженности, но соответствующие конкретным условным распределениям, множественный анализ соответствий на входе имеет матрицу Берта, объединяющую несколько двумерных таблиц сопряженности, и лишь логлинейный анализ работает с полной многомерной таблицей. Чтобы детально рассмотреть различие этих принципов, мы предлагаем четыре критерия теоретического сравнения методов. Различие именно по этим критериям, на наш взгляд, ведет к получению неодинаковых результатов при применении рассматриваемых методов к одним и тем же данным.

1. **Понимание самой связи — формальное и содержательное.** Формально в CHAID многомерная связь обнаруживается в терминальных узлах дерева, т. е. в тех условных распределениях, в которых статистика хи-квадрат между откликом и предиктором оказывается значимой. Содержательно эта многомерная связь интерпретируется как «склонность» категорий встречаться совместно чаще или реже, чем в случае отсутствия связи между ними. Аналогичным образом можно интерпретировать и многомерную связь, найденную с помощью логлинейного анализа, но формально она выявляется по-другому — через расчет параметров распределения Пуассона. Во множественном анализе соответствий связанными оказываются те категории, расстояние хи-квадрат между профилями которых минимально. Поскольку профиль в контексте множественного анализа соответствий — это относительные частоты какой-либо категории «в разрезе» категорий других признаков, то содержательно близость координат двух категорий означает сходство их условных распределений.
2. **Способность разделять переменные по уровню измерения и роли в анализе.** С этой точки зрения «выделяется» CHAID: он требует обязательно наличия в данных какого-либо отклика, а также адаптирует используемые статистики под разные типы шкал отклика и изменяет объединение категорий предиктора в узлы в зависимости от типов шкал предикторов. В отличие от CHAID, оставшиеся методы рассматривают все переменные «на одном уровне», не разделяя на отклик и предикторы, и анализируют их исключительно как номинальные. Однако это нельзя назвать недостатком этих методов: и в логлинейном анализе, и во множественном анализе соответствий исследователь может ограничиться интерпретацией только тех многомерных комбинаций, которые включают в себя интересующий отклик. Тем не менее практики использования всех трех методов сложились таким образом, что CHAID (как и прочие модели деревьев решений) традиционно противопоставляется другим методам поиска многомерной связи как метод, который наилучшим образом подходит в ситуации наличия в данных некоторого отклика [Agresti, 2002; Han, Kamber, Pei, 2012; Tabachnick, Fidell,

2012; Ratner, 2017]. Более того, практика поиска дополнительных многомерных предикторов для предсказательных моделей распространяется только на различные алгоритмы деревьев решений (такой подход глубоко распространен в компьютерных науках в рамках так называемой feature engineering — работы по отбору признаков [Ratner, 2017], однако почти не применяется в социологии). По указанным причинам рассматриваемые методы в целом крайне редко сравниваются друг с другом.

3. **Возможность производить статистический вывод о связи признаков и их категорий (показатели частного качества модели).** Статистические выводы из сравниваемых методов различаются по степени «глубины»: CHAID и логлинейный анализ позволяют оценивать значимость выявленных связей наиболее «глубоко» — через оценку значимости связи не только отдельных переменных из всего набора, но и конкретных комбинаций их категорий. В CHAID это реализуется с помощью оценки значимости стандартизованных остатков, а в логлинейном анализе — значимости параметров модели (эффектов) или стандартизованных остатков. Благодаря этому исследователь получает возможность не только выявлять значимые комбинации, но и ранжировать их по силе связи. В отличие от этих двух методов, множественный анализ соответствий позволяет статистически оценить наличие связи во всем наборе переменных в целом — и только ее — через оценку значимости хи-квадрата в матрице Берта. С одной стороны, это открывает более широкие возможности для поиска многомерных комбинаций, с другой — затрудняет анализ и интерпретацию в связи с тем, что у исследователя не имеется какого-либо индикатора для выбора наиболее существенных из них.
4. **Показатели общего качества модели.** В CHAID как методе классификации показателем общего качества модели оказывается процент правильных предсказаний категорий отклика (и прочие аналогичные метрики). Однако значения подобных показателей не всегда непосредственно соотносятся с результатом применения CHAID как метода поиска взаимодействий. В логлинейном анализе о приемлемом качестве модели свидетельствует незначимое отклонение смоделированных частот от эмпирических. Наконец, наиболее легко интерпретируемым показателем общего качества модели обладает множественный анализ соответствий — в нем в этой роли выступает доля объясненной инерции. Так как инерция в этом методе — это нормированная величина хи-квадрата в матрице Берта, то указанная метрика в самом явном виде показывает, насколько «успешно» удалось эту связь описать.

Методология исследования

Как было отмечено, отсутствие единой концепции анализа многомерной связи категориальных признаков, предположительно, служит одной из причин слабой распространенности подобного анализа в социологических исследованиях — хотя именно для этой предметной области такие связи наиболее характерны. Целью исследования стало сравнение возможностей выбранных методов в решении двух

широких типов аналитических задач: описании и прогнозировании. Представим поэтапно процедуру проведения этого сравнения.

1. Выбор и подготовка переменных для анализа. Поскольку генерирование многомерных связей должно опираться на конкретный алгоритм поиска этой связи (а как мы показали выше, алгоритмы в трех сравниваемых методах существенно различаются), в своем исследовании мы используем реальные, а не сгенерированные данные. Выбор же самого предмета для иллюстрации сравнения методов ограничивается двумя обстоятельствами: во-первых, согласно требованию CHAID, в данных должен присутствовать какой-либо отклик; во-вторых, обращаться следует к такому феномену, для которого существуют теоретические основания к поиску многомерной связи. Таким феноменом в настоящей работе стало электоральное поведение, в теоретических и эмпирических работах по изучению которого содержится множество указаний и примеров наличия такой связи. Откликом стало голосование респондента за определенную партию на выборах в Государственную думу 2016 г., а набор предикторов составили переменные, соответствующие так называемому социологическому теоретико-методологическому подходу к изучению электорального поведения [Мелешкина, 2001]. Согласно этому подходу, выбор избирателя объясняется его принадлежностью к некоторой социальной группе и выражением солидарности с ней (цит. по: [Голосов, 1997]), а в эмпирических исследованиях предикторами выступают различные социально-демографические, профессиональные и экономические характеристики респондентов [Страхов, 2000]. В силу естественных ограничений на возможное число используемых переменных, в настоящем исследовании предикторами послужили шесть признаков: пол, возраст, уровень образования респондента, тип населенного пункта, в котором он проживает, характер его трудовых отношений и самооценка дохода его семьи. Для того чтобы избежать искажений, связанных с наличием нулевых частот в ячейках многомерной таблицы сопряженности, было введено следующее требование к подготовке выбранных переменных: при наличии больших смещений в распределении (если доли каких-либо категорий переменных составляли меньше 5% от выборки), схожие по смыслу категории этих переменных должны были быть сгруппированы таким образом, чтобы все итоговые категории были представлены не менее чем 5% наблюдений и при этом итоговая многомерная таблица содержала не более 6000 ячеек (такое число связано с техническими ограничениями, определяющими возможность расчета параметров модели в логлинейном анализе и время этого расчета). Переменные в итоговом виде представлены в табл. 1. Источником данных стала база Европейского социального исследования 2016 г., содержащая все необходимые переменные³.

³ ESS Round 8: European Social Survey Round 8 Data. (2016) Data file edition 2.0. NSD — Norwegian Centre for Research Data, Norway — Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

Таблица 1. **Информация об используемых переменных**

Переменная	Итоговые категории
За какую партию Вы проголосовали на выборах в Госдуму в сентябре 2016 г.?	«Единая Россия» КПРФ «Справедливая Россия» ЛДПР Другие*
Пол	Мужской Женский
Возраст	= < 35 лет 36—54 лет >= 55 лет
Тип населенного пункта	Большой город или его окраина Небольшой город или поселок городского типа Сельская местность, ферма, хутор
Уровень образования	Основное общее и ниже Среднее общее Начальное профессиональное Среднее профессиональное Высшее профессиональное или ученая степень
Характер трудовых отношений	Наемный работник Работает не по найму Не работает
Самооценка уровня дохода семьи	Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений Этого дохода нам в принципе хватает Жить на такой доход довольно трудно Жить на такой доход очень трудно

* К этой категории были отнесены партии, не получившие в 2016 г. мест в Госдуме: «Родина», «Гражданская сила», «Коммунисты России», «Яблоко», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Патриоты России», «Зеленые», «Гражданская платформа», Партия народной свободы (Парнас), Партия роста.

2. Применение методов и получение первичных результатов. Стратегии применения выбранных методов могут сильно варьироваться, поскольку в каждом из них предусмотрена процедура отбора конкретной спецификации модели — и выбор ее итогового варианта так или иначе зависит от самого исследователя. В настоящем исследовании использовались такие стратегии, которые потенциально позволяют обнаружить максимально возможное число многомерных связей. Так, при применении логлинейного анализа были учтены результаты построения как насыщенной, так и редуцированных моделей [Tabachnick, Fidell, 2012]. При использовании CHAID применялись методики, направленные на получение максимально разветвленного, но при этом устойчивого дерева: это исключение пропущенных значений [Жучкова, Ротмистров, 2018], работа с поправкой Бонферонни [Ritschard, 2013], проведение проверки на непереобученность с помощью процедуры кросс-валидации. При реализации множественного анализа соответствий была выбрана модель, объясняющая не менее половины исходной инерции, а для интерпретации самих осей и положения точек в них было снижено пороговое значение показателя корреляции точки с осью — им стала средняя корреляция для всех категорий переменной о политических партиях по всем осям.

3. Приведение полученных результатов к единой форме. В силу описанных ранее отличий методов для их последующего сравнения мы предлагаем процедуру «стандартизации» их результатов за счет приведения этих результатов к форме комбинаций категорий признаков. Таким образом, **многомерная связь категориальных признаков** определяется нами как комбинация категорий трех и более переменных, которым свойственно или не свойственно «встречаться вместе» по результатам применения конкретного метода. Для CHAID и логлинейного анализа это означает, что категориям свойственно совместно наблюдаться чаще или реже, чем в случае отсутствия связи, а для множественного анализа соответствий — что категориям свойственно или не свойственно иметь высокую корреляцию с полюсами оси. Поскольку в явном виде такие комбинации можно обнаружить только в логлинейном анализе, в двух других методах мы прибегаем к дополнительным процедурам для их выявления: в CHAID производится расчет стандартизованных остатков хи-квадрата в терминальных узлах дерева и отбор только значимых из них, а во множественном анализе соответствий — расчет уже упомянутых аналогов факторных нагрузок (показателей корреляции точки с осью) по алгоритму, предложенному в [Шафир, 2011], отбор наиболее тесных связей и объединение их в комбинации категорий.

Подобное приведение результатов применения методов к форме комбинаций категорий позволяет операционализировать и понятия «описания» и «прогнозирования» в контексте использования выбранных методов. Так, под описанием понимается способность метода выделять максимально «насыщенные», многомерные комбинации, т. е. такие, с помощью которых можно наиболее полно описать какую-либо группу наблюдений и ее содержательно проинтерпретировать. Под прогнозированием понимается способность метода выделять такие комбинации признаков, с помощью которых можно с наибольшей точностью предсказывать категории одной из анализируемых переменных. На практике для последней задачи в абсолютном большинстве случаев используется CHAID, а два других метода даже не рассматриваются — в силу того, что эти методы не способны разделять переменные на отклик и предикторы. Однако, как уже было отмечено, это обстоятельство не является ограничением: в каждом из методов можно рассматривать только те комбинации, которые содержат категории гипотетического отклика.

Исходя из проведенного теоретического сравнения методов, мы выдвинули две основные гипотезы об эффективности тех или иных методов в решении двух упомянутых задач:

(1) С точки зрения **описания** наиболее «насыщенные» результаты будет давать логлинейный анализ, поскольку этот метод исходно анализирует все возможные комбинации категорий переменных на всех уровнях. В отличие от него CHAID всегда ограничен первой разделяющей дерево переменной (следовательно, анализирует не все возможные комбинации категорий), а множественный анализ соответствий в целом не содержит эксплицитных указаний на значимость эффектов тех или иных комбинаций.

(2) С точки зрения **прогнозирования** лучшие результаты покажет CHAID, поскольку этот метод исходно нацелен на поиск взаимодействий (а не интеркорреляций, как два других), разграничивая роли отклика и предикторов. Иными словами,

поскольку CHAID действует в контексте конкретного отклика, этот метод исходно ориентирован именно на его предсказание.

4. Расчет числовых критериев сравнения. Для проверки гипотез используются следующие числовые критерии сравнения: при описании — число и размерность получаемых комбинаций признаков, где размерность — это среднее число переменных, участвующих в найденных комбинациях, при прогнозировании — значение псевдокоэффициента детерминации (псевдо- R^2) во вспомогательных моделях мультиномиальной логистической регрессии, в которой откликом выступает переменная о выборе определенной политической партии, а предикторами — найденные с помощью каждого метода комбинации⁴. Кроме того, поскольку методы не имеют единого показателя качества модели, в своем исследовании мы вводим дополнительный числовой критерий — это доля наблюдений из выборки, описанных найденными комбинациями. В отличие от указанных ранее критериев, этот показатель позволяет в целом оценить «охват» найденной многомерной связи, а не ее отдельные свойства. Эталоном по этому критерию выступает CHAID — метод, для которого такая доля исходно равна 100%. Использование всех указанных критериев, таким образом, позволяет в полной мере охарактеризовать найденную многомерную связь и в удобном виде сравнить используемые методы.

Результаты исследования

В целом попытку рассмотреть портрет российских политических партий в «многомерном» разрезе можно признать успешной: в данных, описывающих российские выборы 2016 г., действительно удалось обнаружить множество комбинаций признаков (65 комбинаций, описывающих группы, которым более или менее свойственно голосовать за определенные партии), однако описательные возможности методов существенно различаются.

Таблица 2. Число и размерность найденных комбинаций признаков

Метод	Логлинейный анализ	CHAID	Множественный анализ соответствий
Число комбинаций	23	14	28
Размерность комбинаций	2,1	2,9	3,7
95% доверительный интервал для размерности	1,96—2,24	2,54—3,26	3,31—4,09

Вернемся к первой гипотезе: «С точки зрения **описания** наиболее «насыщенные» результаты будет давать логлинейный анализ...». Результаты применения методов дают основания отвергнуть эту гипотезу (см. табл. 2). Так, объективно среди всех методов наиболее «насыщенные» результаты были получены с помощью **множественного анализа соответствий**: во-первых, с его помощью было выделено наибольшее число комбинаций-эффектов; во-вторых, размерность найденных

⁴ При этом во избежание смещения оценок регрессионных коэффициентов из моделей были удалены комбинации, охватывающие менее 30 наблюдений, а также тесно скоррелированные сочетания (с коэффициентом корреляции Пирсона выше 0,7 по модулю).

комбинаций для множественного анализа соответствий статистически значимо превышает таковую для двух других методов. Таким образом, множественный анализ соответствий позволяет получить и более глубокую интерпретацию существующих связей. Однако следует отметить, что с этими результатами связаны как минимум три ограничения.

Во-первых, размерность выявляемых в рамках множественного анализа соответствий комбинаций полностью зависит от тех пороговых значений, которые выставляет исследователь при интерпретации аналогов факторных нагрузок: в нашем случае порог был достаточно низким (0,242 — средняя нагрузка для категорий переменных о партии), что и позволило выделить пятимерные (а учитывая также сами категории отклика — шестимерные) связи.

Во-вторых, чем более многомерными оказываются выявленные комбинации, тем труднее становится с их помощью описать весь имеющийся объем выборки, т. е. обнаружить респондентов, которые сочетали бы в себе все выявленные признаки. Это иллюстрируют и полученные результаты: комбинации, выявленные с помощью множественного анализа соответствий, описывают наименьшую долю наблюдений в выборке — 51 % по сравнению с 92 % наблюдений, описанных эффектами из логлинейного анализа, и 100 % наблюдений, описанных терминальными узлами CHAID и принятых исходно за эталон (см. табл. 3).

Таблица 3. Доля наблюдений, описанных найденными комбинациями

Метод	Логлинейный анализ	CHAID	Множественный анализ соответствий
Доля наблюдений	92 %	100 %	51 %
95 % доверительный интервал для доли	91—93 %	100 %	49—53 %

Наконец, в-третьих, как отмечено и в самой гипотезе, несмотря на содержательную насыщенность результатов множественного анализа соответствий, степень «уверенности» в них остается неопределенной, поскольку в методе не предусмотрено построение статистического вывода о значимости найденных эффектов. Однако это ограничение компенсируется за счет второго этапа сравнения — оценки прогностической способности найденных эффектов с помощью мультиномиальной логистической регрессии.

Для проверки второй гипотезы, посвященной этому этапу: «с точки зрения **прогнозирования** лучшие результаты покажет CHAID...» — были построены четыре модели мультиномиальной логистической регрессии с откликом про политические партии (опорной категорией была выбрана «Единая Россия»): одна модель (далее — исходная), которая в качестве предикторов содержит исходные переменные в виде наборов фиктивных переменных, и три модели, в каждой из которых предикторами выступают найденные с помощью выбранных методов комбинации.

Первая модель, содержащая только главные эффекты, использовалась, чтобы в целом оценить разницу между прогностической способностью одномерных

и многомерных эффектов — иными словами, чтобы понять, существует ли вообще потенциал использования именно многомерных связей для предсказания рассматриваемого отклика. Как было упомянуто, в качестве меры для сравнения результатов были использованы показатели псевдо- R^2 : они, в отличие от процента правильных предсказаний, учитывают неокругленные значения исходных и предсказанных моделью вероятностей (а следовательно, точнее иллюстрируют прогностическую способность предикторов), а также оказываются менее чувствительны к смещениям в распределении отклика [Field, 2009]. Рассчитанные показатели приведены в табл. 4.

Таблица 4. Показатели псевдо- R^2

Псевдо- R^2	Исходная модель	Модель с эффектами		
		MCA	CHAID	LLA
Кокса и Снелла	0,124	0,053	0,103	0,181
Нагелькерке	0,139	0,06	0,115	0,203
95% доверительный интервал для псевдо- R^2 Нагелькерке	0,11—0,153	0,023—0,071	0,092—0,144	0,175—0,217
Макфаддена	0,059	0,024	0,049	0,089

Эти показатели были дополнительно оценены статистически с помощью расчета доверительных интервалов через процедуру bootstrap (для псевдо- R^2 Нагелькерке интервальная оценка представлена в табл. 4), и из результатов следует, что лишь одна из моделей — с эффектами, обнаруженными с помощью **логлинейного анализа**, — по своей прогностической способности превосходит модель с одномерными эффектами, и этой же модели в целом соответствуют наивысшие показатели псевдо- R^2 .

Этот результат позволяет сделать несколько важных методологических выводов. Во-первых, вторая гипотеза, в рамках которой лучшие результаты приписывались методу CHAID, также **не подтвердилась** — и это **противоречит** сложившейся практике использования CHAID как метода, наиболее подходящего к случаю наличия в наборе переменных какого-либо отклика. Согласно полученным результатам, среди рассматриваемых методов логлинейный анализ, а не CHAID, смог выявить комбинации, наилучшим образом предсказывающие выбранный отклик. Предположительное объяснение такому «противоречию» может быть следующим: практика перехода после методов поиска многомерной связи к использованию выявленных комбинаций в регрессионном уравнении очень слабо распространена, в связи с чем реальный потенциал использования этого метода в задачах прогноза до сих пор мог быть не выявлен, а потому — и недооценен. Объяснение же самому факту «превосходства» логлинейного анализа отчасти уже было дано в первой гипотезе: CHAID всегда рассматривает ограниченное число комбинаций

из всех возможных — по той причине, что анализирует последовательно только выделенные условные распределения. В отличие от него логлинейный анализ рассматривает все возможные комбинации категорий переменных на всех уровнях, не ограничиваясь каким-то заранее выделенным «путем». Следовательно, логлинейный анализ потенциально может выявить больше значимых многомерных комбинаций.

Во-вторых, неуверенность в результатах применения множественного анализа соответствий в связи с отсутствием в методе процедуры статистического вывода оправдалась: хотя выявленные комбинации и получились наиболее «насыщенными» из всех, их предсказательная способность оказалась невысокой — по этому критерию метод показал худшие результаты. Связь категорий в выделенных с помощью этого метода комбинациях слабо распространяется на генеральную совокупность.

В-третьих, тот факт, что модель с эффектами из логлинейного анализа по своему качеству значимо превзошла, в том числе, исходную модель с одномерными эффектами, подтверждает потенциал использования многомерных связей в изучении электорального поведения.

Наконец, следует и содержательно проинтерпретировать полученные результаты. Так как в общей сложности было выявлено более 60 многомерных комбинаций, ограничимся интерпретацией лишь тех из них, которые в рамках каждого из трех методов оказались наиболее наполненными, значимыми в регрессии и при этом соответствовали бы как положительным, так и отрицательным значениям регрессионных коэффициентов. В контексте построенных регрессионных моделей, в которых опорной категорией выступила партия «Единая Россия», отрицательные коэффициенты будут повышать вероятность проголосовать за эту партию, а положительные — за некоторую другую.

Так, **повышает** вероятность проголосовать на выборах за «Единую Россию» принадлежность россиян к группам, которые образуются следующими комбинациями признаков:

- «наемный работник», «дохода в принципе хватает» (по результатам логлинейного анализа, 34 % выборки). Причем для таких респондентов особо нехарактерно голосовать за «Справедливую Россию» и ЛДПР;
- «женщина», «менее 55 лет», «работает», «не имеет высшего образования» (по результатам CHAID, 16 % выборки). Для таких респондентов особо не характерно голосовать за КПРФ;
- «женщина», «проживает в большом городе», «наемный работник» (по результатам множественного анализа соответствий, 20 % выборки). Причем для таких респондентов нехарактерно голосование за КПРФ и ЛДПР.

Напротив, **понижает** вероятность проголосовать на выборах за «Единую Россию» принадлежность россиян к группам, которые образуются следующими комбинациями признаков:

- «проживает в большом городе», «имеет высшее образование или ученую степень» (по результатам логлинейного анализа, 17 % выборки). Таким респондентам в большей степени свойственно голосовать за «Справедливую Россию» или за партии, которые в 2016 г. не получили мест в Госдуме;

- «мужчина», «старше 55 лет» (по результатам CHAID, 10% выборки). Таким респондентам в большей степени свойственно голосовать за КПРФ или за партии, которые в 2016 г. не получили мест в Госдуме;
- «женщина», «старше 55 лет», «проживает в большом городе», «имеет высшее образование или ученую степень» (по результатам множественного анализа соответствий, 3% выборки). Как и в предыдущей модели, таким респондентам в большей степени свойственно голосовать за КПРФ или за партии, которые в 2016 г. не получили мест в Госдуме.

Примечательно, что интерпретация даже этих шести эффектов позволяет сделать некоторые содержательные выводы. Так, в целом полученные комбинации соотносятся с двумя наиболее распространенными стереотипами о составе электората партий «Единая Россия» и КПРФ: первые три из перечисленных эффектов соответствует портрету работника бюджетных организаций, который может голосовать за правящую партию в силу действий административного ресурса, а последние два эффекта описывают людей старшего возраста, — каким предстает типичный избиратель КПРФ в глазах общественности. Тем не менее представленные в тексте эффекты — лишь десятая часть от всех полученных результатов, и для составления более детального портрета электората партий следует проинтерпретировать их все — такая задача, однако, находится за рамками настоящего исследования.

В целом эффекты, выделенные разными методами, не противоречат друг другу, а скорее дополняют, уточняют один другой. Конкретные вероятности проголосовать за ту или иную партию при принадлежности к указанным группам приведены в табл. 5.

Таблица 5. Выделенные комбинации признаков

Метод	Логлинейный анализ	CHAID	Множественный анализ соответствий
Комбинация 1: наиболее наполненная значимая комбинация с отрицательным коэффициентом (<i>повышает вероятность проголосовать за «Единую Россию»</i>)	Наемный работник, дохода в принципе хватает	Женщина, менее 55 лет, работает, не имеет высшего образования	Женщина, проживает в большом городе, наемный работник
Доля наблюдений, описанных комбинацией 1	0,34	0,16	0,2
Вероятность проголосовать за «Единую Россию» при комбинации 1	71%	77%	72%
Вероятность проголосовать за КПРФ при комбинации 1	18%	4%	7%
Вероятность проголосовать за «Справедливую Россию» при комбинации 1	1%	4%	6%

Метод	Логлинейный анализ	CHAID	Множественный анализ соответствий
Вероятность проголосовать за ЛДПР при комбинации 1	5 %	9 %	6 %
Вероятность проголосовать за другие партии при комбинации 1	5 %	5 %	9 %
Комбинация 2: наиболее наполненная значимая комбинация с положительным коэффициентом (<i>понижает вероятность проголосовать за «Единую Россию»</i>)	Проживает в большом городе, имеет высшее образование или ученую степень	Мужчина, старше 55 лет	Женщина, старше 55 лет, проживает в большом городе, имеет высшее образование или ученую степень
Доля наблюдений, описанных комбинацией 2	0,17	0,1	0,03
Вероятность проголосовать за «Единую Россию» при комбинации 2	50 %	52 %	40 %
Вероятность проголосовать за КПРФ при комбинации 2	13 %	28 %	32 %
Вероятность проголосовать за «Справедливую Россию» при комбинации 2	17 %	3 %	3 %
Вероятность проголосовать за ЛДПР при комбинации 2	7 %	6 %	8 %
Вероятность проголосовать за другие партии при комбинации 2	13 %	11 %	17 %

Заключение

В настоящей работе затронута тема многомерных связей между категориальными признаками, часто встречающимися в социологических исследованиях. Несмотря на наличие различных аргументов в пользу анализа именно многомерных связей таких признаков, практика использования соответствующих методов слабо распространена отчасти потому, что единой концепции для подобного анализа не существует, как и не существует актуальных работ, обобщающих подходы к нему. Настоящим исследованием мы попытались восполнить этот пробел через сравнение трех методов, подходящих для решения задач поиска такой связи.

Гипотезы, поставленные в исследовании и предполагающие эффективность логлинейного анализа в описательных задачах и эффективность CHAID в задачах прогноза, не подтвердились. Так, наиболее эффективным с точки зрения описания оказался множественный анализ соответствий, а наиболее полезные для прогнозирования комбинации удалось выявить с помощью логлинейного анализа. И если с результатом проверки первой гипотезы связаны ограничения, обозначенные в тексте, то результаты проверки второй гипотезы оказались не только контринтуитивными, но и противоречащими сложившемуся мнению об эффективности

CHAID в случаях наличия в данных какого-либо отклика и практике использовать комбинации, полученные именно с помощью деревьев решений, как предикторы в будущей регрессионной модели. Было показано, что потенциал логлинейного анализа в этой задаче недооценен и метод способен выдавать результаты более точные, чем CHAID.

У проведенного исследования есть ограничения. Одно из ограничений было подробно описано при проверке первой гипотезы: результаты применения множественного анализа соответствий во многом зависят от конкретной исследовательской ситуации, в частности, от тех пороговых значений аналогов факторных нагрузок, на основе которых категории отбираются в комбинации (и впоследствии происходит интерпретация связей). Второе, более общее ограничение связано с тем, что в рамках исследования методы сравнивались (пусть и с проведением статистической оценки различий по всем показателям) только на одном эмпирическом примере, и нет оснований утверждать, что методы «поведут себя» так же на других данных. Тем не менее даже такое сравнение позволило добиться значительных результатов.

Для дальнейшего развития проведенного исследования видятся следующие направления:

- разработать критерии определения такого оптимального порога аналога факторной нагрузки во множественном анализе соответствий, который позволил бы привести в баланс размерность получаемых комбинаций с их точностью и полнотой охвата — для компенсации первого обозначенного выше ограничения,
- провести аналогичное исследование, но с применением методологии статистического эксперимента — для преодоления второго обозначенного выше ограничения,
- адаптировать логлинейный анализ для его эффективного использования в задачах по прогнозированию — для дальнейшего развития полученного в ходе исследования нетривиального вывода об эффективности указанного метода,
- применить рассматриваемые методы поиска многомерной связи к переменным, соответствующим иным теоретическим подходам к изучению электорального поведения — для дополнительной иллюстрации возможностей многомерного анализа категориальных данных.

Список литературы (References)

Голосов Г. В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44—56.

Golosov G. V. (1997) Electoral Behaviour in Russia: Theoretical Prospects and the Results of the Regional Elections. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 44—56. (In Russ.)

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Возможность работы с пропущенными данными при использовании CHAID: результаты статистического эксперимента // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 46. С. 85—122.

Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N. (2018) Handling Missing Data with CHAID: Results of a Statistical Experiment. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 46. P. 85—122. (In Russ.)

Мелешкина Е. Ю. Исследования электорального поведения: Теоретические модели и проблемы их применения // Политическая наука. 2001. № 2. С. 187—212.

Meleshkina E. Yu. (2001) Studies of Electoral Behavior: Theoretical Models and Problems of Their Application. *Political Science*. No. 2. P. 187—212. (In Russ.)

Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. 2000. № 3. С. 90—96.

Strakhov A. P. The Study of Russians' Electoral Behaviour: Socio-Cultural Approach. *Polis. Political Studies*. 2000. No. 3. P. 90—96. (In Russ.)

Шафир М. А. Новый способ интерпретации результатов анализа соответствий // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 223—231.

Shafir M. A. (2011) A New Way to Interpret the Results of Correspondence Analysis. In: *Sociological methods in contemporary research practice: Collection of articles in memoriam of the first Dean of the Faculty of Sociology at NRU HSE, A. O. Kryshtanovsky*. Moscow: NRU HSE. P. 223—231.

Agresti A. (2002) *Categorical Data Analysis* (Second edition). New York: John Wiley & Sons.

Fabris C., Freitas A. (2006) Discovering Surprising Instances of Simpson's paradox in Hierarchical Multidimensional Data. *International Journal of Data Warehousing and Mining (JDWM)*. Vol. 2. No. 1. P. 27—49. <https://doi.org/10.4018/jdwm.2006010102>.

Field A. (2009) *Discovering statistics using SPSS*. London: Sage.

Franco G. (2016) Multiple Correspondence Analysis: One Only or Several Techniques? *Quality & Quantity*. Vol. 50. No. 3. P. 1299—1315. <https://doi.org/10.1007/s11135-015-0206-0>.

Goltz H., Smith M. (2010) Yule–Simpson's Paradox in Research. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. Vol. 15. No. 15. P. 1—9.

Greenacre M., Blasius J. (2006) *Multiple Correspondence Analysis and Related Methods*. London: Chapman and Hall/CRC.

Greenacre M. (2007) *Correspondence Analysis in Practice* (Second Edition). London: Chapman & Hall/CRC.

Han J., Kamber M., Pei J. (2012) *Data Mining: Concepts and Techniques* (Third edition). Elsevier/Morgan Kaufmann Series in Data Management Systems.

Kievit R., Frankenhuis W., Waldorp L., Borsboom D. (2013) Simpson's Paradox in Psychological Science: a Practical Guide. *Frontiers in Psychology*. Vol. 4. No. 513. P. 1—14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00513>.

Morgan J., Sonquist J. (1963) Problems in the Analysis of Survey Data, and a Proposal. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 58. No. 302. P. 415—434. <http://dx.doi.org/10.1080/01621459.1963.10500855>.

Ratner B. (2017) *Statistical and Machine-Learning Data Mining: Techniques for Better Predictive Modeling and Analysis of Big Data*. London: Chapman and Hall/CRC.

Ritschard G. (2013) CHAID and Earlier Supervised Tree Methods. In: *Contemporary issues in exploratory data mining in the behavioral sciences*. New York: Routledge. P. 70—96.

Simpson E. (1951) The Interpretation of Interaction in Contingency Tables. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 13. No. 2. P. 238—241. <http://dx.doi.org/10.1111/j.2517-6161.1951.tb00088.x>.

Tabachnick B., Fidell L. (2012) *Using Multivariate Statistics*. Boston, Mass.: Pearson.

Vermunt J. (2005) Log-Linear Models. In: *Encyclopedia of Statistics in Behavioral Science*. New York: John Wiley & Sons. P. 1082—1093.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.03

Правильная ссылка на статью:

Яковлева Д. А., Колесниченко О. Ю., Мазелис Л. С., Григоревский И. Н., Колесниченко Ю. Ю. API-социология и глобальное сообщество Google: живая система социальной трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 54—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.03>.

For citation:

Yakovleva D. A., Kolesnichenko O. Yu., Mazelis L. S., Grigorevsky I. N., Kolesnichenko Y. Yu. (2019) Api-sociology and Google global community: the live system of social transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 54—79. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.03>.

**Д. А. Яковлева, О. Ю. Колесниченко, Л. С. Мазелис,
И. Н. Григоревский, Ю. Ю. Колесниченко**

API-СОЦИОЛОГИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО GOOGLE: ЖИВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

API-СОЦИОЛОГИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО GOOGLE: ЖИВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

API-SOCIOLOGY AND GOOGLE GLOBAL COMMUNITY: THE LIVE SYSTEM OF SOCIAL TRANSFORMATION

ЯКОВЛЕВА Дарья Алексеевна — аспирант, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия
E-MAIL: darya.yakovleva15@vvsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0139-4051>

Dariya A. YAKOVLEVA¹ — Post-Graduate Student
E-MAIL: darya.yakovleva15@vvsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0139-4051>

¹ Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Юрьевна — кандидат медицинских наук, старший преподаватель, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия
E-MAIL: oykolesnichenko@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4523-6485>

МАЗЕЛИС Лев Соломонович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия
E-MAIL: lev.mazelis@vvsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7346-3960>

ГРИГОРЕВСКИЙ Иван Николаевич — кандидат технических наук, научный сотрудник, Институт программных систем имени А.К. Айламазяна Российской академии наук, Переславль-Залесский, Россия; ответственный секретарь оргкомитета, Национальный Суперкомпьютерный Форум, Переславль-Залесский, Россия
E-MAIL: gin@nscf.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8078-1238>

КОЛЕСНИЧЕНКО Юрий Юрьевич — директор, Интернет-портал «Бюллетень «Анализ безопасности», Москва, Россия
E-MAIL: green-apple_2000@mtu-net.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4426-9250>

Olga Yu. KOLESNICHENKO² — *Cand. Sci. (Med.), Senior Lecturer*
E-MAIL: oykolesnichenko@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4523-6485>

Lev S. MAZELIS¹ — *Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department*
E-MAIL: lev.mazelis@vvsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7346-3960>

Ivan N. GRIGOREVSKY^{3,4} — *Cand. Sci. (Tech.), Research Fellow; Executive Secretary of the Organizing Committee*
E-MAIL: gin@nscf.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8078-1238>

Yuriy Yu. KOLESNICHENKO⁵ — *Chief*
E-MAIL: green-apple_2000@mtu-net.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4426-9250>

¹ Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Moscow, Russia

³ Aylamazyan Program Systems Institute of Russian Academy of Sciences, Pereslavl-Zalesky, Russia

⁴ National Supercomputing Forum, Pereslavl-Zalesky, Russia

⁵ Security Analysis Bulletin, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье авторы представляют результаты морфологического текстового анализа больших

Abstract. In this paper, the authors present the results of morphological text big data analysis for the occurrence

данных на предмет встречаемости в интернете ключевых слов для различных стран. Значения для слов находились при запросе из баз данных поисковой системы Google через API-доступ при помощи специального программного обеспечения, созданного во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса. Проведена кластеризация стран, а также ключевых слов методом k-means и иерархическим методом. Морфологический текстовый анализ позволяет оценить глобальный образ мировой интернет-дискуссии, а для каждой из стран — степень адаптации к условиям нового технологического уклада и уровень социального стресса. Построена модель глобальной дискуссии социальной направленности, что соотносится с трендами социальной нестабильности по данным ежегодного доклада «The Global Risks Report» Всемирного экономического форума. Проведен тематический анализ трех потенциалов развития по Р.С. Гринбергу (природному, интеллектуальному, пространственному), который показал, что, по сравнению с рядом стран, Россия занимает устойчивые и перспективные позиции.

Ключевые слова: текстовая аналитика, Большие данные, визуализация, кластерный анализ, API-социология, наркомания

of keywords over the Internet for different countries. The values for the words were requested from the databases of the Google search engine via API-access using special software created at the Vladivostok State University of Economics and Service. The countries were analyzed using cluster analysis, the keywords - using k-means and hierarchical method. Using morphological text analytics, it is possible to evaluate the image of the global Internet discussion and to estimate the level of adaptation to the conditions of the new technological order and level of social stress for each country. A social Global Discussion Model was constructed, which corresponds to the social instability trends according to “The Global Risks Report” provided by the World Economic Forum. Authors completed morphological Big Data text analysis of the three types of development potential by R. S. Greenberg (natural, intellectual, spatial), which showed that Russia occupies a stable and promising position in comparison with a number of countries.

Keywords: text analytics, Big Data, Google, visualization, Data Mining, Cluster analysis, API-sociology, drug addiction

Введение

В статье представлены результаты морфологической текстовой аналитики Больших данных — выбранных для анализа слов, доступных при запросе из баз данных поисковой системы Google. Для осуществления такого запроса к Google и подсчета количества заданных (ключевых) слов через API-доступ (Application Programming Interface) во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса была разработана специальная компьютерная программа. Это уже третий этап аналитики, выполненный с помощью созданного программного

обеспечения, результаты двух предыдущих этапов были опубликованы в журнале «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены» [Колесниченко и др., 2015; Колесниченко и др., 2016]. Данный вид аналитики относится к области API-социологии и опирается на открытые ресурсы интернета. Исследование выполняется под эгидой Национального Суперкомпьютерного Форума — Национальной Суперкомпьютерной Технологической Платформы. Результаты докладывались на ежегодном форуме, аналитические подходы корректировались после обсуждения докладов с научной аудиторией и учета замечаний. В 2018 г. результаты данного исследования по API-социологии были представлены в докладе на VIII Грушинской конференции ВЦИОМ, что стало важным этапом в становлении этого нового научного социологического направления.

Интернет рассматривается как глобальная система «People-to-IT» (люди вкладывают в информационные системы черты своего бытия), обладающая гибкостью с точки зрения реакции на события, происходящие в социуме. Повторим кратко описание основных подходов к пониманию самой методике, изложенное в ранее опубликованных статьях. Интернет является площадкой для дискуссии глобальной аудитории. Искусственно исказить на глобальном уровне информационные следы этой дискуссии невозможно, по крайней мере, на данном этапе технологического развития. О полностью контролируемом информационном пространстве можно будет говорить только если возникнет глобальная система «IT-to-People», когда алгоритмы искусственного интеллекта на упрещающей скорости будут способны управлять социальной системой людей с контролем любого информационного следа от человека в информационных сетях.

Количество (частота встречаемости) тех или иных ключевых слов в текстах интернета отражает разные аспекты в жизни людей: психологические, стрессовые, социальные, рекламные, рыночные, политические. Поисковая система Google фиксирует всевозможные тексты: новостные, рекламные, аналитические, блоги, комментарии. Мы исходим из того, что через частоту встречаемости ключевых слов можно оценивать те или иные процессы, особенно если слова подсчитываются в привязке к названиям стран и определенным годам.

В привязке к названиям стран на количество ключевых слов влияет множество факторов: число компьютеров на душу населения страны; уровень компьютерной грамотности населения; число IP-соединений и доступность интернета в стране в зависимости от политических или экономических условий; общий уровень экономического развития в стране и число интернет-сервисов; численность населения; интенсивность интернет-дискуссии в зависимости от насыщенности политическими, экономическими или социальными событиями; цитирование страны глобальной интернет-аудиторией в зависимости от интереса к стране на глобальном рынке и политической арене; уровень обсуждения тех или иных технологий в связи с наличием этих технологий в стране или интересом к этим технологиям [Колесниченко и др., 2015; Колесниченко и др., 2016; Kolesnichenko et al., 2016].

Социологические опросы могут исказить истинную картину, например, когда при очном общении люди скрывают свое истинное мнение, а также когда на их мнение оказывает влияние совокупность факторов. Люди могут отвечать на вопросы, исходя из той социальной роли или статуса, в которых их застал опрос (на-

пример, на работе может быть высказано одно мнение, а дома — другое). Любой социологический опрос уникален и не глобален, он имеет свои границы. Интернет в этом смысле невозможно загнать в четкие рамки, в виртуальной среде путаются социальные статусы; невозможно точно для всех установить гендерные и возрастные различия, если сведения указаны ложно; один человек может продуцировать несколько «цифровых личностей» (ботов) и при этом «вживаться в роль», что с точки зрения классической социологии неприемлемо.

В исследовании использован метод подсчета ключевых слов через API-доступ. Такое исследование можно назвать API-социологическим. В данном аспекте используются подходы Больших данных (big data), допускающие, что массив собираемых данных не идеален, может содержать неточности и неопределенности. Количество подсчитываемых слов может меняться во времени из-за динамичности самого интернета — постоянного изменения числа сайтов и характеристик индексации сайтов поисковой системой. Неточность, но максимально возможный охват явления — это одно из качеств Больших данных, которое принимается за правило для аналитики. Такой «общий замер» по максимально возможному объему интернета позволяет «втянуть» в общий контур все варианты неопределенностей, включая ангажированность при составлении новостей и иных текстов или генерацию комментариев искусственно созданными «цифровыми личностями», при этом главный тренд все равно будет отражать истинную реакцию на события. Это как реакция толпы, даже если локально где-то влияют какие-то искажающие факторы, общая реакция будет иметь определенную направленность.

Методами морфологической текстовой аналитики Больших данных можно оценивать лишь отражение интереса к политическим, социальным и экономическим процессам в информационной системе «People-to-IT», а не сами эти процессы напрямую. Необходимо отметить, что число ключевых слов, отражающих интерес к технологиям, можно адресовать к феномену связанности диффузии технологий с наступлением новой волны технологического уклада, описанному японским глобалистом Масаки Хироока (Masaki Hirooka). Ученый показал нарастание диффузии в экономику новейших технологий в преддверии наступления новой Шестой Кондратьевской волны (2020—2070-е гг.) [Hirooka, 2006; Korotayev et al., 2011]. Количество подсчитанных ключевых слов по технологиям косвенно отражает как диффузию этих технологий в экономики стран, так и повышенный к ним интерес без реальной диффузии.

Стоит подчеркнуть, что ведущую роль в аналитике Больших данных играют разные методы статистического анализа и визуализации. В данном исследовании поэтапно расширяется перечень применяемых методов количественного анализа и вариантов визуализации данных при поиске скрытых закономерностей.

Методика

В анализ вошли 100 стран из разных регионов мира. Регистрируемые годы — 2015 и 2016. Изъятие данных (data mining) проводилось в течение 2017 г. при помощи специально созданного программного обеспечения. Через API-доступ к поисковой системе Google осуществлялся запрос для определения встречаемости заданных (ключевых) слов в открытых для общего доступа текстовых данных

интернета. Методически такой распределенный по разным базам данных сбор ключевых слов можно рассматривать как использование Google в качестве неклассического суперкомпьютера в режиме «as-a-Service». Языки набора слов — английский и русский (доля русских слов существенно меньше, чем английских).

Для анализа были выбраны 52 ключевых слова, разбитые на четыре блока (см. табл. 1). Найдены значения встречаемости каждого слова для всех стран и соответствующего года. Полученные данные для каждого года сформированы в матрицы размером 100×52. Визуализация табличных метаданных выполнена в Microsoft Excel. Осуществлен кластерный анализ стран методом k-means с использованием евклидовой метрики в интерактивной среде iPython (библиотеки NumPy, Pandas и Sklearn). Этот метод позволяет разбить выборку на группы с минимальным разбросом значений. С использованием методов полной связи и одиночной связи построены дендрограммы для переменных «страны» и «слова». Дендрографический анализ отображает взаимные связи между объектами из заданного множества.

Таблица 1. *Морфологическая матрица из 52 ключевых слов по data mining*

Тематические блоки ключевых слов

Unit «Information»

computer, cloud computing, mobile phone, dollar exchange rate, euro exchange rate, mobile app, software, artificial intelligence, smartphone

Unit «Energy & Material»

electric cars, solar panel, drip irrigation, gas supplies, oil, oil price, nuclear power plant, 3D-printing, robotics, GMO, GMO harmful

Unit «Social inequality»

crisis, inflation, price increase, unemployment, dismissal, poverty

Unit «Stress load»

migrants, refugees, Muslims, terrorism, terrorist, occupation, narcotic, alcoholism, morbidity, mortality, violation, crime, war, casualties

Unit «Social profile»

revolution, demonstration, protest, strike, corruption, stability, prosperity, democracy, development, freedom, human rights, justice

Для каждой страны построены лепестковые диаграммы, показывающие группы самых больших паттернов из списка ключевых слов (см. Приложение 1). На их основе найдено распределение стран по самому часто встречающемуся (ведущему) ключевому слову (см. рис. 1), что ранее в исследовании обозначалось как «имидж» государства — некая обобщенная характеристика по ведущему слову. Позитивный имидж — ведущий паттерн с конструктивным смыслом, негативный имидж — ведущий паттерн с деструктивным смыслом.

На основании лепестковых диаграмм, показывающих группы паттернов наиболее часто встречающихся ключевых слов для каждой из стран, была построена общая диаграмма, отражающая глобально самые актуальные темы, связанные со странами.

Сделан тематический анализ слов с применением трех потенциалов развития стран, предложенных научным руководителем Института экономики РАН Р. С. Гринбергом на X Международной Кондратьевской конференции в рамках Международного конгресса по глобалистике (2017 г.).

Основные результаты и обсуждение

Определение ведущих паттернов

Спектр ведущих паттернов (самое часто встречающееся ключевое слово в привязке к названию страны из списка 52 слов) составил 15 позиций (рис. 1). К позитивному имиджу можно отнести такие паттерны, как «development», «mobile app», «mobile phone». По полученным данным, только 32 страны (то есть 32 % стран) относятся к группе позитивного имиджа. Подгруппа «development» содержит 20 стран, это ведущие страны мира (Россия входит в эту подгруппу). Остальные страны попали в группу негативного имиджа с ведущими паттернами: «revolution», «protest», «strike», «demonstration», «poverty», «morbidity», «narcotic», «occupation», «Muslims», «terrorism», «war», «oil».

Ключевое слово «oil» (нефть) отнесено к негативному имиджу, так как оно показывает отставание в принятии экономикой страны технологического уклада информационных технологий. Ключевое слово «revolution», исходя из списка 20 стран, попавших в подгруппу с таким ведущим паттерном, отражает не технологическую революцию, а социальные процессы и настроения. Слово «occupation» изначально задумывалось как отражение темы оккупации территорий, но по анализу полученных результатов стало понятно, что оно также указывает и на проблемы трудовой занятости.

Обобщая данные, представленные на рис. 1, можно отметить, что в подавляющем большинстве случаев для стран самым актуальным трендом является социальная сфера, а не терроризм, война или технологии. Это дает понимание того, что в грядущие 2020-е годы, когда ожидается начало шестой Кондратьевской волны с новым технологическим укладом и с глобальной цифровой экономикой, мир будет подвергаться серьезным социальным волнениям, связанным с дезадаптацией к новым экономическим условиям.

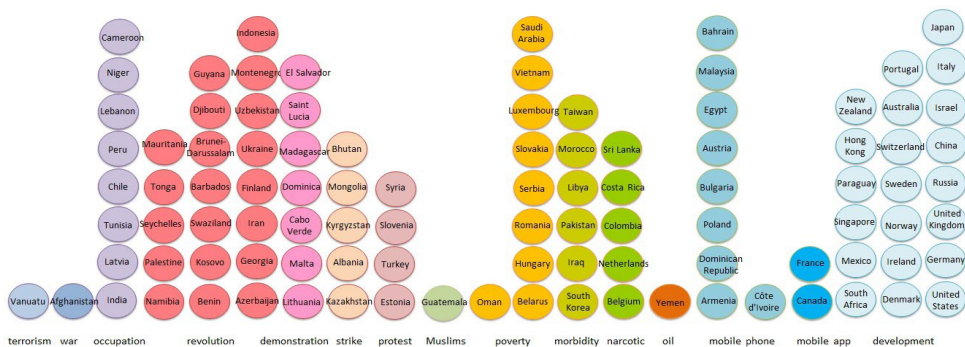
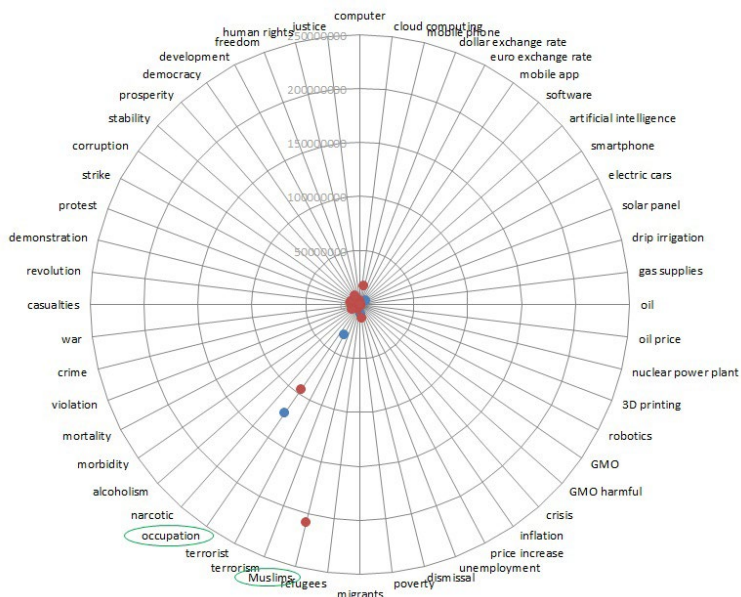
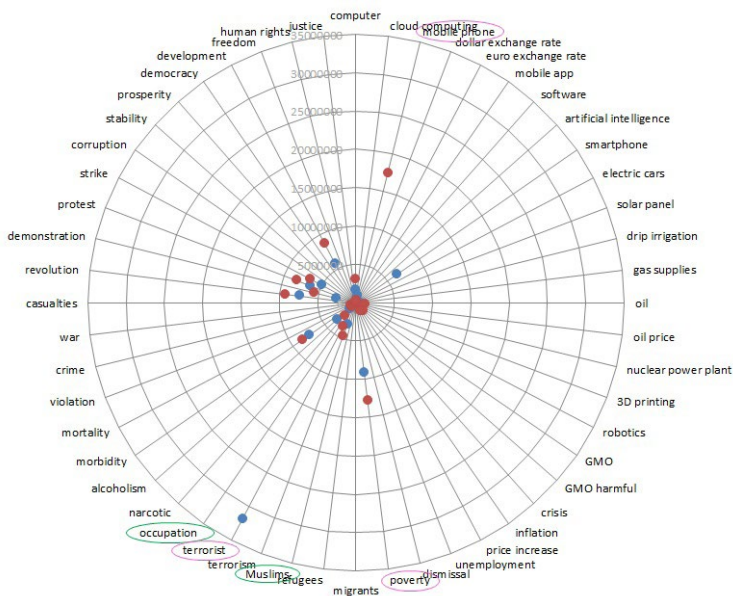

Рисунок 1. Распределение 100 стран по ведущему паттерну из 52 ключевых слов

А

Б

Рисунок 2. Диаграммы распределения паттернов ключевых слов, привязанных к названию Гватемалы за 2015—2016 гг. А — первый ряд больших паттернов; Б — второй ряд больших паттернов

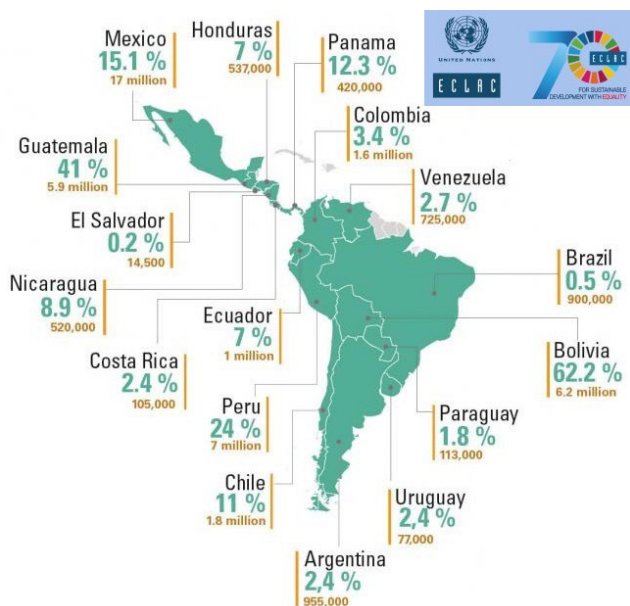

Рисунок 3. Процентное распределение бедных группы коренных индейцев в странах Латинской Америки 1

Рисунок 4. Фотоматериалы из блога «[isisandislaminlatinamericablog](https://isisandislaminlatinamericablog.wordpress.com/)»², надпись на фото слева сверху — «The Mayan Islamic Future 2020»

¹ Источник инфографики: Economic Commission for Latin America. URL: <https://www.cepal.org/en/infografias/los-pueblos-indigenas-en-america-latina> (accessed 07.03.2019).

² URL: <https://isisandislaminlatinamericablog.wordpress.com/> (на момент выхода статьи сайт заблокирован)

Внимание исследователей привлекли данные по Гватемале, оказавшейся единственной в подгруппе ведущего ключевого слова «Muslims» (мусульмане) на рис. 1. Первичные лепестковые диаграммы для Гватемалы представлены на рис. 2. По данным Экономической комиссии ООН, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна насчитывается около 45 млн представителей коренных индейских народов, что составляет 8,3% от популяции региона³. Наибольший процент индейского населения, бедного и плохо интегрированного в некоренную испанскую преобладающую популяцию, встречается в Гватемале и Боливии (см. рис. 3). Мусульманское население в Гватемале крайне малочисленно, официально оно не превышает 1,5 тыс. человек. В основном это выходцы из Палестины⁴. Проблема социального беспокойства, отраженная в ведущем паттерне «Muslims», не может быть связана с потоком мигрантов-мусульман, так как его нет.

По данным некоммерческой организации USA for UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees, Агентство ООН по делам беженцев)⁵, наиболее актуальной современной проблемой Гватемалы стала организованная преступность, которую называют «maras». Это новое поколение бандформирований, пришедшее на смену «pandillas», бандам времен гватемальской гражданской войны 1960—1996 гг. «Maras» отличаются транснациональными корнями и тесно связаны с мигрантами [Does, 2013], число членов бандформирований превышает 22 тыс. человек⁶. В интернете можно найти информацию, что в преступном мире Гватемалы усиленно работают мусульмане-рекрутеры за-прещенной в России группировки ИГИЛ⁷, вовлекающие индейцев в свои ряды. Например, на сайте ISISandIslamInLatinAmericaBlog⁸ указано, что в Гватемале живут 23 разделенные этнические общины индейцев майя, сегрегированных от испанского большинства и прошедших массовый геноцид во времена гражданской войны. Данный сайт полон информации и фотографий (см. рис. 4), показывающих вовлеченность террористических исламских группировок в индейское население Гватемалы и граничащего с ней мексиканского штата Чьяпас (Chiapas), который населен преимущественно сегрегированными индейцами. Идеология мусульманского рекрутирования бедного индейского контингента связана с призывами отомстить за угнетение и оккупацию родных земель, при этом исламские международные террористы выступают в роли «справедливой силы мстителей», поднимающей народ на «праведный» бой (тренд обозначен как «The Mayan Islamic Future»).

³ Latin America Has Achieved Progress in Health, Education and Political Participation of Indigenous Peoples in the Last Decade. 2014 URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/latin-america-has-achieved-progress-health-education-and-political-participation> (дата обращения: 19.04.2019)

⁴ Если полагаться на данные Википедии: «En. Wikipedia.org/wiki/Islam_in_Guatemala». Эти данные также подтверждаются отчетом Pew Research Center, выдержки из которого со статистическими данными распределения мусульман по странам мира, опубликован в газете The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2009/oct/08/muslim-population-islam-religion> (дата обращения: 19.04.2019).

⁵ URL: <https://www.unrefugees.org/refugee-facts/statistics/> (дата обращения: 19.04.2019).

⁶ Issue L. Faith-Based Organizations and Migrant Reintegration in Central America's Northern Triangle. U.S. Department of State, Office of Religion and Global Affairs. 2017.

⁷ ISISandIslamInLatinAmericaBlog.wordpress.com (на момент выхода статьи сайт заблокирован).

⁸ URL: <https://isisandislaminalatinamericablog.wordpress.com/> (на момент выхода статьи сайт заблокирован).

На рис. 2 видно, что в целом ведущими паттернами ключевых слов для Гватемалы являются «Muslims», «occupation», «terrorist», «poverty», что и отражает описанные выше процессы внутри страны. Пик паттерна ключевого слова «mobile phone» в совокупности с другими выявленными ведущими паттернами можно рассматривать как указание на активность террористических группировок, что ранее было подробно рассмотрено в нашей предыдущей работе, посвященной провокации экстремизма и терроризма через мобильную связь [Колесниченко и др., 2015].

На основании лепестковых диаграмм для каждой из стран, показывающих не одно ведущее слово, а группы часто встречающихся ключевых слов, в нашем исследовании была построена общая диаграмма для пиков паттернов первого уровня (см. рис. 5), которую мы назвали *картой глобальных трендов*. Также создана диаграмма для пиков паттернов второго уровня, без влияния более часто встречающихся слов первого уровня (рис. 6). В результате стало возможным развернуто в виде карты представить отражение глобальной дискуссии в интернете в стиле ежегодных докладов экспертов Всемирного экономического форума «The Global Risks Report» (GRR).

GRR создается на основе соцопросов экспертов разных стран. В докладе 2018 г. глубокая социальная нестабильность (profound social instability) занимает центральное место среди глобальных проблем и рисков (по ссылке можно ознакомиться с диаграммой The Risks-Trends Interconnections Map⁹). В докладах GRR от 2015—2017 гг. социальная нестабильность соотносилась по силе влияния с другими трендами — безработицей, миграцией, недостатками в госуправлении. А уже к 2018 г. социальная нестабильность сформировалась как лидирующий по влиянию глобальный тренд, тесно связанный с социальным неравенством, поляризацией общества, негативными последствиями внедрения новых технологий и увеличением доли пожилого населения. По динамике GRR с 2015 г. по 2019 г. на фоне роста влияния социальной нестабильности снизилась даже актуальность темы развития межгосударственного конфликта в мире.

На рис. 5 представлена полученная в данном исследовании карта глобальных трендов по ключевым словам (пики паттернов первого уровня). Чем ближе к центру по шкале, тем больше стран имеют конкретное ключевое слово как часто встречающееся в привязке к своему названию. Размер маркера условно отражает эту же характеристику. На карте глобальных трендов находятся четыре лидирующих по распространенности позиции — «mobile phone», «development», «revolution», «poverty». На втором месте по актуальности — «morbidity», «narcotic», «occupation» (как трудовая занятость), а также протестная тема: «protest», «strike», «demonstration». Данное графическое представление частоты встречаемости ключевых слов позволяет увидеть, какие темы (из обозначенного посредством 52 ключевых слов контура потенциальных тем) наиболее часто упоминаются в текстах в интернете. Стоит отметить, что это понимание основано на анализе диаграмм паттернов ключевых слов для каждой из ста проанализированных стран в отдельности, по результатам анализа данные были обобщены в целостную картину. Такой

⁹ The Global Risks Report 2018. 13th Edition. World Economic Forum, Geneva. URL: <http://wef.ch/risks2018> (дата обращения: 25.02.2018).

подход позволяет выявить актуальные для каждой из стран тенденции и избежать описания случайных распределений частоты слов, если бы они подсчитывались без привязки к названию страны.

Получившаяся карта отражает интерес глобального социума к технологиям нового информационного уклада (наиболее распространенная технология на данном этапе — мобильная связь); указание на развитие говорит о том, что социум не утратил конструктивного пути, но есть обусловленные сменой уклада проблемы — бедность, занятость. Революционный тренд может иметь двойное толкование, это и технологическая революция (точнее, широко обсуждаемая The Fourth Industrial Revolution), и революционные настроения в странах. Последнему аккомпанируют часто встречающиеся слова, отражающие готовность к протестам, забастовкам и демонстрациям, а также периферийный ряд трендов со словами, отражающими проблемы кризиса, повышения цен и безработицы. Проблемы заболеваемости и наркомании, входя в центральное звено главных трендов, беспокоят глобальный социум намного больше, чем терроризм, война и преступность. Тема алкоголизма находится в периферийном ряду трендов.

Две группы слов, отражающие новые технологии и уходящие (вернее, меняющие свою роль) технологии, равны по весу. Это компьютерные мобильные технологии, программное обеспечение — новый уклад. И углеводороды — лидеры в период старого уклада. Углеводороды не теряют актуальности в новом укладе, так как они меняют роль и занимают нишу нефтехимии (материалы для новой промышленности, основанной на 3D-печати). Интерес к ГМО (генетически модифицированным организмам) и оценка вреда генетических технологий также являются объективными трендами времени.

На рис. 6. представлена карта глобальных трендов по ключевым словам второго уровня, без влияния пиков паттернов первого уровня (то есть данные, отраженные на рис. 5, не входят в диаграмму на рис. 6). Принцип построения графика тот же: чем ближе к центру по шкале, тем больше стран имеют конкретное ключевое слово как часто (не редко) встречающееся в привязке к своему названию. Размер маркера условно отражает эту же характеристику. Общая картина более насыщена ключевыми словами в сравнении с рис. 5, так как это не самые пиковые группы трендов, а широкий пласт постоянно обсуждаемых проблем. Если для части стран не выпали обозначенные на рис. 5 ключевые слова как главные тренды первого уровня, то они все равно заполняют второй уровень глобальной дискуссии. То есть построенная модель глобальной дискуссии в принципе одинакова для обоих уровней пиков паттернов слов — и для самых часто обсуждаемых тем, и для менее топовых, но все же частых, базовых тем обсуждения в текстах. Можно лишь отметить, что на этом базовом уровне в сравнении с рис. 5 более весомое место занимает тема терроризма. Построение карты с пиками паттернов второго уровня позволяет не пропустить важные тенденции, которые могут быть скрыты за численно выраженными пиками первого уровня.

Сравнивая с картами GRR последних лет оба рис. 5 и 6, необходимо подчеркнуть принципиальную схожесть главных трендов, а именно: лидируют социальные проблемы, указывающие на социальную нестабильность, обусловленную текущей сменой технологического уклада.

нарий — обманчивая стабильность (*deceptive stability*): акценты делаются на трансграничной преступности, терроризме и экстремизме, угрозах из регионов бедных стран. Третий сценарий — столкновение современных векторов развития (*clash of modernities*): «гремучий коктейль» из технологических инноваций, интеллектуального пиратства, кибертерроризма, попадания высоких технологий в руки террористов и криминальных элементов, диссонанса между технологическими достижениями и гражданскими свободами; усиление конкуренции за энергию, нефть, газ, металлы и минералы, воду, пищу. Четвертый сценарий — новые политические силы (*new power politics*); усиление региональных противостояний в мультиполярном мире, военные действия, межгосударственные конфликты.

Очевидно, что прогноз MFP-2030 нельзя отнести к точному, это больше похоже на осознание экспертами, принявшими участие в опросах, несостоятельности субъективного подхода применительно к задачам глобальных оценок и прогнозирования. Если попытаться найти общие черты между построенной моделью глобальной дискуссии в нашем исследовании и четырьмя сценариями будущего по MFP-2030, то можно сказать, что на данном этапе нет указаний на развитие четвертого сценария, также не просматривается четко и третий сценарий. Два этих сценария наиболее агрессивны, с усилением военных действий и терроризма. Скорее всего, более вероятен первый сценарий или среднее между первым и вторым. Ведь именно первому сценарию свойственно ослабление государств из-за внутренних проблем (бедность, безработица, болезни и наркотики), на что и указывает построенная модель глобальной дискуссии интернет-аудитории.

Если упрощенно обозначить перечисленные сценарии будущего, то мир может трансформироваться в четыре модели развития: социальную, криминальную, технологическую и военную. Пока что по данным нашего исследования глобальная дискуссия сохраняется в рамках социальной модели. Само название первого сценария подводит к мысли, что проблемы нового технологического уклада будет невозможно решать государствам в одиночку, поддерживая свою эксклюзивность. Необходимы международные согласованные меры, релевантные социальной и экономической глобализации и происходящей трансформации. Однако до 2030 г. еще есть время, и, возможно, при условии усугубления дезадаптации к новому укладу мировой ландшафт поменяется в направлении третьего или четвертого сценария.

Сравнение потенциалов стран

На V Международном конгрессе по глобалистике (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 25—30 сентября 2017 г.), на прошедшей в рамках конгресса X Международной Кондратьевской Конференции президент Международного Фонда Н. Д. Кондратьева Руслан Семенович Гринберг очертил три сферы конкурентоспособного преимущества России на мировом рынке — три основных потенциала страны¹².

Первый потенциал — природный, природные богатства земли и морей России, делающие страну самой богатой территорией мира.

¹² Гринберг Р. С. Стенограмма выступлений президиума конференции. X Международная Кондратьевская конференция «Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность», V Международный Научный Конгресс «Глобалистика». Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017.

Второй потенциал — интеллектуальный, обусловленный высоким уровнем образовательных традиций и талантом населения, включая молодое поколение.

Третий потенциал — пространственный, территориальный, позволяющий развивать масштабные инфраструктуры и транспорт.

Для каждого из этих потенциалов Р.С. Гринберг обозначил тормозящие факторы, которые могут полностью нивелировать все потенциальные возможности и остановить рост экономики. Для природного потенциала это увеличивающееся неравенство среди населения, бедность. Для интеллектуального потенциала — снижение уровня образования молодежи. Для пространственного потенциала — плохая транспортная инфраструктура и неконтролируемые потоки мигрантов.

В нашем исследовании проведен анализ этих трех потенциалов в сравнении с несколькими странами. В основу графиков на рис. 7, 8, 9 положено количество встречаемости ключевых слов, оси тематически отражают потенциалы стран, а размер маркеров — тормозящие факторы. Данный тематический вариант текстовой морфологической аналитики оказался очень информативным.

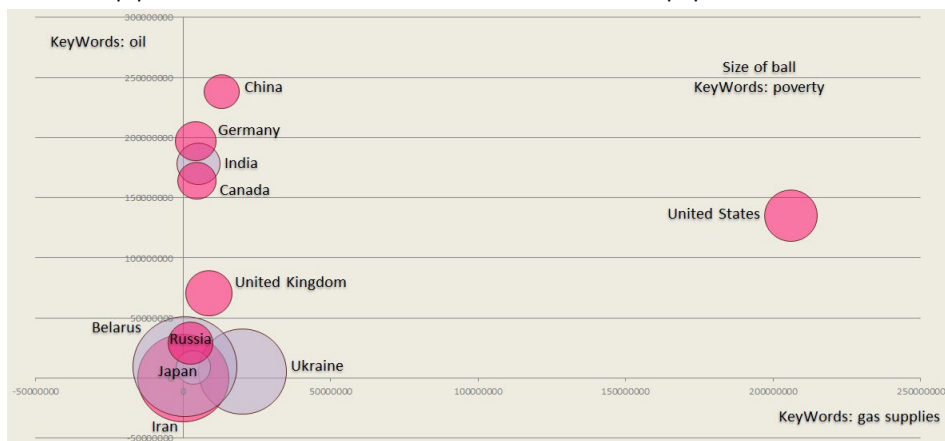

Рисунок 7. Отражение природного потенциала стран и тормозящего фактора

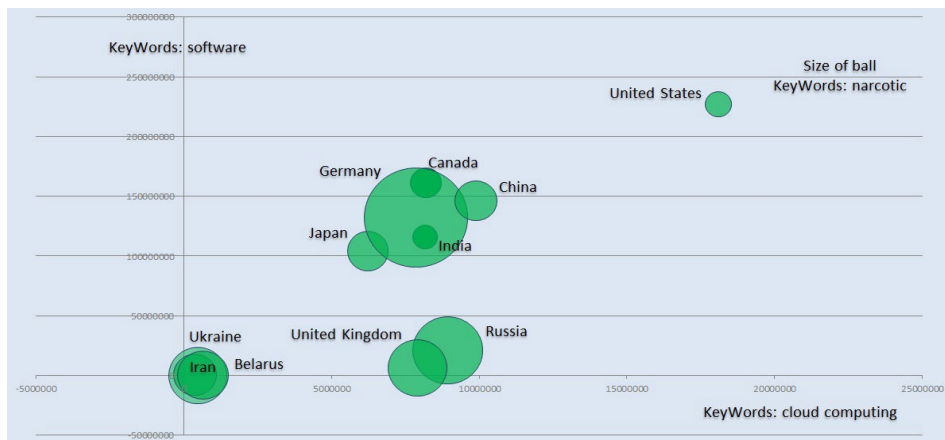

Рисунок 8. Отражение интеллектуального потенциала стран и тормозящего фактора

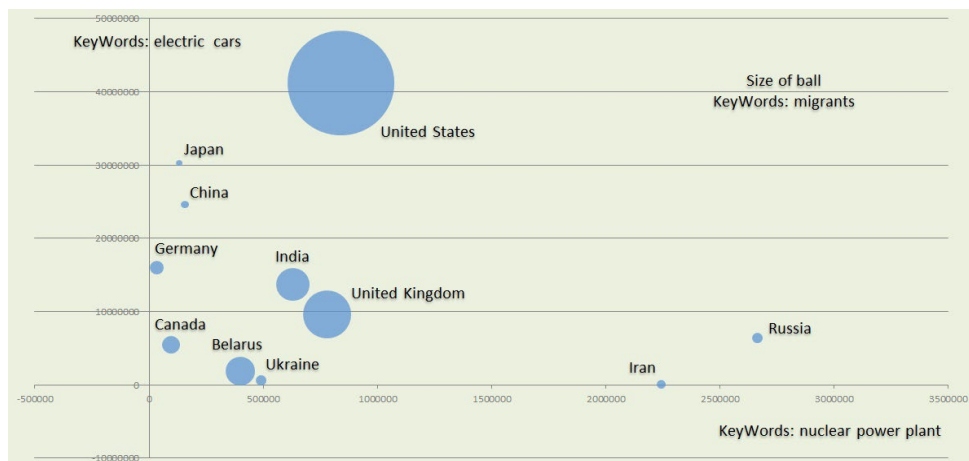

Рисунок 9. Отражение пространственного потенциала стран и тормозящего фактора

На рис. 7 можно заметить, что обсуждение проблем бедности в привязке к России сопоставимо с другими представленными странами, за исключением Украины, Беларуси и Ирана, для которых ключевое слово «poverty» встречается чаще в два и более раз. Данный график также отразил снижение интереса к нефти со стороны Великобритании, России, Японии, США, при сохранении более высокого интереса у Германии, Канады, Индии, Китая. Низкий интерес к теме нефти характерен для стран, успешно перестраивающихся к условиям нового технологического уклада.

На рис. 8 можно увидеть, что в привязке к России (как, впрочем, и к Великобритании) реже встречается ключевое слово «software», отражающее важное направление экономической независимости в новых условиях цифровой экономики. В то время как США — абсолютный лидер по интересу к технологиям нового технологического уклада. В качестве указания на тормозящий фактор выбрано слово «narcotic». Из представленных на графике стран худший показатель у Германии, для России тема наркомании тоже актуальна.

На рис. 9 заметно, насколько на США, лидирующие в развитии нового вида транспорта, оказывает негативное влияние проблема миграции. Для России отмечен высокий интерес к ядерной энергетике, что с точки зрения мирового перехода на электротранспорт весьма выгодно, так как создает устойчивую инфраструктуру для генерации и поставок электроэнергии для электротранспорта.

Таким образом, в рамках нашего исследования по API-социологии в сравнении с рядом стран Россия по трем потенциалам занимает скорее устойчивые и перспективные позиции, чем проигрышные, с поправкой на необходимость корректировать такие явления, как наркомания, слабый отечественный рынок программного обеспечения и пока еще недостаточное внимание к отечественному электроавтомобилестроению.

Дендрографический анализ

Впервые в данном исследовании по API-социологии, проводимом с 2015 г., представлены результаты дендрографического анализа (разновидность кластер-

ного анализа). Для матрицы слов по 2015 г. и матрицы по 2016 г. получен одинаковый результат в отношении США — эта страна стоит отдельно от всех остальных выбранных стран. Учитывая набор ключевых слов, а также самую интенсивную активность США в интернете, данный факт свидетельствует о технологическом лидерстве США. Указания на это были получены и в ходе предыдущего этапа исследования.

Дендрографический анализ (иерархическая кластеризация) выполнен двумя методами — одиночной связи и полной связи. Для определения расстояния между объектами (или кластерами) используется разная мера. В случае метода одиночной связи (Single Linkage) идет поиск двух наиболее близких объектов — это правило «ближайшего соседа» (Nearest Neighbor), далее к паре присоединяются расположенные ближе следующие объекты. Этот метод лучше подходит для выявления ограниченного числа крупных кластеров. Если за меру принимается как можно более удаленное положение объектов, то это метод полной связи (Complete Linkage) или «дальнего соседа» (Furthest Neighbor). Объект присоединяется к кластеру, если самый далекий элемент этого кластера находится ближе всего к новому объекту, чем самые далекие элементы других кластеров. Метод полной связи позволяет обнаружить большее число мелких кластеров.

На рис. 10 представлен фрагмент дендрограммы (матрица за 2016 г., метод полной связи), на котором видно, что США находятся отдельно от всех стран, а Россия имеет наиболее близкое родство с Великобританией (полностью дендрограмма представлена в *Приложении 2*). На дендрограмме по матрице за 2015 г. Россия имеет близкое родство с Австралией. Результат говорит о том, что в целом особенности распределения частоты ключевых слов в заданном множестве данных по России схожи со странами англосаксонской культуры.

На рис. 11 представлен фрагмент дендрограммы (матрица за 2016 г., метод одиночной связи), где анализируемыми параметрами стали ключевые слова (полностью дендрограмма приведена в *Приложении 3*). Этот фрагмент интересен распределением слов на два тематических семейства. Слева группа слов отражает темы военных действий и преступности, и к этим словам попало слово «smartphone», что может свидетельствовать о роли мобильной интернет-связи в этих двух сферах. Группа слов справа объединила нефть и новые тренды технологического развития, включая 3D-печать. Такая связь характерна и показательна для формирования нового типа промышленного производства, где продукты нефтехимии используются в качестве «чернил» для 3D-печати. Один из будущих масштабных рынков промышленной 3D-печати — производство электромобилей (full-body 3D-printed car из армированного углеродным волокном термопластика / carbon-fiber reinforced plastic, CFRP). Электромобили для управления имеют «начинку» из алгоритмов искусственного интеллекта, связанных с миром интернета вещей через облачные технологии и мобильные приложения. Для зарядки электромобилей в США строят станции с солнечными батареями. Родство всех этих тем отражено в крупном кластере на полученной дендрограмме.

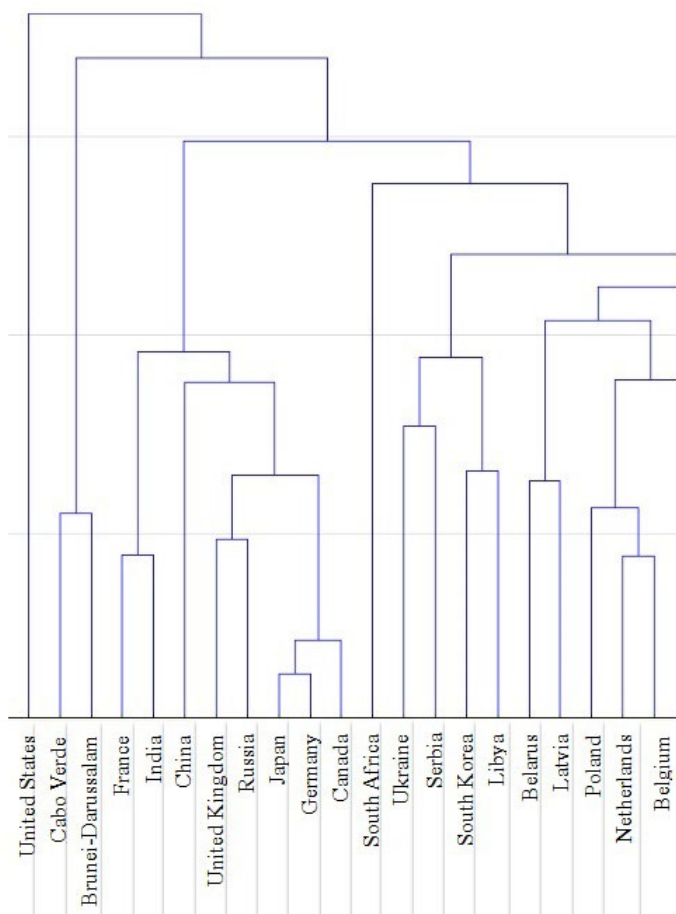

Рисунок 10. Фрагмент дендрограммы по матрице из 52 ключевых слов и 100 стран, 2016 г.; анализируемые параметры — страны

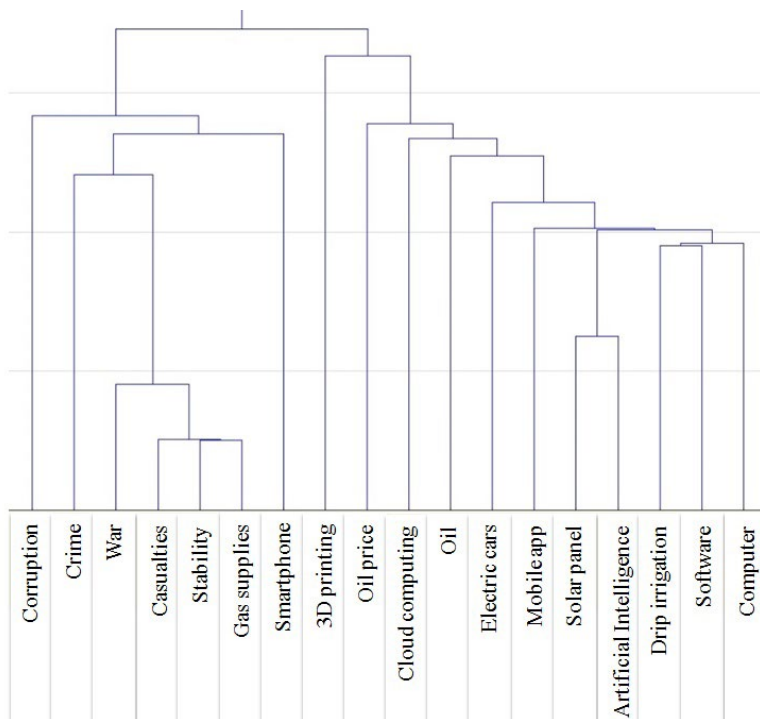

Рисунок 11. Фрагмент дендрограммы по матрице из 52 ключевых слов и 100 стран, 2016 г.; анализируемые параметры — ключевые слова

Кластерный анализ

В данной статье кластерный анализ не представлен подробно. Излагая результаты кратко, необходимо отметить, что по переменной «страна» наилучшей кластеризацией является разбиение на шесть групп. Распределение на кластеры в основном происходит по принадлежности стран к высокой, средней или низкой активности в интернете, однако на формирование кластера могут оказать влияние и особенности в распределении паттернов ключевых слов внутри матрицы. С этой точки зрения из полученных кластеров привлек внимание кластер за 2015 г., в который попало восемь стран: Йемен, Южная Корея, Бельгия, Нидерланды, Польша, Латвия, Беларусь и Казахстан. Интересно, что в матрице за следующий 2016 г. такого кластера не выявлено, но все эти восемь стран имеют в 2016 г. слово «narcotic» в качестве часто встречающегося слова первого и второго уровня.

Стоит отметить, что в целом в данном исследовании слово «narcotic» как ведущий паттерн отмечено у пяти стран (см. рис. 1). Среди часто встречающихся ключевых слов первого уровня слово «narcotic» имеют 25 стран, а среди частых слов второго уровня — 26. Таким образом, всего 51 страна из 100 (то есть 51 %) имеет слово «narcotic» в качестве часто встречающегося слова первого и второго уровня (см. Приложение 4).

Что объединило восемь стран в заинтересовавший исследователей кластер, можно понять, посмотрев табл. 2. Это совпадения ключевых слов в качестве часто встречающихся преимущественно негативного и дестабилизирующего характера. Ключевое слово «mobile phone» указывает на роль связанности общества через персональную мобильную связь, которая усиливает любые внутренние процессы, от протестных настроений до терроризма и преступности. Слова «development» и «democracy» хотя и относятся к позитивной группе слов, но в данном контексте лишь указывают на социальную значимость выявленных особенностей кластера.

На рис. 12 представлена карта мира, на которой маркерами-ромбами отмечены страны, характеризующиеся частой встречаемостью ключевого слова «narcotic» (первый и второй уровень паттернов частых слов). Маркеры совпадают с реальными маршрутами афганского героинового наркотрафика — балканским и северным, а также с маршрутом кокаина в США из Колумбии¹³. Маркер-звездочка показывает восемь стран из обсуждаемого кластера. Математическая аналитика Больших данных выходит за грань человеческих возможностей увидеть закономерности, за грань интуиции исследователя, о чем часто говорят ученые, представляющие те или иные современные методы математической обработки параметров. В данном случае в кластер страны объединились за год до того, как в их информационном поле стало доминировать слово «narcotic». Можно предположить, что эти восемь стран подверглись каким-то похожим глубинным негативным социальным процессам (что нашло отражение в соотношении паттернов ключевых слов в рамках единой матрицы), на фоне которых наркомания приобретает особое разрушительное воздействие.

Рисунок 12. Карта (ресурс Google) с нанесенными маркерами-ромбами, указывающими на страны, для которых ключевое слово «narcotic» является часто встречающимся (первый и второй уровень паттернов частых слов). Маркеры-звездочки указывают на страны из обсуждаемого в тексте кластера. Маркеры совпадают с реальными маршрутами афганского героинового наркотрафика — балканским и северным, а также с маршрутом кокаина в США из Колумбии

¹³ World Drug Report 2017. UNODC, Vienna, 2017. URL: <https://www.unodc.org/wdr2017/index.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Таблица 2. **Совпадение ключевых слов для восьми стран кластера* в качестве паттернов часто встречающихся слов за 2015—2016 гг.**

Совпадение 100 % (8 стран)	Совпадение 75 % (6 стран)	Совпадение 50 % (4 страны)
narcotic	protest	Muslims
poverty	demonstration	terrorism
strike	development	mobile phone
revolution	corruption	morbidity
	occupation	GMO harmful
	crime	democracy
	alcoholism	
	terrorist	

* Йемен, Южная Корея, Бельгия, Нидерланды, Польша, Латвия, Беларусь и Казахстан.

Заключение

Проблема анализа интернет-данных обсуждается социологами уже несколько лет. Активной профессиональной площадкой для таких дискуссий традиционно выступает ежегодная Грушинская конференция¹⁴. После первого этапа сомнений о пригодности Больших данных для генерации научно-практических выводов наступил следующий этап проб и ошибок, когда возникла масса исследований с разными целями и методами. По мере развития интернет-социологии определились два направления — сбор IP-данных (Internet Protocol) и сбор данных через API. Сейчас уже можно расставить некоторые акценты.

Во-первых, крупные агрегаторы данных, предоставляющие платформы для разного рода взаимодействия людей в виртуальной среде, такие как Google, Facebook, Twitter, «ВКонтакте», «Яндекс» и т. д., имеют свой уникальный дизайн. Именно эта виртуальная инфраструктура и представляет научный интерес, не нужно дополнительно придумывать что-то новое. Важно исследовать то, как люди осуществляют взаимодействие на популярных интернет-площадках, что происходит, как это влияет на людей. В том или ином виде все крупные агрегаторы данных предоставляют возможность для аналитики, либо можно применять к ним дополнительно созданные инструменты для майнинга данных.

Во-вторых, не стоит «притягивать» классические социологические исследования к интернет-среде, так как интернет-социум — это иное явление, имеющее свои еще не познанные законы и тенденции. Определенно можно сказать, что человеческое общество подвергается благодаря интернету трансформации по трем направлениям: виртуализация жизни, хаотизация взаимосвязей и статусов, ускорение течения всех социальных процессов внутри связанного информационными технологиями социума. Конечно, исследования, в которых проводят интернет-соцопросы, анализируют выборку конкретных людей (стараясь отсекаль дубли-

¹⁴ Федоров В. В. Стенограмма выступлений президиума на пленарном заседании «Большая социология: интеграция новых данных и экспансия в междисциплинарность». V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». М.: РАНХиГС, 2015.

рующие виртуальные аккаунты или боты), делят на кластеры сегменты соцсетей, анализируют тематические группы, строят графы, отслеживают маршруты посещения сайтов, реакцию на события и публикации СМИ, комментарии и хэштеги и т. д. — уникальны и важны, они имеют нескончаемое число вариантов и уже стали поводом для описания новых тенденций в жизни общества. Не менее интересен и анализ текстов, причем не только Sentiment Analysis (анализ тональности текста), но и морфологический анализ, при котором подсчитываются ключевые слова и сравниваются паттерны частоты встречаемости определенных слов в текстах или запросах [Андрианов и др., 2014; Беляков, 2016а; 2016b; Варламов, Турдаков, 2016; Джапек, 2015; Посевкин, Бессмертный, 2015; Dietrich et al., 2015]. Ярким примером морфологического анализа служит сервис Google Trends поисковой системы Google¹⁵. Google-Тренды сами по себе интересны для анализа, но можно делать и свое исследование Google, применяя специально разрабатываемое программное обеспечение (что и сделано в представленном в данной статье исследовании). Особо выдающиеся работы по изучению интернета и мобильных сетей принадлежат исследователям в области Network Theory Альберту-Ласло Барабашу [Barabási, 2002; Barabási, 2016] и Марку Ньюману [Newman, 2010].

Резюмируя описанные результаты исследования, необходимо отметить следующее.

- Морфологический анализ с представленной конкретной матрицей ключевых слов позволяет изучить глобальный образ мировой интернет-дискуссии, отражающий процессы трансформации, происходящие в мире. Для каждой из стран можно оценить степень адаптации к меняющимся условиям технологического уклада и уровень социального стресса.
- Паттерны ключевых слов могут рассматриваться как информационные следы диффузии технологий в экономиках стран, с поправками на интенсивность общего интернет-присутствия страны или темы страны и возможность дискуссии по вопросу технологии, которой еще нет, но ее уже активно обсуждают.
- Дендрографический анализ, применяемый в генетических исследованиях, показал результативность в морфологической текстовой аналитике.
- Паттерны слов «narcotic» в привязке к названиям стран при наложении их на карту мира совпали с основными международными общеизвестными путями наркотрафика. А кластерный анализ выявил страны, в которых наркомания скорее всего имеет схожее системное негативное воздействие на жизнь социума, отражение чего определил математический алгоритм, найдя одинаковые взаимосвязи в рамках анализируемой матрицы.

Выводы

Результаты проведенного исследования по API-социологии позволили сделать следующие выводы:

1. Модель глобальной дискуссии, относящаяся к текстовым Большим данным Google за 2015—2016 гг., имеет социальную направленность и соотносится с трендами социальной нестабильности по данным ежегодного доклада «The Global Risks

¹⁵ URL: <https://trends.google.com/trends/> (дата обращения: 19.03.2014)

Report» Всемирного экономического форума. Построенная модель глобальной дискуссии релевантна одному из сценариев будущего, описанных в докладе MFP-2030, который называется «темная сторона эксклюзивности» (dark side of exclusivity). Для этого сценария характерно ослабление государств из-за внутренних социальных проблем, обусловленных сменой технологического уклада в глобальной экономике. Эти проблемы государства не могут решать в одиночку, поддерживая свою эксклюзивность. Необходимы международные согласованные меры по адаптации к социальной и экономической глобализации и трансформации.

2. Тематический анализ по трем потенциалам развития — природному, интеллектуальному, пространственному — показал, что в сравнении с рядом стран Россия занимает скорее устойчивые и перспективные позиции, чем проигрышные, с поправкой на необходимость корректировать такие явления, как наркомания, слабый рынок программного обеспечения и пока еще недостаточное внимание к отечественному электроавтомобилестроению.

3. По результатам дендрографического анализа Россия и Великобритания, а также Австралия имеют близкое родство, схожие особенности распределения частоты ключевых слов в заданном множестве данных за 2015 и 2016 гг. То есть отражение в интернете социально-экономических тем для России и стран с англосаксонской культурой имеет схожие черты.

4. Йемен, Южная Корея, Бельгия, Нидерланды, Польша, Латвия, Беларусь и Казахстан по результатам текстовой аналитики могут быть отнесены к странам с глубокими изменениями социально-экономической сферы из-за распространности употребления наркотиков.

Список литературы (References)

Андрианов И. А., Турдаков Д. Ю., Астраханцев Н. А., Недумов Я. Р., Сысоев А. А., Майоров В. Д., Федоренко Д. Г., Кузнецов С. Д., Коршунов А. В. Texterra: инфраструктура для анализа текстов // Труды Института системного программирования РАН (электронный журнал). 2014. 1 (26). С. 421—438.

Andrianov I. A., Turdakov D. Yu., Astrakhantsev N. A., Nedumov Ya.R., Sysoev A. A., Mayorov V. D., Fedorenko D. G., Kuznetsov S. D., Korshunov A. V. (2014) Texterra: infrastructure for text analysis. In: *Proceedings of the Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences* (electronic journal). Vol. 1. No. 26. P. 421—438. (In Russ.)

Беляков М. В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа (статья 1) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016а. № 3. С. 58—67.

Belyakov M. V. (2016a) The Analysis of News Messages of the Site of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs Applying Content-Analysis (Article 1). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. No. 3. P. 58—67. (In Russ.)

Беляков М. В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом сентимент-анализа (статья 2) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016b. № 4. С. 115—124.

Belyakov M. V. (2016b) The Analysis of News Messages of the Site of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs Applying Content-Analysis (Article 2). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. No. 4. P. 115—124. (In Russ.).

Варламов М. И., Турдаков Д. Ю. Обзор методов извлечения информации из веб-ресурсов // Программирование. 2016. Т. 42. № 5. С. 30—48.

Varlamov M. I., Turdakov D. Yu. (2016) A survey of methods for the extraction of information from Web resources. *Programming and Computer Software*. Vol. 42. No. 5. P. 30—48. (In Russ.).

Джапек Л., Крейтер Ф., Берг М. и др. Отчет AAPOR о Больших данных: 2015 / Американская ассоциация исследователей общественного мнения ; пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской ; предисловие Д. Рогозина. М., 2015.

Japex L., Kreuter F., Berg M., et al. (2015) Big Data in Survey Research: Aapor Task Force Report. Translated by D. Rogozin, A. Ipatova, E. Vyugovskaya. Foreword by D. Rogozin. Moscow. (In Russ.).

Колесниченко О. Ю., Смородин Г. Н., Ильин И. В., Журенков О. В., Мазелис Л. С., Яковлева Д. А., Дашонок В. Л. «Третья волна»: многоцентровое исследование по аналитике Big Data Академического партнерства EMC в России и СНГ // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 21—41.

Kolesnichenko O. Yu., Smorodin G. N., Ilyin I. V., Zhurenkov O. V., Mazelis L. S., Yakovleva D. A., Dashonok V. L. (2015) The Third Wave": Big Data Analytics Multicenter Study Provided by EMC Academic Alliance in Russia & CIS. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 21—41. (In Russ.).

Колесниченко О. Ю., Смородин Г. Н., Яковлева Д. А., Мазелис Л. С., Колесниченко Ю. Ю. API-социология: оценка глобальных деструктивных влияний на глокализационную ситуацию // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 30—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.03>.

Kolesnichenko O. Yu., Smorodin G. N., Yakovleva D. A., Mazelis L. S., Kolesnichenko Yu. Yu. (2016) API in Sociology: Assessing Global Destructive Effects on Glocalization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 30—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.03> (In Russ.).

Кондратьевские волны: наследие и современность / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель, 2015. [

Kondratiev waves: heritage and contemporaneity: Yearbook. (2015) Ed. by Grinin L. E., Korotaev A. V., Bondarenko V. M. Volgograd: Uchitel'. (In Russ.).

Посевкин Р. В., Бессмертный И. А. Применение сентимент-анализа текстов для оценки общественного мнения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Vol. 1. No. 15. С. 169—171.

Posevkin R. V., Bessmertny I. A. (2015). Texts Sentiment-Analysis Application for Public Opinion Assessment. *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*. Vol. 1. No. 15. P. 169—171. (In Russ.).

Barabási A-L. (2016) *Network Science*. UK: Cambridge University Press.

Barabási A-L. (2002) *Linked: The New Science of Networks*. USA: Perseus Books Group.

Dietrich D., Heller B., Yang B. (2015) *Data Science & Big Data Analytics: Discovering, Analyzing, Visualizing and Presenting Data*, USA: Wiley.

Does A. (2013) *The Construction of the Maras. Between Politicization and Securitization*. Monograph. Graduate Institute Publications. <https://doi.org/10.4000/books.iheid.716>.

Hirooka M. (2006) *Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective*. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.

Kolesnichenko O., Smorodin G., Yakovleva D., Mazelis L., Zhurenkov O., Kolesnichenko Yu. (2016) Text Big Data Analytics: exploring API opportunity. In: *10th IEEE International Conference on Application of Information and Communication Technologies — AICT-2016*. Qafqaz University, Azerbaijan, Baku. P. 37—41.

Korotayev A., Zinkina Ju., Bogevolnov Ju. (2011) Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900—2008). *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 7. No. 78. P. 1280—1284. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.02.011>.

Newman M. E. J. (2010) *Networks. An Introduction*. UK: Oxford University Press.

МНОГОЦЕНТРОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ АРІ-СОЦИОЛОГИИ

Аналитика Больших данных

ПОД ЭГИДОЙ

Национального Суперкомпьютерного Форума - Национальной Суперкомпьютерной Технологической Платформы

2018 год

Приложение 1 к статье:

Д.А. Яковлева, О.Ю. Колесниченко, Л.С. Мазелис, И.Н. Григорьевский, Ю.Ю. Колесниченко

АРІ-СОЦИОЛОГИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО GOOGLE: ЖИВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Графики по итогам обработки результатов в 2017-2018 годах. API Google, 2017 год, набор данных с указанием названий стран и 2015-2016 годов.

Матрица из 52 ключевых словосочетаний, английский и русский языки. Морфологический анализ, количество ключевых слов до миллионов. 100 стран.

Матрица ключевых слов:

Unit «Information»: computer, cloud computing, mobile phone, dollar exchange rate, euro exchange rate, mobile app, software, artificial intelligence, smartphone.

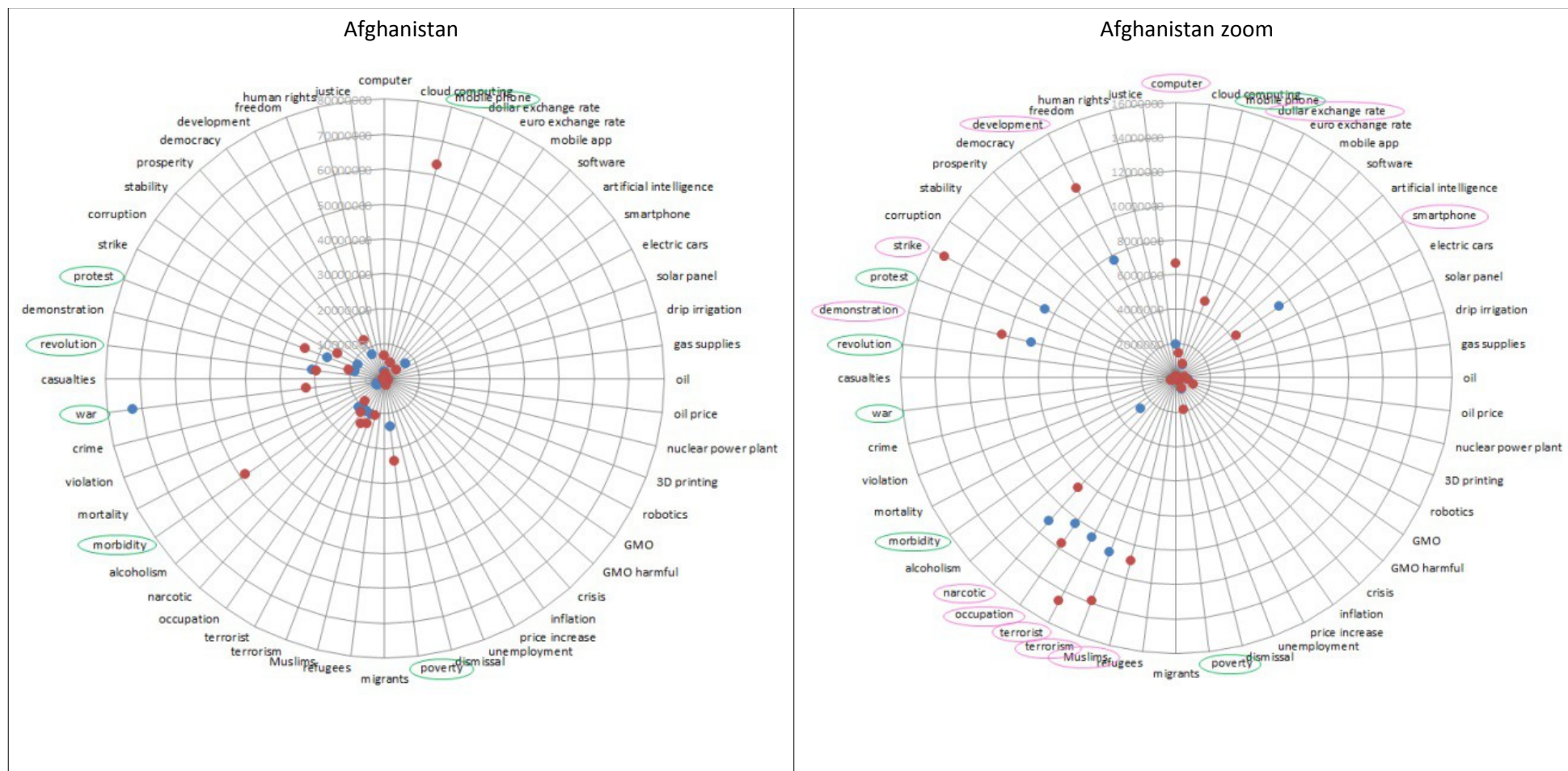
Unit «Energy & Material»: electric cars, solar panel, drip irrigation, gas supplies, oil, oil price, nuclear power plant, 3D printing, robotics, GMO, GMO harmful.

Unit «Social inequality»: crisis, inflation, price increase, unemployment, dismissal, poverty.

Unit «Stress load»: migrants, refugees, Muslims, terrorism, terrorist, occupation, narcotic, alcoholism, morbidity, mortality, violation, crime, war, casualties.

Unit «Social profile»: revolution, demonstration, protest, strike, corruption, stability, prosperity, democracy, development, freedom, human rights, justice.

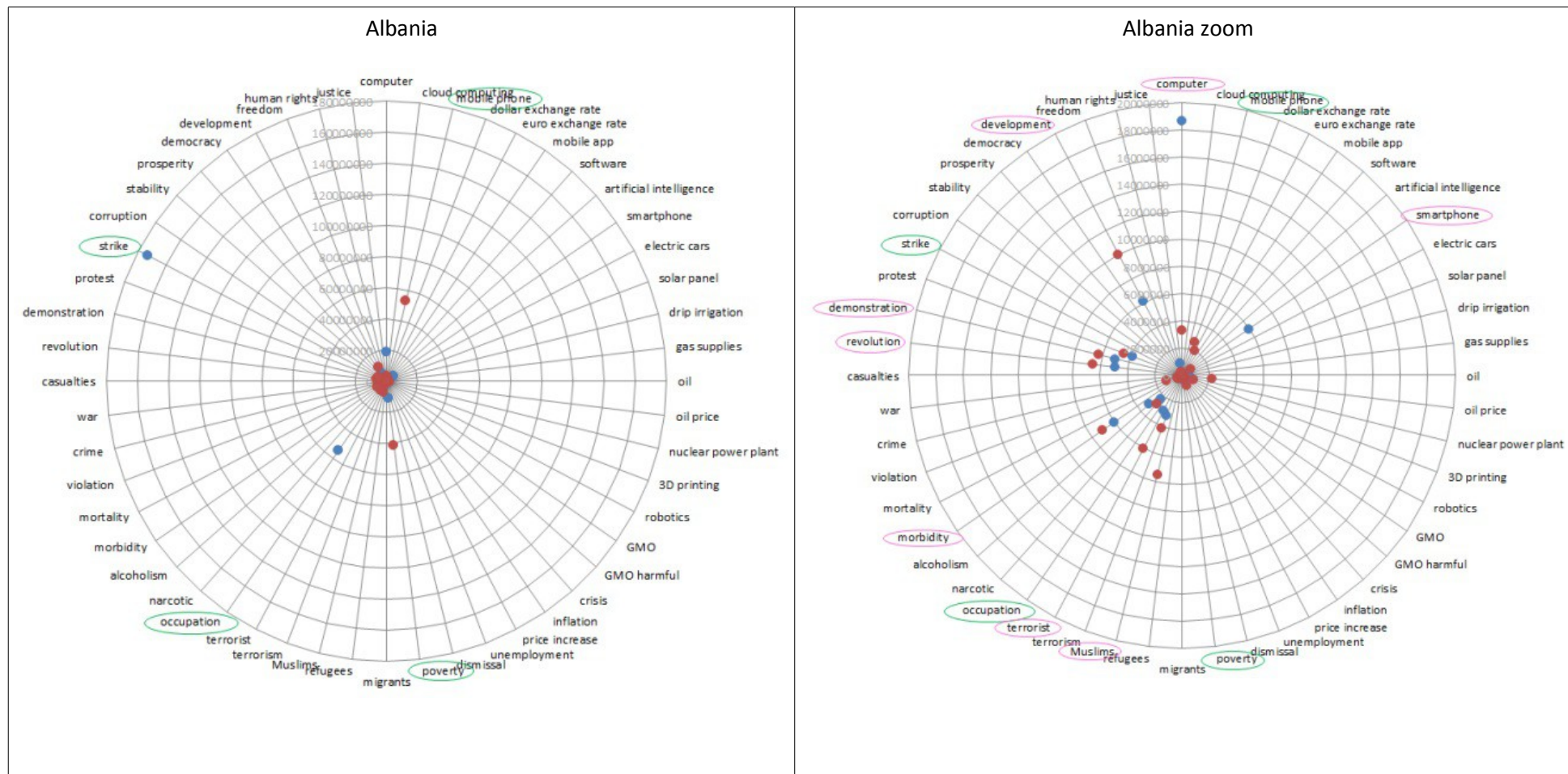
Открытые данные

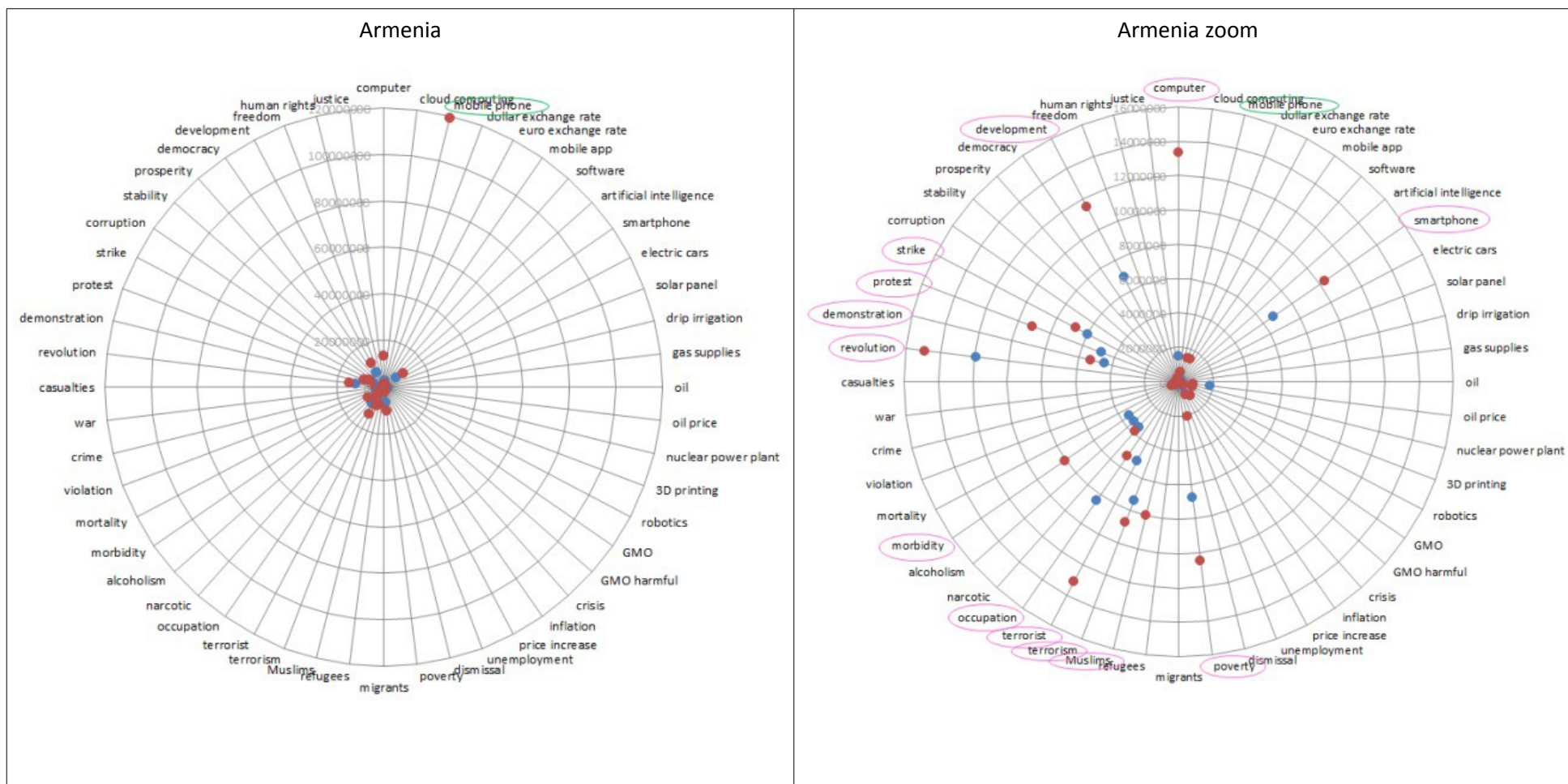
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

Открытые данные

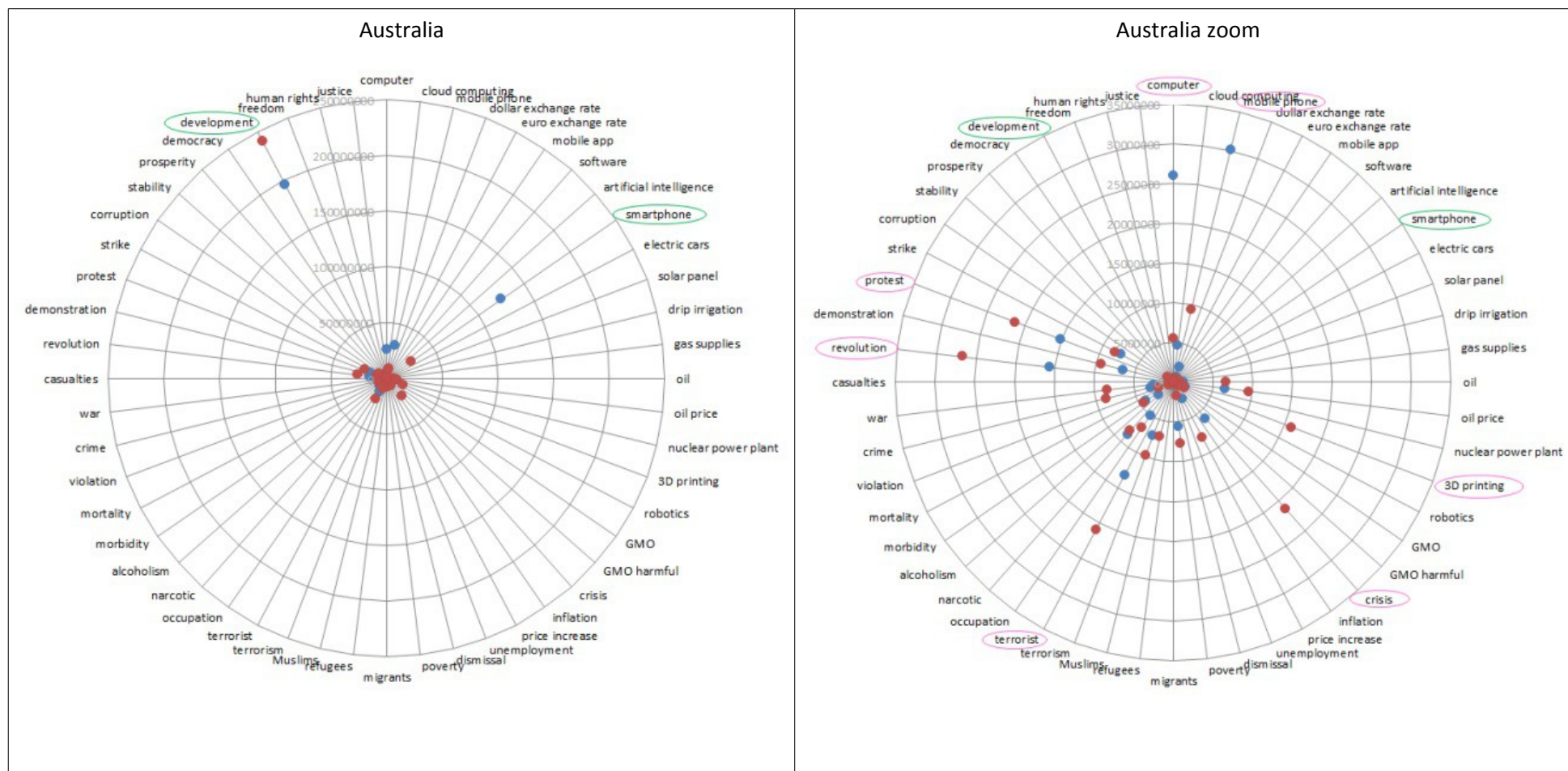
Открытые данные

© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

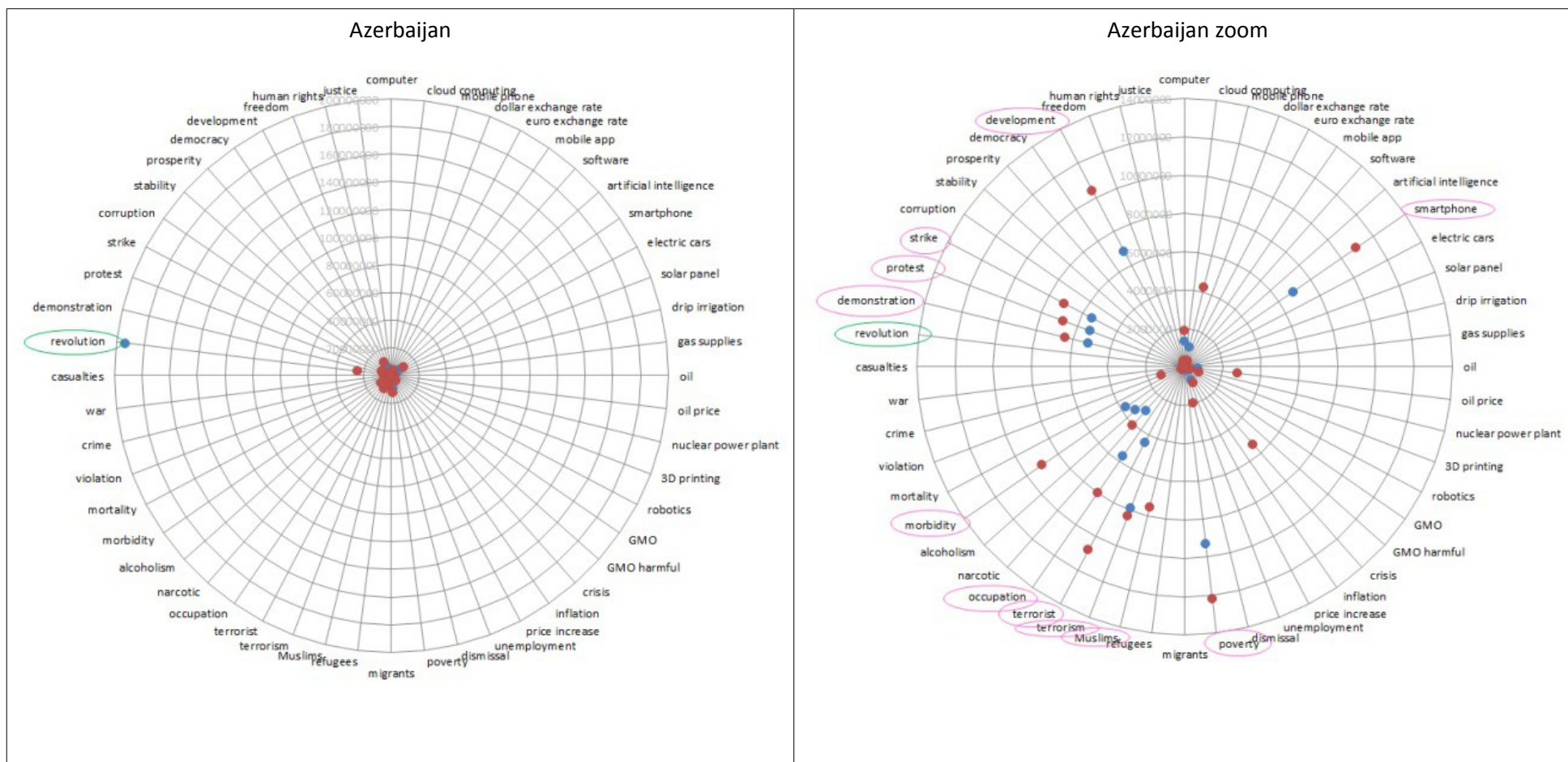
Открытые данные

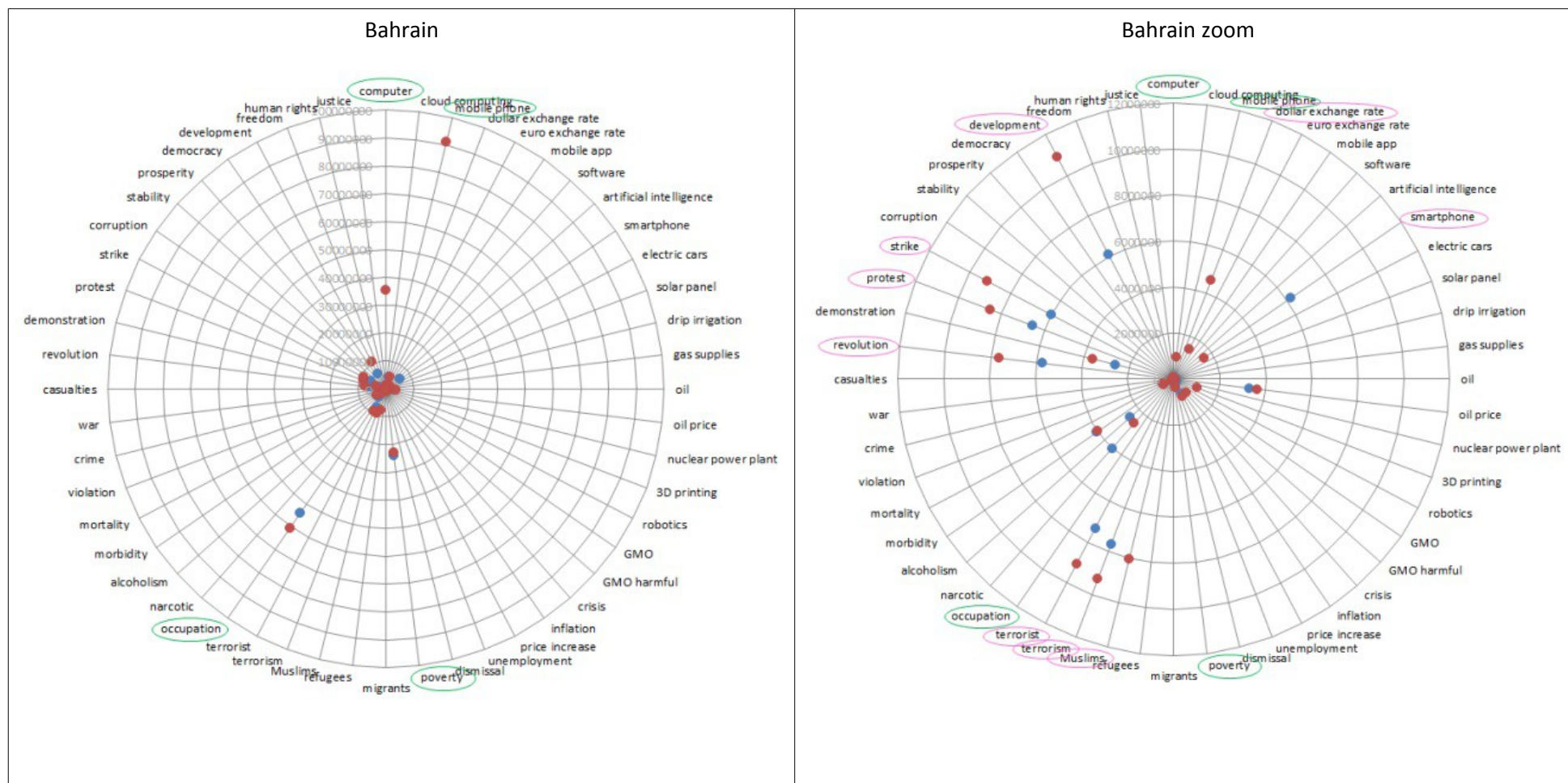
Открытые данные

Открытые данные

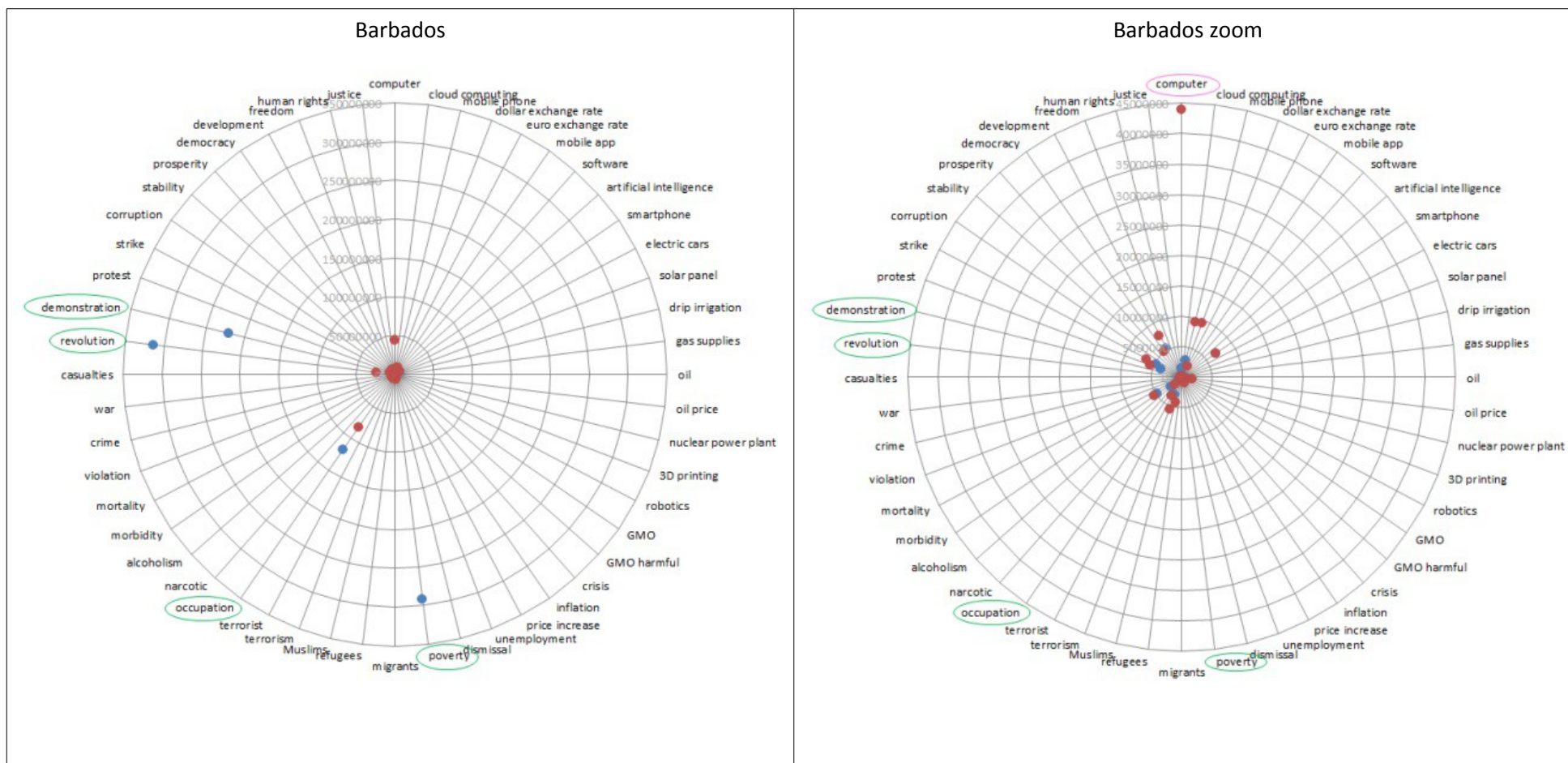
Открытые данные

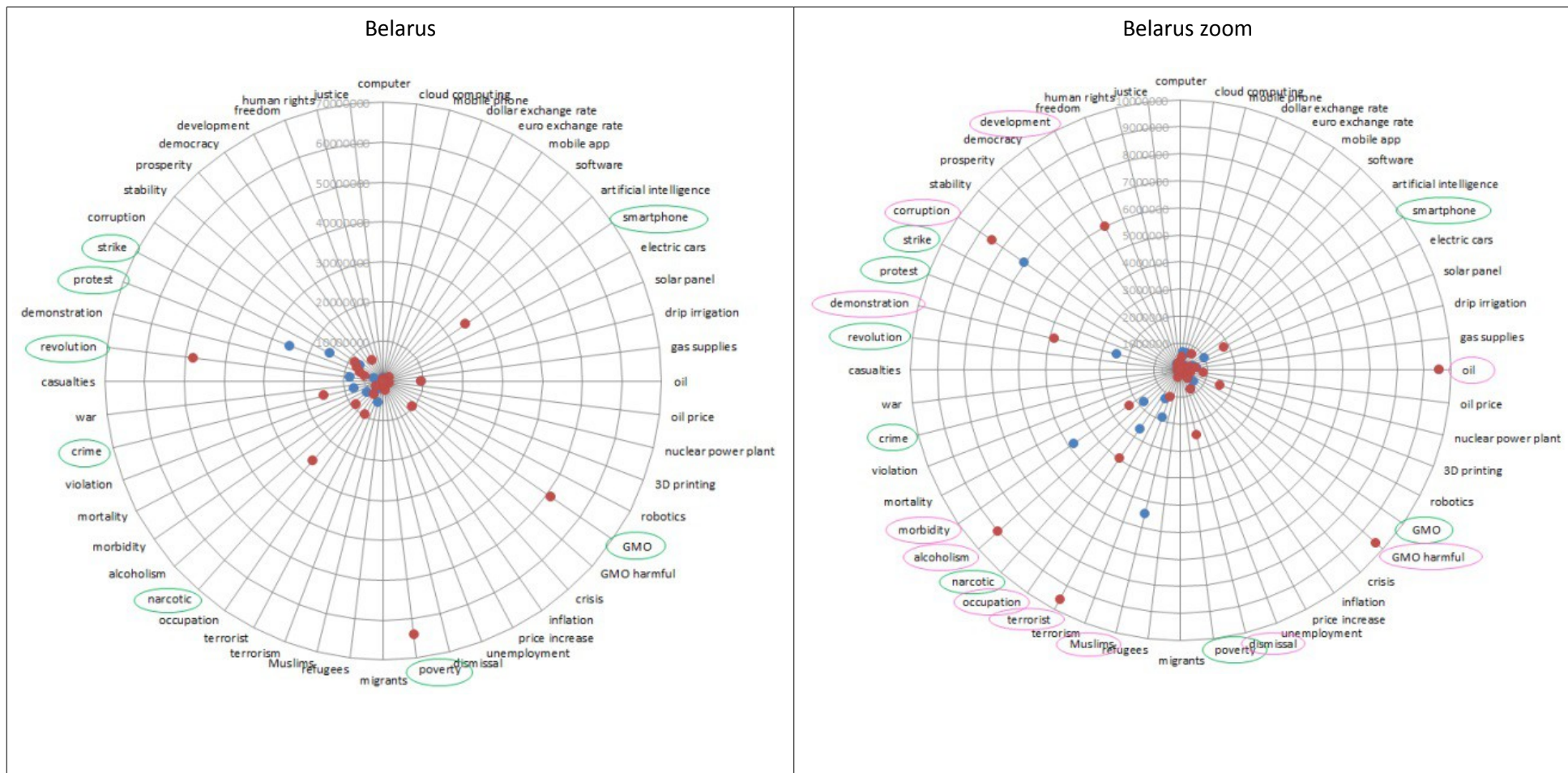
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

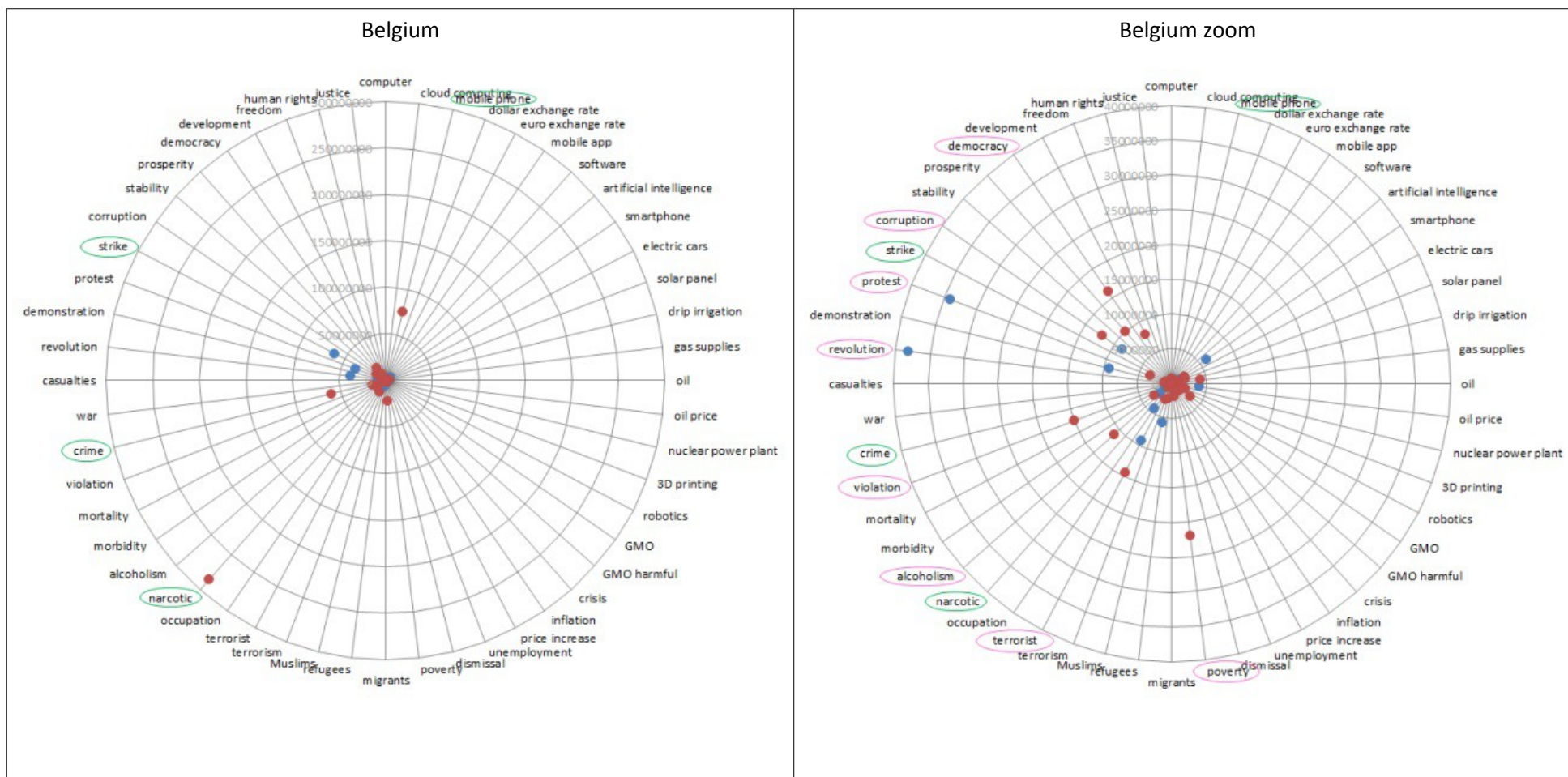
Открытые данные

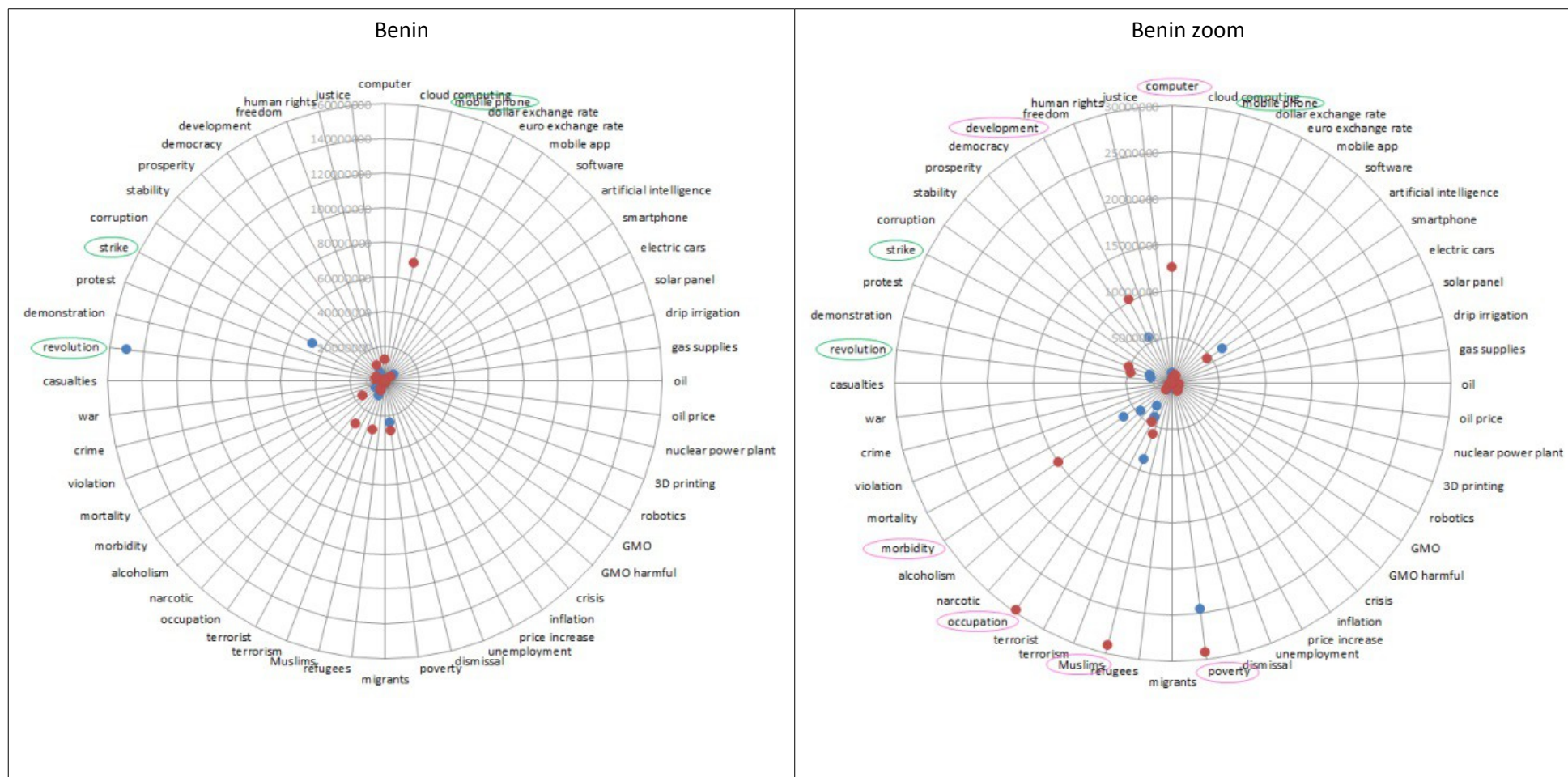
Открытые данные

Открытые данные

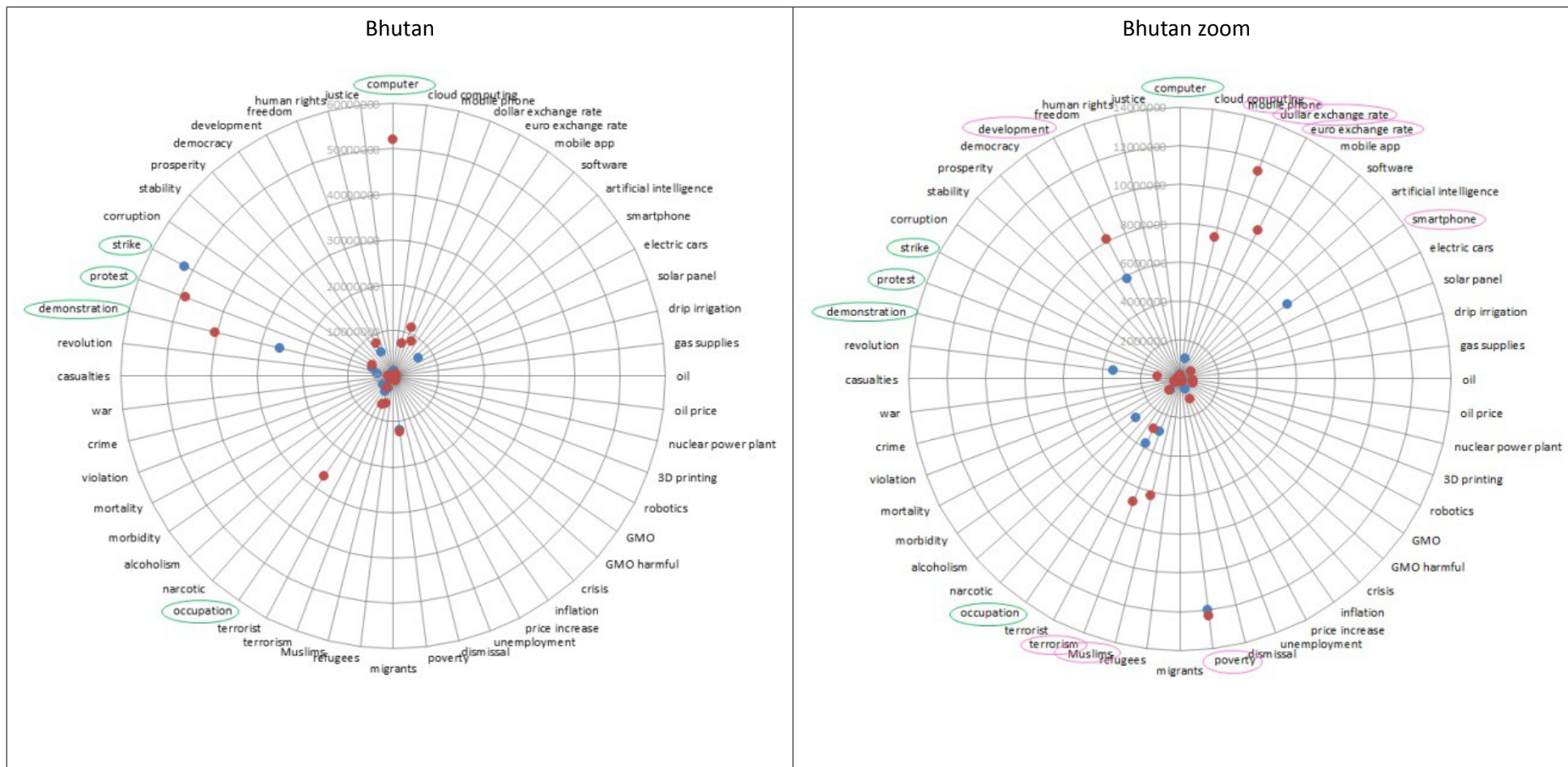
Открытые данные

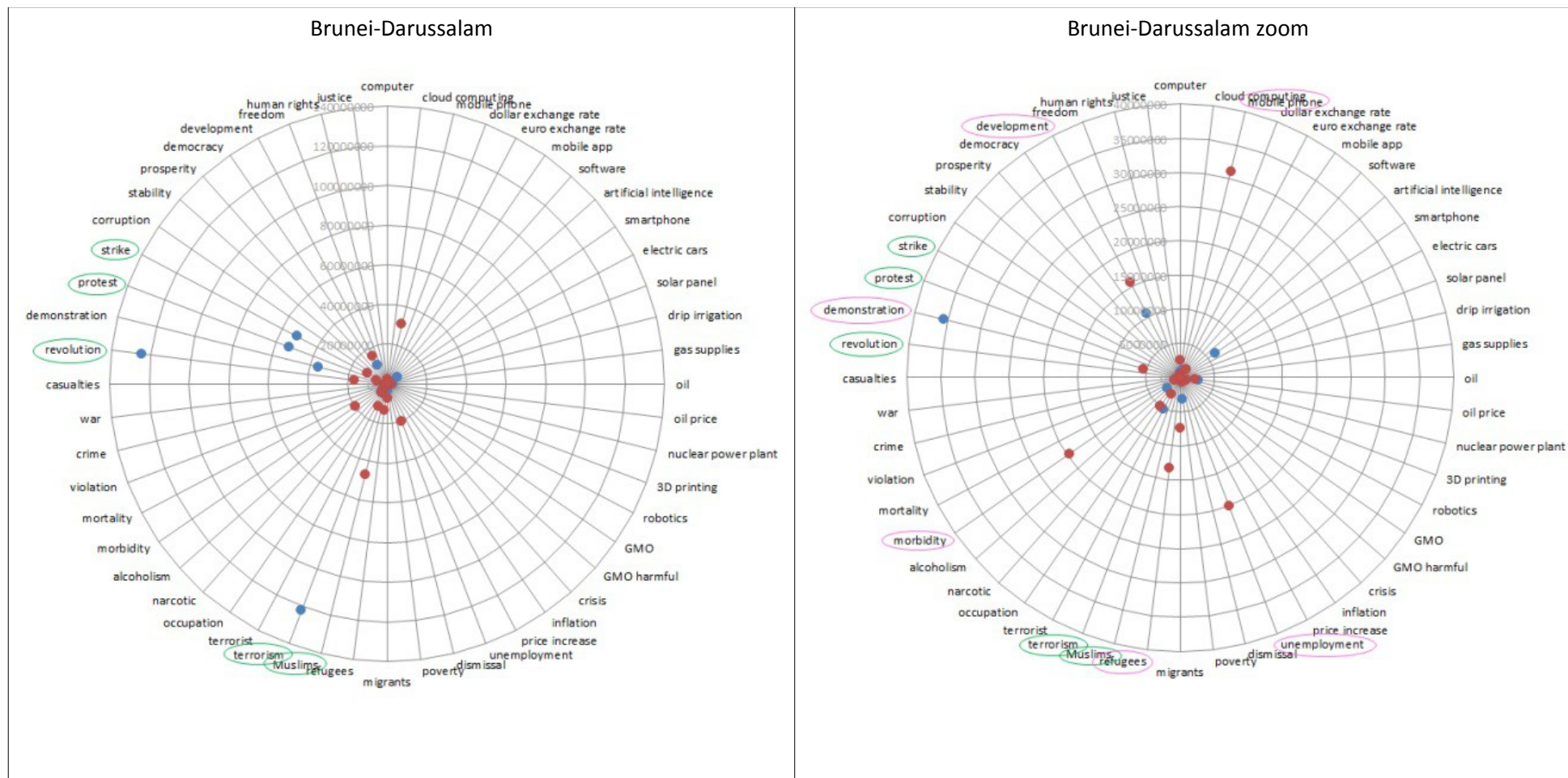
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

Открытые данные

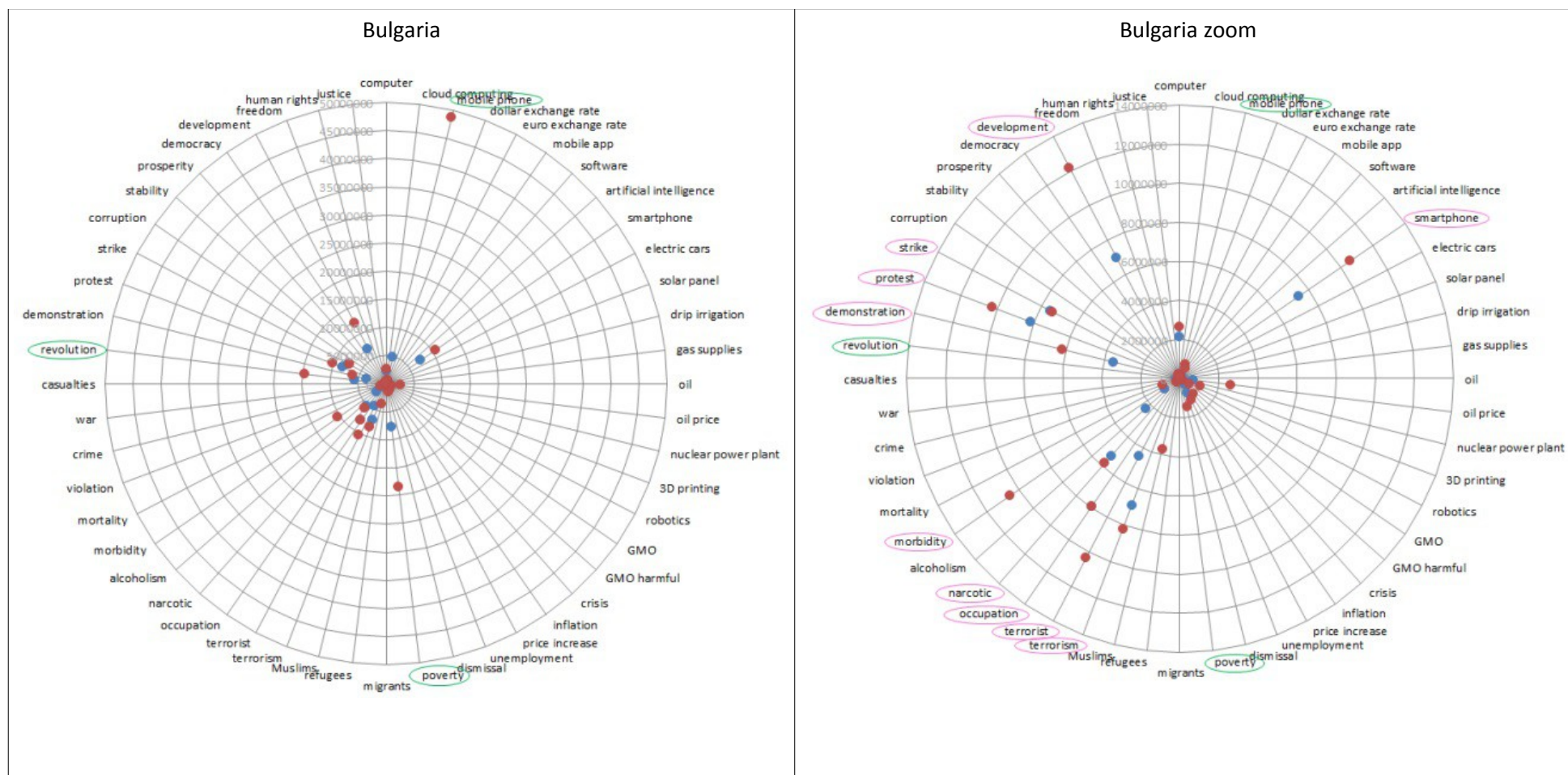
Открытые данные

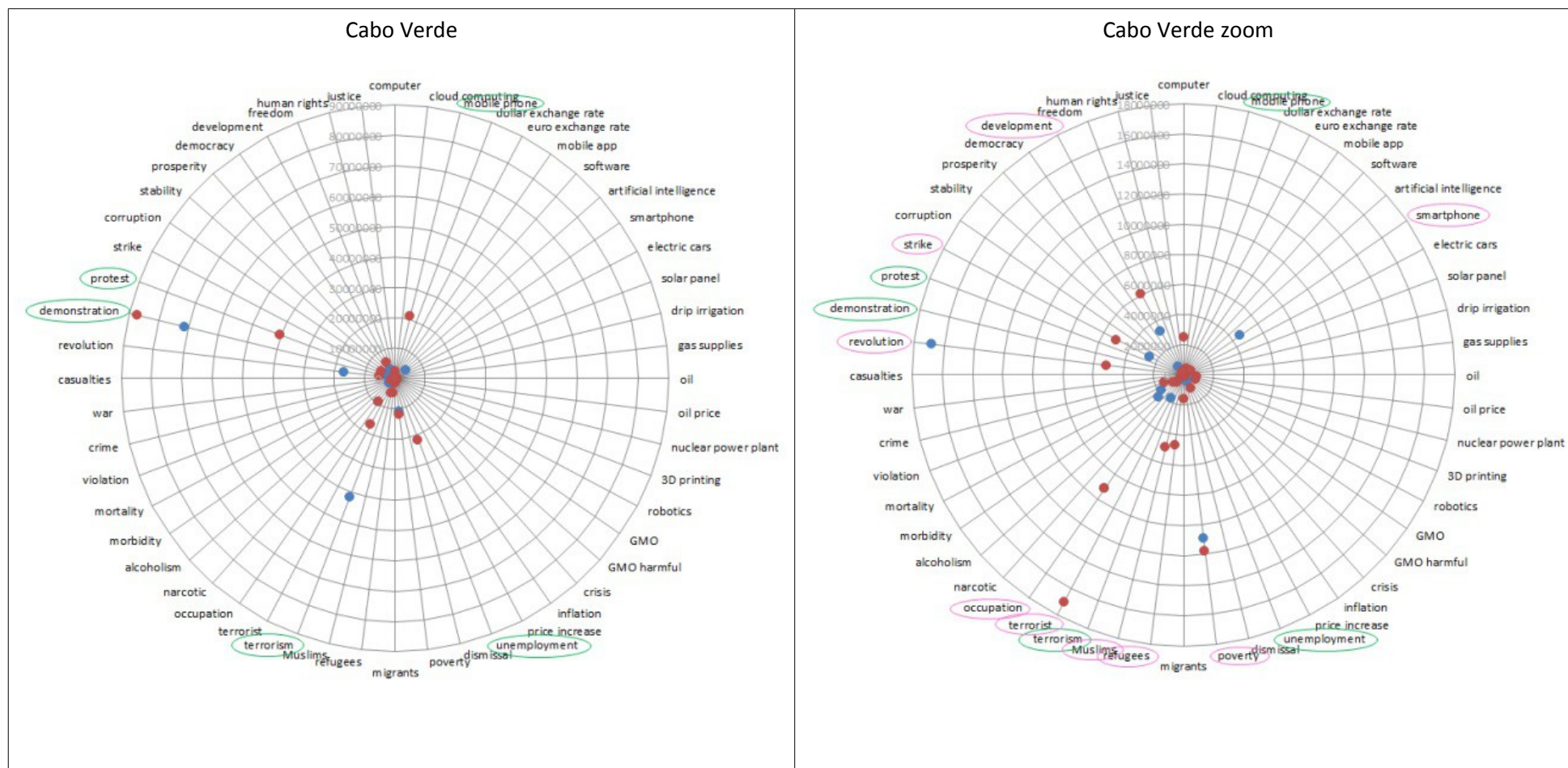
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

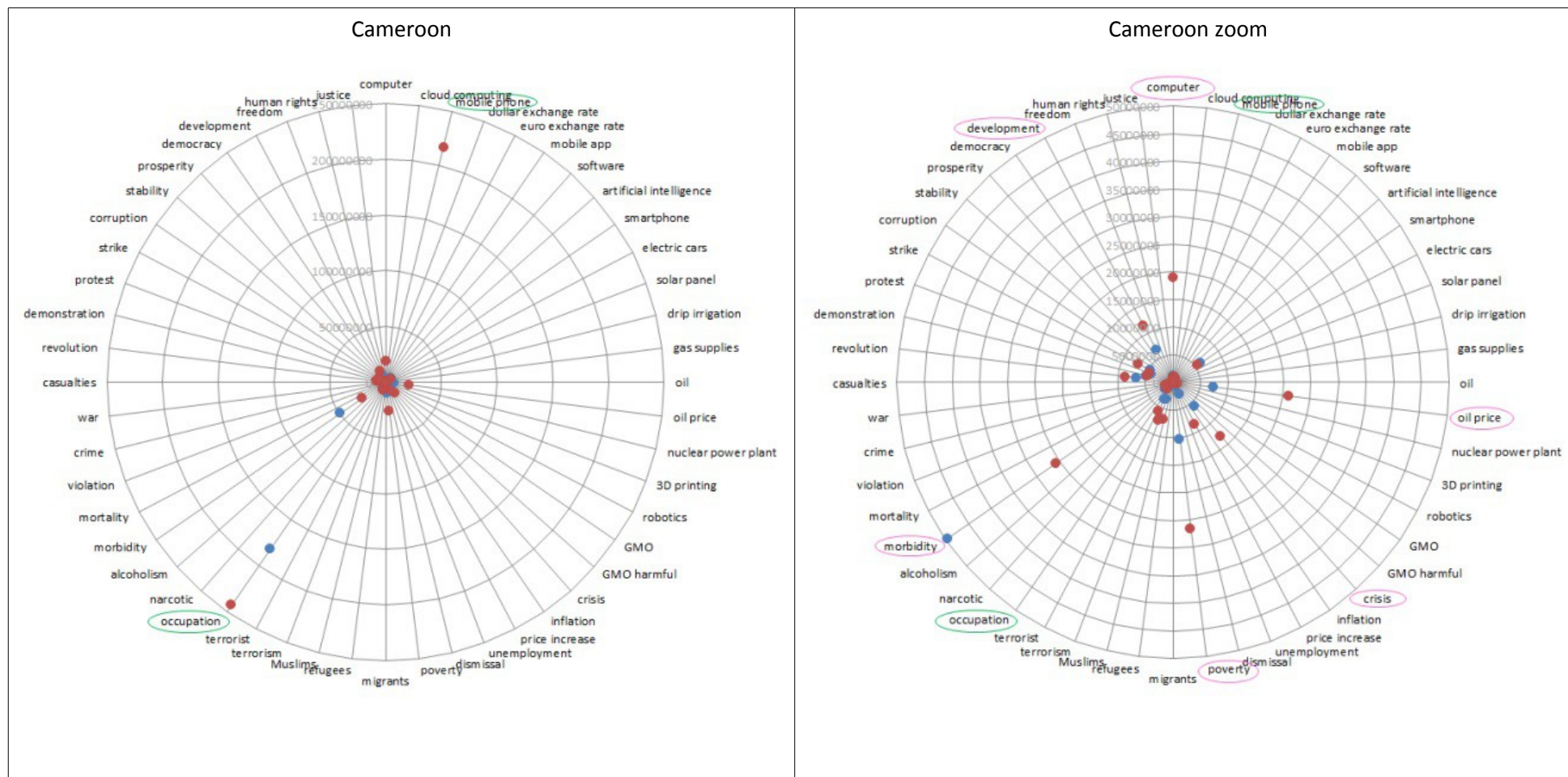
Открытые данные

Открытые данные

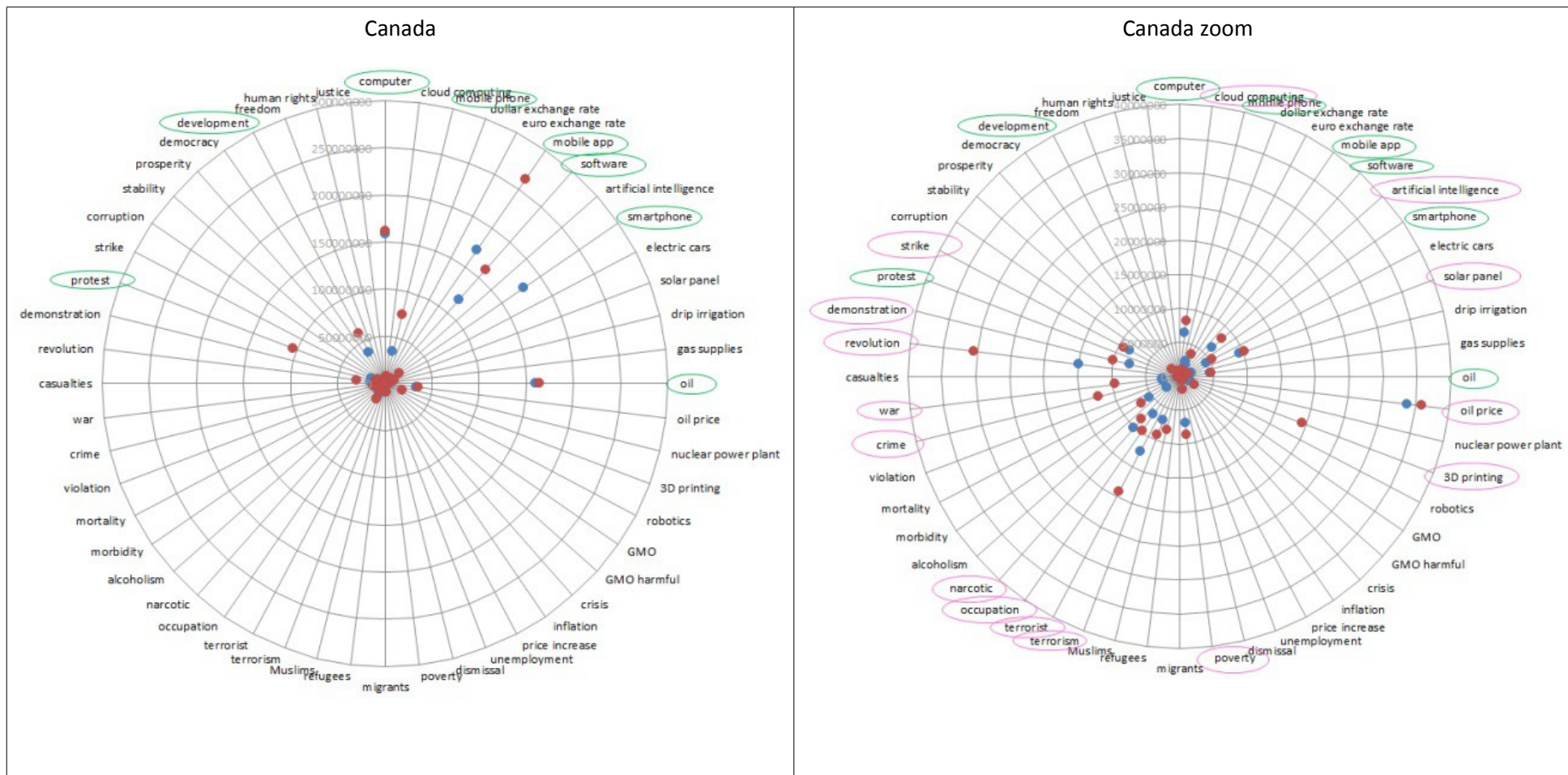
Открытые данные

© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

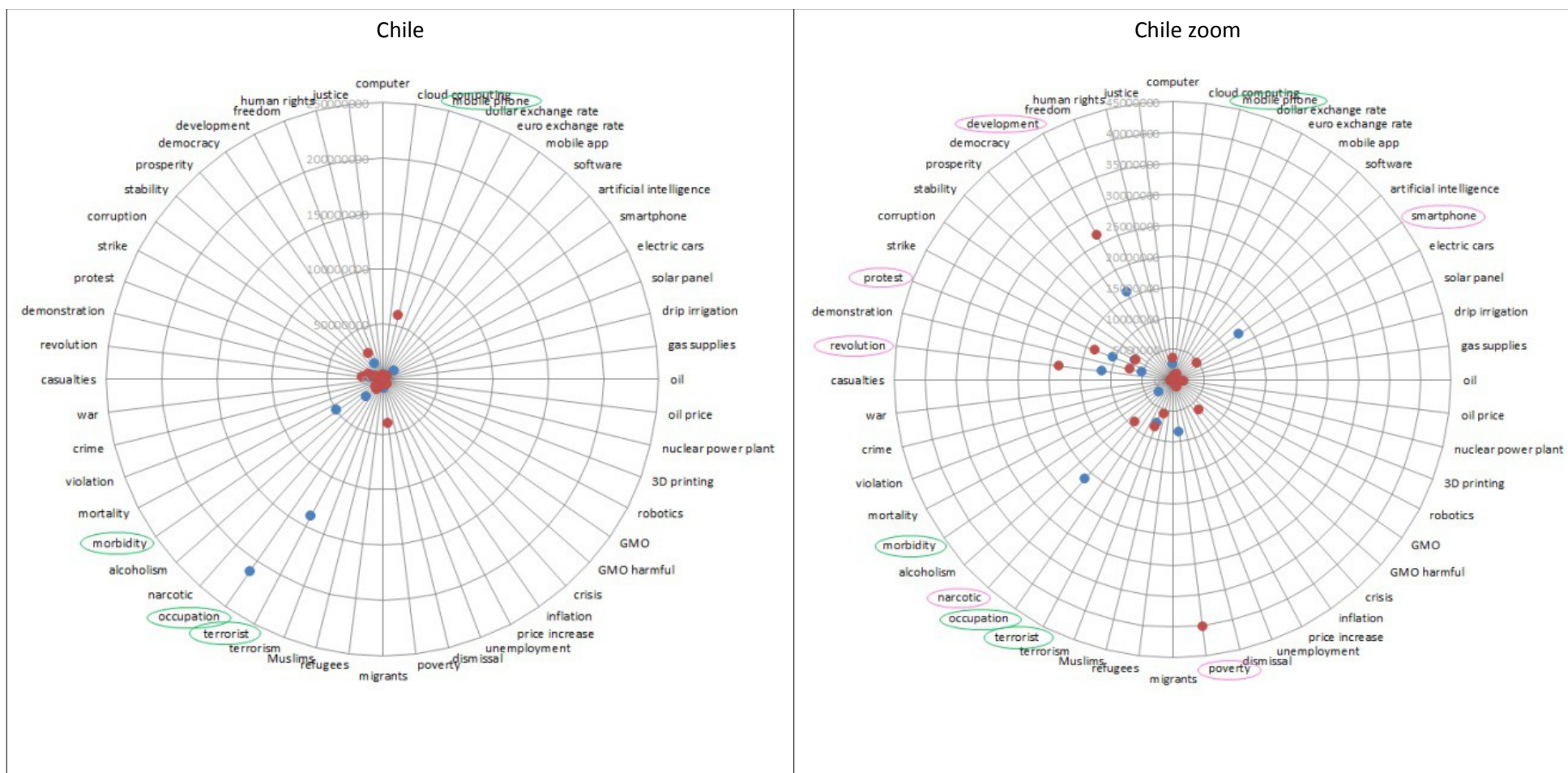
Открытые данные

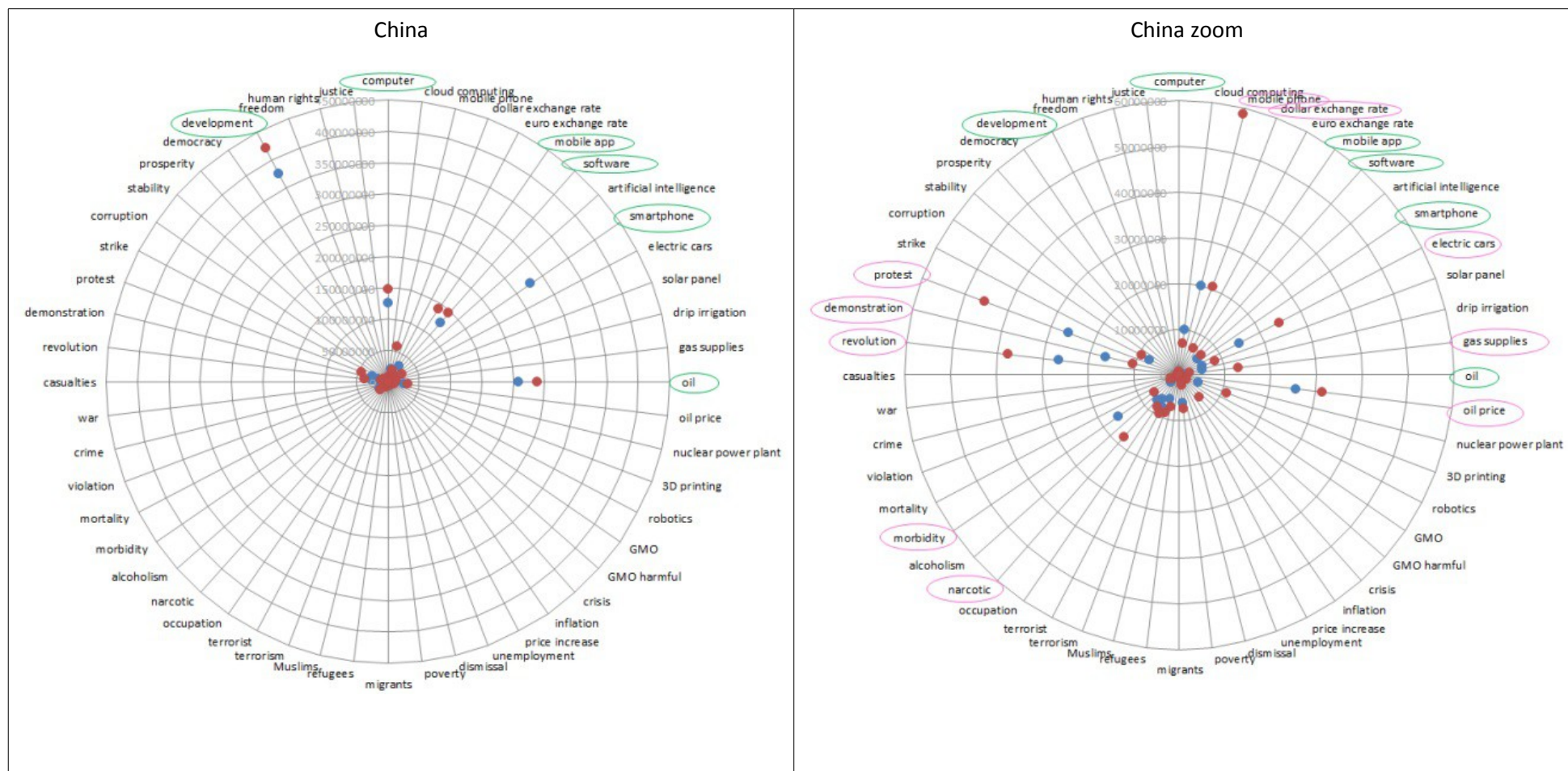
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

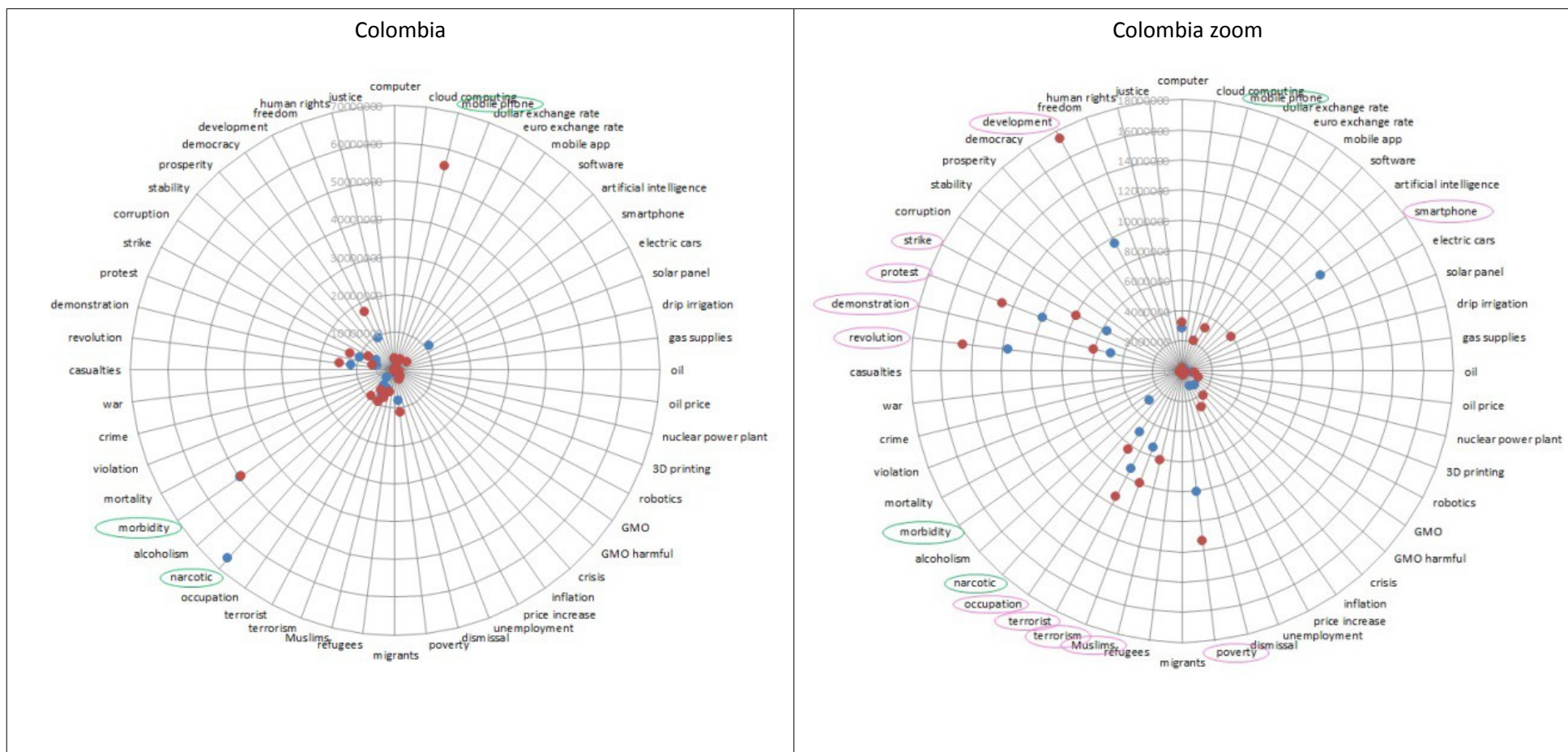
Открытые данные

Открытые данные

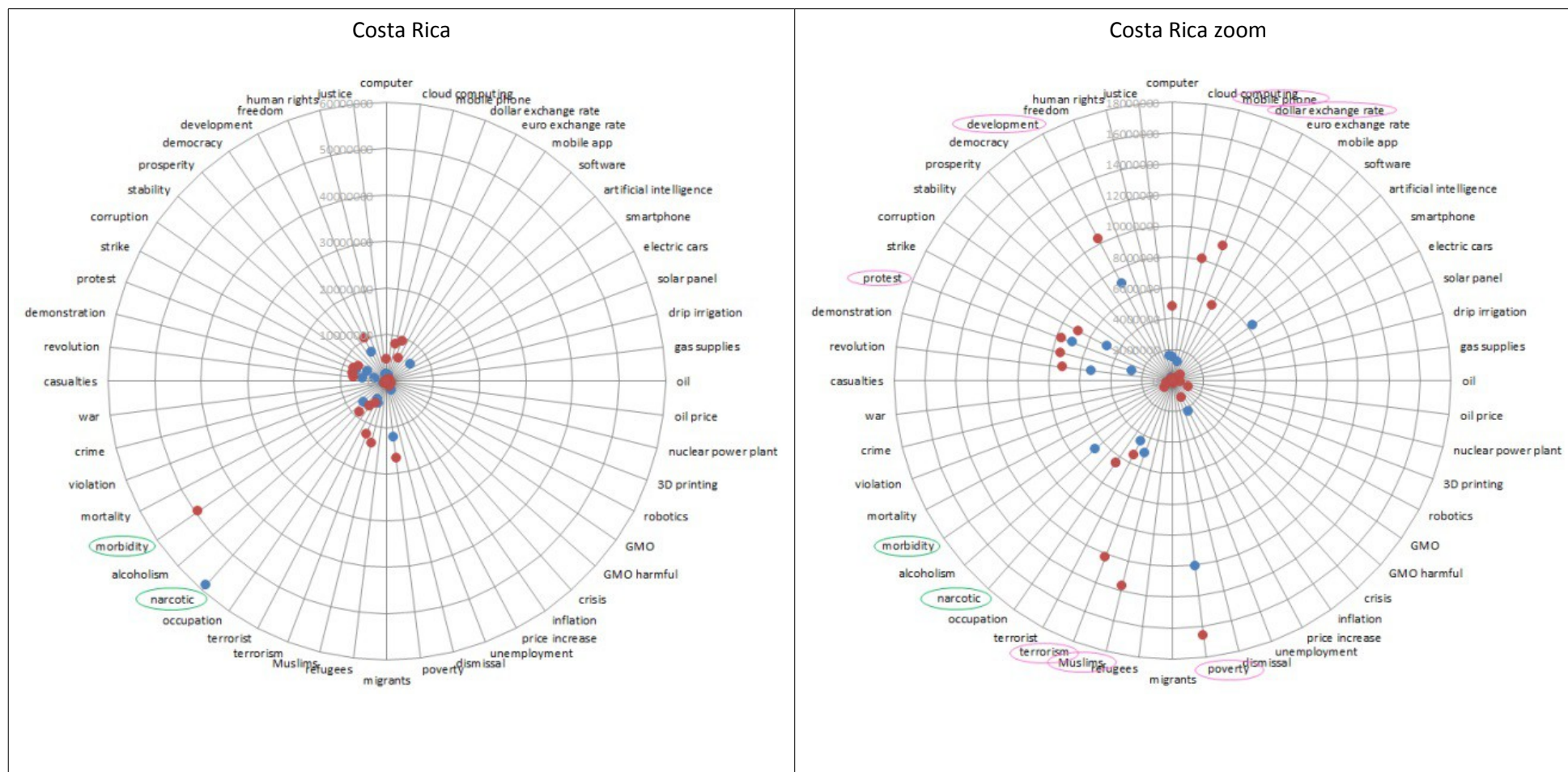
Открытые данные

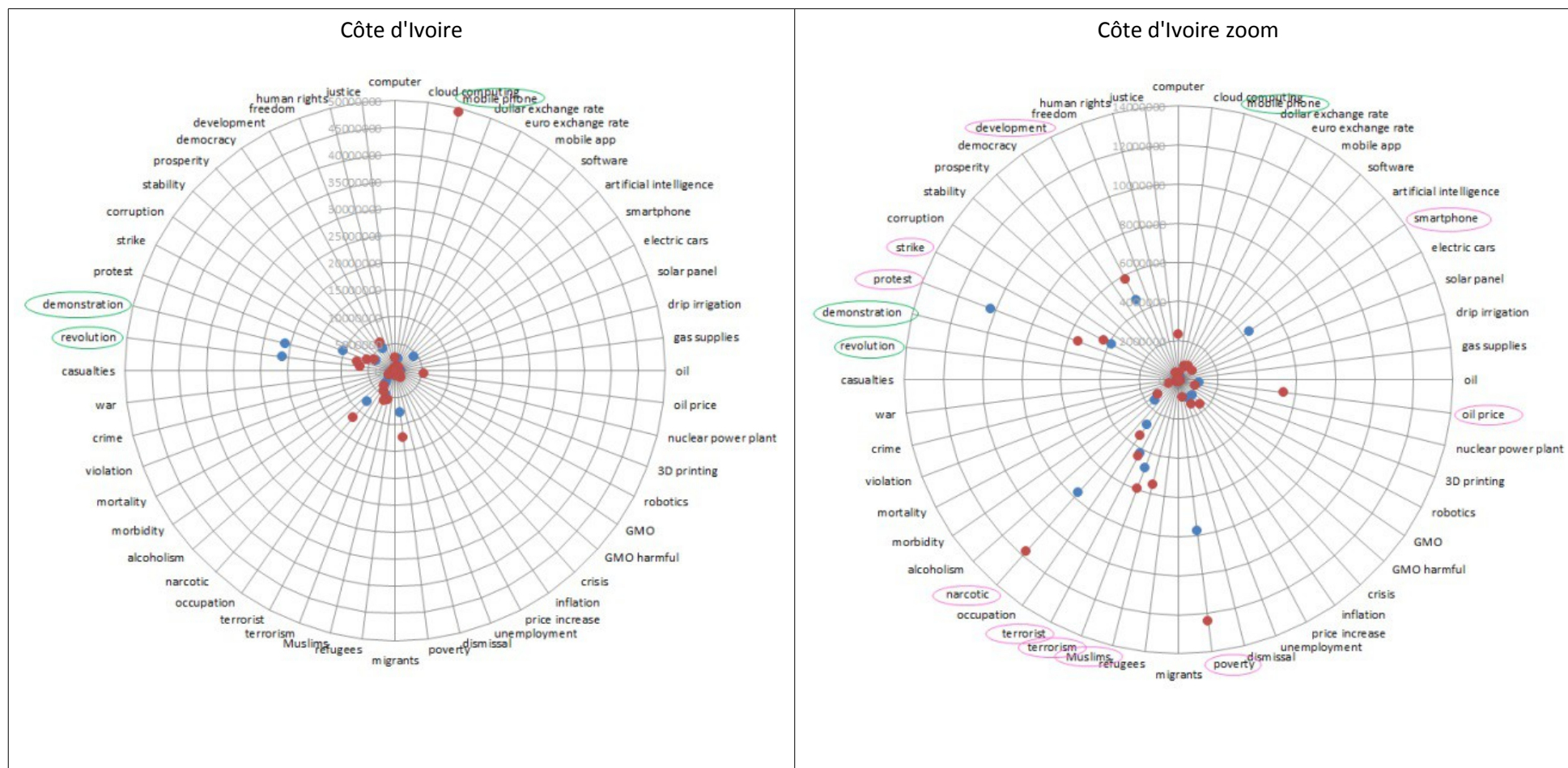
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

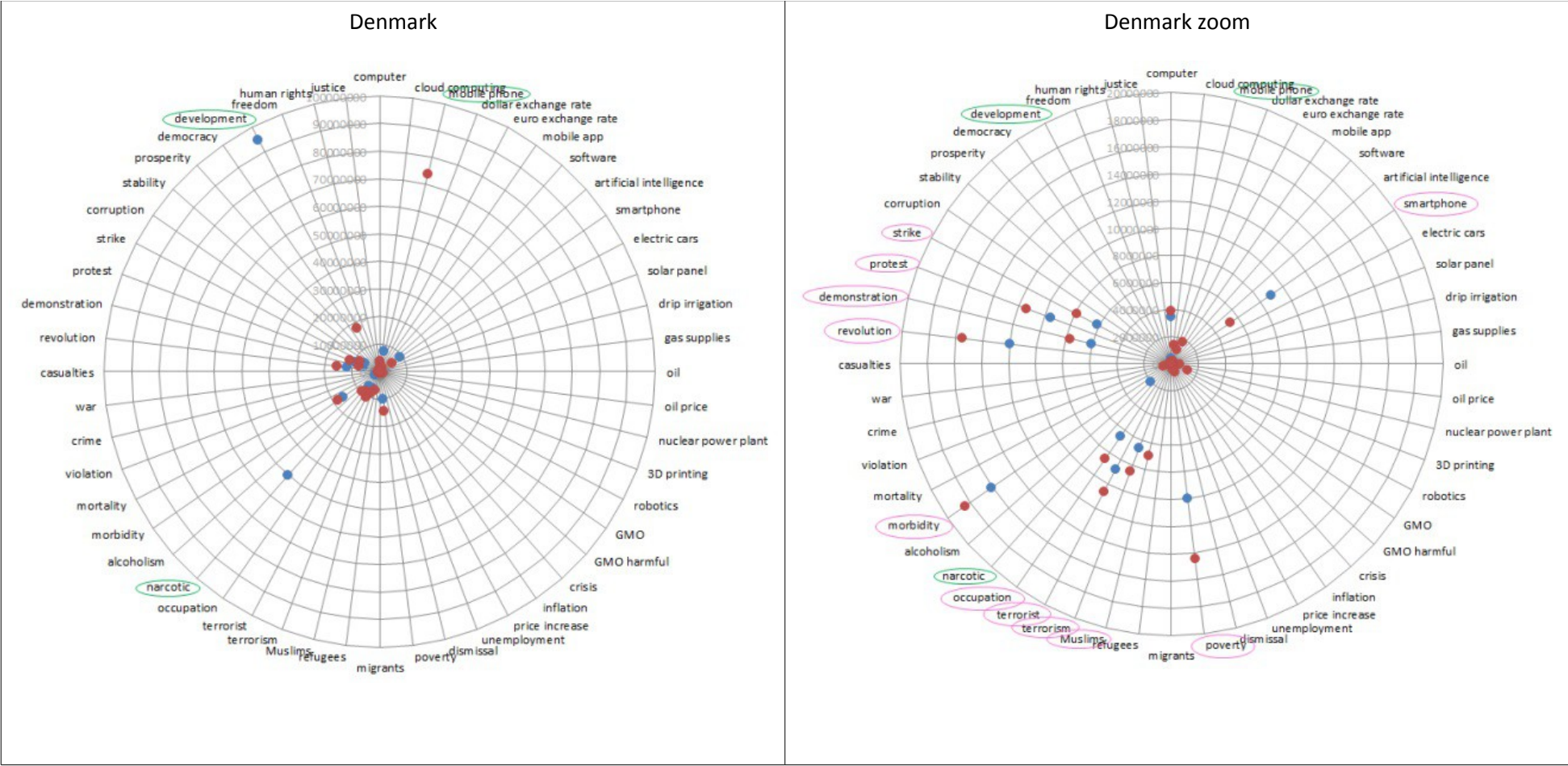
Открытые данные

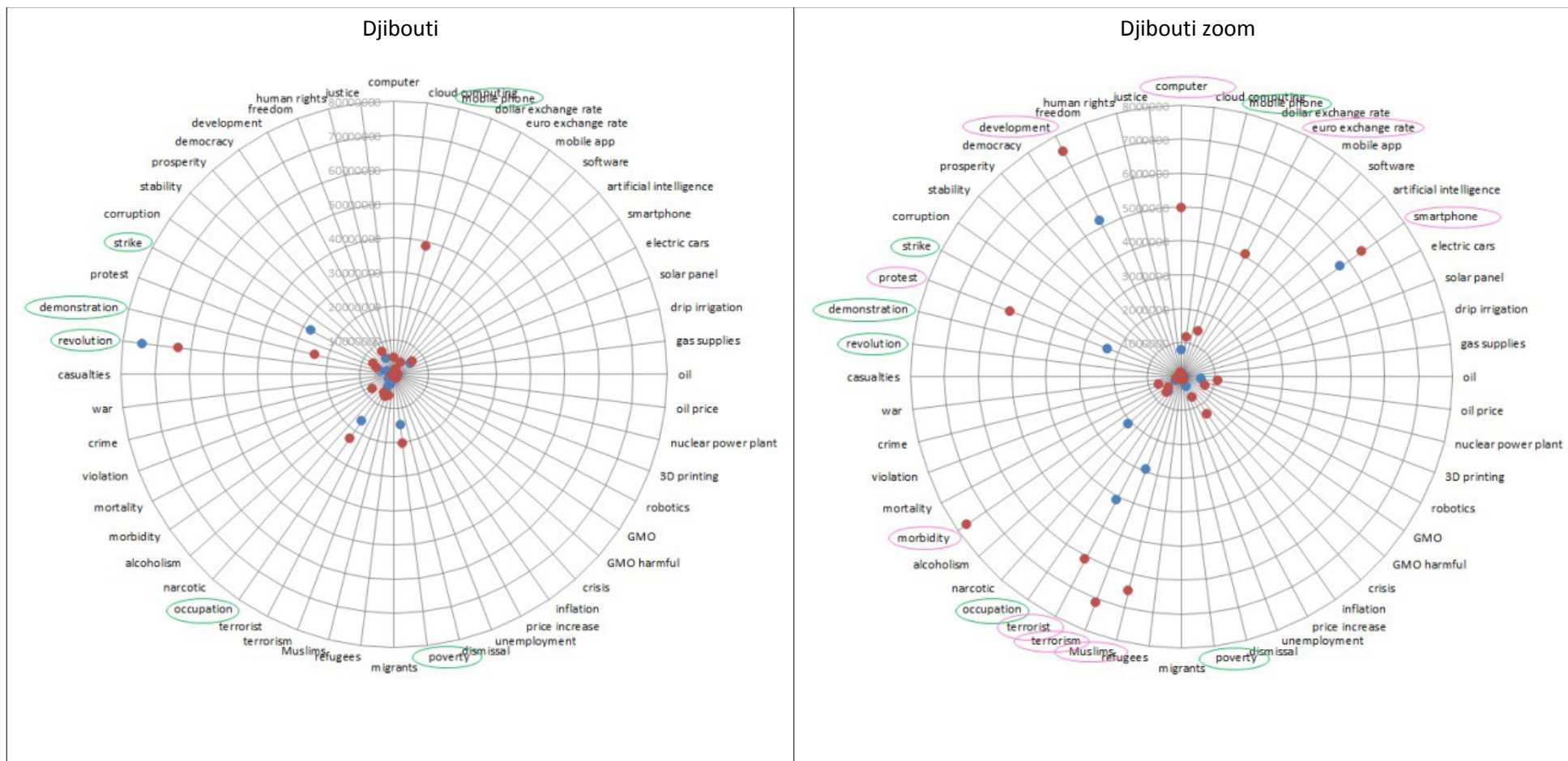
Открытые данные

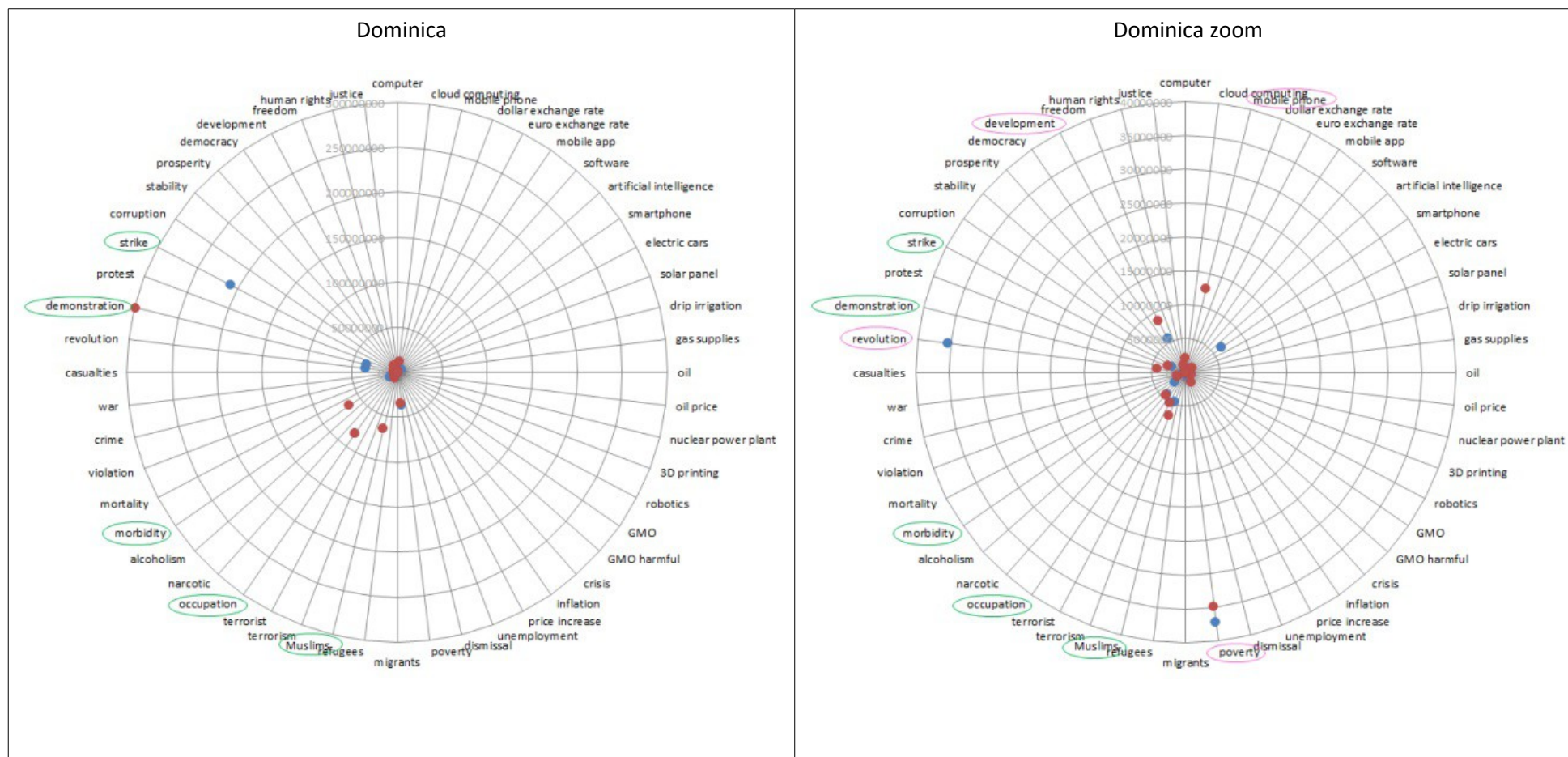
Открытые данные

Открытые данные

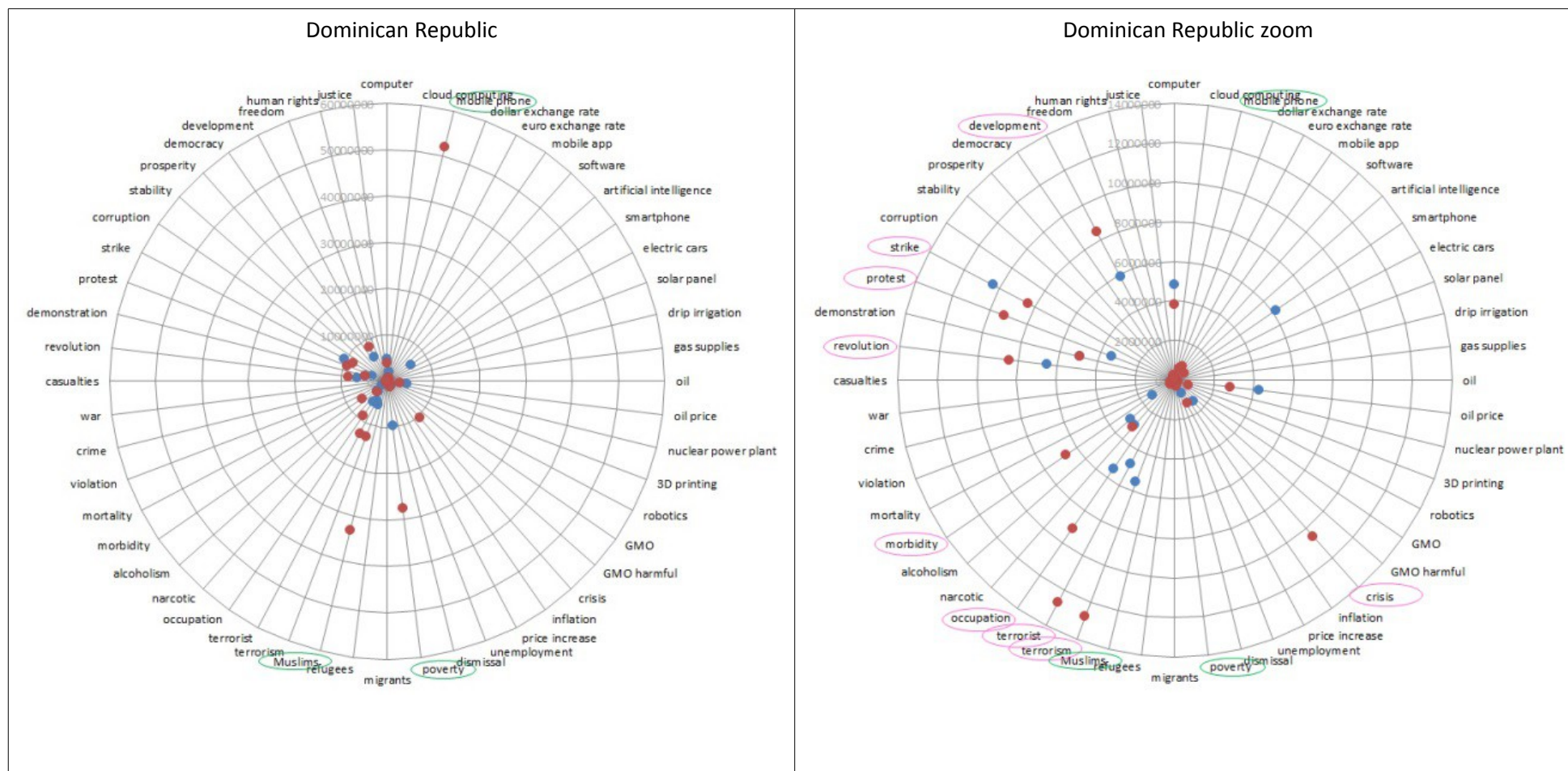
Открытые данные

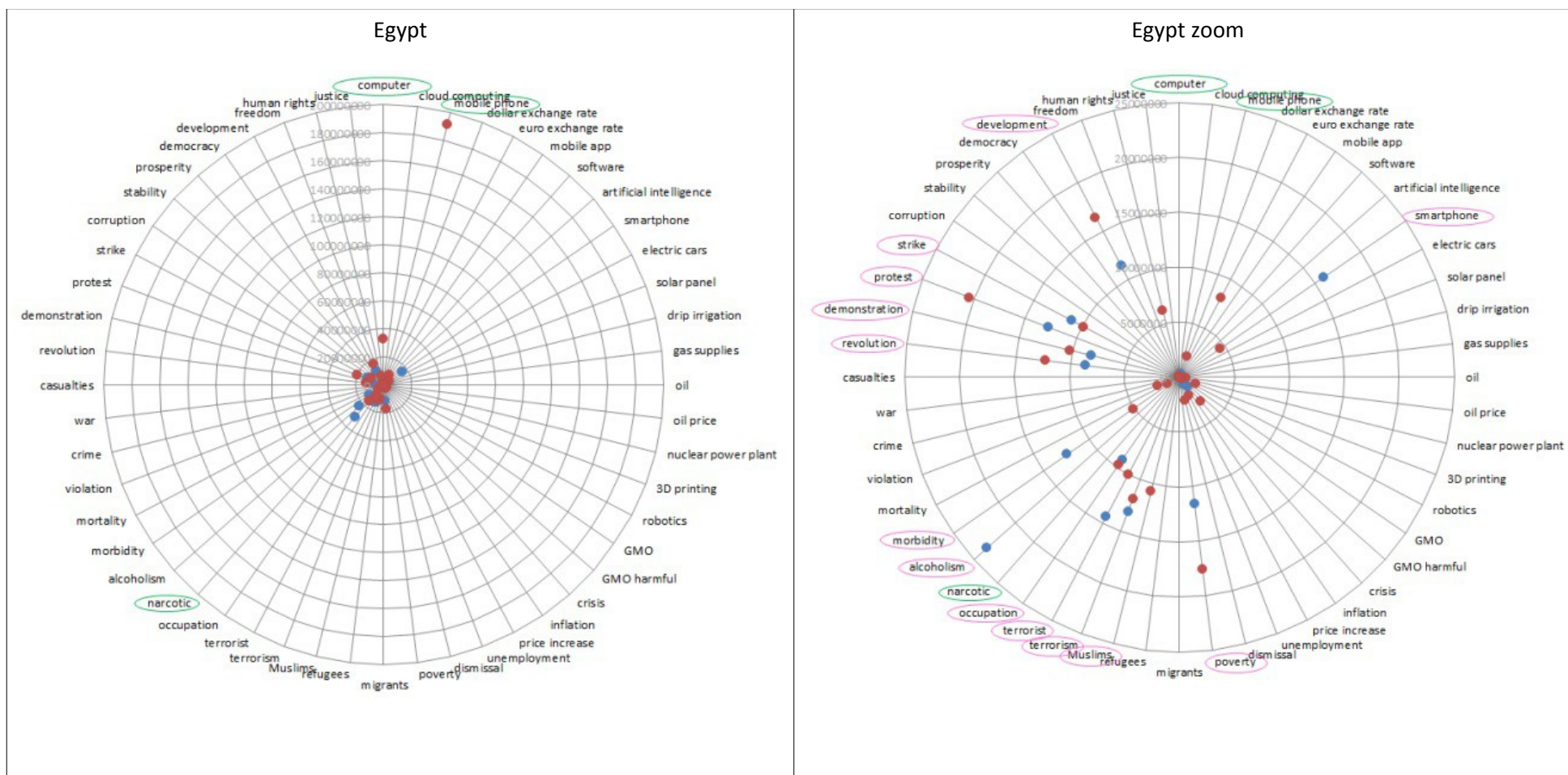
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

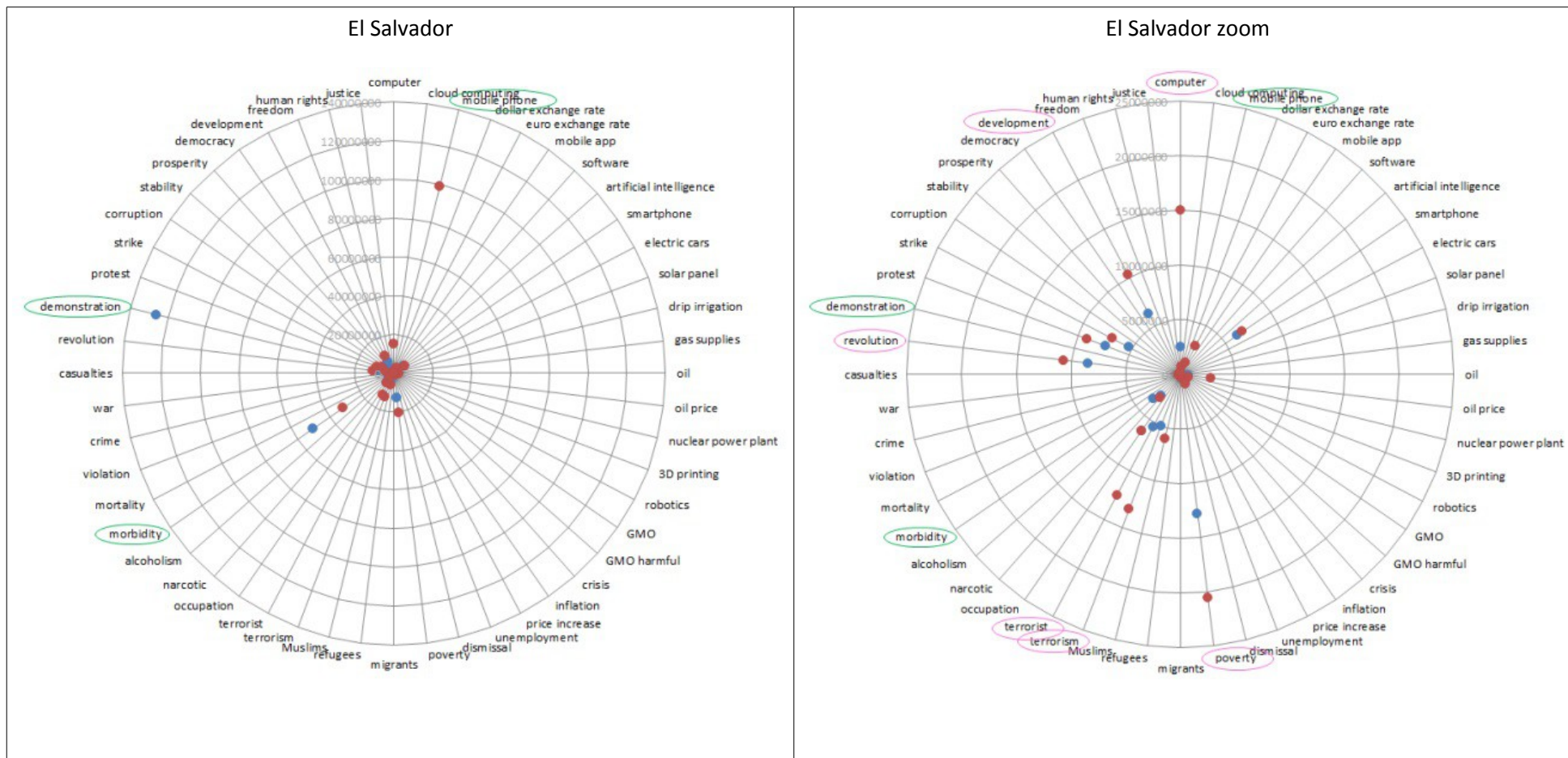
Открытые данные

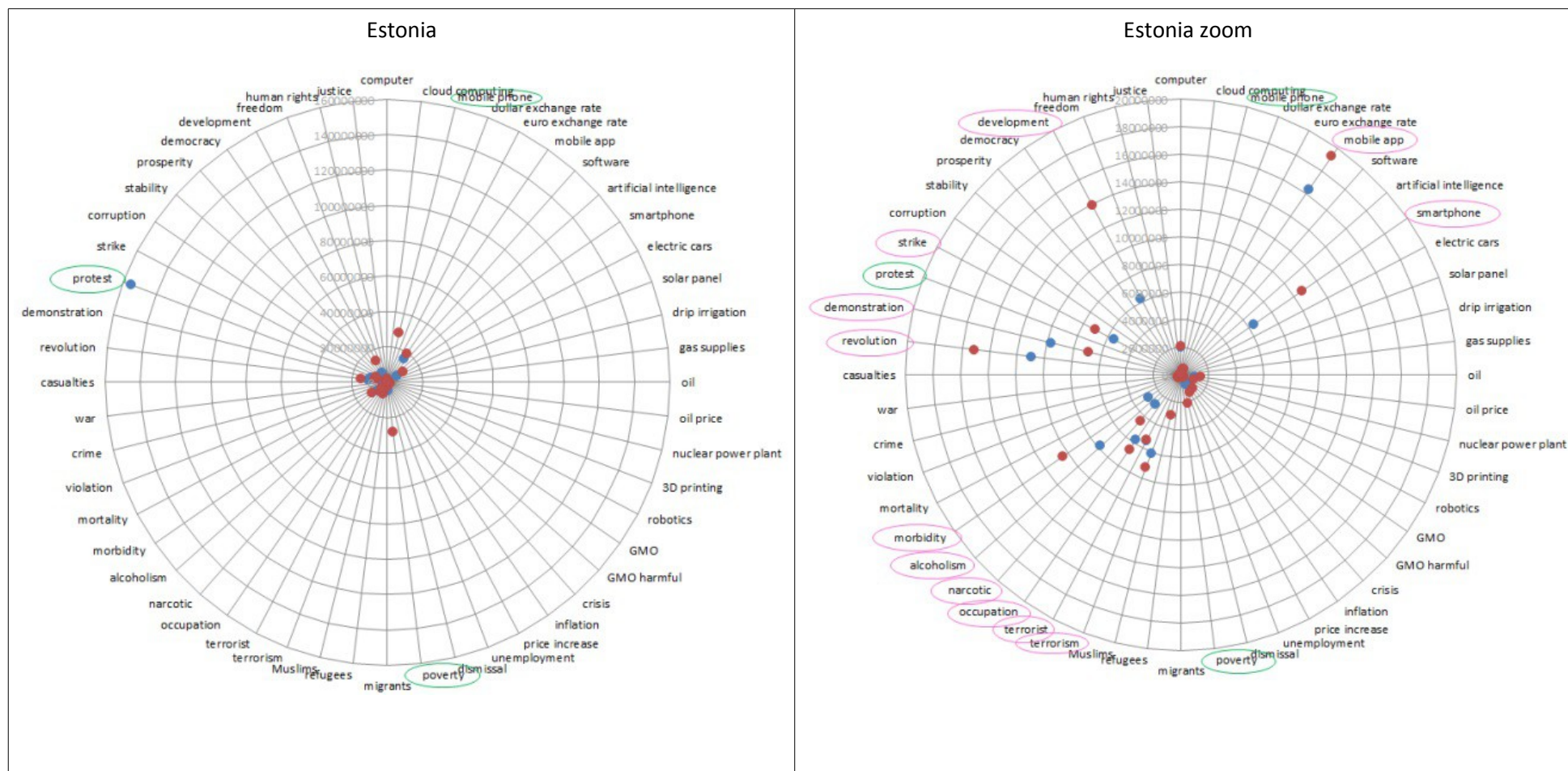
Открытые данные

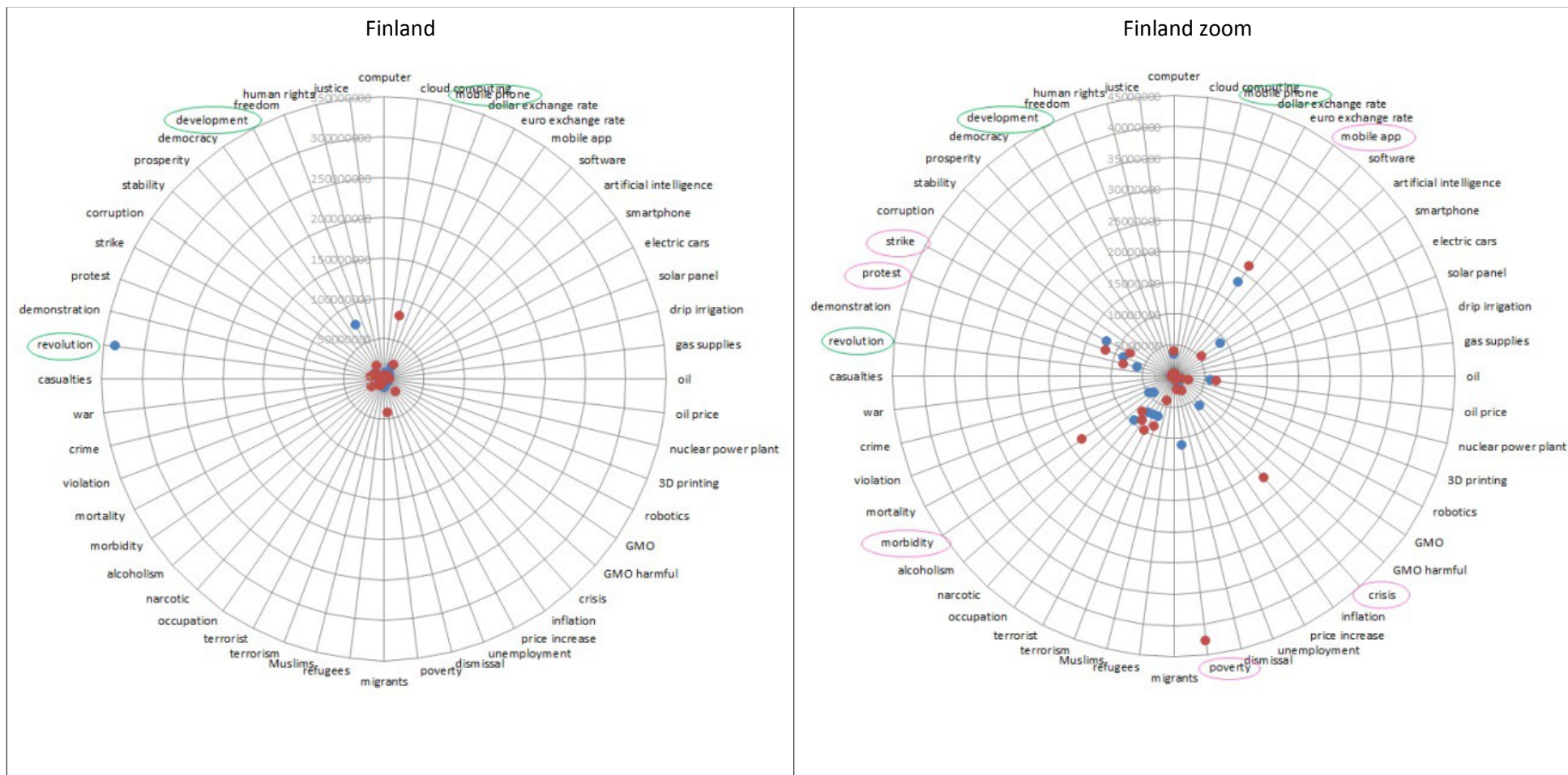
Открытые данные

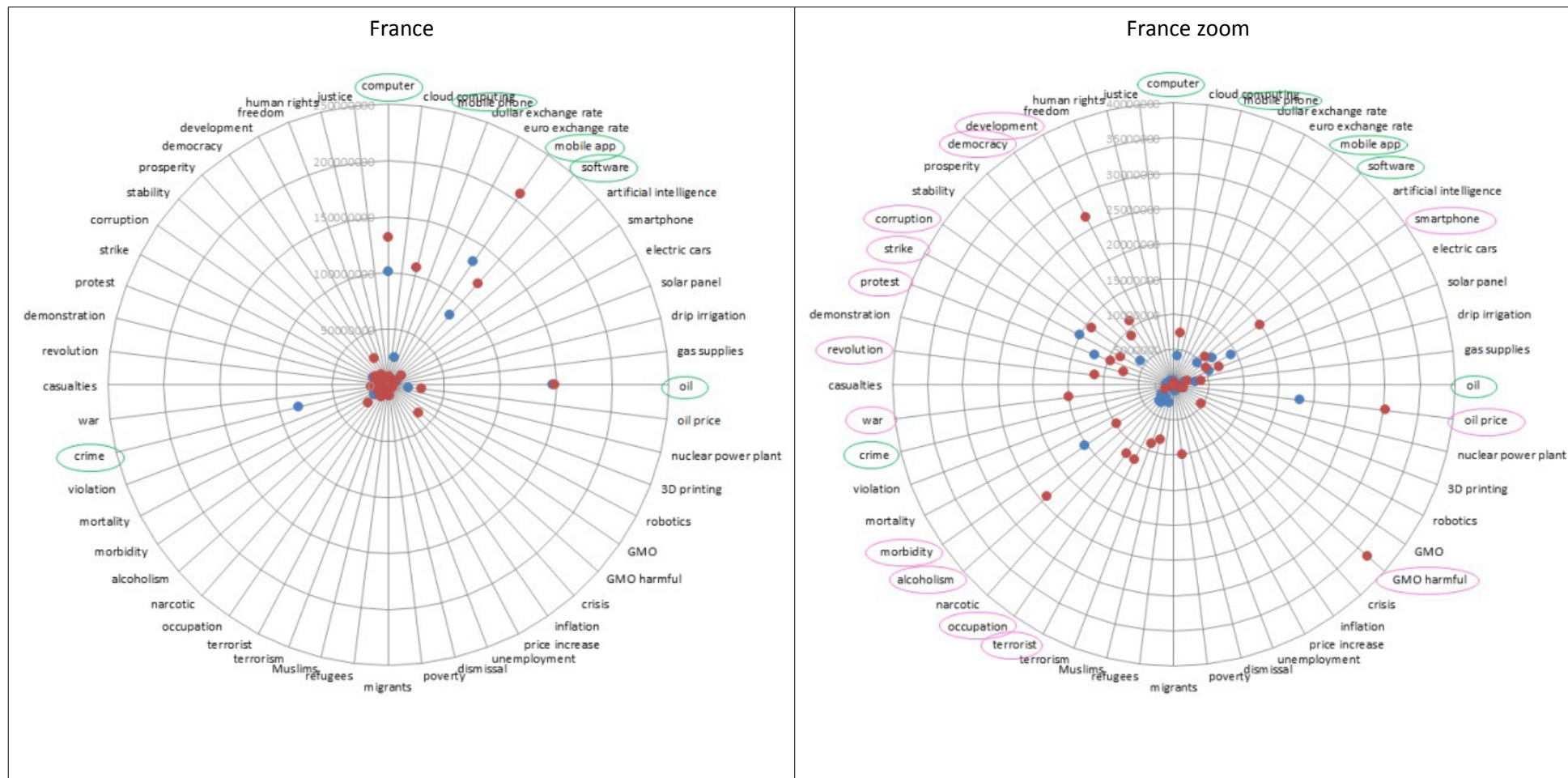
Открытые данные

Открытые данные

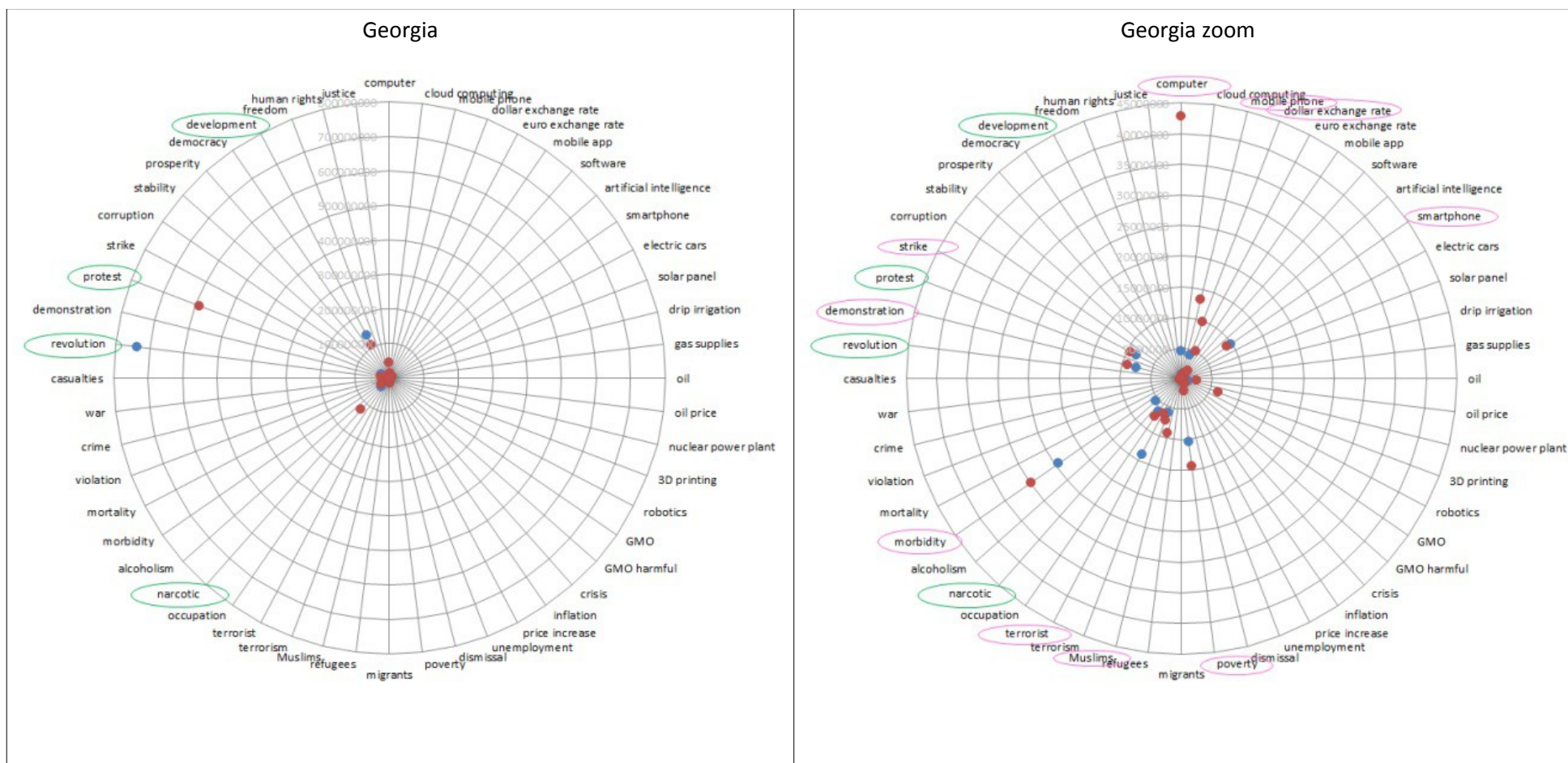
Открытые данные

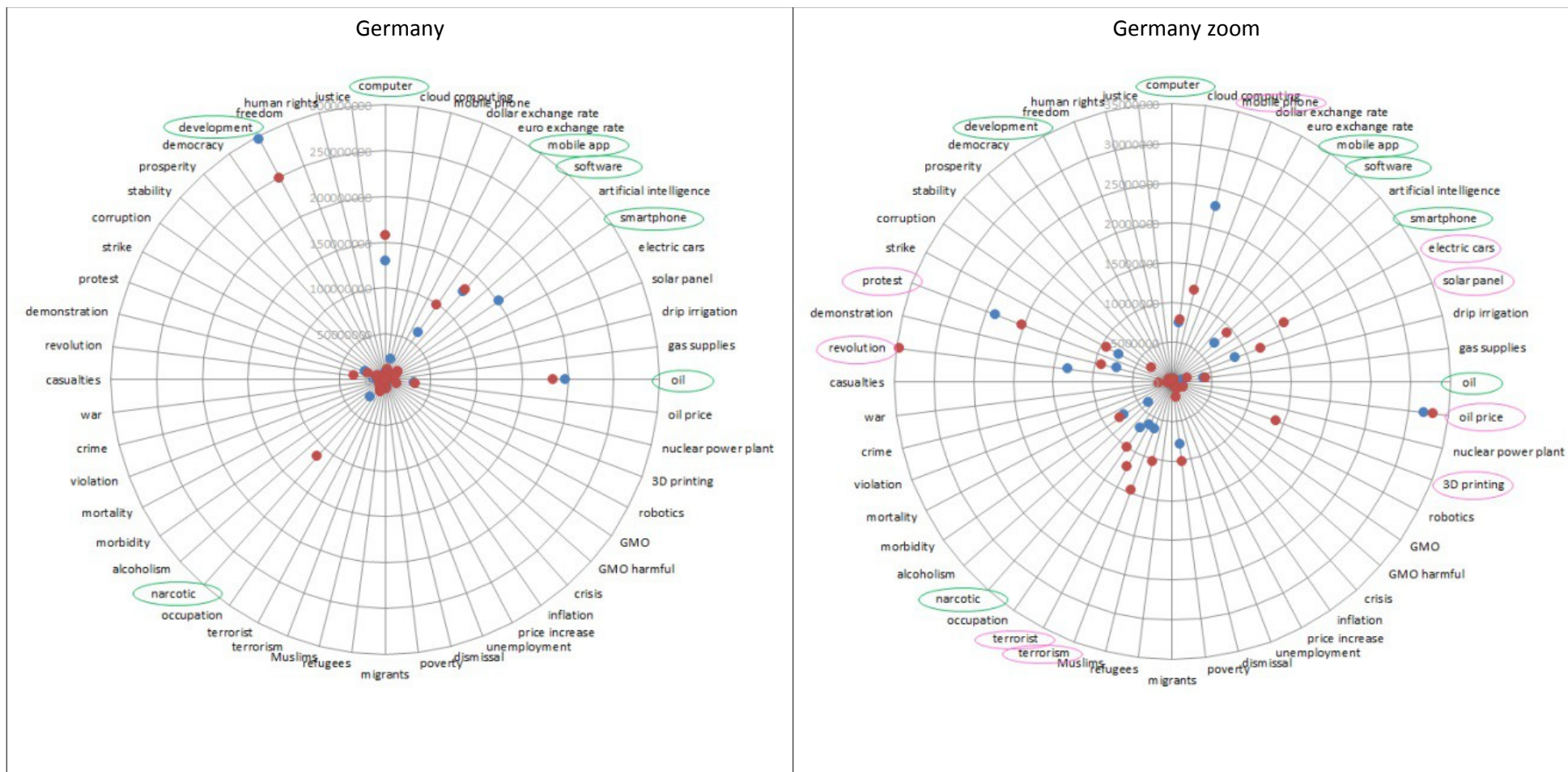
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

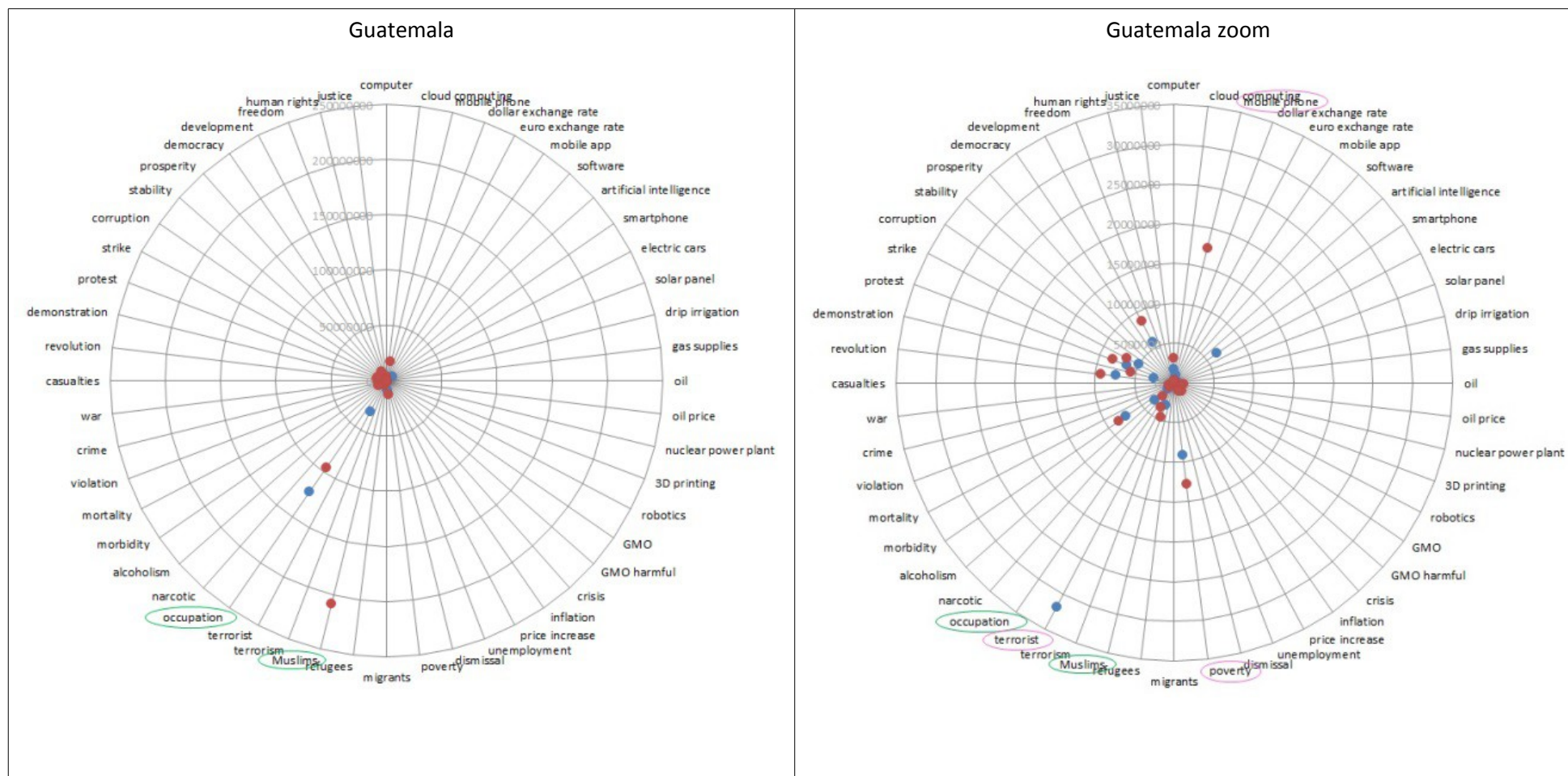
Открытые данные

Открытые данные

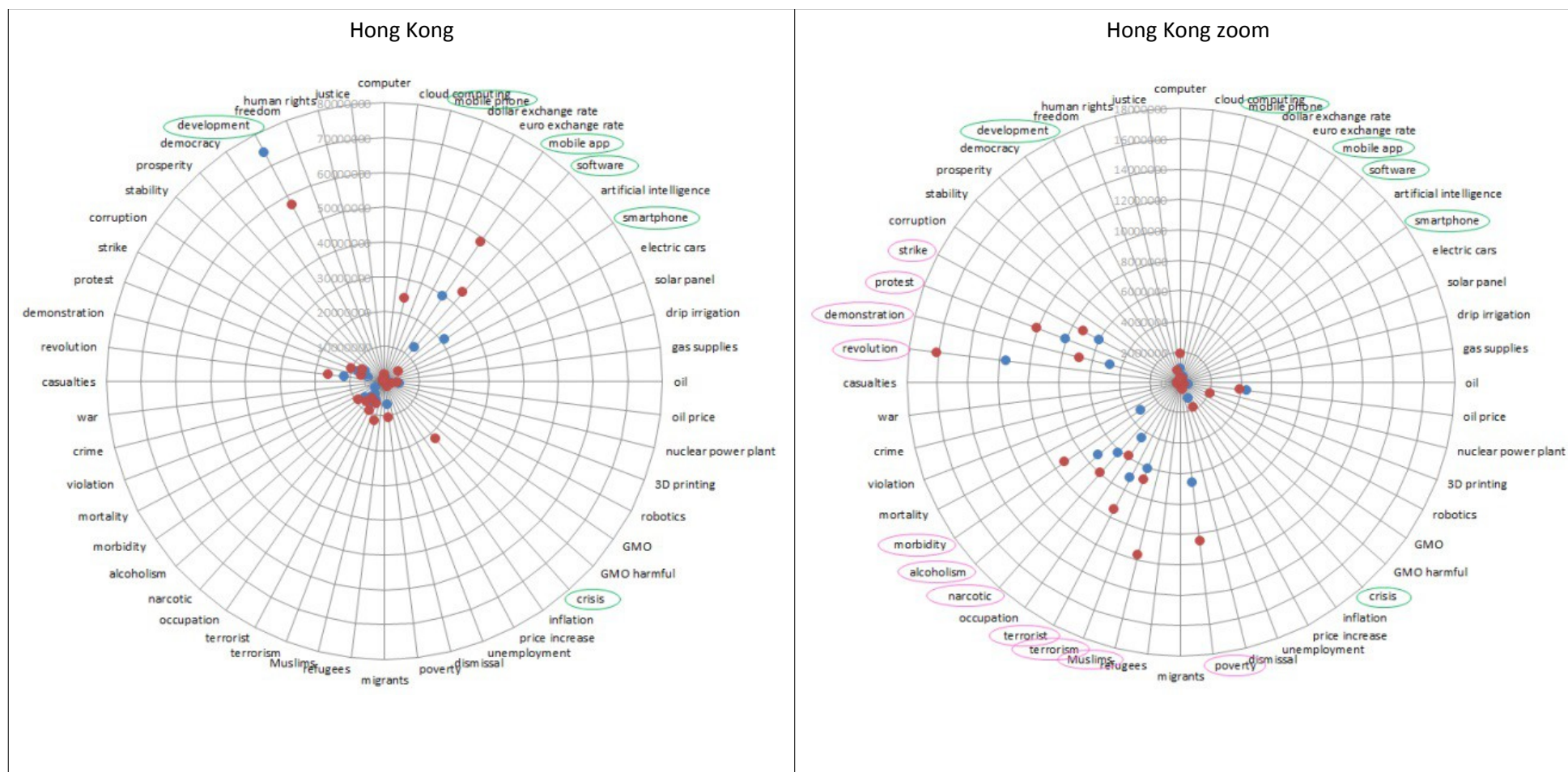
Открытые данные

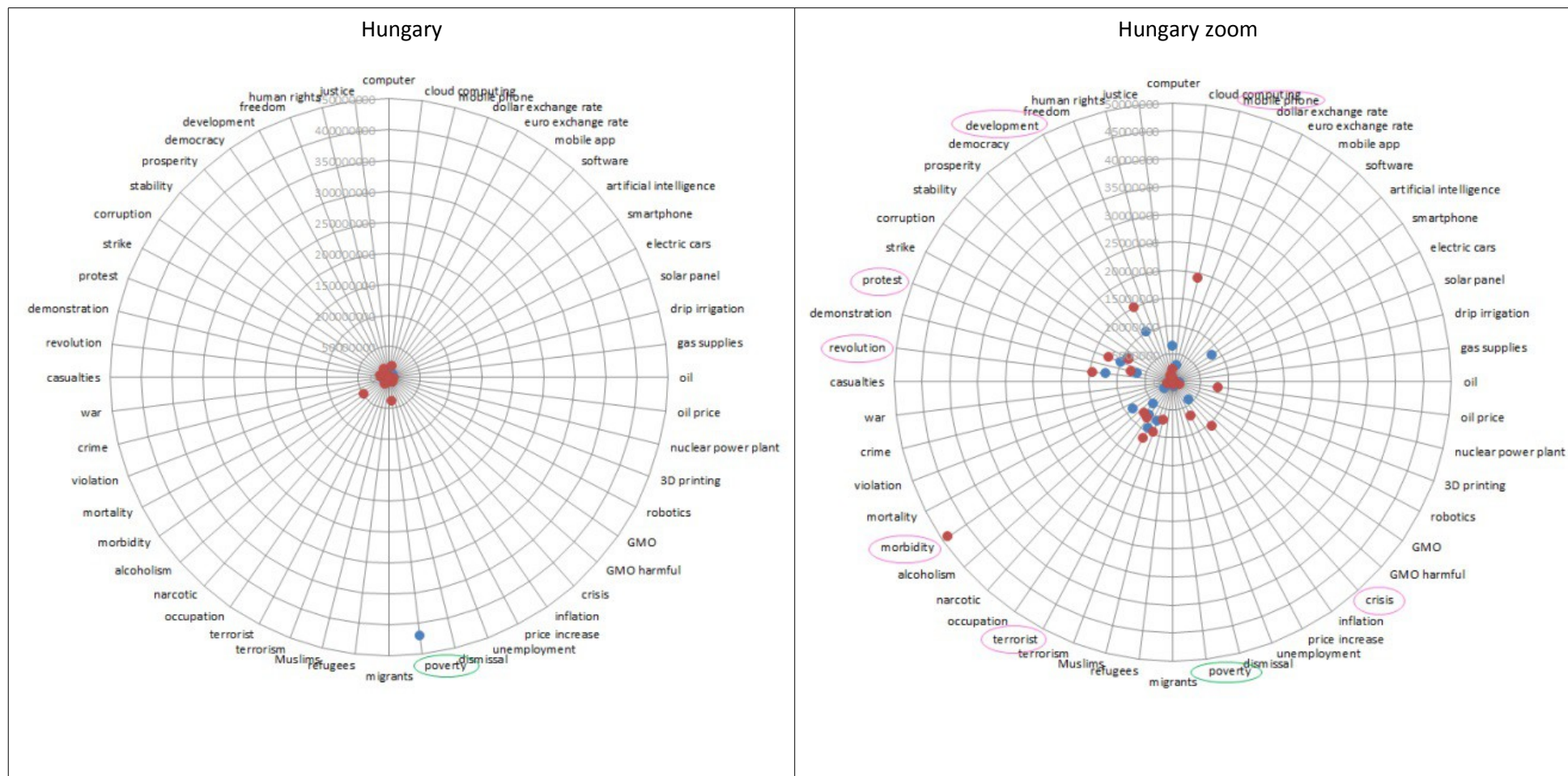
Открытые данные

Открытые данные

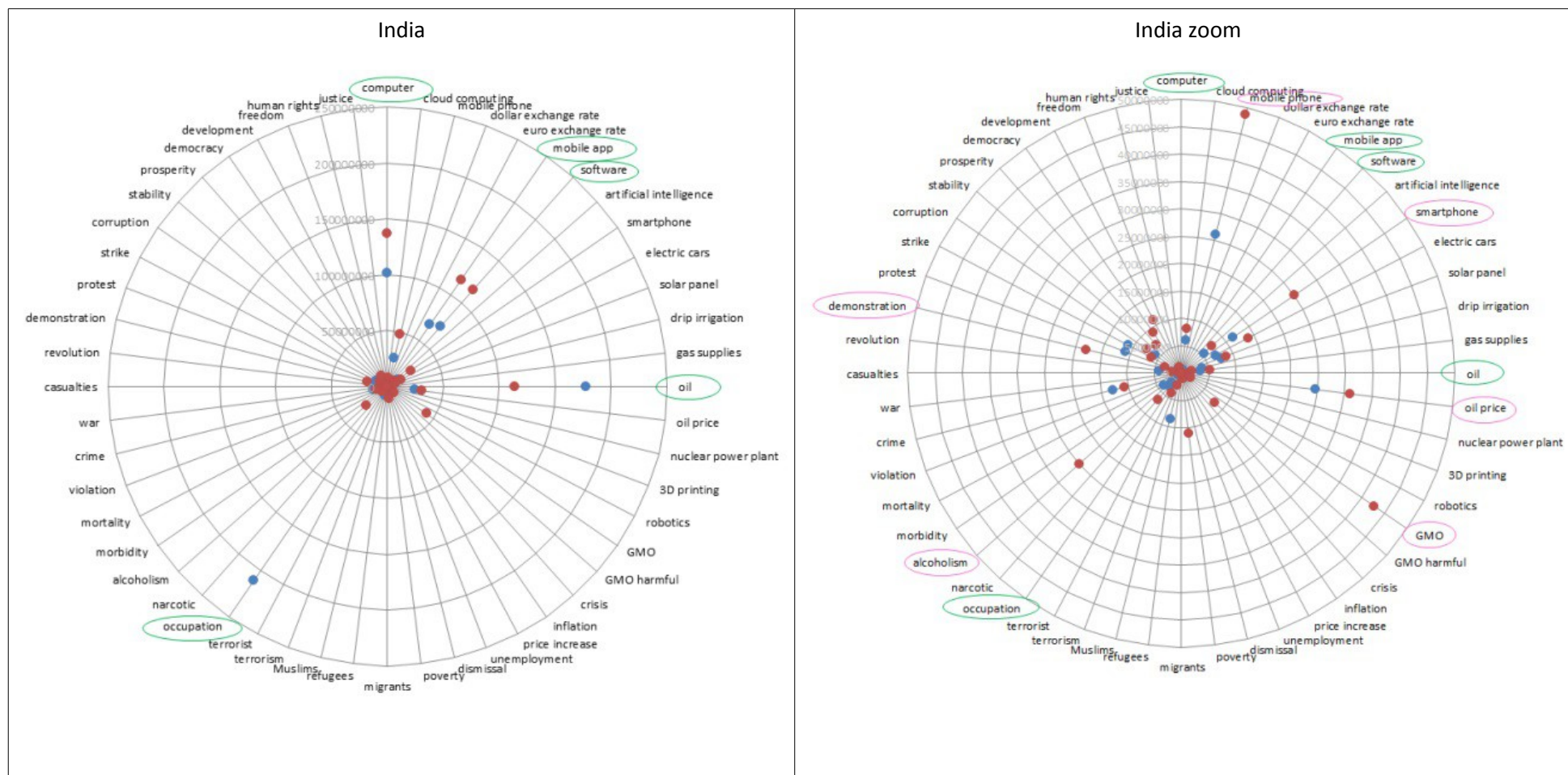
Открытые данные

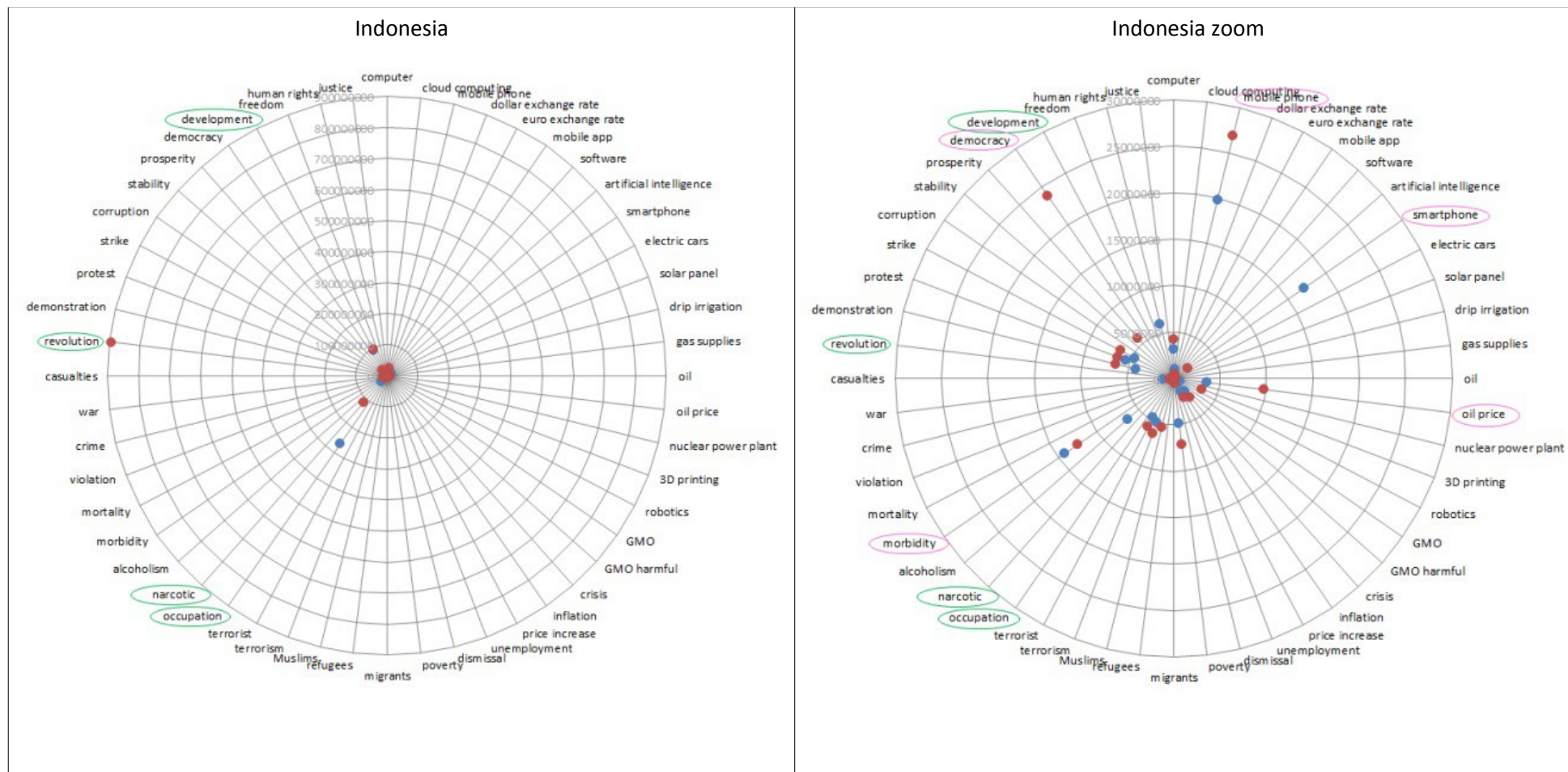
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

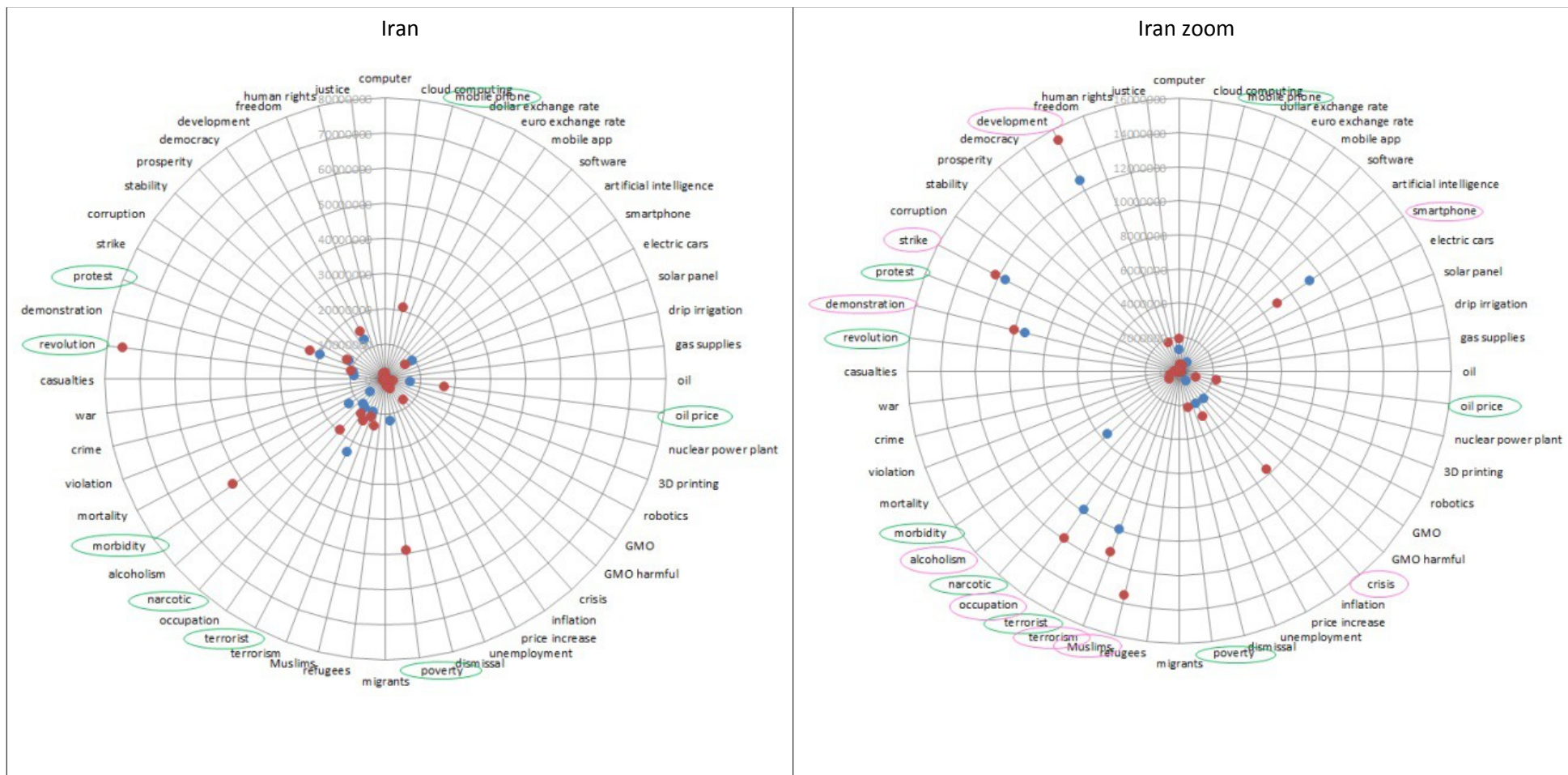
Открытые данные

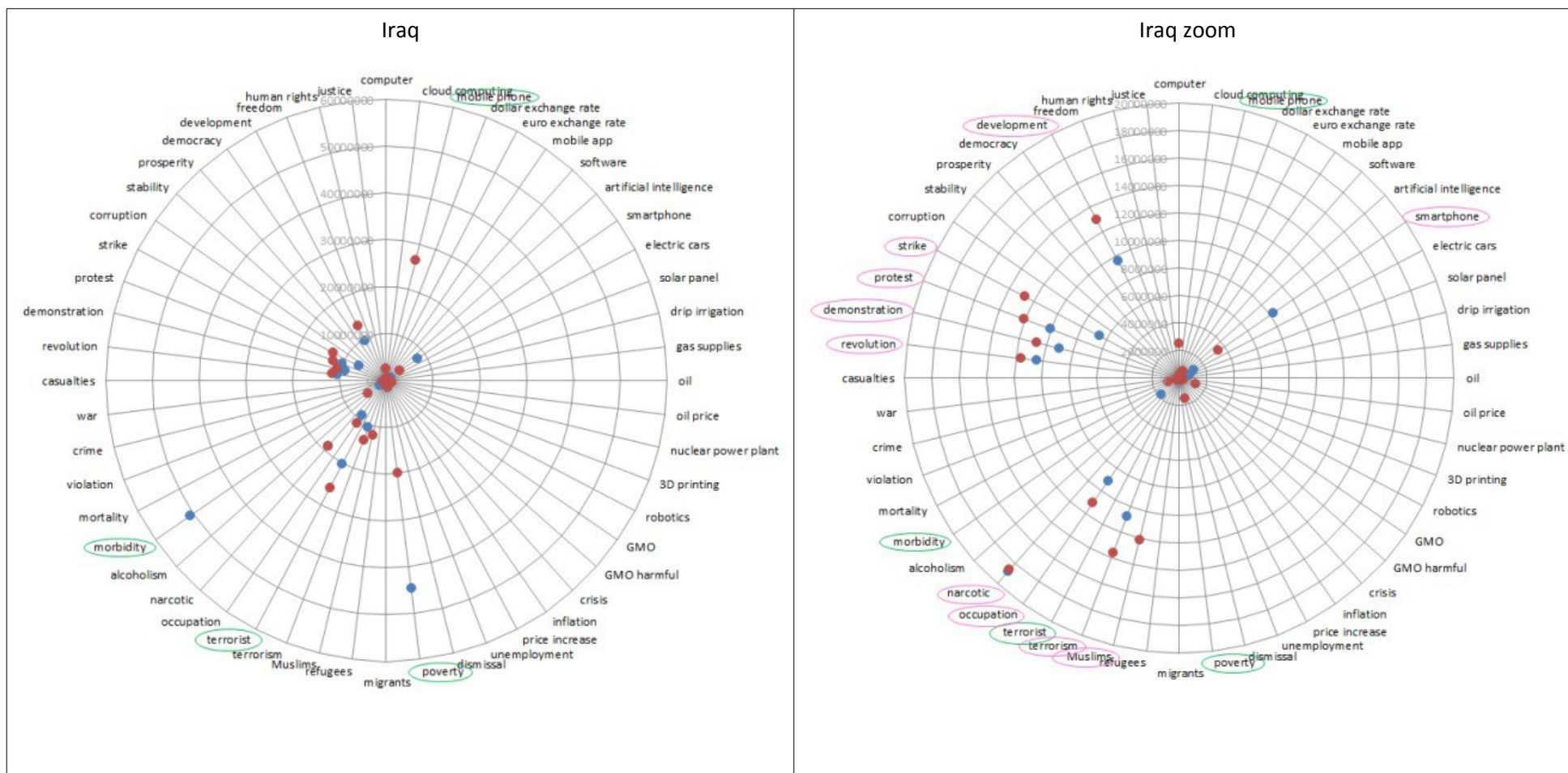
Открытые данные

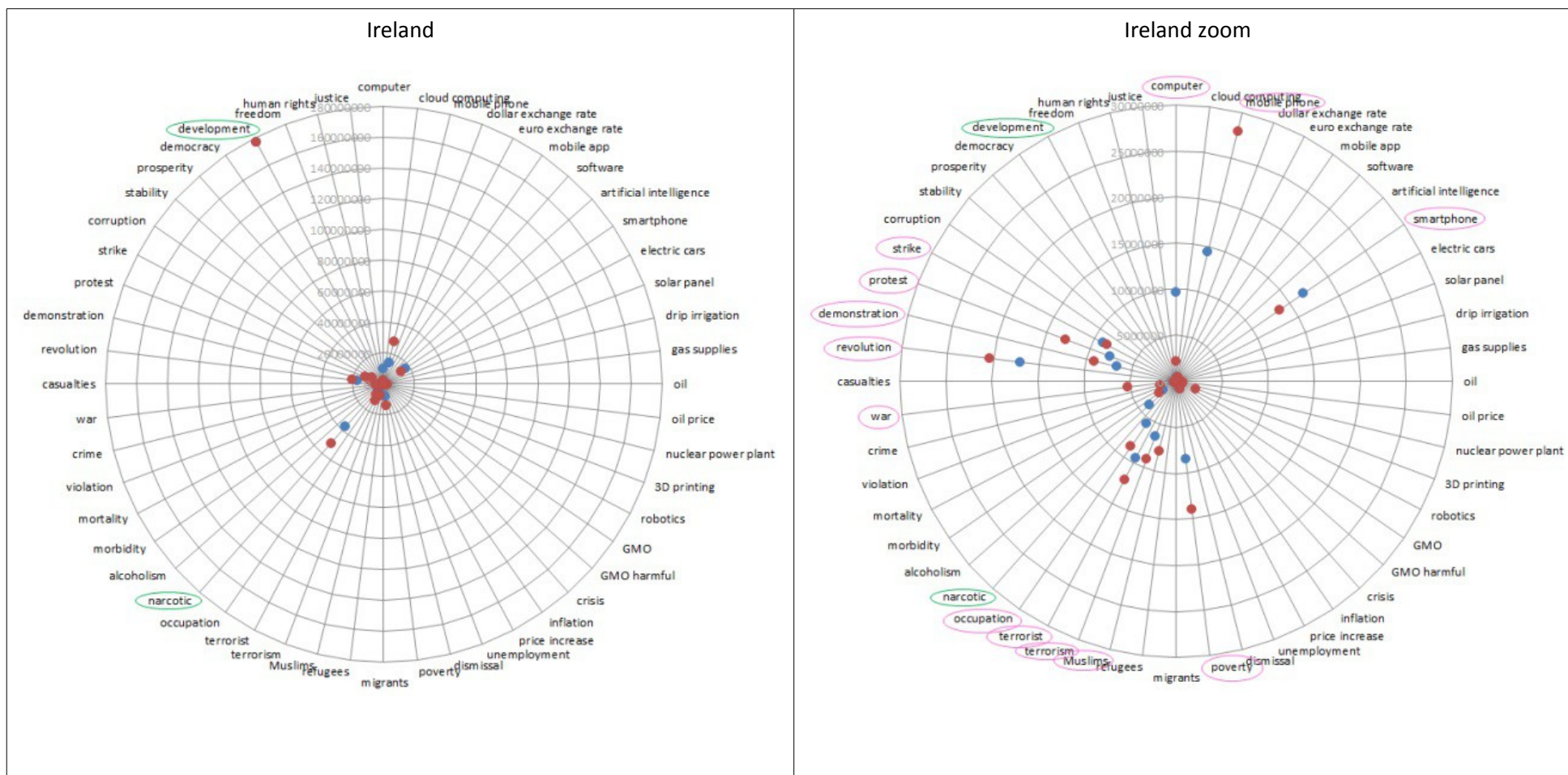
Открытые данные

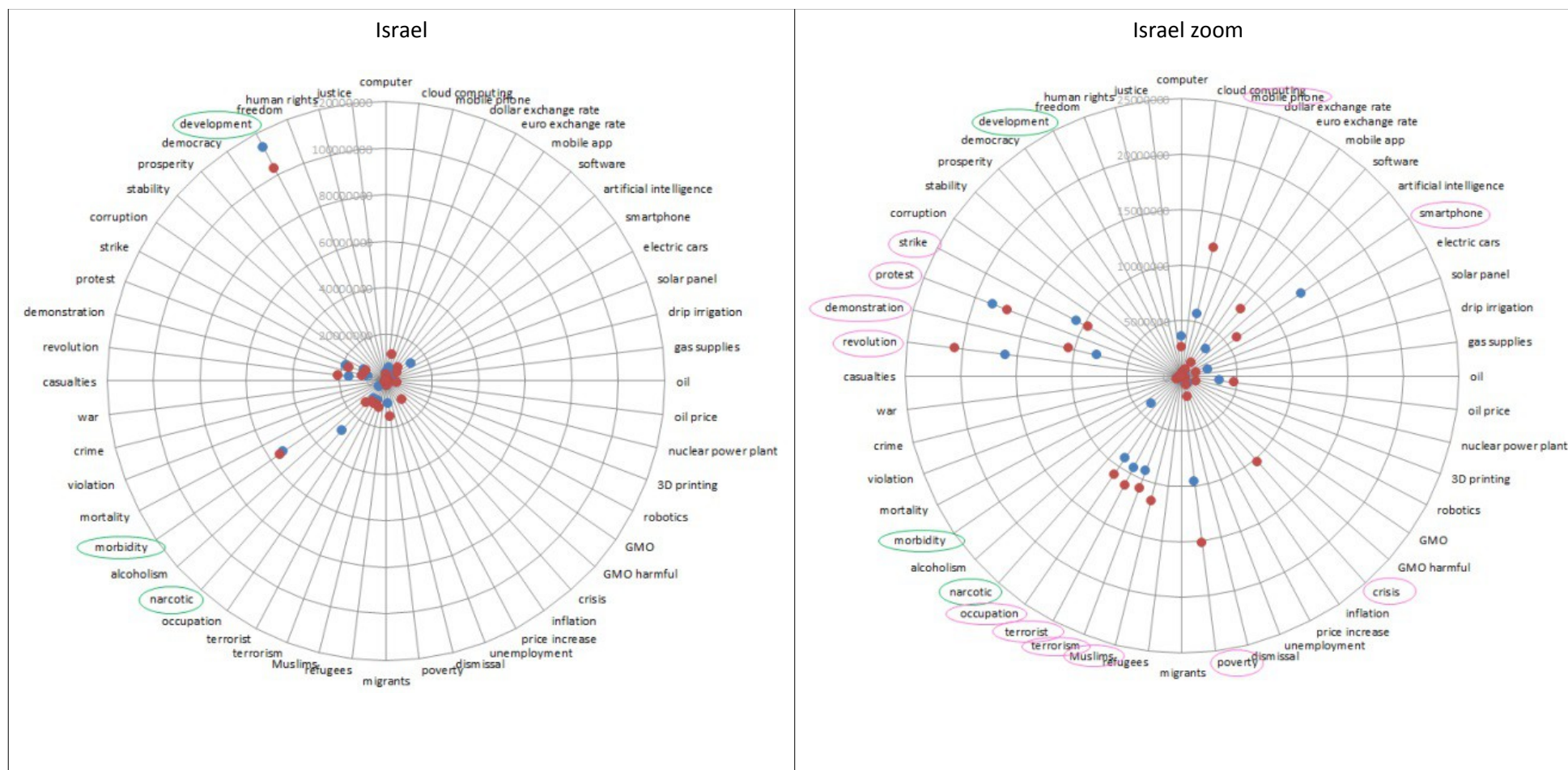
Открытые данные

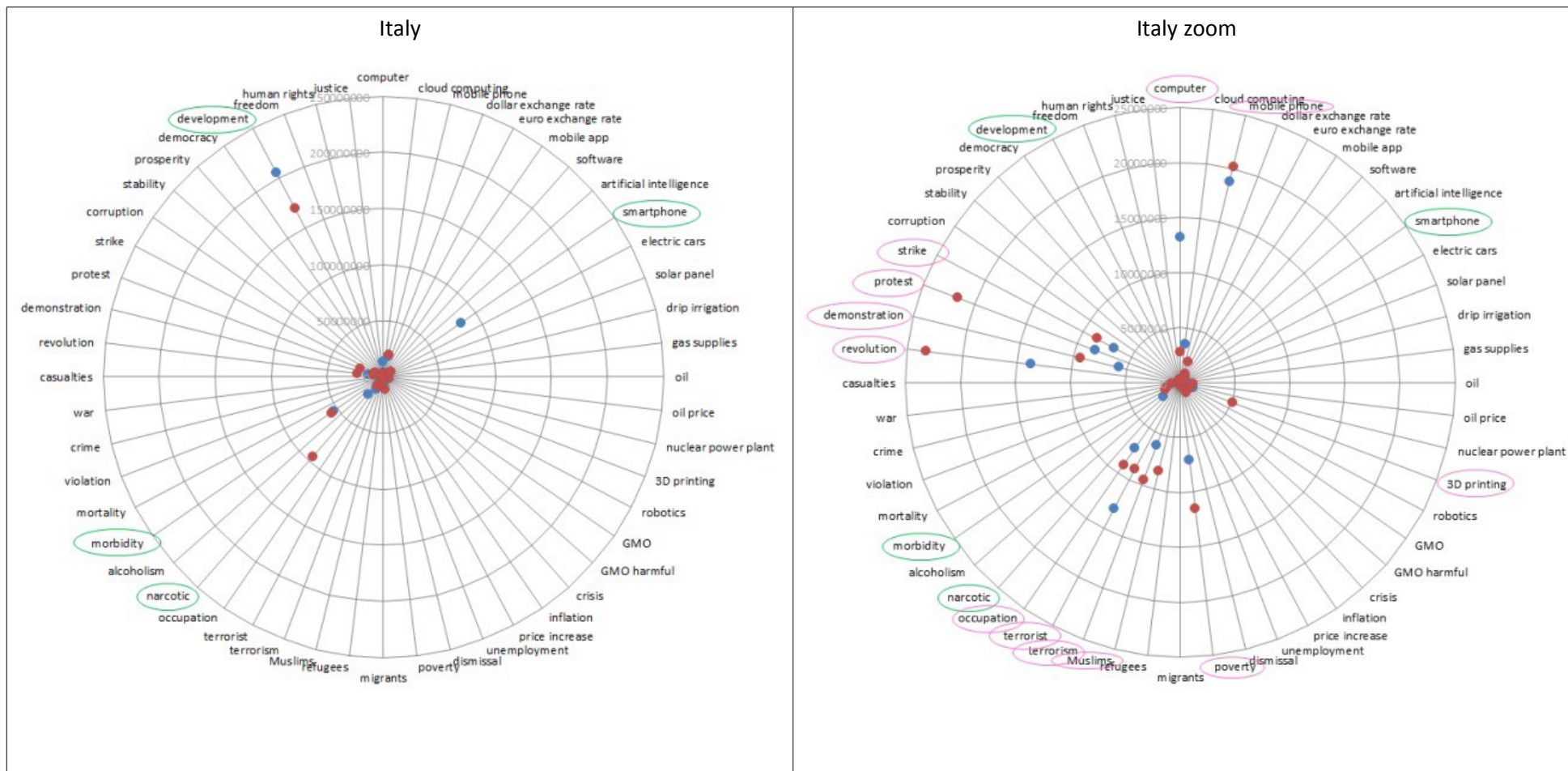
Открытые данные

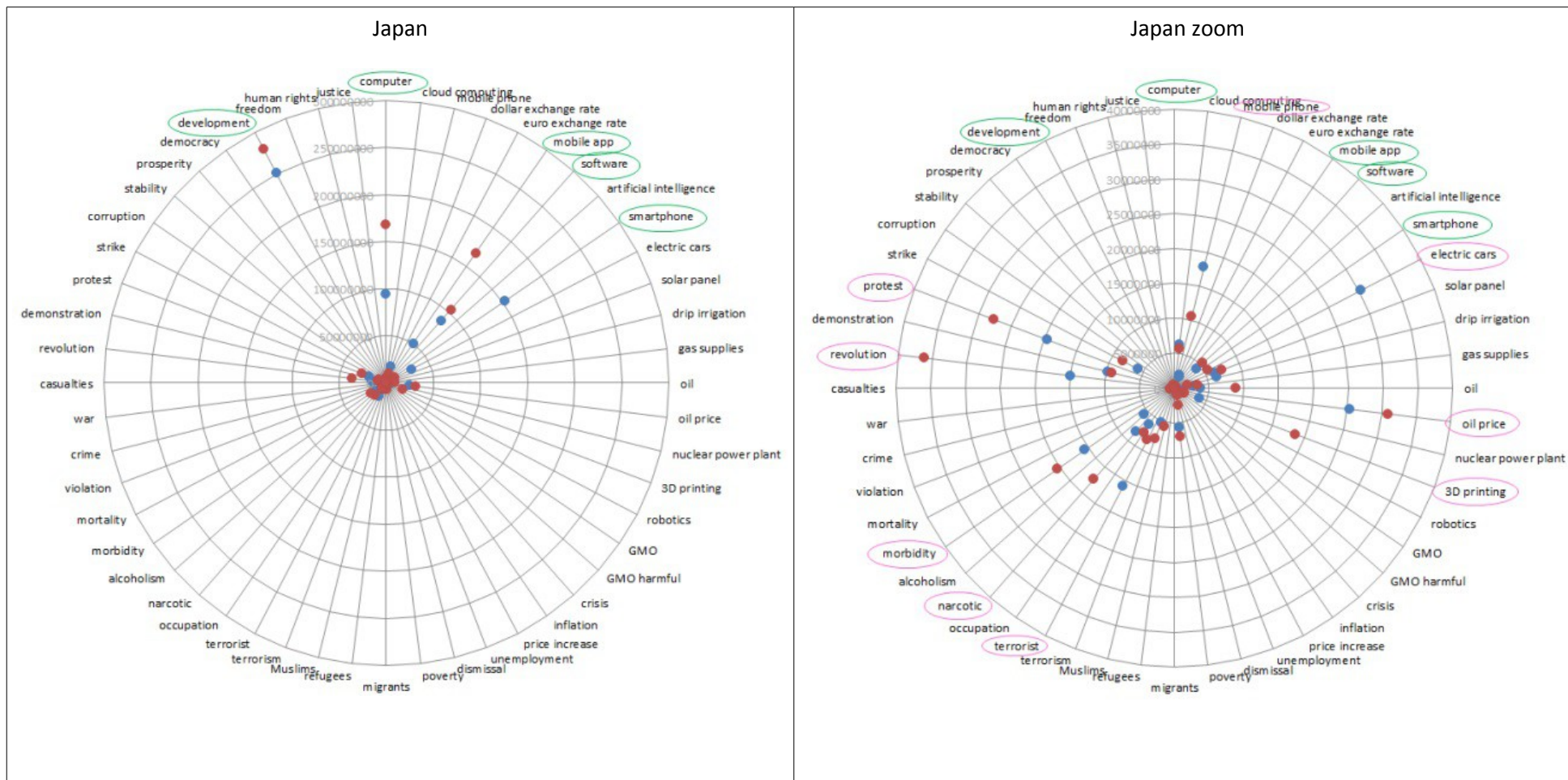
Открытые данные

Открытые данные

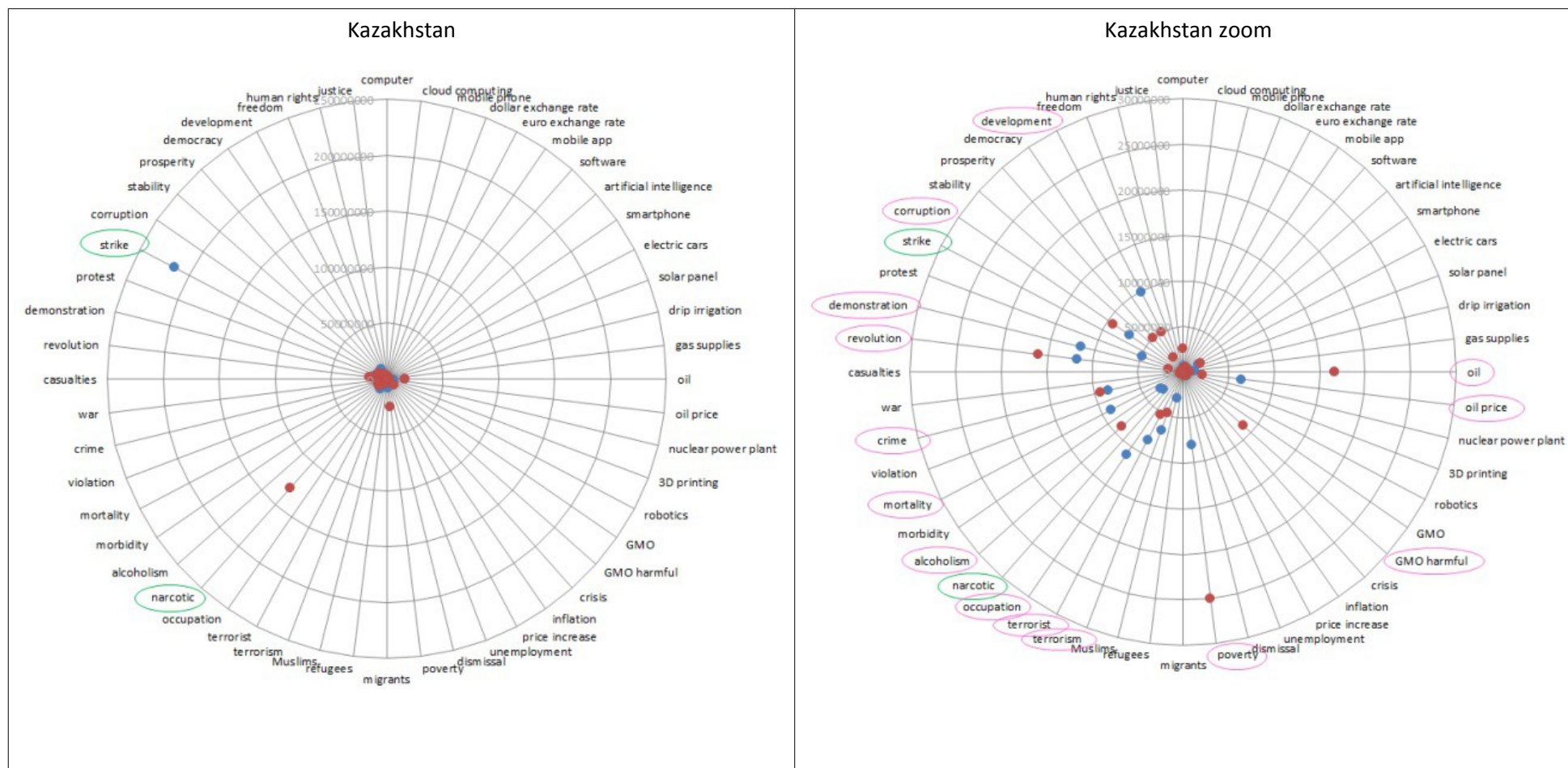
Открытые данные

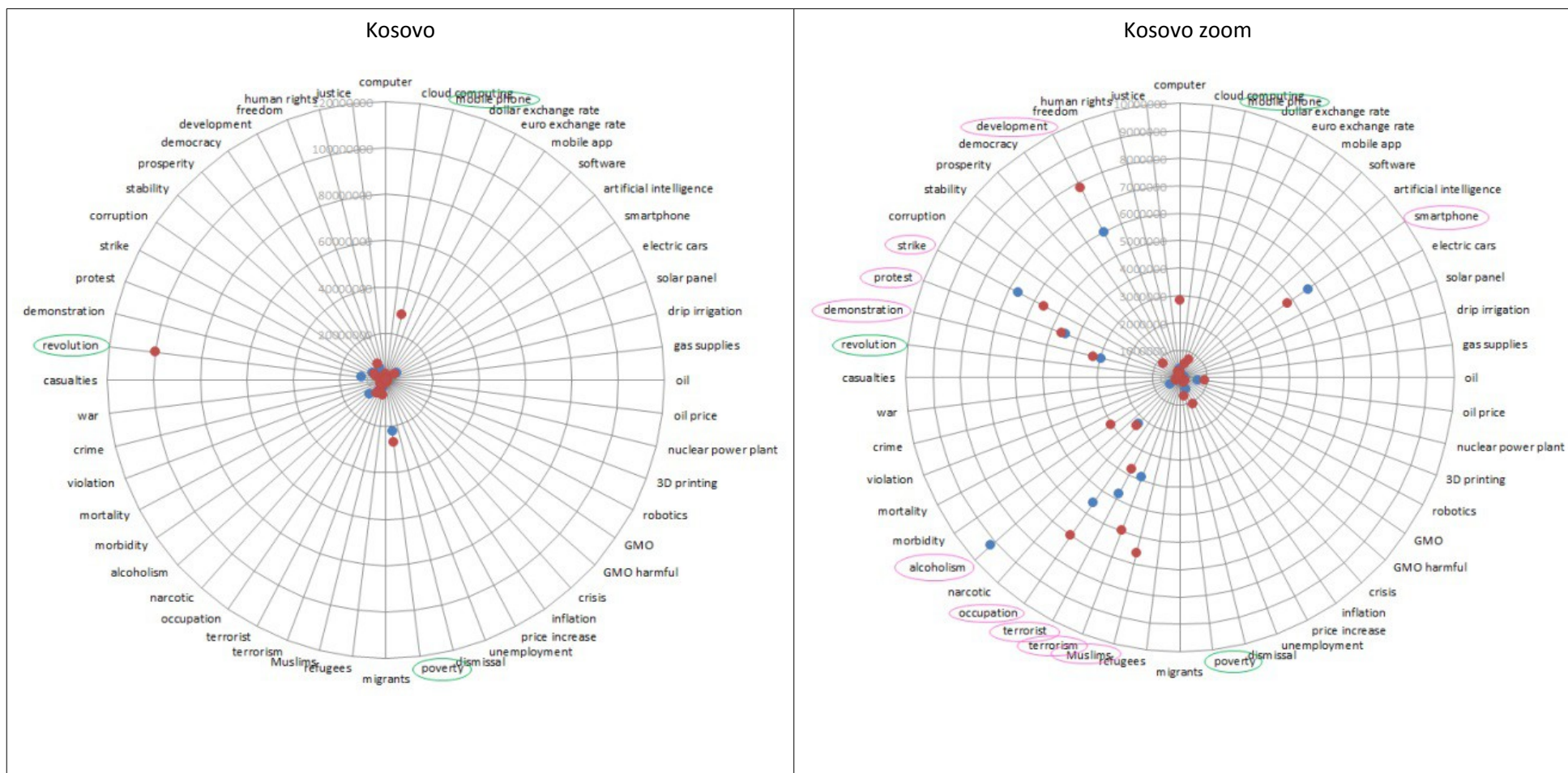
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

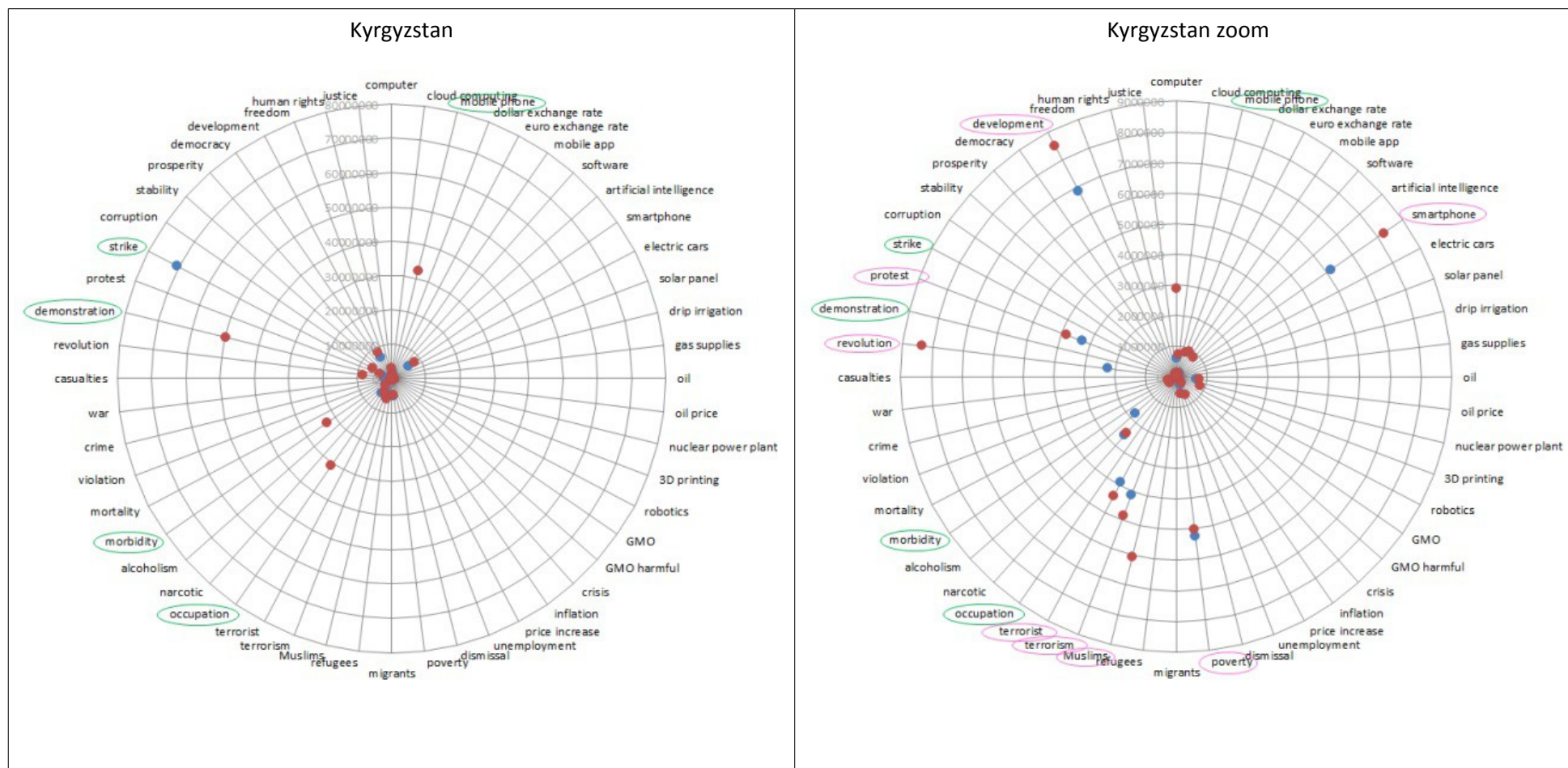
Открытые данные

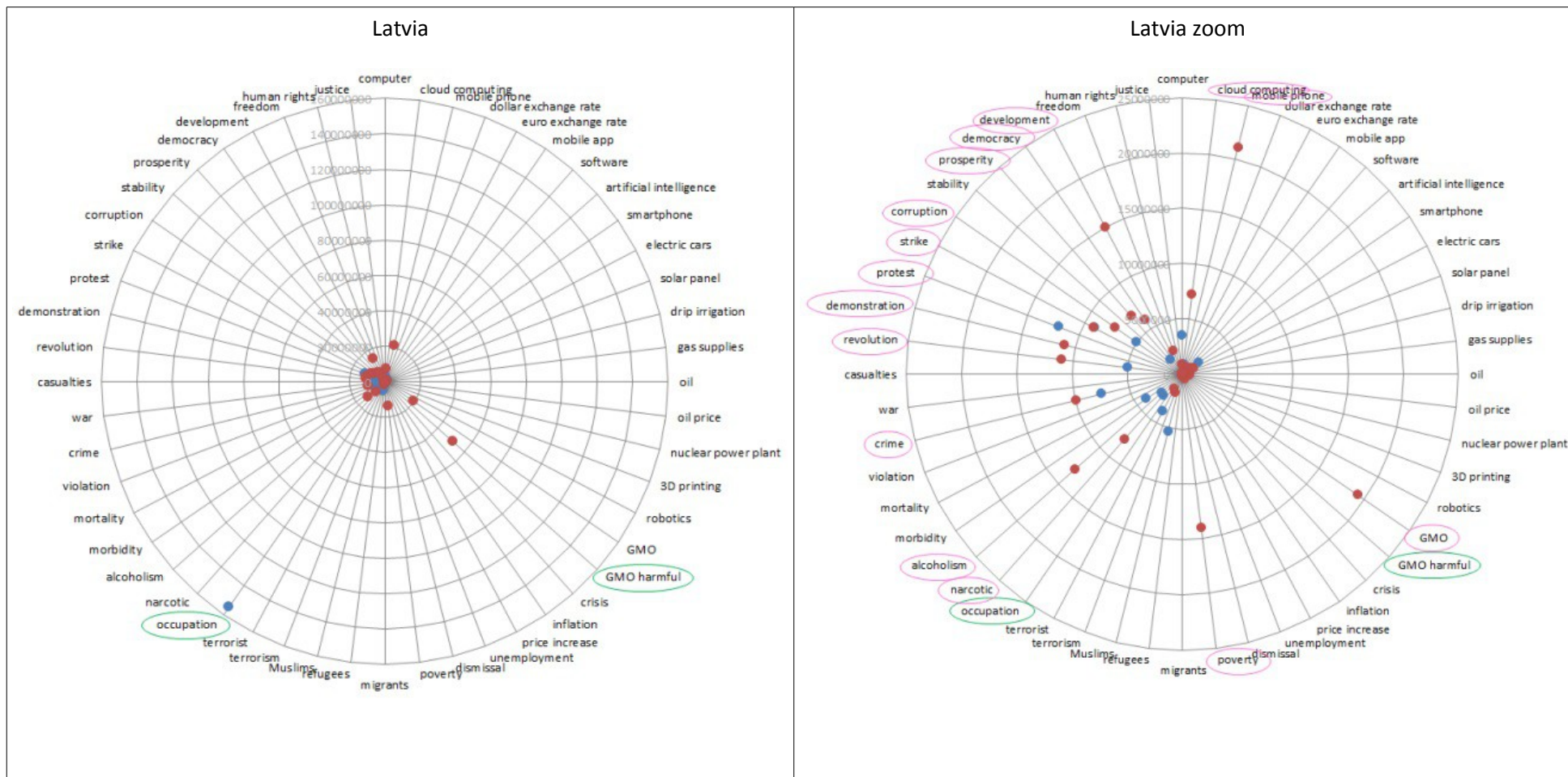
Открытые данные

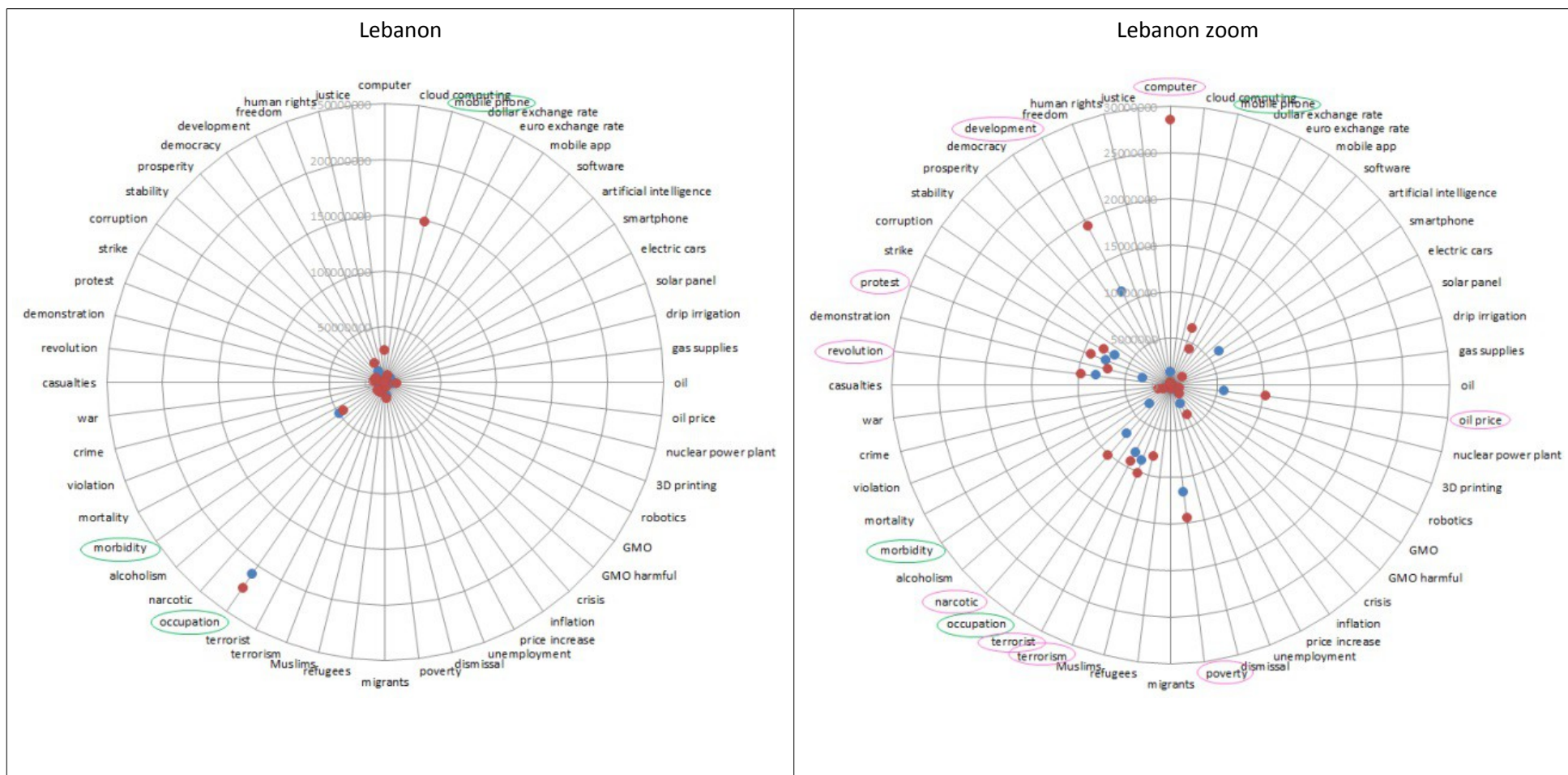
Открытые данные

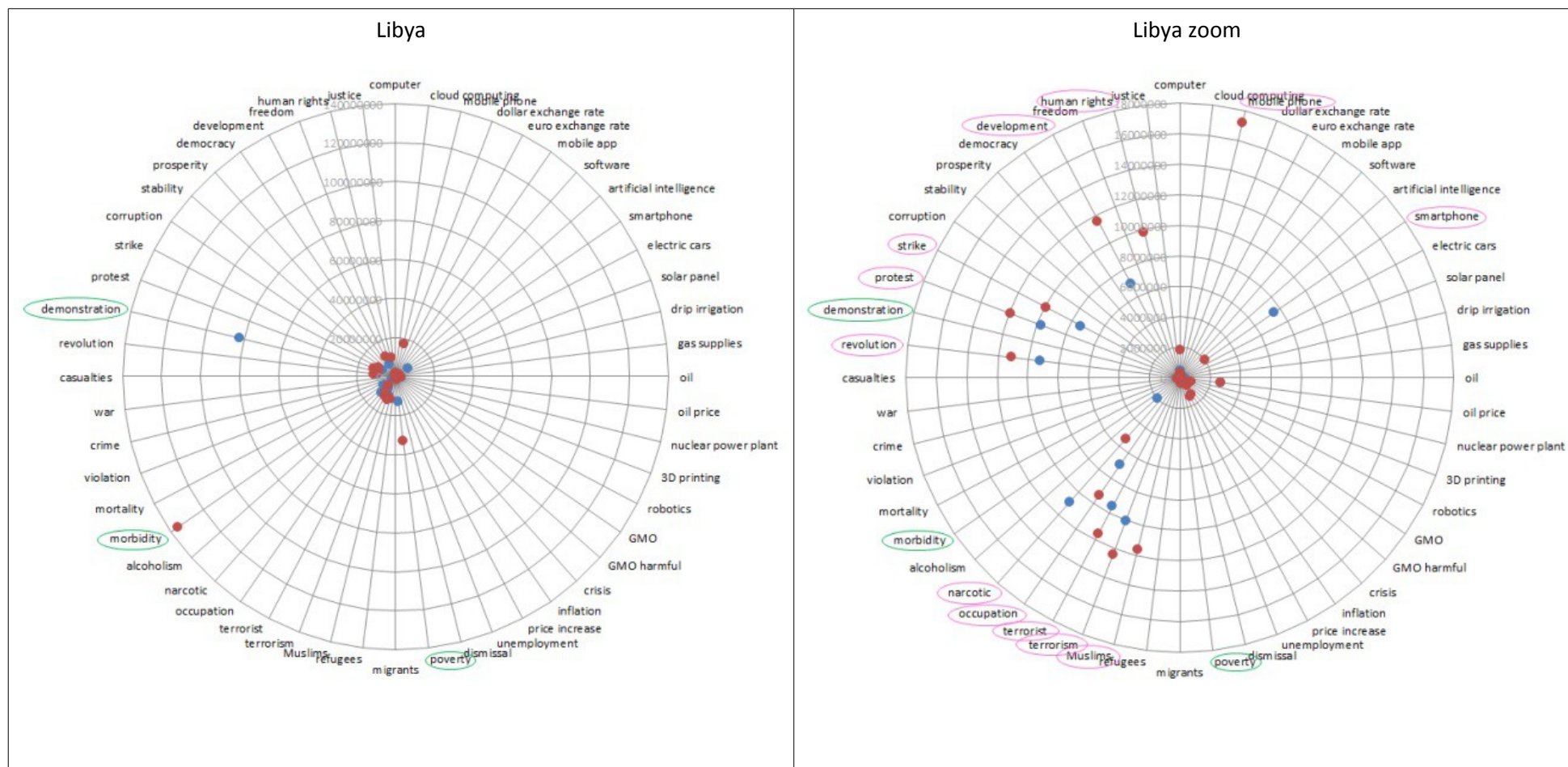
Открытые данные

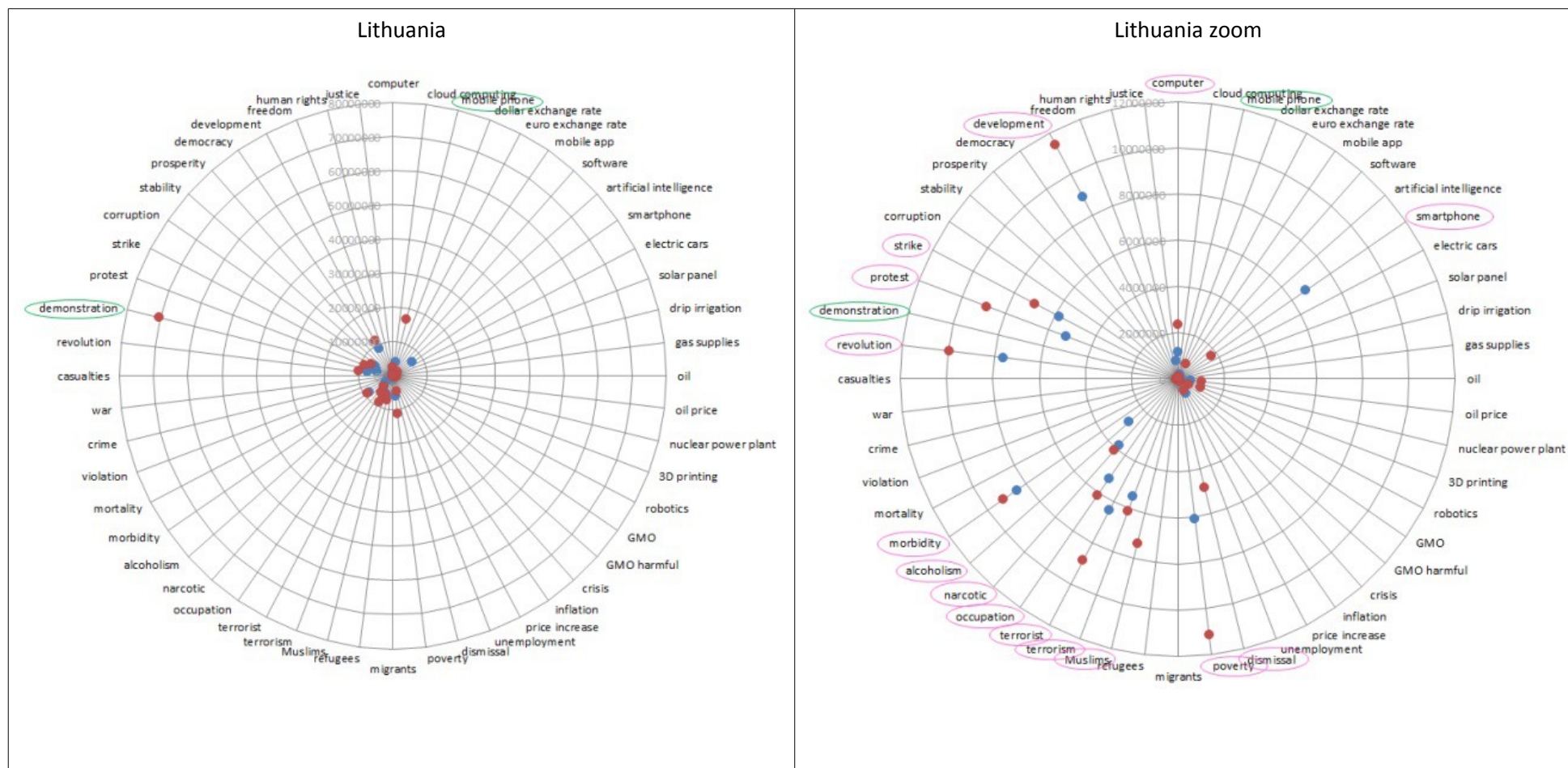
Открытые данные

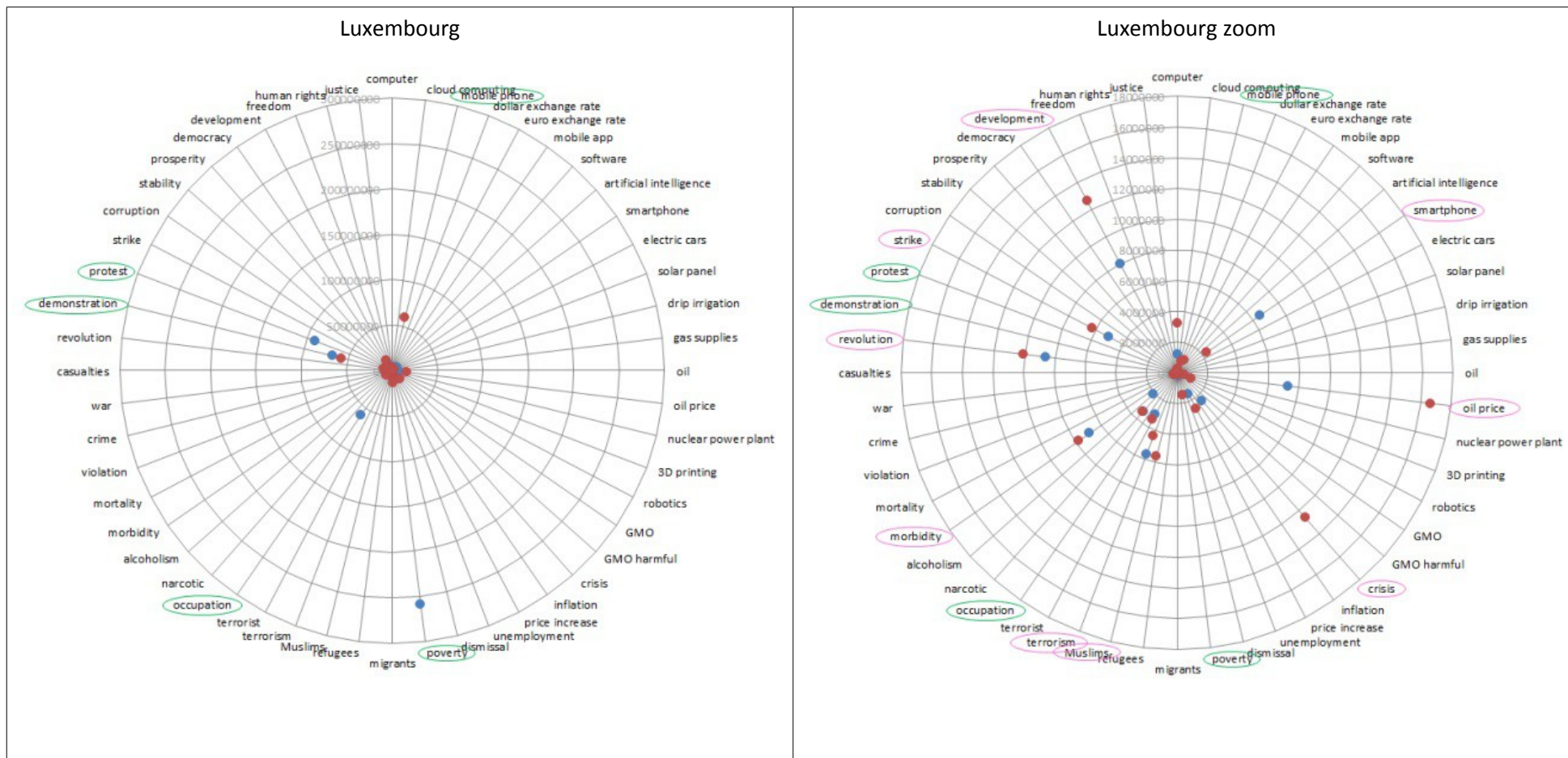
Открытые данные

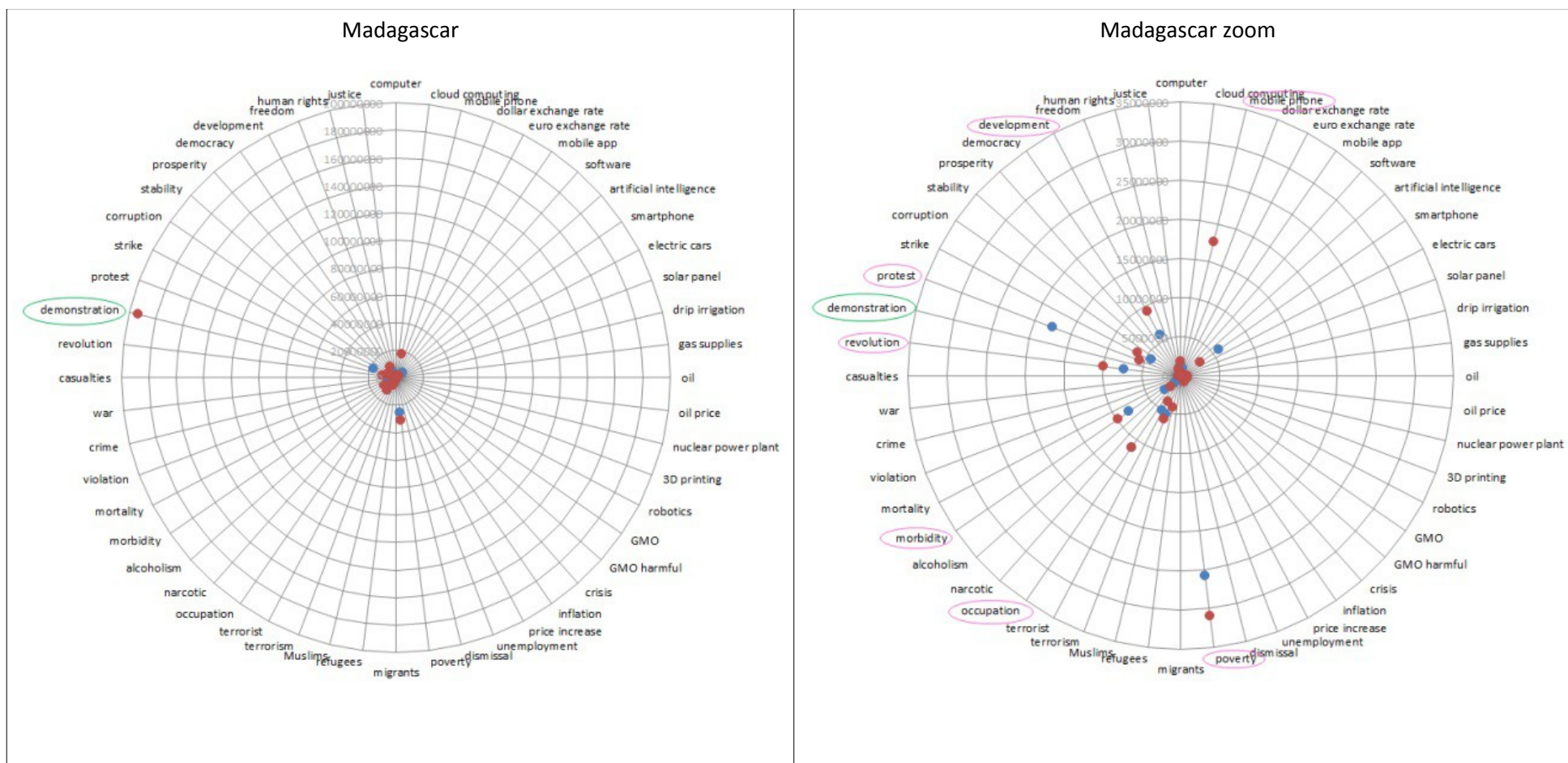
Открытые данные

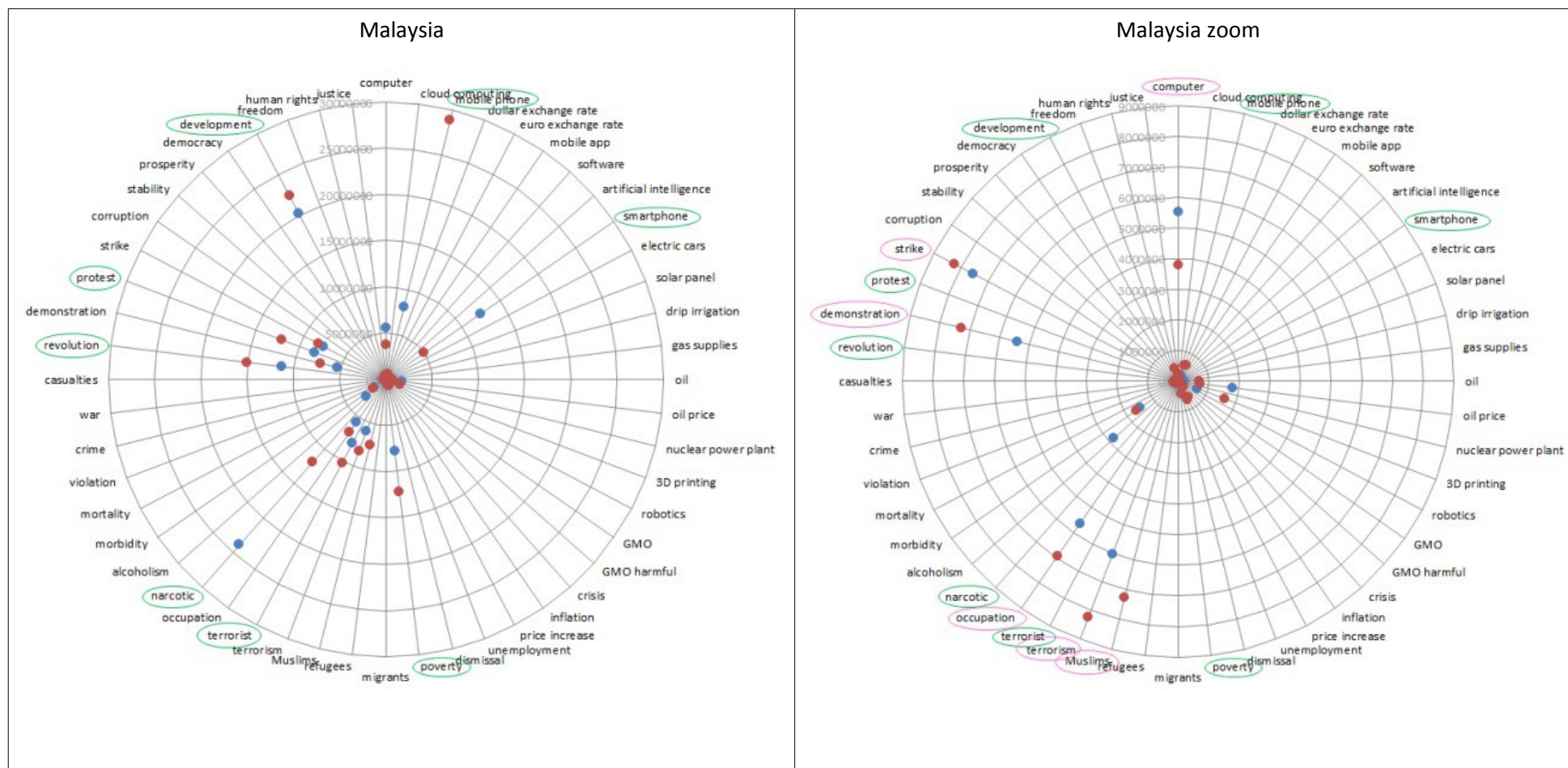
Открытые данные

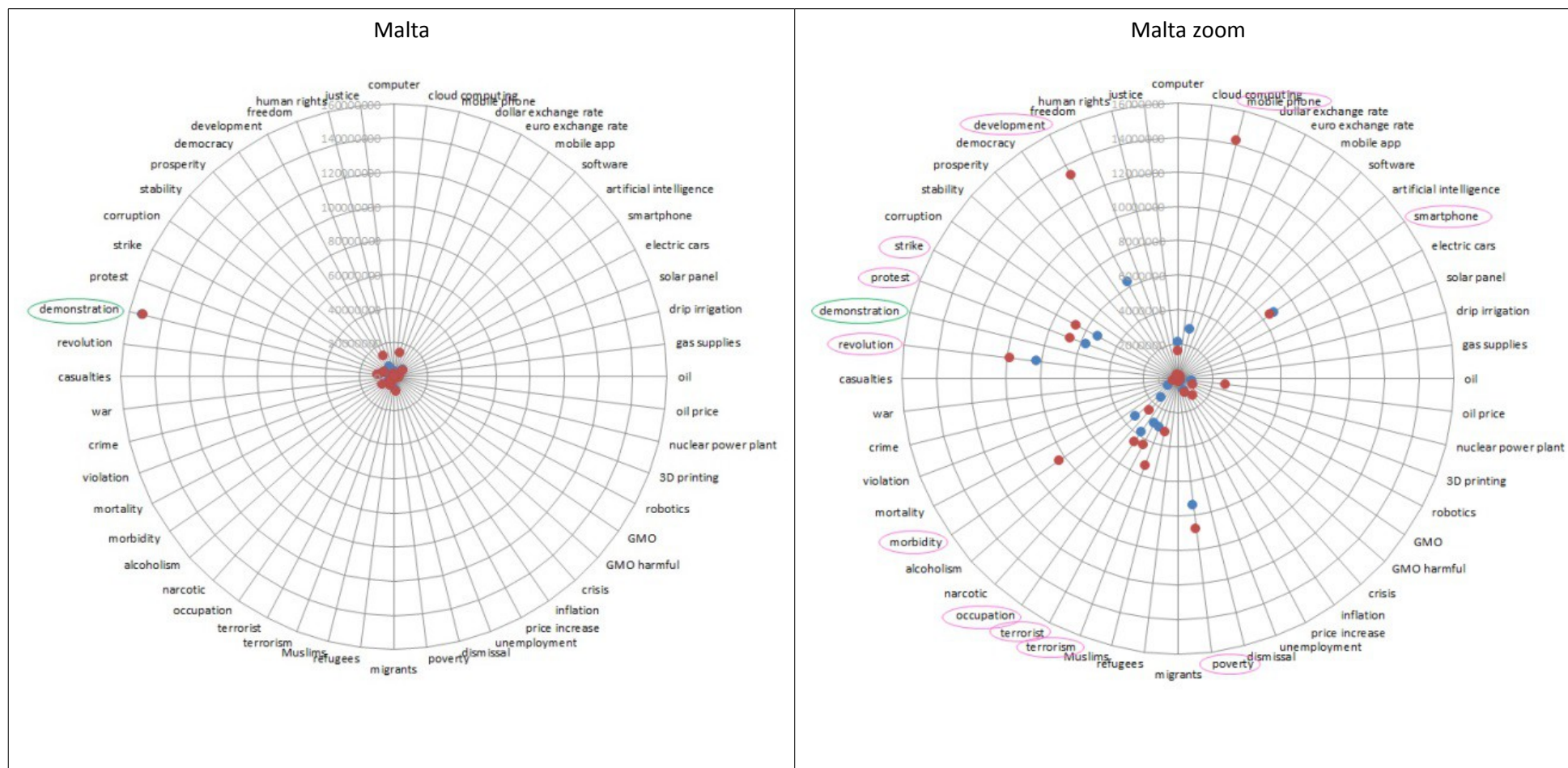
Открытые данные

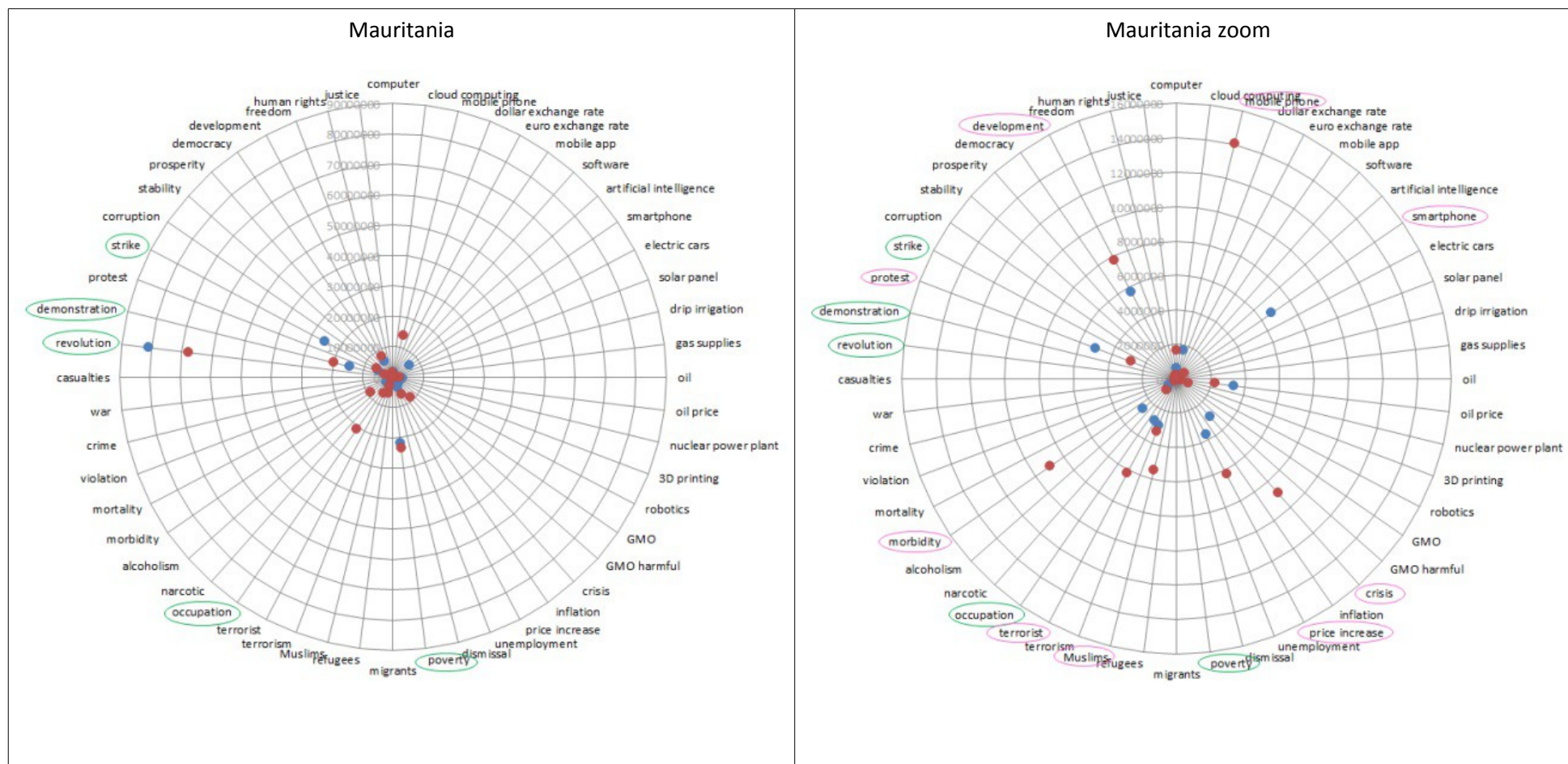
Открытые данные

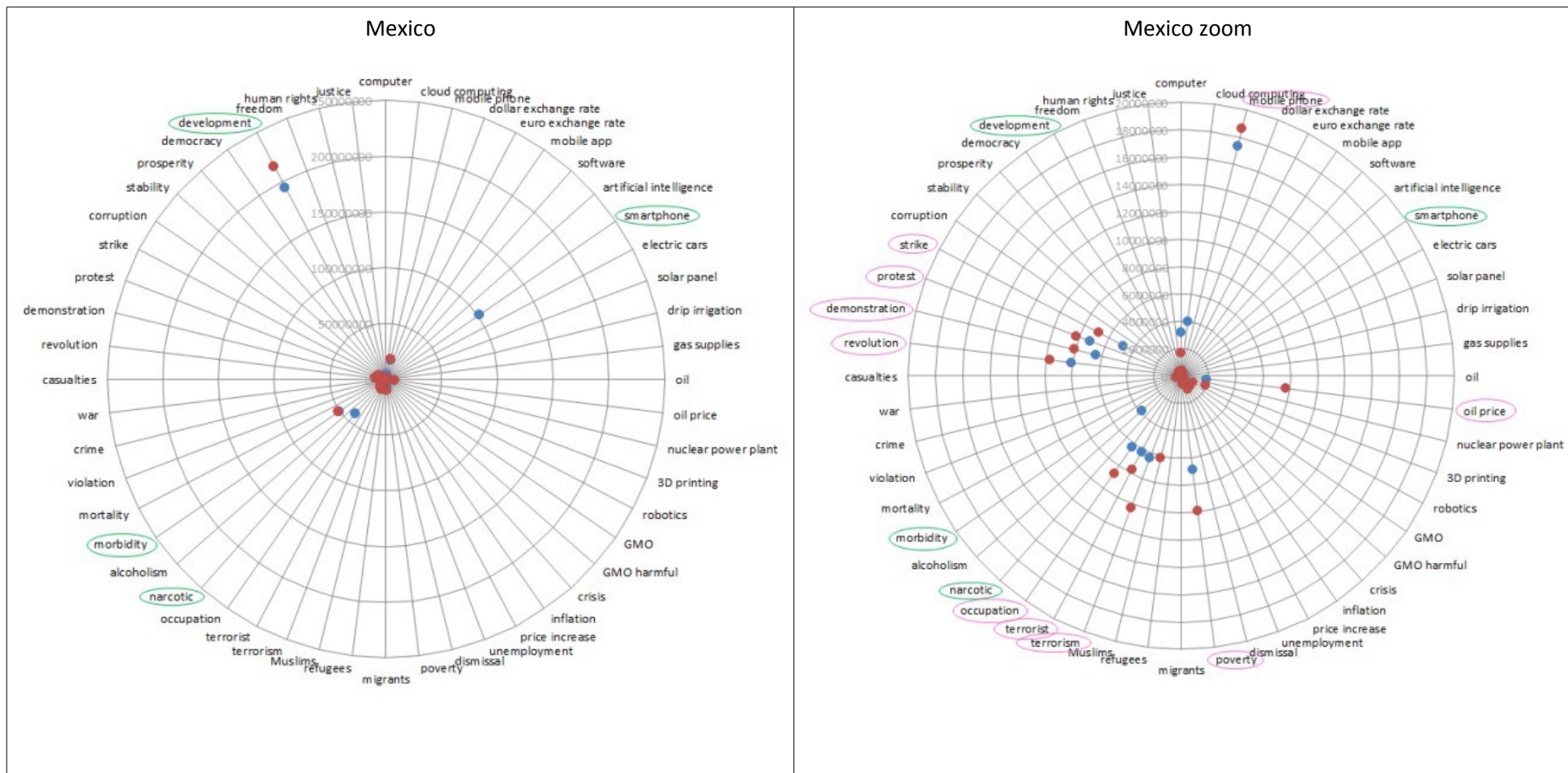
Открытые данные

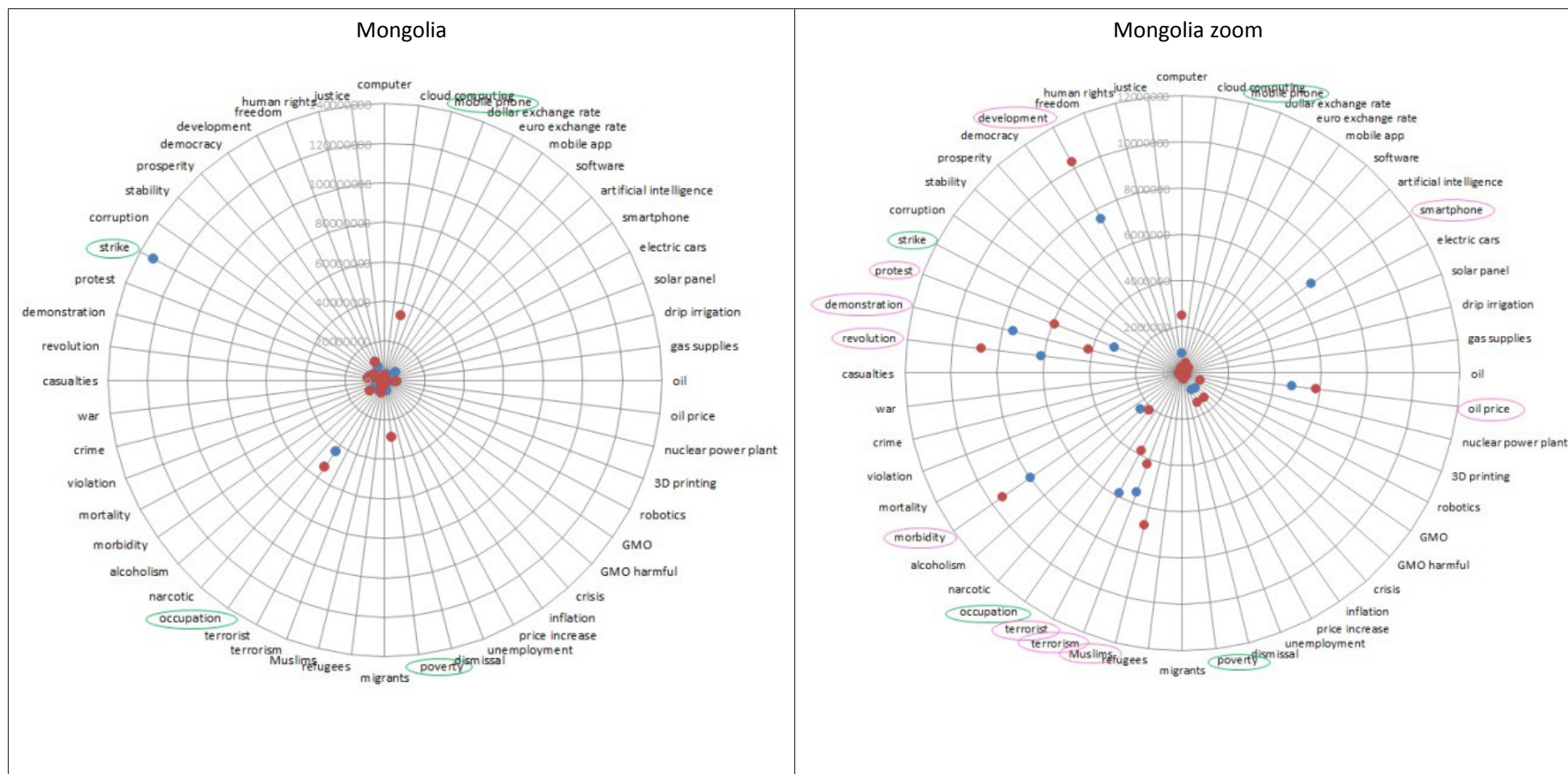
Открытые данные

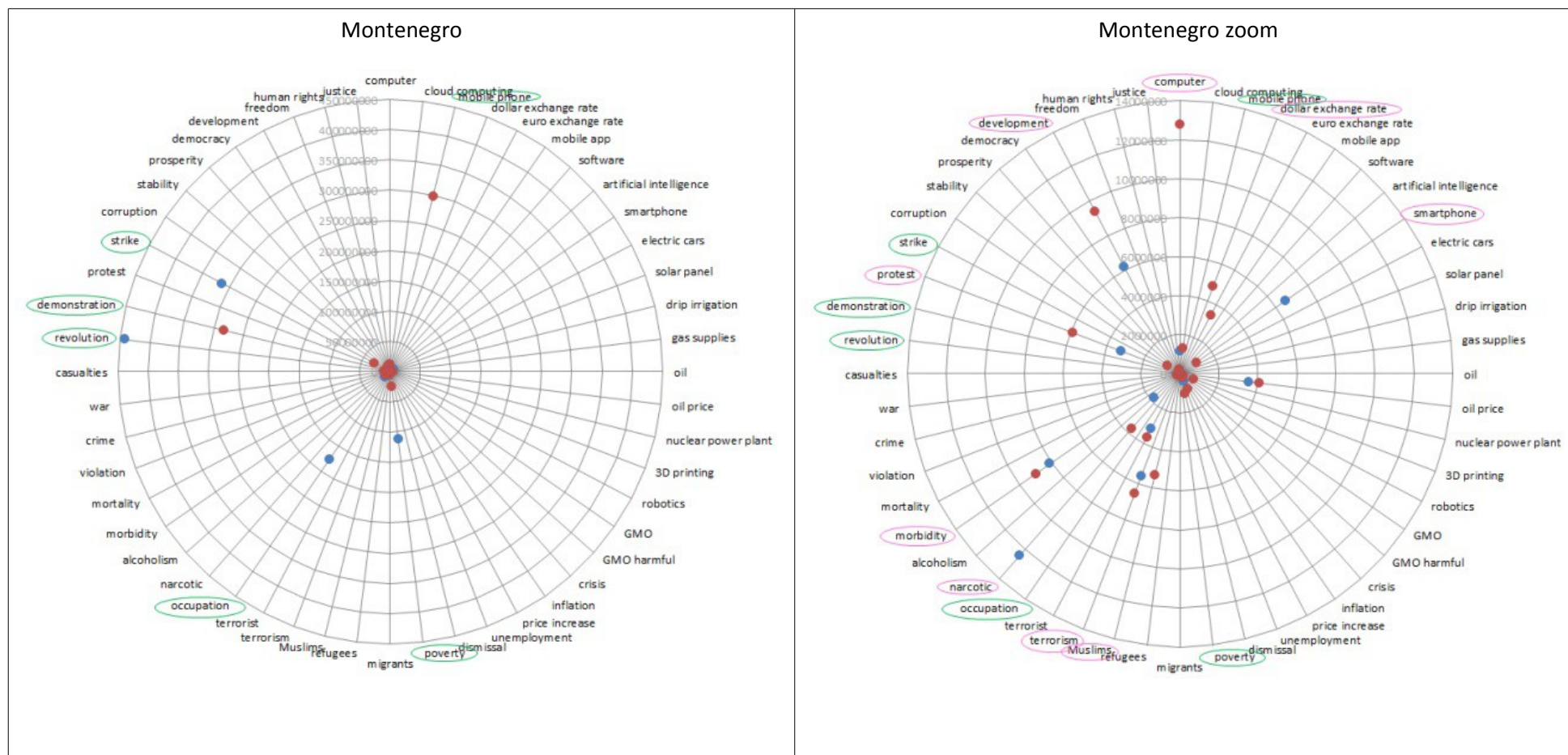
Открытые данные

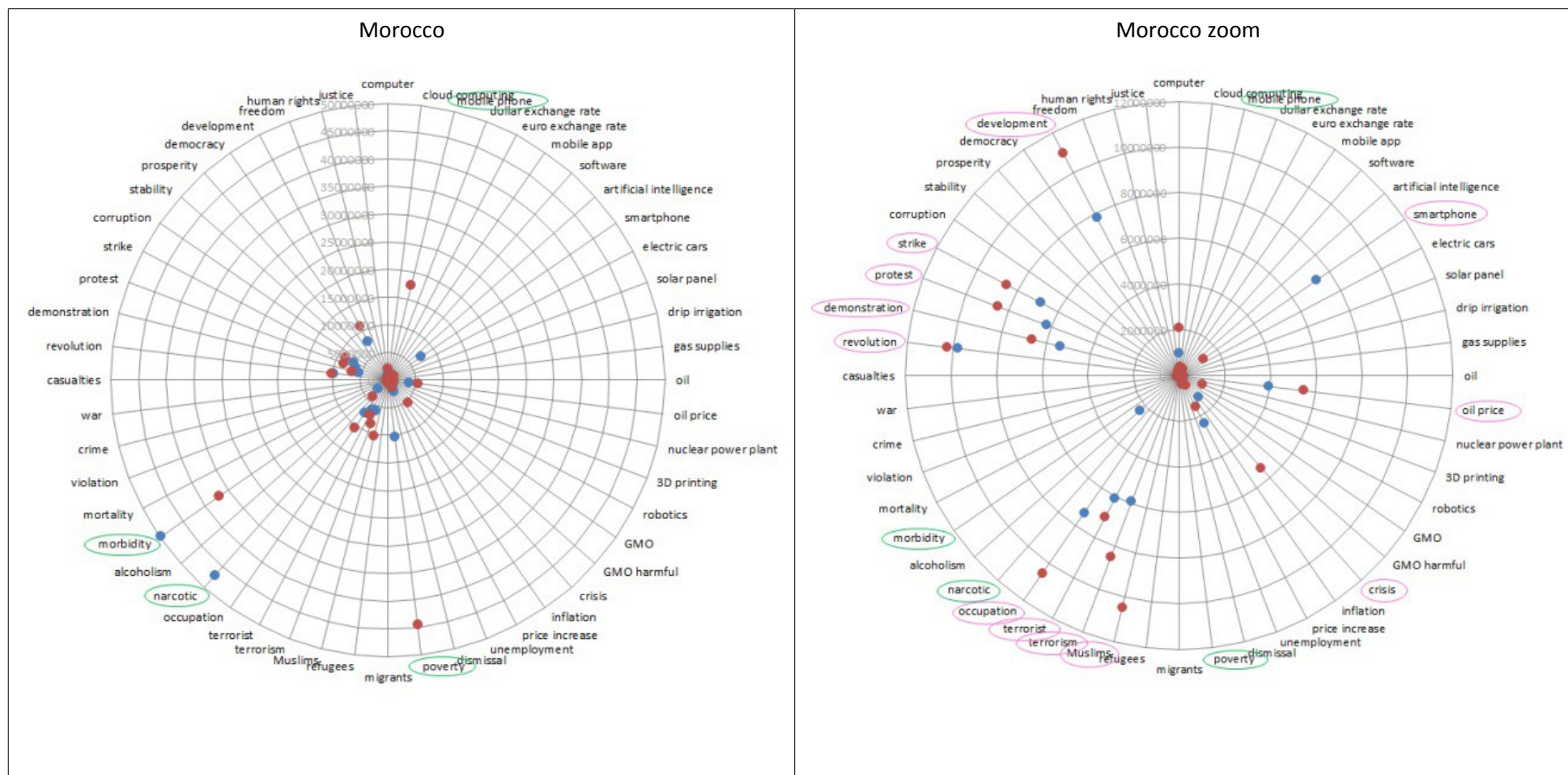
Открытые данные

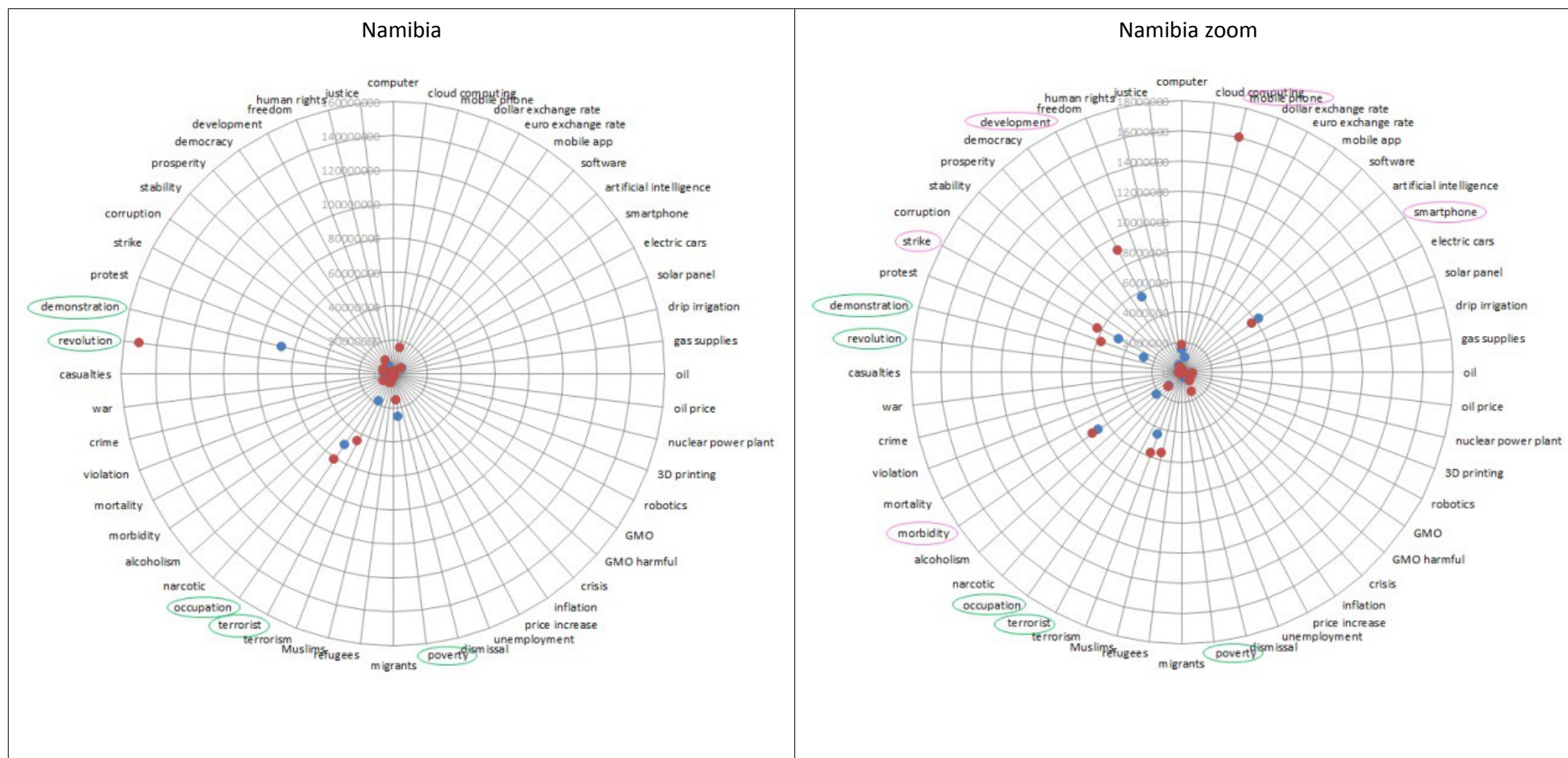
Открытые данные

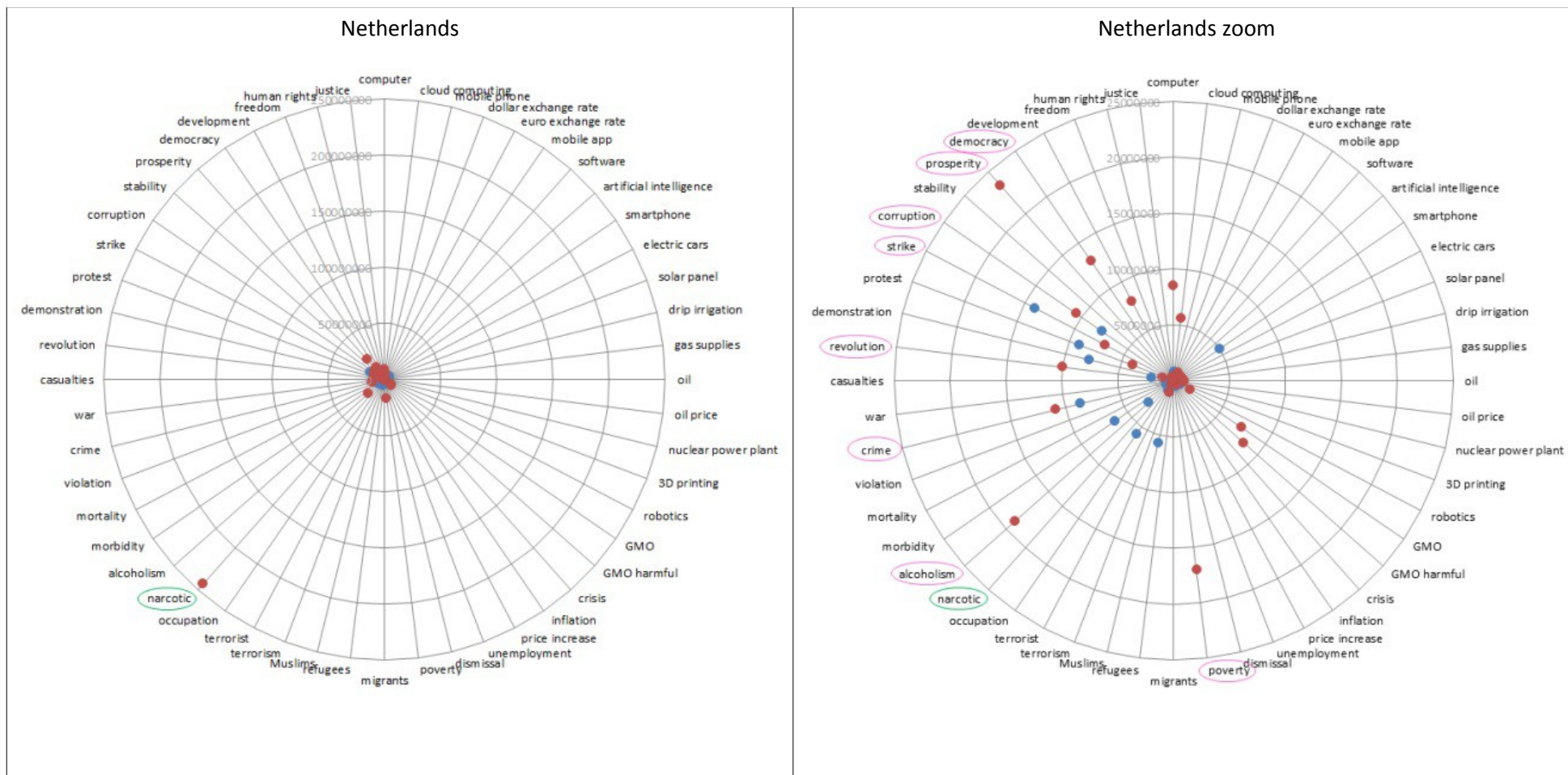
Открытые данные

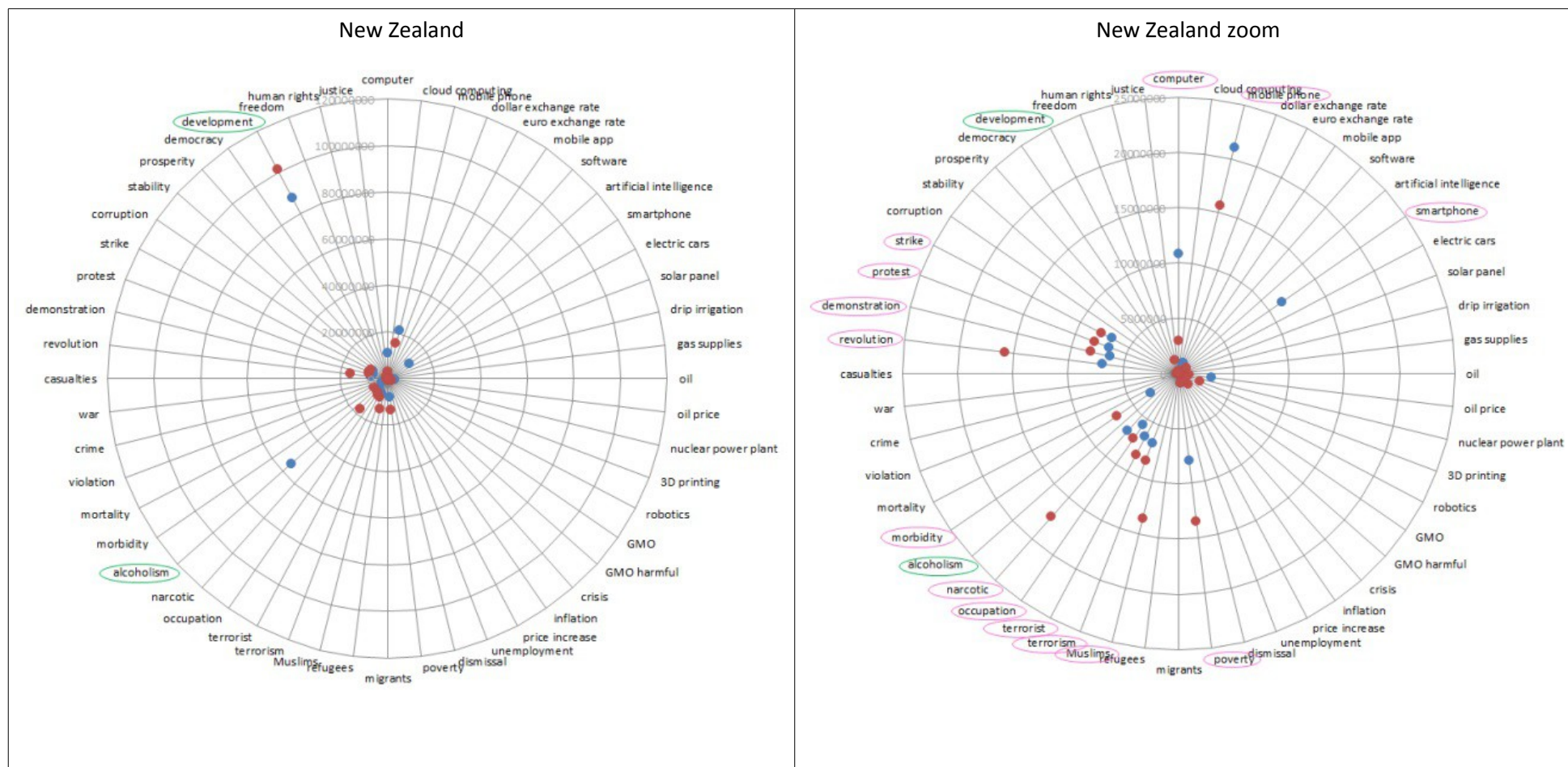
Открытые данные

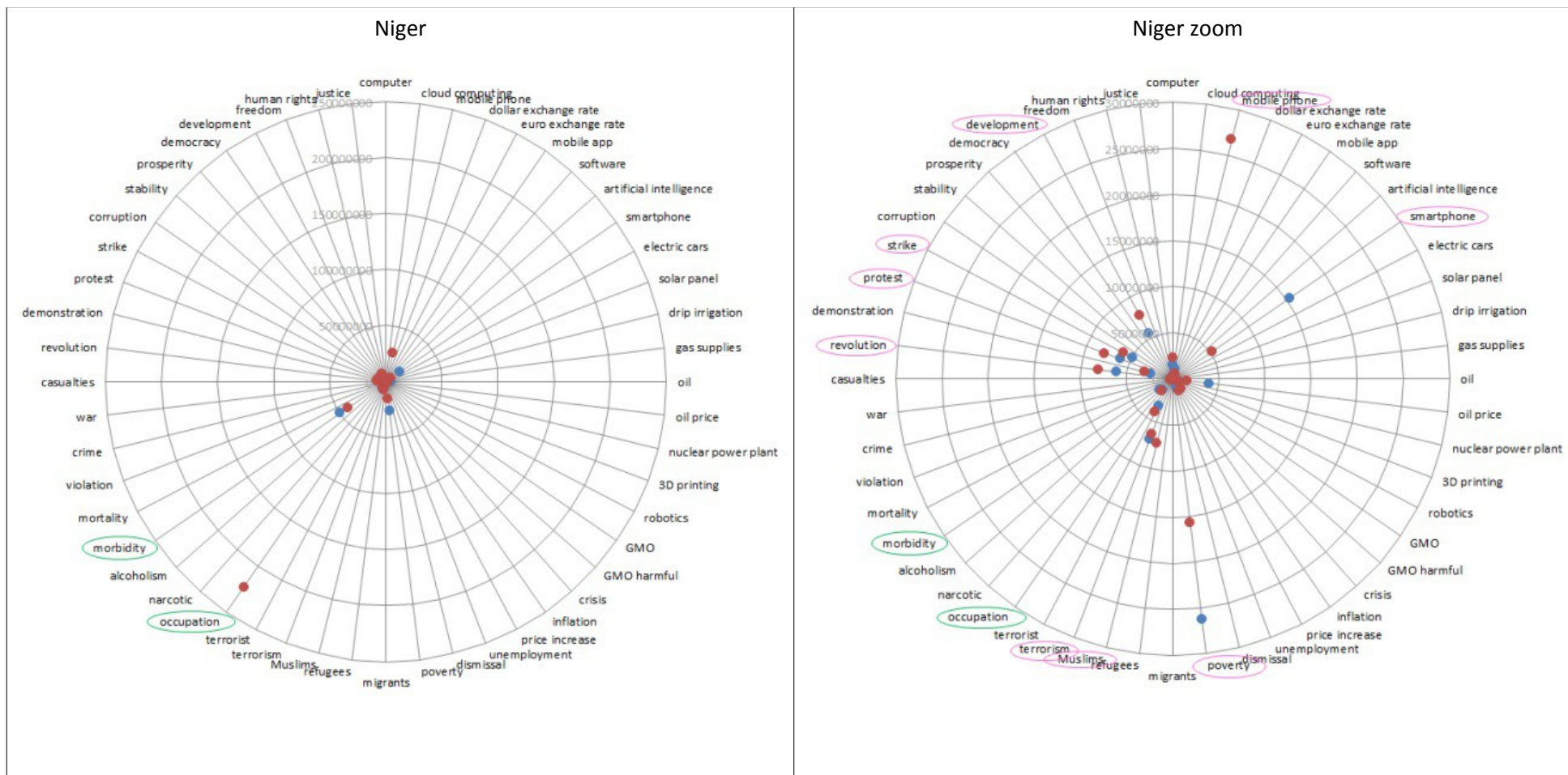
Открытые данные

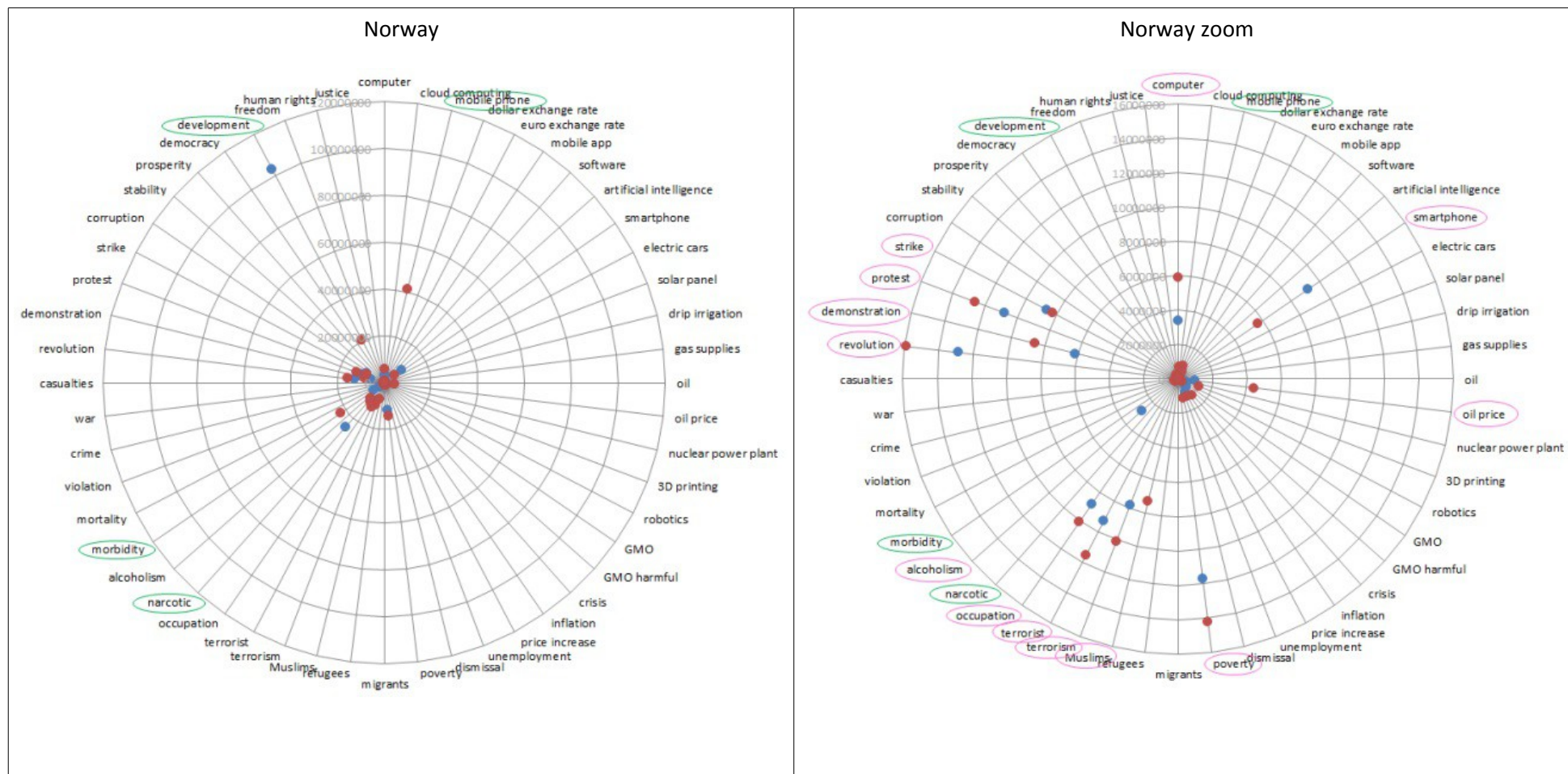
Открытые данные

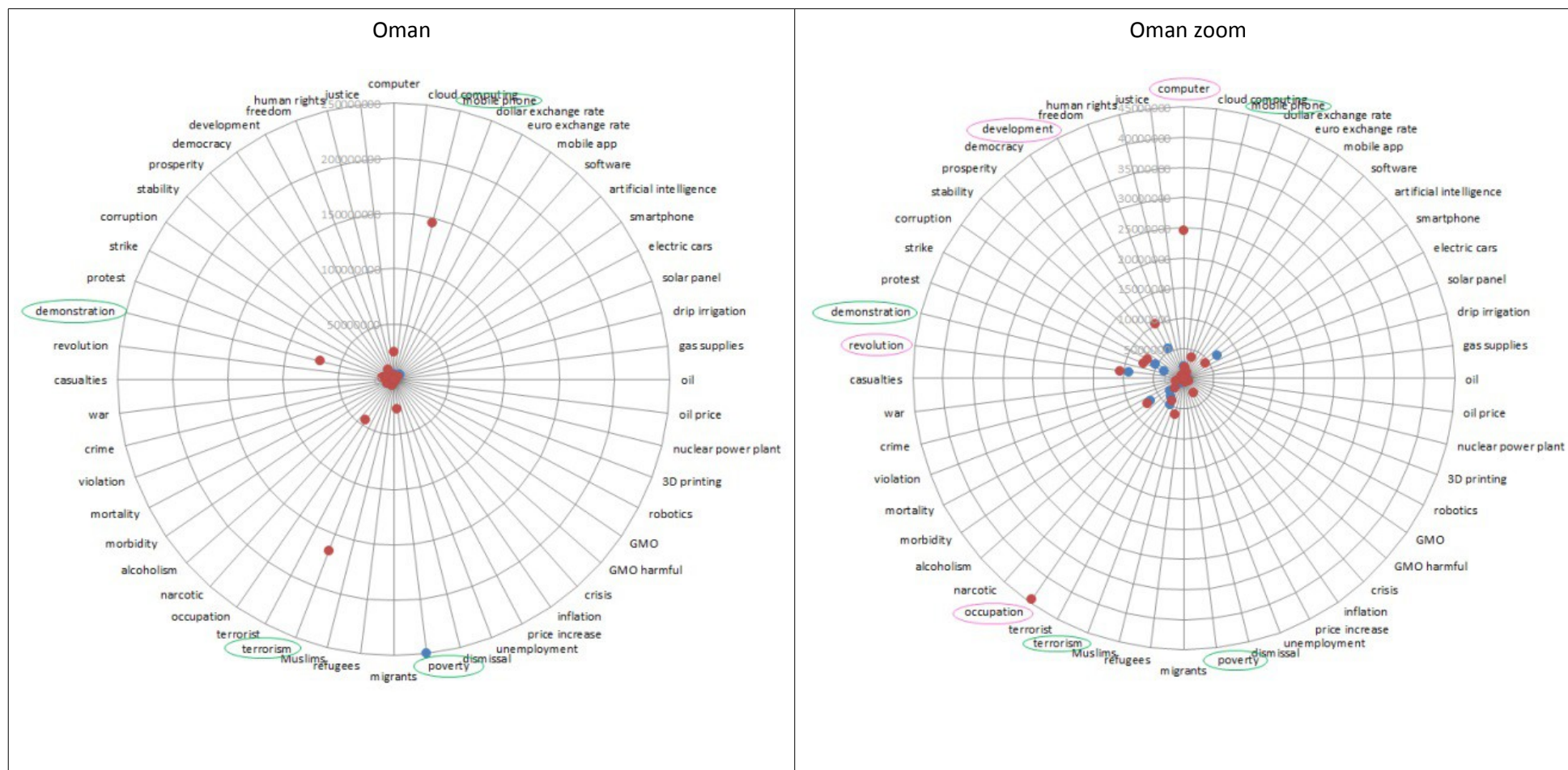
Открытые данные

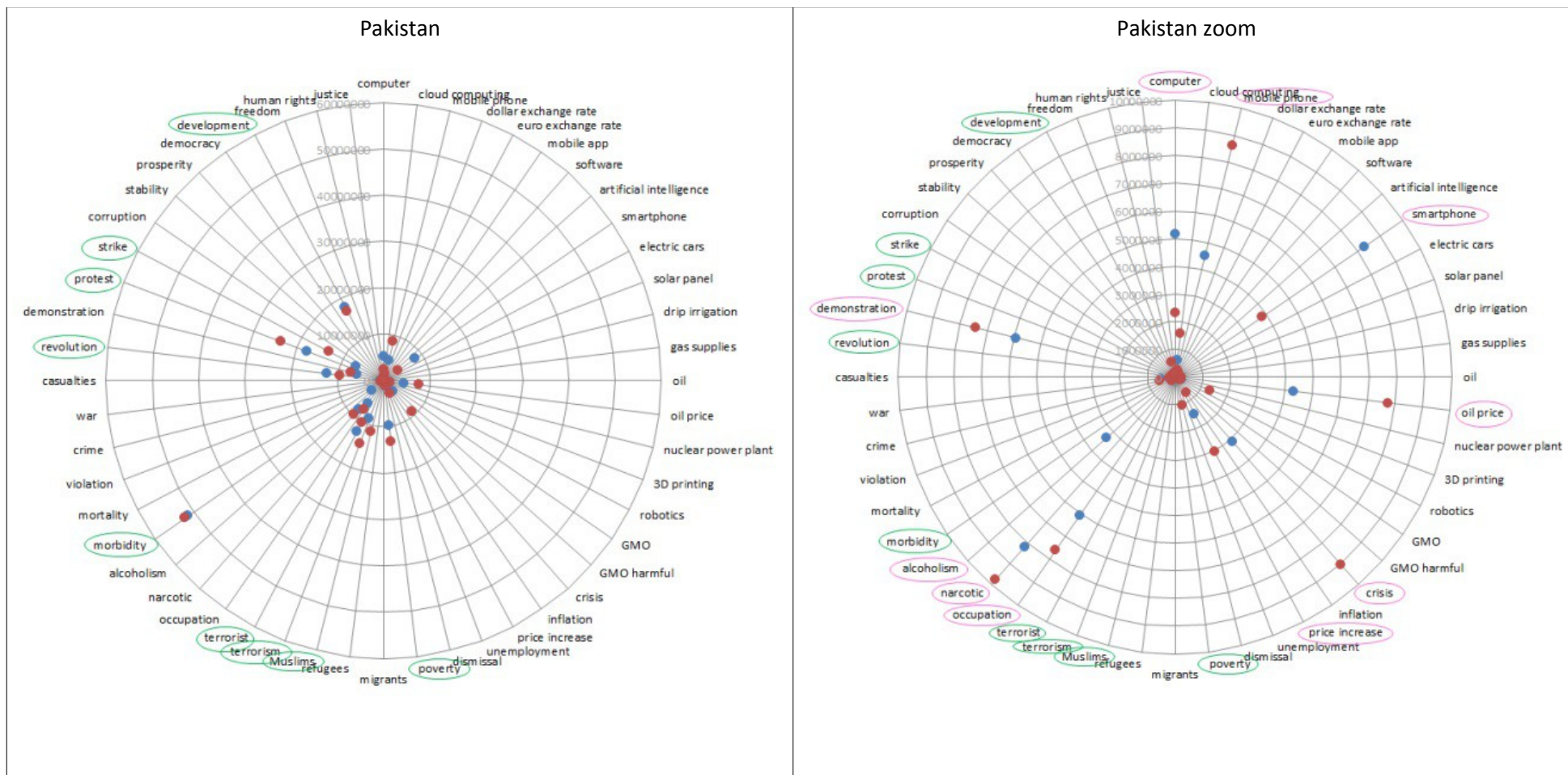
Открытые данные

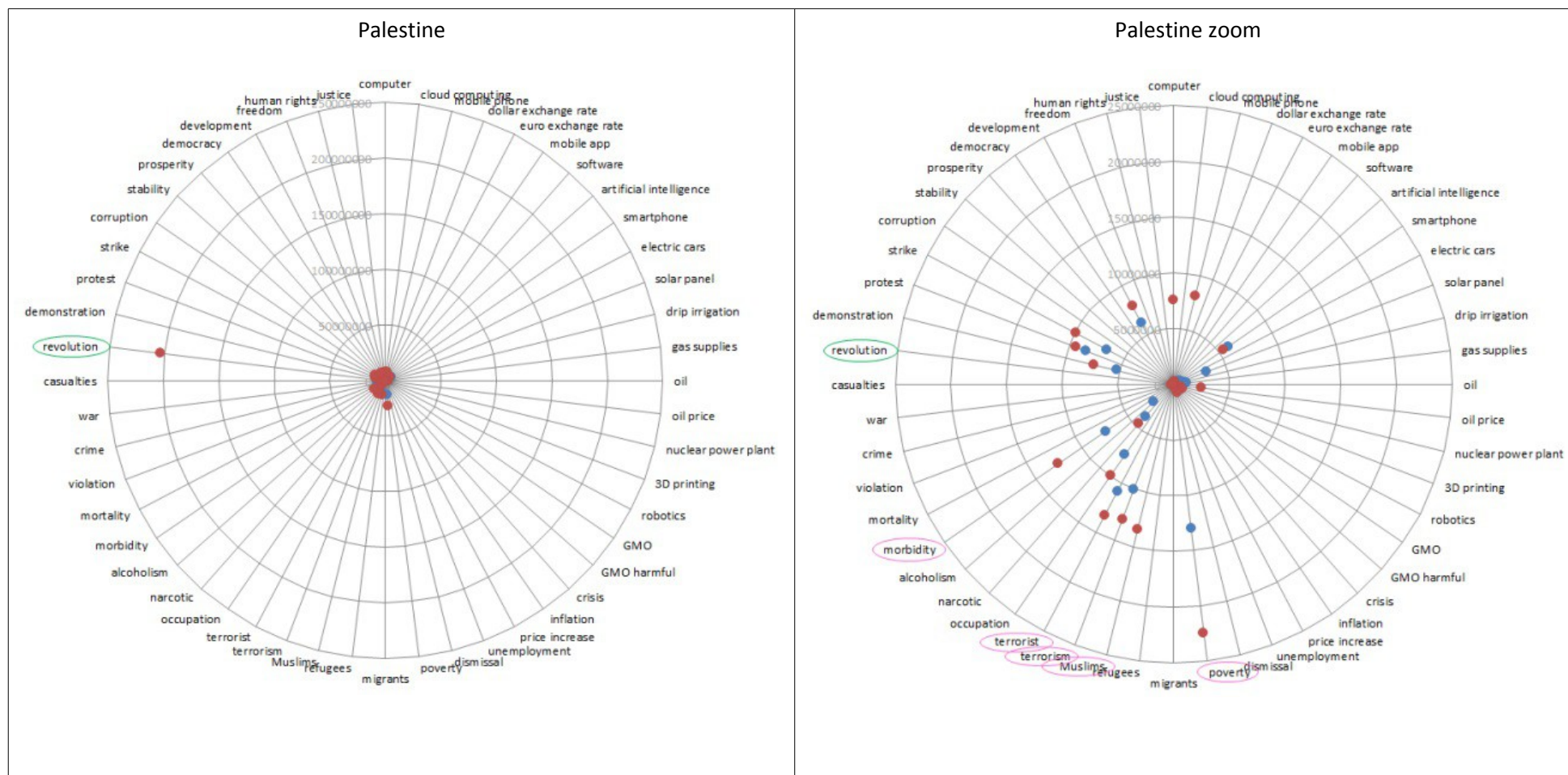
Открытые данные

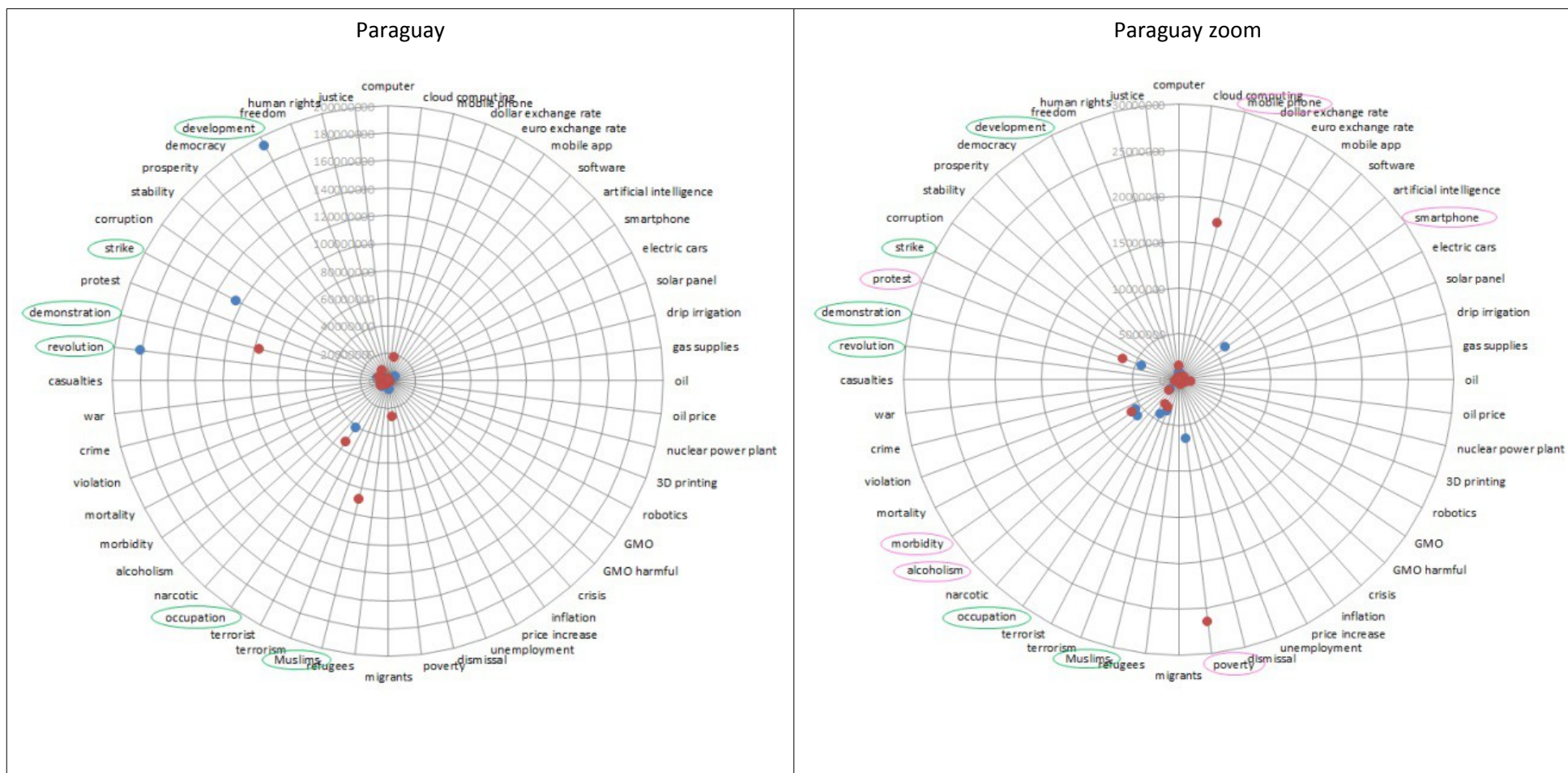
Открытые данные

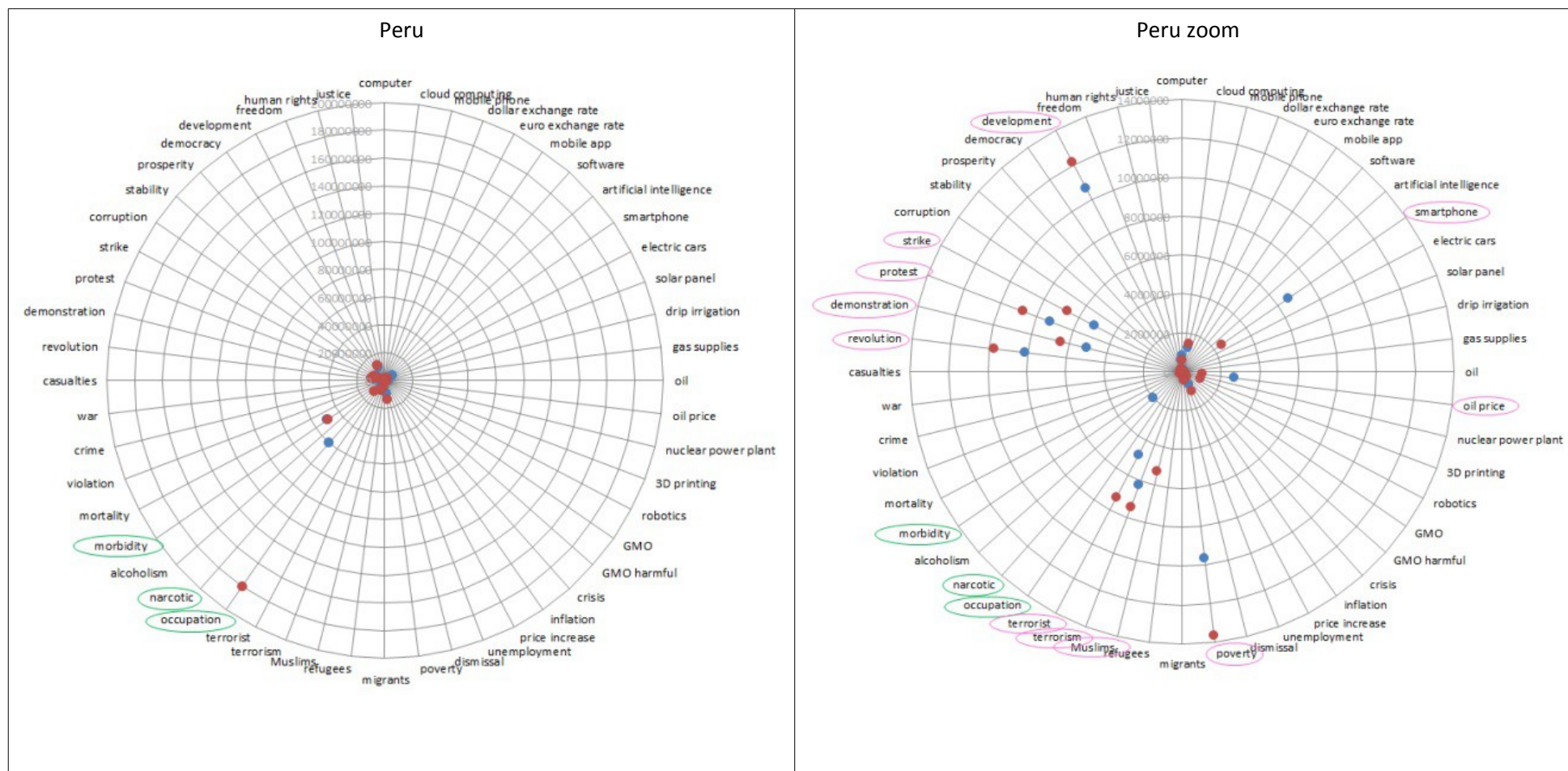
Открытые данные

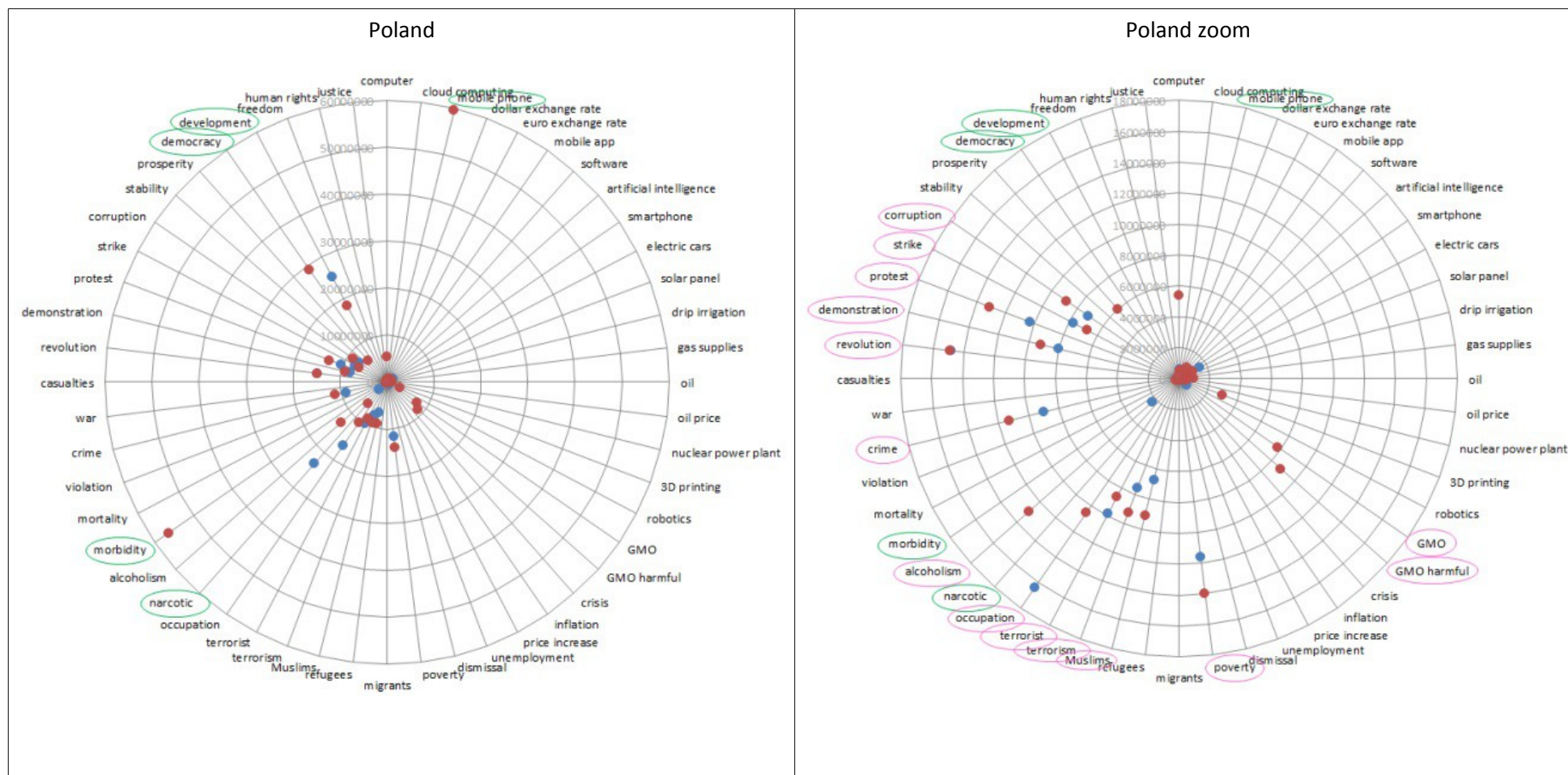
Открытые данные

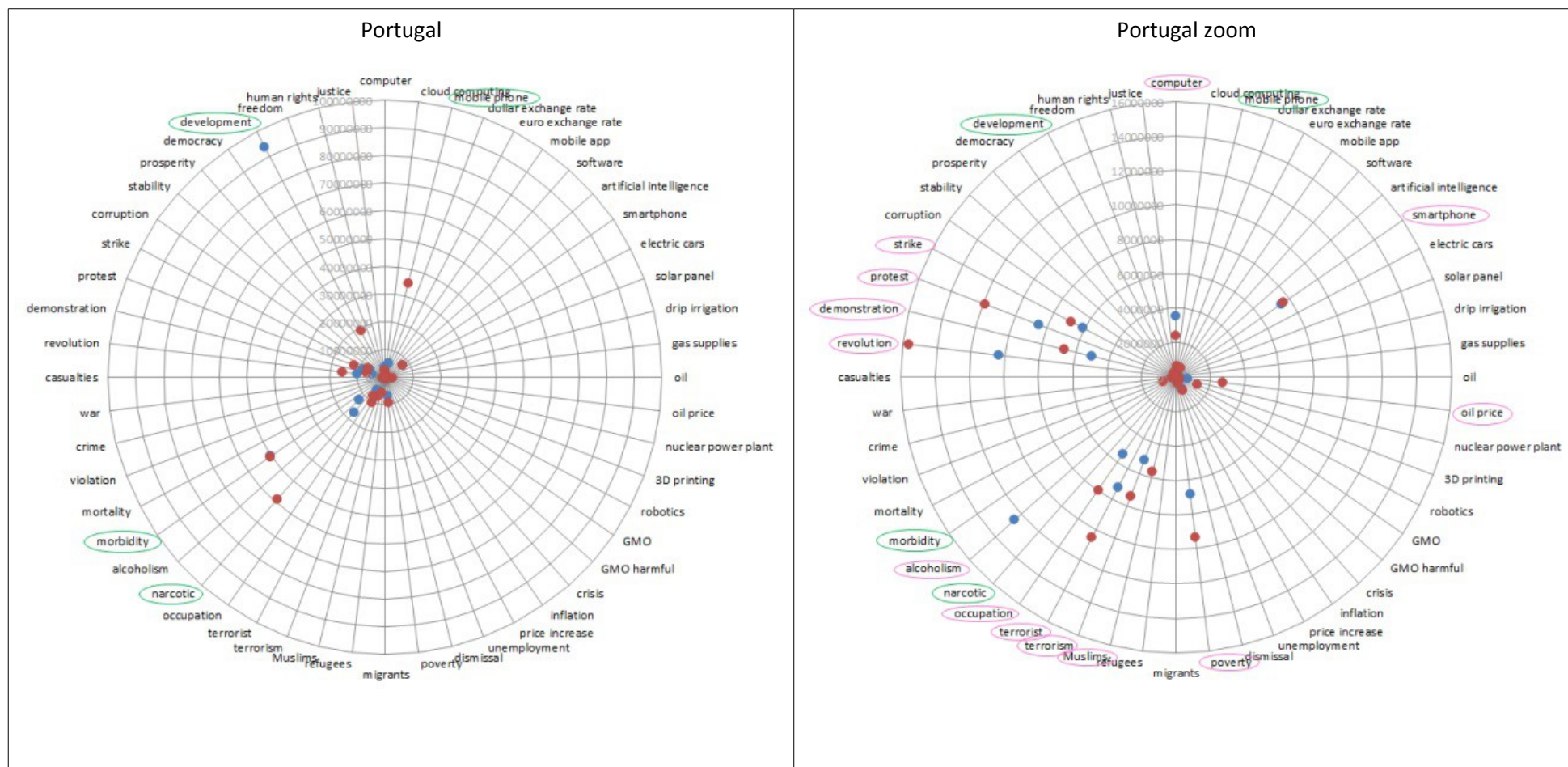
Открытые данные

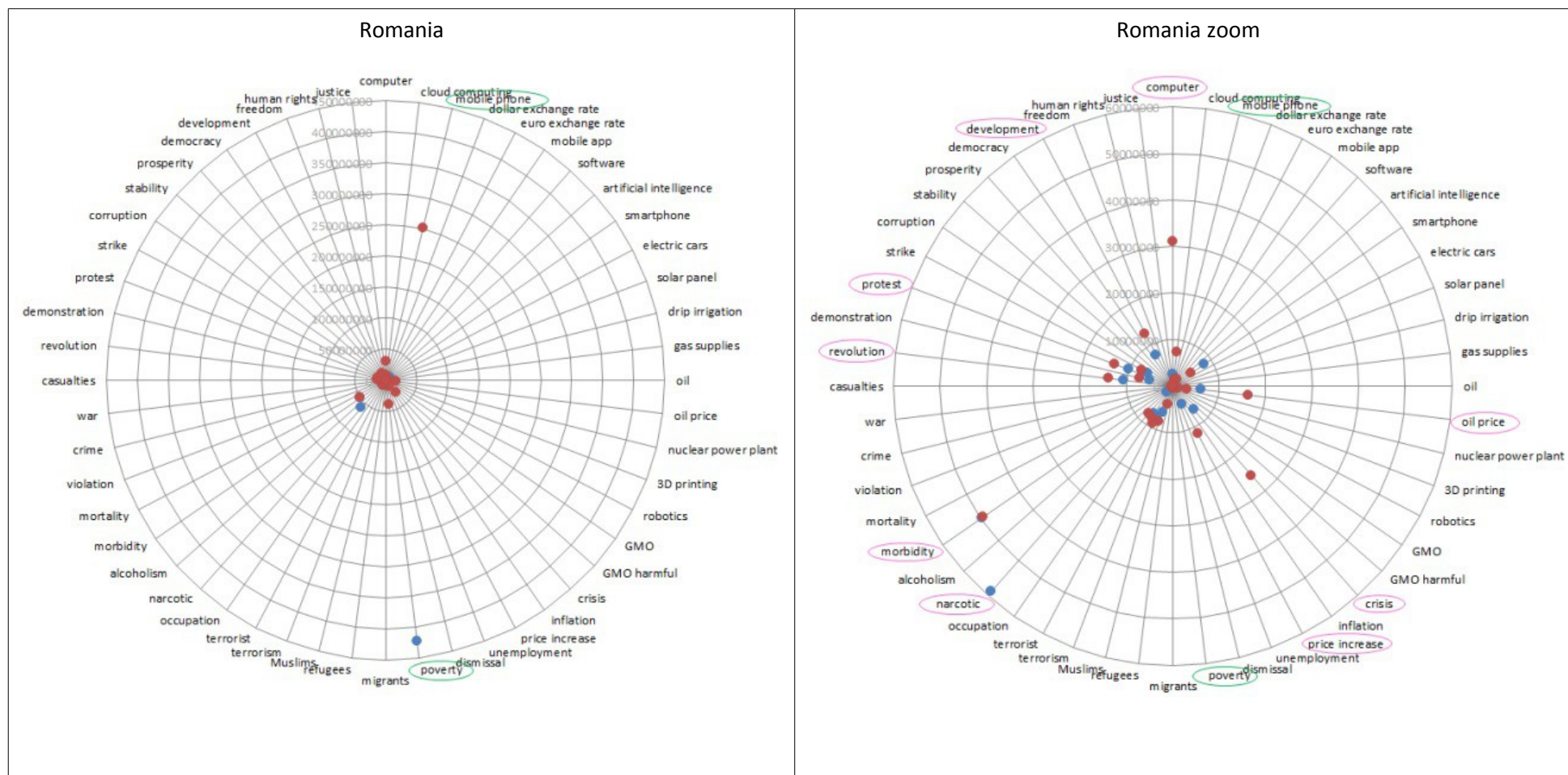
Открытые данные

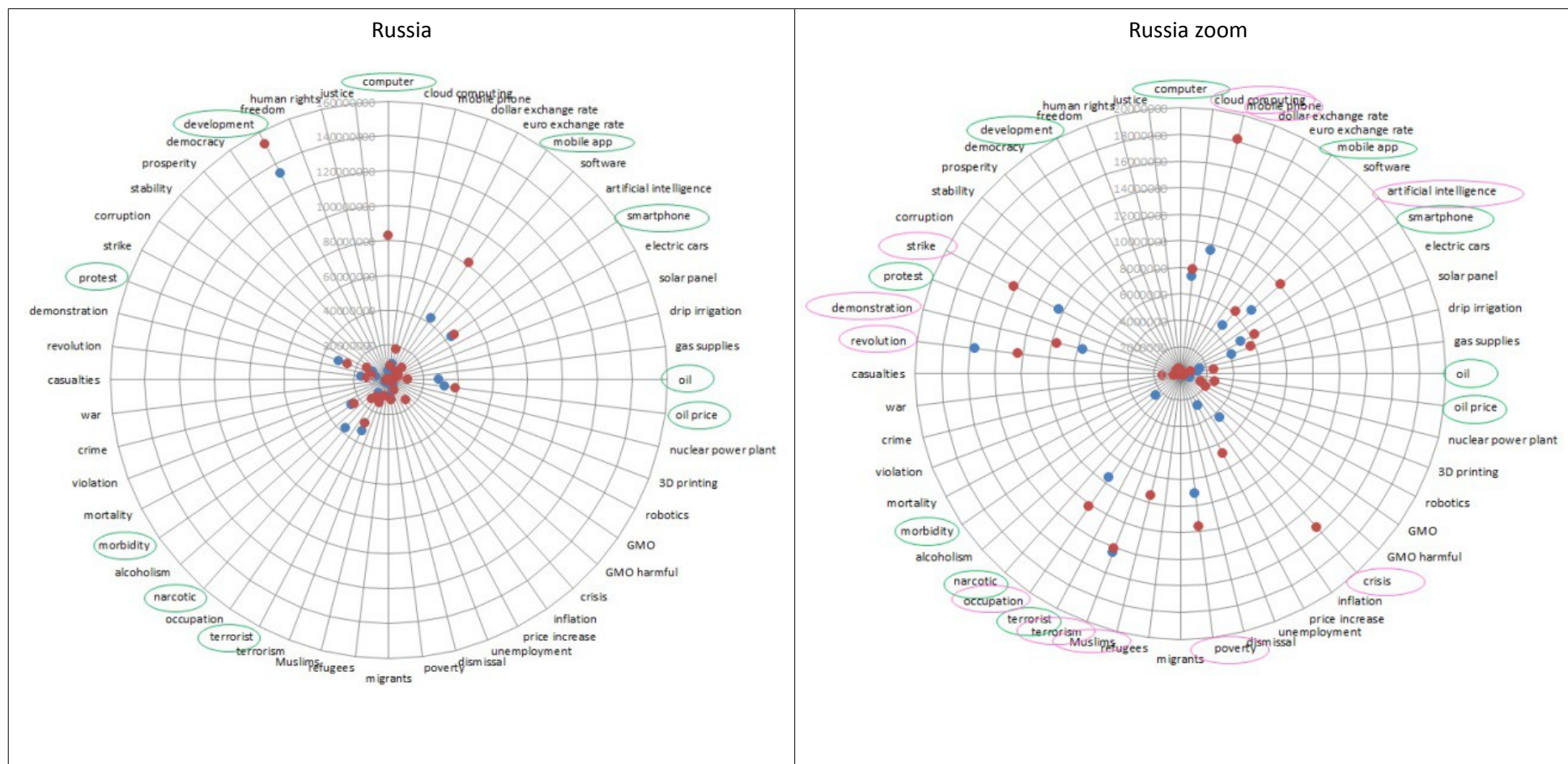
Открытые данные

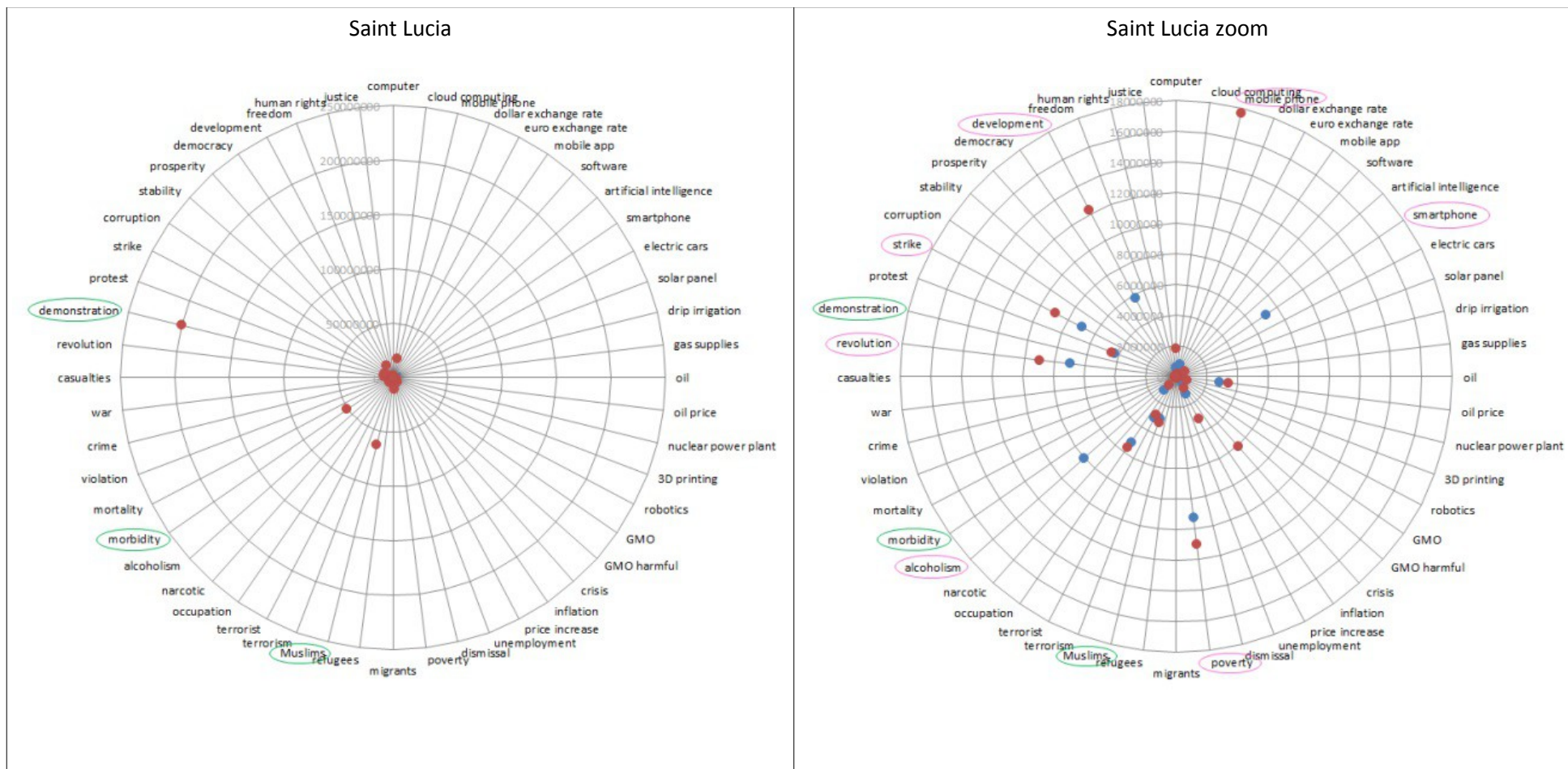
Открытые данные

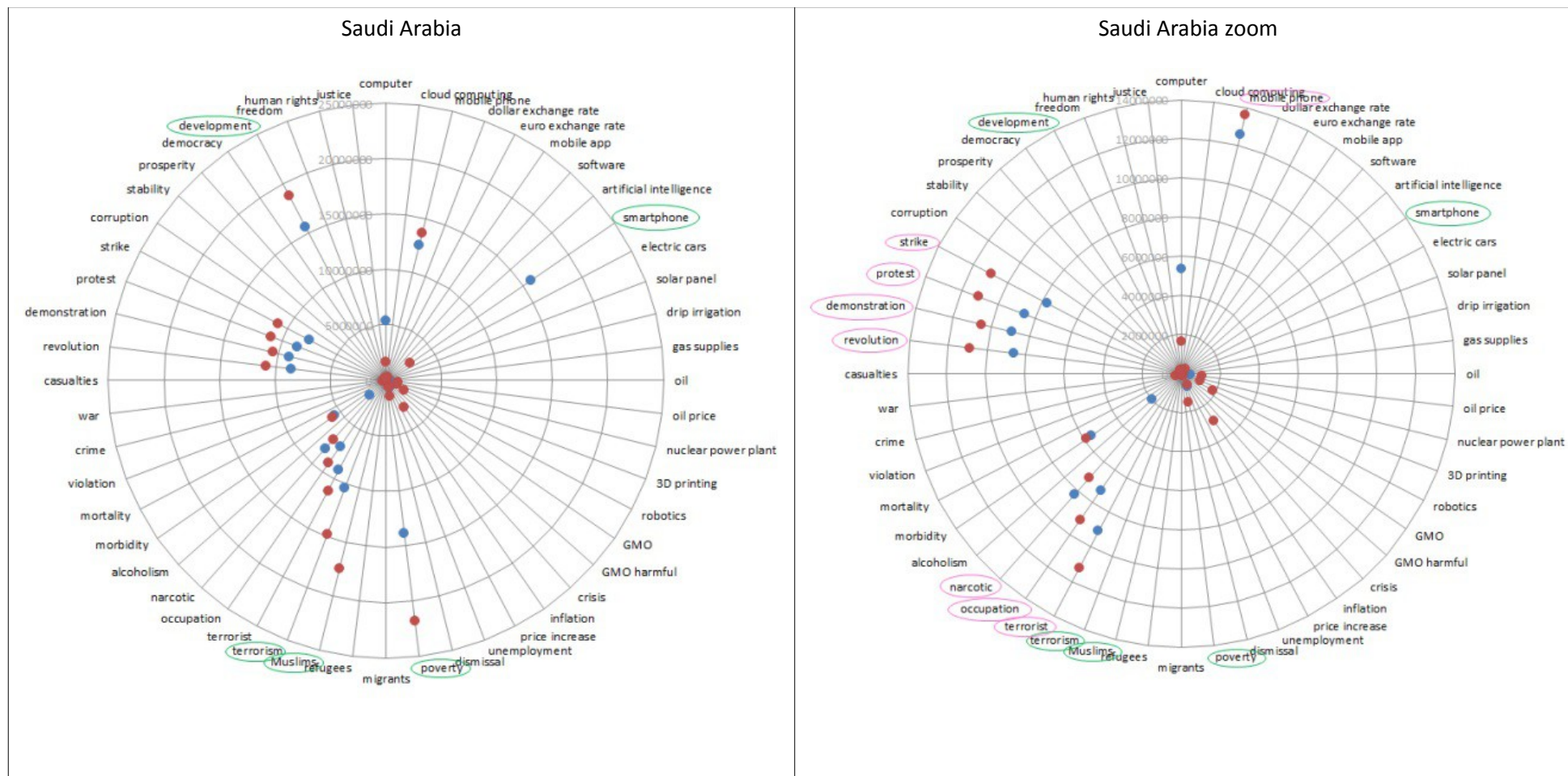
Открытые данные

Открытые данные

Открытые данные

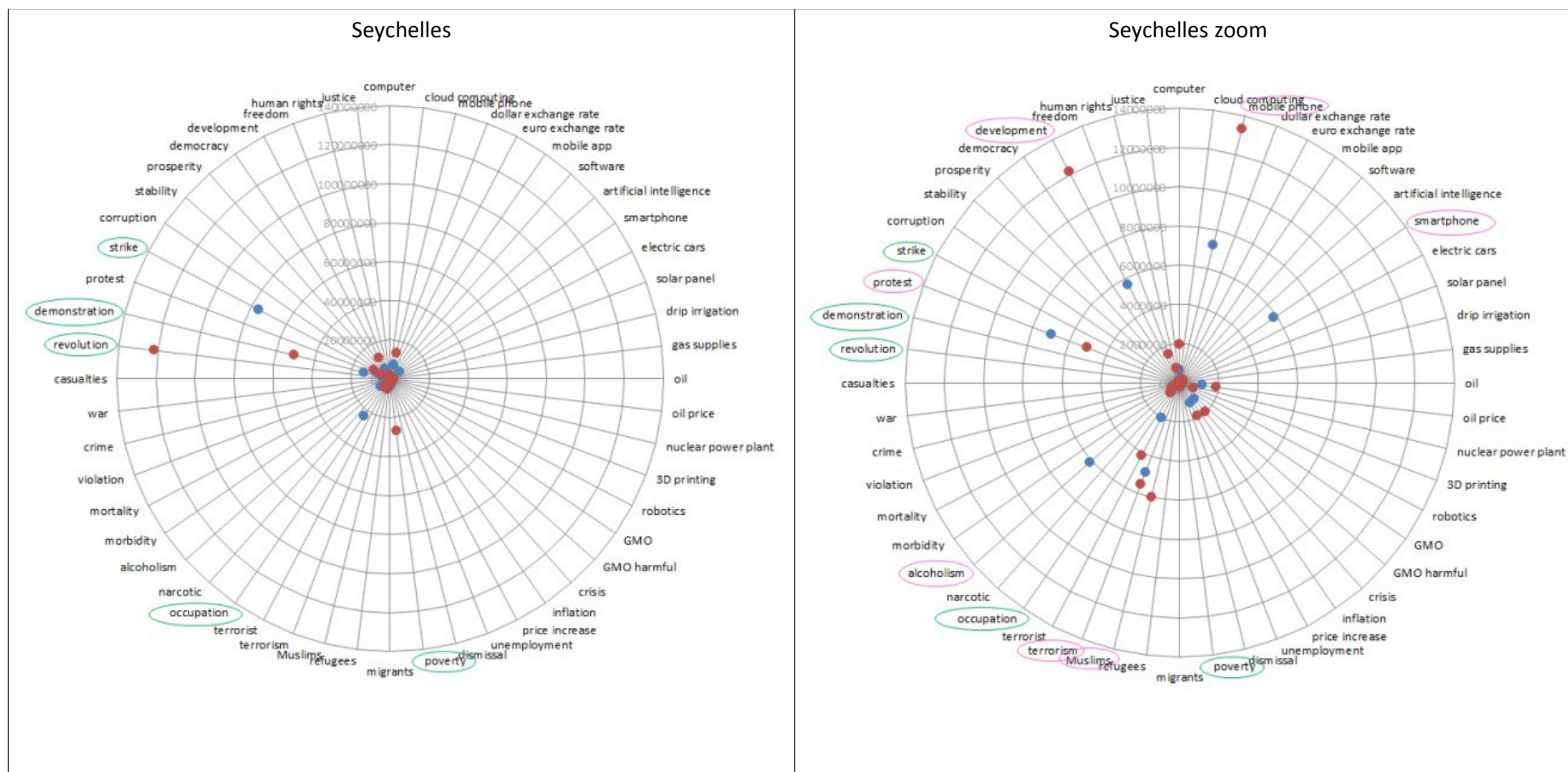
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

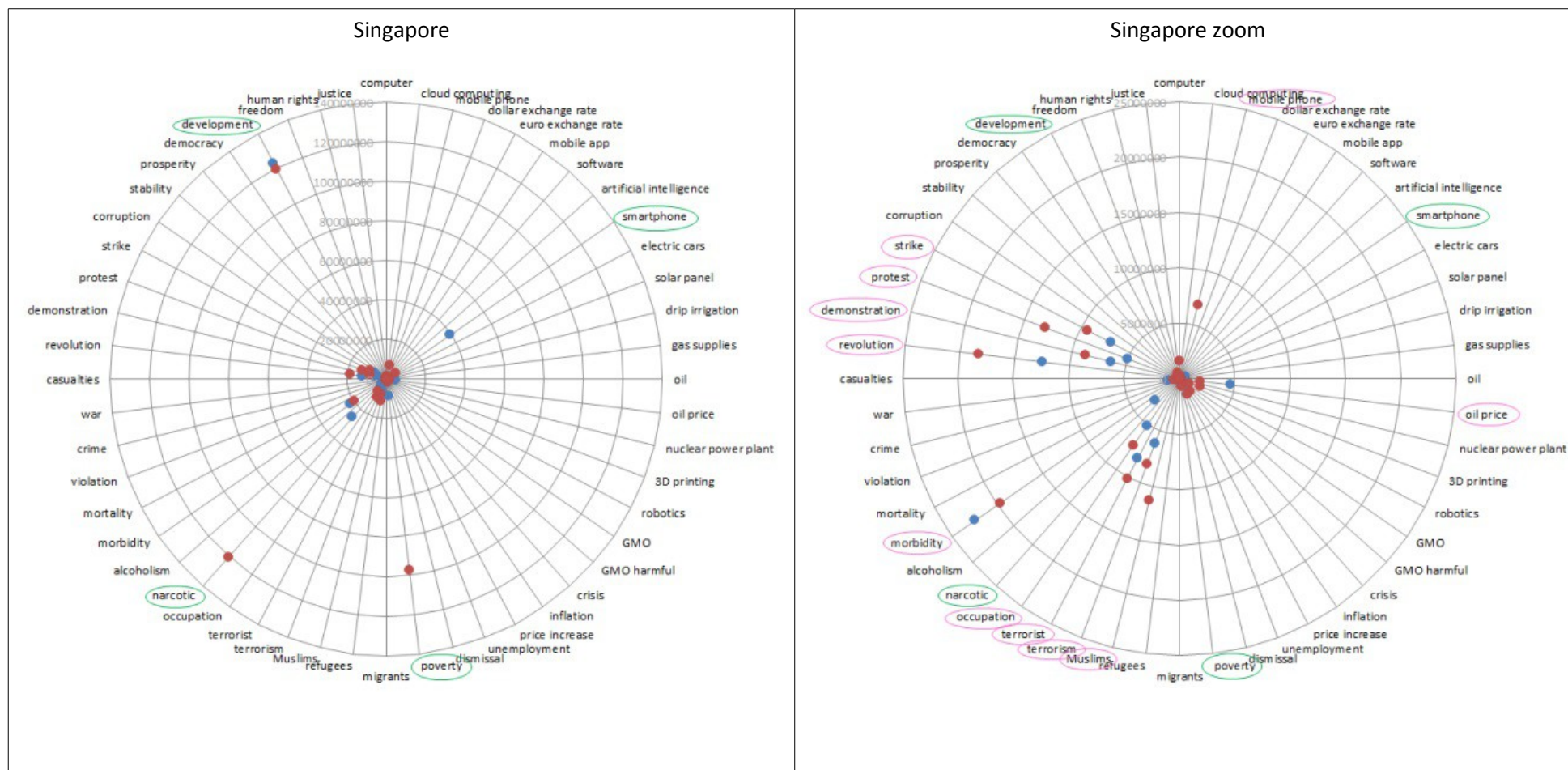
Открытые данные

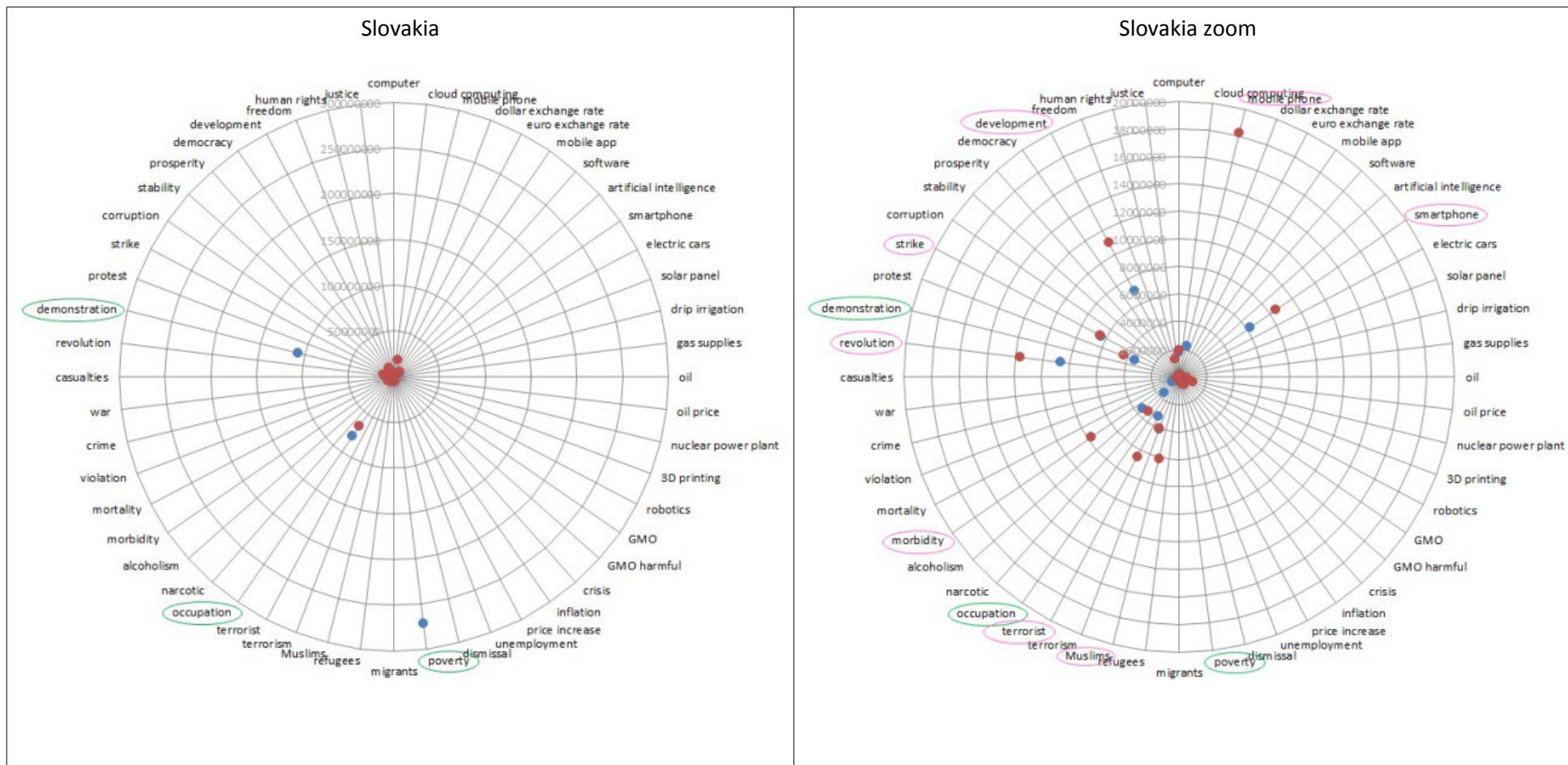
Открытые данные

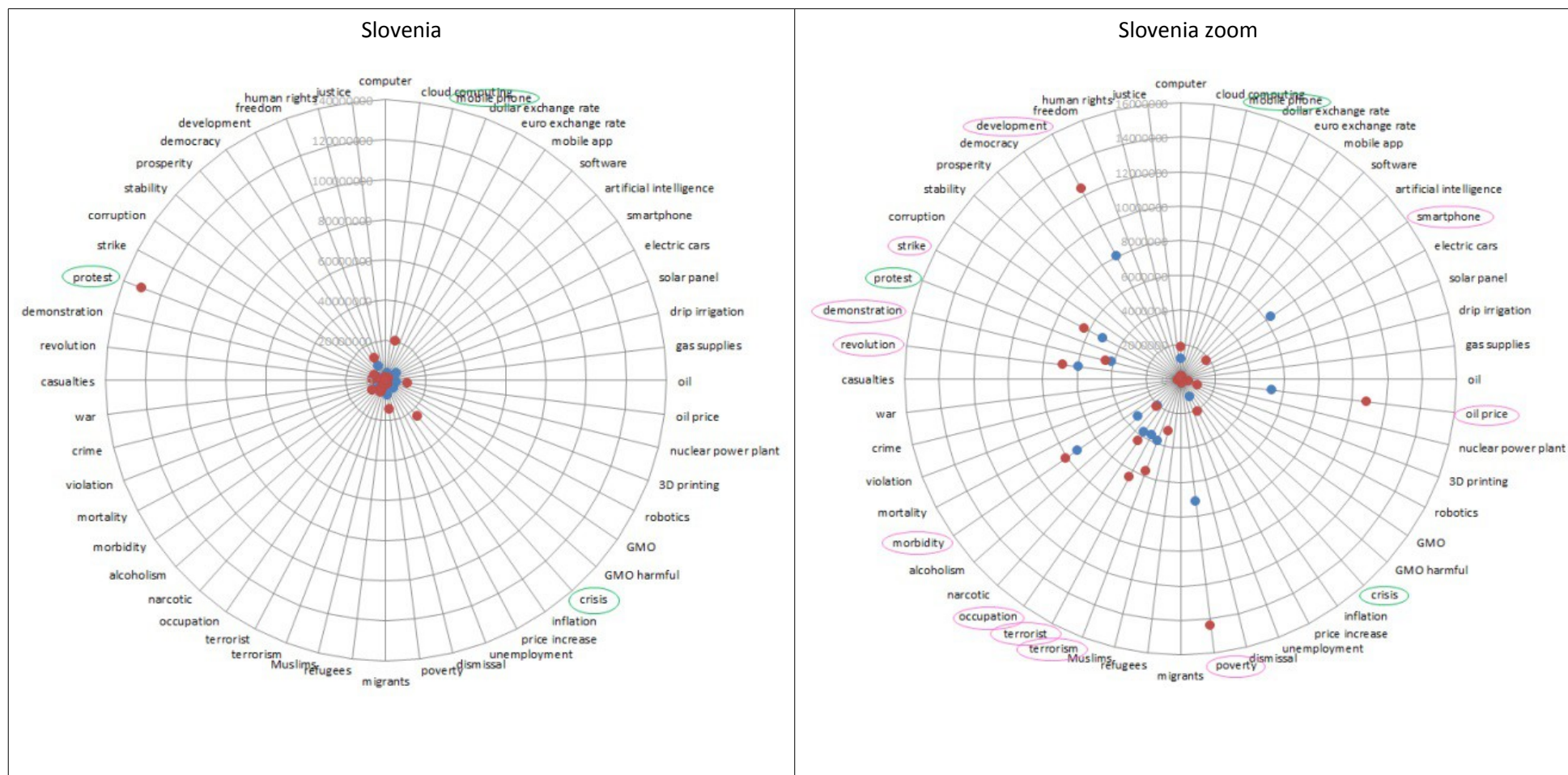
Открытые данные

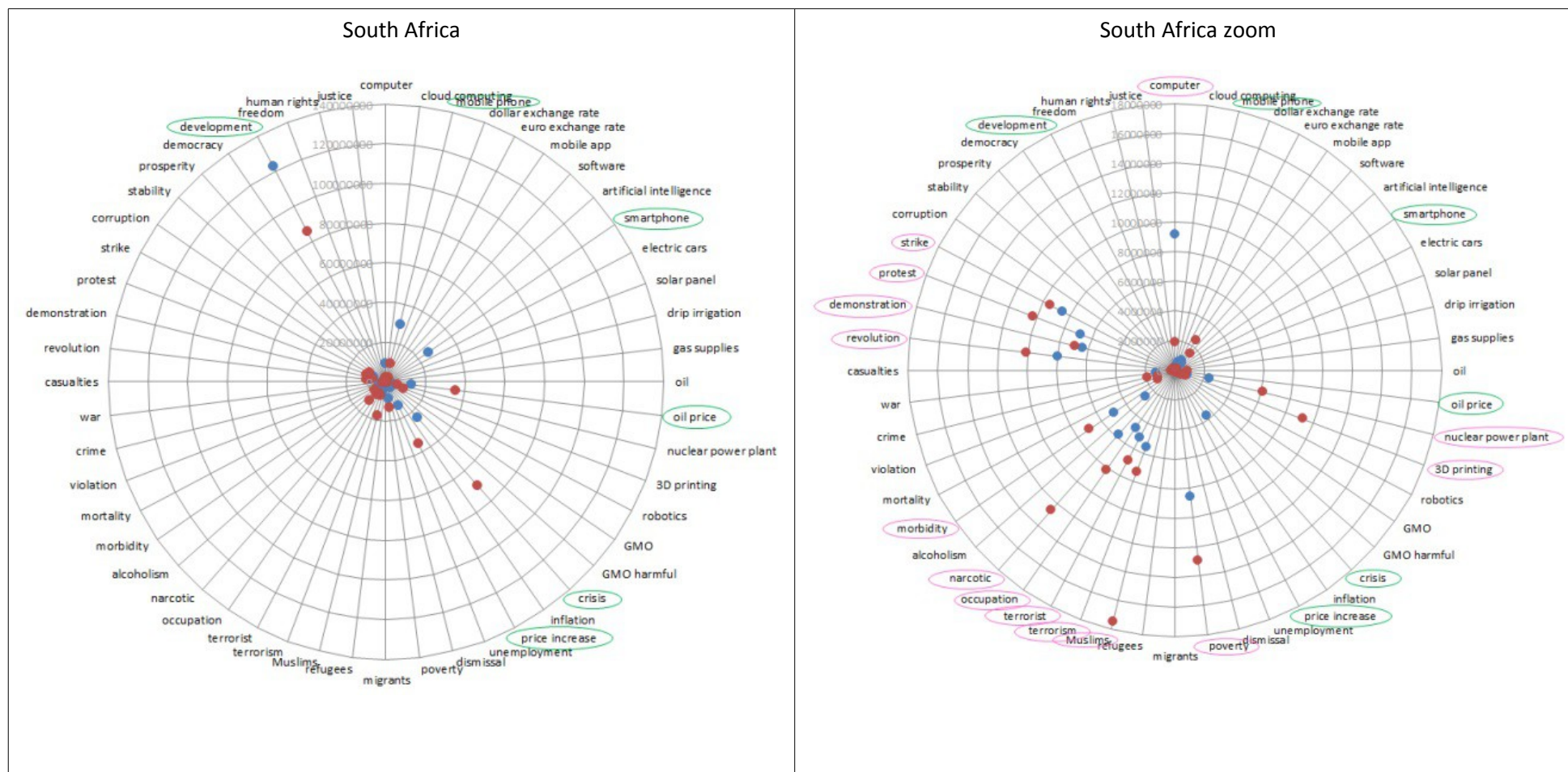
Открытые данные

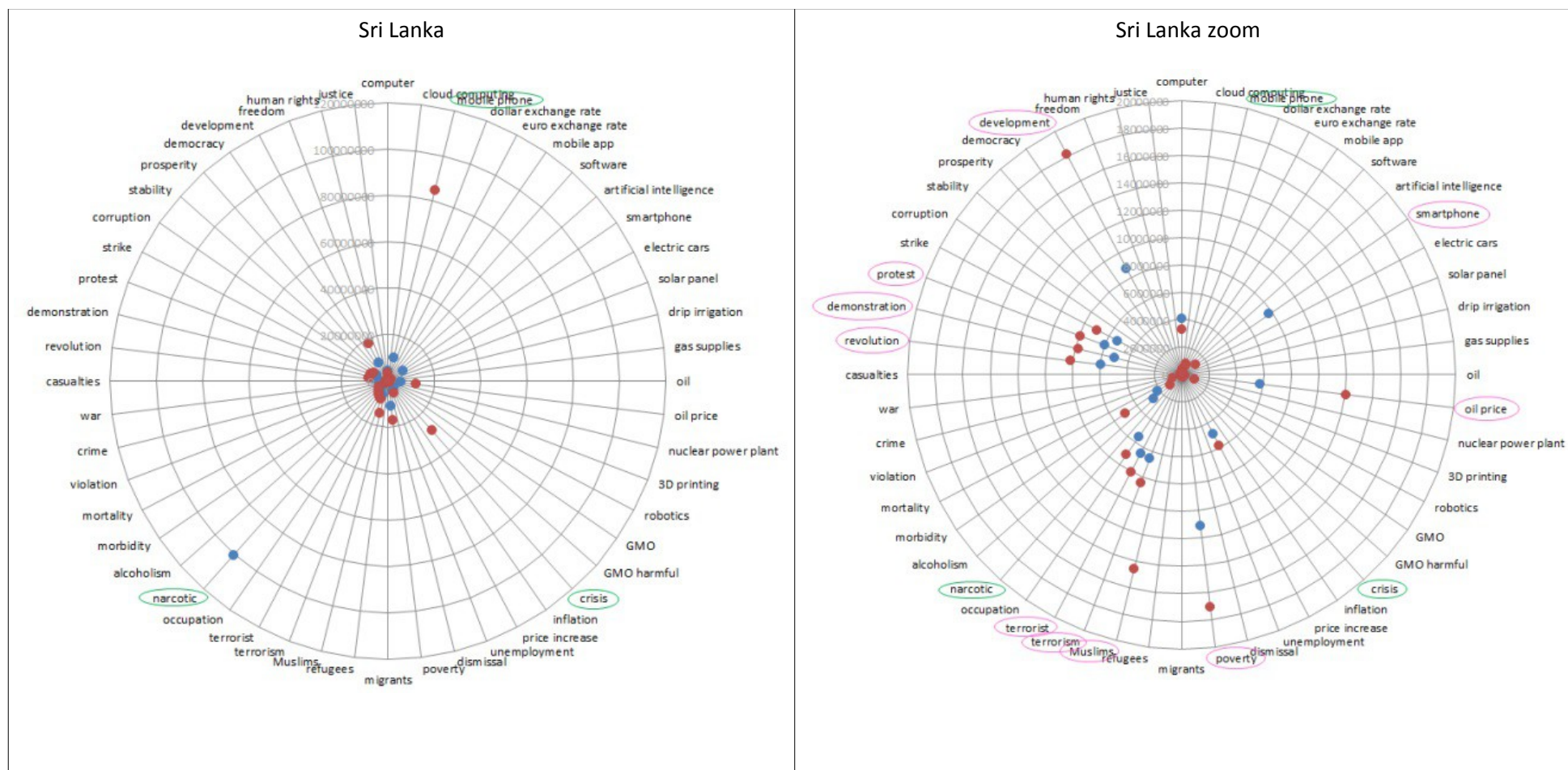
Открытые данные

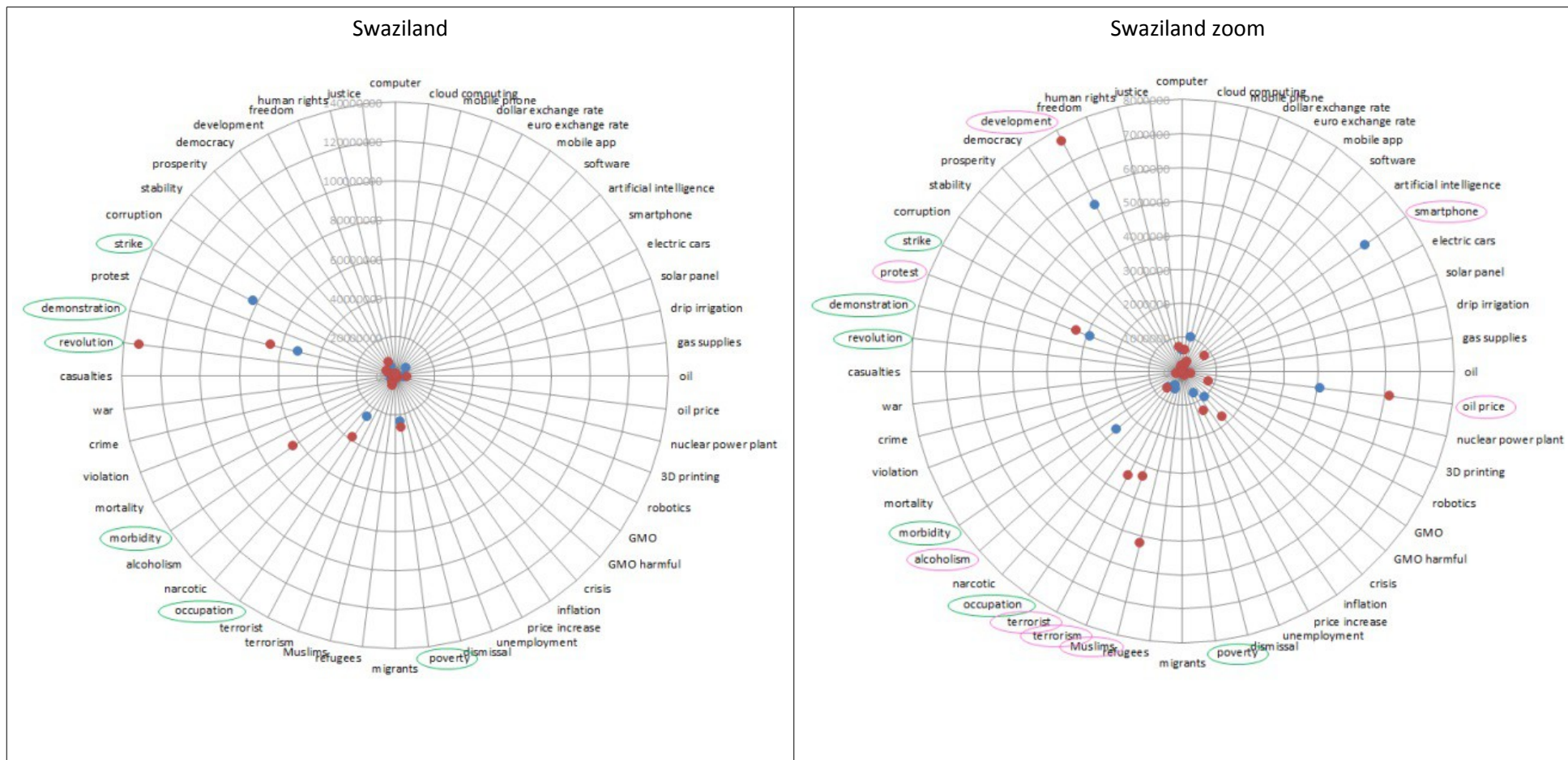
Открытые данные

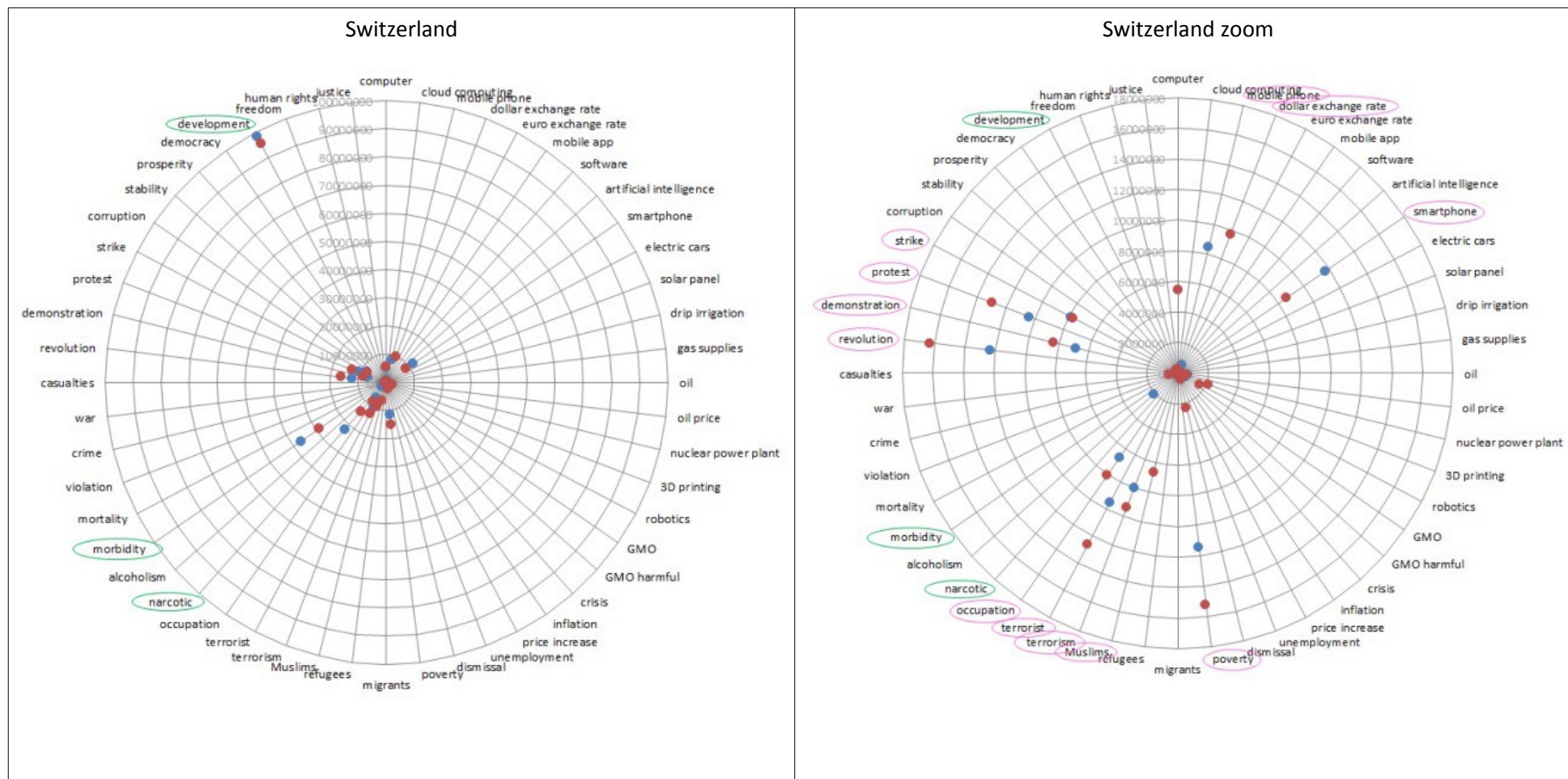
Открытые данные

Открытые данные

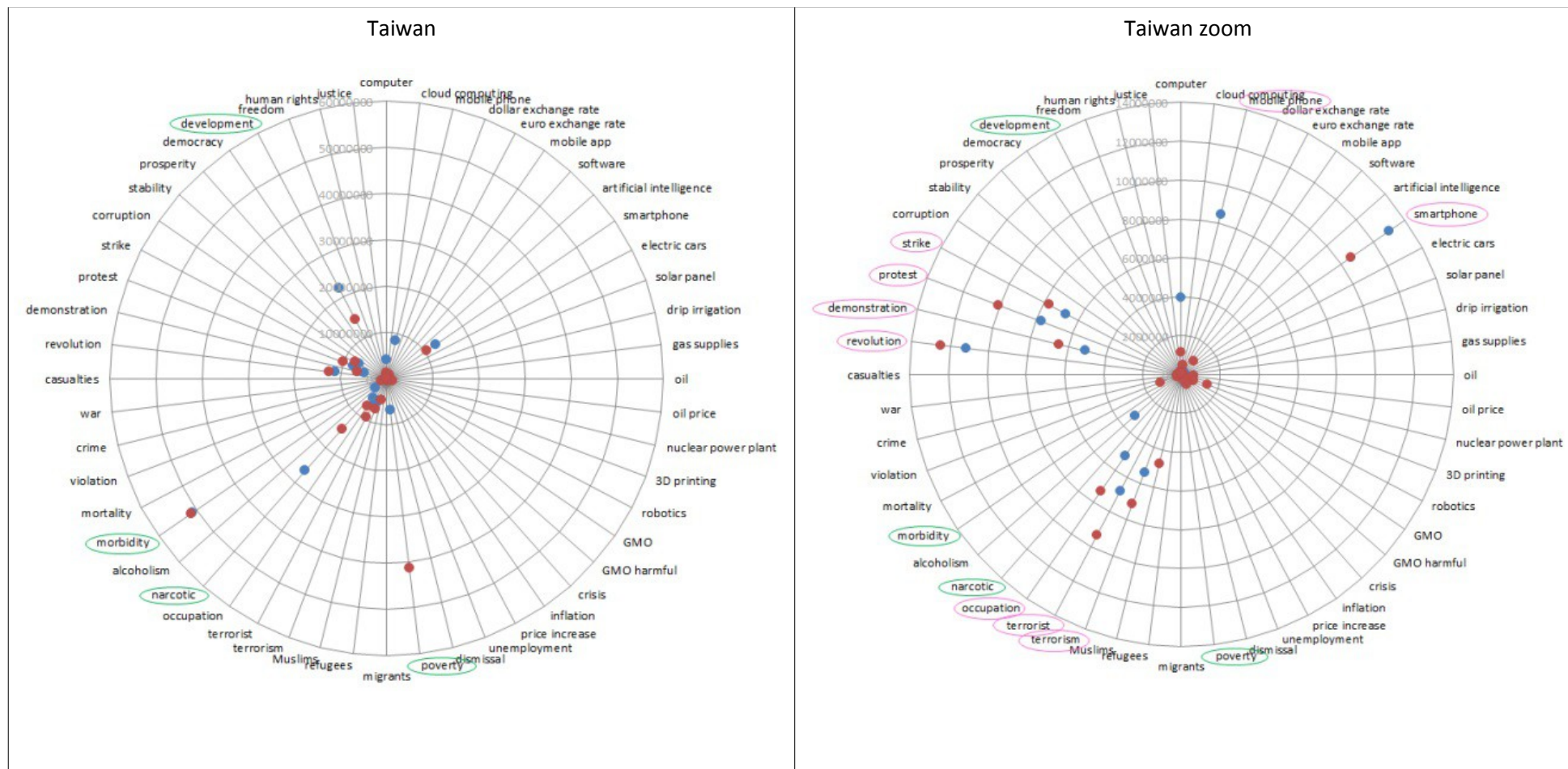
Открытые данные

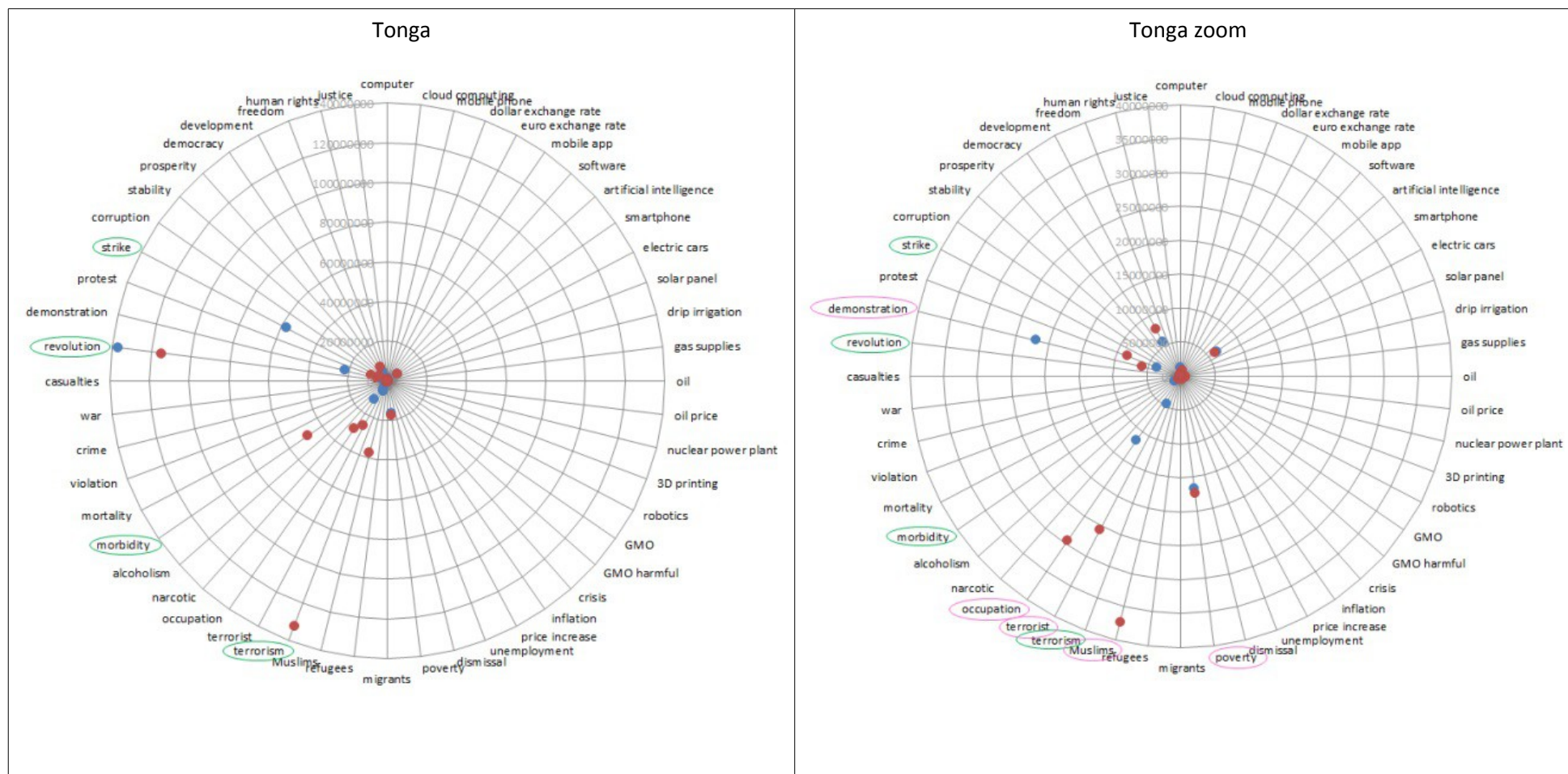
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

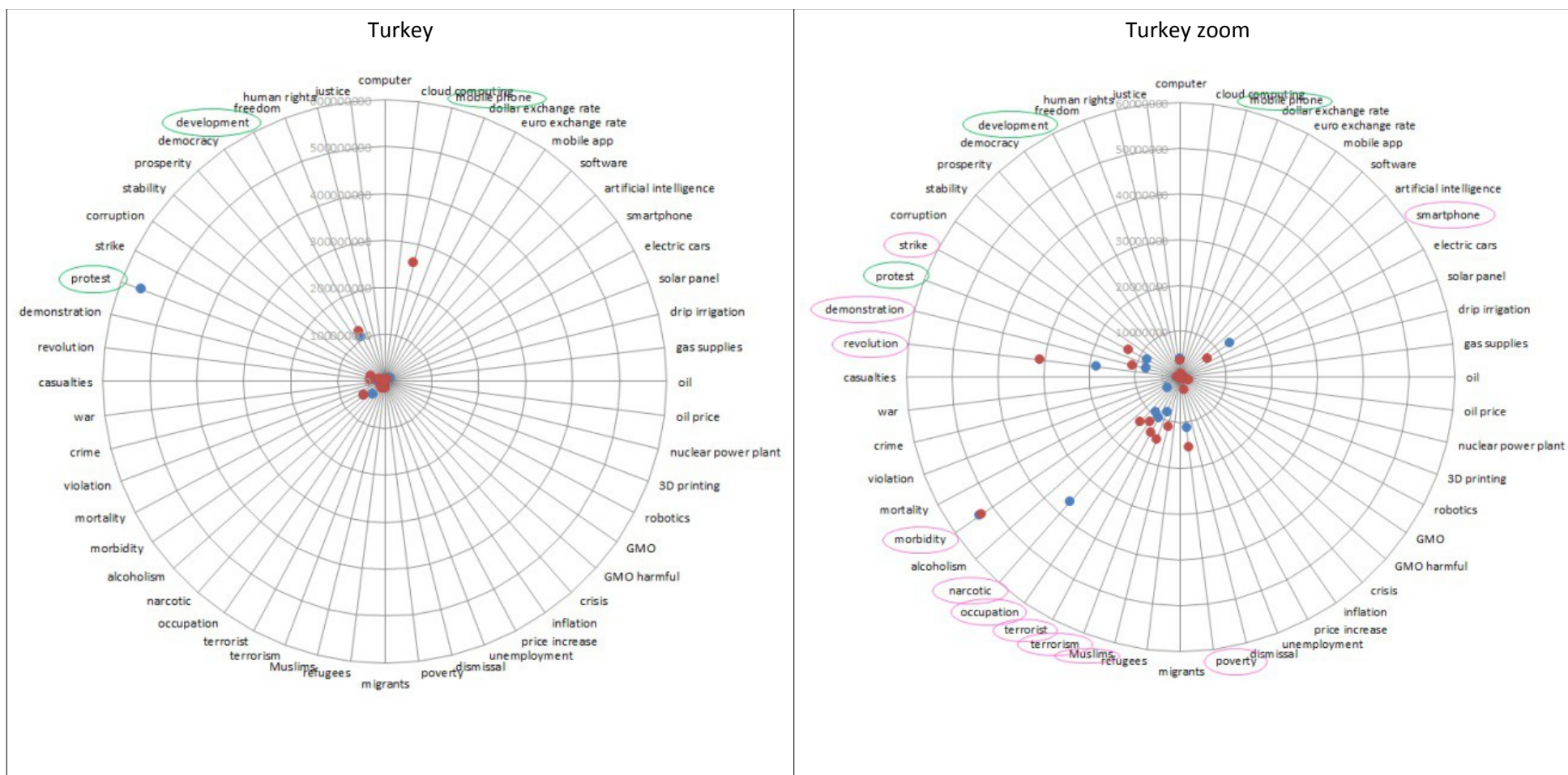
Открытые данные

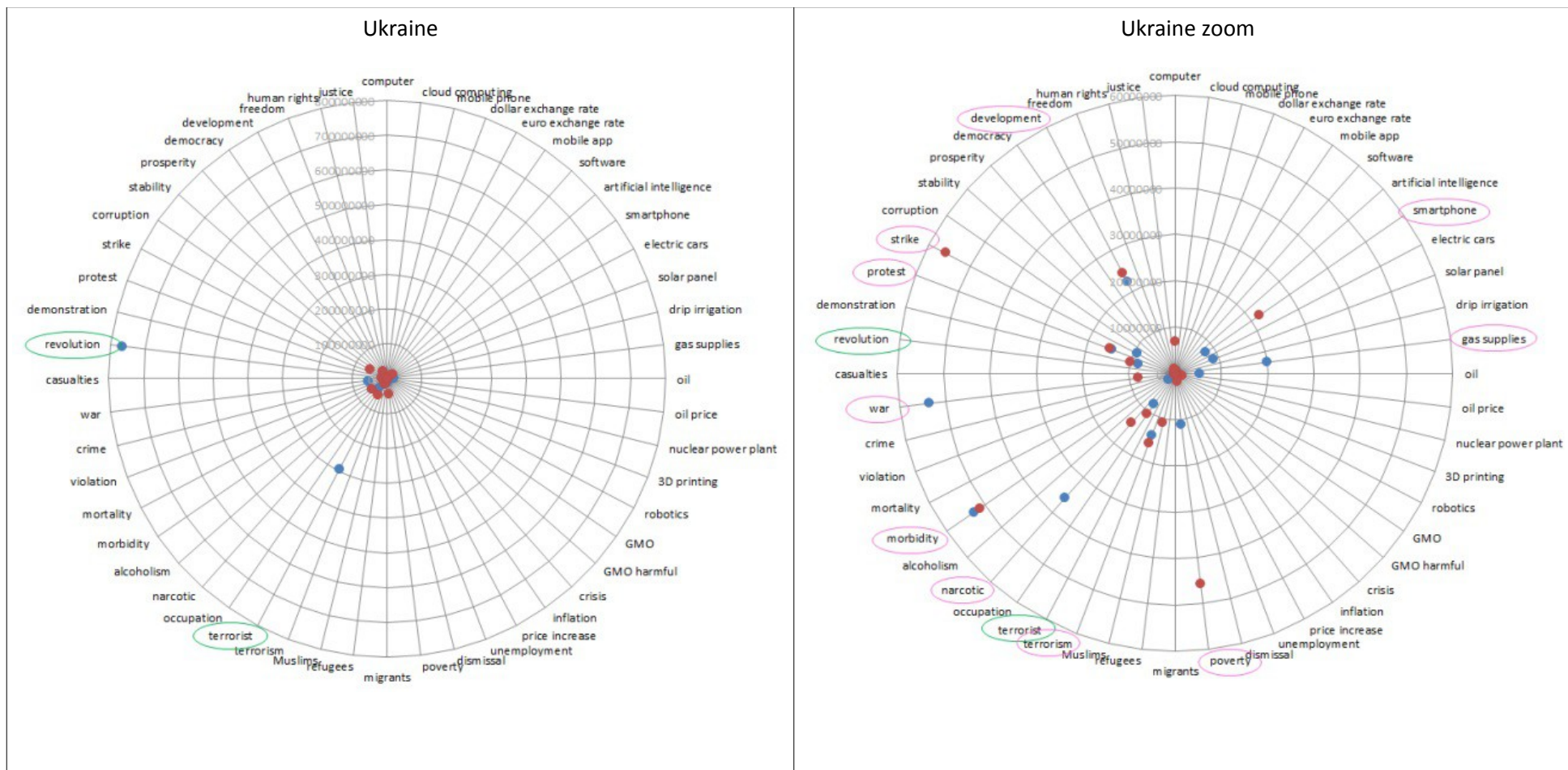
Открытые данные

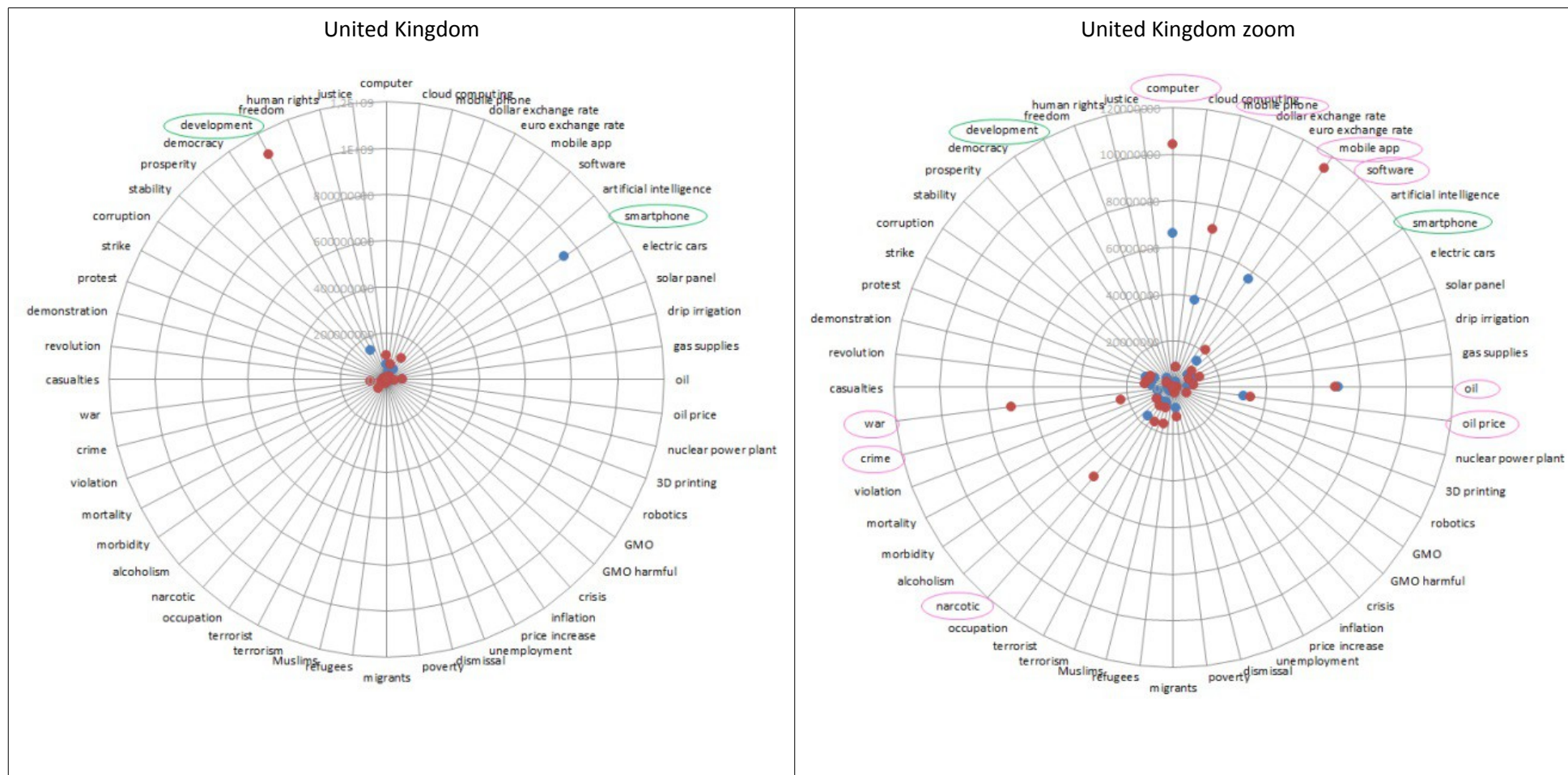
Открытые данные

Открытые данные

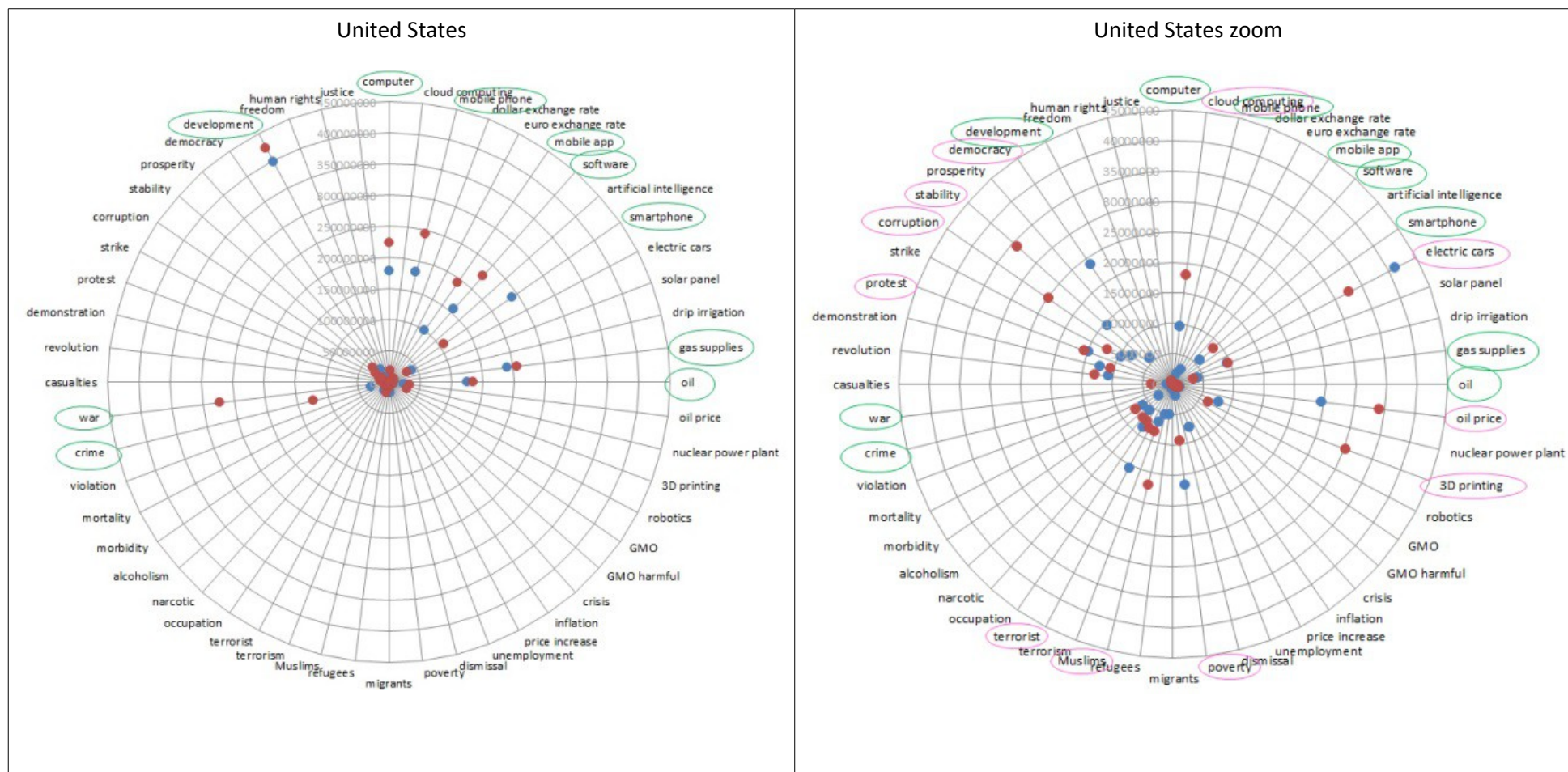
Открытые данные

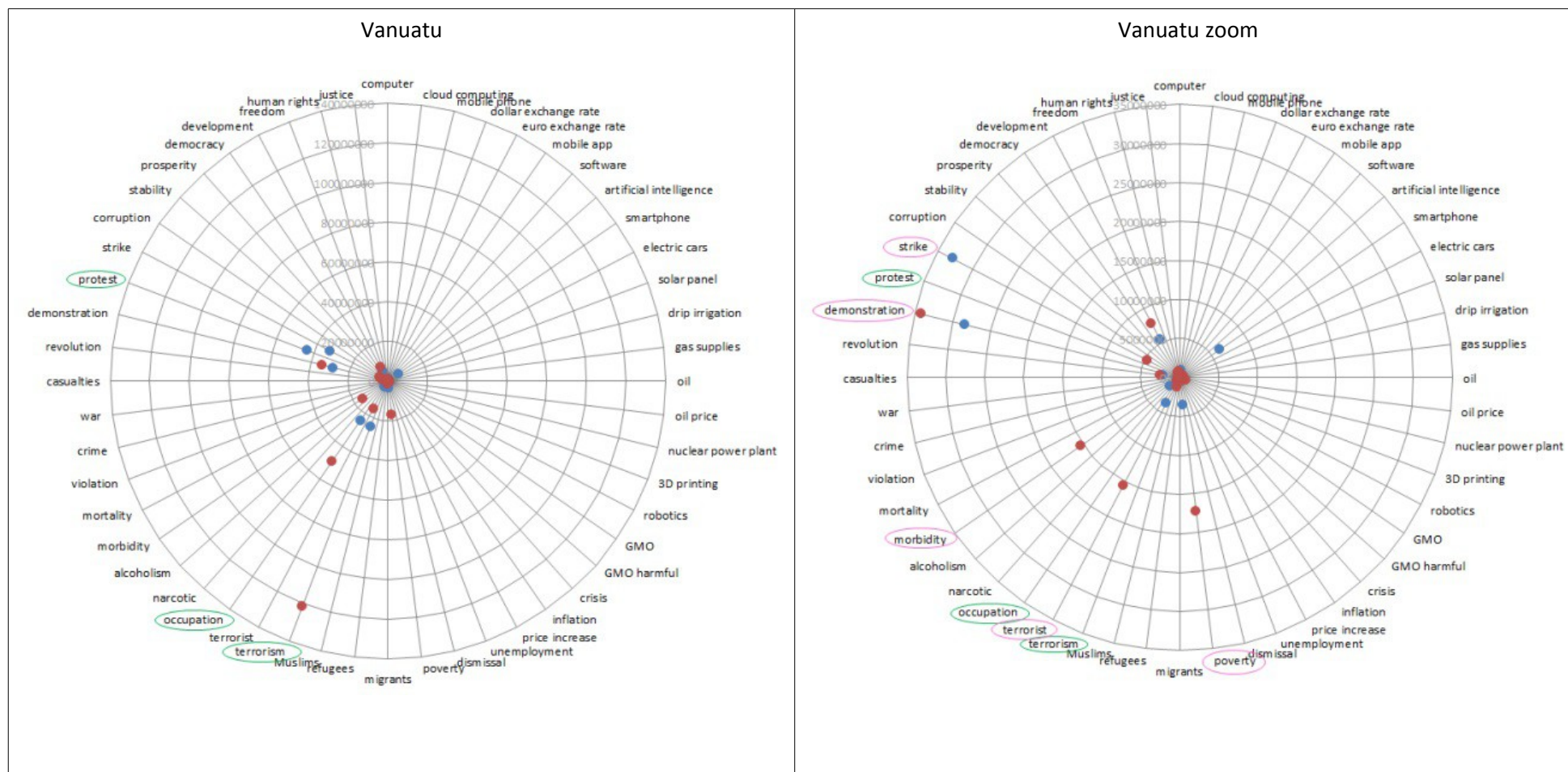
© Аналитический портал «Security Analysis Bulletin», www.SecurityAnalysisBulletin.com, 2018

© Коллектив авторов (см. 1 лист), 2018

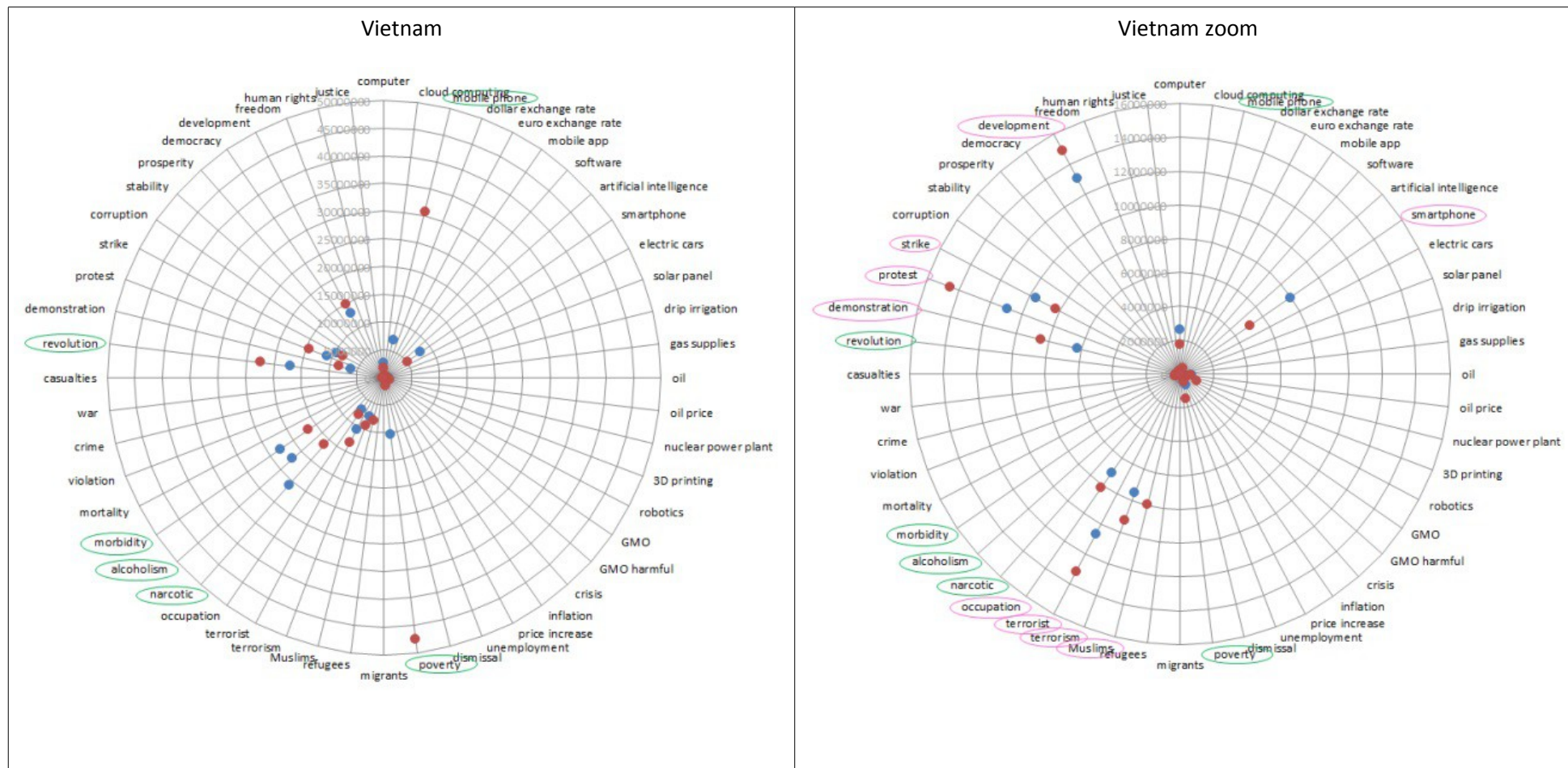
Открытые данные

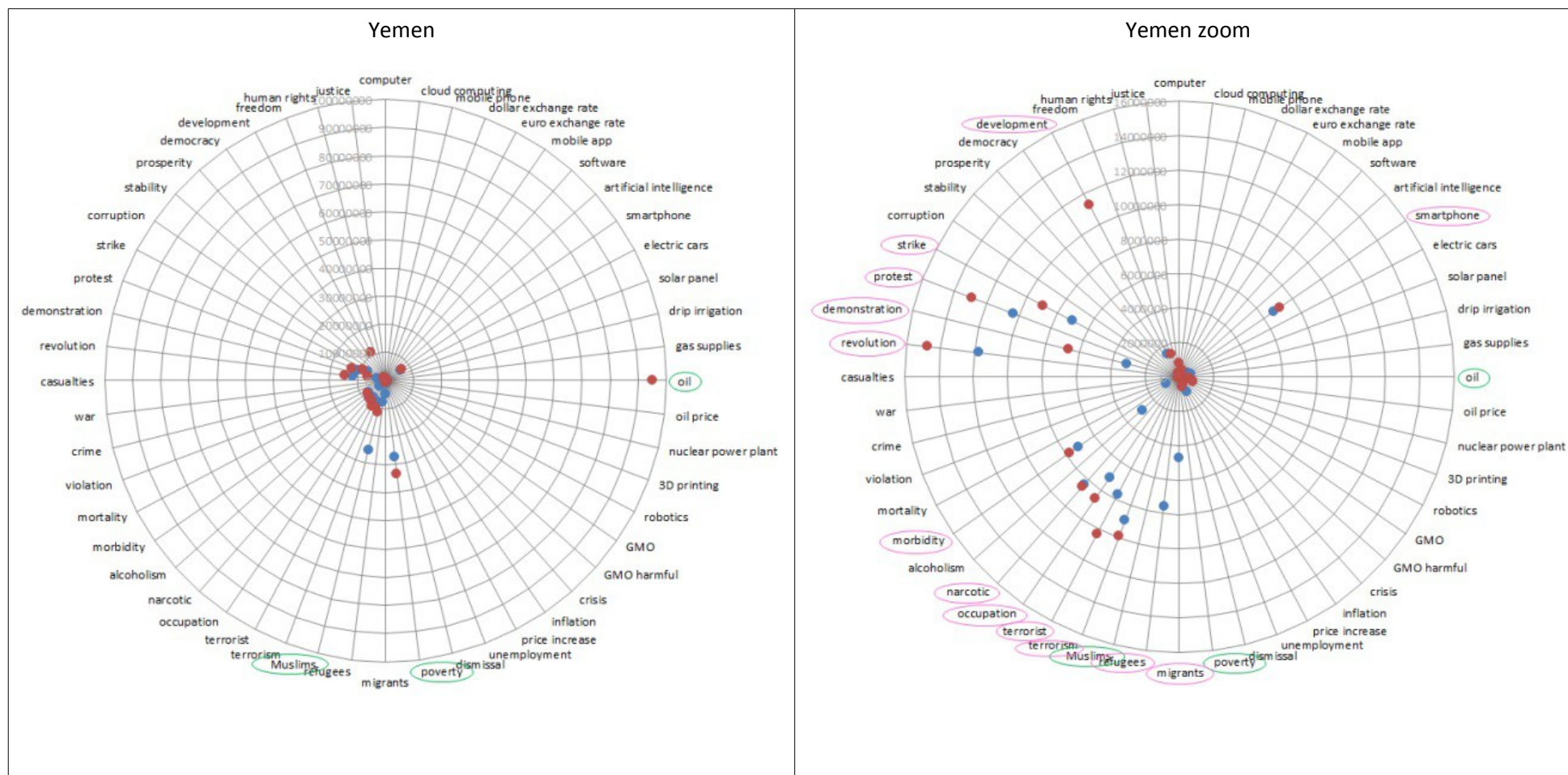
Открытые данные

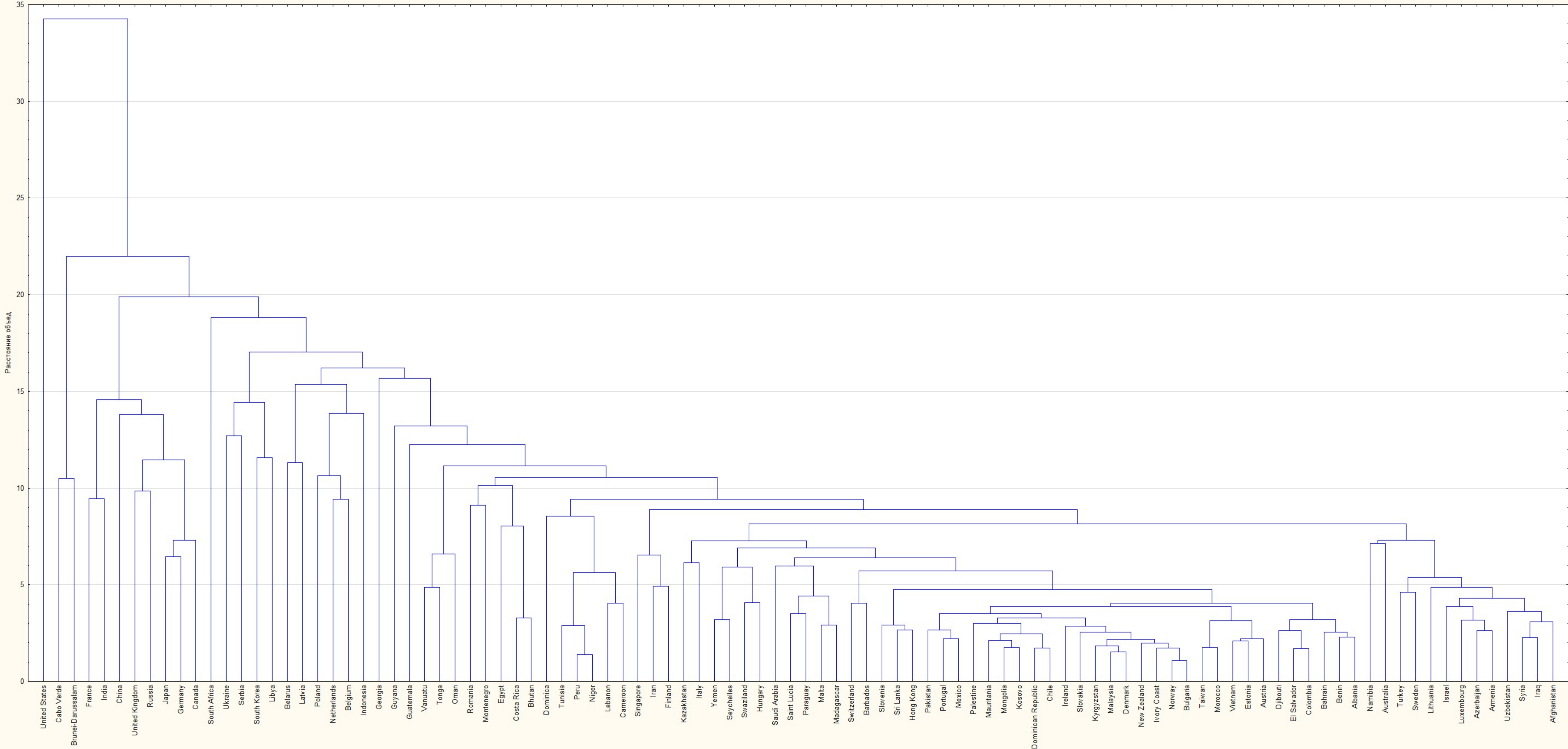
Открытые данные

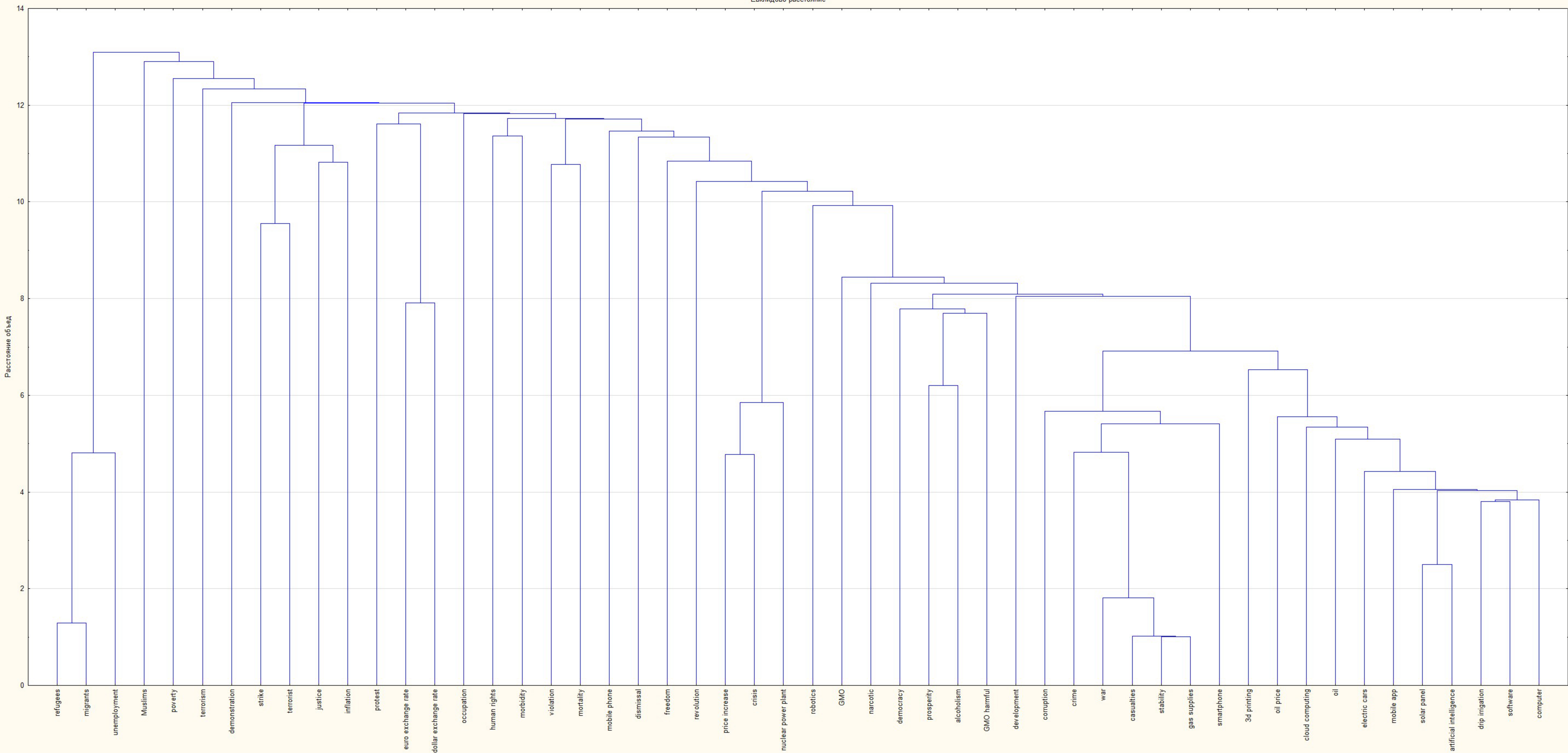
Открытые данные

Дендрограмма для 100 набл.
Метод полной связи
Евклидово расстояние

Дендрограмма для 52 перемен.
Метод одиночной связи
Евклидово расстояние

МНОГОЦЕНТРОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТИ АР-СОЦИОЛОГИИ

Аналитика Больших данных

ПОД ЭГИДОЙ

Национального Суперкомпьютерного Форума - Национальной Суперкомпьютерной
Технологической Платформы

2018 год

Приложение 4 к статье:

Д.А. Яковлева, О.Ю. Колесниченко, Л.С. Мазелис, И.Н. Григоревский, Ю.Ю. Колесниченко
АР-СОЦИОЛОГИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО GOOGLE: ЖИВАЯ СИСТЕМА
СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

API Google, 2017 год, набор данных с указанием названий стран и 2015-2016 годов, английский и русский языки. Морфологический анализ, количество ключевых слов до миллионов.

Список стран, для которых ключевое слово «narcotic» является ведущим паттерном:

Belgium
Netherlands
Colombia
Costa Rica
Sri Lanka

Список стран, входящих в негативный «наркотический» кластер:

Belgium
Netherlands
Kazakhstan
South Korea
Yemen
Belarus
Latvia
Poland

Список стран, имеющих ключевое слово «narcotic» как часто встречающееся (первый уровень):

Colombia
Costa Rica
Denmark
Egypt
Georgia
Germany
Indonesia
Iran
Ireland
Israel
Italy
Malaysia
Mexico

Morocco
Norway
Peru
Portugal
Russia
Singapore
Sri Lanka
Sweden
Switzerland
Syria
Taiwan
Vietnam
Belgium
Belarus
Netherlands
Poland
Kazakhstan

Список стран, имеющих ключевое слово «narcotic» как часто (не редко) встречающееся (второй уровень):

Afghanistan
Austria
Bulgaria
Canada
Chile
China
Côte d'Ivoire
Estonia
Hong Kong
Iraq
Japan
Lebanon
Libya
Lithuania
Montenegro
New Zealand
Pakistan
Romania
Saudi Arabia
South Africa
South Korea
Turkey
Ukraine
United Kingdom
Yemen
Latvia

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.04

Правильная ссылка на статью:

Ермолаева П. О., Башева О. А., Яницкий О. Н., Ермолаева Ю. В., Кузнецова И. Б. Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 80—94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04>.

For citation:

Ermolaeva P.O., Yanitsky O.N., Basheva O.A., Ermolaeva Y.V., Kuznetsova I.B. (2019) Social and environmental 'sustainability through changes' of Russian mega-cities: the search for theoretical and methodological approaches.. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 80—94. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.04>.

П. О. Ермолаева, О. Н. Яницкий, О. А. Башева, Ю. В. Ермолаева, И. Б. Кузнецова СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ «УСТОЙЧИВОСТЬ ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ПОИСК ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
«УСТОЙЧИВОСТЬ ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕ-
НИЯ» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ПОИСК
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПЕРСПЕКТИВ

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL 'SUS-
TAINABILITY THROUGH CHANGES' OF
RUSSIAN MEGA-CITIES: THE SEARCH
FOR THEORETICAL AND METHODOLOG-
ICAL APPROACHES.

ЕРМОЛАЕВА Полина Олеговна — кан-
дидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник, Казан-
ский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

*Polina O. ERMOLAEVA*¹ — Cand. Sci.
(Soc.), Associate Professor, Senior
Research Fellow
E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: oleg.yanitsky@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

БАШЕВА Ольга Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия; научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: olgausacheva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

ЕРМОЛАЕВА Юлия Вячеславовна — младший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>

КУЗНЕЦОВА Ирина Борисовна — кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Университет Бирмингем, Бирмингем, Великобритания

E-MAIL: i.kuznetsova@bham.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0002-1553-7746>

Oleg N. YANITSKY^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Chief Research Fellow; Chief Research Fellow

E-MAIL: oleg.yanitsky@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0409-5065>

Olga A. BASHEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow; Research Fellow

E-MAIL: olgausacheva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

Yulia V. ERMOLAEVA^{1,2} — Junior Research Fellow; Research Fellow

E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>

Irina B. KUZNETSOVA³ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Research Fellow; Senior Research Fellow

E-MAIL: i.kuznetsova@bham.ac.uk

<https://orcid.org/0000-0002-1553-7746>

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³ University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom

Аннотация. Статья направлена на критическое осмысление концептуальных основ исследования социально-экологической устойчивости и изменчивости городов на примере концепта «зеленый город», анализа исторического, социального, экономического и политического контекстов формирования подобных городов для России, а также рассмотрения релевантных теоретико-методологических подходов к исследованию «устойчивости через изменения», структуры и функций российских городов на основе метаанализа более 150 рецензируемых научных трудов. Под «зеленым городом» понимается город, сочетающий высокую эффективность и инновативность; город, в котором созданы наилучшие (при имеющихся ограничениях и возможностях) условия жизни его населения, город, способный сохраняться, реагируя на глобальные изменения. Среди основных особенностей формирования «зеленых городов» в России авторы выделили их «двойную трансформацию», непосредственную связанность с современными геополитическими процессами в мире и ресурсной политикой государства, стремительную информатизацию и цифровизацию, обострение старых и появление новых экологических рисков (в первую очередь, проблему утилизации отходов в крупных городах), влияющих на здоровье и качество жизни населения в городах. Анализ основных авторских и корпоративных методик по измерению устойчивости и экологичности российских городов показал, что все методики расчета, за исключением методики «Зеленого патруля», основываются на количественных (статистических) данных, что, с одной стороны, является их преимуществом,

Abstract. The article is aimed at critical understanding of the conceptual foundations of the study of social and environmental sustainability and urban transformations based on the concept of 'green' city, the analysis of the historical, social, economic and political contexts of the development of such cities for Russia, as well as relevant theoretical and methodological approaches to the study of the 'sustainability through changes' of Russian mega-cities based on the meta-analysis of more than 150 peer-reviewed papers. The 'green' city in Russian context is a city, combining high efficiency and innovation; a city in which the best living conditions of its population have been created (given the existing limitations and opportunities), a city that can survive in response to global changes. Among the main features of the development of 'green' cities in Russia, the authors highlighted their double transformation, direct connection with modern geopolitical processes in the world and the state's resource policy, rapid informatization and digitalization, exacerbation of old and emerging environmental risks (primarily problems waste disposal in large cities). Analysis of the existing methodologies for measuring the sustainability of Russian cities showed that all of them are based on quantitative (statistical) data, which on the one hand is their advantage, making their results maximally objective, but on the other hand, is a drawback, because due to the delay in the publication of statistics or even its absence, it does not allow to observe the annual dynamics. The authors believe that the main theoretical and methodological approaches to the study of the 'green' city in the modern Russian context should be problem-oriented and interdiscipli-

делая их результаты максимально объективными, но, с другой стороны, выступает и недостатком, так как в связи с задержкой публикации статистики или вовсе ее отсутствия не позволяет наблюдать ежегодную динамику. Авторы статьи полагают, что основными теоретико-методологическими подходами к исследованию социально-экологической «устойчивости через изменения» городов в российском контексте должны стать проблемно-ориентированные и междисциплинарные подходы, включая концепцию СБТ-систем, социально-экологического метаболизма, подхода устойчивых переходов и отдельных теорий среднего уровня. В рамках данных подходов, во-первых, изменения в городских системах понимаются как комплексные, динамические, системные (происходят сразу во множестве систем) и нелинейные процессы, во-вторых, траектории изменений возникают из совместных взаимодействий между множественными системами

Ключевые слова: «зеленый» город, устойчивость-через-изменения, российские города, индикаторы, здоровье населения, утилизация отходов, цифровизация, теория СБТ-систем, концепция устойчивых переходов, концепция социально-экологического метаболизма

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант № 17-78-20106.

nary approaches, including the concept of socio-bio-technical systems, the socio-ecological metabolism approach, sustainability transitions framework and the related middle-range theories. Under the framework of these approaches, changes in urban systems are understood, firstly, as complex, dynamic, systemic (changes occur immediately in a variety of systems) and nonlinear processes, and, secondly, the trajectories of changes arise from joint interactions between multiple systems.

Keywords: 'green' city, sustainability-by-means-of-changes, Russian cities, transformations, indicators, health of the population, waste management, digitalization, theory socio-bio-technical systems, sustainability transitionthe concept of social and environmental metabolism

Acknowledgments. This paper prepared with the financial support of Russian Science Fund, project "Russian megacities in the context of new social and environmental challenges: building complex interdisciplinary model of an assessment of 'green' cities and strategies for their development in Russia", number 17-78-20106.

Введение

Несмотря на то, что в городах проживает только 50 % населения планеты, они потребляют 75 % генерируемой в мире энергии и производят до 80 % выбросов парниковых газов [Moser, Satterthwaite, 2008]. Следствием этого является увеличение антропогенного воздействия на окружающую среду: загрязнение и ускоренная деградация природных сред, исчерпание природных ресурсов, изменение климата, снижение биоразнообразия и т. д. Все это, с одной стороны, ведет к ухудшению здоровья и качества жизни горожан, а с другой — ограничивает возможности дальнейшего развития городов. Весь спектр неблагоприятных воздействий городов в гипертрофированном виде проявляется в мегаполисах. Поэтому одним из основных социально-экологических вызовов для России сегодня является поиск динамического равновесия между экономическим ростом и сохранением качества окружающей среды, то есть относительно устойчивым экологическим развитием урбосистем без потерь в экономической, технологической и социальной сферах. Актуальность формирования устойчивых и комфортных городов в России неоднократно обсуждалась на федеральном и региональном уровнях во время проведения Санкт-Петербургского экономического форума (2018)¹, Московского урбанистического форума (2018)² и других значимых мероприятий.

Отметим, что в городском планировании появились концепции, связанные с формированием и оценкой социальной, экологической и экономической устойчивости городов. Одним из таких концептов является «зеленый» город, подразумевающий такое развитие города, которое направлено на повышение конкурентоспособности, доступности и устойчивости городской среды [Karlenzig et al., 2007].

Несмотря на широкое распространение термина «зеленый город» в мировой научной литературе, он остается недостаточно формализованным, особенно в российской практике, и используется в различной интерпретации [Ermolaeva, 2017]. В российской науке концепция «зеленого города» рассматривается через концепцию устойчивого развития, большой пласт литературы по этой теме написан архитекторами и урбанистами. Однако основной недостаток существующих исследований социально-экологической устойчивости городов заключается в недостаточном внимании ученых к изменчивости и динамике социально-экологических процессов в городах.

Концептуальная и методологическая разобщенность существующих подходов к определению устойчивости города, отсутствие слаженного междисциплинарного диалога между учеными и рассмотрения динамики городских процессов осложняют определение и формирование такого типа городов будущего для современной России. В связи с этим наша работа направлена на критическое осмысление концептуальных основ устойчивости и изменчивости городов в экологическом и социально-экономическом контекстах, а также на анализ основных теоретико-методологических подходов к исследованию «устойчивости через изменения» структурно-функциональной организации российских мегаполисов.

¹ Официальный сайт Петербургского международного экономического форума — 2018. URL: <https://www.forumspb.com> (дата обращения: 19.04.2019).

² Официальный сайт Московского урбанистического сайта — 2018. URL: <http://mosurbanforum.ru/> (дата обращения: 19.04.2019).

Методы исследования

Данная работа выполнена в рамках кабинетного исследования, основанного на обзоре научной литературы. Авторы статьи провели метаанализ современных научных статей, опубликованных в русскоязычных и англоязычных рецензируемых журналах (РИНЦ, Science direct, Taylor and Francis online, Google Scholar and Web of Science), по ключевым словам: «зеленый город», «устойчивый город», «устойчивые изменения (sustainability transitions)», «экосити», «город-сад», «низкоуглеродный город». Всего в анализ попали более 150 статей в период с 2000 г. по настоящее время. Метаанализ проведен в апреле 2018 г.

Основные результаты

Концептуализация «зеленого города» в междисциплинарном дискурсе

В западной традиции под «зеленым городом» понимается сбалансированное социальное, экономическое и материально-техническое соразвитие, обеспечивающее рациональное использование ресурсов окружающей среды и установление приемлемого уровня негативного воздействия вредных факторов на окружающую среду [Karlén et al., 2007]. Помимо термина «зеленый город» в значении «экологически здоровый город» используют такие термины, как «город-сад», «экосити» и «экополис», «компактный город», «низкоуглеродный город» и другие [Hassan, Lee, 2014]. В академическом сообществе есть устойчивое мнение, что концепты «экосити», «устойчивый город» и «зеленый город» синонимичны [Hassan, Lee, 2014].

Социология, экономика, социальная география, экология, изучающие данные концепции городов, балансируют между теоретическими дебатами и работами по выработке социальной политики. Так, одна группа ученых осмысливает данные города в практических терминах, как инструмент изменения города [Baker; Eckerberg, 2008]. В этом отношении часто употребляется понятие «соучаствующий город» («participatory city»), описывающее город как арену гражданского активизма и инклюзивной демократии. Эти идеи нашли отражение в движении нового урбанизма, основная идея которого заключается в том, чтобы «переделать» город и «вернуть» его жителям, сделать город доступным для всех [Lefebvre, 1996].

Другая группа ученых осмысливает данные типы городов критически — как инструмент для легитимации политики «развития» и «машин роста» — когда понятие «устойчивость» прочитывается в неолиберальном ключе как непротиворечивость экономического развития (которому отдается первичная роль) и экологической безопасности [Kambites, 2014]. К примеру, Всемирный банк признает устойчивость города только в том случае, если он эффективен в экономическом плане. Для этого был введен термин «eco2city» («экологические города как экономические города») [World Bank, 2010]. В данной коннотации многие критикуют само понятие «устойчивое городское развитие» [Caprotti, 2014]. Другие отмечают щедрое награждение современных городов терминами «эко», «устойчивый», «зеленый» как элемент привлекательного брендинга («зеленой отмычки») в прагматических целях городских элит.

Опираясь на мировой и российский опыт, мы будем понимать под «зеленым городом» город, сочетающий высокую эффективность и инновативность; город, в ко-

тором созданы наилучшие (при имеющихся ограничениях и возможностях) условия жизни его населения, город, способный сохраняться посредством постоянных изменений. Поэтому далее под термином «зеленый город» подразумевается не только экологически чистый, то есть благоприятный для населения и других обитателей его среды город, но и комплекс социальных условий и факторов, которые должны быть приняты во внимание при моделировании городов, с учетом их географического положения, численности населения и выполняемых ими функций.

2. Методики измерения устойчивости российских городов

В последнее десятилетие в России было предпринято несколько комплексных исследований устойчивости как с адаптацией ряда зарубежных моделей, так и с уникальным методическим инструментом. П. Коротков и А. Трубянов [Коротков, Трубянов, 2014] в комплексном исследовании «Оценка экологической эффективности крупных городов развивающихся стран в условиях быстрой урбанизации» сделали акцент на необходимости поиска моделей, обеспечивающих экономический рост при снижении ущерба для окружающей среды и природных ресурсов. На примере крупных административных центров субъектов РФ была разработана и апробирована методика количественной оценки экологической эффективности городов, в результате ее применения получен рейтинг российских городов. Методика рассчитана исключительно для крупных городов и зависит от наличия полной официальной статистической информации, зачастую недоступной для ряда городов [там же].

С. Бобылев, О. Кудрявцевой и С. Соловьева адаптировали к российскому контексту индикаторы устойчивости городов на основе индекса человеческого развития Программы развития ООН и индекса скорректированных чистых накоплений Всемирного банка [Бобылев, Кудрявцева, Соловьева, 2014]. Для оценки устойчивости городского развития с учетом экономических, социальных и экологических факторов авторы предлагают выделить три соответствующих субиндекса: валовые накопления основного капитала, расходы на развитие человеческого капитала, ущерб от загрязнения окружающей среды в городах. Данная система индикаторов для российских городов, по мнению авторов, отражает наиболее актуальные проблемы устойчивого развития городов России и качества жизни горожан, а также адекватна возможностям российской статистики.

Также существует ряд корпоративных методик по оценке устойчивости российских городов. Одна из самых популярных — методика оценки устойчивого развития российских городов агентством SGM³. Рейтинг был составлен впервые в 2012 г. в соответствии с принципами устойчивого развития территории определенными международными организациями, такими как McKinsey, Ernst&Young, PWC и другие и научным сообществом. Рейтингом было охвачено 173 города РФ с населением свыше 100 тыс. человек.

Осенью 2017 г. эксперты Общероссийского народного фронта совместно с Минприроды России подготовили очередной «Экологический рейтинг российских городов» на основе данных, представленных органами власти крупных му-

³ Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2013 год / ООО «Агентство Эс Джи Эм». URL: <http://agencysgm.com/projects/SGM%20Rating2013.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).

ниципальных образований на территории всех регионов страны⁴. Специфика рейтинга в том, что помимо количественных данных учитывалось экспертное и общественное мнение для получения объективной картины.

Экологический рейтинг субъектов РФ составляется экологической некоммерческой организацией «Зеленый патруль»⁵. Его цель — осуществление общественного мониторинга и сравнительная оценка регионов РФ в сфере экологической безопасности и охраны окружающей среды. Расчет рейтинга производится в режиме online. В банке данных информационно-аналитической системы регистрируются значимые события. У каждого субъекта есть «Хроника событий», где эти значимые события отражены. Достоинство рейтинга состоит в том, что он основан не только на статических данных, но предполагает и оценку местного активного населения, фиксирует происшествия online, что делает его уникальным для многоуровневого анализа. Система составления рейтинга традиционно характеризуется тем, что его результаты относительны и зависят от показателей всех субъектов — участников рейтинга за отчетный период. Позиции в рейтинге конкретного региона в различные периоды могут различаться при неизменности его показателей за счет изменения показателей других регионов.

Подчеркивая высокий научно-теоретический уровень российских работ по оценке устойчивости городов, необходимо отметить отсутствие междисциплинарных исследований по комплексной оценке степени устойчивости российских мегаполисов на основе анализа объективных показателей, субъективных мнений разных городских групп населения и мнений экспертного сообщества. Кроме того, ограничением является невозможность отслеживания динамики развития устойчивости городов во времени.

3. Исторический, социально-экономический и экологический контексты исследования «зеленых городов» России

Вследствие кардинальных перемен в общественном устройстве России и ряда критических состояний единой концепции развития концепции «зеленого города» в отечественной науке и практике не могло сложиться [Yanitsky; Usacheva, 2017]. На протяжении ста лет обнаруживается колебание теоретической мысли между радикализмом директивного типа и попытками комплексного конструирования «органической» модели этого зеленого города. Если для малого города такие модели уже не раз были созданы (например, [Howard, 1902]), то для мегаполиса они не могли быть построены ввиду чрезвычайной сложности, динамического характера и растущей зависимости от глобальной геополитической ситуации.

Среди основных особенностей исследования «зеленых городов» России мы могли бы выделить следующие.

1. Российское общество находится в фазе «двойной трансформации»: оно завершает фазу Третьей промышленной (индустриальной) революции и одновременно переходит в фазу Четвертой революции [Яницкий, 2017].

⁴ Рейтинг экологического развития городов России — 2017. URL: <http://www.acexpert.ru/analytcs/ratings/rejting-ekologicheskogo-razvitiya-gorodov-rossii.html> (дата обращения: 19.04.2019).

⁵ Экологический рейтинг субъектов РФ: Идеология, концептуальная модель и методология расчета рейтинга. URL: http://greenpatrol.ru/sites/default/files/_ppt_1_0_0.pdf (дата обращения: 19.04.2019).

То есть изменение структурно-функциональной организации города зависит от изменения глобальных процессов.

2. Организация российских городов все более подчиняется геополитическим процессам в стране и мире. Это борьба за ресурсы, за устойчивость существующей политической системы в стране и одновременно — борьба за геополитическое доминирование в мире; ускоряющееся технологическое развитие; законы глобального рынка; все еще растущий разрыв между богатыми и бедными слоями городского населения; сокращение рынка труда; ухудшение экологической обстановки; «инверсия пространства» [Яницкий, 2018].
3. Ресурсная политика. Сама концепция «зеленого города» зависит от этой политики. Одно дело — сохранение и развитие ресурсно-ориентированной экономики, и другое — ориентация на максимальное использование инноваций и альтернативных источников ресурсов.
4. Один из главных трендов развития современных российских мегаполисов — информатизация и цифровизация⁶. На государственном уровне принимаются новые целевые программы, изменяется законодательная база в области информационно-коммуникационных технологий. На микроуровне с каждым годом изменяются формы гражданского городского участия. Так, доля российских пользователей виртуальных городских сообществ, электронного правительства, открытых геопорталов, краудсорсинговых платформ стремительно растет⁷. Современные технологии открывают совершенно новые возможности для вовлечения граждан в процесс участия в жизни города, переосмысливают сложившиеся социальные дистанции и роли.
5. Здоровье населения городов выступает одним из ключевых факторов обеспокоенности загрязненной окружающей средой. Социальный контекст критически детерминирует здоровье, поэтому фокус исключительно на индивидуальных биомедицинских факторах риска неадекватен задачам улучшения здоровья населения [Мухарямова; Кузнецова, 2017]. Городское планирование оказывает прямое и косвенное воздействие на здоровье человека, в числе факторов риска выступают транспорт, загрязнение воздуха, шум и городской образ жизни, нередко вызывающий изоляцию, гиподинамию и нездоровую диету [Giles-Corti et al., 2016]. В социальной географии широко обсуждается концепция так называемых терапевтических ландшафтов [Williams, 1998; 2017], которая обозначает спектр воздействия окружающей среды на физическое и психическое здоровье человека. Выбросы автотранспорта и промышленных предприятий выступают основными факторами негативного воздействия мегаполиса на здоровье населения. Научные исследования в российских мегаполисах показывают, что кислородная недостаточность как производная загрязнения воздуха

⁶ Цифровая жизнь российских мегаполисов. Модель. Динамика. Примеры: доклад Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково // URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS_Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru.pdf (дата обращения 19.04.2019).

⁷ Интернет в России: динамика проникновения // ФОМ. 12.08.2015. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12275> (дата обращения 19.04.2019).

влияет на заболевания органов дыхания и сердечно-сосудистой системы, а канцерогенные вещества, содержащиеся в атмосфере — на рост онкологических заболеваний [Королев, 2014].

6. Согласно данным опросов общественного мнения⁸, проблема утилизации отходов становится первостепенной для российских мегаполисов. В географии сложилось несколько типов теоретизирования относительно отходов: «угроза», «товар», «ресурс», «объект менеджмента» и «архив» [Moore, 2012]. Переосмысление политики отходов в России чрезвычайно актуально с учетом увеличения отходов за несколько лет с 3,8 млн тонн до 5 млн [Рахманин и др., 2015] в условиях нехватки мусороперерабатывающих предприятий, рисков для здоровья населения и окружающей среды. На данный момент концепция территориальных схем в проекте «Чистая страна»⁹ имеет идеологическое расхождение (поддержка нересурсосберегающих технологий мусоросжигания и расширения территорий полигонов), а также расхождение в четкой схеме субъектов, ответственных за утилизацию отходов на каждом этапе. Функции регионального оператора сводятся к функции муниципальных служб в делегировании полномочий по вывозу и утилизации отходов.

4. Междисциплинарные теории и подходы исследования «зеленых городов»

Город как социобиотехническая система

Одной из таких междисциплинарных концепций является теория социобиотехнических систем (далее СБТ-систем), разработанная О. Н. Яницким [Yanitsky, 2016]. В англо-саксонской научной литературе укоренился термин «взаимодействие» [Diani, 2003]. Для описания и анализа социальных взаимодействий в материальной или виртуальной форме этого вполне достаточно. Однако город представляет собой сложное и неразделимое переплетение природных, социальных и технологических процессов. Именно в этом его качественное отличие от природных процессов, включая круговорот веществ в природе. Но у них есть и нечто общее: воздействие одного вещества (процесса, системы) на другое. В итоге эти взаимодействия начинают качественно изменять друг друга. Поэтому город, сначала возникнув как «противоположность» природной системе, постепенно начинает срастаться с ней, с одной стороны, и с технологическими процессами и их инфраструктурами — с другой.

СБТ-системы формируются на всех уровнях жизни планеты — глобальном, региональном, местном и индивидуальном. Поэтому дихотомические подходы к изучению сложных систем типа «человек–общество», «город–деревня», «мы–они», «фронт–тыл» и т. п. уже не отражают усложненной и интегрированной реальности. Эта интеграция — не одномоментный процесс, в одних случаях она может происходить практически мгновенно, в других растягиваться на годы и даже столетия.

⁸ Экологическая ситуация в России: мониторинг. ВЦИОМ. 05.04.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9026> (дата обращения 19.04.2019).

⁹ Приоритетный проект «Чистая страна». 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vniiecolgy.ru/index.php/natsionalnyj-proekt-chistaya-strana> (дата обращения: 19.04.2019).

Конечный результат такой интеграции тоже неоднозначен. Это может быть взаимное поглощение, вытеснение одного другим или, напротив, стимулирование к быстрейшему развитию. Но возможны и отрицательные результаты: взаимное разрушение или появление агентов или структур с неизвестными свойствами и т. д. Эта интеграция и взаимная трансформация разнокачественных структур и процессов достигается посредством метаболических процессов, то есть перехода их в качественно иное состояние.

Социально-экологический метаболизм (СЭМ)

Это понятие, заимствованное из естественных наук, означает обмен (и воздействие одних на других, и реакция между ними) веществ между городом и средой, начиная от момента «входа» веществ, питающих жизнь города, и до того момента, когда «отходы» процессов жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду. Функционирование города не может быть сведено лишь к «взаимодействию» живых и инертных структур города, поскольку его социальный организм всегда включен в биологический и физико-химический обмен. СЭМ-подход рассматривает город как систему, в которой постоянно проходят сложные метаболические процессы. Они в какой-то момент начинают порождать качественно новые формы социальной жизни или технические структуры и процессы. Города потребляют ресурсы более широкой системы, но перерабатывают их, изменяя тем самым внешнюю материальную и социокультурную среду. Так реализуется обозначенный выше подход «устойчивость через изменения».

Развитием и анализом концепции социально-экологического метаболизма города в России занимаются О. Н. Яницкий [Yanitsky, 2017], развивает концепцию СЭМ современного города П. О. Ермолаева, используя концепцию СЭМ при описании жизни города в условиях проведения спортивных мегасобытий [Ермолаева, 2015], а также Д. В. Ефременко [Ефременко, 2006].

Привлекательность подхода СЭМ для анализа «устойчивости через изменения» российских городов заключается в рассмотрении сложных обменных процессов между городскими системами, переходов одних процессов и веществ в другие состояния и формы их взаимовлияния, а также анализ и учет невидимых последствий таких переходов и трансформаций для разных групп стейкхолдеров.

Концепция устойчивых переходов

В рамках динамического подхода стремительно развивающейся междисциплинарной областью исследований является концепция «устойчивых переходов» (sustainability transitions) [Geels, 2010]. Она родилась на стыке областей социальных исследований науки и технологий (STS), естественных наук и технологий, эволюционной экономики, социологии и институциональных теорий. Изменения понимаются как фундаментальные трансформации на пути к устойчивому обществу как ответ на множество современных социальных проблем. Изменения являются, во-первых, комплексными, динамическими, системными (происходят сразу во множестве систем) и неизвестными, во-вторых, траектории изменений возникают из взаимодействий между множественными системами, что не может быть рассмотрено в рамках монодисциплинарного подхода.

Концепция устойчивых переходов фокусируется на социально-технических инновациях в энергетических, водных, продовольственных и городских системах, а также в сфере экологических профессий. Большое внимание уделяется эвристическому переходу от «исследования проблем» к «нахождению решений».

В целом данная концепция может быть интересна для системного и междисциплинарного анализа социальных, технологических, экономических, политических инноваций на пути к повышению устойчивости городов как открытых систем, когда город понимается как арена взаимодействия множества акторов на разных уровнях. Причем с изменением одного уровня меняются все уровни, в этом системность и конвергентность данного подхода. Другими словами, целая система материальных и нематериальных артефактов должна измениться.

Выводы и обсуждение

В статье были рассмотрены концептуальные основы исследования социально-экологической «устойчивости через изменения» городов на примере концепта «зеленый город», проведен анализ исторического, социального, экономического и политического контекстов формирования подобных городов для России, исследованы теоретико-методологические подходы к исследованию «устойчивости через изменения» российских городов.

Под «зеленым городом» авторы понимают город, сочетающий высокую эффективность и инновативность; город, в котором созданы наилучшие (при имеющихся ограничениях и возможностях) условия жизни населения, город, способный сохраняться, реагируя на глобальные изменения. «Зеленый город» не следует трактовать буквально, то есть только как хорошо озелененный город, термин «зеленый» обозначает комплекс условий, среди которых наиболее важны здоровье и безопасность горожан, создаваемые природными и техническими средствами.

Среди основных особенностей формирования «зеленых городов» в России авторы выделили их «двойную трансформацию», непосредственную связанность с современными геополитическими процессами в мире и ресурсной политикой государства, стремительную информатизацию, обострение старых и появление новых экологических рисков (в первую очередь проблемы утилизации отходов в крупных городах), влияющих на здоровье и качество жизни населения в городах.

В статье критически рассмотрены существующие методики по оценке устойчивости и изменчивости российских городов. Все методики расчета, за исключением методики «Зеленого патруля», основываются на количественных (статистических) данных, что, с одной стороны, является их преимуществом, делая их результаты максимально объективными, но с другой стороны, является недостатком, так как в связи с задержкой публикации статистики или вовсе ее отсутствия не позволяет наблюдать ежегодную динамику показателей. Кроме этого, сложность в выборе наиболее подходящей методики заключается в значимых различиях развития крупных, средних и малых городов России; многие рейтинговые методики разработаны исключительно для одного из типов городов.

Наконец, авторы проанализировали основные проблемно-ориентированные и междисциплинарные теоретико-методологические подходы к исследованию российских «зеленых городов»: концепции СБТ-систем, социально-экологического

метаболизма и устойчивых переходов. В рамках данных подходов изменения в городских системах понимаются, во-первых, как комплексные, динамические, системные (изменения происходят сразу во множестве систем) и нелинейные процессы, и, во-вторых, траектории изменений возникают из совместных взаимодействий между множественными системами, и это не может быть рассмотрено в рамках моно-дисциплинарных подходов.

С точки зрения авторов, для адекватного изучения устойчивости и изменчивости современного города необходимо преодолеть дихотомии «общество versus природа», «город как организм versus город как экосистема». Адекватной и наиболее эффективной в плане управления представляется связь перманентного мониторинга городских процессов и столь же гибкая междисциплинарная система управления процессами, происходящими в городе как в открытой системе, включающей совокупность его социальных, природных и технических структур и процессов.

Список литературы (References)

Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В. Индикаторы устойчивого развития для городов // Экономика региона. 2014. № 3(39). С. 101—110.

Bobylev S. N., Kudryavtseva O. V., Solovyova S. V. (2014) Sustainable Development Indicators for Cities. *Economy of Region*. No. 3(39). P. 101—110. (In Russ.)

Ермолаева П. О. Социально-экологический метаболизм городов: концептуализация, научные школы, современные зарубежные исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 34—50.

Ermolaeva P. O. (2015) Socio-ecological Metabolism of Cities: Conceptualization, Research Schools, and Modern Foreign Studies. *Sociological Science and Social Practice*. No. 3(11). P. 34—50. (In Russ.)

Ефременко Д. В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М. : ИНИОН; 2006.

Efremenko D. V. (2006) Ecological and political discourses. The emergence and evolution. Moscow: INION.

Королев А. А. Медицинская экология: учеб, пособие (3-е изд., перераб. и доп.). М. : Издат. центр «Академия», 2014.

Korolev A. A. (2014) Medical Ecology: Handbook (3rd ed., Revised and extra.). Moscow: Publ. Center «Academy».

Коротков П. А., Трубянов А. Б. Оценка экологической эффективности крупных городов в условиях быстрой урбанизации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 1072—1098.

Korotkov P. A., Trubyanov A. B. (2014) Assessment of Environmental Performance of Large Cities in the Context of Rapid Urbanization. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. No. 102. P. 1072—1098. (In Russ.)

Мухарьямова Л., Кузнецова И. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 651—659. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659>.

Mukharyamova L., Kuznetsova I. (2017) Health Equality and Justice: Searching for Analytical Tools in Evaluating Healthcare. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 651—659. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659> (In Russ.)

Рахманин Ю. А., Русаков Н. В., Самутин Н. М. Отходы как интегральный эколого-гигиенический критерий комплексного воздействия на окружающую среду и здоровье населения // Гигиена и санитария. 2015. № 94(6). С. 5—10.

Rakhmanin Yu.A., Rusakov N.V., Samutin N.M. (2015) Waste as Integrated Ecological-Hygienic Criteria of the Comprehensive Impact in the Environment and Population Health. *Gigiena i Sanitariya*. No. 94(6). P. 5—10.

Яницкий О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 5—22. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574>.

Yanitsky O.N. (2016) Sociobiotechnical Systems: a New Approach to Humanity-Nature Interaction. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 4. No. 3. P. 5—22. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574> (In Russ.)

Яницкий О. Н. Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 2(21). С. 12—34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452>.

Yanitsky O.N. (2017) The Fourth Technological Revolution and Deep Shifts in Globalization Processes. *Vestnik Instituta Sotziologii*. Vol. 21. No. 2. P. 12—34. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.452> (In Russ.)

Яницкий О. Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 5—16.

Yanitsky O.N. (2018) Socio-Ecological Challenges to Russian Megalopolises. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 5—16. (In Russ.)

Baker S., Eckerberg K. (Eds). (2008) *In Pursuit of Sustainable Development: New Governance Practices at the Sub-National Level in Europe*. Routledge: London.

Caprotti F. (2014) Eco-urbanism and the Eco-city, or, Denying the Right to the City? *Antipode*. Vol. 46. No. 5. P. 1285—1303. <https://doi.org/10.1111/anti.12087>.

Diani M. (2003) Leaders or Brokers? In: *Social Movements and Networks* (Diani M. and D. McAdam, eds). Oxford: Oxford University Press. P. 105—122.

Ermolaeva P.O. (2017) In the Labyrinths of the «Sustainable City» Concepts: the Meta-Analysis of Contemporary Studies. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. Vol. 7 — DCMSPCLP. P. 1288—1293.

Geels F.W. (2010) Ontologies, Socio-Technical Transitions (to sustainability), and the Multi-Level Perspective. *Research Policy*. No. 39. P. 495—510. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2010.01.022>.

- Giles-Corti B., Vernez-Moudon A., Reis R., Turrell G., Dannenberg A. L., Badland G., Foster S., Lowe M., Sallis J. F., Stevenson M., Owen N. (2016) City Planning and Population Health: a Global Challenge. *The Lancet*. Vol. 388. No. 10062. P. 2912—2924. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(16\)30066-6](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(16)30066-6).
- Hassan A., Lee H. (2014) The Paradox of the Sustainable City: Definitions and Examples. *Environment Development and Sustainability*. Vol. 17. No. 6. P. 1267—1285. <https://doi.org/10.1007/s10668-014-9604-z>.
- Howard E. (1902) *Garden Cities of Tomorrow*. London: S. Sonnenschein & Co., Ltd.
- Kambites C. J. (2014) 'Sustainable Development': the 'Unsustainable' Development of a Concept in Political Discourse. *Sustainable Development*. Vol. 22. No. 5. P. 336—348. <https://doi.org/10.1002/sd.1552>.
- Karlenzig W., Marquardt F., White P., Yaseen P., Young R. (Eds.) (2007) *How Green is Your City, The SustainLane US City Rankings*. Gabriola Island, BC: New Society Publishers. 2007.
- Lefebvre H. (1996) *Writings on Cities*. Oxford: Blackwell.
- Moore S. A. (2012) Garbage Matters: Concepts in New Geographies of Waste. *Progress in Human Geography*. Vol. 36. No. 6. P. 780—799. <https://doi.org/10.1177/0309132512437077>.
- Moser C., Satterthwaite D. (2008) *Towards Pro-Poor Adaptation to Climate Change in the Urban Centers of Low- and Middle-Income Countries*. Working Paper. International Institute for Environment and Development, Global Research Centre, London, UK, 2008. URL: <https://pubs.iied.org/pdfs/10564IIED.pdf> (Accessed: 19.04.2019)
- Williams A. (1998) Therapeutic Landscapes in Holistic Medicine. *Social Science & Medicine*. Vol. 46. No. 9. P. 1193—1203. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(97\)10048-x](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(97)10048-x).
- Williams A. (2017) *Therapeutic Landscapes*. John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0138>.
- World Bank (2010) *Eco cities: Ecological Cities as Economic Cities*. Washington, DC: The World Bank.
- Yanitsky O. (2016) The SBT-systems and its Technosphere: A Synopsis // Official Site of IS RAS. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4562> (accessed: 19.04.2019)
- Yanitsky O. N. (2017) Metabolism as a Master Frame for Globalization Analysis. *Official Site of IS RAS*. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4930> (accessed: 19.04.2019)
- Yanitsky O., Usacheva O. (2017) History of the "Green City" in Russia. *Journal of History Culture and Art Research*. Vol. 6. No. 6. P. 125—131. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1330>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.05

Правильная ссылка на статью:

Калинин Р.Г., Девятко И. Ф. Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 95—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.05>.

For citation:

Kalinin R. G., Deviatko I. F. (2019) Who should pay for a water pipe: social context of distributive justice perception. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 95—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.05>.

Р. Г. Калинин, И. Ф. Девятко КТО ЗАПЛАТИТ ЗА ВОДОПРОВОД: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

КТО ЗАПЛАТИТ ЗА ВОДОПРОВОД: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВОСПРИЯТИЯ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

WHO SHOULD PAY FOR A WATER PIPE: SOCIAL CONTEXT OF DISTRIBUTIVE JUSTICE PERCEPTION

*КАЛИНИН Роман Геннадьевич — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: rokalinin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5367-5886>*

*Raman G. KALININ¹ — Postgraduate Student
E-MAIL: rokalinin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5367-5886>*

*ДЕВЯТКО Инна Феликсовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, зав. кафедрой, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

*Inna F. DEVIATKO^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Full Professor; Chief Researcher
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния социального контекста распределения издержек на обыденные нормативные суждения о дистрибутивной справедливости, выносящиеся с точки зрения арбитра. С помощью метода факторного опроса оценивалось влияние контекстуальной информации о родстве реципиентов издержек, формы предоставления информации об их текущем финансовом положении, а также величины совокупных издержек на восприятие дистрибутивной справедливости. Участники были более склонны распределять издержки, компенсируя положение тех, кто находится в наихудшем положении, за счет тех, кто находится в наилучшем положении, если реципиенты издержек являются родственниками, предоставляется информация о доходах, а не о долгах реципиентов, и величина совокупных издержек относительно невелика. Также был выявлен эффект взаимодействия между величиной совокупных издержек и двумя остальными факторами: увеличение суммы совокупных издержек снижает силу эффектов родства и формы предоставления информации о финансовом положении реципиентов и сильнее склоняет участников к восприятию эгалитарного распределения издержек в качестве справедливого. Результаты подтверждают предположение о контекстуальной природе дистрибутивной справедливости и углубляют понимание ее проявления в обыденных нормативных суждениях при распределении издержек, направленных на поддержание общественного блага.

Ключевые слова: дистрибутивная справедливость, обыденные моральные суждения, эффект родства, распределение издержек, общественное благо, факторный опрос

Abstract. The article reports the results of the study of a peculiar type of everyday judgments about distributive justice. It examines the ways the social context affects normative judgments about the distribution of costs necessary for the public good maintenance from a third-party point of view. We used the factorial survey approach to estimate the effects of contextual information about the cost recipients' kinship relations, the specific mode of providing information about their current financial standing, as well as the size of total costs on the perception of distributive justice. The participants generally tended to distribute costs compensating to those in the worst financial situation at the expense of those who were in a better financial situation if the recipients of costs were relatives, the information of cost recipients' financial standing described their incomes rather than debts, and the total costs were relatively low. Alongside with the statistically significant main effects, the pronounced first-order interaction effects between the total costs size and two other experimental factors were revealed: the increase in total costs diminished both the effects of kinship and of the information provision form (incomes vs. debts), thereby pushing participants to perceive an egalitarian division of costs as fair. The results support the general hypothesis about the contextual nature of distributive justice and promote our understanding of its manifestations in the form of ordinary normative judgments concerning the distribution of costs which are necessary for the public good maintenance.

Keywords: distributive justice, ordinary moral judgment, kinship effect, distribution of costs, public good, factorial survey

Введение

Проблема распределения ограниченных общественных ресурсов, а также издержек, необходимых для поддержания общественных благ, не только находится в центре внимания современной политической философии, но часто является предметом политической повестки и реальностью повседневной жизни. Справедливое распределение благ и связанных с их получением и поддержанием издержек, в том числе в форме денежных затрат, — не только фундаментальная социальная ценность, как показывают массовые опросы¹, но и критерий оценки социальных институтов и политических решений. Если вопрос об обоснованных принципах или правилах дистрибутивной справедливости — область интереса чистой философии морали («этики философов», по выражению Э. Дюркгейма), а также политической и социальной философии, то другой вопрос — о том, какие факторы влияют на повседневные моральные суждения обычных людей относительно справедливости того или иного распределения благ и издержек между индивидуальными акторами и социальными группами, — является предметом особого интереса социальных наук.

За более чем полвека эмпирических исследований в рамках различных дисциплин было изучено множество факторов, влияющих на восприятие дистрибутивной справедливости (обзор см. [Jasso, Törnblom, Sabbagh, 2016, Konow, 2003]). Однако большая часть исследований сконцентрирована на изучении распределения благ, тогда как издержкам посвящен куда меньший корпус литературы. При этом большинство существующих исследований, сравнивающих восприятие распределения благ и издержек, свидетельствуют о различии в восприятии этих областей нормативных решений и повседневных моральных суждений, для описания которых нужны разные объяснительные модели [Törnblom, 1988; Sabbagh, Schmitt, 1998].

Важно отметить, что издержки пронизывают саму процедуру любого распределения, потому что на него тратятся время, интеллектуальные ресурсы и т. д. Можно сказать, что распределение издержек является фундаментальным аспектом социальной жизни, возможно, даже более важным, чем распределение благ. Поэтому представляется плодотворным не только зеркально проверять гипотезы, уже подтвержденные или опровергнутые для распределения благ (см. например [Northcraft et al., 1996]), но и сконцентрироваться на изучении различных типов издержек, а также тех индивидуальных и социальных факторов, которые предположительно влияют на восприятие справедливости их распределения обычными людьми.

¹ Среди массовых опросов, изучающих восприятие социальной справедливости, стоит выделить World Values Survey, в 7-й волне которого планируется исследовать отношение к справедливости примерно в 50 странах (См. World Values Survey. World Values Survey, Wave 7, 2017. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 29.08.2018)). Также стоит упомянуть крупный проект исследования справедливости International Social Justice Project, проводившийся в 15 странах (ISJP. International Social Justice Project. URL: <https://www.sowi.hu-berlin.de/de/lehrbereiche/empisoz/forschung/archiv/isjp> (дата обращения: 29.08.2018)). Можно также отметить ряд массовых онлайн-опросов, посвященных исследованию так называемых «моральных оснований», в которых также затрагивались соответствующие вопросы [Haidt, Graham, 2007]. Наконец, массовые опросы на тему справедливости проводятся и в России [Горшков и др., 2013], см. также: О справедливости и несправедливости в российском обществе // Фонд «Общественное мнение». 07.04.2017. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13279> (дата обращения: 29.08.2018); Социальная справедливость: как мы ее понимаем // ВЦИОМ. 15.07.2013. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1007> (дата обращения: 29.08.2018); Социальная справедливость в России // ВЦИОМ. 23.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9443> (дата обращения: 29.08.2018).

Результаты некоторых предшествующих исследований позволяют уточнить общий характер различий между распределением благ и издержек: при прочих равных, люди скорее склонны распределять издержки эгалитарно, то есть в соответствии с принципом «всем поровну», тогда как для благ более предпочтительно распределение, пропорциональное личному вкладу в общий результат [Meeker, Elliott, 1987: 14; Törnblom, Jonsson, 1987: 44; Törnblom, Jonsson, 1985: 256; Homans, 1958; Adams, 1965]. Также существуют данные о том, что в случае распределения издержек люди менее склонны к внутригрупповому фаворитизму, нежели при распределении благ [Mummendey et al., 1992: 142].

Некоторые исследователи отмечают, что в условиях переговоров и торга испытуемым сложнее справиться с заданием распределения издержек, нежели с распределением благ [Mannix, Neale, Northcraft, 1995]. При этом в ряде поведенческих экспериментов, когда участники являлись заинтересованной в результатах распределения стороной, были получены результаты, не согласующиеся с описанными выше — результаты переговоров чаще были пропорциональны личному вкладу для случаев распределения издержек, тогда как для распределения благ более предпочтительным был эгалитарный принцип [Sondak, Tyler, 2012: 310; Sondak, Neale, Pinkley, 1995: 249]. Эти данные могут свидетельствовать о разнице в восприятии ситуации распределения с точек зрения заинтересованной стороны и независимого наблюдателя, выступающего в роли арбитра, — и шире, между нормативными суждениями, выражающими «незаинтересованную» справедливость, и решениями о справедливом распределении, опосредованными личными или групповыми интересами.

С нашей точки зрения, нормативные суждения и решения, выносимые обычными людьми с позиции арбитра, имеют большую ценность для понимания того, как работают социальные нормы. А для изучения модуса существования и механизмов задействования социальных норм важно отделить их от индивидуальных или коллективных интересов [Девятко, 2017], что практически невозможно сделать с помощью таких традиционных методов изучения восприятия справедливости, как экономические игры² (см., в частности [Opp, 2015]). Особенность последних состоит в том, что в них участники тем или иным образом *заинтересованы* в конечном результате, что накладывает ограничения на изучение обыденных нормативных суждений и ведет к систематическим смещениям, потому что в таких случаях они неизбежно искажены интересами участников даже в гипотетических ситуациях [Messick, Sentis, 1979: 432], когда у участников распределения, казалось бы, не должно быть прямого экономического интереса. Поэтому в качестве метода исследования мы выбрали другой тип эксперимента, в котором участники путем гипотетического распределения издержек выносят нормативные суждения о ситуации, в которой ни прямо, ни косвенно не заинтересованы, то есть выступают с позиции арбитра.

Исходя из того, что люди в большинстве своем предпочитают получать блага и избегать издержек, распределение последних можно рассматривать как тип негативного события, противоположного распределению благ. В целом люди сильнее когнитивно, эмоционально и социально откликаются на негативные

² Таких как «Ультиматум», «Диктатор», «Дарообмен», «Общественное благо», «Доверие» и т.д.

события, нежели на позитивные [Taylor, 1991: 67], и при равной степени потерь и приобретений больший эмоциональный отклик вызывают потери³ [Kahneman, Tversky, 1984: 348]. Похожий феномен отмечается не только на эмоциональном, но и на нормативном уровне. Результаты некоторых исследований показывают, что участники считают менее справедливым нечестное распределение издержек, нежели нечестное распределение благ [Baron, 1995: 81]. Описанные результаты свидетельствуют в пользу того, что исследование издержек ценно само по себе, вне зависимости от того, проводились ли исследования такого же набора факторов на примере распределения благ.

В данном исследовании нас интересует особый тип издержек — издержки, связанные с производством общественного блага. Его теоретические особенности, такие как практическая невозможность исключить кого-нибудь из потребителей блага, а также невозможность разложить благо на отдельные единицы, делают нормативные суждения о распределении издержек на его поддержание интересным предметом для изучения, который слабо освещен в научной литературе. А релевантность проблемы распределения индивидуальных издержек, связанных с производством общественного блага, для множества житейских ситуаций делает решение этой проблемы еще и социально значимым.

В описываемом в данной статье исследовании мы изучали воздействие информации об определенных чертах социального контекста распределения на обыденные нормативные суждения. Мы решили проследить влияние сведений о *наличии родства между реципиентами* на прескриптивные (или деонтические) суждения людей о справедливом распределении издержек. Также мы оценили влияние *формы предоставления информации о финансовом положении* участников распределения (информация о доходах или долгах). Наконец, мы проверили влияние *величины совокупной суммы издержек* на стратегию их распределения. Более подробное описание выбранных для изучения факторов мы приводим ниже при обосновании гипотез.

Задачи и гипотезы

В данном исследовании мы использовали метод факторного опроса и технику виньеток для оценки влияния информации о социальном контексте распределения на обыденные нормативные суждения о дистрибутивной справедливости. Подобный методологический подход ранее использовался при изучении влияния информации о социальных характеристиках реципиентов, их потребностях, характере их отношений и т. п. на распределение благ и ресурсов [Девятко, 2009; Faravelli, 2007; Bazerman, 1985; Yaari, Bar-Hillel, 1984; Kahneman, Knetsch, Thaler, 1986], что открывает возможность систематического сопоставления наших результатов с выводами упомянутых исследований, а также позволяет варьировать факторы и усложнять экспериментальные планы на основе уже известных исследовательских результатов, полученных сопоставимыми методами.

Преимущества данного методологического подхода уже обосновывались ранее в ряде работ [Alves, Rossi, 1978; Jasso, 2006; Jasso, Törnblom, Sabbagh, 2016; Liebig,

³ Так называемый феномен «неприятия потери» (loss aversion).

Sauer, Friedhoff, 2015; Rossi, Anderson, 1982] и заключаются в том, что сочетание метода факторного эксперимента и опросного инструментария⁴ дает возможность, с одной стороны, экспериментально проверить влияние различных факторов на восприятие справедливости распределения, систематически варьируя их уровни, а с другой — отделить нормативное измерение суждений от непосредственных интересов участников, позволяя выявить суждения участника о дистрибутивной справедливости, формулируемые с точки зрения арбитра, выносящего суждения относительно представленных в виньетках гипотетических ситуаций.

Ранее было показано, что различия в восприятии справедливости распределения благ и издержек характерны для житейских решений в задачах на распределение торговой прибыли и убытков [Messick, Schell, 1992: 319; Harris, Joyce, 1980]. В продолжение этих исследований было также показано, что существует и разница в восприятии различных типов издержек [Van Dijk et al., 1999]. В последнем исследовании участники были более склонны распределять чистые убытки и чистую прибыль поровну между торговыми партнерами. Тогда как торговые издержки участники чаще старались распределять так, чтобы выровнять итоговый результат распределения доходов. Мы предположили, что при распределении издержек для поддержания общего блага люди будут также пытаться выравнять итоговый результат для участвующих в распределении затрат индивидов (например, «возмещать» неравенство в доходах за счет приписывания меньшей суммы затрат). Но мы предполагаем наличие таких решений только в условиях с релевантным социальным контекстом распределения, под которым в данном исследовании мы понимаем информацию о наличии родства между реципиентами издержек, форму предоставления информации об их финансовом положении и суммарную величину распределяемых издержек.

Согласно теориям родственного альтруизма, близкие родственники склонны помогать друг другу [Burnstein, Crandall, Kitayama, 1994], что в контексте дистрибутивной справедливости будет выражаться в распределении в пользу родственника, находящегося в худшем финансовом положении, за счет родственника, который находится в лучшем финансовом положении. При этом в некоторых теориях альтруизма отмечается, что родство обязательно должно быть кровным (для обзора теорий альтруизма см. [Быков, 2013]).

Также существуют нормативные этические концепции, обосновывающие отличие честности распределения в семейном контексте от дистрибутивной справедливости в сфере гражданских отношений и коллективного действия. Главное различие состоит в том, что первая должна быть частной и строиться на основе симпатии, в то время как вторая должна основываться на универсальности и беспристрастности [Ullmann-Margalit, 2006: 591].

Представление о том, что в семейном контексте распределение благ и издержек должно иметь другие нормативные основания, отличные от распределения в более широком гражданском контексте, также выражается на уровне установок и повседневных суждений о справедливости. В ряде исследований было показано, что люди склонны с большей вероятностью оказывать альтруистическую помощь

⁴ Сочетание факторного эксперимента и опросного инструментария обусловило частое использование для обозначения данного подхода термина «факторный опрос» (factorial survey).

родственникам в сравнении со знакомыми [Rachlin, Jones, 2008], так что при оценке сторонним наблюдателем распределения среди близких родственников, где один из родственников находится в нужде, справедливым чаще признается так называемый принцип максимина⁵, который и предполагает распределение в пользу реципиента, находящегося в худшем положении относительно ситуации распределения. На фоне результатов, полученных для распределения благ [Peterson, 1975: 126], мы решили проверить, насколько соответствующие модели распределения применимы и для издержек. То есть насколько участники будут склонны решать, что справедливо распределять издержки не поровну, если реципиенты⁶ являются родственниками.

Поэтому первая гипотеза звучит так: *при упоминании родственных связей между реципиентами в условии распределения издержек участники будут более склонны считать справедливым отклонение от эгалитарного распределения в пользу реципиента, находящегося в худшем финансовом положении, в сравнении с условием, когда реципиенты не являются родственниками.*

Следующим фактором, уровни которого варьировались в нашем эксперименте, была форма предоставления информации о материальном положении участников распределения (реципиентов): в одном случае предоставлялась информация о долгах реципиентов, в другом случае — об их доходах.

Из предыдущих исследований известно, что люди более склонны распределять издержки эгалитарно в ситуациях, когда индивидуальные различия в экономическом положении участников распределения связаны с внутренними факторами, то есть когда люди сами ответственны за то, в каком положении они оказались⁷ [Messick, Schell, 1992: 311]. Мы предположили, что различный уровень доходов у реципиентов будет скорее восприниматься как следствие внешних факторов — например, исходя из предположения, что самому богатому из них могло повезти с работой. Тогда как наличие различных по масштабу долгов будет скорее восприниматься как следствие внутренних факторов — например, как неумение обращаться с деньгами.

В таком случае дистрибутивная справедливость будет иметь более выраженную тенденцию к выравниванию финансового положения реципиентов, когда предоставляется информация об их доходах. И напротив, при предоставлении

⁵ В общем случае принцип максимина (maximin) предполагает максимизацию благосостояния тех, для кого исходно характерен его минимальный уровень [Arrow, 1973: 248]. В этике и политической философии более общий принцип максимина зачастую ассоциируется с более частным «принципом различия» Джона Ролза, который формулируется как «Социальное и экономическое неравенства <...> должны приносить наибольшую выгоду наименее преуспевшим членам общества» [Rawls, 2005: 6].

⁶ Важно провести различие между участниками исследования — теми, кто распределяет издержки между вымышленными «получателями» издержек, и самими участниками гипотетической ситуации распределения — теми персонажами, кто претерпевает распределяемые издержки в описанных в виньетках гипотетических сценариях. Последних мы называем реципиентами издержек.

⁷ Например, если определенный продавец продал меньше товаров, чем его партнеры по бизнесу, соответственно, получив меньше выручки из-за своего неумения продавать, то издержки на аренду общего торгового места они все равно должны делить поровну. С другой стороны, если разница в выручке обусловлена внешними факторами, например, проходимость торгового места в определенные дни, то люди скорее склонны считать, что поровну нужно делить прибыль, то есть распределять издержки пропорционально — компенсируя меньшими издержками положение того, кто торговал в «неудачные» дни.

информации о долгах участники будут более склонны делить издержки поровну, как если бы реципиенты были сами ответственны за свое финансовое положение.

Таким образом, вторая гипотеза состояла в том, что в условиях, где предоставляется информация о доходах реципиентов, участники будут более склонны считать справедливым отклонение от эгалитарного распределения в сторону максимина, нежели в условиях, в которых предоставляется информация о долгах.

Наконец, мы ожидали, что величина суммарных распределяемых финансовых издержек также имеет значение. Поэтому небольшая величина суммарных издержек, предполагающая в случае равного распределения не очень большие индивидуальные затраты участников, при прочих равных, будет склонять участников принимать решение в сторону компенсаторного распределения, снижая издержки самого бедного участника. В то же время большие совокупные издержки подразумевали значительные индивидуальные затраты всех участников распределения (реципиентов), вне зависимости от их финансового положения. В данном случае большая величина издержек должна «выравнивать» положение участников тем фактом, что они все попадают в сложную финансовую ситуацию.

Поэтому третья гипотеза звучит так: *небольшая совокупная величина издержек будет сильнее склонять участников к отклонению от эгалитарного распределения в направлении максимина, нежели большая совокупная величина издержек.*

Во всех трех гипотезах большее отклонение от эгалитарного распределения в сторону максимина будет свидетельствовать о большем желании компенсировать реципиентам, которые имеют наименьший доход или наибольшие долги, их финансовое положение за счет меньшего количества издержек, которые они должны понести.

Метод

План эксперимента

В исследовании использовался полный внутрисубъектный экспериментальный план с одним межсубъектным фактором. Выбор плана с межсубъектным фактором обоснован тем, что разные уровни фактора «Форма предоставляемой информации о финансовом положении» придают числовым значениям издержек, которые упоминаются в описываемых ситуациях распределения, и относительно которых участники эксперимента должны были вынести решение о справедливом распределении, полностью *противоположный* смысл, что сильно усложняет их последовательное решение. Это может приводить к увеличению когнитивной нагрузки на участников исследования, а также провоцировать респондентов использовать стратегии упрощения при поиске решений предлагаемых задач (satisficing).

Таким образом, использовались два внутрисубъектных фактора — наличие родства между участниками распределения и величина распределяемых совокупных издержек. А также один межсубъектный — характер предоставляемой информации о финансовом положении реципиентов. Ниже представлены описания уровней факторов и план эксперимента (см. табл. 1).

Таблица 1. Экспериментальный план

Группа В 1			
В. Информация о финансовом положении: Доходы (В1)		А. Родство	
		А1. Есть: братья	А2. Нет: соседи
С. Совокупные издержки	С1. 600 \$	A1B1C1	A2B1C1
	С2. 9000 \$	A1B1C2	A2B1C2

Группа В 2			
В. Информация о финансовом положении: Долги (В2)		А. Родство	
		А1. Есть: братья	А2. Нет: соседи
С. Совокупные издержки	С1. 600 \$	A1B2C1	A2B2C1
	С2. 9000 \$	A1B2C2	A2B2C2

Участники

Для участия в исследовании использовалась выборка из студентов НИУ ВШЭ⁸, которые набирались методом самоотбора по объявлению на странице студенческого сообщества в социальной сети. В результате было получено 258 заполненных анкет, из них 41 была отбракована из-за пропусков. В группу В1 попало 107 участников, в группу В2—110. Итого получилось 217 пригодных для анализа анкет, из которых 126 заполнили женщины, 91 — мужчины. Средний возраст участников: $M = 22.1$, $SD = 4.6$.

Процедура и материалы

Участники выполняли задания онлайн. Ссылка для прохождения испытания была доступна в течение девяти дней. Каждому участнику предлагалось решить четыре задачи на распределение издержек между тремя персонажами, описанными в некотором сценарии гипотетической ситуации распределения, при этом детали каждой ситуации отражали информацию о конкретном сочетании экспериментальных факторов. От участника требовалось прочитать небольшую историю и на ее основе ввести в ячейки три числа — по одному на каждого участника, — которые вместе давали бы требуемую в условии сумму издержек.

Каждый участник случайным образом попадал в одну из двух групп — в одной из них во всех виньетках предоставлялась информация о доходах, а в другой предоставлялась информация о долгах. Также был рандомизирован порядок предъявления условий *внутри* каждой группы. Таким образом, использование двухуровневого позиционного уравнивания исключало возможный «эффект переноса», свойственный внутрисубъектным планам.

Для упрощения задачи участников использовались краткие и не содержащие избыточных деталей формулировки, а также несложные для деления числа, чтобы уменьшить когнитивную нагрузку и тем самым снизить вероятность применения

⁸ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва.

участниками «эвристики равенства», когда поделить «всем поровну» является не взвешенным решением, а путем наименьшего сопротивления.

Участники исследования могли самостоятельно определять, сколько именно денег должен заплатить каждый из участников гипотетической ситуации распределения (реципиентов). При этом каждый из последних в случайном порядке получал имя в условиях, где реципиенты являлись братьями, или фамилию в условиях, где участники являлись соседями. Таким образом мы хотели подчеркнуть различия в условиях, касающиеся наличия или отсутствия родства.

Сумма издержек в каждом случае должна была быть разделена между реципиентами без остатка. В противном случае участник получал уведомление о том, что он распределил больше или меньше заданной суммы издержек, и не мог перейти к следующему заданию или вопросу. Также участники были лишены возможности возвращаться назад по анкете и исправлять предыдущие решения. Каждое задание показывалось на отдельном экране. После выполнения всех заданий участник заполнял небольшую анкету, где отмечал свои социально-демографические характеристики. Примеры заданий приведены ниже.

Условие А1В1С1

В старом трехэтажном доме живут три родных брата со своими семьями. Из-за плохого водопровода на все этажи поступает ржавая вода, поэтому братья (Антон, Боря и Витя) решили его починить. Они узнали, что проблему решит небольшой ремонт водопровода стоимостью 600 \$.

При этом доходы у братьев разные:

Антон зарабатывает 3000 \$/мес., Боря — 2000 \$/мес., а Витя — 1000 \$/мес. Сколько должен заплатить каждый из братьев? (Итого — 600 \$)

Условие А2В2С2

В старом трехэтажном доме живут три соседа со своими семьями. Из-за плохого водопровода на все этажи поступает ржавая вода, поэтому соседи (Козлов, Лаптев и Макаров) решили его починить. Они узнали, что проблему решит капитальный ремонт водопровода стоимостью 9000 \$.

Но из-за финансового кризиса у соседей накопились долги разного размера:

У Козлова — 3000 \$ долга, у Лаптева — 2000 \$ долга, а у Макарова — 1000 \$ долга.

Сколько должен заплатить каждый из соседей? (Итого — 9000 \$)

Результаты

Модальным решением во всех предложенных условиях было эгалитарное. Наименее популярным оно было в условии А1В1С2 (реципиенты являются братьями, предоставляется информация о доходах, и величина совокупных издержек равна 9000 \$), его выбрали 59 участников из 107 (55.1%). Наиболее популярным эгалитарное распределение было в условии А2В2С2 (реципиенты являются соседями, предоставляется информация о долгах, и величина совокупных издержек составляет 9000 \$), его выбрали 100 участников из 110 (90.9%). Данный результат хорошо согласуется с результатами других исследований о приверженности людей

к эгалитарному распределению при незначимых для них или сложных социальных контекстах [Van Dijk et al., 1999; Messick, Schell, 1992].

Что касается трудности выполнения задания, то оценивая его по семибалльной шкале, где 1 — «очень трудно», а 7 — «очень легко», участники в среднем оценили его как несложное: $M = 5.3$, $SD = 1.66$; это подтверждает, что большинство участников исследования скорее выбирали эгалитарное распределение осознанно, а не применяли «эвристику равенства» из-за сложности условий задачи.

Таблица 2. Средние значения разности между издержками реципиентов, находящимися в наилучшем и наихудшем финансовом положении

	600 \$		9000 \$	
	Братья	Соседи	Братья	Соседи
Доходы	60.8	31.3	1125.7	432.2
Долги	33.7	4.1	395.0	-90.9

В качестве единицы анализа для каждого отдельного испытания мы использовали разность издержек, распределенных между реципиентом, который находится в наилучшем финансовом положении (самый большой доход или самые маленькие долги), и реципиентом, который находится в наихудшем финансовом положении (самый маленький доход или самый большой долг). Формула расчета разницы для каждого отдельного испытания:

$$y = x_3 - x_1,$$

где y — разность издержек;

x_3 — издержки реципиента, который находится в самом лучшем финансовом положении среди остальных;

x_1 — издержки реципиента, который находится в самом худшем финансовом положении среди остальных.

В итоге результаты всех возможных распределений для условий с небольшими издержками (С1) размещаются в диапазоне от -600 до 600 , где:

0 (ноль) соответствует эгалитарному распределению;

от 600 до 0 (не включительно) в целом соответствуют распределению максимум, предполагающему компенсацию реципиенту в неблагоприятной финансовой ситуации его положения;

от -600 до 0 (не включительно) отражают обратное максимуму распределение, когда реципиент в наиболее неблагоприятной финансовой ситуации должен заплатить больше, чем остальные.

Несмотря на то, что разница распределяемых сумм между уровнями суммарных издержек С1 и С2 достаточно велика, и их сложно сравнивать напрямую, можно легко увидеть закономерность в полученных данных. Участники более охотно компенсировали реципиентам их финансовое положение меньшими издержками в случаях, когда реципиенты были братьями и предоставлялась информация о доходах. При этом в условиях, где реципиенты являются соседями, предоставляется информация о долгах, и величина суммарных издержек составляет 9000 \$, на-

блюдалась не только популярность эгалитарного решения, о чем уже упоминалось выше, но более того — некоторые участники использовали распределение, обратное максимуму, наказывая должников за величину долга большими издержками⁹, что в итоге привело к отрицательному значению среднего в данном условии.

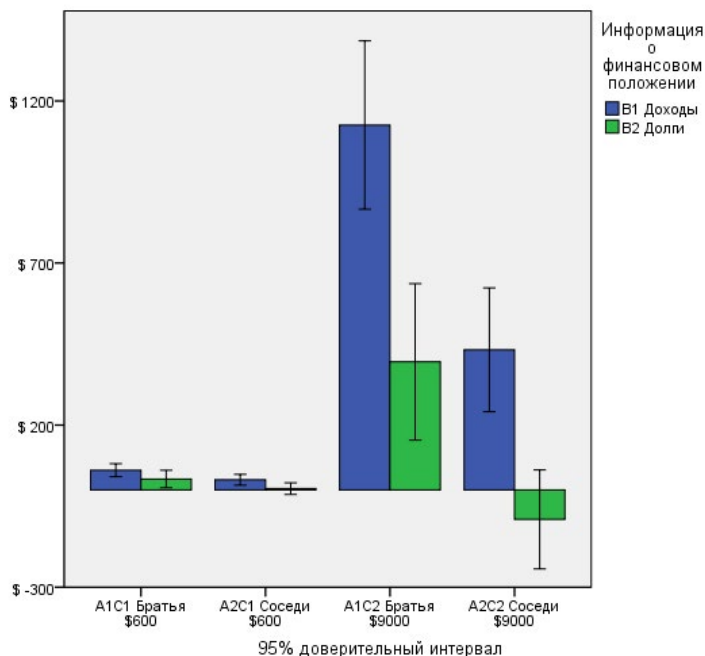

Рисунок 1. Средняя разница между реципиентом, находящимся в наилучшем положении, и реципиентом, находящимся в наихудшем положении

Чтобы оценить основные эффекты и эффекты взаимодействия экспериментальных факторов (то есть информации об отношении родства, финансового контекста и суммы распределяемых издержек) на стратегию распределения участников, был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями с двумя внутрисубъектными и одним межсубъектным факторами.

Согласно данным теста Колмогорова-Смирнова ($p < 0.001$), значения зависимой переменной не распределены нормально. Учитывая, что перекося во всех условиях примерно одинаковый, а также известную устойчивость дисперсионного анализа к нарушению нормальности, если выполнены остальные условия его правильного применения [Glass, Peckham, Sanders, 1972: 247—55], мы считаем оправданным его проведение.

⁹ Исходя из результатов, а также письменных комментариев, которые оставляли участники после выполнения заданий, семеро из них распределяли издержки прямо пропорционально имеющимся у реципиентов долгам. Нам удалось впоследствии связаться с одним из этих участников, который устно подтвердил, что действительно пользовался такой стратегией распределения в данном условии. Стоит отметить, что при исключении этих семи участников из анализа общий паттерн результатов не изменяется.

Несмотря на то, что для условий A1C2 и A2C2 тест Ливена свидетельствует о нарушении предположения о гомогенности дисперсий, приблизительное равенство групп (по 107 или 110 наблюдений в каждой) позволяет использовать дисперсионный анализ с повторными измерениями. К тому же, согласно тесту Моучли, данные удовлетворяют критерию сферичности.

Дисперсионный анализ показал статистически значимый основной эффект для *отношений родства между реципиентами*: $F(1,215) = 61.872$, $p < 0.001$, частный $\eta^2 = 0.223$. Для условий, где реципиенты являются родственниками, оцененное маргинальное среднее разности составляет 403.8 \$, а для условий, где реципиенты являются соседями — 94.2 \$, то есть участники исследования были более склонны распределять издержки в пользу реципиента, находящегося в худшем финансовом положении, в ситуациях, когда реципиенты являлись братьями.

Также статистически значимым оказался основной эффект для способа предоставления информации о финансовом положении реципиентов: $F(1,215) = 21.605$, $p < 0.001$, частный $\eta^2 = 0.091$. Для условий, где предоставлялась информация о доходах реципиентов, оцененное маргинальное среднее разности составило 412.5 \$, а для условий, где предоставлялась информация о долгах реципиентов, — 85.5 \$, то есть при прочих равных, при предоставлении информации о долгах участники исследования были более склонны распределять издержки поровну, нежели в условиях, где предоставлялась информация о доходах.

Кроме того, был выявлен основной эффект для *величины совокупных издержек*: $F(1,215) = 47.719$, $p < 0.001$, частный $\eta^2 = 0.182$. В условиях с *небольшими* совокупными издержками (600 \$) оцененное маргинальное среднее разности составило 32.5 \$, тогда как в условиях с *большими* совокупными издержками (9000 \$) оно составило 465.5 \$ (31.0 \$ если разделить разность на 15, то есть нормировать к сумме издержек в 600 \$; далее под *нормированием* мы понимаем именно это действие). Соответственно при увеличении совокупных издержек участники были более склонны делить их поровну.

Дисперсионный анализ также показал статистически значимый эффект взаимодействия для факторов *отношений родства между реципиентами и величины суммарных издержек*: $F(1,215) = 54.633$, $p < 0.001$, частный $\eta^2 = 0.203$. Оцененное маргинальное среднее разности для братьев-реципиентов при *небольших* издержках равняется 47.3 \$, когда для соседей оно составляет 17.7 \$. При *больших* издержках для братьев оно составляет 760.4 \$ (50.7 \$ при нормировании), тогда как для соседей — 170.7 \$ (11.4 \$ при нормировании). То есть при увеличении суммы распределяемых издержек участники были еще более склонны поровну распределять издержки между соседями.

Также результаты анализа показали статистически значимый эффект взаимодействия для экспериментальных факторов *информации о финансовом положении реципиентов и величины суммарных издержек*: $F(1,215) = 22.886$, $p < 0.001$, частный $\eta^2 = 0.096$. Оцененное маргинальное среднее разности для предоставленной информации о доходах при *небольших* издержках равняется 46.1 \$, когда при предоставляемой информации о долгах оно составляет 18.9 \$. При *больших* издержках при предоставлении информации о доходах оно составляет 778.9 \$ (51.9 \$ при нормировании), тогда как при предоставлении информации о долгах —

152.0 \$ (10.1 \$ при нормировании). То есть при увеличении суммы распределяемых издержек участники были более склонны распределять издержки поровну, если предоставлялась информация о долгах, нежели о доходах.

Эффекта взаимодействия для *отношений родства* между реципиентами и способа предоставления информации о финансовом положении реципиентов выявлено не было.

Эффекты демографических переменных, описывающих наших испытуемых, то есть пола, возраста и уровня образования, проанализированные как межсубъектные факторы, также в данном случае не оказались статистически значимыми, поэтому не рассматриваются далее в статье.

Обсуждение

В первую очередь стоит отметить разнообразие вариантов решения представленных задач на распределение. На каждое из восьми условий приходится от четырех до двенадцати конкретных вариантов распределения, что говорит об отсутствии единомыслия среди участников относительно должной степени неравенства издержек. Это согласуется с результатами других исследований, в которых одинаковые с формальной точки зрения задачи решались по-разному в зависимости от контекста, релевантного для одних участников, и нерелевантного для других [Абрамов, Девятко, Кожанов, 2011: 40; Yaari, Bar-Hillel, 1984: 18]. То, что модальным распределением во всех сценариях оказалось эгалитарное, также соответствует результатам предыдущих исследований, свидетельствующих о приверженности людей к эгалитарному распределению (так называемой эвристике равенства) в случае незначимых или сложных для них социальных контекстов [Van Dijk et al., 1999; Messick, Schell, 1992].

Участники гораздо охотнее использовали эгалитарное распределение в условиях, где реципиентами были соседи, однако чаще пытались компенсировать братьям с меньшим доходом или большими долгами их финансовое положение, распределяя таким образом, чтобы они несли меньшие издержки. Как и ожидалось, данные согласуются с теорией родственного альтруизма, а также результатами, полученными в исследованиях, где изучалось похожее влияние на распределение благ [Абрамов, Девятко, Кожанов, 2011; Peterson, 1975: 126]. Иными словами, влияние родственного альтруизма на восприятие справедливости можно наблюдать как при распределении благ, так и при распределении издержек. Наши данные, однако, не дают возможности прямо оценить различие в размерах эффекта информации о родстве для распределения сопоставимых благ и издержек. Этот вопрос, несомненно, заслуживает отдельного исследования.

Также участники были более склонны считать справедливым отклонение от эгалитарного распределения в сторону максимина в условиях, где предоставлялась информация о доходах, нежели в ситуациях, где была известна информация о долгах реципиентов, что говорит о меньшей желаниии компенсировать реципиентам бедственное положение меньшими издержками в ситуациях, когда известно, что у них большие долги. Данные результаты косвенно свидетельствуют в пользу нашего предположения о том, что долги в большей мере воспринимаются как следствие внутренних причин (таких как неосторожное обращение с личными финансами),

нежели разница в доходах. Другими словами, когда известны доходы реципиентов, то возможность компенсации наименее преуспевающим за счет наиболее преуспевающих рассматривается охотнее, чем в ситуациях, когда известны долги реципиентов. В последнем случае большую популярность набирает эгалитарное распределение издержек, то есть следование принципу «каждый сам за себя».

Более того, как уже упоминалось выше, семеро участников эксперимента даже наказывали заядлых должников большими издержками. В этом случае можно отметить своего рода «эффект Матфея» [Merton, 1968], когда тот, кто исходно обладает меньшими ресурсами, получает меньше таковых в результате распределения, что в нашей ситуации означает, что те, кто находился в менее выгодном финансовом положении, попадают в еще менее выгодное. Несмотря на то, что такая интерпретация также подтверждается комментариями участников эксперимента, возможно альтернативное объяснение таких результатов. Например, информация о долгах может быть интерпретирована таким образом, что большие долги, скажем, по кредиту на машину или ипотеке, могут себе «позволить» скорее состоятельные люди, и поэтому они и должны заплатить либо столько же, сколько и остальные, либо больше. Уточнение специфики восприятия долгов и доходов, а также эффектов, которые они оказывают на восприятие дистрибутивной справедливости, — задача будущих исследований.

Наконец, в условиях, когда совокупная величина издержек была небольшой, участники были более склонны рассматривать компенсаторное распределение как справедливое, в сравнении с условиями, когда величина издержек сильно превышала уровень доходов или долгов реципиентов. Такую логику можно смоделировать с помощью следующего рассуждения: если величина совокупных издержек невелика, то компенсация тем, кто находится в худшем финансовом положении, может быть справедливой, однако при значительном увеличении совокупных издержек, последние как бы уравнивают реципиентов разного достатка, потому что в таком случае *все реципиенты* попадают в тяжелое материальное положение.

Можно также предположить, что при крайне маленьких совокупных издержках, когда говорить о какой-либо компенсации малозначимых затрат будет просто «неприлично», участники, скорее всего, склонялись бы к эгалитарному распределению. Исходя из этого предположения, в будущих исследованиях можно было бы определить нижний порог величины издержек, начиная с которого участники начинают склоняться к максимуму, а также верхний порог, начиная с которого участники снова начнут склоняться к эгалитарному распределению.

Помимо основного эффекта, фактор «величина совокупных издержек» продемонстрировал значимые эффекты взаимодействия с двумя остальными факторами. И в обоих случаях желание компенсировать реципиентам их положение более резко снижается при большей совокупной величине издержек.

Другими словами, небольшие совокупные издержки особенно усиливают предрасположенность компенсировать положение наименее преуспевающих реципиентов-родственников, как и в случае, когда предоставляется информация о доходах реципиентов. И наоборот, большие совокупные издержки еще больше притупляют чувство справедливости, направленное на компенсацию положения

наименее преуспевающих, при распределении издержек между реципиентами, которые не являются родственниками, или когда предоставляется информация о долгах.

В представленном исследовании присутствует ряд ограничений, требующих упоминания при интерпретации результатов. Первое из них касается типа использованных задач. Сама ситуация, когда информация подается очень фрагментарно, в виде краткого описания в форме виньетки, а решение нужно выносить быстро, могла склонять участников достраивать «недостающие» на их взгляд, составляющие ситуации. В пользу этого свидетельствует то, что в разделе комментариев некоторые участники писали, что им приходилось «додумывать» несуществующие детали ситуации, чтобы она стала более жизненной и правдоподобной.

Ограничением может выступать и то, что информация о долгах представлялась как финансовое положение на данный момент, тогда как доход описывался как ежемесячный. В будущих исследованиях стоит попробовать проверить влияние информации о соотношении денег *на данный момент*, например, о получении в наследство разных сумм, а также о наличии долгов, которые есть *прямо сейчас*. Также стоит в дальнейшем попытаться сопоставить ежемесячный доход и обязательные ежемесячные траты, например, зарплату и выплаты по ипотеке.

Некоторым ограничением может выступать и тот факт, что участниками исследования были студенты и аспиранты одного из ведущих вузов страны, и это могло обусловить некоторую специфику результатов. Однако, как отмечают исследователи, проводящие подобные сравнительные исследования в Турции и США, так как целью нашего исследования является не репрезентация населения целой страны, а оценка влияния контекстуальных факторов на результаты, это не должно быть предметом беспокойства [Hysom, Fişek, 2011: 1277]. Мало того, мы видим в такой структуре выборки и некоторые преимущества, поскольку выборка в этом случае более гомогенна, что должно снизить в результатах количество артефактов, возникающих из-за неконтролируемых факторов, связанных с межиндивидуальными различиями участников исследования. К тому же большинство такого рода исследований проводится на студенческих выборках, что выступает некоторой гарантией сопоставимости их результатов. Возможно, следует оговорить то обстоятельство, что описанный в статье эксперимент, как и другие подобные, обладая внутренней валидностью, не претендует, однако, на внешнюю валидность, то есть возможность распространения полученных конкретных значений параметров на другие группы и совокупности. Оценка возможности такого рода обобщений требует репликации результатов исследования на других выборках.

Описанные результаты уточняют наше понимание того, как воспринимается дистрибутивная справедливость с точки зрения арбитра (то есть третьего лица, выносящего предположительно незаинтересованное суждение о должном), под влиянием различных факторов, что, в общем смысле, показывает нам ее контекстуальную природу. Более того, несмотря на большое разнообразие полученных решений, наблюдаемые паттерны говорят о том, что в принципе возможно выявить некоторую общую структуру обыденных нормативных суждений, выразив ее в комплексной объяснительной теории дистрибутивной справедливости. В перспективе это позволит лучше понять, как должны выглядеть справедливые

решения в определенном обществе, чтобы быть ближе к взглядам людей, его составляющих.

Список литературы (References)

Абрамов Р.Н., Девятко И.Ф., Кожанов А.А. Обыденное знание о дистрибутивной справедливости: методическое исследование сравнимости внутрисубъектных и межсубъектных экспериментальных планов и некоторые содержательные результаты // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2011. Т. 10. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 22—43.

Abramov R. N., Devyatko I. F., Kozhanov A. A. (2011) Ordinary knowledge of Distributive Justice: A Methodological Study of the Comparability of Intrasubject and Intersubject Experimental Plans and Some Meaningful Results. In: *Russia Reforming: Yearbook* — 2011. Vol. 10. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. P. 22—43. (In Russ.)

Быков А.В. Теоретико-методологические подходы к изучению альтруизма: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2013. № 37. С. 179—207.

Bykov A. V. (2013) Theoretical and Methodological Approaches for Studying Altruism: A Review. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 37. P. 179—207. (In Russ.)

Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л., Аникин В.А., и др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 2013. 400 с.

Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E., Andreev A. L., Anikin V. A., et al. (2013) What do Russians dream of: ideal and reality. Moscow: The Whole World. 400 p. (In Russ.)

Девятко И.Ф. О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2009. № 29. С. 10—29.

Deviatko I. F. (2009) On Theoretical Models That Explain the Perception of Justice at the Micro, Meso and Macro Levels of Social Reality. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 29. P. 10—29. (In Russ.)

Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории: От классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М.: Весь Мир. 2017. С. 10—42.

Deviatko I. F. (2017) The Concept of Norm in Sociological Theory: From Classical Grounds to New Interpretations of the Nature of Norms and Plurality of Normative Systems. In: *Norms and Morals in Sociological Theory: From Classical Concepts to New Ideas*. Ed. by I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katerny, Moscow: Ves' Mir. P. 10—42. (In Russ.)

- Adams J. S. (1965) Inequity in social exchange. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2. P. 267—299. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60108-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60108-2).
- Alves W. M., Rossi P. H. (1978) Who Should Get What? Fairness Judgments of the Distribution of Earnings. *American Journal of Sociology*. Vol. 84. No. 3. P. 541—564. <https://doi.org/10.1086/226826>.
- Arrow K. J. (1973) Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawls's Theory of Justice. *Journal of Philosophy*. Vol. 70. No. 9. P. 245—263. <https://doi.org/10.2307/2025006>.
- Baron J. (1995) Blind justice: Fairness to groups and the do-no-harm principle. *Journal of Behavioral Decision Making*. Vol. 8. No. 2. P. 71—83. <https://doi.org/10.1002/bdm.3960080202>.
- Bazerman M. H. (1985) Norms of Distributive Justice in Interest Arbitration. *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 38. No. 4. P. 558—570. <https://doi.org/10.1177/001979398503800403>.
- Burnstein E., Crandall C., Kitayama S. (1994) Some neo-Darwinian decision rules for altruism: weighing cues for inclusive fitness as a function of the biological importance of the decision. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 5. P. 773—789. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.67.5.773>.
- Faravelli M. (2007) How context matters: A survey based experiment on distributive justice. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. No. 7—8. P. 1399—1422. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.01.004>.
- Glass G. V., Peckham P. D., Sanders J. R. (1992) Consequences of Failure to Meet Assumptions Underlying the Fixed Effects Analyses of Variance and Covariance. *Review of Educational Research*. Vol. 42. No. 3. P. 237—288. <http://doi.org/10.3102/00346543042003237>.
- Haidt J., Graham J. (2007) When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize. *Social Justice Research*. Vol. 20. No. 1. P. 98—116. <http://dx.doi.org/10.1007/s11211-007-0034-z>.
- Harris R. J., Joyce M. A. (1980) What's fair? It depends on how you phrase the question. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 38. No. 1. P. 165—179. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.38.1.165>.
- Homans G. C. (1958) Social behavior as exchange. *American Journal of Sociology*. No. 63. No. 6. P. 597—606. <http://dx.doi.org/10.1086/222355>.
- Hysom S. J., Fişek M. H. (2011) Situational determinants of reward allocation: The equity—equality equilibrium model. *Social Science Research*. Vol. 40. No. 4. P. 1263—1285. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.02.002>.
- Jasso G. (2006) Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments. *Sociological Methods & Research*. Vol. 34. No. 3. P. 334—423. <https://doi.org/10.1177/0049124105283121>.

- Jasso G., Törnblom K. Y., Sabbagh C. (2016) Distributive Justice. In: *Handbook of Social Justice Theory and Research*. New York: Springer. P. 201—218.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. (1986) Fairness as a Constraint on Profit Seeking: Entitlements in the Market. *The American Economic Review*. Vol. 76. No. 4. P. 728—741.
- Kahneman D., Tversky A. (1984) Choices, Values, and Frames. *American Psychologist*. Vol. 39. No. 4. P. 341—350. <http://dx.doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341>.
- Konow J. (2003) Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories. *Journal of Economic Literature*. Vol. 41. No. 4. P. 1188—1239. <http://doi.org/10.1257/002205103771800013>.
- Liebig S., Sauer C., Friedhoff S. (2015) Using Factorial Surveys to Study Justice Perceptions: Five Methodological Problems of Attitudinal Justice Research. *Social Justice Research*. Vol. 28. No. 4. P. 415—434. <http://dx.doi.org/10.1007/s11211-015-0256-4>.
- Mannix E. A., Neale M. A., Northcraft G. B. (1995) Equity, Equality, or Need? The Effects of Organizational Culture on the Allocation of Benefits and Burdens. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 63. No. 3. P. 276—286. <http://dx.doi.org/10.1006/obhd.1995.1079>.
- Meeker B. F., Elliott G. C. (1987) Counting the Costs: Equity and the Allocation of Negative Group Products. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 50. No. 1. P. 7—15. <https://psycnet.apa.org/doi/10.2307/2786885>.
- Merton R. K. (1968) The Matthew Effect in Science. *Science*. Vol. 159. No. 3810. P. 56—63. <http://doi.org/10.1126/science.159.3810.56>.
- Messick D. M., Schell T. (1992) Evidence for an equality heuristic in social decision making. *Acta Psychologica*. Vol. 80. No. 1—3. P. 311—323. [http://dx.doi.org/10.1016/0001-6918\(92\)90053-G](http://dx.doi.org/10.1016/0001-6918(92)90053-G).
- Messick D. M., Sentis K. P. (1979) Fairness and preference. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 15. No. 4. P. 418—434. [http://dx.doi.org/10.1016/0022-1031\(79\)90047-7](http://dx.doi.org/10.1016/0022-1031(79)90047-7).
- Mummendey A., Simon B., et al. (1992) Categorization is not enough: Intergroup discrimination in negative outcome allocation. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 28. No. 2. P. 125—144. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(92\)90035-I](https://doi.org/10.1016/0022-1031(92)90035-I).
- Northcraft G. B., Neale M. A., et al. (1996) Benefits and burdens: Does it really matter What we allocate? *Social Justice Research*. Vol. 9. No. 1. P. 27—45. <https://doi.org/10.1007/BF02197655>.
- Opp K.-D. (2015) Norms. In: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Vol. 17(26). P. 5—10.

- Peterson C. C. (1975) Distributive Justice within and Outside the Family. *The Journal of Psychology*. Vol. 90. No. 1. P. 123—127. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9923934>.
- Rachlin H., Jones B. A. (2008) Altruism Among Relatives And Non-Relatives. *Behavioural processes*. Vol. 79. No. 2. P. 120—123. <http://doi.org/10.1016/j.beproc.2008.06.002>.
- Rawls J. (2005) Political Liberalism. New York: Columbia University Press.
- Rossi P. H., Anderson A. (1982) The Factorial Survey Approach: An Introduction. In: *Measuring Social Judgments: The Factorial Survey Approach*. Beverly Hills: Sage Publications. P. 15—67.
- Sabbagh C., Schmitt M. (1998) Exploring the Structure of Positive and Negative Justice Judgments. *Social Justice Research*. Vol. 11. No. 4. P. 381—396.
- Sondak H., Neale M. A., Pinkley R. (1995) The Negotiated Allocation of Benefits and Burdens: The Impact of Outcome Valence, Contribution, and Relationship. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 64. No. 3. P. 249—260. <http://dx.doi.org/10.1006/obhd.1995.1103>.
- Sondak H., Tyler T. R. (2012) The Psychology of Markets vs. Hierarchies: The Procedural Fairness of Alternative Allocation Procedures for Benefits and Burdens. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 48. No. 1. P. 310—315. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2011.09.012>.
- Taylor S. E. (1991) Asymmetrical Effects of Positive and Negative Events: the Mobilization-Minimization Hypothesis. *Psychological Bulletin*. Vol. 110. No. 1. P. 67—85. <http://doi.org/10.1037//0033-2909.110.1.67>.
- Törnblom K. (1988) Positive and Negative Allocations: A Typology and a Model for conflicting justice principles. *Advances in Group Processes*. Vol. 5. P. 141—168.
- Törnblom K., Jonsson D. (1985) Subrules of the Equality and Contribution Principles: Their Perceived Fairness in Distribution and Retribution. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 48. No. 3. P. 249—261. <http://dx.doi.org/10.2307/3033685>.
- Törnblom K., Jonsson D. (1987) Distribution vs. Retribution: The Perceived Justice of the Contribution and Equality Principles for Cooperative and Competitive Relationships. *Acta sociologica*. Vol. 30. No. 1. P. 25—52. <https://doi.org/10.1177/000169938703000102>.
- Ullmann-Margalit E. (2006) Family Fairness. *Social Research*. Vol. 73. No. 2. P. 575—596.
- Van Dijk E., Engelen M., et al. (1999) Distributive justice and the allocation of costs, losses, and profits. *Social Justice Research*. Vol. 12. No. 1. P. 5—18. <https://doi.org/10.1023/A:1023222206343>.
- Yaari M. E., Bar-Hillel M. (1984) On Dividing Justly. *Social Choice and Welfare*. Vol. 1. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1007/BF00297056>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.06

Правильная ссылка на статью:

Тарабашкина О. С., Валеева А. А. Почему неполноценное питание продолжает оставаться нормой? Изучение представлений и практик матерей в Бишкеке // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 115—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.06>.

For citation:

Tarabashkina O. S., Valeeva A. A. (2019) Why the insufficient nutrition of children continues to be the norm in Kyrgyzstan? A qualitative study of mothers' attitudes, norms, beliefs and practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 115—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.06>.

О. С. Тарабашкина, А. А. Валеева

ПОЧЕМУ НЕПОЛНОЦЕННОЕ ПИТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ НОРМОЙ? ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПРАКТИК МАТЕРЕЙ В БИШКЕКЕ

ПОЧЕМУ НЕПОЛНОЦЕННОЕ ПИТАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ НОРМОЙ? ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПРАКТИК МАТЕРЕЙ В БИШКЕКЕ

WHY THE INSUFFICIENT NUTRITION OF CHILDREN CONTINUES TO BE THE NORM IN KYRGYZSTAN? A QUALITATIVE STUDY OF MOTHERS' ATTITUDES, NORMS, BELIEFS AND PRACTICES

ТАРАБАШКИНА Ольга Сергеевна — магистр социальных наук, преподаватель, Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), Бишкек, Киргизия

*E-MAIL: tarabashkina_o@auca.kg
<https://orcid.org/0000-0002-4418-2972>*

Olga S. TARABASHKINA¹ — MA, Full-Time Lecturer

*E-MAIL: tarabashkina_o@auca.kg
<https://orcid.org/0000-0002-4418-2972>*

¹ American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic

ВАЛЕЕВА Анастасия Александровна — магистр социальных, политических и исторических наук, преподаватель, Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), Бишкек, Киргизия
E-MAIL: valeeva_a@auca.kg
<https://orcid.org/0000-0001-7577-0331>

Anastasia A. VALEEVA¹ — MA, Full-Time Lecturer
E-MAIL: valeeva_a@auca.kg
<https://orcid.org/0000-0001-7577-0331>

¹ American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic

Аннотация. До настоящего момента в Киргизии не проводилось количественных исследований факторов, влияющих на пищевое поведение детей или на их физическое, когнитивное, эмоциональное и социальное развитие. В представленном в статье качественном исследовании рассматривается роль, которую родители, дедушки и бабушки, другие члены и нечлены семьи, а также маркетинг продуктов питания, социальные нормы и факторы, связанные с детьми, могут играть в пищевом поведении детей. Исследование проведено в Бишкеке весной 2018 г., в двух этапах исследования приняли участие 20 человек. Результаты показали, что у матерей наблюдаются ограниченные знания о правильных методах кормления. Они считают эти знания несущественными и нереализуемыми на практике для постоянного поддержания в долгосрочной перспективе. Участницы продемонстрировали слабое понимание последствий ведения неоптимальной диеты и не понимали, что они будут служить образцом для подражания для своих детей, когда речь идет о потреблении пищи. Согласно полученным качественным данным, принятие решений о практиках кормления основано на идеях о том, что составляет семейный баланс и поддерживает консервативный (традиционный) образ жизни, а не на потребностях и соответствии с нормами возраста ребенка. На практики кормления влияют такие важные факторы, как оперирование недо-

Abstract. Until this point, no qualitative studies in Kyrgyzstan have investigated factors influencing children's dietary behavior or their proper physical, cognitive, emotional and social development. In the qualitative research presented in the article, the author explores the role that parents, grandparents, other family and non-family members, food marketing, social norms, and children-related factors can play in children's nutritional behaviors. The study was conducted in Bishkek in the spring of 2018, 20 informants participated in two stages of the study. The results of this study demonstrate that mothers have limited knowledge of proper feeding methods. They consider this knowledge to be unimportant and its use with continuous maintenance in the long term perspective is impossible. Participants showed little understanding both of the consequences of a non-optimal diet when and that their children would adopt their role model of food consumption. The findings suggest that often parental and grandparental decision-making about feeding and development is formed by a family budget and maintaining a conservative lifestyle, but not by the child's age norms and needs. Feeding practices are influenced by such important factors as the use of incorrect information about the proper child's nutrition, the cultural idiosyncrasies in parent's culture, related to certain types of food, the influence of older family members, which not all

стоверными знаниями о правильном питании ребенка, культурное отношение родителей к определенным группам продуктов, влияние старших членов семьи, которому не все родители могут или хотят противостоять, нецелесообразность правильного питания, отсутствие времени, денег и желания менять привычки.

Ключевые слова: питание, детское недоедание, полноценное развитие, дневник питания, Киргизия

Благодарность. Данное исследование было проведено благодаря помощи американского народа, оказанной через Агентство США по международному развитию (USAID). Авторы несут ответственность за содержание публикации, которая не обязательно отражает позицию USAID или Правительства США. Исследование было проведено в рамках проекта USAID «Построим будущее вместе!», реализуемого Американским университетом в Центральной Азии.

parents able / want to resist, the lack of reason for proper nutrition, the lack of time, money and the absence of desire to change habits.

Keywords: nutrition, Kyrgyzstan, child malnutrition, complete development, food journal

Acknowledgment. The research was made possible by the support of the American people through the United States Agency for the International Development (USAID). The contents are the sole responsibility of the authors and do not necessarily reflect the views of the USAID or the United States Government. This research was funded as part of the USAID Building the Future project implemented by the American University of Central Asia.

Введение

Здоровая нация является прерогативой устойчивого развития и роста всего государства. Несмотря на то, что международные донорские организации реализуют проекты, направленные на повышение уровня осведомленности населения по обогащению пищи, предоставляют субсидии на питание и проводят другие комплексные мероприятия в области питания, доля детей в Киргизии, отстающих в развитии, по-прежнему остается высокой — около 30 % от общего числа детей по всем социо-экономическим слоям. Медико-демографическое исследование Киргизской Республики (МДИКР, 2012)¹. Это означает, что каждый третий ребенок будет всю оставшуюся жизнь отставать в развитии — умственно, психологически или социально — из-за проблем, связанных с питанием.

По данным МДИКР, «сравнивая информацию о состоянии питания по данным МИКО (мульти-индикаторного кластерного обследования) за 2006 г. с результатами МДИКР за 2012 г. очевиден факт, что в целом уровень питания детей в течение последних шести лет существенно не изменился»². Как в 2006 г., так и в 2012 г. 18 % детей в воз-

¹ URL: <https://www.usaid.gov/node/118641> (дата обращения: 09.04.2019)

² URL: <https://www.dhsprogram.com/pubs/pdf/FR283/FR283.pdf> (дата обращения: 09.04.2019)

расте до пяти лет были классифицированы как низкорослые (те дети, которые на -2 SD (стандартных отклонений) ниже медианы референтной группы ВОЗ по данным соотношения роста к возрасту³. Задержка роста отражает кумулятивные последствия хронического недоедания и является наиболее распространенной формой недоразвитости среди детей [de Onis, Frongillo, Blossner, 2000]. Еще у 5% детей отмечается сильная задержка в росте. Процент детей с проблемой низкорослости указывает на общее состояние благополучия детей в стране [de Onis, Frongillo, Blossner, 2000].

Аналогичным образом доля детей, классифицированных как истощенные (низкий вес в соотношении с ростом), не изменилась с 2006 по 2012 гг., оставаясь на уровне 3%. Истощенность — это характеристика текущего состояния питания, и она тесно связана с риском смертности. Один процент детей — каждый из ста — страдает от серьезного истощения, находясь на грани жизни и смерти. Наконец, еще 3% детей имеют недостаточный вес, показатель, который также не улучшился по сравнению с 2006 г. Эти цифры еще более поразительны, если рассмотреть их по квантилям благосостояния населения. Поражает не только то, что между квантилями благосостояния нет существенной разницы в отношении питания детей, но то, что иногда дети из более состоятельных семей имеют более высокие показатели по шкале отставания в весе и росте и общем развитии (см. рис. 1).

Рисунок 1. Доля низкорослых детей и детей, отстающих в развитии, в возрасте до пяти лет, по квантилям благосостояния⁴

Это означает, что у таких детей будут проблемы с развитием речи, общением, изучением математики и других наук. Это также говорит о том, что на их здоровье и производительность оказывается негативное влияние, которое будет длиться всю жизнь⁵.

Сравнивая показатели низкорослости по другим странам Центральной Азии, можно отметить, что Киргизия практически не отличалась от стран-соседей, за исключением Таджикистана (где эти показатели были в два раза выше).

Сравнивая Киргизию с другими странами, в которых показатели низкорослости и отставания в развитии измерялись по той же методологии Медико-демографического индекса (МДИ), мы можем заметить, что неизменные показатели и низкорослости, и общего отставания в развитии во всех квантилях благосостояния — специфическая черта, присущая именно Киргизии.

³ Информация с сайта ЮНИСЕФ: URL: <https://www.who.int/nutgrowthdb/about/introduction/en/index4.html> (дата обращения: 09.04.2019)

⁴ Источник: МДИКР, 2012: URL: <https://www.usaid.gov/node/118641> (дата обращения: 09.04.2019)

⁵ UNICEF. Situational report. Bishkek, Kyrgyzstan. 2011. URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/Situation_analysis_RUS.pdf (дата обращения: 09.04.2019)

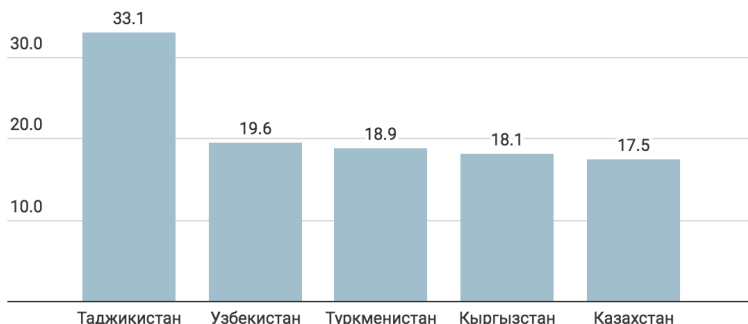
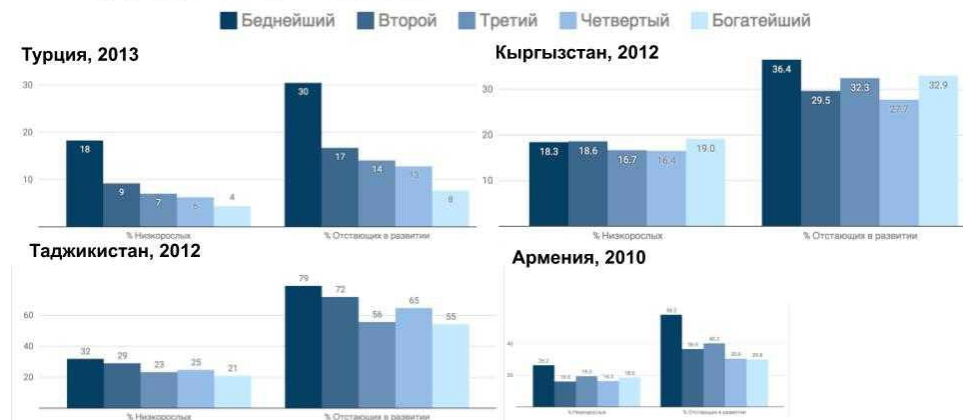

Рисунок 2. Показатели низкорослости среди детей возрасте до пяти лет, в %, 2006 г.⁶

Только в Кыргызстане недоедание распространено независимо от благосостояния

% детей в возрасте до 5 лет, страдающих от низкорослости, и общий % детей, отстающих в развитии, по квинтилям благосостояния

Источник: Медико-демографические исследования

Рисунок 3. Показатели низкорослости и отставания в развитии детей до пяти лет для Киргизии, Турции, Таджикистана и Армении⁷

Проблема состава рациона питания (меньше или больше питательных продуктов) неоднозначна. Чтобы решить проблему недоедания среди детей и матерей, которая в Киргизии остается на уровне международного среднего уровня в 30 %, практикующим врачам, политикам и международным донорским организациям необходимо рассматривать множественные факторы, формирующие практики потребления пищи. Становится очевидным, что одних только знаний о питании

⁶ Источник: WB. Nutrition and Health Database. 1994—2017. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/HNPqintile> (дата обращения: 09.04.2019)

⁷ Источник: МДИ, 2010—2013. Данные взяты из базы данных открытого доступа: URL: <https://dhsprogram.com/what-we-do/survey/survey-display-383.cfm> (дата обращения: 09.04.2019)

недостаточно для того, чтобы матери стали принимать более информированные решения относительно питания для себя и своих детей [Worsley, 2002].

Знают ли семьи в Киргизии о существовании проблемы? Понимают ли они, что их дети будут страдать всю оставшуюся жизнь из-за их (родительского) отношения и установок в питании? Готовы ли они что-то изменить? Крайне важно изучить эти вопросы как можно глубже. Поскольку здоровье является общественным активом для устойчивой экономики, важно понять факторы, которые влияют на выбор продуктов питания и модели пищевого поведения семей. Таким образом, данное исследование предполагает изучение следующих вопросов:

1. Как социальные нормы, убеждения и отношения влияют на материнскую практику в области детского питания?
2. Каковы социальные нормы и отношение к здоровому питанию?
3. Как проявляются среди матерей осознание и беспокойство относительно существующих практик детского питания и последствий несбалансированного питания?
4. Кто в семье принимает решения в отношении питания детей?

Обзор основных источников

Предыдущие исследования в Киргизии фокусировались на документировании показателей недоедания⁸, дефиците микроэлементов и проблемах со здоровьем, связанных с недоеданием⁹. Корреляционных или каузальных исследований не проводилось. Горякин и соавторы [Goryakin et al., 2015] рассмотрели низкий уровень потребления фруктов и овощей в девяти странах СНГ (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия и Украина), используя ограниченный набор индивидуальных (возраст, пол, семейное и социально-экономическое положение) и зональных переменных (реклама фастфуда, расположение магазинов, продающих овощи и фрукты, доступ к точкам общественного питания).

Не было обнаружено исследований в Киргизии, которые рассматривали бы влияние родительских норм, убеждений и отношения к еде и фактического потребления. Хотя паттерны пищевого поведения постоянно фиксируются НСК, имеющиеся данные показывают только агрегированные результаты по недоеданию среди детей — недостаточное потребление по калориям, белкам и жирам по сравнению с нормой (см. табл. 1). Эти данные не предоставляются с разделением по полу и социально-экономическому классу. Более глубокое понимание родительских убеждений относительно рациона питания детей имеет большое значение для разработки и проведения эффективных информационных кампаний и мероприятий различными общественными организациями и государственными органами.

⁸ URL: <https://www.dhsprogram.com/pubs/pdf/FR283/FR283.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).

⁹ URL: UNWFP. (2016). Knowledge, Attitudes and Practices on Micronutrients (KAP report). Bishkek, Kyrgyzstan. (дата обращения: 19.04.2019). См. также URL: <http://stat.kg/ru/publications/informacionnyj-byulleten-kyrgyzskoj-respubliki-po-prodovolstvennoj-bezopasnosti-i-bednosti/> (дата обращения: 19.04.2019).

Таблица 1. Нехватки в суточной норме детей в возрасте от одного до трех лет

	Население (человек)	Ккал в день на душу населения	Белки в день на душу населения/гр	Жиры в день на душу населения/гр
	2016	2016	2016	2016
Кыргызская Республика	451421	1394	38	38
Баткенская область	42082	1341	33	44
Джалал-Абадская область	80499	1319	36	35
Иссык-Кульская область	31523	1289	34	32
Нарынская область	24612	1312	36	31
Ошская область	119852	1500	40	41
Таласская область	15031	1528	40	42
Чуйская область	61041	1433	39	36
г. Бишкек	51887	1307	37	33
г. Ош	24893	1437	37	42
Суточные потребности		1661	62	59
Баланс		-267	-24	-21

Источник: НСК. Информационный Бюллетень КР по продовольственной безопасности и бедности (2016)¹⁰.

Могут ли знания о пищевой ценности продуктов менять пищевое поведение?

Знания играют не столь значительную, но важную роль в выработке более здоровых пищевых привычек [Worsley, 2002]. Но, вопреки этому мнению, исследование проекта SPRING USAID в Киргизии¹¹ подчеркивает значительные улучшения в пищевых привычках после проведения определенных информационно-образовательных инициатив в Джалалабадском и Джумгалском районах. Согласно же Уорсли [Worsley, 2002: 579], основные факторы, влияющие на выработку пищевых привычек, — это «экологические и внутриличностные факторы, в том числе мотивации». По его утверждению, чтобы понять различные типы пищевого поведения,

¹⁰ URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/informacionnyj-byulleten-kyrgyzskoj-respubliki-po-prodovolstvennoj-bezopasnosti-i-bednosti/> (дата обращения: 06.04.2019).

¹¹ SPRING in the Kyrgyz Republic: Evidence of Significant Improvement in Nutrition Practices. <https://www.spring-nutrition.org/publications/briefs/spring-kyrgyz-republic-evidence-significant-improvement-nutrition-practices> (дата обращения: 06.04.2019).

надо принимать во внимание личные цели, пищевые привычки, восприятие ответственности и способность приобретать знания. Эти факторы считались важными и учитывались в рамках разработки инструментов для данного исследования.

Исследования причин и факторов, влияющих на проблемы с недоеданием детей, многочисленны, но фокусируются на странах Африки, Южной Америки и Азии. Среди факторов, приводящих к детскому недоеданию и недоразвитости, перечислены условия развития плода, инфекционные болезни (корь, коклюш, кишечные инфекции), вес ребенка при рождении, низкий уровень иммунизации, несоответствующие бытовые и гигиенические условия, неправильное поведение родителей и их неполноценная забота, неправильные методы прикорма и другие социально-экономические и культурные факторы [Al-Dabbagh, Ebrahim, 1984; Rayhan, Hayat Khan, 2006; de Onis, Frongillo, Blossner, 2000]. По мнению ученых, в каждом обществе есть свои специфические дополнительные риски. Уровень недоедания среди детей до пяти лет, в свою очередь, является важным индикатором экономического статуса нации [de Onis, Frongillo, Blossner, 2000].

Несмотря на то, что обсуждаемая проблема существует во многих развивающихся странах, исследования рассматривают влияние ограниченного набора переменных (такие как показатели по здоровью, демографические и экономические факторы), что дает неполное понимание и знание о проблеме и требует новых исследований.

Обзор основных теорий

Данное исследование основывается на теории социального научения (ТСН) [Bandura, 1986]. Данный подход основан на изучении того, как матери и дети приобретают поведенческие навыки (готовить, перекусывать, кормить, планировать), а также на исследовании общих социальных ценностей, влияющих на специфическое пищевое поведение. ТСН полагает, что поведение человека обусловлено как внешними, так внутренними факторами. А. Бандура [Bandura, 1986] утверждает, что поведение человека по большей части формируется наблюдаемыми моделями. Дети наблюдают модели, представленные им в их непосредственной социальной среде, и чаще всего усваивают поведенческие паттерны родителей [Bandura, 2002]. ТСН также объясняет, как отдельные люди следуют общим социальным нормам, поскольку они выбирают из моделей поведения в своем окружении. Перед тем как совершить осознанное действие, индивидум должен сравнить поведение с моделью, которую он считает приемлемой (социальная проверка) [Bandura, 2002]. Средства массовой информации могут изменить убеждения и ценности человека, дать искаженное представление о норме, о продукте или поведении. Они могут также создавать и укреплять социальную норму потребления здоровой еды, о чем свидетельствует опыт Японии, ее маркетинг и программы в области сбалансированного питания, направленные на оздоровление нации.

Основные материалы по вопросу о родительском влиянии на паттерны пищевого потребления детей рассматриваются ниже. В рамках исследования выявлены четыре основных направления влияния: 1) доступность продуктов дома, 2) создание модели потребления пищи, 3) родительский контроль и обучение, 4) социально-демографические характеристики. Эти направления были измерены

в предыдущих исследованиях (см. ниже) с использованием метода количественных исследований.

Во-первых, родители выбирают еду и ее количество, доступное ребенку [Birch, Fisher, 1998]. В ряде исследований подчеркивается связь между физической доступностью продуктов в домашних условиях (конфеты и чипсы/соленые закуски и другие категории нездоровой еды, а также фрукты и овощи) и детским потреблением этих продуктов [Cullen et al., 2003; Reynolds et al., 1999]. Хьюгс и соавторы [Hughes et al., 2005] подчеркивают важность доступности, разнообразия и повторного приема продуктов питания при создании и укреплении пищевых привычек среди детей раннего возраста, где «...семья представляет собой основной контекст для обеспечения продуктами питания, ресурсами и возможностями, необходимыми для здорового развития» [Wake et al., 2007]. На этапе интервью был задан ряд вопросов для изучения ассортимента продуктов, доступных для ребенка.

Во-вторых, дети копируют привычки питания людей, с которыми сидят за столом, и в первую очередь родителей [Birch, Fisher, 1998]. Эмпирические данные демонстрируют положительную корреляцию между присутствием всех членов семьи во время приема пищи, благоприятной домашней средой и более частым потреблением фруктов и овощей, а также общим качеством питания [Gillman et al., 2000; Stanek, Abbott, Cramer, 1990].

В-третьих, исследования доказали, что чем выше уровень знаний о питании у матерей, тем выше уровень знаний у детей, а также их общее диетическое разнообразие [Vereecken, Maes, 2010]. В других исследованиях сделаны неоднозначные выводы о том, как связаны материнские знания и образование, информированность и качество детского рациона питания [Gibson et al., 1998; Zive et al., 1998].

В-четвертых, возраст, пол, семейный и социально-экономический статус, уровень образования и вес обоих родителей были изучены в многочисленных количественных исследованиях на предмет значительных/незначительных взаимосвязей (см. [Zive et al., 1998; Birch, Fisher, 1998]). Но результаты данных исследований слишком многообразны для обсуждения в рамках данного проекта.

Концептуальная основа

Пища является жизненно важным источником питания и поддержания жизни [Rapport, 2003]. Но если пища предоставляет насыщение только через «пустые калории», которые не имеют питательной ценности, то жизненно важные системы организма будут постепенно истощаться. И наоборот, если человек пытается получить питательные вещества только из пищевых добавок и витаминов, а не из продуктов, организм будет голодать [Savage King, Burgess, Osei, 2016]. Таким образом, питание — это «потребление пищи, взятое в расчет на основании диетических потребностей организма» [Есеманова и др., 2011]. Хорошее питание — адекватная, сбалансированная диета в сочетании с регулярной физической активностью — является краеугольным камнем хорошего здоровья. Плохое питание может привести к снижению иммунитета, повышенной восприимчивости к заболеваниям, ухудшению физического и умственного развития и снижению работоспособности¹².

¹² WHO. Nutrition. 2018. URL: <http://www.who.int/topics/nutrition/en/> (дата обращения: 06.04.2019)

Под питанием имеется в виду сама пища и ее составляющие: белки, жиры и углеводы (также известные как макроэлементы), которые восстанавливают ткани и жидкостные системы организма и поставляют энергию из калорий в качестве топлива для любой активности [Есеманова и др., 2011]. Получение достаточного количества питательных веществ может быть сложным, так как некоторые родители могут не понимать, что их дети страдают от недоедания, из-за отсутствия достаточных знаний о продуктах питания, которые могли бы обеспечить необходимый уровень питательных веществ, соответствующий потребностям их детей. Следовательно, речь идет не только о том, сколько ребенок ест, но и о том, что он ест.

В основе этого исследования лежит разработанная Фишбен и Айзен [Fishbein, Ajzen, 1975] концепция, согласно которой отношения и нормы считаются важной частью механизмов поведения для матерей. Отношение определяется как «степень благоприятной или неблагоприятной оценки относительно объекта или поведения» [Grier et al., 2007: 224]. Отношение является важным понятием в социальной психологии и зачастую используется в исследованиях, направленных на изучение процессов создания перемен и влияний в обществе [Petty, Cacioppo, 1982]. Социальные нормы определены как «общие представления о поведении и охватывают все социальное влияние, которое включает воспринимаемое индивидуумом влияние общества на потребительское поведение» [Grier et al., 2007: 224]. Социальные нормы можно разделить на два типа: 1) субъективные нормы, включающие в себя восприятие того, что человек должен делать под влиянием убеждений людей, которых он или она считает важными, и 2) описательные нормы, связанные с восприятием поведения людей, важных для человека [Grier et al., 2007: 224]. Фишбен и Айзен [Fishbein, Ajzen, 1975] подчеркивают, что чем выше одобрение конкретного поведения со стороны других людей, тем более доминирующим становится это поведение.

Методология

Для получения достоверных данных и точности понимания паттернов поведения, исследование было проведено в несколько этапов с использованием качественных методов сбора информации — структурированных дневников самонаблюдения и полуструктурированных интервью [Veal, 2005].

Этап 1 — Заполнение дневника питания

Разработка инструмента

Первый этап исследования был направлен на измерение качества рациона питания детей от одного до трех лет. Были собраны данные о пищевых привычках детей, потреблении ими питательных групп продуктов, схемах питания, доступности и разнообразии потребляемых продуктов. Для этого исследователи разработали дневники питания, которые матери детей заполняли в течение семи дней¹³. Матерям предписывалось фиксировать время основных приемов пищи и перекусов,

¹³ Во время первой встречи участникам были даны четкие устные инструкции о том, как заполнять дневники. Пилотный тест, проведенный до сбора основных данных, показал, что семь дней представляли собой адекватные временные рамки (более семи дней считалось обременительным для матерей). На третий день заполнения дневника осуществлялся контрольный звонок респондентке с целью удостовериться, что матери не испытывают проблем при заполнении дневника.

с кем совместно ест ребенок, а также указывать наличие телевизора или других аудио- и видеоустройств во время еды. О количестве потребленной пищи было рекомендовано сообщать, измеряя граммы, миллилитры или размеры порции в ложках.

Для анализа данных использовалась концепция оптимального питания Всемирной организации здравоохранения, упрощенная Стюартом и Томпсоном [Stewart, Thompson, 2015], а также таблицы, разработанные Министерством здравоохранения КР, КГМА и НЦОМД [Скурихина, Волгарева, 2011]. В концепции ВОЗ¹⁴ приведены минимальные показатели диетического разнообразия, частоты приема пищи и приемлемого рациона питания детей. Согласно ВОЗ, разнообразная диета детей определяется наличием в ней продуктов из пяти групп: 1) крахмалосодержащие продукты; 2) яйца, мясные и рыбные продукты, бобовые, орехи и семена; 3) молочные продукты; 4) фрукты и овощи и 5) продукты с высоким содержанием насыщенных жиров, сахара и соли. Потребление макроэлементов (углеводов, жиров/масел, белков и воды) сопоставлялось с нижней и верхней границами порций для оптимального питания, предложенными ВОЗ. Оценка потребления микроэлементов осталась за рамками текущего исследования, исключающего столь подробный анализ.

Исследовательская группа провела консультации с главным экспертом Киргизской государственной медицинской академии им. И. К. Ахунбаева в области норм питания, чтобы подтвердить правильность измерения приема пищи по основным группам. Для того чтобы питание ребенка считалось полноценным, дневник питания должен был показать, что критерии адекватного питания удовлетворены по всем пяти группам. Любое потребление продуктов питания, которое не соответствовало требованиям, установленным ВОЗ, было классифицировано как неоптимальное (или как отсутствие достаточных питательных веществ)¹⁵. Если в дневнике говорилось о грудном вскармливании, это учитывалось как соответствие стандартам и рекомендациям ВОЗ¹⁶.

Отбор участниц исследования

Дети в возрасте от одного года до трех лет находятся в процессе перехода на твердую пищу¹⁷. В Киргизии у детей этого возраста регистрируются высокие показатели недоедания¹⁸. В силу того, что основное время с детьми проводят матери, которые готовят им еду и отвечают за кормление, целевой группой данного исследования стали женщины, имеющие по меньшей мере одного ребенка в возрасте от одного года до трех лет.

¹⁴ URL: https://www.spring-nutrition.org/sites/default/files/countries/factsheets/spring_kr_fact_sheet_october_2017_eng.pdf (дата обращения: 06.04.2019)

¹⁵ WHO. Indicators for assessing infant and young child feeding practices. 2008. URL: http://www.who.int/maternal_child_adolescent/documents/9789241596664/en/ (дата обращения: 06.04.2019).

¹⁶ Больше индикаторов для оптимального детского питания см. http://www.who.int/maternal_child_adolescent/documents/9789241596664/en/ (дата обращения: 06.04.2019).

¹⁷ *SPRING in the Kyrgyz Republic: Evidence of Significant Improvement in Nutrition Practices*. (дата обращения: 06.04.2019). <https://www.spring-nutrition.org/publications/briefs/spring-kyrgyz-republic-evidence-significant-improvement-nutrition-practices> (дата обращения: 06.04.2019).

¹⁸ МДИКР. 2012: URL: <https://www.usaid.gov/node/118641> (дата обращения: 09.04.2019).

Диапазон родительского возраста определялся на основе последних данных НСК¹⁹, согласно которым средний возраст, когда женщины рожают первого ребенка, составляет 23 года, тогда как средний возраст женщин, родивших в 2016 г. (независимо от порядка рождения ребенка), был 28 лет. Чтобы иметь более широкий охват, возрастные рамки были установлены в диапазоне от 20 до 49 лет.

Семьи среднего класса были отобраны²⁰, чтобы получить данные именно по респондентам этого стратификационного слоя и выявить наиболее типичные распространённые нормы и убеждения среди матерей. Кроме того, около 30% детей из семей среднего класса развиваются неполноценно — показатель, который не сильно отличается от других квантилей благосостояния. Следовательно, с точки зрения показателей недоедания группа среднего класса считается представительной по стране. Из-за ограниченного финансирования и качественного характера данного исследования, основным местом для полевых работ был выбран Бишкек. Несмотря на то, что это город, где за чертой бедности живет наименьшее количество населения, показатель детского недоразвития в Бишкеке выше, чем общенациональный²¹.

Выборка участниц проводилась методом снежного кома (неслучайный метод выборки).

Цели, сроки и условия исследования были объяснены всем участницам до начала первого этапа научной работы. Все респондентки дали формальное согласие на участие в исследовании и получили материальную компенсацию за участие.

Сбор данных проводился в марте-апреле 2018 г., то есть в весеннее время, когда наблюдается дефицит питательных веществ и витаминов и отмечается повышение цен на продукты питания²². Пять интервью были проведены в домах участниц, дети присутствовали при интервью в трех случаях. Остальные пятнадцать интервью проводились в общественных местах (кафе, офисы, где работают мамы).

Этап 2 — Интервью

Второй этап состоял из проведения полуструктурированных интервью с матерями, заполнившими дневники на первом этапе проекта. Целью второго этапа было исследование факторов, влияющих на пищевые практики матерей, и как они, в свою очередь, влияют на подходы к созданию рациона питания детей. Было разработано руководство для интервью, которое охватило следующие темы: пищевые предпочтения семьи; пищевые привычки ребенка; знания о питании; отношение к здоровой и нездоровой еде; информированность о проблемах, связанных

¹⁹ Женщины и мужчины Кыргызской республики. 2012—2013. С. 23. URL: <http://stat.kg/media/publicationarchive/55e1c899-52ed-4748-baa5-43a95901403a.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).

²⁰ Принадлежность к среднему классу определялась респонденткой при ответе на вопрос о субъективной шкале благосостояния из исследовательского проекта Всемирного обзора ценностей (<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>), которая широко используется для социологических и экономических исследований в Киргизии. Эта шкала проверена при измерении социального класса. Прямые вопросы о ежемесячном доходе семьи были исключены во время процесса отбора для обеспечения конфиденциальности и нечувствительности респондентки к процессу отбора на начальных этапах.

²¹ НСК. Информационный Бюллетень КР по продовольственной безопасности 2016. <http://stat.kg/media/publicationarchive/1639c79b-bd81-4ab7-9dae-761626e62111.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).

²² Информационный бюллетень Кыргызской республики по продовольственной безопасности и бедности. НСК КР. URL: <http://stat.kg/media/publicationarchive/1639c79b-bd81-4ab7-9dae-761626e62111.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).

с питанием и здоровьем ребенка; ролевое моделирование пищевого поведения: отношение к нормам/рекомендациям. Мы также использовали результаты анализа дневников, чтобы дополнить дискуссию о пищевых нормах и убеждениях.

Вопросы об отношении и социальных нормах были адаптированы из предыдущих исследований [Bagozzi et al., 2000, Fishbein, Ajzen 1975]. Кроме того, были разработаны переменные по общей оценке питания, употребленного в течение последних 24 часов, с использованием шкалы Лайкерта (где 1 = «полностью не согласен» и 10 = «полностью согласен»). Полуструктурированные интервью состояли из 60 вопросов.

Для измерения демографических данных участницы дополнительно заполнили краткий опросник, включавший вопросы о возрасте, уровне образования, занятости, профессии, семейном положении, а также о числе и возрасте их детей. Все интервью были записаны, анонимность участниц сохранена. Интервью проводились профессиональными интервьюерами с использованием звукозаписывающей техники. Средняя продолжительность одного интервью составляла 75 минут. Для анализа использовался дедуктивный тематический подход, поскольку перед началом исследования были обозначены направления для исследования, которые были дополнены/ исправлены после проведения пилотажного исследования.

Результаты исследования

Характеристики участниц

В исследовании приняли участие 20 матерей (средний возраст — 30 лет). Подавляющее большинство матерей (19 из 20) имели законченное высшее образование. Из 20 респонденток 17 были замужем, 2 были разведены, а одна участница никогда не состояла в браке. Пять женщин на момент исследования еще продолжали грудное вскармливание. Данные дневников предоставили информацию о питании 9 девочек и 12 мальчиков в возрасте от одного до трех лет. В 13 семьях за детьми частично или полностью присматривали старшие члены семьи. Двое детей ходили в детский сад и у двоих детей были няни. Только три участницы самостоятельно воспитывали детей, без чьей-либо помощи (см. табл. 2).

Таблица 2. *Характеристики участниц*

Общая выборка (n = 20)	
Возраст матери (годы) (среднее)	30
Уровень образования	
Полное высшее	19
Неполное высшее	1
Занятость	
Трудоустроены	7
В декретном отпуске	13

Семейное положение	
Замужем	17
Не замужем	3
Возраст ребенка (среднее)	1 г 10 м
Пол ребенка	
Девочка	9
Мальчик	12
Присутствие других детей в семье	
Нет более детей	10
Еще один ребенок	6
Еще два ребенка	4
Общее количество взрослых членов семьи (среднее)	3

Результаты анализа дневников (1 этап)

Общая оценка дневников питания показывает, что пищевые привычки детей неоптимальны и покрывают только часть из необходимого ребенку рациона. 12 матерей давали своим детям слишком много углеводов и крахмалосодержащих продуктов. Семь матерей давали детям слишком много сладких или жирных продуктов. Пять матерей давали слишком много черного чая, пакетированного сока или газированных напитков, в результате чего их дети потребляли меньше питательных веществ и больше сахара. В некоторых случаях детям предлагались одни и те же продукты питания в течение трех или более дней подряд. Ни один дневник не соответствовал нормам питания ВОЗ в полной мере. Две матери, у которых были дети с пищевой аллергией, продемонстрировали практически идеальные пищевые дневники, за исключением противопоказанных детям продуктов.

Когда на втором этапе исследования участницам были предоставлены результаты анализа дневников с указанием на недоедание детьми определенных групп продуктов, в частности овощей и фруктов, и превышение норм других, многие не увидели в этом проблемы. Под конец интервью большинство участниц остались при убеждении, что рацион питания их детей более или менее соответствуют пищевой пирамиде СИНДИ²³, что на самом деле не отражает действительности. Лишь немногие признали, что они не применяют надлежащие пищевые практики, и решили, что нужно что-то менять. Некоторые матери с готовностью согласились с тем, что их дети недоедают, а их диеты далеки от оптимальных.

²³ Пищевая пирамида, разработанная в рамках одной из программ ВОЗ, помогающая выбрать группы пищевых продуктов, необходимых для здорового питания.

Результаты анализа интервью (2 этап)

По результатам анализа интервью представляется возможным сделать несколько выводов. Большинство матерей были осведомлены в общих чертах о существовании норм для питания детей, но ни одна респондентка не смогла назвать конкретную норму (например, по потреблению белка) для своего ребенка в его возрасте; они отмечали, что нормальным является разнообразие, повторение, режим, отсутствие добавок и минимальная (химическая и термическая) обработка. Однако, обладая минимальными теоретическими знаниями о правильном питании, матери проявили неготовность к применению их на практике и к получению полной информации. Барьером на пути к этому служили недостоверные знания о правильном питании, отношение родителей к определенным группам продуктов, влияние старших членов семьи, которому не все родители могут или хотят противостоять, культурные особенности диеты, отсутствие времени и денег и некоторые другие факторы, о которых речь пойдет ниже.

Тема 1: Знания родителей

Отсутствие достоверной и авторитетной информации

В рамках обсуждения «правильных» принципов и норм питания респондентки выражали скепсис по отношению к матерям, которые следуют нормам ВОЗ или опираются на другие международные источники. Опрошенные отзывались о таких матерях как о фанатичных или слишком тревожных. В целом участницы были более склонны доверять себе и старшим родственникам, чем врачам, другим матерям или международным нормам. Обмен мнениями и идеями между матерями казался большинству бесполезным занятием, поскольку «все зависит от ребенка», «ребенок сам знает, что есть» и «нет правильного и неправильного» в питании.

Общее убеждение в том, что чужой ребенок — это чужая ответственность, распространялось и на рекомендации педиатров. Многих врачей критиковали за то, что они предоставляли общедоступную информацию без оглядки на индивидуальность ребенка («врачи дают одинаковые советы сотням разных детей»). В целом восприятие врачей как экспертов в вопросе кормления было скорее отрицательным. Очень немногие участницы доверяли врачам и их мнениям. Другие, как Респондентка 8, пытались полагаться на информацию или консультации за пределами кабинета врача, в том числе на мнения консультантов по грудному вскармливанию (КГВ)²⁴, друзей и родственников:

«Когда у нас зубы чуть-чуть поздно начали лезть, педиатр: «Ой, поздно, и все такое, давайте ей кальций, давайте то». Я считаю, что у ребенка до года могут спокойно только начинать лезть зубы, поэтому, в общем, было несколько моментов, когда мнение педиатра расходилось с моим, и поэтому особого авторитета как бы нету. Я, конечно, говорю, что да, принимаем все, делаем, дабы не создавать конфликт <...> Я это все

²⁴ Несколько лет назад в Бишкеке возникла новая направленность. Небольшие КГВ-группы из Бишкека, обучившиеся в Алматы, начали обучать матерей Бишкека нормам и стандартам надлежащего грудного вскармливания и практикам введения прикорма, а также просвещать их на различные другие темы, касающиеся здоровья ребенка и матери. У каждого консультанта есть группы в социальных сетях, куда входит до нескольких сотен матерей.

изучаю в интернете, обсуждаю со своей мамой, с мамой мужа» (Респондентка 8, 26 лет, 1 ребенок).

Вместе с тем в редких случаях матери отмечали, что информация в интернете и на различных форумах изобилует заблуждениями, а уровень осведомленности некоторых участников групповых обсуждений может быть низким и не заслуживающим доверия.

Отсутствие знаний об угрозах для здоровья, вызванных неправильным питанием

Исследуемая группа матерей продемонстрировала пробелы в знаниях о питательной ценности некоторых продуктов. Большинство не осознавали важности ежедневного потребления овощей и фруктов в силу того, что недооценивали их питательность. С другой стороны, они могли воспринимать национальные напитки максым и бозо²⁵ как «очень питательные», хотя на самом деле те не содержат большого количества питательных веществ [Скурихина, Волгарева, 2011].

Участниц спрашивали, знают ли они об угрозах для здоровья детей, которые вызывает несбалансированная диета, отсутствие различных питательных веществ, и представляют ли они, что питание в детстве оказывает влияние на качество последующей, взрослой, жизни. Угрозы здоровью детей были признаны только половиной матерей, однако они не интересовались, о каких именно последствиях могла идти речь, так как желали «избежать ненужного стресса». Среди респонденток практически отсутствовало понимание долгосрочного влияния детского питания. Те участницы (4/20), которые осознавали потенциальные проблемы развития, считали, что в случае приверженности принципам правильного питания их дети не будут соответствовать социальным нормам.

Низкий аппетит детей также не вызывал опасений среди исследуемых матерей. Хотя некоторые участницы (6/20) выразили озабоченность по поводу небольшого количества еды, которую потребляли их дети, большинство из них согласилось, что серьезных поводов для беспокойства нет, так как «ребенок лучше знает, что нужно есть». Это восприятие альтернативно идее «я как родитель знаю лучше». Точка зрения о том, что дети сами себе эксперты в питании, подкреплялась ничем не обоснованным убеждением, что в будущем дети начинают исправлять огрехи рациона питания, употребляя больше полезных продуктов. Убеждения родителей, альтернативные принятым позициям ВОЗ, заслуживают отдельного обсуждения в следующем разделе.

Тема 2: Убеждения родителей относительно полезной и неполезной пищи

Определяя степень полезности продукта, респондентки имели тенденцию отделять пищу по способу приготовления (вареное, печеное и приготовленное на пару в противовес жареному), сроку годности (консервированные, пастеризованные, упакованные в тетрапак), наличию добавленной соли и сахара и происхождению (местный — импортный). Участницы назвали неполезными следующие группы продуктов: фастфуд, закуски, сладости, газированные напитки, полуфабрикаты; содержащие крахмал; с большим количеством соли или сахара, со специями и добавками.

²⁵ Максым — киргизский национальный напиток, приготовленный на основе злаковых культур (ячмень, кукуруза, пшеница, просо). Бозо — слабоалкогольный национальный напиток на основе солода и злаковых культур.

Культурные нормы как фактор, влияющий на рацион питания

Несмотря на то, что крахмалосодержащие продукты, а также продукты, содержащие много сахара и соли, были названы в числе бесполезных, многие участницы исследования признавали, что именно такие продукты питания они часто дают своим детям. Они считали, что это проблемная привычка, которую невозможно сломать, поскольку она была унаследована от предыдущих поколений и долгой истории употребления в пищу мяса, макарон, картофеля и хлеба.

Основной движущей силой отсутствия изменений в рационе питания была названа инерция и культурная традиция. Несколько респондентов прямо заявили, что у многих родителей нет времени беспокоиться о здоровье своих детей, так как в семье их несколько, и «так или иначе они вырастут, как это делали все до них». Некоторые респонденты откровенно заявляли, что не хотят быть восприняты остальными членами общества как одержимые в отношении питания, потому как это «ненормально». Здоровое питание было описано некоторыми как «еда без вкуса», содержащая мало соли, специй и добавок, что тоже не является культурной нормой.

Оценка происхождения продуктов

При оценке полезности пищи участницы часто оперировали категориями «местное и импортное». Импортным продуктам отводилась роль бесполезных, некачественных или сомнительных:

“Местное лучше, чем привозное. Лучше есть морковку с огурцом и капустой. Я сомневаюсь в ананасах и авокадо. Я считаю, лучше есть яблоки” (Респондентка 19, 30 лет, возраст ребенка 1 год 11 месяцев).

Учитывая, что все респондентки проживали в Бишкеке, то измерение «городское-сельское» было дополнительным в их оценке продуктов питания. Товары, купленные в торговых сетях столицы, так же, как и импортные, признавались менее качественными. Некоторые участницы считали, что живущие в городах дети потребляют менее полезную еду, чем проживающие в сельской местности. Вместе с тем существовала и альтернативная точка зрения, что дети в сельской местности имеют меньше разнообразия в продуктах питания и легкий доступ к более дешевым и более вредным для здоровья продуктам в местных магазинах.

Если в отношении неавтохтонных продуктов, вроде ананасов и авокадо, у участниц не было сомнений, что они привозные, то контролировать происхождение яблок, картофеля или других более привычных для Киргизии плодов для участниц не представлялось возможным. В результате они предпочитали не задумываться об этом вовсе:

“Выбирать не приходится, потому что невозможно достать там с грядки, мы же живем не на земле и не выращиваем овощи какие-то. <...> Если, конечно, сильно зацикливаться, то можно вообще и не жить. Поэтому, в принципе, довольны” (Респондентка 14, 26 лет, 1 ребенок).

Средний балл по десятибалльной шкале Лайкерта в отношении оценки полезности пищи, употребленной семьей в течение последних 24 часов, показал, что оценка была позитивной (средний балл 6 из 10, где 1 был «абсолютно бесполезно», а 10 — «очень полезно»). Участницы уточнили, что оценка могла бы быть выше,

если бы они приготовили другую пищу и были уверены, что продукты выращивались в Киргизии.

Отношение к пищевым добавкам и витаминам

Поскольку в качестве целевой группы были выбраны семьи среднего класса, мы ожидали, что у них будут финансовые ресурсы, чтобы тратить их на витамины и добавки, если это необходимо или желательно. Во время проведения исследования только две участницы давали своим детям витамины. Еще две участницы давали пробиотические добавки.

В целом у десяти матерей было выраженное негативное отношение к пищевым добавкам и витаминам («зачем эта химия?»). Только у двух участниц отношение было положительным. Все матери были убеждены в том, что витамины и пищевые добавки необходимо потреблять тогда, когда у ребенка проявляются признаки заболевания, например выпадение волос, судороги, анемия, усталость и т. п. Респондентки считали, что назначать витамины и добавки должны врачи.

Один из многих примеров взаимоисключающих идей о питании демонстрирует анализ повествования одной участницы (Респондентка 5): она утверждала, что сомневается в качестве местных фруктов, овощей и других продуктов, но соглашалась с тем, что эти же продукты содержат достаточное количество питательных веществ и витаминов и никакие добавки не нужны. Парадоксально и убеждение, что витамины приносят «слишком много хлопот».

Экономическая нецелесообразность здорового питания

Участницы исследования полагали (13/20), что все, полезное для здоровья, либо дорого стоит, либо требует большого вложения труда и времени и в конечном счете не оправдывает усилий, так как не будет полностью съедено. Нехватка времени сама по себе была названа в качестве одного из наиболее важных факторов:

«Я читаю про более полезную еду, но готовлю то, что побыстрее можно приготовить. У меня трое детей и муж. На выходных я угождаю и балую мужа, готовлю то, что он любит. <...> Мне просто лень что-то готовить отдельно для детей, честно... Если я готовлю чечевично-брокколевый суп, а рядом будут стоять манты, то суп пропадет, никто его не съест» (Респондентка 19, 30 лет, возраст ребенка 1 год 11 месяцев).

Тема 3: Практики родителей в отношении еды

Исполнение прихотей

Основной тенденцией в пищевом поведении матерей было потакание желаниям ребенка. Только четыре респондентки практиковали умеренное питание с ограничениями в сладком и вредном. Из этих четырех матерей только одна строго придерживалась стандартов ВОЗ и других норм. В целом участницы не продемонстрировали специальных усилий для обучения детей потреблению большего количества фруктов или овощей и ограничению потребления неосновных продуктов — богатых сахаром и жиром с высоким содержанием калорий, но малой пищевой ценностью. Респондентки сообщали, что в тех случаях, когда дети отказывались от определенной пищи, родители обычно легко сдавались, редко пытаясь повторно вводить эту пищу в другой форме (запеченной или смешанной

с другими продуктами). Некоторые матери регулярно давали детям пищу с высоким содержанием карбоната натрия:

«Когда я пришла <сегодня> домой, я сначала дала ему черный чай, потом колу. Он выпил 3—4 пиалки, около 800 миллилитров. Он просто обожает колу (смеется). Когда он ее видит, он забывает про все на свете. И я счастлива (смеется). Я знаю, что она вредная. Но... когда я сама пью колу, жизнь меняется» (Респондентка 13, 28 лет, возраст ребенка 1 год 8 месяцев).

Зачастую неосновные продукты использовались матерями в качестве вознаграждения или успокоения ребенка. Привычки питания, практикуемые во многих семьях, приучают детей рассматривать нездоровую еду как объекты желания. Матери демонстрировали отсутствие навыков, потребностей и мотивации в том, чтобы менять пищевое поведение ребенка. Многие (14/20) участницы утверждали, что они пытались ограничить потребление бесполезных продуктов, скрывая их, покупая в меньшем количестве или прося родственников не давать их детям, но попытки не увенчались успехом. Некоторые матери перекладывали ответственность на детский сад и школу, надеясь, что в будущем эти учреждения изменят привычки ребенка в еде.

Отсутствие родительской ответственности

Общая картина, наблюдаемая среди всех респонденток, характеризуется нежеланием или неспособностью матерей как основных воспитателей культивировать привычки потребления здоровой еды. Чаще всего они объясняют это просто — «по экономическим и культурным причинам». Только в случае аллергии и некоторых других проблем со здоровьем детей (респондентки 1, 18) матери выдерживали более здоровые и ограничительные диеты. В остальных случаях дети питались за общим столом с родителями, которые не придерживались принципов здорового питания. Нездоровая еда потребляется в киргизских семьях в количествах, значительно превышающих рекомендуемые нормы в сутки²⁶.

Согласно различным авторам, дети, как правило, перенимают пищевые привычки своих родителей [Stewart, Thompson, 2015, Grier et al. 2007]. Многие участницы исследования сами не потребляли рыбу, бобовые и овощи, поэтому их дети также были лишены данных продуктов. Однако большинство матерей (17/20), участвовавших в исследовании, не согласились с тем, что они прививают детям свои нездоровые пищевые привычки. Также было заметно отсутствие управления питанием в широком кругу семьи. Респондентка 5 привела наглядный пример: ее свекровь, страдающая диабетом и дисфункцией поджелудочной железы, никак не ограничивала рацион и продолжала питаться ненадлежащим образом (жирное, жареное, сладкое), что наносило ей постоянный вред, но не останавливало ее.

Таким образом, из исследуемых матерей только три осознавали свою ответственность в создании благоприятных образцов поведения в процессе социализации детей.

²⁶ НСК. Информационный Бюллетень КР по продовольственной безопасности (2016). <http://stat.kg/media/publicationarchive/1639c79b-bd81-4ab7-9dae-761626e62111.pdf> (дата обращения: 06.04.2019); *SPRING in the Kyrgyz Republic: Evidence of Significant Improvement in Nutrition Practices*. <https://www.spring-nutrition.org/publications/briefs/spring-kyrgyz-republic-evidence-significant-improvement-nutrition-practices> (дата обращения: 06.04.2019).

Тема 4: Атмосфера во время принятия пищи

Влияние старших членов семьи

Подчинение старшим членам семьи обязательно в патриархальных киргизских семьях, где невестке обычно отводится субмиссивная роль [Ибраева, 2006; Kleinbach, Salimjanova, 2007]. Однако же, как показало исследование, влияние пожилых членов семьи на привычки питания варьировалось от сильного до полного отсутствия.

В целом участниц можно было разделить на две категории. Матери из первой группы проявляли уступчивость и податливость в семье, другие были независимыми и своевольными. Для шести респонденток пожилые родственники имели значительный вес в принятии решений относительно рациона питания. Многие матери (10/20) чувствовали себя обязанными следовать рекомендациям старших родственников, вместе с которыми они проживали и вели хозяйство, чтобы не создавать напряженности или из уважения к их знаниям и опыту. Отношение более уступчивых матерей можно резюмировать следующим образом:

«Невозможно же постоянно сопротивляться, устаешь от этого и сдаешься, потому что это выматывает» (Респондентка 2, 27 лет, возраст ребенка 1 год 8 месяцев).

Более независимые матери полагались на себя в решениях и действиях в области питания, уделяя меньше внимания тому, что думали старшие члены семьи, и заставляя их подчиняться своим требованиям и решениям:

«Помню, свекровь что-то дала, когда ребенку было 8 месяцев, началась реакция со стулом. В общем, были последствия. Муж с ней поговорил и попросил, чтобы она ничего самостоятельно не давала, а давала только <то>, что я приготовлю. После этого конфликтов не было. Я готовлю — она кормит» (Респондентка 8, 26 лет, возраст ребенка 1 год 1 месяц).

Хотя именно старшие члены семьи считались ответственными за чрезмерные нездоровые перекусы, лишь четыре участницы исследования признали, что они сопротивлялись их влиянию и запрещали все, что не было согласовано с ними. Шесть матерей из двадцати вынуждены были уступать влиянию старшего поколения, не пытаясь устанавливать свои правила. Так, Респондентка 2 рассказала о случае, когда у ее ребенка был рахит. Педиатр назначил капли кальция, но свекровь сказала, что курдючный жир решит проблему. Она также сказала, что курдючный жир давали детям с древних времен, и что с ребенком все будет нормально без таблеток.

Подчинение старшим является примером киргизской культурной нормы, которая также влияет на пищевые привычки. Вкупе с отсутствием контроля за собственным питанием неудивительно, что в вопросах питания матери редко идут наперекор старшему поколению.

Заключение

Данное исследование ставило целью изучение социальных норм, установок, убеждений и практик, а также барьеров к улучшению практик кормления детей в Киргизии. Эта информация может стать полезной для обсуждения социальной политики с точки зрения ранее малоизученных перспектив. Так, исследование выявило широко распространенные, взаимосвязанные сети убеждений и причин,

которые и провоцируют нездоровые практики питания детей в Киргизии. В дополнение результаты исследования предлагают рассмотреть вопрос с психологической точки зрения, принять во внимание социальный маркетинг и интервенции общественных и государственных учреждений.

Данное исследование дает полноценную структуру для изучения родительского поведения, которое мало способствует нормальному и полноценному питанию ребенка, предоставляя новые знания для государственных и негосударственных учреждений Киргизии, родителей и врачей. В нем рассматривается роль, которую родители, дедушки и бабушки, другие члены и нечлены семьи, а также маркетинг продуктов питания, социальные нормы и факторы, связанные с детьми, могут играть в пищевом поведении детей.

Изучая влияние ранее нерассмотренных сознательных и поведенческих аспектов родителей в сочетании с влиянием других агентов и внешних факторов (старшие члены семьи, врачи, коллеги и «другие» люди; маркетинг и реклама продуктов питания, а также их наличие и качество), исследование дает подробное объяснение факторов, связанных с пищевым поведением детей.

Предыдущие эмпирические исследования говорят о том, что дети учатся пищевым моделям в течение первых лет формирования личности (1—5 лет), и влияние родителей имеет решающее значение в этом процессе [Hughes et al., 2005; Fisher et al., 2002; Patrick, Nicklas, 2005; Pearson, Biddle, Gorely, 2008; Stewart, Thompson, 2015; Wake et al., 2007]. Раннее детство также представляет собой важный период для развития пищевых предпочтений, будь то правильные или неправильные [Birch, 1999]. Многие хронические заболевания развиваются в течение десятилетий и уходят корнями в детство²⁷. Недавние международные исследования в отношении последствий для здоровья детей подчеркивают многофакторный характер процессов, влияющих на паттерны в детском питании [Livingstone, Helsper, 2004].

В настоящее время в Киргизии нет количественных исследований о факторах, влияющих на пищевое поведение детей или на их надлежащее физическое, когнитивное, эмоциональное и социальное развитие. Международные исследования дают нам ряд важных указаний относительно того, что на самом деле влияет на пищевые предпочтения родителей и детей. К ним относятся география и местоположение, доступность продуктов, реклама, факторы внутри семьи (доход, количество детей, уровень образования родителей, социально-экономический класс), средства массовой информации, культура и ценности, доминирующие в обществе.

Исследование предлагает обзор общих отношений к норме. Естественно, что на каждое убеждение респондентки было альтернативное убеждение другой, либо же точки зрения расходились. Данное исследование не ставило целью установить причинно-следственные связи, и поэтому не ставит задачей собрать и объяснить расхождения в точках зрения. Каждая респондентка и ее семья уникальны, и нет такой «практики» или «отношения», которое объединило бы всех респонденток в одну группу.

²⁷ CSPI (Center for Science in the Public Interest). *Pestering Parents: How Food Companies Market Obesity to Children*. 2003.

Подведение результатов исследования, тема за темой выявляло противоречие между тем, что респондентки знают и во что они верят, и тем, что они делают. Большинство матерей придерживаются привычного и консервативного пути, который не допускает новые методы питания. Экономическая и социально-культурная ситуация, в которой живет семья, не позволяет перейти на более здоровое и сбалансированное питание для себя и своих детей.

Исследование обнаружило, что причины неправильного кормления детей были преимущественно косвенными (нехватка времени и денег, сезонность и доступность продукции, домашние хлопоты, неприоритетность здоровой еды, отсутствие желания и стимула попробовать что-то новое, неспособность быть более авторитетной и дисциплинированной) и добровольными (проявление беззаботности, инертности, спокойствия и равнодушия к нормам и рекомендациям; вера в то, что с питанием все в порядке).

Был отмечен низкий уровень осведомленности о продуктах и их пищевой ценности, а также о количестве пищи, которое должен принимать ребенок по основным категориям продуктов питания (ВОЗ). Низкий уровень знаний может существенно снизить способность родителей обеспечивать ребенку оптимальное питание [Stewart, Thompson, 2015]. Поэтому знания родителей о рекомендациях по питанию играют ключевую роль в их способности противостоять негативному влиянию других членов семьи и других людей и предотвращать неправильное питание ребенка. Родители должны проявлять достаточную осведомленность и понимание, чтобы противостоять рекламе и чужой тактике убеждений и влияний, если они не соответствуют интересам ребенка [Harris et al., 2009].

Исследование показало, что у матерей наблюдаются крайне ограниченные знания о правильных методах кормления. Они считают эти знания несущественными и нереализуемыми на практике для постоянного поддержания в долгосрочной перспективе. Участницы продемонстрировали слабое понимание последствий ведения неоптимальной диеты и того, что они будут служить образцом для подражания своим детям [Branen, Fletcher, 1999]. Ролевое моделирование является важным путем влияния, формирующим пищевые предпочтения детей [Benton, 2004]; осознание и принятие этого эмпирически доказанного факта должно быть усилено среди всех членов семьи, которые участвуют в процессе воспитания детей.

Согласие и следование рекомендациям старших членов семьи все еще преобладает в семьях, в результате чего матери дают детям продукты, которых обычно следует избегать, чтобы не нанести вред здоровью. Старшие члены семьи в значительной степени способствуют сохранению семейного и культурного гомеостаза. Обоих родителей вынуждают придерживаться традиций и норм. Это может дать некоторое объяснение сохраняющимся трудностям в реализации различных инициатив, связанных с пищей и питанием в Киргизии. Значительное влияние на здоровье и питание ребенка оказывают старшие члены семьи и общество, поэтому их также необходимо учитывать в планировании методов по изменению ситуации.

Полученные качественные данные свидетельствуют о том, что принятие решений о практиках кормления основано на идеях о том, что составляет семейный баланс и поддерживает консервативный (традиционный) образ жизни, а не на потребностях и соответствии с нормами возраста ребенка.

В обществе, по мнению участниц исследования, считается, что правильное питание связано с более высокими затратами и сопутствующими проблемами (дополнительное время на поездки, поиск рецептов, дополнительное планирование). Здоровое питание воспринимается в обществе как труднодостижимое и даже как невозможное для местной (киргизской) жизни. Витамины и добавки получили невысокую оценку, так как родители полагали, что продукты, которые они покупают, содержат достаточное количество питательных и необходимых для развития ребенка веществ. Однако современные исследования доказали, что продукты не обеспечивают полноценного питания, поскольку они стали фундаментально и безвозвратно беднее по содержанию в них витаминов и минералов²⁸. Поэтому необходимо срочно менять устаревшие родительские убеждения и отношения, которые передавались из поколения в поколение, если желателен какой-либо прогресс в сокращении доли недоедающих и отстающих в развитии детей в Киргизии. Угроза здоровью детей и негативные последствия в их будущем должны быть подчеркнуты во всех материалах, коммуникации и программах, направленных на широкую общественность.

Большинство респонденток могут быть описаны как снисходительные или разрешительные в своем стиле воспитания (низкие требования и высокие пожелания просьбам детей), «характеризующиеся теплом и принятием в сочетании с отсутствием контроля над поведением детей» [Stewart, Thompson, 2015: 71]. Эмпирическая литература предполагает, что этот тип воспитания не способствует оптимальному питанию или развитию ребенка. Поскольку родители не могут измениться и, по-видимому, не хотят меняться, трудно ожидать изменения результатов для ребенка. Такие программы, как «СПРИНГ», финансируемая USAID, преодолевают этот разрыв и пытаются влиять на матерей через весомых членов сообщества. Но вопрос непрерывности финансирования всегда будет актуален в проекте такого масштаба, поэтому длительность эффекта остается неясной после прекращения программы.

Исследование показывает, что более позитивные социальные нормы о фаст-фудах, низкий уровень родительских знаний и заботы о питании, недостаточное количество информации о здоровой еде, восприятие того, что потребление менее здоровой еды социально приемлемо и одобряемо, а также отрицательная оценка матерями норм и рекомендаций, разработанными ВОЗ или другими для руководства по практике кормления ребенка, связаны с более частым потреблением ряда нездоровых продуктов и неоптимального пищевого поведения. Постоянные коммуникации внутри и вне семьи могли бы повлиять на эти убеждения, нормы и практики.

Список литературы (References)

Есеманова М., Кочкорова Ф., Саржанова К. Давидова Л. Рекомендуемые нормы потребления продуктов питания для разных возрастных групп в Кыргызской Республике. Министерство Здравоохранения, Кыргызская Государственная

²⁸ Scheer R., Moss D. (2011). Dirt Poor: Have Fruits and Vegetables Become Less Nutritious? Scientific American. URL: <http://www.scientificamerican.com/article/soil-depletion-and-nutrition-loss/> (дата обращения: 10.04.2019)

Медицинская Академия и Национальный Центр по Охране Материнства и Детства. Бишкек. 2011.

Esenamanova M., Kochkorova F., Sarjanova K., Davidova L. (2011). Recommended norms for Food Consumption for Various Age Groups in Kyrgyz Republic. МоИ, KSMA and NSPMC. Bishkek. (In Russ.)

Ибраева Г. Брачные стратегии в Кыргызстане: поколение отцов и детей. Бишкек : Салам. 2006.

Ibraeva G. (2006). Marriage Strategies in Kyrgyzstan: Generation of fathers and children. Bishkek, Salam. (In Russ.)

Скурихина И., Волгарева М. (2011). Химический Состав Пищевых Продуктов. Приложение. Бишкек.

Skurihina I., Volgareva M. (2011). The Chemical Composition of Foods. Appendix. Bishkek. (In Russ.)

Al-Dabbagh A., Ebrahim G. (1984). The Preventable Antecedents of Childhood Malnutrition. *Journal of Tropical Pediatrics*. Vol. 30. No. 1. P. 50—52. <http://dx.doi.org/10.1093/tropej/30.1.50>.

Bagozzi R., Wong N., Abe S., Bergami M. (2000). Cultural and Situational Contingencies and the Theory of Reasoned Action: Application to Fast Food Restaurant Consumption. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 9. No. 2. P. 97—106. <https://doi.org/10.1207/15327660051044187>.

Bandura A. (1986). *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, N.J: Prentice-Hall.

Bandura A. (2002). Social Cognitive Theory of Mass Communication. In: J. Bryant and D. Zillman (Eds.). *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Hillsdale, NJ: Lawrence. P. 121—155

Benton D. (2004). Role of Parents in the Determination of the Food Preferences of Children and the Development of Obesity. *International Journal of Obesity*. Vol. 28. No. 7. P. 858—869. <https://doi.org/10.1038/sj.ijo.0802532>.

Birch L. (1999). Development of Food Preferences. *Annual Review of Nutrition*. Vol. 19. No. 1. P. 41—62. <https://doi.org/10.1146/annurev.nutr.19.1.41>.

Birch L., Fisher J. (1998). Development of Eating Behaviours among Children and Adolescents. *Pediatrics*. Vol. 101. No. 3. P. 539—549.

Branen L., Fletcher J. (1999). Comparison of College Students' Current Eating Habits and Recollections of Their Childhood Food Practices. *Journal of Nutrition Education*. Vol. 31. No. 6. P. 304—310. [https://doi.org/10.1016/s0022-3182\(99\)70483-8](https://doi.org/10.1016/s0022-3182(99)70483-8).

Cullen K., Baranowski T., Owens E., Marsh T., Rittenberry L., de Moor C. (2003). Availability, Accessibility, and Preferences for Fruit, 100% Fruit Juice, and Vegetables Influence Children's Dietary Behavior. *Health Education & Behavior*. Vol. 30. P. No. 5. 615—626. <https://doi.org/10.1177/1090198103257254>.

De Onis M., Frongillo E., Blossner M. (2000). Is malnutrition declining? An analysis of changes in levels of child malnutrition since 1980. *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 78. No. 10. P. 1222—1233. <http://dx.doi.org/10.1590/S0042-96862000001000008>.

Fishbein M., Ajzen I. (1975). *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Fisher J., Mitchell D, Smiciklas-Wright H., Birch L. (2002). Parental influences on young girls' fruit and vegetable, micronutrient, and fat intakes. *Journal of American Diet Association*. Vol. 102. No. 1. P. 58—64. [https://doi.org/10.1016/s0002-8223\(02\)90017-9](https://doi.org/10.1016/s0002-8223(02)90017-9).

Gibson E., Wardle J., Watts C. (1998). Fruit and Vegetable Consumption, Nutritional Knowledge and Beliefs in Mothers and Children. *Appetite*. Vol. 31. No. 2. P. 205—228. <https://doi.org/10.1006/appe.1998.0180>.

Gillman M., Rifas-Shiman S., Frazier A., Rockett H., Camargo C., Field A., Berkey C., Colditz G. (2000). Family Dinner and Diet Quality among Older Children and Adolescents. *Archives of Family Medicine*. Vol. 9. No. 3. P. 235—240. <http://dx.doi.org/10.1001/archfami.9.3.235>.

Goryakin Y., Rocco L., Suhrcke M., Roberts B., Mckee M. (2015). Fruit and vegetable consumption in the former Soviet Union: the role of individual- and community-level factors. *Public Health Nutrition*: Vol. 18. No. 15. P. 2825—2835. <http://www.doi.org/10.1017/S1368980015000105>.

Grier S., Mensinger J., Huang S., Kumanyika S., Stettle N. (2007). Fast-Food Marketing and Children's Fast-Food Consumption: Exploring Parents' Influences in an Ethnically Diverse Sample. *Journal of Public Policy and Marketing*. Vol. 26. No. 2. P. 221—235. <https://doi.org/10.1509/jppm.26.2.221>.

Harris J., Brownell K., Bargh J. (2009). The Food Marketing Defense Model: Integrating Psychological Research to Protect Youth and Inform Public Policy. *Social Issues and Policy Review*. Vol. 3. No. 1. P. 211—271. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2009.01015.x>.

Hughes, S., Power, T., Fisher, J., Mueller, S., & Nicklas, T. (2005). Revisiting a neglected construct: parenting styles in a child-feeding context. *Appetite*. Vol. 44. No. 1. P. 83—92. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2004.08.007>.

Kleinbach, R., Salimjanova, L. (2007). Kyz ala kachuu and adat: non-consensual bride kidnapping and tradition in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. Vol. 26. No. 2. P. 217—233. <http://dx.doi.org/10.1080/02634930701517466>.

Livingstone S., Helsper E. (2004). Advertising foods to children: Understanding promotion in the context of children's daily lives. A review of the literature prepared for the Research Department of the Office of Communications (OFCOM). URL: <http://eprints.lse.ac.uk/21757/> (дата обращения: 10.04.2019).

- Patrick H., Nicklas T. (2005). A Review of Family and Social Determinants of Children's Eating Patterns and Diet Quality. *Journal of American College of Nutrition*. Vol. 24. No. 2. P. 83—92. <https://doi.org/10.1080/07315724.2005.10719448>.
- Pearson N., Biddle S., Gorely T. (2008). Family Correlates of Fruit and Vegetable Consumption in Children and Adolescents: A Systematic Review. *Public Health Nutrition*. Vol. 12. No. 2. P. 267—283. <https://doi.org/10.1017/s1368980008002589>.
- Petty E., Cacioppo J. (1982). *Attitudes and Persuasion: Classic and Contemporary Approaches*. Dubuque, Iowa: W.C.: Brown Co. Publishers.
- Rappoport L. (2003) *How we eat: appetite, culture, and the psychology of food*. ECW Press, Toronto.
- Rayhan I., Hayat Khan, S. (2006). Factors Causing Malnutrition Among Under Five Children in Bangladesh. *Pakistan Journal of Nutrition*. Vol. 5. No. 6. P. 558—562. <http://dx.doi.org/10.3923/pjn.2006.558.562>.
- Reynolds K., Hinton A., Shewchuk R., Hickey C. (1999). Social Cognitive Model of Fruit and Vegetable Consumption in Elementary School Children. *Journal of Nutrition Education*. Vol. 31. No. 1. P. 23—30. [https://doi.org/10.1016/s0022-3182\(99\)70381-x](https://doi.org/10.1016/s0022-3182(99)70381-x).
- Savage King F., Burgess A., Osei K. (2016). *Nutrition for Developing Countries*. 3rd edition. Oxford University Press.
- Stanek K., Abbott D., Cramer S. (1990). Diet Quality and the Eating Environment of Preschool Children. *Journal of the American Dietetic Association*. Vol. 90. No. 11. P. 1582—1584.
- Stewart L., Thompson J. (eds.) (2015). *Early Years Nutrition and Healthy Weight*. 1st ed. Chichester, West Sussex, UK: Wiley Blackwell.
- Wake M., Nicholson J., Hardy P., Smith K. (2007). Preschooler Obesity and Parenting Styles of Mothers and Fathers: Australian National Population Study. *Pediatrics*. Vol. 12. No. 6. P. e1520—1527. <https://doi.org/10.1542/peds.2006-3707>.
- Worsley T. (2002). Nutrition knowledge and food consumption: can nutrition knowledge change food behavior? *Asia Pacific Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 11. No. 3. P. S579-S585. <https://doi.org/10.1046/j.1440-6047.11.supp3.7.x>.
- Veal A. J. (2005). *Business Research Methods: A Managerial Approach* (2 ed.). South Melbourne: Pearson Addison Wesley.
- Vereecken C., Maes L. (2010). Young Children's Dietary Habits and Associations with the Mothers' Nutritional Knowledge and Attitudes. *Appetite*. Vol. 54. No. 1. P. 44—51. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2009.09.005>.
- Zive M., Frank-Spohrer G., Sallis J., McKenzie T., Elder J., Berry C., Broyles S., Nader P. (1998). Determinants of Dietary Intake in a Sample of White and Mexican-American Children. *Journal of the American Dietetic Association*. Vol. 98. No. 11. P. 1282—1289. [https://doi.org/10.1016/s0002-8223\(98\)00288-0](https://doi.org/10.1016/s0002-8223(98)00288-0).

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.07

Правильная ссылка на статью:

Мукомель В. И. Крым в ожидании перемен: социально-экономический контекст // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 141—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.07>.

For citation:

Mukomel V. I. (2019) Crimea in expectation of changes: socio-economic context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 141—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.07>.

В. И. Мукомель КРЫМ В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

КРЫМ В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ

CRIMEA IN EXPECTATION OF CHANGES:
SOCIO-ECONOMIC CONTEXT

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: mukomel@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7896-0261>

Vladimir I. MUKOMEL¹ — Dr. Sci. (Soc.), Chief Research Fellow, Head of Department of Migration and Integration Studies

E-MAIL: mukomel@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7896-0261>

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу наиболее актуальных и значимых для крымчан проблем, реакции на них разных социально-демографических и этнических групп, сдвигов в

Abstract. In this article, the author presents the analysis of problems that the inhabitants of Crimean consider as their most pressing and most important problems. The article also deals with

общественных настроениях крымских жителей. В статье последовательно анализируются: состояние межнациональных отношений; тренды социально-экономического развития региона и уровня жизни населения; взаимосвязь экономических и политических проблем; трансформация экономической среды и институтов; бенефициары и материально проигравшие после 2014 г. слои населения; перспективы и факторы изменений в общественных настроениях в ближайшие годы.

Политическое противостояние, принимавшее форму межэтнического, осталось в прошлом. На первый план вышли социально-экономические вопросы, актуализировавшие проблемы выживания. В сложном экономическом положении оказались все социально-демографические группы, за исключением пенсионеров и госслужащих. Проблемы взаимодействия «материковых» и крымских элит, опасения грядущих переделов рынков и сфер влияния, наложившиеся на сложности перехода в российское правовое поле (сложности с кредитами, постоянно меняющееся законодательство, устаревшие системы бухгалтерского учета и банковского обслуживания), создают не лучший бизнес-климат в Крыму, особенно для малого бизнеса. Недовольство населения вызывает российская бюрократическая машина, кадровая чехарда, коррупция, симбиоз власти и бизнеса. Крымчане отмечают, что они оказались в худшем положении по сравнению с другими россиянами, так как санкции отразились на них больше, чем на жителях других территорий.

Если в первые годы после присоединения Крыма ключевым запросом

reactions of various socio-demographic and ethnic groups to these problems and social sentiments of the Crimean inhabitants. The author analyzes: the state of interethnic relations; trends in the socio-economic development of the region and the standard of living of the population; interrelation of economic and political problems; the transformation of the economic environment and institutions; beneficiaries and materially losers after 2014; prospects and factors that will determine shifts in public sentiments and attitudes in forthcoming years. The political conflict that acquired the form of inter-ethnic confrontation now is history. Socio-economic issues that have actualized the problems of survival have come to the fore. All socio-economic groups, except old age pensioners and government employees, have found themselves in a difficult economic plight. Problems of interaction between elites that migrated to Crimea from "the continent" and local, Crimean elites, apprehensions about forthcoming redistribution of the market and repartition of spheres of influence that overlap the difficulties of transition to the Russian legal terrain (problems with loans, permanent change of laws, obsolete systems of accounting and banking service) create not the best business climate in Crimea, particularly for small business. The population's discontent is caused by the Russian bureaucratic machine, staff turmoil, corruption, symbiosis of power and business. Inhabitants of Crimea note that they have found themselves in a worse situation than other Russians because the sanctions imposed by the West affected them harder than other Russian territories. If in the first years after inclusion of Crimea the key request was the request for stability, then now

был запрос на стабильность, то сейчас вызревают новые потребности — в перспективах, переменмах. Крымский мост и трасса «Таврида» символизируют новые ожидания, радикальные позитивные изменения в уровне жизни крымчан. Но сложно предсказать, как возросшая мобильность крымчан, всплеск трудовых миграций и переселений из Крыма, особенно жителей восточного побережья, скажутся на ситуации на рынке труда, занятости в Крыму. В заключении автор приходит к выводу, что в 2019 г. обозначатся новые вызовы, и в числе первоочередных — эрозия позитивных ожиданий крымчан. В статье использованы данные качественных социологических исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН летом 2017 г.

Ключевые слова: социальные настроения, уровень жизни, экономическая адаптация, социальная адаптация, институты, межэтнические отношения, бизнес-среда, доходы населения, потребительские цены, крымские татары

new requirements are ripening: requirements for prospects, for changes. The Crimean bridge and route “Taurida” are the symbols of new expectations, radical positive changes of the Crimean population’s living standards. However, it is difficult to predict how the increased mobility of Crimean inhabitants, upsurge of labor migrations and resettlements from Crimea (resettlements of people who live on the eastern coast of the peninsula in particular), will affect the situation at the labor market and with employment in Crimea. In the end, the author comes to the conclusion that year 2019 will define new challenges and one of the first challenges will be the erosion of the Crimean people’s positive expectations. In this article used the data of qualitative sociological studies conducted by the Institute of Sociology of FCTAS RAS during the summer of 2017.

Keywords: social sentiments, living standards, economic adaptation, social adaptation, institutions, business environment, incomes of population, consumer prices, interethnic relations, Crimean Tatars

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации — беспрецедентный социальный эксперимент, не имеющий аналогов в истории современной России. Прошедшие после «крымской весны» годы кардинально изменили ситуацию в Крыму. Институциональные преобразования во всех сферах социально-экономической жизни, вкупе с изменившейся внутри- и внешнеполитической повесткой, повлияли на повседневную жизнь крымчан. Какие проблемы наиболее актуальны и значимы для них? Как на них реагируют разные социально-демографические и этнические группы? В какой мере изменения социальных и экономических условий жизни сказались на самочувствии и общественных настроениях жителей Крыма?

Итоги президентских выборов в Крыму впечатляют, но явка не была очень высокой — при том что поддержка курса на интеграцию с Россией крайне высока, а российская идентичность является консолидирующим фактором для большинства крымчан. Не следствие ли это усталости, тех сложностей социально-

экономического развития региона, с которыми столкнулись крымчане в своей повседневной жизни? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена настоящая статья, в которой использованы данные качественных социологических исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН летом 2017 г.¹ и текущей статистики Росстата.

Политическая напряженность и актуальность вопросов межнациональных отношений

Политическое противостояние, принимавшее форму межэтнического [Мукомель, Хайкин, 2016], осталось в прошлом. Мониторинговые исследования фиксируют позитивный тренд в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений [Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017: 163, 172; Бродовская и др., 2018: 27].

Проблема межнациональных отношений, как единодушно отмечали эксперты, ушла с повестки дня: «острота национальных противоречий значительно снизилась» (Эксперт 7), «эта проблема... не на виду сегодня» (Эксперт 5). Экспертам вторят участники крымско-татарских фокус-групп, фиксирующих, что эта проблема не является топовой:

- На последнем [месте].
 - Ну это не является проблемой вообще (ФГ 1, крымские татары).
 - Я тоже думаю — на последнем.
 - ...Где-то в конце там (ФГ 3, крымские татары).
- Участники русских фокус-групп с ними солидарны:
- На последнем [месте].
 - Это не проблема.
 - Да, конечно (ФГ 6, русские).

Во-первых, и это главное, на первый план вышли социально-экономические вопросы, актуализировавшие проблемы выживания, безотносительно этнической принадлежности и, скорее, объединяющие население:

- Пока низкие зарплаты, высокие цены, нам не до этого.
- Хоть что-то нас объединяет (ФГ 7, русские).
- Это не самое нехорошее, что тут происходит (ФГ 8, русские).

Во-вторых, выработались определенные механизмы межэтнического взаимодействия: «Как-то выработалось неосознанное коллективное поведение, что надо что-то делать для того, чтобы ничего не было...» (Эксперт 2).

В-третьих, наряду с межгрупповыми коммуникациями трансформировались механизмы межличностных коммуникаций, люди научились избегать ситуаций, способных перерасти в конфликт: «...Будете обходить эти моменты... потому что ты хочешь остаться с этим человеком в хороших отношениях» (ФГ 8, русские).

В-четвертых, и общины, и власти стали ответственнее подходить к купированию потенциальных конфликтов. Например, во время кризисной ситуации

¹ Исследования включали восемь фокус-групп (ФГ), проведенных с крымско-татарской молодежью и молодежью, принадлежащей к этническому большинству (условно «русским», так как среди участников этих фокус-групп были, наряду с русскими, несколько молодых людей от смешанных браков с армянскими, украинскими и белорусскими корнями), а также семь экспертных интервью. Подробнее см.: [Межэтническая напряженность..., 2017: 4—6]. Ниже курсивом выделена прямая речь экспертов и участников фокус-групп.

после расстрела одним из крымских татар скорой помощи в Симферополе (2015 г.²).

В-пятых, изменились приоритеты крымчан, особенно крымских татар, для которых на первый план вышла частная жизнь: *«Народ понял, что есть какие-то процессы, на которые мы в конечном итоге влиять не можем или можем, но это приведет к каким-то жертвам. Приоритеты в развитии... своей культуры, воспитании детей... есть что-то вечное, то, что в наших руках — наша культура, наши семьи, дети, близкие люди»* (ФГ 5, крымские татары).

Общая оценка ситуации: ожидания и реалии

Прошедшие после «крымской весны» годы существенно изменили не только объективные условия повседневного существования крымчан, но и их восприятие произошедших событий. В первое время царила всеобщая эйфория, базировавшаяся на резком росте зарплат (в первую очередь бюджетников) в 2014 г. — тогда граница с Украиной была прозрачной, имела хождение гривна, крымчане ощущали реальный рост доходов:

«Простимулировали, было хорошо поначалу... простимулировали» (ФГ 1, крымские татары).

«Когда был вот этот переходный период, было очень выгодно, особенно бюджетникам, особенно когда был курс еще, Украина и рубль» (ФГ 3, русские).

Спустя годы фиксируется отрезвление:

— *Это навязанные ожидания.*

— *Просто обидно, на самом деле.*

— *Никаких изменений в лучшую сторону вообще нет.*

— *Не происходит, то есть сначала было вроде какое-то изменение в лучшую сторону.*

— *Иллюзия.*

— *Перспективы какие-то вроде [были], а сейчас все оказалось...*

— *Все оказалось хуже* (ФГ 1, крымские татары).

Вероятно, иллюзии стали развеиваться в 2015 г., когда масштабные финансовые вливания из федерального бюджета резко сократились, что отразилось на доходах населения, а закрытие границы с Украиной, откуда поступали дешевые товары, способствовало резкому росту цен — стоимость фиксированного набора товаров и услуг увеличилась в 2015 г. на треть³; одновременно резко обострились проблемы с электроэнергией и подачей тепла. Известный мем «Денег нет, но вы держитесь» датируется весной 2016 г., когда экономика Крыма находилась не в лучшем состоянии: оборот розничной торговли, например, сократился по сравнению с 2015 г. в сопоставимых ценах на 7,6%⁴.

² О прецеденте см., например: URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1539498/> (дата обращения: 09.04.2019).

³ Резкий всплеск цен зафиксирован уже в 2014 г., когда индекс потребительских цен в Крымском федеральном округе составил 141,5% против 111,4% в среднем по России (декабрь к декабрю предыдущего года). В 2015 г. рост цен продолжился, и индекс потребительских цен составил 126,4% против 112,9% по России (см.: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2017. С. 288, 328).

⁴ См. Республика Крым. Федеральная служба государственной статистики. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b16_29/IssWWW.exe/Stg/1/33_krim.htm (дата обращения 09.07.2018).

Резкое снижение уровня жизни («Этот вот упадок, явный. Уровень жизни в регионе заметно опускается, даже по сравнению с крымской весной», Эксперт 1), участники фокус-групп, в т. ч. русские, ощущают крайне болезненно, сравнивая ситуацию с той, которая имела место до включения Крыма в состав России и, отвечая на вопрос, стало ли тяжелее или легче, чем при Украине:

— Да, тяжелее.

— Да.

— Тяжелее.

— Раза в три.

— Да, раза в три.

— Просто люди жили по другой системе, а сейчас — по другой, вот просто представьте, вас вытряхнули из зоны комфорта, барахтайся, как хочешь (ФГ 8, русские).

Достаточно болезненно воспринимается изоляция Крыма, причем русские ощущают оторванность от мира более остро: «Остров-то обитаем, только мало кому нужен» (ФГ 6, русские).

Большинство населения все еще не адаптировалось к новым социально-экономическим реалиям, с которыми оно столкнулось в 2015 г.: «русский этнос, который вроде бы получил все то, что хотел, но его ожидания не совпали с реальностью и он скорее яростно защищает это достижение, нежели конструктивно пытается их приумножить» (Эксперт 1). Высказывалось мнение, что «российская часть населения... все упорнее держится за свой выбор, сделанный в 14-м году, и [они] готовы его отстаивать на эмоциональном уровне, невзирая на ни какие рациональные аргументы» (Эксперт 4). Участники фокус-групп постоянно сравнивали текущую ситуацию с ситуацией 2014 г.:

«Вы не сравнивайте как бы «хреновое» экономическое положение с реальной угрозой жизни» (ФГ 3, русские).

«При Украине до всех этих вот событий было неплохо... Мы сейчас перешли в Россию, нам стало хуже, чем при Украине. Но были бы мы в Украине, было бы нам еще хуже. Мы просто из двух зол в свое время выбрали меньшее» (ФГ 3, русские).

Экономика и политика

Общественные настроения находятся в сильной зависимости от экономической ситуации, имеющей важное значение для всех акторов: «Крымская экономика, она неконкурентоспособна в чисто рыночных условиях. Эта проблема по сути является главной в данный момент, она касается всех групп населения» (Эксперт 2).

Значимую роль в социальной напряженности играет внутренняя экономическая политика. Во-первых, власть ассоциируется с этническим большинством, а этническое большинство ассоциирует стабильность с сильной властью: «все стабильно, пока власть стоит» (ФГ 7, русские). Во-вторых, большое значение имеют вопросы взаимодействия материковых и крымских элит: «Крымские пытаются отстаивать максимально те ресурсы, которые они пока контролируют, но думаю, что и среди них уже есть понимание, что когда закончится федеральная целевая программа, то расклад сил на территории Крыма изменится кардинально и, возможно, это одна из причин колоссальной крымской коррупции» (Эксперт 4).

Настороженность вызывают слухи о грядущих новых переделах рынков и сфер влияния. Есть вопросы к эффективности власти: *«Такие преференции шикарные, финансирование из центра... дан карт-бланш мощный и это все растринкивается с таким невероятным русским размахом... Это вызывает такое неприятие... Вся страна должна кормить Крым, чтобы у него хоть что-то там получалось»* (Эксперт 1).

Кадровая чехарда не приводит к повышению прозрачности принятия решений и их эффективности: *«Если вы не измените систему, мы все равно будем находиться в ситуации, когда Крым будет все более и более в серой зоне с экономической точки зрения, все более конфликтной с точки зрения общественно-политической. Сейчас крымская элита размыта, потому что она определяется не по эффективности, а по назначению»* (Эксперт 1).

Экономическая среда и институты

Крымчане, испытывавшие раздражение от отсутствия порядка до «крымской весны» (*«это была не свобода, это был бардак»*), с энтузиазмом восприняли первые шаги новой власти: *«порядок начал приходить, это всем сначала понравилось, в 14-м... особенно в 15-м году»*. Но отрезвление наступало по мере перехода в российское правовое поле: *«...этот порядок превращается в тотальный контроль всего и вся. Уровень контроля превышает разумные пределы. Огромное количество контролеров потребляет огромные ресурсы, раздражает население. Эта проблема буквально в ближайшее время вспыхнет как одна из основных»* (Эксперт 1).

Даже привычные ко всему крымчане были удивлены уровнем коррупции: *«На Украине была коррупция развита так же, но как-то люди поменьше брали, что ли... тебе давали возможность работать там, создавать свой бизнес, реализовывать себя, а на данный момент такого нет»* (ФГ 1, крымские татары).

Особые нарекания вызвало удушение малого бизнеса, игравшего большую роль в экономике Крыма, с большой долей сервисных предприятий, ориентированных на сезонные услуги:

«При Украине был малый бизнес более развит, чем сейчас» (ФГ 1, крымские татары).

«Очень тяжело» [с малым бизнесом] (ФГ 3, русские).

«Тяжелее чем, при Украине» (ФГ 3, русские).

Среди основных препятствий для малого бизнеса называются сложности с кредитами, постоянно меняющееся законодательство, устаревшие системы бухучета и банковского обслуживания, от которых давно отказались на Украине (*«Сейчас вернулись как будто в каменный век»*) (Эксперт 1)).

Удивляет российская бюрократическая машина:

«Что касается документооборота, то, на мой взгляд, очень много ненужного. От чего в Украине давно отказались» (ФГ 3, русские).

«При России бюрократия гораздо жестче. Если в Украине, например, тебе нужна одна бумажка, то при России минимум пять» (ФГ 6, русские).

Отмечалось, что *«даже психологически давит такая сложная формализованная система... [люди] воспринимают это скорее всего как разницу — вот было лучше, стало хуже. Законодательство более сложное, оно нацелено чтобы лучше платили налоги, а украинский подход был такой — вот мы вам дали патенты, и не трогайте нас»* (Эксперт 2).

Некоторые вещи, привычные для россиян, вызывают недоумение крымчан: *«Взять ту же самую ситуацию по дорогам, допустим, при Украине это было все оптимально — ремонтировалось, реставрировалось, какие-то участки, где, ну, не центр города, а сейчас это показушные мероприятия все»* (ФГ 1, крымские татары)⁵.

Крымчане изумлены симбиозом власти и бизнеса:

«У нас мэр города закрыл молокозавод в городе, потому что его тесть или какой-то его родственник... держит такой-же молокозавод, и он просто убрал конкурентов, и все. Ну, вот раньше такого не было» (ФГ 1, крымские татары).

«Вместо того чтобы делать дороги, давайте мы выдернем нормальные бордюры и поставим бордюры с моего завода» (ФГ 1, крымские татары).

Эксперты отмечают, что *«давлению подвергаются, независимо от национальности, те люди, которые пытаются вести свой бизнес без оглядки на местную власть»* (Эксперт 7).

Следует отметить, что на ухудшении экономической среды сказались внешнеполитические факторы, обусловленные западными санкциями. *«Есть вещи, которые по сей день у крымчан вызывают вопросы: почему российские банки по-прежнему не приходят в Крым, почему имеют место проблемы с мобильной связью, почему до сих пор не решены вопросы с деятельностью компаний, которые предпочитают уходить из Крыма»* (Эксперт 7)⁶.

Крымчане отмечают, что они оказались в худшем положении по сравнению с «материковыми» россиянами, живущими и работающими в Крыму. Чтобы взять кредит на повседневные нужды, отмечают респонденты, надо ехать на материк, оформляться там. *«А на материке... мы нежелательные клиенты. Когда они там увидели паспорт с крымской пропиской, нам сказали: «Извините, Вы для нас нежелательный клиент», «чтобы взять кредит для нас в любом материковом банке, для крымчан, нужно иметь хотя бы временную регистрацию на материке», «чтобы ты в бизнес что-то вложил, то под залог недвижимость будьте так любезны. Причем если материковый банк, то под залог недвижимости на материке»*. Пострадали отдельные сферы занятости: *«Все айтишники поуждали отсюда. Им сказали, что они могут работать где угодно, хоть в любой точке мира, в любом городе, только не в Крыму»*. В итоге *«получается, что санкции против Крыма введены только против Крыма. То есть направленно против людей, которые живут в Крыму»* (ФГ 3, русские).

Особые нарекания вызывает медицина — та сфера, которая вызывала больше всего критики во времена украинского Крыма. На смену «бедной медицине», когда пациент приносил все с собой, пришла «формальная медицина», когда сложно попасть к врачу: *«Ребенку на УЗИ направление взять в марте, дают направление на конец октября»* (ФГ 3, русские); талончик *«можно получить на полтора-два месяца вперед, при острой боли уха, например»* (Эксперт 5).

⁵ Первые два года после «крымской весны» дороги практически не ремонтировались. В результате в 2015 г. по числу жалоб на плохие дороги Крым занимал второе место среди всех субъектов РФ. См.: Мерешко Н. Автодорожная сеть Крыма // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/2015/07/8/avtodorozhnaya-set-krjima/> (дата обращения 09.07.2018); Суонкина Ю. Застраjali в ухабах. Чиновники перекладывают на подрядчиков вину за срыв программы дорожного ремонта // Российская газета — Крым. N 6928. 23.03.2016.

⁶ Все ведущие российские банки и крупнейшие российские компании, опасаясь санкций, покинули Крым еще весной 2014 г.

Возмущает формализация: «Огромное количество всяких анализов, там исследований и прочего. Но никто не хочет брать на себя ответственность за лечение больных или за профилактику» (Эксперт 1).

Эксперты констатируют: «Для Крыма на сегодня, как ни странно, на первое место вышла проблема медобслуживания, потому что есть сложности, связанные с реформированием медицинской отрасли» (Эксперт 5).

Реформирование отрасли у многих вызывает вопросы: на фоне серьезного отставания мощностей крымских амбулаторно-поликлинических организаций (в РК — 69,8%, в Севастополе — 73,6% от среднероссийских на конец 2017 г.⁷) в Севастополе в 2015—2016 гг. неуклонно снижались не только эти мощности, но и обеспеченность врачами (на 2,2%) и средним медперсоналом (на 5%)⁸.

Еще одна острая проблема — резко выросшая очередь в детские сады:

«[Проблема] существовала всегда, но с переходом ухудшилась».

«Девчонки просто вынуждены сидеть дома, потому что им некуда девать детей» (ФГ 6, русские).

Ситуация сложная: Севастополь занимает 77 место, а РК — 78 место среди регионов России по охвату детей дошкольным образованием⁹. Очередь существовала и в украинский период, «но там, во-первых, до трех лет сидели и по большому счету можно было только получив документ о рождении ребенка встать на очередь... к трем годам она приходила. Ситуация кардинально ухудшилась, во-первых, потому что очередь стала больше, во-вторых, она стала [медленнее] двигаться, потому что многие приезжие сюда силовики имеют льготы, они получают эти места, а люди просто ждут» (Эксперт 2).

Парадоксально, но, проиграв в одном, молодые семьи выиграли в другом: Крым пестрит объявлениями «Обналичим материнский капитал».

Выигравшие и проигравшие

В первое время после «крымской весны» в наилучшем положении оказались бюджетники. В детском саду, например, «воспитатели начали получать там около 20 тысяч, у няней около 15 тысяч, и все такое».

— А цены оставались украинские.

— И все такие: «Неужели тут так хорошо люди живут?»

— Все там: «Ура, деньги!»

Но эйфория прошла быстро: «уже няня вот, например, получает в детском саду 7 тысяч рублей, воспитатель 15 тысяч рублей».

— Зарплаты повысились и так далее, но затем зарплаты упали... год — полтора прошло, и тяжело стало работать.

— После полтора года, как присоединили Крым.

⁷ Количество посещений в смену на 10 000 населения. Обеспеченность средним медперсоналом в Севастополе составляет три четверти от средней по России. См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 363.

⁸ Здравоохранение в России — 2017. М.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/Main.htm (дата обращения 09.07.2018).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 292.

— После того как, да, переходный период начал заканчиваться¹⁰ (ФГ 1, крымские татары).

Действительно, уровень среднедушевых доходов населения Республики Крым резко поднялся — с 9,4 тыс. рублей в январе 2015 г. до среднегодового за 2015 в 15,7 тыс. рублей, г. Севастополя, соответственно, с 11,8 тыс. рублей до 17,9 тыс. рублей (данные за 2014 г. отсутствуют, однако динамика реальных доходов была, по меньшей мере, не хуже в условиях хождения гривны и сохранения товарооборота с Украиной). Однако начиная с 2016 г. рост реальных доходов населения прекратился. Оплата труда и доходы населения Крыма существенно отстают от «материковых»: заработная плата в РК составляла в 2018 г. 67,1 % от средней по России, в Севастополе — 71,2 %¹¹. Тогда как цены приближаются к российским: стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в феврале 2019 г. в РК составляла 97 % от среднероссийского, в г. Севастополе — 101 %¹². Причем стоимость условного (минимального) набора продуктов питания в феврале 2019 г. превышала среднероссийский уровень: в РК она составляла 102 %, а в Севастополе 113 % от российского¹³.

Индекс стоимости жизни, рассчитываемый Росстатом, стремительно растет: в Симферополе (0,99 в 2018 г.) он приближается к среднероссийскому, принимаемому за 1,00, в Евпатории сравнялся с последним, а в Керчи, Севастополе и Ялте превысил его — 1,01, 1,01 и 1,05, соответственно¹⁴. Люди экономят на всем: потребительские расходы на душу населения в 3 квартале 2018 г. в Севастополе составляли 81,5 % от средних по России, в РК — 72,7 %¹⁵.

В сложном положении оказались студенты. До 2015 г. они скорее выигрывали: на переходной период им пересчитывались в рубли стипендии, которые они получали до присоединения Крыма, но с 2015 г. они стали получать российские стипендии.

Материальное положение студентов ухудшилось. Рефреном, наряду с недовольством существующим положением, проскальзывали сравнения с ситуацией в Украине:

— Стипендии сначала увеличили, потом опять уменьшили.

¹⁰ Первоначально переходный период был установлен до 2015 г. В последующем переходный период продлевался в отдельных сферах вплоть до 2019 г.

¹¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000—2018 гг. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 18.04.2019).

¹² Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в феврале 2019 года. Социально-экономическое положение России — 2019. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (дата обращения 18.04.2019).

¹³ Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания в феврале 2019 года. Социально-экономическое положение России — 2019. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b19_01/Main.htm (дата обращения 18.04.2019).

¹⁴ Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации (в среднем за год, в разах). М.: Федеральная служба государственной статистики. 2019. С. 3. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/isj/files/itogi_isj.pdf (дата обращения 18.04.2019).

¹⁵ Структура потребительских расходов домашних хозяйств по субъектам Российской Федерации, III квартал 2018 г. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения 18.04.2019).

- Увеличили на 500 рублей, боже мой.
- 2 тысячи платили, а потом 800 платили, сейчас 800.
- У нас стипендия 1000—1500. Полторы тысячи рублей.
- Полторы тысячи рублей (ФГ 4, крымские татары).
- Все студенты меня поймут. В Украине ты получаешь стипендию 1000 гривен, если ты учишься в университете. При этом тебе хватает за 300 гривен снимать квартиру, и на остальные 700 ты живешь, ни в чем себе не отказываешь.
- Помощь родителей и не нужна была. В частности, стипендии. Нормально мне было того, что 800 гривен получал (ФГ 1, крымские татары).

В наиболее сложной ситуации в переходный период оказались занятые в малом бизнесе, самозанятые. Среди крымских татар доля предпринимателей и самозанятых была существенно выше, чем среди других этнических групп («татары на первом месте в уровне развития [бизнеса]»), поэтому для них эти изменения оказались наиболее критичными. Однако они наиболее успешно адаптировались к новым реалиям, во-первых, из-за того, что «они пережили вот это переселение, и они готовы брать на себя проблемы и перелопачивать это все... крымские татары более адаптивны, чем русские» (Эксперт 1). Во-вторых, специфика предпринимательства в том, что оно приучает быстро перестраиваться: «При присоединении они пострадали, а сегодня получили возможность во многом вернуться на прежние позиции» (Эксперт 4).

В наилучшем положении сегодня пенсионеры¹⁶, чуть ли не единственные бенефициары: средний размер назначенных пенсий в Республике Крым составил на 1 января 2019 г. 89,8% от среднего по России, в Севастополе — 97,8%. Хотя их положение также несколько ухудшилось по сравнению с ситуацией трехлетней давности, когда пенсии в РК составляли 94,9% от среднероссийских, а в Севастополе даже превышали российский уровень на 3,8%¹⁷.

Другими бенефициарами являются госслужащие, зарплата которых существенно выше, чем у других категорий населения¹⁸ и количество которых в Крыму постоянно растет: в 2016—2018 гг. численность государственных гражданских служащих органов исполнительной власти Республики Крым (РК) и г. Севастополя увеличилась на 13,9% (на фоне того, что их численность в России в целом снизилась). Количество гражданских служащих в Крыму поражает: в Севастополе на тысячу населения приходится 7,6 гражданских служащих территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, в РК — 4,3 человека (в среднем по России — 3,9 человека, а в столице — 3,5 человека). И это не предел: укомплектованность вышеупомя-

¹⁶ Однако военные российские пенсионеры, для которых в Украине соотношение пенсия/цены было намного более комфортным, пострадали материально. Ухудшилось также материальное положение российских военных, при Украине получавших «заграничную» оплату.

¹⁷ Назначенные пенсии по субъектам Российской Федерации (по состоянию на 1 января). М. : Федеральная служба государственной статистики, 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения 09.04.2019).

¹⁸ О численности и оплате труда государственных гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне за 2018 год. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/trud/51.htm (дата обращения 15.04.2019).

нутыми гражданскими и муниципальными служащими в Крыму — минимальная по стране и составляет, по различным категориям, менее 80 %¹⁹.

Молодежь

Бурные события весны 2014 г. поставили многих молодых людей в тупик из-за необходимости кардинального изменения жизненных планов. Некоторые оказались к этому не готовы: *«Мы готовились поступать [в ВУЗ] в Украину. У нас... учили десять лет украинский язык и потом нам резко говорят: “Ой, простите, все, что вы делали, никому не нужно. Давайте все заново. В другой стране начнем новую жизнь”. Мы такие: “Ну, нас и старая в принципе устраивала”»* (ФГ 1, крымские татары).

Психологические сложности адаптации к новым реалиям усугубляются тем, что молодые люди одобряют далеко не все преобразования. Нарекания вызывает не только дороговизна образования, но и, особенно, его качество. Этому способствовал не только отъезд многих преподавателей, но и структурные преобразования, заключающиеся в объединении вузов:

«Многие преподаватели, с которыми я общался, они говорят: после 2014 года, после перехода из Украины в Россию, структурные подразделения начали скатываться по наклонной».

«У каждого вуза была своя уникальность. Своя ниша. Сейчас мы все в одном...»
«...Есть проблемы» (ФГ 6, русские).

У молодых людей было два пути. Первый — поступать не в лучшие учебные заведения: *«Сейчас многие хают, что им пришлось поступить в вуз, который был более низкий у нас по квалификации и уровню подготовки»* (Эксперт 3). Другой путь — отъезд из Крыма:

«30 % [студентов-] медиков забрали документы и уехали. Кто в Украину, кто в Россию, кто в другие страны.

«...Чтоб получить хорошее образование, чтоб диплом котировался».

«Преподаватели тоже уехали».

«Это проблема, что молодежь уезжает на материк, потому что там образование более перспективное, чем здесь» (ФГ 3, русские).

Причем если русская молодежь едет на материк, то молодые крымские татары — чаще в Украину.

Отъезд становится важной составной жизненных планов не только учащихся, но и работающих молодых людей:

«Все местные жители, очень много молодежи уезжает в Краснодар. Вынужденно, потому там дешевле жить и выше зарплаты. Просто выдавливают местное население».

«Работать на материке более перспективно. Ну а что здесь делать?»

¹⁹ О численности и оплате труда государственных гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне за 2018 год. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/trud/51.htm (дата обращения 15.04.2019); Численность работников, замещающих должности гражданских и муниципальных служащих, и укомплектованность этих должностей на конец 2015 года. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/trud/54.htm (дата обращения 18.07.2018).

«Действительно, многие уезжают туда, потому что там лучше работа, условия намного лучше, чем здесь. Молодежи ничего не остается, кроме как поехать туда» (ФГ 3, русские).

Возрастающий разрыв в стоимости жизни в Крыму и в Украине стимулирует не только отъезд, но и то, что многие молодые люди склонны проводить даже свои каникулы или отпуск в Украине:

«С нашими зарплатами мы можем ездить только в Украину, потому что в Ялту, в Алушту съездить отдохнуть мы не можем».

«В Украине цены в два, в три раза дешевле и лучше» (ФГ 1, крымские татары).

Наряду с высокой безработицей, особенно в РК²⁰, значение имеет и качество рабочих мест. В Крыму сложилась такая ситуация, что значительная часть рабочих мест непривлекательна для молодых: в РК доля занятых в неформальном секторе составляет 38,5%, в Севастополе — 36,0%; выше только в четырех республиках Северного Кавказа²¹.

Отсутствие перспектив порождает пессимизм: *«Знаете, как сейчас молодежь говорит? Что в Крым надо возвращаться через лет семь». Причина — «люди себя не видят особо в новых каких-то позициях. Все что мы называем, где мы хотим работать, это все старые места, которым по 10—15 лет. Никто не мечтает быть айтишником, потому что это не особо популярно в республике, негде работать, никто не мечтает быть астронавтом, потому что здесь негде работать астронавтом»* (Эксперт 3).

Молодежь больше настроена на коммуникации, менее конфронтационна и агрессивна, по сравнению со старшим поколением. В некоторых вопросах молодые деликатнее старших. Например, урок студентов своему преподавателю: *«На момент, когда в Одессе произошли печальные события, наша преподаватель... Ее очень задела эта тема, она очень хотела ее с нами обсудить, но она натывается на стену молчания. Она в недоумении... что такое? Четвертый курс — вы где? А все сидят, опустив головы. — Вы же мыслящие люди... Кто-то из нас сказал, что мы не хотим обсуждать эти темы, у нас разные мнения, мы хотим остаться людьми»* (ФГ 6, русские).

Молодежь всегда и везде наиболее чувствительна к социальным изменениям, к оппозиции власти. Оппозиционные настроения ярче выражаются в студенческой среде: *«Молодежь ищет свой путь и, конечно, это та среда, которая может еще вызвать много вопросов в перспективе и проблем... У нее нет четкой определенности, надо выходить на протест или надо сидеть тихо. Но молодежь всегда готова выйти на протест, причем не важно какая, и крымско-татарская тоже»* (Эксперт 5).

Вероятно, крымско-татарская молодежь явственнее выражает протестные настроения:

- Ну, просто я за оппозицию вообще.
- Мне очень приятно это.
- Лучше Навальный, чем то, что сейчас.
- На самом деле (ФГ 1, крымские татары).

²⁰ Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018. Росстат, 2018. Табл. 6.23. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения 18.04.2019).

²¹ Там же. Табл. 7.18.

Парадоксальную мысль, что протестные настроения крымских татар способствуют взаимопониманию и консолидации крымчан, высказали участники русской фокус-группы, обсуждая «запреты празднования 18 мая»:

— ...Они [крымские татары], возможно, против правительства. Мне наоборот кажется, что вот есть какая-то благодарность правительству, что сейчас правительство взяло на себя удар... мы стали лучше друг к другу относиться, потому что мы перестали завидовать тому, что им все можно, а нам ничего нельзя. Пусть агрессия идет на правительство, хотя бы мы между друг другом начали нормально ладить.

— И они теперь не на нас злятся, а на правительство.

— Общий враг (ФГ 7, русские).

Перспективы и факторы изменений

Важнейшим фактором развития ситуации видится успешное решение задач экономического развития, прежде всего железнодорожного сообщения по Крымскому мосту, завершение строительства трассы «Таврида», тепловых электростанций, реализации проектов федеральной целевой программы. Эксперты предупреждают, что с завершением ФЦП²² можно ожидать «драки за ресурсы», что вряд ли будет способствовать снижению напряженности. Кроме того, не ясно стратегическое видение полуострова: «Если это будет военный склад, то это будет один расклад, и вряд ли он будет хорош. Если же это будет... курортный регион, то [другой]» (Эксперт 4). Другим важным фактором, наряду с позицией руководства России, будет развитие ситуации на Украине.

Учтем, что в Крым еще не зашла большая политика с материка с общероссийской повесткой, прогнозировать последствия этого крайне сложно. Ее проникновение в Крым, практически неизбежное в ближайшее время, наложится на сворачивание ФЦП²³, а поскольку это годы больших ожиданий, в зависимости от того, как эти ожидания будут реализовываться, возможно всякое развитие событий. В случае ухудшения экономической ситуации нельзя исключать роста экстремистских настроений.

Если в первые годы ключевым запросом был запрос на стабильность, то сейчас вызревают новые потребности: «потребности в перспективах, в развитии или просто в переменах». На сегодня железнодорожное сообщение по мосту (планируется на конец 2019 г.) и «Таврида» (ввод в конце 2020 г.) являются символом новых ожиданий, точкой отсчета радикальных позитивных изменений в уровне и условиях жизни крымчан. При этом отмечается с пессимизмом: «...Но чем ближе к этой точке будет подходить, тем больше надежды будут разрушаться» (Эксперт 5).

Мост рассматривается как дорога жизни, по которой идут товары, едут туристы. И уже сегодня ясно, что предстоит большая работа, чтобы предотвратить транспортный коллапс до окончательного ввода «Тавриды». Это видимая проблема.

²² В сентябре 2018 г. ФЦП продлена на 2021—2022 гг.

²³ Если в 2015—2020 гг. среднегодовое финансирование ФЦП составляет 167,4 млрд рублей, то на 2021—2022 гг. в 8,7 раза меньше — 19,2 млрд рублей (Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года», утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790 (в ред. от 5 сентября 2018 г. № 1059).

Однако не учитывается, что мостам и дорогам свойственно обеспечивать двухстороннее движение.

Можно не сомневаться, что мост, позволяющий жителям восточного побережья Крыма в считанные минуты оказаться в другом, процветающем регионе России²⁴, где выше уровень жизни, где низка безработица и есть рабочие места, оплачиваемые лучше, чем в Крыму, резко повышает мобильность жителей Крыма. А это означает не только рост маятниковых миграций, позволяющих работать в другом регионе, но и рост «вахтенных» поездок с недельным циклом работа/дом, и увеличение трудовых миграций, и выезд на постоянное место жительства за пределы Крыма. (В последнем случае — также и изменение образа жизни, когда жилье в Крыму, при наличии такового и за пределами Крыма, будет рассматриваться как сезонное, дачное). Как возросшая мобильность крымчан скажется на ситуации на рынке труда, занятости в Крыму, сложно предсказать.

При всех вариантах развития событий несомненно: 2019 г. и 2020 г. обозначат новые вызовы, купировать которые нужно быть готовым как федеральным, так и региональным органам государственной власти, органам местного самоуправления. Эрозия ожиданий крымчан может стать болезненной социальной проблемой. Все, что работает на раздражение населения — все работает против стабильности; предстоит тщательно отслеживать и анализировать происходящие изменения в социальных повседневностях и социальных настроениях.

Список литературы (References)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Чередник А. В. Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа рунета // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2018. Т. 8. № 4 (34). С. 23—35.

Brodovskaya E., Dombrovskaya A., Karzubov D., Cherednik A. (2018) The status and dynamics of Russian-lingual threads on inter-ethnic and inter-religious relations in the Crimea and Sevastopol: cybernetic and discourse analysis of social media messages in Runet. *Humanitarian Sciences. The Bulletin of the Financial University*. Vol.8. No. 4(34). P. 23—35. (In Russ.)

Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования [Электронное издание] / [М. Ф. Черныш и др.]; отв. редактор М. Ф. Черныш. Электрон. текст. дан. (объем 1,7 Мб). М. : ФНИСЦ РАН. 2017. 133 с. Interethnic tensions in a changing social context: results of the study / Ed. by M. Chernish. Moscow: FCTAS RAS. 2017. 133 p. (In Russ.)

²⁴ Краснодарский край занимает шестое место в рейтинге российских регионов по качеству жизни, тогда как Республика Крым — 55 место. См.: Рейтинг регионов России по качеству жизни — 2018. М. : РИА-Рейтинг. 2019. URL: <http://www.riarating.ru/regions/20190219/630117442.html> (дата обращения 18.04.2019). В рейтинге социально-экономического развития — соответственно 10 и 40 места. См.: Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года. М. : РИА-Рейтинг. 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения 09.07.2018). В Краснодарском крае в семье с двумя детьми остаток денежных средств после минимальных расходов ежемесячно составлял в 2017 г. 20,1 тыс. рублей, тогда как в Крыму — 11,8 тыс. рублей. См.: Богатые и бедные семьи — рейтинг регионов 2018. М.: РИА-Рейтинг. 2018. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180607/630095992.html> (дата обращения 09.07.2018).

Мукомель В. И., Хайкин Р. С. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>.

Mukomel V. I., Khaykin S. R. (2016) Crimean Tatars after the «Crimean Spring»: transformation of identities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 51—68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04> (In Russ.)

Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В. Ю. Зорин, Р. А. Старченко, В. В. Степанов. М. : ИЭА РАН. 2017. 216 с.

Ethnic and Ethnopolitical map of Crimea. Organization of monitoring and early warning of ethnic and religious conflicts / Ed. by V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, V. V. Stepanov. Moscow: IEA RAS. 2017. 216 p. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.08

Правильная ссылка на статью:

Ситников А. В., Романов М. В., Одаев Т. Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 157—183. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>.

For citation:

Sitnikov A. V., Romanov M. V., Odaev T. H. (2019) Religiosity in the Chechen Republic and its influence on social and political institutions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 157—183. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>.

А. В. Ситников, М. В. Романов, Т. Х. Одаев РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ

RELIGIOSITY IN THE CHECHEN REPUBLIC AND ITS INFLUENCE ON SOCIAL AND POLITICAL INSTITUTIONS

СИТНИКОВ Алексей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: av.sitnikov@igsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7028-1691>

Alexey V. SITNIKOV¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor of the Department of state-confessional relations

E-MAIL: av.sitnikov@igsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7028-1691>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia

РОМАНОВ Михаил Владимирович — кандидат социологических наук, директор по исследованиям, Агентство социальных технологий «Политех», Москва, Россия

E-MAIL: mvroman@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7348-1242>

ОДАЕВ Тахир Хамзатович — аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: oda195@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2160-5979>

Mikhail V. ROMANOV² — *Cand. Sci. (Soc.), Research Director*

E-MAIL: mvroman@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7348-1242>

Takhir H. ODAEV¹ — *post-graduate student of the Department of state-confessional relations*

E-MAIL: oda195@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2160-5979>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Agency for Social Technologies "Polytech", Moscow, Russia

Аннотация. Представлены результаты опроса населения Чеченской Республики (2018 г., $N = 600$), посвященного исламу; опрос проводился случайным отбором из номеров сотовых телефонов, выделенных операторами мобильной связи для Чеченской Республики; выборка квоцировалась по полу и возрасту. Практически все участники опроса считают себя мусульманами и абсолютное большинство декларирует исполнение основных предписаний этой религии, примерно треть идентифицируют себя с традиционным для Северного Кавказа суфийским исламом, то есть с определенными тарикатами и вирдами. Самый высокий уровень религиозности отмечается у молодежи, но эта религиозность в меньшей степени связана с традиционными для Чечни институтами — тарикатами, вирдами, шейхизмом. Наблюдается полный консенсус респондентов по поводу необходимости изучать шариат в рамках школьной программы. Нормы свободы совести и светскости хотя и признаются большинством респонден-

Abstract. The article presents the results of the Chechen Republic population survey devoted to Islam (2018, $N = 600$). The survey conducted by the random selection of mobile phone numbers allocated by mobile operators for the Chechen Republic; the sampling quota based on gender and age. The study revealed that almost all respondents consider themselves to be Muslims and the absolute majority proclaimed the fulfillment of the basic requirements of this religion. Islam is part of their ethnic identity. About a third of respondents identify themselves with traditional Islam, or with certain tarikats and virids. They can tell names of the famous sheikhs of the XVIII and early XX centuries. Researchers recorded the highest level of religiosity among young people, but this religiosity is less connected with the traditional Islamic institutions of Chechnya, with tarikats and Sufism. There is agreement among the residents that it is necessary to study Sharia in the framework of the school curriculum. Also, the majority of respondents recognize the norms of freedom of

тов, однако в этом вопросе заметны значимые различия между молодежью и людьми пожилого возраста. Среди молодого поколения больше тех, кто выступает за законодательное закрепление особого статуса ислама в республике. Нашло поддержку и введение шариатского правосудия. Странников судопроизводства на основе адата среди респондентов немного. Приверженность исламу широко проявилась и в представлениях об одежде чеченских женщин, и в мнениях о запрете на продажу на территории Чечни свинины и алкоголя. Молодежь в большей степени склонна к запретительной позиции. При этом респонденты проявили высокую толерантность к представителям иных религий и осознание того, что республика — часть Российской Федерации, где живут представители других религий и национальностей, к которым следует относиться с уважением.

Ключевые слова: ислам, Чечня, религиозность, религиозные практики, тарикат, шариат, этническая идентичность

conscience and secularism of the state, however, there are significant differences between young and elderly people in this regard. Among the young people, there are more of those who are for the legislative consolidation of the special status for Islam in the republic. Shariah justice is popular with the majority of the population of Chechnya, and adat adherents very little. Adherence to Islam is also manifested in many aspects of the daily life of the republic: ideas about the clothes of Chechen women, prohibitions on the sale of pork and alcohol products on the territory of the Chechen Republic. At the same time, young people are more inclined to the prohibitive position. At the same time, respondents showed high tolerance to representatives of other religions and they fully aware that the Chechen Republic is a part of the Russian Federation where representatives of other religions and nationalities live and they should be treated with respect.

Keywords: religion, Islam, Chechnya, religious practices, tarikats, Sharia, ethnic identity, religiosity

Настоящая статья основывается на исследовании, выполненном в мае 2018 г. в Чеченской Республике. Исследование проведено методом телефонного анкетирования по номерам, выделенным операторами мобильной связи для Чеченской Республики¹. Всего было опрошено 600 респондентов, отбор телефонных номеров осуществлялся методом простого случайного отбора. Выборка квотировалась по полу и возрасту в соответствии с половозрастной структурой населения республики. В опросе приняли участие постоянные жители Чеченской Республики в возрасте старше 18 лет, постоянно проживающие в городах — Грозном, Гудермесе, Аргуне, Шали, Урус-Мартане, а также в сельских населенных пунктах всех районов Чеченской Республики².

¹ По информации Министерства транспорта и связи Чеченской Республики, в 2012 г. проникновение мобильной связи в Чеченской Республике было 110%, то есть на 100 человек реализовано 110 SIM-карт, с 2012 г. этот показатель еще увеличился. Охват мобильной связью территории республики — 99%. URL: http://mtischr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=%2091&Itemid=92 (дата обращения 10.12.2018).

² Тотальный охват территории республики подтверждает хорошее качество выборки.

Опрос проводился на русском языке, лишь 50 человек отказались от участия в опросе по причине того, что не владели русским (либо сделали вид, что не владеют). Число отказов от интервью приблизительно равно числу заполненных анкет. Этот показатель в целом соответствует практике проведения опросов на территории Российской Федерации и заметно ниже, чем число отказов при опросе жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Ставилась цель оценить степень религиозности жителей республики и ее влияние на социальные институты, отношение к власти и повседневные практики, а также выявить соотношение светскости и религиозности в мировоззрении жителей, их отношение к принципу светскости государства и представителям иных религий.

Оценка религиозности жителей Чеченской Республики

Если в отношении религиозности православных существуют хорошо разработанные методики исследования, имеются многочисленные наработки и научная литература, то для мусульман аналогичная область не столь развита. Мы, следуя основным принципам методики В. Ф. Чесноковой [Чеснокова, 2005: 18], определяли степень религиозности в зависимости от образа жизни, в котором проявляются религиозные убеждения и представления. Мусульманские религиозные практики — это, прежде всего, совершение намаза, пятничная молитва и пост в месяц Рамадан. В ходе опроса двое респондентов (пожилые женщины) заявили, что они являются православными. Остальные респонденты назвали себя мусульманами, и абсолютное большинство декларировали исполнение основных предписаний ислама — намаза, пятничной молитвы, соблюдение поста в месяц Рамадан.

Таблица 1. Как часто Вы совершаете намаз?

	В целом	Мужчины	Женщины	18—29 лет	30—44 лет	45—59 лет	60+ лет
Каждый день пять раз	96	95	97	97	97	94	97
Регулярно, но реже, чем пять раз в день	1	2	0,4	2	1	3	0
Редко	1	1	0,4	0	1	1	2
Никогда	0,4	0	1	0	1	0	1
Отказ отвечать	1	1	1	1	1	2	0

Пятничную молитву в мечети в Чеченской Республике исполняют только мужчины, а женщины преимущественно молятся дома и в мечеть не ходят. На вопрос, как часто вы совершаете намаз, женщины обычно отвечают следующим образом: «Пятничную молитву делают мужчины, а я каждый день свои пять намазов делаю».

Таблица 2. Как часто Вы совершаете пятничную молитву? (% от респондентов-мужчин)

	В целом	18—29 лет	30—44 лет	45—59 лет	≥ 60 лет
Каждую неделю	84	91	83	81	82
Один-два раза в месяц	13	9	16	12	14
Несколько раз в год	1	0	0	4	2
Один раз в год и реже	0,3	0	1	0	0
Никогда	0,3	0	0	0	2
Отказ отвечать	1	0	0	4	0

Абсолютное большинство (85 %) участников исследования сказали, что полностью соблюдают пост в месяц Рамадан. Респонденты, ответившие, что соблюдают пост частично, как правило, объясняли это или ограничениями по здоровью, или условиями трудовой деятельности.

Таблица 3. Соблюдаете ли Вы пост в месяц рамадан?

	В целом	Мужчины	Женщины	18—29 лет	30—44 лет	45—59 лет	≥60 лет
Соблюдаю полностью	85	88	82	93	84	83	79
Соблюдаю частично	13	11	16	6	14	15	19
Не соблюдаю	1	1	2	0	2	1	2
Отказ отвечать	1	1	1	1	1	2	0

Традиционный и нетрадиционный ислам

Последователями какого ислама считают себя жители Чечни? В многочисленной исламоведческой литературе обычно встречается деление на традиционный и нетрадиционный ислам. На Северном Кавказе традиционным принято называть ислам, который представлен в форме суфизма с такими его тарикатами (суфийскими братствами), как накшбандия, кадирия и шазилия (в Чечне — только накшбандия и кадирия). Названные тарикаты были широко распространены на Северном Кавказе до начала XX в. Сегодня наблюдается тенденция к возрождению традиционного ислама. В частности, в Чеченской Республике «практически восстановлены, реконструированы зияраты суфийских учителей (шейхов, устазов). В республике традиционные религиозные (суфийские) ценности используются

в процессе духовного воспитания молодежи, противодействия религиозному радикализму и экстремизму» [Акаев, Солтамурадов, Газиев, 2017: 33].

Однако помимо традиционного ислама на Северном Кавказе с начала 1990-х годов активно распространяются альтернативные формы этой религии. В регион приезжали многочисленные зарубежные проповедники, молодежь отправлялась в мусульманские страны для обучения в исламских учебных заведениях. Представители традиционного ислама — лидеры местных духовных управлений — оказывались в ситуации жесткой конкуренции с новыми исламскими течениями, особенно притягательными для молодежи. Эти течения (обычно их связывают с салафизмом и ваххабизмом) привлекали также радикалов и тех, кто был оппозиционно настроен по отношению к власти.

Конкуренция исторически сложившемуся в нашей стране традиционному исламу со стороны нетрадиционного («чистого») — это общая проблема российских мусульман. Так, например, «в Адыгее наметилась тенденция консолидации части молодежи на основе “чистого ислама”. Она отражает тенденцию, наблюдаемую в других республиках Северного Кавказа, где, наряду с этнической, существенно возросла лояльность и солидарность на основе “чистого” ислама» [Ханаху, Цветков, 2014: 99].

В нашем исследовании мы попытались выяснить, в какой степени в Чеченской Республике сохранился традиционный ислам и знание о нем, насколько жители продолжают идентифицировать себя с определенными тарикатами и вирдами. Только 29% участников исследования сказали, что они являются последователями какого-либо тариката (из них 66% — последователи кадирии, 34% — накшбандии). Последователи иных тарикатов в выборку не попали. Эти данные практически совпадают с оценкой А. В. Малашенко, согласно которой «кадирия — самый многочисленный тарикат в чеченском суфизме (его сторонники составляют 60% приверженцев всех тарикатов), состоит из нескольких вирдов <...>, среди которых выделяется вирд Кунта-хаджи» [Малашенко, 2009: 99].

Полученная оценка численности последователей тарикатов в Чеченской Республике, по всей видимости, несколько занижена. Это обусловлено тем, что некоторые респонденты, не сказавшие, что они относятся к тому или иному тарикату, просто не знают термин «тарикат» и плохо осознают ту традицию, к которой принадлежат. В качестве иллюстрации приведем ряд высказываний респондентов: *«Тарикаты — это что? Я намаз делаю, а дальше этого не лезу»; «Я особо не разбираюсь, молюсь, но в этом не разбираюсь»; «Я последователь пророка Мухаммеда, а больше я про тарикат не знаю»; «Тарикат я не знаю, у нас есть тейп»; «Я не ученый, я молюсь и все».*

Можно предположить, что определенное число респондентов, не указавших свою принадлежность к тарикатам, тем не менее являются последователями традиционного чеченского ислама. Особенно это касается принявших участие в исследовании женщин. Дело в том, что большинство активных и сознательных членов тарикатов составляют мужчины средних лет, входящие же в их семьи женщины тоже принадлежат к этому же тарикату. Однако в силу того, что многие чеченские женщины слабо знакомы с религиозной терминологией, в ходе опроса они не причислили себя к последователям тарикатов.

Таблица 4. Половозрастная структура чеченских тарикатов (% от респондентов — последователей каких-либо тарикатов)

	Мужчины	Женщины	Итого
18—29 лет	12	5	17
30—44 лет	31	13	44
45—59 лет	17	8	25
60+ лет	10	4	14
Итого	70	30	100

Обращает на себя внимание, что среди чеченской молодежи доля последователей тарикатов невысока (23%), а больше всего (37%) их среди чеченцев среднего возраста (рис. 1). При этом чеченская молодежь, с одной стороны, значительно более религиозна, чем жители республики старшего и среднего возраста, а с другой — степень вовлеченности в тарикаты у молодежи такая же, как у самого старшего (советского) поколения, и заметно ниже, чем у людей среднего возраста. Исходя из этого, можно предположить, что религиозность чеченской молодежи зачастую облекается не в традиционную для Чечни форму суфизма, а связана с иными течениями ислама.

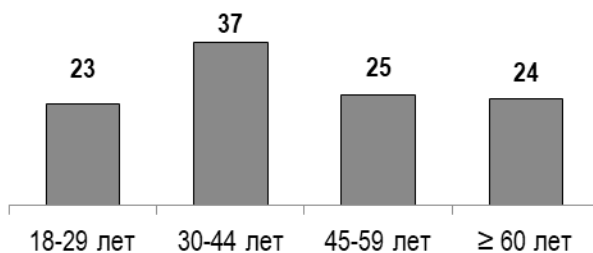

Рисунок 1. Доля последователей тарикатов среди опрошенных, %

Мнение о склонности немалой части чеченской молодежи к так называемому нетрадиционному исламу разделяют многие исследователи: «Радикальные идеи находят особенно благодатную почву среди полной сил и энергии молодежи» [Тишков, 2007: 282]; «в «чистый ислам» вовлекается, в основном, молодежь, и ее число постепенно возрастает» [Ханаху, Цветков, 2014: 101]. А. А. Ярлыкапов отмечает, что сегодня через сетевые сообщества среди молодых людей на Северном Кавказе активно распространяется «универсальный ислам», основанный лишь на Коране и Сунне и свободный от того, что его последователи считают «позднейшими наслоениями». Из-за продвижения этой новой формы ислама «молодежное мусульманское сообщество становится экстерриториальным» [Ярлыкапов, 2017].

Здесь логично ставить вопрос, насколько в Чеченской Республике сохранились традиционные религиозные институты. Традиционные формы религиозности предполагают особые механизмы ее передачи и воспроизводства. Обычно это институт духовного руководства, наставничества [Ситников, 2017]. Такого рода механизмы характерны и для традиционного ислама. «На Северном Кавказе суфийская практика утвердилась в форме тарикатизма (мюридизма), при котором главный духовный авторитет — шейх (наставник) или устаз [учитель] собирает вокруг себя группу мюридов (последователей). Шейх воспитывает, обучает их, разъясняя сущность трансцендентного понимания Всевышнего, и в результате длительного, на протяжении долгих лет личностного общения с ним они [последователи] также приобщаются к благочестию. В результате создается своеобразная цепь (по-арабски «ильсия»), по которой благодать передается от шейха его преемникам» [Малашенко, 2001: 60].

Чтобы выяснить наличие данного института духовного наставничества, респондентов просили назвать известных им ныне живущих шейхов. В качестве таковых участники исследования чаще всего называли Кунта-Хаджи Кишиева, а также ряд шейхов, живших в период с конца XVIII по начало XX века: Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, Мани-Шейх (Мухаммад Назиров), Юсуп-Хаджи Байбатыров из Кошкельды, Ташев-Хаджи, Дени-Шейх Арсанов, Солса-Хаджи Яндаров, Абдул Вахаб, Докку-Шейх Шаптукаев.

Отметим, что респонденты нередко понимали значение термина «шейх» в смысле просто уважаемого в республике религиозного деятеля. Так, в качестве шейхов некоторые участники исследования называли главу Чеченской Республики Рамзана Кадырова и муфтия Чеченской Республики Салаха Межиева. Но нередко люди отвечали так: «У нас сейчас и нет таких шейхов. Они когда-то были, умерли». Авторитетный ученый, занимающийся изучением ислама на Северном Кавказе, отмечает, что «шейхов как таковых ни в Чечне, ни в Ингушетии не существуют. А вот в Дагестане институт шейхизма сохранился» [Акаев, 2003: 56].

Чтобы определить степень религиозности и уровень религиозного образования верующих Чеченской Республики, респондентам задавался вопрос, могут ли они прочесть суру аль-Фатиху на арабском языке. Это первая сура Корана — одна из самых известных. Она часто читается во время мусульманских обрядов. Мужчины оказались несколько более образованными и знающими, нежели женщины. Старшее поколение, выросшее еще в Советском Союзе, показало себя менее сведущим по сравнению с более молодыми людьми.

Еще одно отчетливое разделение наблюдалось между теми, кто проживает в Грозном, и теми, кто живет в малых городах и сельской местности. Очевидно, что центром религиозного возрождения и распространения ислама в Чеченской Республике является Грозный. В нем сосредоточены религиозные учебные заведения. Естественным образом именно жители республиканского центра чаще иных участников опроса могли прочесть суру аль-Фатиха на арабском языке.

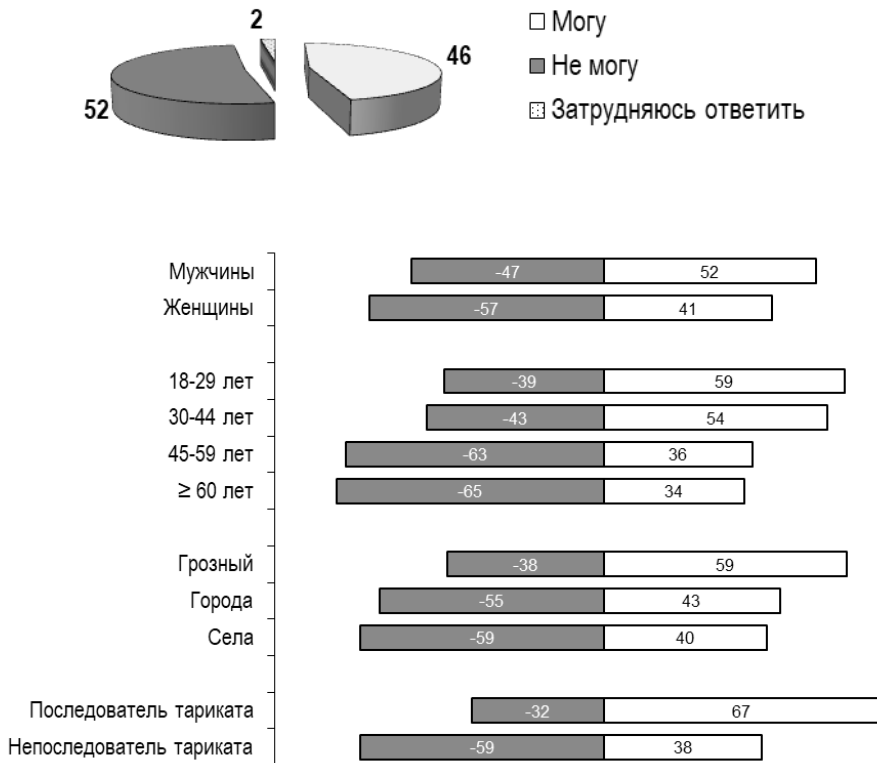

Рисунок 2. Можете ли Вы прочитать суру аль-Фатиха на арабском языке?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для всех представленных на графике социально-демографических показателей³⁾

Таблица 5. Процент респондентов, могущих прочитать аль-Фатиху на арабском языке (% от респондентов — мусульман)

	Грозный	Города	Села
18—39 лет	68	49	49
40—59 лет	55	39	35
60 лет и старше	39	33	31

³⁾ Здесь и далее по тексту для бинарных социально-демографических показателей (пол, отношение к тарикатам) использовался непараметрический критерий U Манна-Уитни, для показателей с большим числом категорий (возраст, тип населенного пункта) — критерий Краскала-Уоллиса.

Влияние ислама на институт семьи

Каждый мусульманин в соответствии с предписаниями Корана (Сура 4, аят 3) имеет право иметь четырех жен. Респондентам задавался вопрос о том, следует ли в Чеченской Республике разрешить многоженство. Как отмечал еще М. М. Ковалевский, описывая кавказские обычаи в XIX веке, «многоженство есть роскошь, доступная для немногих... оно составляет исключение» [Ковалевский, 2012: 317]. Сегодня в Чечне это явление также не особо распространено, наличие двух и более жен — это редкость. Однако большинство респондентов проявили положительное отношение к многоженству. Многие опрашиваемые подчеркивали, что именно ислам допускает многоженство: *«Религия нам разрешает»*; *«Аллах разрешает, мы тоже не против этого»*. Однако многие респонденты отмечали, что данная возможность для них неосуществима: *«Было бы здорово иметь четыре жены, но все упирается в финансы»*; *«Лично я, если у меня будет возможность, вторую жену и третью, и четвертую, по мере возможностей»*.

Отметим значительную разницу в том, как к многоженству относятся мужчины и женщины — если большинство мужчин позитивно относятся к многоженству, то каждая вторая (47 %) участница опроса заявила, что к многоженству относится негативно: *«Мне [многоженство] не нравится, я не хочу, чтобы муж мой взял еще одну жену»*; *«В исламе это [многоженство] разрешено, даже приветствуется, но как женщина скажу, что это нежелательно для каждой женщины. Хочется быть единственной для своего мужчины»*; *«Я противница многоженства, если честно сказать, если две жены, две семьи, разные дети, то все равно не бывает так, что все одинаково. Пусть материально — да, но моральная сторона — все равно одна сторона будет обижена»*. Учитывая тот факт, что в Чеченской Республике оспаривать исламские нормы — социально неодобряемое поведение, можно предположить, что негативно к многоженству относится большинство чеченских женщин.

Последователи тарикатов в большей степени, чем иные участники опроса, одобряют многоженство.

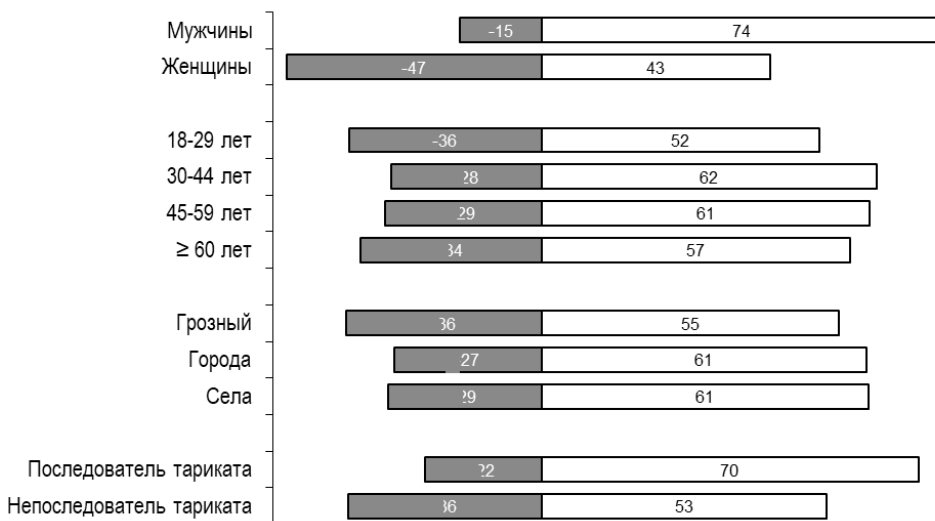
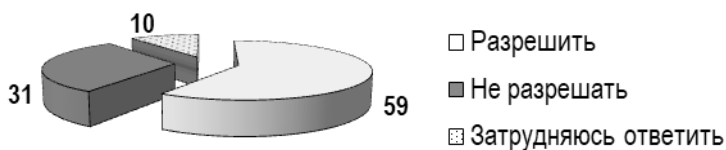

Рисунок 3. Как Вы считаете, следует ли в Чеченской Республике разрешить многоженство?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для пола и принадлежности к тарикатам)

Влияние ислама на институт образования

Очевидно, что по уровню религиозности населения Чеченская Республика радикально отличается от большинства регионов преимущественно светской России. В то же время в нашей стране существует (по крайней мере теоретически) единое образовательное пространство и нормативная база деятельности учебных заведений. Отражаются ли религиозные предпочтения жителей Чечни на их отношении к институту школы? Чего они ожидают от нее? Мы интересовались мнением жителей Чечни о том, следует ли в школах Чеченской Республики изучать шариат. В ответах на данный вопрос наблюдается полный консенсус. За изучение исламского законодательства в рамках школьной программы высказались и молодежь, и жители республики старших возрастов, и мужчины, и женщины, и горожане, и жители сельской местности, и последователи тарикатов, и не причисляющие себя к ним.

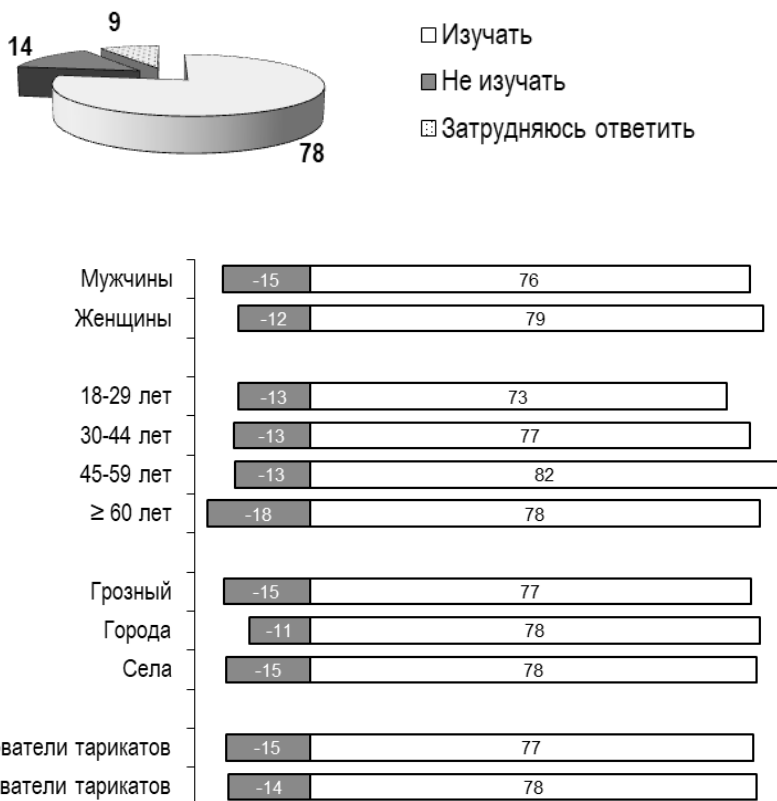

Рисунок 4. Следует ли в школах Чеченской Республики изучать шариат?, % (В ответах на данный вопрос значимых различий между категориями не наблюдаются для всех, представленных на графике, социально-демографических показателей)

Ответ на этот вопрос воспринимался участниками исследования как само собой разумеющийся. Практически никто из респондентов не вспомнил о светскости российской школы. Многие участники опроса отмечали важность изучения шариата, говорили, что «все мусульмане должны изучать, потому что это основа религии»; «Свою религию все должны знать»; «Шариат говорит о справедливости, о порядочности, о достоинстве. А что в Руси хорошего было? Огурцы, помидоры, спиртное, разврат и прелюбодеяния. Это разве хорошо?».

Респонденты исходили из того, что шариат — это духовно-нравственная основа жизни, воспитания детей и молодежи, что в нем «нет ничего плохого, а только хорошее»; «Если бы шариат изучали, не было бы того, что сегодня творится — обман, аферисты, эти вещи автоматически ушли бы»; «Шариат — это очень хорошо. Если мальчикам-школьникам родители объяснят по шариату, что этого нельзя, чтобы девушку тронули, чтобы девушке что-то такое сказали, это очень плохо. Я всегда сыновьям говорила, что девушку нельзя обижать, потому что мы мусульмане. Девушка на свидании должна стоять на расстоянии два метра. Это очень красиво,

очень достойно»; «Я сама учительница с 44-летним стажем. Если будут преподавать, может, правильнее будут люди относиться к жизни, друг к другу, к Республике. Там же [на уроках шариата] ничему плохому не учат».

Респонденты упоминали, что в школах республики изучаются арабский язык и традиционная культура народа: «У нас в школах есть арабские преподаватели»; «У нас шариат не изучают, а вот арабский язык, традиции Чеченской Республики изучают». В то же время в регионе сложилась практика изучения мусульманского закона в рамках религиозных учебных заведений: «У нас не в школах изучают [шариат], а в специальные места после учебы [школьники] ходят»; «В школах необязательно, потому что есть отдельные учреждения — специальные мусульманские, которые учат шариат, Коран и все по мусульманским обрядам».

Впрочем, в ходе опроса были выявлены и немногочисленные сторонники сохранения в школе светского характера образования: «Можно изучать основы, но для этого нужна отдельная школа. А в школах должны заниматься математикой, химией»; «В школе не следует, я, например, изучал дома, родители меня учили этому». Некоторые при ответе на вопрос об изучении шариата в школах вспоминали о представителях других религий и принципе свободы совести: «Мусульмане обязательно должны изучать, а для других вер не обязательно».

В Конституции России закреплен принцип свободы совести, который включает свободу «исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28). Как отмечают исследователи, «идеи свободы вероисповедания не всегда находят отклик у жителей Северо-Кавказского федерального округа РФ. Религиозная принадлежность воспринимается как элемент этнической самоидентификации» [Дзуцев, Корниенко, 2018: 91].

В нашем исследовании мы попробовали выявить приверженность ценностям свободы совести следующим образом. У тех, кто высказался за изучение в школе шариата, спрашивали, должны ли его изучать все школьники или только по желанию. В ответах на данный вопрос значимых различий между группами не наблюдалось и большинство (56 %) сочли свободу выбора важной, а навязывание изучения шариата тем, кто этого не хочет, признали неправильным. В то же время нельзя не отметить, что молодежь Чеченской Республики менее привержена ценностям свободы совести, чем старшее поколение.

Отметим, что 42 % высказавшихся за обязательность изучения шариата — это довольно большая доля. И даже те, кто были против обязательного изучения шариата в школе, зачастую говорили, что делать это нужно дома или в религиозном учебном заведении. В целом респонденты выразили единодушие по вопросу, что изучать шариат необходимо; различия проявились лишь в том, где и в каких формах это делать.

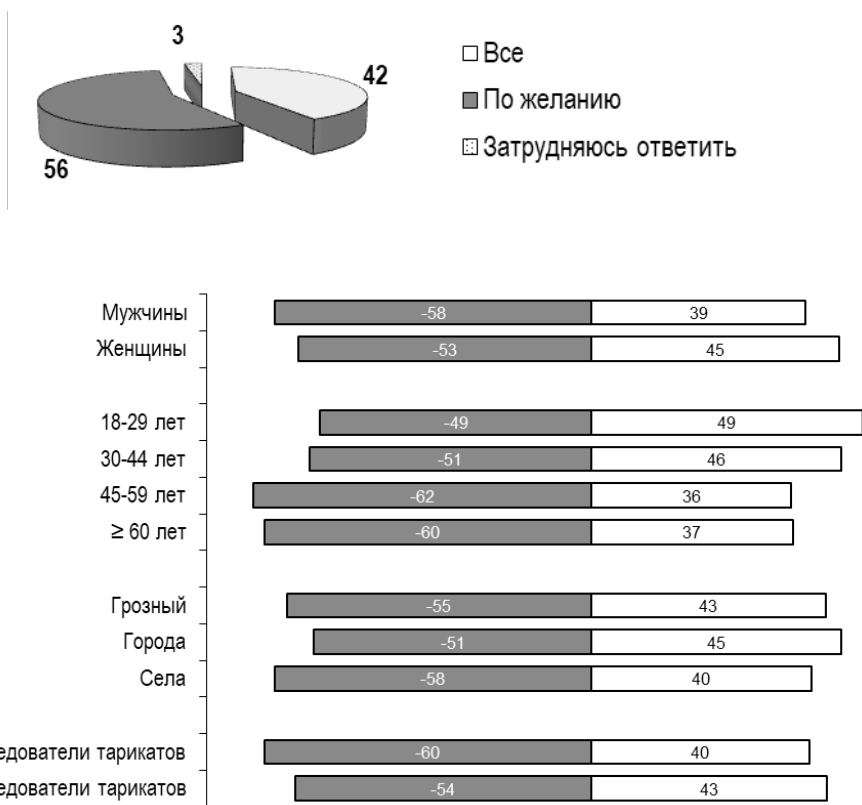

Рисунок 5. Шариат должны изучать все школьники или только по желанию?, % от высказавшихся за изучение шариата в школе (В ответах на данный вопрос значимых различий между категориями не наблюдаются для всех, представленных на графике, социально-демографических показателей)

Влияние ислама на институты власти

Для ислама совершенно нехарактерно разделение жизни на светскую и духовную стороны. Само понятие светскости родилось в рамках христианской цивилизации Европы. В исламском мире политическая и религиозная сферы едины. Проявляется это, как показало наше исследование, и сегодня на Северном Кавказе, где ислам оказывает активное влияние на политические институты и процессы.

Отдельный блок вопросов касался светскости государства, правового статуса религии в республиканском законодательстве. В ответах на вопрос, следует ли в конституции Чеченской Республики записать, что ислам в ней является государственной религией, наблюдались значимые различия между молодежью и людьми пожилого возраста. Последние чаще оказывались сторонниками светскости, а среди молодого поколения было больше тех, кто склонен законодательно зафиксировать особый статус ислама: «Так было бы хорошо, если бы это было возможно,

но это, к сожалению, невозможно. Мы сейчас в составе России, а Россия не даст что-то шариатское, исламское установить. У нас две войны было, чтобы шариатское установить, но у нас ничего не получилось. Хотелось бы [установить шариатский порядок], но это невозможно».

И противники, и, в особенности, сторонники установления государственного статуса ислама с сожалением говорили, что это невозможно из-за того, что Чечня — часть Российской Федерации. Светскость сама по себе не является для чеченских мусульман какой-то ценностью: «Следует [придать государственный статус исламу], если Чечня будет независимым государством. Но на данный момент она является субъектом Российской Федерации. И конституция наша должна исходить из законов Российской Федерации. Но конституция Российской Федерации в обратную сторону тоже должна учитывать менталитет субъектов, где в основном мусульмане. А не ставить основной закон выше традиций и народов, живущих в Российской Федерации».

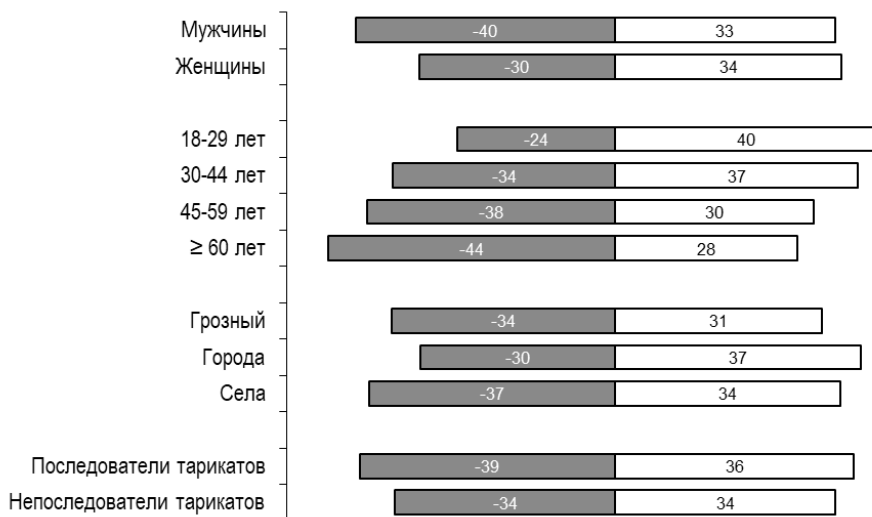
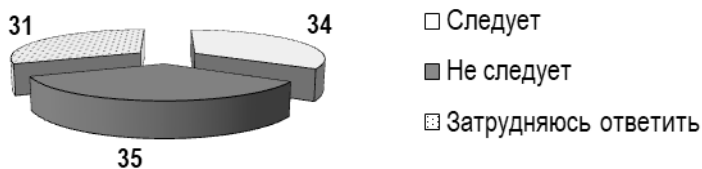

Рисунок 6. Следует ли в Конституции Чеченской Республики записать, что ислам в Чеченской Республике является государственной религией?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются только для возраста)

Все же выявился достаточно высокий (35 %) процент тех, кто высказался за сохранение светскости. Основной аргумент — желательная многонациональность Чечни: *«Республика здесь многонациональная, я бы хотел, чтобы разного много народу приехало. Не надо!»*; *«А почему именно ислам? У нас и христиане живут»*; *«Я считаю, что каждый чеченец должен быть мусульманином, но чтобы была обязательная государственная — я не знаю...»*

Большинство участников исследования высказались против того, чтобы в Конституции Чеченской Республики было записано, что ее главой может быть только мусульманин. При этом наибольшее число сторонников того, чтобы республикой управлял приверженец ислама, опять же, оказалось среди молодежи (57 %). В ответах на этот вопрос многие респонденты вполне допускали, что главой их республики может стать любой гражданин России: *«Главой Чеченской Республики может стать любой благородный человек. Мы в единой России живем, там есть много разных религий, мы не должны разделяться, должны объединяться»*; *«Может быть человек любой национальности — белорус, русский. Главное, чтобы он уважал любую религию, культурный, порядочный человек был»*; *«Если не будут ущемлять людей других национальностей, то можно»*; *«А может быть и русский или другой нации. Любой нации, лишь бы нам молиться не запрещал. Пожалуйста, пусть будет русский»*.

Отметим, что участники исследования, отвечая на вопрос про религию, использовали в своей речи этнические категории, проявляя убеждение, что чеченец — это обязательно мусульманин, а русский или белорус будут исповедовать другую религию. Такая взаимозаменяемость понятий, относящихся к этнической и религиозной сферам, показывает, что для чеченцев религия составляет неотъемлемую часть этнической идентичности. Это отражается, в частности, в том, что среди чеченцев только 17,7 % склонны считать смену религии личным делом самого человека [Дзуцев, Корниенко, 2018: 88].

Отвечая на вопрос о религиозной принадлежности главы республики, многие респонденты высказались о действующем руководителе: *«Наш Кадыров лучше всех!»*; *«Кадыров нас устраивает. Все спокойно, чисто, аккуратно. Ты можешь в любое время вещи оставить, все будут бояться. Какой-то порядок у нас есть по сравнению с тем, как было. Мы спокойно можем по городу ходить вечером, днем, никто нас не ограбит, не ударит»*; *«Наш сегодняшний лидер — он самый лучший! Пусть Аллах продлит ему долгих лет жизни»*; *«Только Кадыров! Он мусульманин и наш президент. Он много делает для народа»*.

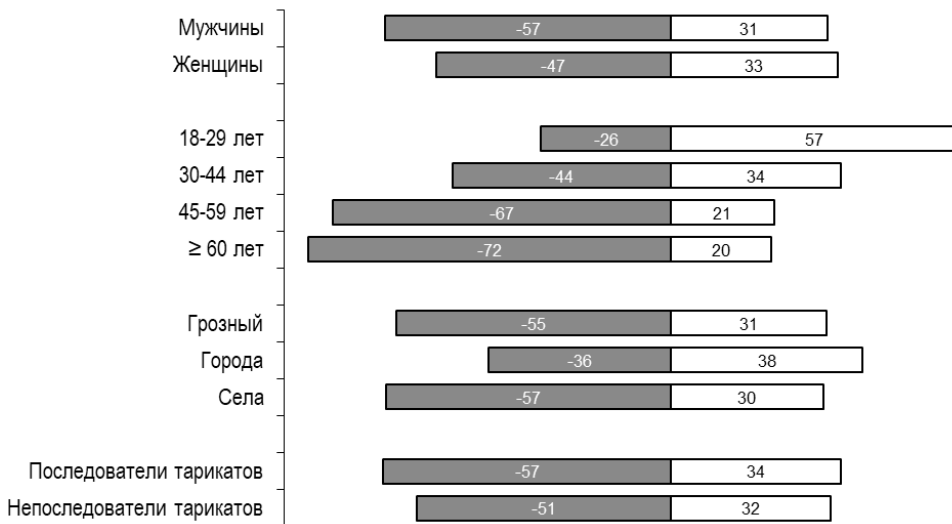
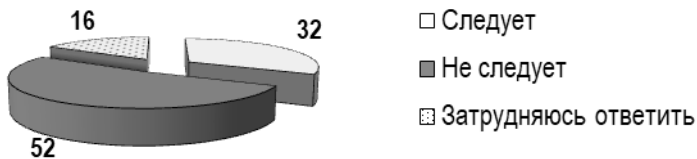

Рисунок 7. Как Вы считаете, следует ли в конституции Чеченской Республики записать, что главой Чеченской Республики может быть только мусульманин?% (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для возраста и типа населенного пункта)

Представления об идеальном суде

На Кавказе в течение многих веков сосуществовали адат и шариат. Адат предлагал определенные неписанные правила, которые, как считалось, существуют с незапамятных времен. Это обычное право предписывало, в частности, обязательность кровной мести в ответ на убийство или ранение, оскорбление или похищение женщины, захват земли и т. п. Обязанность кровомщения лежала на родственниках и могла продолжаться в течение многих поколений. Изучавший обычаи Кавказа М. М. Ковалевский считал, что шариат оказывал на адат смягчающее влияние, «существенно ограничивая начала родового самосуда и кровного возмездия» [Ковалевский, 2012: 348]. Советская власть упорно и, по всей видимости, безуспешно боролась с адатом и шариатом. В редакциях Уголовного кодекса РСФСР 1928, 1935 и 1960 гг. имелась статья «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», направленная против отправления шариатского правосудия и адата. После краха СССР адат и в особенности шариат на Кавказе

начали возрождаться. Во второй половине 1990-х годов в Чеченской Республике пришли к власти лидеры, которые вовсе решили демонтировать светские институты, в частности, упразднить светские суды, заменив их шариатскими. «На шариатских судах выносились многочисленные приговоры, в том числе и расстрелы... Были расстреляны за прелюбодеяние мужчина и женщина» [Акаев, 2003: 202]. В начале 1999 г. в Чечне было введено полное шариатское правление, однако этот опыт не увенчался успехом. Как отмечает чеченский исследователь, шариатское правление в Чечне и попытка создания «кавказского халифата» «привели к неоправданным человеческим страданиям, явились серьезными факторами угрозы для общества и государства» [Акаев, 2003: 208].

Несмотря на этот неудачный опыт, введение шариатского правосудия находит поддержку среди населения Чечни. На вопрос, какие суды лично для них предпочтительны — светский, по исламским законам или на основе адата, — респонденты чаще всего выбирали суды по исламским законам. Наше исследование показало, что сторонников адата в современной Чеченской Республике совсем немного (7 %). В ответах на данный вопрос, опять же, имеются значимые различия между людьми разного возраста: старшие поколения предпочитают светский суд, а молодежь — шариатский. Суд на основе адата не пользуется популярностью среди чеченцев всех возрастов.

В ответах на данный вопрос можно было заметить определенную социальную напряженность. Некоторые участники исследования высказывали неудовлетворенность и сомнения в справедливости сложившейся в республике ситуации: *«Я бы без сомнения выбрал исламские, шариатские законы. Но сегодня под прикрытием мусульманских одежд есть очень неблагородные люди. Если бы он действительно по шариату был, то я бы с поднятыми руками был бы за шариат, но справедливости нет и там»; «Те, которые сегодня за веру, как говорится, с флагом ведут — я им не верю, потому что они недостойно себя ведут. Сами нарушают, а нищим говорят: «Выполняй!» Суды по мусульманским законам — это для нищих. А те, кто наверху, они все, что хотят, творят. Поэтому я не хочу такого».*

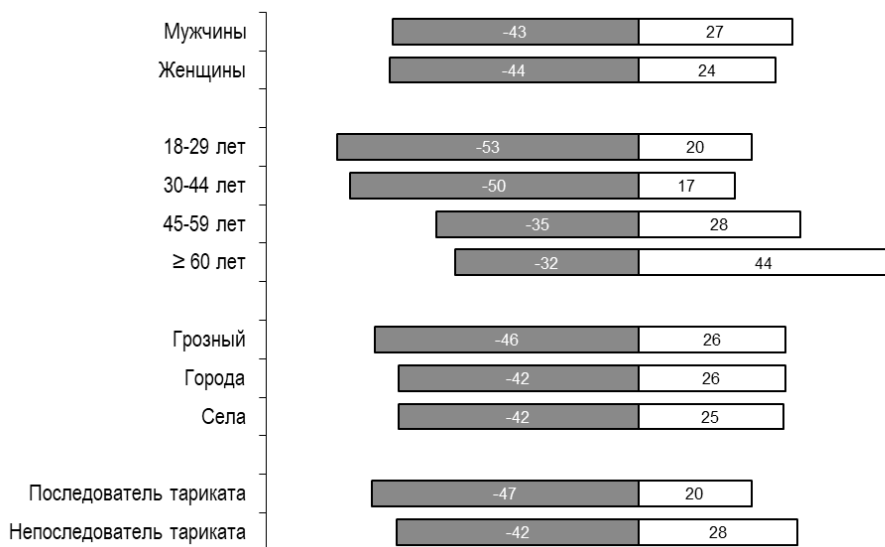
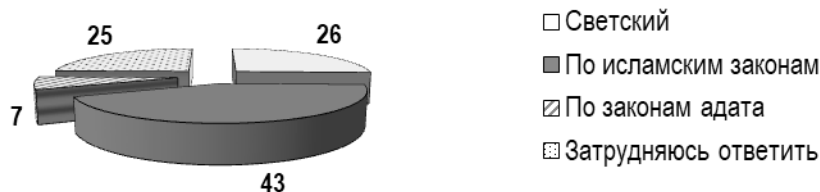

Рисунок 8. Если бы у вас возникла необходимость обратиться в суд, и была возможность выбирать, то какой суд вы бы выбрали — светский, по исламским законам или на основе адата?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются только для возраста)

Религиозность в повседневных практиках

Приверженность исламу проявляется во многих сторонах повседневной жизни Чеченской Республики. Исследователи отмечают, что и «в годы советской власти люди продолжали придерживаться исламских обычаев и обрядов, понимая их как народные, а не религиозные» [Тишков, 2007: 280]. Сегодня же эти религиозные практики, понимаемые как неотъемлемая часть этнической идентичности, поддерживаются руководством республики и одобряются значительной частью ее населения. Однако полного единодушия респонденты не проявили. Часть участников исследования высказались за строгое следование нормам шариата в общественной жизни, часть оказались сторонниками относительно светских и либеральных взглядов. Мнения участников настоящего исследования разделились, в частности, в ответах на вопрос о том, в какой одежде должны появляться на экране женщины — дикторы чеченского телевидения.

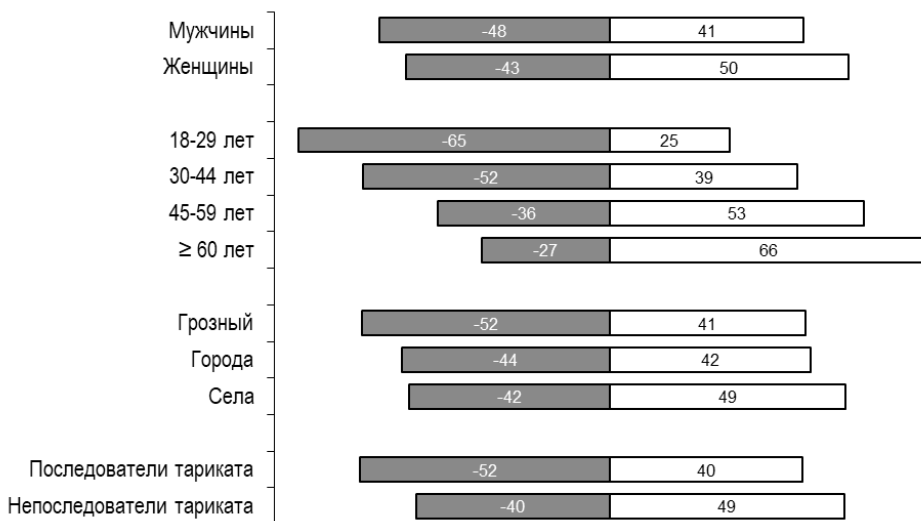
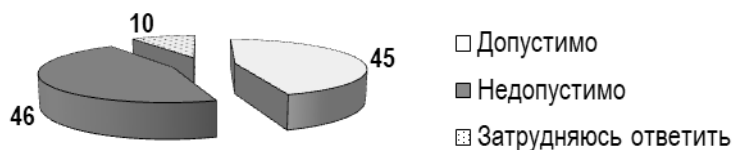

Рисунок 9. Как Вы считаете, допустимо ли, чтобы женщины — дикторы чеченского телевидения появлялись на экране без хиджаба?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для возраста и принадлежности к тарикатам)

Мы получили значимые различия прежде всего между различными возрастными группами опрашиваемых: чем моложе респонденты, тем больше среди них сторонников религиозных запретов и предписаний: «Аллах всевышний сказал, что хиджаб для женщины — это обязательно. Я не имею права рассуждать, правильно это или неправильно»; «Хиджаб для женщины — это обязательно. Если она [диктор телевидения] считает себя мусульманкой, то обязана покрывать»; «Это [ношение хиджаба] не просто по желанию, это предписано Кораном. Поэтому женщина на телевидении, а тем более ведущая — это обязательно для мусульманских женщин».

Так же, как и в ответах на вопрос, следует ли в школах Чеченской Республики изучать шариат, в рассуждениях респондентов по поводу хиджаба нередко звучало противопоставление более нравственных и целомудренных чеченских женщин и «распущенных» русских: «Без хиджаба — это несолидно, некрасиво и недостойно. А в хиджабе внешний вид приятен. На Руси раньше в казачестве женщины

были закрыты. А сейчас славяне распустились. Это говорит не о мусульманских религиозных обрядах».

Практически никто из участников опроса не сказал, что чеченские женщины могут появляться на экране вовсе без головного убора. Респонденты, ответившие, что дикторам допустимо появляться на телеэкранах без хиджаба, как правило, говорили о том, что традиционным головным убором для чеченской женщины является не хиджаб, а головной платок: *«Допустимо [ходить без хиджаба], только на голове должен быть большой платок. С распущенными волосами нельзя»; «У нас такой обычай — обычно с платками ходят, необязательно в хиджабах, но волосы закрытые. По обычаю нашему, распущенные волосы — это неприлично»; «Если в большом платке, то можно без хиджаба»; «Хиджаб — необязательно, аккуратный платок — достаточно».*

Религиозные пищевые запреты

Одна из предписанных исламом религиозных практик — строгое следование некоторым пищевым запретам, в частности, для мусульман недопустимо употреблять в пищу свинину и алкоголь. *«Запрещена вам в пищу мертвечина, кровь и свинина...»* (Сура 5, аят 3).

По отношению к продаже на территории Чеченской Республики свинины мнения участников исследования разделились — за и против разрешения торговать свининой высказались по 49% участников опроса. Значимые различия наблюдаются между мужчинами и женщинами, различными возрастными группами, а также последователями тарикатов и другими участниками опроса. Женщины чаще, чем мужчины, высказываются против продажи свинины: *«Мы ее [свинину] не едим. Зачем ее продавать?»; «Вы никогда в Чеченской Республике не найдете свинину, потому что никто не ест».*

Большинство (70%) респондентов молодежной когорты придерживаются запретительной позиции относительно торговли свининой. При этом последователи тарикатов чаще, чем иные респонденты, высказываются за разрешение продавать свинину, аргументируя это тем, что сами они свинину есть не будут, но в то же время с уважением относятся к русским, которым это не запрещено: *«[Чечня —] многонациональная республика, никто никого не заставляет. Если русские живут, пусть продают свинину. Я свинину кушать не буду, но к нам приезжают люди в гости, люди отдыхать приезжают, они должны себе позволять купить, что хотят»; «Если будут русские жить, то пускай»; «Сейчас в Грозный, в Гудермес приезжает много русских. Мы не употребляем, но те, которые приезжают, которые здесь живут, для них не помешает»; «Почему нет? Здесь живут не только мусульмане, но и христиане. Поэтому неправильно запрещать. Христиане кушают, пускай они покупают»; «Здесь проживают и христиане, и нужно соблюдать и их права»; «Мы же по российским законам живем. Никто [мусульман] не заставляет свинину покупать».* В вышеприведенных цитатах, опять же, проявляется единство религиозного и этнического. Чеченцы свинину не едят, а русские едят. Не есть свинину — часть этнической идентификации и отличие от представителей иных народов.

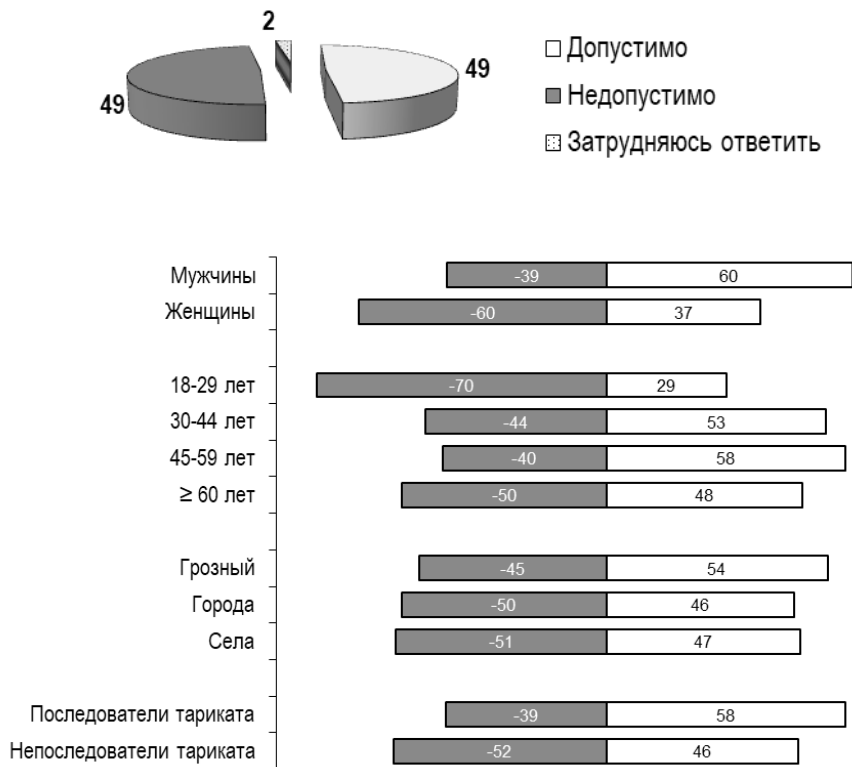

Рисунок. 10. Допустимо ли на территории Чеченской Республики продавать свинину?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для пола, возраста и принадлежности к тарикатам)

Абсолютное большинство участников исследования высказались за запрет продажи на территории Чеченской Республики спиртного. Наиболее радикально по отношению к торговле спиртным настроены молодежь, женщины и жители Грозного. Респонденты говорят не только о том, что в исламе «продавать спиртное — это однозначный харам», но и о том, что «от спиртного только зло»: *«И нашим законом, и нашим правительством это запрещено. И очень хорошо, что они это не разрешают. Потому что это самоубийство, и по шариату, и по исламским канонам это не позволено»*; *«Я лично не хотел бы, чтобы продавали. Все мы знаем, какой вред от этого»*; *«Недопустимо, это ведет к разврату, это ведет к разрушению семей, все зло от спиртных напитков, от того, что туманит разум»*.

В то же время в ответах на данный вопрос, так же, как и в ответах на предыдущий, многие респонденты говорят, что запрет на продажу спиртного будет ущемлять права неисламского населения, а это недопустимо. У жителей Чечни имеется осознание того, что республика — часть Российской Федерации, и в ней живут представители других религий и национальностей, с которыми необходимо считаться и которых надо уважать. В целом можно констатировать достаточно

высокую толерантность участников исследования — мусульман к представителям иных религий: «Я противница спиртного, но здесь кроме чеченцев и другие национальности проживают. Если по их вере на Новый Год, день рождения обычаи позволяют, то куда им ехать? Но чтобы чечены употребляли, я против»; «Мы находимся на территории Российской Федерации, все, что можно в России покупать и продавать, можно и у нас».

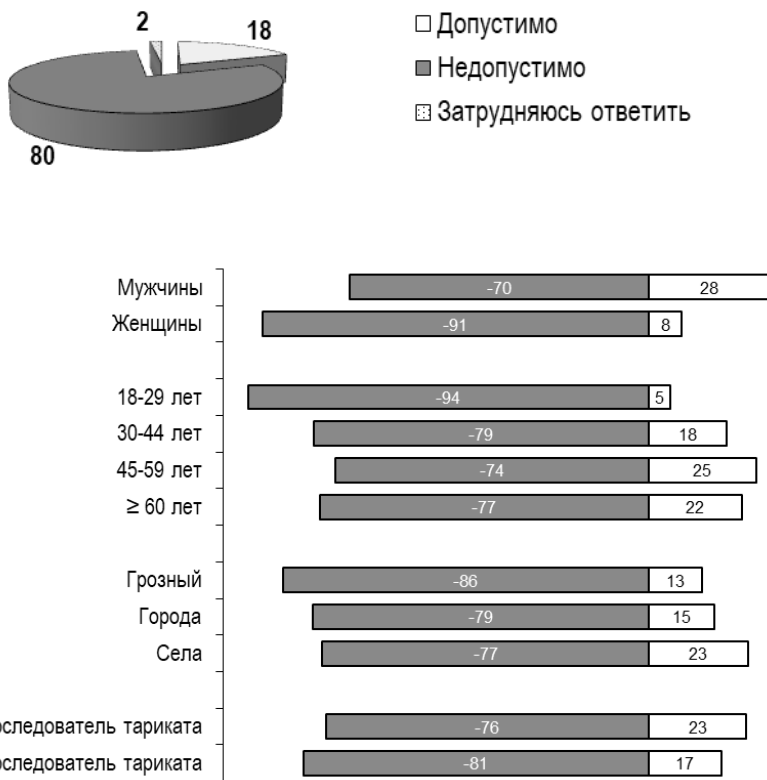

Рисунок 11. Допустимо ли на территории Чеченской Республики продавать спиртное?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для пола, возраста и типа населенного пункта)

Отметим, что имеющаяся статистика по алкоголизму и употреблению алкоголя в Чеченской Республике подтверждает низкое употребление алкоголя ее населением по сравнению с другими регионами России⁴.

Отношение к астрологии

Еще одним признаком высокой религиозности общества и значительного влияния на него монотеистической религии является отрицательное отношение населения к астрологии. В исламе, как и в христианстве⁵, отношение к астрологии негативное. В большинстве регионов России с низкой религиозностью населения астрологические прогнозы являются неотъемлемой частью повседневной жизни людей, без них не обходится ни одна газета, ни один телеканал. В Чеченской Республике в ответах на вопрос, допустимо ли в чеченских СМИ публиковать астрологические прогнозы, была обнаружена высокая степень их неприятия. И здесь мы видим те же самые различия между группами респондентов, в зависимости от их возраста и типа населенного пункта, которые мы наблюдали в ответах на другие вопросы. Большую религиозность продемонстрировали молодые респонденты. Старшее поколение, напротив, показало терпимое отношение к астрологии. Жители Грозного в сравнении с сельским населением также оказались более склонны отрицать астрологию на основании своих религиозных убеждений: *«Аллах Всевышний этот мир сотворил, и он все предопределил. Гороскопы — это многобожие. Поэтому это харам»; «То, что будет впереди, знает только Всевышний, это [астрологи] все шарлатаны»; «Я против [астрологии], потому что как Аллах даст, так и будет»; «Никто не может знать, когда он, где он... Только Всевышний Аллах знает»; «Как Аллахом назначено, так и будет. А предсказывать свое будущее — это очень грешно»; «Я не смогу процитировать хадисы, но по той литературе, которую я читала, по шариату, по хадисам нам не позволено смотреть гороскопы. Но так как у нас многонациональная республика, это допустимо».*

⁴ См.: Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2016 году». URL: http://rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=8345 (дата обращения: 25.02.2019).

⁵ См.: п. 5 Определения Архиерейского Собора Русской православной церкви «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html> (дата обращения: 09.03.2019).

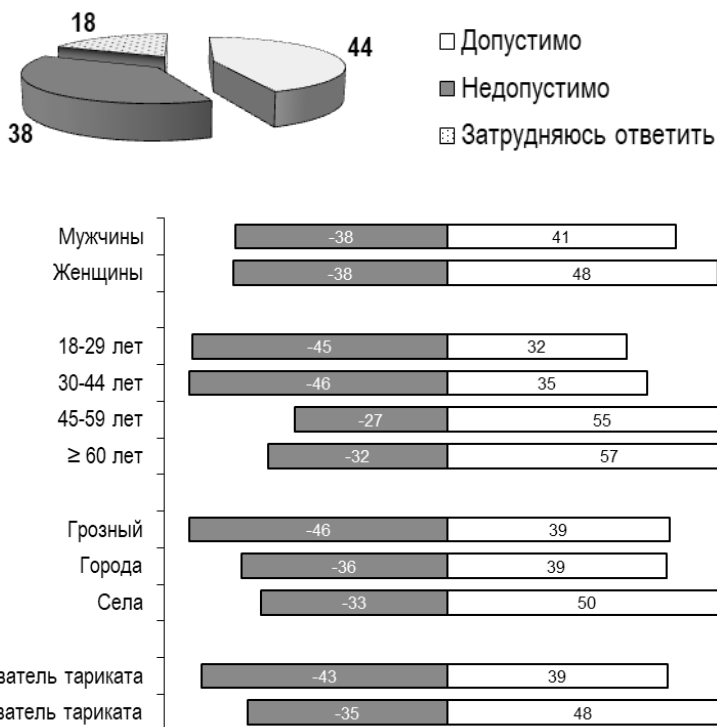

Рисунок 12. Допустимо ли в СМИ Чеченской Республики публиковать астрологические прогнозы?, % (В ответах на данный вопрос значимые различия между категориями наблюдаются для возраста, типа населенного пункта и принадлежности к тарикатам)

Заключение

На основании результатов проведенного опроса мы приходим к некоторым выводам. Ислам на территории Чеченской Республики в определенном смысле является частью этнической самоидентификации чеченцев и воспринимается как обязательная часть жизни чеченского народа. Значительная часть населения причисляет себя к традиционным исламским институтам — тарикатам, может назвать имена чеченских шейхов, однако опрос не дает оснований утверждать, что институт шейхизма в Чечне сохранился. Большую религиозность проявляют молодежь и жители столицы республики — Грозного. Для молодежи менее характерно причислять себя к традиционному для дореволюционного и советского периода истории Северного Кавказа исламу, она более склоняется к некоей его «чистой» форме, при этом убеждения молодых чеченских мусульман носят более радикальный характер, что проявляется в их отношении к институтам власти, в позиции по поводу присутствия ислама в повседневных практиках. В то же время нельзя не отметить достаточно высокую толерантность и даже заботу чеченского общества о людях иных вер и иных национальностей, готовность видеть их в своей республике в качестве жителей и/или гостей и согласие жителей видеть Чеченскую Республику частью Российской Федерации.

Список литературы (References)

Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Грозный : Северо-Кавказский центр высшей школы. Чеченский государственный университет, 2003.

Akayev V. Kh. (2003) Islam: Socio-Cultural Reality in the North Caucasus. Grozny: North-Caucasian Center of Higher Education. Chechen State University. (In Russ.)

Акаев В. Х., Солтамурадов М. Д., Газиев В. З. Суфизм в современном мире: интерпретации, теория и практика // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 29—37.

Akayev V. Kh., Soltamuradov M. D., Gaziev V. Z. (2017) Sufism in contemporary world: interpretation, theory and practice. *Scientific Thought of Caucasus*. No.1. P. 29—37. (In Russ.)

Дзутцев Х. В., Корниенко Н. В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 83—93. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010099>.

Dzutsev H. V., Kornienko N. V. (2018) Attitude of the North Caucasus republics population to religious freedom and apostates. *Sociologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 1. P. 83—93. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010099> (In Russ.).

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М. : Кучково поле, 2012.

Kovalevsky M. M. (2012) The law and custom in the Caucasus. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М. : Гендальф, 2001. Malashenko A. V. (2001) Islamic landmarks of the North Caucasus. Moscow: Gandalf. (In Russ.)

Малашенко А. В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. М. : РОССПЭН, 2009.

Malashenko A. V. (2009) Ramzan Kadyrov: Russian politician of the Caucasian nationality. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Тишков В. А. (ред.) Российский Кавказ. Книга для политиков М. : ФГНУ «Росинформ-агротех», 2007.

Tishkov V. A. (ed.) (2007) The Russian Caucasus. Book for politicians. Moscow: FGNU "Rosinformagrotekh". (In Russ.)

Ситников А. В. Религиозная традиция в современном обществе: опыт теоретического анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4 (35). С. 170—191. <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-233-254>.

Sitnikov A. (2017) Religious Tradition in Today's Society: Theoretical Analysis. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 35(4). P. 233—254. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-233-254> (In Russ.)

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005.

Chesnokova V. F. (2005) In a close way: the process of the churching of the population of Russia at the end of the 20th century. Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Ханаху Р. А., Цветков О. М. Исламская община Республики Адыгея: текущая ситуация и тенденции развития // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 97—103.

Khanakhu R. A., Tsvetkov O. M. (2014) Islamic community in the Republic of Adygeya: current situation and trends in development. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 101. P. 97—103. (In Russ.)

Ярлыкапов А. А. Ислам и традиция на Северном Кавказе // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2017. С. С. 301—315.

Yarlykapov A. A. (2017) Islam and tradition in the North Caucasus. In: Tishkov V. A., Stepanov V. V. (Eds.) *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAS. P. 301—315. (In Russ.)

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.09

Правильная ссылка на статью:

Шалин Д. Н. Игорь Кон: «Если бы в начале 1980-х меня куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 184—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.09>.

For citation:

Shalin D. N. (2019) Igor Kon: If they had given me permission to go abroad in the early 1980s, I would definitely not have returned. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 184—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.09>.

Д. Н. Шалин

ИГОРЬ КОН: «ЕСЛИ БЫ В НАЧАЛЕ 1980-Х МЕНЯ КУДА-НИБУДЬ ВЫПУСТИЛИ, Я БЫ ТОЧНО НЕ ВЕРНУЛСЯ»

ИГОРЬ КОН: «ЕСЛИ БЫ В НАЧАЛЕ 1980-Х МЕНЯ КУДА-НИБУДЬ ВЫПУСТИЛИ, Я БЫ ТОЧНО НЕ ВЕРНУЛСЯ»

IGOR KON: IF THEY HAD GIVEN ME PERMISSION TO GO ABROAD IN THE EARLY 1980S, I WOULD DEFINITELY NOT HAVE RETURNED

ШАЛИН Дмитрий Николаевич — к.с.н., PhD, профессор, директор Центра демократической культуры, Университет штата Невада, Лас-Вегас, США
E-MAIL: shalin@unlv.nevada.edu
<http://orcid.org/0000-0002-2793-9531>

Dmitri N. SHALIN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), PhD, Professor, Director of the Center for Democratic Culture
E-MAIL: shalin@unlv.nevada.edu
<http://orcid.org/0000-0002-2793-9531>

¹ University of Nevada, Las Vegas, U. S. A.

Ключевые слова: Кон, интервью, гендер, биография

Keywords: Igor Kon, interview, gender, biography

Настоящее интервью — первое из серии моих разговоров с Игорем Семеновичем Коном, записанных на магнитофон в период между 1990 и 2008 гг. Разговор состоялся в Бостоне, США, 5—7 мая 1990 г., когда Игорь посетил Гарвардский университет. Последняя часть этого интервью приводится с сокращениями, касающимися тем, освещенных более полно в других беседах [см., например: Кон, 2011]. Вопросы интервьюера несколько сокращены. Неразборчивые слова обозначаются вопросительным знаком. В квадратных скобках содержатся пояснения редактора и ссылки на упоминаемые источники.

*Дмитрий Шалин
Лас Вегас, февраль 2019 г.*

Дмитрий Шалин и Игорь Кон. Долина Огня (США), ноябрь 1992 г.

Дмитрий Шалин (ДШ): Сегодня у нас 5 мая 1990 г. Я разговариваю с Игорем Семеновичем, и мы попробуем поговорить о том, как он стал советским человеком, делал гадости с отвращением или не делал их совсем. Игорь, можете вы начать с автобиографических подробностей — когда и где вы родились...

Игорь Кон (ИК): Ну, родился в Ленинграде, 21 мая в 1928 г. Воспитывала меня мать. Отца не было.

ДШ: А что было с отцом? Это не совсем ясная история.

ИК: В анкетах у меня завсегда был прочерк, что отца не было. На самом деле физически он был, но брак не был зарегистрирован. Отец бывал... где-то я с ним познакомился лет в семь или восемь. Он приходил, давал деньги. Но отношения у нас были очень далекие. Я не знал, что это мой отец сначала. Думал это просто знакомый.

ДШ: Как его звали?

ИК: Семен Абрамович. Вот, во время войны, [когда] он был врачом в армии, он помогал больше, присылал деньги. После войны мы с ним встречались. Но человеческих отношений не было никаких. Он был для меня совершенно посторонний человек. И никаких чувств [не вызывал].

ДШ: В отличие от меня, вы встречались со своим отцом. Я своего никогда не видел.

ИК: Нет, я его видел.

ДШ: А он был женат?

ИК: Да, в этом все было дело, он был женат. Детей там не было. В моей жизни он не значил абсолютно ничего. И после того, как я узнал, что он мой отец...

ДШ: Когда это было?

ИК: Где-то, я не помню, лет в 12. Нет, меньше, наверно. Но это ничего не меняло. У меня никаких чувств не было.

ДШ: А было какое-то чувство потери?

ИК: Потери не было, потому что с детства я знал, что отец умер до моего рождения. И эта версия всегда излагалась как официальная. Но это ничего не меняет. Когда отец был, и он уходит, то это травма. А если его никогда не было, то потенциально какая-то проблема всегда существует. Но у нас достаточно много было семей без отцов. На сознательном уровне я не помню, чтобы это когда-нибудь было проблемой, чтобы я мечтал об отце. Хотя в раннем детстве была [история], я это знаю скорее из маминых слов. Я смутно помню, как в доме отдыха или где-то я нашел... я был очень хорошенький, разговорчивый, и вот я нашел какого-то мужчину, который со мной общался, привел его [к нам] и сказал: «Вот это мой папа». Я выражал полную готовность, но мама никакого желания не выразила [смех]. Поэтому чего не было, того не было.

ДШ: Он умер?

ИК: Он умер в 1949 г., причем, по слухам, он даже не умер, а был убит. Он был врачом, кандидатом медицинских наук, работал в Военно-медицинском институте в Ленинграде, был в командировке и что-то налаживал в Кишиневе. По слухам, его убили бандеровцы, или кто там был. Во всяком случае, оттуда привезли гроб, его не вскрывали. Такие вот были разговоры. Но для меня это не был близкий человек.

ДШ: А мама была близким человеком?

ИК: Да, конечно. Она занималась моим воспитанием, как это очень часто бывает в таких случаях, она была overprotective.

ДШ: Она ведь из какой-то благородной семьи?

ИК: Там смешанное происхождение. Довольно старое дворянство по женской линии, даже очень старое.

ДШ: А ее фамилия?

ИК: Кон, это ее фамилия. Но это фамилия деда. Не то дед, не то прадед еврейского происхождения.

ДШ: То есть и там были еврейские корни.

ИК: Да, да. Но семейное воспитание — оно все русское было и по той линии. По материнской линии там какое-то очень старое дворянство. Да, но потом все было намешано. Значит, есть такие легенды, но это не имеет практического значения. Мама сама была верующая.

ДШ: Какого вероисповедования?

ИК: Христианского. Когда она умерла, я ее похоронил по православному обряду. Ее отпевали в церкви, и потом удалось ее похоронить на Шуваловском кладбище, что почти невозможно. Надо сказать, что мама меня не воспитывала особенно религиозно, но были еще няньки религиозные. В детстве мы жили на даче в Шувалово постоянно летом. Я даже прислуживал в церкви, в Шуваловской церкви¹.

ДШ: Она была практикующей...

ИК: То есть она не ходила регулярно в церковь. У нее для этого не было и возможности, но она верила, молилась.

ДШ: Это сохранилось на всю жизнь?

ИК: Да. Я же говорю — ее хоронил по обряду. Более того, я сам крещеный, что было в 1928 г. очень трудно, очень рискованно. У меня где-то сохранился крестик. Так что были крестный отец и крестная мать.

ДШ: Этот опыт оставил какой-то эмоциональный след, какую-то теплоту по отношению к православию, церкви?

ИК: У меня всегда было уважительное отношение к церкви. Но сейчас наоборот, мне не нравится, что сегодня преобладает. Поэтому в той или иной форме я всегда против. Сегодня меня шокирует появление священнослужителей на телевизионных экранах по поводу и без повода. Может быть, они воображают, что я во что-то верю. На самом деле они не знают элементарных вещей. Помню, я испытал настоящий шок — возможно, я тебе это рассказывал, — как я побывал в Киево-Печерской лавре. В то время лавра была поделена. Часть была государственным заповедником, а часть принадлежала монастырю. Так вот, монастырская часть была вполне пристойной, а государственная часть была абсолютно непристойная. Можно как угодно относиться к религии, но Киево-Печерская лавра — это памятник русской культуры. Любые экспозиции должны быть прежде всего направлены в эту сторону, а антирелигиозная пропаганда может идти как побочный мотив. Там же все было наоборот. Показывают развалину Успенского собора, и идет разговор в таком ключе: чем был замечателен этот собор — а там была чудотворная икона; в ней был дорогой оклад из золота и драгоценных камней, и вот сколько это стоило бы на современные деньги. Потом это чудовищная публика, причем они [экскурсанты] ни в чем не виноваты. Они ходят в кельях и громко разговаривают, они смеются, а тут же какая-то старуха молится у мощей. Это совершенно чудовищно. Не знаю, но я человек не религиозного склада характера.

ДШ: Вебер говорил, что он *religiously unmusical*.

ИК: Совершенно верно! У меня нет мистических способностей, у меня рационалистический склад ума. Поэтому я отношусь к этому с уважением и, более того, теоретически я понимаю, что есть как эстетическая форма познания, так и религиозная. Это одна из форм познания мира и общения с ним, но это не мой стиль. Я воспринимаю эти вещи только извне и не хочу изображать то, чего у меня нет. Негодование по поводу всякой антирелигиозной пропаганды носит отчасти рациональный и отчасти эстетический характер. Это безвкусие, не говоря уже о том, что это оскорбляет людей. Поэтому я всегда уважал любые верования. Особых

¹ Судя по всему, речь идет об историческом районе на севере Санкт-Петербурга, а также Храме Александра Невского в Шувалове с прилегающим кладбищем на берегу Нижнего Суздальского озера.

симпатий к православной церкви, когда я стал взрослым, у меня нет. Сейчас ее влияние вызывает у меня неоднозначные чувства. Я за то, чтобы она была, но вместе с тем я хорошо знаю ее историю. Она всегда была сервильная, она всегда была консервативная.

ДШ: Игорь, какая фамилия у вашего отца?

ИК: Лифшиц.

ДШ: Я помню, что всегда считалось, что вы еврей.

ИК: Ну, еврейская фамилия.

ДШ: А когда вы узнали, что у вас что-то общее с еврейством?

ИК: Во время войны. У меня была какая-то встреча с ребятами с факультета журналистики, и мы говорили на разные темы. Их интересовали в основном проблемы сексуальности, другие вопросы. Потом какой-то мальчик стал спрашивать насчет национальности. Я ответил, что если бы сейчас заполнял документы, я бы записал, что я еврей. Я чувствую себя евреем только потому, что существует антисемитизм. Я стал евреем в результате антисемитизма. В воспитании ничего такого не было. До войны я понятия не имел о национальности моих одноклассников. У нас этого не было, вопрос не обсуждался, никакой проблемы, но вот ретроспективно я могу сказать, что мой ближайший друг в младших классах был евреем. Это я, кстати, знал и раньше. Но кто такой Борис Крайчик, еврей он или нет, такой вопрос не возникал. Я знал, что у него бабушка была верующая и [употребляла?] кошерное. Это я знал. В отношении других своих друзей я этого не знал. А во время войны в эвакуации пришлось столкнуться с антисемитизмом.

ДШ: Где Вы были в эвакуации?

ИК: В Чувашии. Тогда стало понятно наличие такой проблемы. В метрике у меня было записано, что я русский. Соответственно это было перенесено и в паспорт. А дальше это было всю жизнь проблемой, потому что... Обычно считается, что это дает [преимущества], скрывает национальность. Это давало сомнительные преимущества. Я знал евреев по фамилии Голубев или Лебедев; имея такую фамилию, если в паспорте написано «русский», это может давать преимущества. Но даже при фамилии не только еврейской, но немецкой, все равно она воспринималась как еврейская. В отделе кадров это был единственный вопрос, к которому не было формального отношения. Поэтому преимущества были сомнительные, а минусы были бесспорные. Чувство некоторого дискомфорта при общении с людьми, чувствительными к этой сфере в еврейской среде. Ощущение, что ты выдаешь себя не за то, что ты есть. Поменять — такие мысли приходили в голову, но это было невозможно. Опять же, это был бы вызывающий жест, и довольно рискованный.

ДШ: Вы помните дело врачей²?

ИК: Да, конечно.

ДШ: Тогда уже было ясно, что такое антисемитизм?

ИК: Было ясно и до этого. Но дело врачей было ужасным, потому что это казалось... К счастью, в это время я сидел без работы, ни с кем не общался. Дело в том, что я учился... Ну, мы тут перескакиваем через хронологию.

² Имеется в виду уголовное дело против ряда видных врачей, в позднесталинский период обвиненных в заговоре и намеренных убийствах ряда высокопоставленных советских политических деятелей. Огласка дела носила существенный антисемитский характер.

ДШ: Мы еще вернемся к ней. Пока тут тематический сюжет.

ИК: С делом врачей все было понятно. И при Сталине было ясно, что это такое. Отчасти благодаря этому делу мне было ясно, что представляет собой Сталин. Не в полном объеме, но где-то в 50-х.

ДШ: До 56-го?

ИК: Да, задолго до. Это очень сложная вещь. У ребят очень часто в голове видишь кашу. Но я отношусь к этому делу спокойно, потому что я помню себя. Эта политическая каша в голове, особенно при дефиците информации, — нормальное явление. Из него трудно выходить, и иногда не выходят никогда, потому что какие-то вещи страшно обдумывать до конца. Если додумываешь до конца, то жизнь становится невозможной. Это касалось, в частности, дела врачей. Было понятно, что все это липа, что этого не было и быть не могло. Но додумать до конца, что все это спланировано, было очень страшно. Потому что тогда надо понять, что дальше начнется массовая резня. Очень хотелось думать, что хотя это, конечно, провокационная штука, но она сделана на каком-то другом уровне.

Может быть, он об этом не знает и как-то разберутся, и так далее. В отношении Сталина я хорошо помню свои установки. Бандитизм этот самый, мне он был понятен очень рано. Причем мне мама этого не рассказывала, мама политикой не занималась. Она была медсестрой, ничего об этом не знала. В ее круге общения не было людей, имевших дополнительную информацию. Я был приобщен к классической литературе, но, скажем, о Пастернаке я узнал из постановления ЦК 1946 г. И Ахматову я не читал. Все эти имена были для меня новые, и восприятие было неадекватным. Пастернак мне казался очень заумным — потребовалось долгое время, чтобы я понял, что он действительно великий поэт. Я не одобрял проработок, но на другом уровне... Официальные источники информации и разговоры в те годы были лимитированы.

Возвращаясь к Сталину. Что история партии представляет собой ложь, я понял очень рано просто потому, что я был хорошим студентом и хорошо учился. Я вычислил, что все враги народа, о которых было известно, что они состояли в заговоре изначально, если не с рождения, [были таковыми] во всяком случае с Октябрьской революции. Но даже из тех источников, которые мы изучали, было ясно, что они составляли большинство. И тогда я задал себе вопрос: почему они не могли проголосовать и демократическим путем эту горстку «праведников» выкинуть? Они этого не сделали и потом противостояли по одиночке. Мне стало понятно, что это вранье. А раз это вранье, значит и остальное вранье. Поэтому в историю партии я никогда не верил и ею не интересовался. Я сдавал свои экзамены, и с тех пор, как я сдал последний экзамен, я никогда ни одной книжки на эту тему не читал, и теперь не читаю. Меня и теперь это не интересует.

ДШ: Вернемся к теме разрыва с официальной идеологией. Давайте восстановим хронологию. Вы ходили в школу в Ленинграде и были хорошим студентом.

ИК: Да, я был всегда отличником, в этом мой главный недостаток. Я хорошо знаю, что отличники — это не лучшая порода людей. Понимаешь, ориентация на отметку и честолюбие, с этим связанное, — дурное качество. От него трудно избавляться. Может быть, и нельзя [совсем]. За исключением первого и второго

класса, где у меня с чистописанием не ладилось, я всегда был первым учеником. Даже мысли о том, чтобы я не был первым...

ДШ: И закончили первым учеником?

ИК: Ну, ты же знаешь, у нас-то официально это не считается, но конечно. Дело в том, что я закончил только семь классов. После седьмого я сдал экстерном экзамены за высшие классы и поступил в институт.

ДШ: Сколько вам было лет?

ИК: Пятнадцать. Это было в Чувашии, в эвакуации. Очень слабые студенты, поэтому меня хотели иметь студентом. И студентом я тоже был первым, но это было легко, я был способным.

ДШ: А ладили вы со своими сокашниками?

ИК: Да, в младших классах были очень хорошие отношения, очень хорошие. В эвакуации было уже сложнее. Трудно сказать, я об этом не задумывался, были ли это возрастные процессы. Это была эвакуация, другие ученики, другой культурный уровень, другая среда, включая и антисемитизм. У нас в классе были разные группы. Были эвакуированные ребята — это была интеллигенция, — и с ними было хорошо. С местными ребятами были другие отношения, достаточно напряженные. Я не могу сказать, что были какие-то конфликты. И, по-моему, того, что было потом, как я об этом читал и знаю, когда убивали, — этого никогда не было. Меня в жизни никто не бил. Но отношения дружеские были с ребятами своего круга. Социальные и культурные различия сказывались.

ДШ: Запомнился кто-то из школьных учителей?

ИК: Ну, учителей всегда хорошо помнишь. Были хорошие учителя, были плохие. Но так, чтобы кто-то особенно повлиял, — этого не было. Дело в том, что после седьмого класса я поступил в институт, а знакомство с институтом началось еще годом раньше. В эвакуации в Чувашии был такой город Марпосад, маленький городишко. Жизнь была страшная, есть было нечего. По карточкам выдавали только хлеб. На рабочую карточку 600 граммов, на иждивенческую — 300. Было очень голодно, ничего не было. Ведро картофельных очисток стоило рублей 50. Поэтому очень было голодно, трудно, хозяйством мы обзавелись не сразу.

ДШ: Жили на мамину зарплату?

ИК: Да, причем мы эвакуировались немножко легкомысленно. Никто же не знал, что война — это надолго. Всерьез она не воспринималась, и сама эвакуация проходила довольно хаотично.

ДШ: В каком году вы уехали?

ИК: В сорок первом. Причем на первом этапе, когда стали говорить, что стало опасно и детей надо эвакуировать, мама меня отпускать не хотела. Она бросила свою работу — тогда она работала не медсестрой, а инспектором охраны труда и хорошо зарабатывала — она бросила работу, пошла работать медсестрой и была эвакуирована с огромным детским садом. Это был абсурд, никто не знал, и власти не знали, что такое война и насколько это серьезно. Бомбежек еще не было, даже шоколадка выдавалась. Одна из моих обид — во время эвакуации в теплушке я потерял плитку шоколада. Выронил ее там, а найти было уже невозможно. Еще первое расстройство от войны, что мне не удалось посмотреть на Кировских островах, [где шли] тюзовские спектакли, «Двадцать лет спустя». Из-за войны это

отменилось. Я запомнил это надолго, и после войны по возвращении в Ленинград одной из первых вещей, которую я хотел посмотреть, был этот недосмотренный спектакль.

Детские фрустрации довольно хорошо запоминаются. Вот, а детей эвакуировали в Ленинградскую область. Нас вывезли в Ровенский район, это где-то за Бологое. Мама была медсестрой, и я был при ней. Потом последовал приказ всех вернуть. И оттуда мы возвращались уже под бомбежкой. Страху не было. Я помню трассирующие пули — это было очень красиво.

ДШ: Итак, мы говорили о школе, об антисемитизме, о сталинизме. У нас тут тематический подход чередуется с хронологическим.

ИК: Ты командуй.

ДШ: Значит, закончилась школа, и куда вы поступили — в Ленинградский университет?

ИК: Это было в Чувашии, [я поступил] на исторический факультет, в эвакуации.

ДШ: Вы его закончили?

ИК: Нет, только первый курс. А потом я вернулся в Ленинград и поступил на второй курс в Герценовский институт.

ДШ: И какие у вас воспоминания о студенческих годах?

ИК: Ничего особенно хорошего. Я поступил в институт в пятнадцать лет, в результате у меня было нарушено общение со сверстниками. А это очень важно. Поэтому и в студенческие годы я был первым, у меня даже была Сталинская стипендия. Но у меня не было близких отношений с одноклассниками. Мои одноклассники были значительно старше. Это не только три года, это еще послевоенные годы, когда люди возвращались из армии. Я был мальчишкой. Кстати, отсюда у меня остался постоянный интерес к юношеской психологии — как другие переживают этот интересный период в жизни. Потом это все восстановилось. В конце института, на последнем курсе у меня уже появилось общество сверстников, друзья, и так далее. Три года были пропущены.

ДШ: И это была главным образом учеба.

ИК: Это была сплошная учеба. Я очень много читал. У меня была хорошая память, я помню, что читал в школе. Сейчас я читаю книжку и могу ее забыть, помню только впечатления от нее, и то не обязательно, а сюжеты, имена и так далее забываются совершенно. Тогда это было интенсивное чтение. В студенческие годы у меня уже был материал для диссертации, хотя я тогда не знал, что это будет именно так. На третьем курсе я стал заниматься своей темой о Мильтоне, общественно-политические взгляды³.

ДШ: А как было с языками?

ИК: Языками я начал заниматься еще в школе, где-то в классе седьмом. Жизнь была голодная, тяжелая, ничего особенно интересного не было. Я занимался параллельно тремя языками.

ДШ: Занимались самостоятельно?

ИК: Да, потом произношение ставилось преподавателями. Английский язык у меня был в институте, была хорошая преподавательница (ко мне хорошо относи-

³ В 1950 г. И. С. Кон защитил диссертацию «Джон Мильтон — идеолог революционной английской буржуазии XVII века» на соискание степени кандидата исторических наук.

лись вообще), и она занималась со мной дополнительно. Поэтому произношение было поставлено, как возможно. Потом уже в Ленинграде я ходил на курсы французского языка, но только один семестр: ради произношения. А дальше я просто поехал в дом отдыха и взял с собой любимый роман, который когда-то читал совсем в детстве в русском переводе — «Графиня де Монсоро»⁴. И когда я вернулся из дома отдыха, я знал, что могу читать по-французски. Тем более что он легко читается. А немецкий, который я выучил в школе, — он так и остался самым слабым. Я могу читать по-немецки, в случае необходимости говорить, но совсем плохо... Но вот эта потеря общения была, конечно, очень существенной. И восстановилось это только после первой школьной практики. Кстати, практика была довольно занятой психологически.

ДШ: Практика была после вуза?

ИК: Нет, на четвертом курсе. Тогда еще было отдельное обучение. Это была женская школа, десятый класс, девочки были в общем моими сверстницами. Довольно сложная система. Кроме того, я там в первый раз влюбился. Самое смешное, что я узнал об этом последним. Все знали о том, что я влюблен, — я не знал. У меня не было такого опыта. Это было неосознанно. Ситуация улыбалась взаимностью. Я тогда понял на всю жизнь [одну вещь], когда осознал, что я последний. Мне это было очень неприятно. Я решил, что надо позаботиться о том, чтобы быть непроницаемым — никогда больше люди не будут знать, что я чувствую в семье и в любви. И этому научился. Я слышал о себе много разных сплетен, но до меня никогда не доходила информация о том, что я действительно чувствую. Я всегда избегал [этих вещей?].

ДШ: А другие знали о ваших чувствах...

ИК: Это было очевидно.

ДШ: Был тут какой-то фаворитизм...

ИК: Нет, ну какой там фаворитизм. Восемнадцатилетний мальчик — он же совершенно прозрачен. Это же все видно. Тогда мне было обидно, почему так. Но когда я стал взрослым, я понял, что в этом возрасте ничего скрыть нельзя. На самом деле это и не надо скрывать. Просто у меня была повышенная чувствительность к этим вещам, а на самом деле здесь нет ничего зазорного, и меня никто не дразнил. Отношение ко мне было вполне доброжелательным.

ДШ: А это осталось на чисто платоническом уровне?

ИК: Да, конечно, конечно. Нет, я мог ухаживать, это было очень смешно. Я не знал, как это делается. Я помню смешную вещь. Я купил цветы и потом предложил их нести как веник [смеется]. Я только потом сообразил, что цветы не надо предлагать носить, они с этим и сами справляются. В общем, творил чудеса. Помню, я сделал тогда фантастическую вещь, никогда позже не смог бы этого сделать. У меня всю жизнь это было и [с годами] усиливалось, сейчас это совсем тяжело: я совершенно не переносу что бы то ни было просить. Мне это крайне мучительно, даже пустяковые вещи. Если я что-то прошу, это знак очень хорошего отношения. А тут вот мне хотелось девочку, куда-то я ее приглашал, но это не получалось. А ей очень хотелось слушать первый концерт Чайковского с Серебряковым. У него

⁴ Второй роман трилогии А. Дюма-отца о гугенотских войнах.

был концерт, концерт абонементный, достать билеты было невозможно. Да, [в это время] у меня шло восстановление отношений и с ребятами тоже, и с тех пор сохраняется дружеская связь. Это все с тех пор. Я уже был год в аспирантуре, был внештатным инструктором райкома комсомола. У нас была хорошая атмосфера, я занимался школьниками. Мне это было очень интересно в личном плане. Это была попытка сломать карьеризм школьного комсомола — у ребят возникали психологические, моральные вопросы.

Из этого, кстати, вытекла моя философская диссертация⁵. В аспирантуре у меня была работа по новой истории, а когда были разговоры со школьниками на разные этические темы, возник вопрос, как воспринимать теорию разумного эгоизма Чернышевского в свете коммунистической морали. Я выступал на этом диспуте, меня заинтересовал вопрос, и я стал смотреть литературу. Оказалось, что нет никакой литературы на эту тему, хотя к этому времени по Чернышевскому было защищено около 600 диссертаций. Я стал читать Чернышевского, и когда я дочитал, я понял, что здесь [хватает материала] на диссертацию. Конечно, это все было примитивно, но, тем не менее, она была. И была статья в «Вопросах философии» [Кон, 1950]. Так что интерес к этой проблематике, к юношескому возрасту был связан с дефицитом общения и потерей [контактов].

ДШ: А вы формально объяснились? Вам тогда было...

ИК: Восемнадцать. Я понимал... В этом не было необходимости. Девочки — они в общем все это понимают гораздо раньше, чем мальчики. И поэтому, так сказать, это достаточно понятно. Меня всегда любили мамы. Вот это мне было очень обидно, потому что девочки меня любили не всегда, а мамы меня любили всегда. Я же был такой положительный.

ДШ: Вы были вундеркиндом.

ИК: Конечно, конечно. Девятнадцатилетний аспирант, перспективы и вообще сплошная положительность. На самом деле, это очень скучно.

ДШ: В Союзе это имело больше значения, чем здесь. Если тыходишь в науку рано, тебе это дает какой-то статус, но сомнительный.

ИК: Ты знаешь, Дима, я думаю, что это везде одинаково. И девочки достаточно практичны.

ДШ: Да, но здесь неформальная юношеская культура более значима.

ИК: Да, конечно.

ДШ: Ты не хочешь быть изгоем.

ИК: У нас тоже это достаточно четко. Я понимаю, что если бы я учился в школе нормально в старших классах, я был бы лидером. У меня были и другие качества. Я был лидером в одних отношениях и способен на серьезные конфликты в других. Я никогда не занимался спортом, меня даже освобождали. Дело в том, что у меня в детстве был энцефалит, и осталась неправильная координация движений. И поскольку я всегда любил быть первым, я никогда не участвовал — не участвую и не буду участвовать — ни в каких соревновательных вещах, где у меня нет разумных оснований считать, что я могу быть первым. Это очень жесткая установка. Вероятно, я этого и не осознавал, но была еще нелюбовь к этим вещам. А мама

⁵ Имеется в виду защищенная в 1950 г. диссертация на соискание степени кандидата философских наук «Этические воззрения Н. Г. Чернышевского».

об этом заботилась. Учителя физкультуры боялись, что я как-то упаду неловко и прочее. И меня, к моему большому удовольствию, от физкультуры освобождали. Это была большая ошибка. Потом выяснилось, что все эти вещи можно было без малейшего труда (или с небольшим трудом) разработать. Надо было заставлять, это все спокойно восстанавливалось. И только потом уже, когда кончил институт, уже будучи взрослым, меня один приятель увлек туризмом, в том числе высокогорным туризмом. Это мне доставляло большое удовольствие. И если бы образовалась компания, я бы это продолжал при всех трудностях.

А тогда, говоря о чудесах, была идея первого концерта Чайковского, и я пошел в райком партии добывать [смех]. Понимаешь, у тебя уже другое восприятие, тебе видятся какие-то страшные бюрократические учреждения. На самом деле это совсем не так. Вот Куйбышевский райком комсомола — это была очень теплая организация. Идеологию все принимали более или менее всерьез, это сороковые годы. Проблемы возникали случайно — скажем, по поводу истории партии. Но это мне совершенно не мешало верить в другие вещи, в моральные ценности. И атмосфера в райкоме была хорошая. Я помню — тогда это было психологически очень трудно — я пошел [в райком], понимая, что когда я обращаюсь с такой просьбой... Я пошел к заведующей отделом пропаганды райкома партии [?], она меня знала. Мне было неловко сказать, что мне очень нужны два билета в филармонию на концерт Чайковского. Она не задавала никаких вопросов, но все это было совершенно прозрачно и понятно. Я был ей очень благодарен, но на самом деле любая женщина в таком случае понимает мальчишку. Она звонила в филармонию, и у меня были не входные билеты, а самые лучшие. Но это мне не помогло [смеется]. Там были и другие мальчики. У меня не было никогда в этом отношении завышенной самооценки. Так что это было очень занятно. А потом из-за этой практики и райкома у меня появились друзья и установились хорошие отношения со сверстниками, оставшиеся на всю жизнь.

ДШ: Любопытно, что именно там вы нашли друзей, которые симпатизировали вам.

ИК: Что значит там?

ДШ: В райкоме.

ИК: Нет, я не имел никакого отношения к райкому комсомола. То были школьники. Знакомства появились, потому что по линии райкома я бывал в школах.

ДШ: А, то есть вы работали в школах.

ИК: И в райкоме были мальчики старше меня, с ними тоже завязались дружеские отношения. У меня была любимая школа (школы тогда были отдельные). Это была мужская школа, и вот там у меня появились друзья, с которыми я до сих пор поддерживаю отношения.

ДШ: Игорь, а вы стихи писали?

ИК: Писал, но плохие. Даже напечатал.

ДШ: Когда вы стали печататься?

ИК: Стихи были напечатаны, по-моему, еще в эвакуации в Чувашии, в местной газете. Это было очень смешно.

ДШ: Вы помните что-то и сейчас?

ИК: Я не помню. Это было первое воспоминание, связанное с редакторским произволом. Была такая агитка — я и тогда понимал, что это не стихи. Запомнил

их только потому, что они были искажены редактором. Текст был такой: «Цветные металлы нужны для страны / на танки, на пушки, на пули. / И лом металлический сдать мы должны, / [куда бы они заглянули?]». Что дальше, я уже не помню. Когда стихи были напечатаны, я обнаружил в тексте, что вместо «пули» там было напечатано «самовар». Я пришел в ужас. Редактор этого ничего не понимал. Я говорил про рифму, но он этого не понимал, что такое рифма. Районная газета, сорок третий год. Или сорок второй, я уже не помню. Я говорю, ну как же, ведь «пули заглянули». А он: «Куда пули заглядывают?».

ДШ: Первое, но не последнее столкновение с редактором.

ИК: Да, да.

ДШ: И вы оставили писать стихи?

ИК: Ну, потом с возрастом... я писал и другие стихи, более лирические. Это было только для себя. Потом я понял, очень рано понял, что это плохие стихи, и перестал.

ДШ: А когда вы стали печататься?

ИК: Я стал печататься очень рано. Причем в те времена это было очень трудно. Я печатался с сорок девятого года, с аспирантуры.

ДШ: Это была первая статья?

ИК: Нет, это не первая статья. Первая большая статья в «Вопросах философии» у меня была в 1950 г. Она была об этике Чернышевского. В те времена никто из ленинградских философов в «Вопросах философии» вообще не печатался. Считалось, что туда очень трудно пробиться. Что написал, я послал.

ДШ: Просто так?

ИК: Просто так, с улицы. Никто не помогал. Просто статья пришлась к месту. Потом выяснилось, много лет спустя я это узнал, что я перешел дорогу Татьяне Николаевне Горнштейн⁶. Ты знаешь это имя.

ДШ: Что-то знакомое.

ИК: Она много лет сидела, двадцать лет сидела в тюрьме, потом в лагерях, и так далее. Потом мы с ней познакомились, когда она вернулась в Ленинград, и она рассказала об этом деле. В «Вопросах философии» нужна была статья на эту тему. О Чернышевском было 600 диссертаций, но не было работы об этике. Статья была примитивная, конечно, но все тогда было примитивное. Вот и Горнштейн пыталась напечатать у них статью раньше моей статьи на эту же тему. Но это был высокий идеологический журнал, они печатали с большим разбором. На авторов запрашивали официальную характеристику, без характеристики они не могли ничего напечатать. И хотя она уже была на свободе, ее биография не совсем... И когда в [редакции] получили мою статью, то они очень обрадовались, потому что мальчишка без биографии. И это было напечатано. А всесоюзная известность пришла очень скоро, в 1951 г., когда появилась статья «Наука как форма общественного сознания» [Кон, 1951]. Статья была безумно смелая по тем временам. Она была очень глупая, потому что...

ДШ: Ну, по тем временам...

ИК: По тем временам. Это была единственная [публикация]. Когда я начинал работу... Хотя у вас на курсе я уже не читал?

⁶ Горнштейн Татьяна Николаевна (1904—1980) — советский философ. Была дважды репрессирована (в 1936 и 1949 гг.).

ДШ: Вы читали исторический материализм, но на старших курсах.

ИК: Когда я читал то, конечно, в пределах возможного — а возможности зависели и от тебя тоже, я любил ребятам рассказывать всякие вещи. В пятидесятых годах, уже после XX съезда, после 1956 [года], когда я пришел в университет, что такое культ личности, ребята этого не знали. Это надо было рассказывать и разъяснять, так же как сегодня люди не понимают ситуации 1960—1970-х и стараются доказывать, какие они все были прогрессивные и смелые. Хотя на самом деле, за очень редким исключением, они были серо-буро-малиновыми и в крапинку. Разница в том, что в 1940-е и начале 1950-х было больше веры, хотя она была смешана со страхом. Были достаточные основания не верить, но слишком страшно, а в 1960-х было больше лицемерия. Фундаментальное свойство советского мышления — это doublethink. Без этого было невозможно выжить. Я, кстати, сейчас думаю, и это по теме нашего разговора, вернуться к теме, которую мне когда-то предлагал McGraw-Hill⁷, и даже с контрактом, но в те годы я понимал, что не могу написать книгу «Coming of Age in the USSR» и провести ее через цензуру, в начале 1980-х. А сейчас я думаю, что такую книгу я мог бы сделать для какого-то приличного американского издательства вне зависимости от советских публикаций. Вот, значит, фундаментальная вещь — это double thinking, потому что без этого нельзя было выжить. Человек, который принимал всю официальную пропаганду стопроцентно всерьез, — этот человек был обречен. Он тогда должен был идти на врагов, по этим принципам строить свою жизнь, а это было невозможно. Принципы в жизни не реализовывались. Человек, который всерьез воспринимал социальное равенство и прочие вещи — а такие люди были, — он должен был быть организовывать, по сути, антисоветские организации. Это было смертельно. Но точно так же было смертельно и другое — полное неприятие этой идеологии. Для этого надо было обладать внутренним потенциалом, и не только интеллектуальным, но и нравственным. Способностью выключиться из общественной жизни.

ДШ: То есть, в каком-то смысле, нужно было быть абнормальным.

ИК: Ну, да. Это, конечно, советская интерпретация — то, что отличается, то ненормально. Но нужно быть не просто маргинальным, а social outcast, идти работать дворником, лесничим и так далее. Такие люди были, но на это способны очень немногие. Поэтому условием выживания было это двоемыслие, когда и то, и другое, и тезис, и антитезис, они одинаково принимаются. Дело не только и не столько в степени, сколько в ситуации, когда человек по-своему искренен на собрании и по-своему искренен в домашних условиях. Без этого такой осознанный цинизм, где ты находишься на грани гениальности. На это мало кто способен.

ДШ: Какая-то рудиментарная вера была нужна, без нее было невозможно.

ИК: Да, абсолютно невозможно. А потом постепенно это все расшатывалось, в шестидесятые, семидесятые.

ДШ: То, что Ленин был честным...

ИК: И не только в абстрактных вещах. Трудно даже для себя, не говоря уже о том, когда работаешь на публику. В автобиографии ты помнишь про себя все хорошее, и мы не очень любим высказывать плохое и стыдное. Но даже для себя, для чело-

⁷ Американский медиахолдинг, занимающийся, среди прочего, издательской деятельностью.

века с высокоразвитой рефлексией, очень трудно во многих ситуациях дать себе отчет о преобладающей мотивации — где это трезвый расчет, [понимание] что иначе нельзя и надо действовать step by step, а где это форма самосохранения, приспособления. Действительная мотивация — это страх. В этом невозможно разобраться, и это психологически совершенно нормальный феномен, не ограниченный рамками советского общества. Любые попытки анализа со стороны и изнутри... Сегодня люди доказывают, какие они всегда были хорошие. Потом вытаскиваются их сочинения, цитаты, где они были не такие плохие и такие хорошие. Вся эта однозначность выглядит очень неприлично. Андрей Дмитриевич Сахаров — да, это однозначно, но таких людей очень мало. А люди, которые входили в истеблишмент... Я думаю, что в этих ситуациях раскапывать грязное белье, которое копилось за все эти годы, — это ненужная вещь, это только создает дополнительные трудности.

ДШ: Нужно ставить точку.

ИК: Да, нужно где-то ставить точку. Конечно, палачи — это палачи, жертвы — это жертвы, но очень многие жертвы на самом деле были палачами, и не в меньшем масштабе. Я просто видел многих людей, которые вернулись из тюрем в начале 1960-х, и было поразительно, что ничего не меняется в человеке. Он возвращает себе потерянные годы жизни, в подавляющем большинстве случаев возвращаясь ровно на то место откуда его удалили. Если он был достойный человек, он возвращается на то же место. Если он был подонок, страж чистоты идеологии — опять же, он возвращается на тоже самое место. Я видел таких людей. Общие разоблачения — то, что произошло в последние два года, до этого все держалось, — они важны. Но я думаю, что за исключением тех случаев, когда человек претендует на очень уж особое моральное право или когда он продолжает, что было позавчера после всех изменений — за исключением таких крайних случаев, нужно оставлять эти вещи за [?]. Если у человека есть совесть, он сам знает и вспомнит, а если нет, то надо так и оставить — пусть живет.

ДШ: Но возьмите конкретный пример Солоухина. Вы знаете историю его выступления при обсуждении Пастернака⁸. Я вижу здесь параллель с тем, что вы говорите. «Ну, да, — замечает Солоухин, — я выступал вместе с двумя десятками людей, а другие молчали и голосовали, голосовали за исключение». То есть все мы были подонки, нужно отдавать под суд время, а не людей. И поскольку все мы виноваты, то все мы и не виноваты. Прав ли Солоухин, или здесь важны градации?

ИК: Нет, были градации, они и тогда имели значение. Люди разные. Один и тогда это делал с муками и с трудом, другой легко, третий — с удовольствием. И когда постфактум люди осуждают других и не осуждают себя, то это безобразно. Понимаешь, здесь требуется входить во внутренний мир человека, в его жизненную ситуацию. Один просто делал карьеру. Другой... Я помню рассказы. Скажем, когда Антакольский⁹ подписал что-то, чего не надо было [подписывать], он гово-

⁸ Солоухин Владимир Алексеевич (1924—1997) — советский писатель и поэт, известен как представитель «деревенской прозы». В 1958 г. на Общественном собрании писателей принял участие в обсуждении романа лауреата Нобелевской премии Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», где отмечал, что Пастернаку следует эмигрировать. Подробнее об этом см., например, здесь [Shalin, 1989].

⁹ Антакольский Павел Григорьевич (1896—1978) — советский поэт, переводчик, драматург, эссеист.

рил... У него была страшная ситуация, потому что в самиздате ходили его стихи, а обстановка менялась, у людей появился страх. Здесь трудно [судить] со стороны. Какие-то вещи надо оставлять за скобками. Нельзя требовать от человека, если он не занимается физкультурой, чтобы он перепрыгивал планку. А там пропасть или яма, можно сломать ногу. Ему нельзя ставить в вину то, что он не прыгает — он с роду не прыгал. Это не его работа. Я много обсуждал эти вещи в абстрактной форме, насколько это было возможно. Для меня очень важна книга «В поисках себя» [Кон, 1984]. За исключением некоторых дежурных материалов, без которых она просто не могла выйти, там ведется серьезная рефлексия, в том числе и на тему ответственности, степени ответственности, и так далее. Что-то я бы напечатал и сейчас, и где-то я ее цитирую.

ДШ: В своей автобиографии Гейзенберг [Гейзенберг, 2004 (1971)] вспоминает историю Вильгельма Телля¹⁰ и говорит, что тот был не прав, отказавшись поклониться наместнику короля. Он при этом рисковал жизнью сына, когда в наказание ему пришлось стрелять в яблоко на голове сына. Если продолжить эту метафору, можно ли сказать, что решение Телля не только не разумно, но и не морально, что неповиновение диссидента ставит под угрозу благополучие близких?

ИК: Это неверная постановка вопроса. Я думаю, что в этих ситуациях нельзя говорить, кто прав и кто не прав. История делается совместными действиями. Для меня был очень важен пример Солженицына и Сахарова. Чрезвычайно важен. Хотя я никогда не рискнул бы выступить в их защиту. Я знаком с [?] еще до замужества; переехав в Москву, я ни разу не звонил ему, потому что считал, что у меня нет морального права. Правда, я никогда ничего не говорил против. Но я и не был в ситуации, когда мне предлагали бы это сделать.

ДШ: Вас никогда не просили что-то подписать?

ИК: Ну, бывали разные вещи. Бывают вещи, от которых можно уклониться, бывают вещи, от которых уклониться нельзя. Есть определенные правила игры. Я об этом рассказывал в одной из статей в «Московских новостях» [Кон, 1988а]. Когда-то много лет назад в одной компании мне рассказали об одном знакомом, который сидел. Талантливый человек. [Оказалось, что] много людей по его показаниям сели. Отношение к нему было негативное. Потом, когда я рассказал об этом кому-то другому, в частности Василию Исаевичу Мишину, который сидел, он сказал: «Не надо обсуждать такие вещи и высказывать по этому поводу суждения. Вы не были в этих переделках и не знаете, как бы вы себя повели, что бы с вами произошло [в этих условиях]. Лучше не осуждать других». Я тогда вспомнил, сколько в моей собственной жизни было компромиссов и всего прочего, и отнюдь не под пистолетом. Никто мне не угрожал, и тем не менее, где надо было бы что-то сказать, я молчал.

ДШ: То есть оценка вне истории...

ИК: Не только в истории. Здесь важен еще субъективный контекст. Скажем, я знаю о себе, что я завишу от погоды. Вот когда меняется погода, у меня появляется тревожность. У сердечников бывают сердечные приступы, а у меня приступы тревоги и страха. Если я утром просыпаюсь в более подавленном состоянии, чем

¹⁰ Легендарный народный герой Швейцарии (кон. XIII — нач. XIV вв.). Воспет в многочисленных источниках, в том числе является героем одноименной оперы Дж. Россини.

обычно (в веселом состоянии не просыпаюсь никогда), если без всяких видимых причин начинается тревога, я знаю, что меняется погода. И вот любая ситуация, житейская и не житейская, если она придется на такой момент, когда тебе страшно и тревожно, реакция может быть панической. В другой обстановке ты этого не сделаешь. Мое возвращение из Москвы отчасти было связано с тем, что я обнаружил свою зависимость от погоды — у меня была повышенная реакция на все, и все воспринималось хуже, чем оно было на самом деле.

ДШ: Тогда вы работали в Институте общественных наук?

ИК: Да. Но я этого еще не знал, была зависимость от погоды (хотя московская погода лучше ленинградской). В Ленинграде я этого не замечал.

ДШ: Если я правильно понимаю, здесь не существует привилегированной системы координат, в которой каждая личность может быть оценена. Система координат подвижна, связана с историей, с контекстом, с конкретной ситуацией. Можно сказать, что человек живет в неклассическом мире, где микрообъект имеет множество состояний, без абсолютной массы и траектории. Тут есть элемент неопределенности, кем он проявит себя в конкретной ситуации, не всегда можно предсказать. Это рассуждение может служить оправданием Солоухину, но тут и предостережение против абсолютизации добра и зла.

ИК: Да, я думаю... Мне редко нравятся мои статьи, поэтому я их не собираю и не посылаю, но ежели это тебя интересует... Хотя ты читателем особенным не был. Я не обиделся, но до сих пор помню, что ты «Социологию личности» [Кон, 1967] до конца не прочитал [смеется]. Помню, я тебе это сказал.

ДШ: Это правда.

ИК: Но я к этому тоже отношусь совершенно спокойно. У меня было несколько статей по разным вопросам, связанным с этикой. Они более личные, чем кажется на первый взгляд. Так вот, я думаю, что надо без оценок обойтись. Человека надо оценивать по всей совокупности его поступков. Если есть какая-то последовательная линия, то она и выстраивается. По отдельным поступкам — ни хорошим, ни плохим — ничего сказать нельзя.

Что же касается мотивов, то это вообще предмет художественного анализа. О человеке не может быть объективной истины по той простой причине, что он есть субъект. В оценках человека, если они основываются на каких-то нормах, самая разумная — японская модель. «Есть несколько кругов обязанностей, — скажет японец. Человек, хороший или плохой, он знает такие-то обязанности и не знает таких-то». И этот дифференциальный подход более надежен, чем другие. Остальное надо оставлять на его усмотрение. Трудно определить мотивы. Я очень люблю читать автобиографии, литературу, но вместе с тем всегда понятно, что это выстраивается под определенную модель. Когда-то в 1970-х меня интересовали [эти вещи], я сделал несколько набросков, ну так, кулуарно, и просто представил себе, что я мог бы написать несколько собственных биографий совершенно разных, в противоположном ключе, и все они были бы основаны на фактах, все они были бы убедительны.

ДШ: Several autobiographies in search of an author.

ИК: Да. Нет, даже не автобиографии, а биографии. Вот я беру факты собственной жизни, бесспорные вещи, я могу написать картину человека, который мучительно

пробивается, пытается что-то делать и ради этого идет на жертвы. И я могу выстроить биографию преуспевающего карьериста, который идет от успеха к успеху, от компромисса к компромиссу. Я могу выстроить миллиард промежуточных вещей. Даже вопрос этически более нейтральный — скажем, о способностях: то же самое, можно выстроить совершенно разные линии. Ту же самую просветительскую линию, которую я считал для себя очень важной (и на самом деле я много чего сделал), но и ее можно представить в совершенно другом ключе. Вот пришел человек нетворческого начала, читает чужие книжки и на этом делает себе репутацию. Когда ты ничего не знаешь, это очень хорошо работает, потому что все мысли, которые тебе приходят в голову, они твои собственные, свежие, ты весь такой творческий. А потом, [когда начинаешь читать], то это катастрофически сказывается на самоуважении. Даже если мысли приходят тебе в голову, и ты нигде этого не читал, все равно думаешь, что, наверное, просто не попалась эта книжка. Поэтому все можно выстраивать в разном ключе, и искусство биографа заключается в том, как это все [выстраивать]. Для этого биограф должен быть художником. Ты читал книжку... бестселлер одного из крупнейших современных американских писателей, история биографа. Сейчас у меня выскочили из головы и автор и название. Профессиональный биограф, и вот его собственная жизнь запутанная. Тонкая вещь.

ДШ: Игорь, вы сказали, что естественно компромиссы были, одни более приемлемые, чем другие. Были ситуации, когда в ретроспективе ощущение совсем скверное? Скажем, когда молчание было сомнительным.

ИК: Постоянно, очень часто. Понимаешь, я старался в каких-то вещах просто не участвовать. Иногда бывает приятно услышать о себе что-то хорошее. Вот когда я был в Корнелле в последний раз, был там всего 24 часа, [?] мне сказал, что со мной хочет встретиться профессор Сендерович. Мне эта фамилия ничего не говорила. Он появился у меня на лекции, незнакомый человек. Он там профессор языка и литературы и чего-то еще. Он подошел и сказал: «Вы не помните, когда-то я сдавал вступительные экзамены?», или кандидатские экзамены, я уже не помню. «На философском факультете вы были председателем комиссии». Я говорю: «Нет, я ничего не помню». «А я помню. Я сдавал экзамены, и вы очень хорошо оценили мой ответ и потом со мной разговаривали. Но меня не приняли в аспирантуру» — да, это были вступительные экзамены в аспирантуру. «И тогда вы посоветовали, что-то в Одессе и даже туда писали, но и из этого все равно ничего не вышло». Вот он помнит, а я этого совершенно не помню. А вещи, которые мне неприятны, их я помню, помню всю жизнь, и с этим ничего не поделаешь.

ДШ: Обобщая вопрос об ответственности: если кто-то может судить, то это сам человек.

ИК: И это надо ему предоставить. Если он не палач или преступник, сажать его в тюрьму никто не будет. Если его провинности не юридического, а морального плана, то это дело его совести. Ставить его в положение, когда он должен защищаться, становиться агрессивным или доказывать и объяснять — никому лучше не станет от того, что ему будет плохо.

ДШ: Показывать пальцем можно только на себя.

ИК: Да, в этом отношении очень характерно, что люди, которые по должности и положению не были вовлечены ни в какие действия, и даже люди, которые в них

участвовали, но у них рефлексия такая слабенькая, что они не помнят, как голосовали на партийном собрании — ведь все же голосовали «за», и никто не испытывает угрызений совести, и я в том числе (голосовал же я «за» разделение обкомов в 1981 г., потом против разделения), то здесь ситуация вообще вне морали. Это ритуальное поведение, здесь нет проблемы. Но вот такие люди выступали с заявлением, что им не в чем себя упрекнуть. А, скажем, Дмитрий Сергеевич Лихачев, которого я очень уважаю по всем признакам, о [ком писали], что ему не в чем себя упрекнуть, сказал: «Нет, очень даже есть в чем». Он чувствует свою вину, и я верю, что он говорит искренне. Это не рисовка. Но когда возникает вопрос о публичном покаянии, это, опять же, дело человека. Это совсем не обязательно. Существенно, что человек делал и что он делает сейчас, когда можно делать иначе.

ДШ: Можно сказать, что если он в первых рядах перестройки и вовлечен в либерально-демократическое дело, то его прошлые грехи...

ИК: Можно, но здесь есть одна [существенная деталь]. Я говорил тебе про отличников, людей в первых рядах — они вызывают у меня опасения. Если он был в первых рядах погромщиков, потом в первых рядах перестройки, то это... Я к этому склонен относиться снисходительно и с пониманием. Вряд ли это сформулировано где-то в психологии, я об этом не читал, но я твердо убежден, что это научное положение, и я, наверное, здесь ничего не открыл, здесь нет ничего оригинального, и хороший психолог согласится, что есть какие-то фундаментальные типы личности. Есть люди, которые будут активными при любых условиях. Одни люди будут активными при одних условиях и [пассивными] при других... Это особенно верно в отношении людей молодых. Человек уже сложившийся — он в какие-то игры, которые противоречат его нравственным убеждениям, уже лезть не будет. А с молодым человеком можно делать все что угодно. Молодой человек, склонный пробиваться наверх, он будет это делать в любых условиях. Если условия хорошие, он выбивается на чем-то конструктивном и может быть очень полезен. Если обстановка другая, он будет в СС, в КПСС.

ДШ: Убежденным...

ИК: Нет, даже необязательно. Есть неудержимое стремление наверх, и нужно очень многое, чтобы от этого удержаться. Это определенная порода людей, и на первых этапах своей биографии они ни за что не отвечают. Они не виноваты. Просто у человека есть такое стремление, и его нужно долго бить, или возникнут условия, в которых он не сможет [?].

ДШ: Скажем, его еврейское происхождение.

ИК: Совершенно верно! Вот если бы не мое сомнительное происхождение, из меня вполне мог бы выйти партийный карьерист. Но эти пути были закрыты — начинается рефлексия, начинаешь думать. Это неприятный процесс, он начинается, когда ты сталкиваешься с ограничениями, с несправедливостью. Ты способный, а тебе не дают [дороги], и тогда, может быть, по принципу «зелен виноград», а может быть, потому что и на самом деле ты стал умнее и стал что-то понимать, ты в каких-то играх уже не участвуешь. Но юный человек на это не способен. У него может быть депрессивный темперамент или еще что-то, и тогда он не полезет, это его спасет. А другой идет. Опять же, может быть, это особенность советской истории — начинать [заново] с каждого нового начальника. Горбачевская перестройка,

она из той же оперы: «давайте начнем сначала!». Слава богу, что идут реальные процессы, но ты сформирован периодом, в котором живешь. Вот ты живешь здесь уже сколько лет, но то, что ты получил там, ты несешь в себе, и от этого никуда уехать нельзя. Что-то преодолевается, а что-то сказывается. Это тот adolescent syndrome — все начать с начала, каждый понедельник заново. А на самом деле каждый шаг создает нечто необратимое и в тебе, и [в других].

ДШ: Мы говорим о контексте, историческом и психологическом, в котором нужно понимать и оценивать действия человека. Я вспоминаю наши разговоры о цензуре и самоцензуре, о жучке, которую нужно вставить для цензора. Часто ли приходилось играть в эти игры и закончились ли они сейчас.

ИК: Всю жизнь. Цензор внутренний страшнее внешнего, потому что от него невозможно избавиться. Психологическое последствие этого — определенная шкала того, что можно и что нельзя. Вопрос «что можно?» важнее вопроса «что правильно и неправильно?». Особенно остро проблема встала, когда началась перестройка. Я об этом говорил. У меня была куча разных интервью, в «Московских новостях» [Кон, 1988а] и в журнале «Журналист» [Кон, 1987].

ДШ: Я видел какие-то из них.

ИК: Понимаешь, раньше была одна простая задача — поднять планку. Можно сказать — вот ты и сказал, [на что-то] намекнул. Потом оказалось, что планки вроде бы и нету. И тогда некоторые вещи стали неинтересными. В условиях жесткой цензуры было не столь важно, додумана мысль или нет. Дается намек, и люди начинают думать. А сегодня если у тебя возникает возможность, так ты скажи как следует. Намеки уже никого не интересуют, и это требует уже иной интеллектуальной работы. В некоторых случаях это становится трудно, а в других — неинтересно. Кукиш в кармане — это очень сложная эстетика. Туда вовлекался и читатель, и автор. А сегодня возникает вопрос: «Тебе есть что сказать или нечего сказать?». Если ты не можешь сказать чего-то нового, определенного, существенного, то лучше промолчать. А внутренний цензор всегда остается. В этом отношении надежда на смену поколений. Ваше поколение было уже гораздо более раскованным. Вы не имели опыта нашего поколения так же, как мы не имели опыта наших предшественников. Поэтому какие-то вещи для вас самоочевидны, а для нас — нет, и возникает вопрос «А как на это посмотрят?».

У меня был комичный случай со статьей в «Коммунисте» — «Психология социальной инерции» [Кон, 1988с]. Она пошла буквально с колес. Они пришли ко мне за статьей, но они не знали, и я не знал, что будет. В среду они получили статью, в субботу мне позвонил главный редактор и благодарил, что страшно интересно, что они пускают это в номер. Они не знают, что будет на редколлегии. Провели редколлегию, и даже дали мне читать материалы редколлегии. Меня предупредили, чтобы я не вздумал принимать их во внимание, поскольку там были разные люди и они говорили разные вещи. Но я привык очень внимательно относиться ко всему. Они меня предупреждали, чтобы я не портил текст, что он идет. Существенными были замечания главного редактора и его заместителя. На меня никто не давил, но я привык, что все должно быть full-prove, чтобы и так не поняли, и так не поняли. И хотя меня никто не заставлял, я добавил туда фразу очень стыдную.

ДШ: Какую фразу?

ИК: Там есть такая фраза, что если бы все было так и только так, то мы никогда бы не достигли тех высот, которых мы достигли. Типичное клише. Но они его не вычеркнули, я сам его добавил... после редколлегии, зная, что статья идет. Меня никто не заставлял. Тут проблема внутренней цензуры, подстраховки и так далее. У меня жизненный опыт. Мне не надо тебе объяснять, насколько рискованно было то, что я делал. Мои новомирские статьи — они не способствовали карьере¹¹. Мне не надо тебе это объяснять. Но у меня всегда был один принцип — ради того, чтобы что-то делать, я готов идти на риск. Но было бы очень обидно погореть на какой-то формулировке, из-за которой не стоит гореть. Я был очень внимателен в этом отношении. Мне придавал смелости здравый смысл. Я знал, что сгореть можно на чем угодно. Тебя будут прорабатывать, потому что у тебя не сказано, что четырежды четыре — шестнадцать. Страховатьсь чрезмерно я всегда считал неразумным. Но бывали вещи, так в одном случае я снял... Мой принцип — если редакция ничего не сняла, значит я написал плохую статью. Уровень твоей смелости должен быть выше, чем уровень смелости редакции, по той простой причине, что всегда отвечала больше редакция, чем автор. С автором редко расправлялись, а мальчиком для битья был редактор. Это было очень мудро, поскольку автор может за свои идеи пойти даже на костер, а редактор за чужие идеи не пойдет. Он чиновник. Получалось так: за хорошую книгу хвалят только автора, все ошибки — вина редактора. Это было очень мудро сделано. И вот один раз я решил подстраховаться в последний момент... С одной стороны, в «Новом мире» Твардовского¹² было замечательно, что тебя никто не правит и ни единого слова без твоего согласия не меняют. Если нужна перестраховка, то ее с тобой же согласовывают. А с другой стороны — чувство, что ты за все отвечаешь. [Был случай, когда] я в последний момент снял с верстки «Размышлений об американской интеллигенции» [Кон, 1968] (и потом был очень рад, что это сделал) положение о том, что рабочий класс не является революционной силой, а таковой силой является интеллигенция. Она [обеспечивает?] поражение. Мысль эта стержневая для статьи, но формулировку я в последний момент сам снял.

ДШ: То есть идеи остались, но...

ИК: Да, и потом я радовался, что я это сделал. Нет никакого сомнения, что если бы эта формулировка осталась, то был бы скандал на высочайшем уровне. Ну, понятно почему.

ДШ: А без формулировки скандала не было?

ИК: Статья вызывала недовольство. Все мои работы вызывали недовольство начальства на разных уровнях. Это было хождение даже не по канату, а по проволоке. У кого-то оно вызывало недовольствие, а у кого-то не вызывало. И начинать по этому поводу публичный скандал было для них рискованно. Эффект мог быть обратный. Это очень сложное дело и сложные игры.

ДШ: Игорь, вы были человеком либеральным, всегда ходили по грани возможного, ваша репутация была вне сомнения, тем не менее вы смогли избе-

¹¹ Имеются в виду опубликованные И. С. Коном материалы в журнале «Новый мир» и в первую очередь статья «Психология предрассудка» [Кон, 1966].

¹² С 1958 по 1970 гг. главным редактором журнала «Новый мир» был Александр Трифонович Твардовский — советский писатель, поэт, журналист. Журнал вплоть до разгона редакции в 1970 г. был своеобразным символом периода «оттепели», оппозиционного «шестидесятничества».

жать идеологических погромов. Сколько людей погорело, но не вы — как вы это объясняете?

ИК: Понимаешь, это сложное дело. Ко мне привыкли. Я ведь начал очень давно. Ко мне привыкли и позволяли. Попытки были, но они каждый раз захлопывались. Ну, во-первых, была очень большая возня вокруг «Социологии личности». Распускались слухи о том, что мы с Ядовым организовали в Ленинграде студенческие демонстрации и так далее. Абсолютно ничего не было. По Би-Би-Си передавали эти вещи. Было очень напряженное время после выхода «Социологии личности». Причем эти слухи действуют как самореализующиеся прогнозы. Я тебе расскажу, это очень интересно. Я приехал в Москву, у меня там сектор, Левада — секретарь парторганизации института¹³.

ДШ: Он был партсекретарем?

ИК: Он был партсекретарем нашего института. Ну, общаемся, разговариваем. Потом... я детали уже не помню, прихожу не то в «Литературную газету», не то в «Новый мир», и со мной как-то странно разговаривают, очень дружелюбно разговаривают.

ДШ: Как с больным.

ИК: Как с больным. Меня спрашивают, «Как дела?», но не как обычно, а как-то более подчеркнуто. Я говорю: «Нормально». А они: «Нет, как они?». Кидается ко мне Валентина Филипповна Федосеева, по-моему, она тогда еще была в «Литературке», а может быть, в «Новом мире». Потом начинает меня обнимать. «В чем дело?». «А здесь пошли слухи, что вас исключили из партии, что у вас большие неприятности и так далее». Я говорю, что «вот видите — я живой». У нас в Ленинграде даже слухов таких не было. Ну, хорошо. Потом я возвращаюсь, прихожу в свой институт, где все уже знают. Мне говорят, извини, но только что прошли другие слухи, что вас с Ядовым исключают из партии, что у вас большие неприятности.

ДШ: Это 1968 г.?

ИК: Да. Я говорю, что ничего у нас нет. А тут новая информация, что в Академии наук защищается диссертация, где Ядов должен был быть оппонентом, но по указанию секретаря парткома его сняли с оппонирования и из автореферата приказали выкинуть все ссылки. Тут я уже взбесился, позвонил [Григорию Ерухимовичу] Глезерману¹⁴. Он был проректором [Академии общественных наук при ЦК КПСС] в это время. Я говорю: «Что у вас происходит?». Он говорит: «Да нет, это недоразумение. У нас просто денег не было в бухгалтерии, и решили, зачем нам оппонент из другого города». Я говорю: «А что, бухгалтер у вас и сноски регулирует в автореферате? Дорогой Григорий Ерухимович, передайте пожалуйста вашему секретарю парткома, что это у нас такой бдительный секретарь парткома — официально от моего имени, что если еще раз Академия общественных наук окажется рассадником клеветнических слухов, то я не буду разговаривать ни с кем. Я напишу письмо в ЦК, будет бумага, бумага будет рассматриваться. Вам всем будет не очень приятно». Это опасно, самореализующийся прогноз. Тогда я воочию увидел механику, как передаются слухи — во-первых, врагами, во-вторых — друзьями. Все пугаются и рассказывают

¹³ Речь об Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, где И. С. Кон возглавил сектор социологии личности.

¹⁴ Глезерман Григорий Ерухимович (1907—1980) — советский философ.

друг другу... Снять слухи мне помогла «Литературка». Меня просили, и я дал целую полосу по какой-то американской книжке о молодежной культуре, разных идиотических вкусах и так далее. И я сказал: «Имейте в виду, что если на редколлегии закончат слухи, то вы меня видели, я живой и здоровый, мы в тюрьме не сидим». И дал телефон ЦК, куда можно позвонить и спросить. Специально туда зашел, у меня были хорошие отношения в отделе пропаганды со Смирновым¹⁵, который был первым замом (в это время он даже был не первым, не важно). Я к нему пришел и говорю, «[Георгий Лукич?]', он меня всегда очень любезно принимал...

ДШ: Он автор «Советского человека» [Смирнов, 1971].

ИК: Да, да, да. Потом он стал академиком. Он абсолютная пустота, но как человек он приличный, и социологии он помогал. Социология могла бы уцелеть, потому что Смирнов котировался, уже практически было принято решение, и он должен был стать директором Института социологии. С ним можно было работать.

ДШ: Вместо Руткевича¹⁶?

ИК: До Руткевича. Он уже дал согласие, но в последний момент Сулов сказал: «А чего мы будем свои кадры отдавать академии? Пусть сами выбирают». Вот так. А Смирнову не хотелось, ему было тяжело работать с Тяжельниковым¹⁷. Я говорю: «Георгий Лукич, вы слышали, что меня из партии исключили?». Он говорит: «Нет, пока не слышал». «Так вот, я у [вас тут] сижу, со мной ничего не происходит. У меня к вам просьба — запомните, что я у вас был такого-то числа и все было в порядке. И если в „Литературке“ найдутся бдительные люди и не пойдет статья, то я даю ваш телефон, чтобы вы могли подтвердить — я не требую, чтобы вы за меня ручались, но вы можете подтвердить, что такого-то числа я еще был на свободе» [смеется]. Потом вышла полоса в «Литературке», мне потом рассказывали, что в «Вопросы философии» приезжал человек из политсамообразования и сказал: «Я понимаю, что разговаривать на эти темы не очень удобно, но у нас идет обзор трех книг по личности, и одна из них „Социология личности“». У нее положительная оценка, но пошли слухи — так вот, имеют ли они основания?». Ему со смехом сказали: «Не имеют. Надо читать газеты. У него на прошлой неделе полоса в Литературке». Значит, все в порядке. Мне говорили, причем говорил Кузьмин¹⁸, который работал в отделе науки ЦК, он говорил, что [идет] возня вокруг книги, очень много звонков, и что моя статья «Размышления об американской интеллигенции» усиливала реакцию на книгу. Все в одной блоке. Там обыгрывалось упоминание о физиках...

ДШ: Когда статья вышла?

ИК: В 1968 г. Упоминался Брехтовский Галилей и говорилось, что так поступают великие физики современности. Все поняли, что речь идет о Сахарове. Так что бывали и такого рода ситуации.

¹⁵ Смирнов Георгий Лукич (1922—1999)— советский партийный деятель, философ, специалист в области исторического материализма и теории научного коммунизма.

¹⁶ Михаил Николаевич Руткевич (1917—2009)— советский философ и социолог, член-корреспондент АН СССР (РАН). В 1972—1976 гг. возглавлял Институт конкретных социальных исследований АН СССР (затем — Институт социологических исследований АН СССР).

¹⁷ Тяжельников Евгений Михайлович (род. 1928)— советский дипломат. Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в отставке. В 1968—1977 гг.— Первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

¹⁸ Кузьмин Всеволод Петрович (1926—1989)— доктор философских наук, долгое время был помощником секретаря ЦК КПСС. С 1987 г. заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ДШ: Были и другие попытки на вас наехать?

ИК: Ну, как же, бывали. Я уже не помню год, но были выпады в «Журналисте» по поводу новомировской статьи «Психология предрассудка». Тогда я позвонил Смирнову и спросил его совета, потому что там был очень грубый выпад. Он сказал: «Напишите Демичеву¹⁹. Почему вы должны это терпеть». Я написал. После этого мне позвонили из ЦК и сказали, что со мной согласны, что бы редакция ни думала. Я писал, что антисемитизм нельзя делать предметом дешевого сведения счетов и полемики, что это деликатные вещи. По этому поводу было сказано, что «вы же [не будете сводить счета?]». Я сказал, что не буду. Потом редактора быстро сменили, и не только поэтому. Там же всегда шла своя борьба. А в Ленинграде мне всегда было очень сложно. Ты же знаешь, как меня не пускали за границу.

ДШ: Когда это началось?

ИК: В Ленинграде это всегда было. А в Москве всегда была какая-то поддержка. Весь аппарат, вся эта система была неоднородная. Та же статья «Размышления об американской интеллигенции», которая у одних вызвала возражения, у других вызывала совсем другие чувства. Я знаю, что ее читал Андропов. Мне говорил Бовин²⁰ (он и Арбатов²¹ в это время работали в ЦК), что они всем отделом обсуждали это дело, потому что про них написано, про бессилие людей в аппарате. Они думали, что все-таки делают полезные вещи. Так что бывало по-всякому.

ДШ: Я вижу, что удача здесь сочеталась с определенной стратегией. Вы знали, как далеко можно идти. С другой стороны, вы предпринимали демарши, чтобы разрядить ситуацию.

ИК: Это возможно в каких-то ситуациях и невозможно в других, когда дело варится в сферах, где ты не бываешь. Где ты свалишься — неизвестно, всюду подстелить солому невозможно. Поэтому надо либо работать, либо не работать. А вот знать, где подстраховаться, — это невозможно на самом деле. Что, возможно, проявлялось только постфактум, и горели люди на совершенных пустяках. Там была игра против социологии, в которой было задействовано много людей. Но вот «Лекции» Левады [Левада, 1969а; 1969b], и я тогда так думал и говорил, были неаккуратны. Нельзя было, зная ситуацию, не подчистить формулировки. Если бы там не было нескольких одиозных формулировок, ничего бы у них с этим не вышло.

ДШ: Интересно, как важному делу может повредить ошибка.

ИК: Вот «Лекции» Левады были для меня примером того, как не надо работать. Когда стали разбираться в чем дело, то оказалось, что Левада проявил небрежность. Это плохо правленая стенограмма. Некоторые формулировки там действительно были ни к чему, они не меняли дела, но были красной тряпкой для быка. Никто больше текст не читал. Если бы кто-нибудь из нас этот текст прочитал, мы бы эти формулировки убрали. Убрали не потому, что они ложны, а...

¹⁹ Демичев Петр Нилович (1918—2010) — советский государственный и партийный деятель. На момент описываемых событий — секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

²⁰ Бовин Александр Евгеньевич (1930—2004) — советский и российский журналист, публицист, политолог. Кандидат философских наук. Был спичрайтером Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, а также тесно сотрудничал с секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андроповым.

²¹ Арбатов Георгий Аркадьевич (1923—2010) — советский и российский историк, эксперт в области международных отношений, основатель Института США и Канады АН СССР (РАН). Работал в ЦК КПСС. Отмечается, что Г. А. Арбатова связывали тесные личные отношения с Ю. В. Андроповым.

ДШ: А потому что они опасны. Здесь есть противоречие, поскольку, с одной стороны, вы встречаетесь с Сахаровым и Солженицыным, которые открытым текстом говорят, что думают. С другой стороны, гораздо более скромные проявления неуважения к марксизму вызывают возражения. В первом случае это геройский поступок, во втором — Левада был не осторожен.

ИК: Это совершенно логичная вещь.

ДШ: Вы видели статью Лосева «Об интеллигентности» в «Советской культуре» (см., например: [Лосев, 1989]), где он связывает это свойство со знанием, где принять бой, а где от него уклонится?

ИК: Да, видел. Есть разница между Солженицыным и Сахаровым, с одной стороны, и нами — я имею в виду себя, Леваду — с другой. Это великие люди, и они не играли в эти игры. Они не занимались политикой как реальной политикой. Они вышли из этой игры и играли по своим правилам. С ними могли расправляться или боялись расправляться, но это была конфронтация с системой. Другие люди, либералы, все-таки были в системе, а принадлежность системе накладывает определенные обязательства. Есть правила игры.

ДШ: То есть диссиденты уже махнули рукой на внутрисистемную оппозицию.

ИК: Да. У меня было такое сравнение из личного опыта. Война, эвакуация, страшно грязный город — по колено в грязи. Нет обуви, дырявые ботинки, иду в школу. Вот сначала пытаешься как-то не промочить ноги, выбираешь кочки. Это совершенно невозможно — сначала в одном месте зачерпываешь, потом в другом. Постепенно грязь проникает внутрь. Когда я понял, что это невозможно, я просто становился обеими ногами в лужу и дальше шел спокойно, не выбирая дороги. Диссиденты поступали таким образом, и в каком-то смысле это было легче. Это требовало большой смелости, это уже начало другой жизни. А пока ты находишься в этой грязи и в то же время не хочешь промочить ноги, ты мучительно стараешься [не вляпаться], хотя это и невозможно. Для меня было важно продвижение какой-то информации, культуры.

ДШ: Был смысл выбирать кочки, писать книги, зная, что ты служишь делу.

ИК: Я уже говорил, что ответить с абсолютной честностью невозможно. [Так ли важно], что я считал себя просветителем? А на самом деле большей мотивирующей силой может быть желание иметь кусок хлеба с маслом и какие-то привилегии. Я думаю, что и то, и другое имело значение. И разобраться в этом по-честному невозможно. Насколько я могу судить о своей сознательной мотивации с тех пор, как я что-то понял (а это произошло далеко не сразу), для меня важно, чтобы что-то делалось, что-то двигалось. Та же история социологии — это было для меня очень важно. Не знаю, знаешь ли ты этот анекдот, один из самых философских анекдотов, которые я когда-либо слышал. Его мне рассказали ребята-студенты много лет тому назад. Бог дал человеку три качества — ум, честность и партийность, при условии, чтобы они никогда не сочетались в одном лице. Так вот, умным я был всегда, в партии я с 1955 г., третье качество — я на него не претендую. Но поскольку я всегда был умным, я хорошо знал, куда это все идет. Во всяком случае, с 1968 г. мне было совершенно ясно после чешских событий, что предстоит... Хрущевская оттепель, реформы 1960-х — они давали какую-то надежду. Революционный путь связан со слишком большими издержками. Тут стало ясно, что это конец.

ДШ: Хотя впереди еще 1970-е.

ИК: Да, конечно. Но в 1968-м мне стало все ясно. Почему я говорю в 1968-м, потому что осенью 1968-го я был в Австрии с лекциями по всем австрийским университетам.

ДШ: Я это помню.

ИК: Помнишь, я оттуда привозил тебе презерватив, и тогда же я узнал, что это вышло из моды [смех]... Это была очень напряженная поездка сама по себе, и я очень серьезно думал тогда, не остаться ли там.

ДШ: Когда впервые эта мысль пришла в голову, в абстрактной форме или практически?

ИК: В абстрактной форме эта мысль была почти всегда. Ну, во всяком случае, с тех пор, как стало можно ездить. Первый раз я попал на Запад в 1965-м. В 1966-м я был в Эвиане на социологическом конгрессе, а в первый раз в 1965-м — это Куба и Голландия по дороге. Но тогда мне казалось, что вот раз пускают, может быть [ситуация улучшается]. В 1968-м мне уже было ясно, что все очень плохо и хорошим не кончится. Я тогда думал об этом, но, может быть, это рационализация (я никогда не берусь доказывать свою честность), но на сознательном уровне у меня в это время были другие соображения. У меня не было никаких сомнений, что если я останусь, я буду жить лучше, получу место в американском университете. Не было сомнений, что в материальном плане я выиграю, избавлюсь от сервильности. Но я думал и о том, какой страшный удар это будет по той же самой начинающейся социологии. Вот человек остался, а как это будет обыграно против моих коллег в институте. Я думал, в частности, о тебе, что кого-то можно выучить. Меня не будет, и эту эстафету никто не возьмет. Мое положение, как ты знаешь, было и остается уникальным. Я делал то, что никто толком не делал. По разным причинам, и это продолжается сегодня. Тут эта злосчастная сексология и сексуальность — я делаю вещи, которые другие не могут делать. Больше никому. Одни не знают, другие не смеют, третьи не имеют необходимого авторитета. Поэтому всегда возникал вопрос о том, что я могу здесь сделать очень немногое, но то, что я делаю, это важно. В другом месте у меня будет свобода, но то, что я буду там делать, не имеет реального значения. Там и без меня [людей] хватает навалом. Я не могу сказать ничего такого существенного, чего бы там не знали. Теперь я вижу, что здесь многие люди ничего не знают и они могут иметь успех, не отличаясь никакой оригинальностью, но это не меняет положения дел, потому что... Всегда было чувство, что это большая страна, и с ней что-то [надо делать]. Это стало меняться, когда началась массовая эмиграция, и не только по причинам бездарности и всего прочего. Когда уезжает твой читатель, люди, на которых ты равнялся, [растет] сознание бессмысленности.

ДШ: Со слов Джона Ганьона²² я знаю, что был такой момент, когда вы всерьез намеревались уехать.

ИК: В 1978 г. я еще вернулся с социологического конгресса, хотя в этот момент я очень сомневался. Практически, если бы там был Уэсли Фишер²³ или кто-либо

²² Джон Ганьон (1931—2016) — американский социолог, одним из первых ставший исследовать человеческую сексуальность.

²³ Уэсли Фишер (род. 1944) — американский социолог, исследователь семейных отношений в России, в прошлом — директор фонда IREX и администратор Мемориального музея Холокоста (США), много сделавший для улучшения связей между американскими и российскими социологами.

знакомый, какая-то точка опоры... Это было очень просто. Поскольку у нас не было никакой туристической программы, мы на автобусе съездили в Стокгольм. Я мог зайти в любой полицейский участок. В этом не было никакого риска, за нами никто не следил, и была удивительно свободная атмосфера. А вот в начале 1980-х уже стало совсем худо. Если бы в начале 1980-х меня куда-нибудь выпустили, я бы точно не вернулся. Полная омерзительность, полный развал всего. Ты уже никому повредить не можешь от того, что ты исчезнешь. Я уже ни с кем особенно не связан. Институт этнографии переживет, я их не подвожу, я там новый человек. Ну, скажут какие-то слова, и все... Понимаешь, это одна из черт советской дружбы. Иностранцы не понимают контекста, почему она так важна. Это не только дефицит, когда без помощи близких людей невозможно выжить. Тут и условия глобальной аморальности, и отсутствие обязательности.

ДШ: Но ведь не только цинизм, были и другие мотивации.

ИК: Понимаешь, существует система взаимозависимости. Это может быть договор с богом, это может быть договор с государством, но для меня это были личные обязательства по отношению к людям, с которыми я был как-то связан. Это не только друг. В том, что касается деловых отношений, я никогда никого не порекомендую на работу, как бы я хорошо ни относился к человеку, если я не убежден, что человек справится с этой работой. У меня обязательства по отношению к тому, кому я рекомендую. Если бы я сам не взял этого человека, то значит... Хотя я не коллективист, но чувство ответственности перед людьми, которых нельзя подвести, нельзя поставить в неловкое положение, для меня всегда было очень важно. В 1981-м этого ничего уже не было. Атмосфера была ужасной, и делать уже почти что было нечего в нашем Институте, [помимо?] этнографии детства. Заметку, которую я тебе дал, «Сизифов труд» (см, например: [Кон, 1999]),— это мой главный социологический труд и результат моего жизненного опыта, всех моих лет. Тогда никуда не пускали. Тогда же возник вопрос фиктивного брака.

ДШ: Мы обсуждали эти материи с Уэсли Фишером.

ИК: Да. Уэсли боялся всего на свете. Они приехали обсуждать [этот вопрос]. Но тут была проблема мамы. С 1981 по 1985 гг., если бы я смог куда-нибудь поехать хотя бы на день, я бы там остался несмотря ни на что. Потому что было совершенно невыносимо.

ДШ: Учитывая сегодняшнюю эпоху, вопрос так остро уже не стоит. Есть смысл оставаться.

ИК: Конечно, конечно. Ты же помнишь наш разговор, когда ты собирался уезжать. У меня была претензия только одна, что ты мне не сказал раньше, не представил, что я вполне в состоянии понять эти вещи. Сейчас просто очень страшно. Жизнь не доставляет мне большого удовольствия, но мне не хочется быть убитым погромщиками...

ДШ: Возвращаясь к проблеме системы отсчета: позиции и диссидента, и человека системы имели под собой основания.

ИК: Да, когда человек идет на костер, нельзя сказать, что это бессмысленно. Это не позволяет другим людям опуститься ниже определенного предела. Идут постоянные компромиссы и очень трудно установить предел. Когда есть Сахаров, есть Солженицын, то уже нельзя себя оправдать в каких-то случаях. Есть люди,

с которыми ты не можешь равняться. Ты не можешь идти до конца, но ниже какого-то уровня ты не можешь опуститься. Их влияние было колоссально, какое-то свинство уже было невозможно.

ДШ: Тут такой континуум. Моральный эталон, на который трудно равняться. На другом уровне ты остаешься порядочным человеком, отказываешься от кормушек, но не идешь на костер (например, уходишь во внутреннюю эмиграцию). Третий уровень — Бурлацкого²⁴ или Аганбегяна²⁵, когда ты остаешься при кормушке, но помогаешь другим, защищаешь их по мере возможности.

ИК: Они еще занимались наукой. Если бы не было Аганбегяна, Заславской и так далее, то ничего... Тут другое дело. Существует мнение, что человек, работающий в аппарате, он заведомо плохой человек. Это не так. Человек, работающий в аппарате, он многое теряет. Появляются материальные блага, но он теряет свободу. Вместе с тем, для каждого из нас было всегда важно, что в аппарате есть человек, который [готов пойти] за тебя в огонь. Он не будет за тебя рисковать карьерой, но в пределах возможного, он что-то смягчит, что-то подскажет.

ДШ: Смирнов такой человек?

ИК: Ну, Смирнов больше был доброжелательный на словах. Он очень мало реально делал для кого-то, насколько я знаю. Были другие люди вроде [Александра Евгеньевича] Бовина, который тоже работал в аппарате. Он человек совершенно другого склада. Он делал, что мог. Когда возникают трудные ситуации, люди ищут поддержки, поносить таких людей, которые дают возможность работать, поносить редактора, который что-то вычеркнул, но дал тебе возможность сделать больше, чем другой, [неправильно]. У меня другое отношение к людям. Я воспринимаю людей с точки зрения того хорошего, что они делают, а не с точки зрения того, что они не сделали. Каждый человек имеет свой потолок — и моральный, и интеллектуальный, есть смягчающие обстоятельства, но если человек в рамках своих возможностей делает что-то положительное, то... Мне не симпатична точка зрения, что эти люди плохие. За непримиримостью людей очень часто стоит зависть — им не предложили место у кормушки. Если бы предложили, они бы взяли. Очень легко убедить себя, что место помощника секретаря ЦК — это возможность влиять на политику.

ДШ: Как говорил поэт, когда его упрекали в сотрудничестве с властями: «А вас покупали?».

ИК: Симонов, да.

ДШ: Да, да. Вы не знаете, как бы вы поступили.

ИК: Совершенно верно. Точно так же сложно осуждать человека, который, попав в переделку, кого-то заложил. Ты не был в этой переделке. Как я тебе рассказывал в случае Василия Исаевича Мишина, который сидел в [?]. Вот он понимал, что надо снисходительно относиться к этому. Может быть, тебя поймали, из тебя вывели [показания]. Или тебе говорили, что твои друзья дали показания.

ДШ: Люди, убежденные, что они-то никогда бы не раскололись, они-то наиболее подвержены...

²⁴ Бурлацкий Федор Михайлович (1927—2014) — советский и российский политолог, журналист, публицист.

²⁵ Аганбегян Абел Гезевич (род. 1932) — советский и российский экономист, академик АН СССР (РАН).

ИК: Мне опытные люди это объясняли на примере Якира²⁶... Есть вещи, в которых ты не имеешь права морального осуждения. Как там не нужно торопиться осуждать — точно так же с аппаратными [работниками]. Кто-то что-то старался смягчать, улучшать, и иногда это получалось.

ДШ: Можно быть в аппарате и иметь чистую совесть.

ИК: Вот Бовин был в аппарате. А Арбатов — он способен был идти на риск. Арбатов же был инициатором первой разрядки. Он через свой Институт США и Канады давал справки в ЦК. Он [продвигал] детант. У него были интеллигенты высокого класса. Им давались пайки, зарплаты, и они не занимались никакой административной работой, они ничем не управляли. Это был центр, где вырабатывались решения, материалы. Бурлацкий из той же компании. Я это хорошо знаю, потому что вся эта команда [вышла] первоначально из учебника «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией [Отто] Куусинена. Сначала учебник написали профессора из Академии общественных наук. Потом Куусинен призвал Арбатова, которого он знал, и была идея учебник просто отредактировать. Арбатов собрал людей, которых он знал, и учебник пришлось переписывать. И в общем эта книга была неопишимо хороша по тогдашним стандартам. Там было много нового, и все такое. Потом часть этого коллектива оказалась в отделе у Андропова с подачи Куусинена. Разрядка была [подготовлена] ими. Представление, что Арбатов такой-сякой карьерист, абсолютно несправедливо. Конечно, в какие-то вещи он не вмешивался. Он делал свое дело, и дело это было важное. Быть в стране и не сотрудничать — это удобная стратегия. Или это стратегия отшельничества, но она не для всех приемлема. А тот же Александр Николаевич Яковлев²⁷ — он же стопроцентный аппаратчик. Он же ничего в жизни, кроме партийной работы, никогда не делал. И тем не менее человек высочайшего интеллекта. Именно он идеолог перестройки. Образованный человек, был десять месяцев на стажировке здесь, потом — вынужденное пребывание в Канаде. Он и в те годы был приличным человеком, хотя время было...

ДШ: Значит, все-таки существует критерий, пусть его трудно сформулировать, который используется на практике, который позволяет сказать, что этот человек порядочный. Он не преследовал других, написал хороший учебник. Я вижу здесь комплекс порядочности-интеллигентности-либеральности, и по стандартам времени те, кто его воплощал, были выше тех, кто боролся за место у кормушки или делал гадости с отвращением...

ИК: Исходя из анекдота о трех качествах, мне не очень понятно, почему люди стыдятся признаться, что они были нечестными, и не стыдятся признаться, что были глупыми.

ДШ: И как вы разрешили для себя эту дилемму?

ИК: Что я на честность не претендую. Это постоянно создавало внутренние конфликты, которые разрешались по-разному.

²⁶ Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — советский военный деятель. Был репрессирован в ходе «Большого террора» (1937—1938).

²⁷ Яковлев Александр Николаевич (1923—2005) — советский и российский политический деятель, публицист, один из основных архитекторов Перестройки.

ДШ: Жить в тех условиях и не давать огню потухнуть, помогать ребятам и так далее — в каком-то смысле более высокий идеал порядочности, чем замкнуться в себе, уехать на дачу.

ИК: Это не более высокий разряд порядочности, если сравнивать его с поведением тех, кто идет на костер, в тюрьму. Морально это ниже. [Вопреки] законам диалектики, количество в качество почти никогда не переходит. Количественные критерии — они очень примитивны. Свобода выбора здесь больше кажущаяся. Человек не способен к компромиссу, и поэтому он идет напролом. Он просто не может иначе. Это свойство интеллекта. Есть люди жертвенные, для которых идти на костер необходимо. Костер для них важен, потому что для них это форма самоутверждения. Эти люди жертвовали собой, их надо уважать, они дают пример. Если бы не было Солженицына и Сахарова, [мы] были бы другими. Они давали образец — вот этого ты сделать не можешь, но это не позволяет тебе опуститься ниже своего [уровня], и наоборот, заставляет подниматься выше. Но что на Западе плохо понимают и что им там нужно объяснять — это ложность представления, что [ко] всем, кто состоял в партии, [нужно применять] те же критерии, которые применяются к американскому обществу. Здесь же жизнь тоже состоит из компромиссов. Здесь есть свобода: пожалуйста, вы можете критиковать президента, никаких проблем не будет. Но своего chairman of the department не очень-то ругают. Когда нужно получить tenure, очень бережно относятся к коллегам. Это вовсе не значит, что все так друг друга любят и обожают. Совсем не так. Здесь есть свои компромиссы. Человек соизмеряет силы, во что-то ввязывается — во что-то нет, а человек, который начинает шебаршить по всем статьям — его вышибают, и если не вышибают, то ненавидят. Скажем, [Алвина] Гоулднера²⁸. И в условиях демократического общества люди не обходятся без компромиссов, не обходятся без [?]. Возникает вопрос: какое они имеют право так категорично осуждать других людей, которые в гораздо более сложных ситуациях вели себя подобным же образом?

Сейчас идет идеализация прошлого, какая была замечательная русская интеллигенция. Здесь совершенно неверное представление об общем уровне. Приводится пример Чехова и еще кого-то, кто вышел из состава академии в знак протеста после того, как туда не избрали Горького. Тогда Чехов и кто-то еще (я забыл кто) вышли из академии. Замечательный пример, но в сталинские времена такого не могло быть, потому что это означало не только выход из академии, но и из жизни. Почему [живет] этот пример — потому что такие примеры были редки. Основная масса была сервильна, как и чиновничье общество и чиновничья психология. Куда денешься? Из прошлого делается эталон, и с ним сопоставляется среднестатистическое поведение. А людей уровня Сахарова и Солженицына и во всей всемирной истории не так много. Бросить вызов такой системе, выдерживать такое давление. Солженицын ни за что в тюрьме, но вот Сахарову было что терять. Он помогал людям, несмотря на свое высокое положение. Поэтому если обсуждать русскую интеллигенцию, то, во-первых, среднестатистический уровень был совсем не такой, а во-вторых, если обсуждать нормативный образ интеллигенции, которая несет свет и воодушевлена мессианской идеей, то эта

²⁸ Гоулднер Алвин Уорд (1920—1980) — американский социолог и методолог науки, представитель неомарксизма и леворадикального направления в западной социологии.

идеология имела чрезвычайные издержки. Из этой идеологии выросла революция и все последующие вещи. Эта идеология включала в себя пренебрежение ко всей личной, частной жизни. Начинаешь с идеи об освобождении, а затем, если я уже пожертвовал собой, [то пусть и другие]. Я сейчас выхожу на эти вещи через проблему сексуальности. Почему в России так сложно с эротикой? На Западе эротическое искусство имело одного противника — церковь, а в России, помимо церкви, тесно связанной с государством, был еще один противник, которого на Западе не было — революционно-демократическая критика, начиная с Белинского.

ДШ: Я здесь пытался проводить мысль, что борьба с мещанством, с буржуазными традициями пагубно сказалась на российских реалиях. Из этого мещанства растет средний класс, и издевательство над его привычками...

ИК: Конечно, это очень опасная традиция максимализма. Это и есть подростковый синдром. Симпатично видеть этого идеалистического мальчика, готового идти напролом без всяких компромиссов. Вот <...> мама называла «террористом». Он был мальчишкой, нетерпимым ко всему... Он вырос, но не изменился. В этом его моральная надежность, но одновременно и ограниченность интеллекта. Это не только плюс, но и минус. Когда это мальчик, это очень приятно, но когда этот мальчик оказывается у власти, он знает только черное и белое... Нужны мемуары людей изнутри, чтобы было понятно, что была жизнь, а не просто концентрационный лагерь, где одни по одну сторону проволоки, другие — по другую... Вместе с тем, когда тебя прорабатывали, тот же <...> отказался это делать. Мне пришлось об этом говорить (с начальством). Не помню уже подробности, но когда была ритуальная проработка...

ДШ: Он, по-моему, там не присутствовал.

ИК: Он отказался сказать слова, которые были нужны. И мне пришлось объяснять, что он-то как раз против, он не уезжает и никуда не собирается, но он не хочет участвовать в таких вещах. Он отказался участвовать, а вещи ритуальные были обязательными. Ты не понимал того, что происходит, и тогда, и потом. [Борис] Фирсов²⁹ рассказывал, как он тебя тут встретил. Мы все посмеялись. У тебя к Фирсову было отношение как к партработнику. На самом деле, Фирсов был безупречный человек, каменно-надежный, стопроцентно надежный. Он менялся, развивался на своих неудачах, но оставался человеком безупречно порядочным. Когда надо было говорить какие-то слова, он их говорил, без этого было невозможно — надо было минимизировать ущерб.

ДШ: В этой истории есть и другая сторона, вам неизвестная. Говорил Фирсов со мной официально бодряческим тоном не просто партработника, но...

ИК: Ну а что ему оставалось делать?

ДШ: Я понимал, что ему по-человечески любопытно было со мной поговорить. С другой стороны, он был формально неформален, не выказывал никакой симпатии. Было ощущение, что если он это делает не по заданию, то у него было разрешение встретиться с эмигрантами, посмотреть, чем они живут. В то же время он подчеркивал, как хорошо идут дела в Союзе, как там нет проблем. Желания откровенничать я в нем не почувствовал.

²⁹ Фирсов Борис Максимович (род. 1929) — советский и российский социолог, доктор философских наук. Основатель и первый ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ИК: Ну, Борис более серьезно принимал правила игры.

ДШ: Помнится, он меня критиковал за мое решение уехать, и тогда я понял, что когда надо, он может быть очень твердым.

ИК: Нет, он это и на самом деле не одобрял, искренне этого не одобрял, что не мешало ему многие вещи понимать и быть надежным человеком.

ДШ: В 1980-х он уже изменился.

ИК: В 1980-х уже произошли радикальные сдвиги, но они с Ядовым дружили я уже не знаю сколько лет. И я знаю его много лет. Для меня Борис в трудных ситуациях был едва ли не важнее Ядова...

ДШ: Мы коснулись темы внутренней и внешней эмиграции, но ее не закончили...

ИК: Я думал об этом и раньше, а в 1980-х стало уже совершенно невозможно. Здесь важна мутация, связанная с работой «Сизифов труд и как с ним бороться». В 1980-х меня не пустили на какую-то пустяковую встречу в Голландию, я писал Романову³⁰, и мне стало ясно, что все безнадежно.

ДШ: Был какой-то ответ?

ИК: Я написал Романову вежливое, очень четкое письмо такого содержания, что у меня срываются поездки, что заниматься вещами, которыми я занимаюсь, без контактов невозможно. Поэтому если моя работа нужна, то прошу привести мои возможности в соответствие с тем, что я реально значу. И если нет, то я буду вынужден привести тематику своей работы в соответствие со своими более чем ограниченными возможностями. Это будет означать свертывание всех самых важных дел моей работы. Со мной очень вежливо разговаривали, но ничего не сделали... Я сделал все возможное, чтобы того избежать. И тогда я дал себе клятву, что я не буду делать ничего, из чего эта система могла бы извлечь хоть малейшую пользу. В это время у меня только что вышла «Психология юношеского возраста» [Кон, 1979], но я это все полностью закрыл. Здесь это чисто кафкианская ситуация: я сдал в макулатуру двадцатилетний архив по юношеской психологии.

ДШ: Почему в макулатуру?

ИК: А я тебе объясню. В течение многих лет я собирал материалы, выключивая всюду, где мог. Ты же знаешь, то, что у меня было, было доступно для учеников, и все такое. Кстати, у меня был контракт с McGraw Hill на написание книги «Coming of Age in the USSR». Я думал, как это сделать, чтобы было проходимо и в то же время достаточно серьезно. Но после разговора в обкоме, где что бы я ни делал, все [было бесполезно], я сказал «хватит!». Я тогда подал заявление на поездку в Париж по частному приглашению. Тогда пускали, но мне отказали, мотивируя тем, что я был в 1978-м в Швеции. Ну, я заведомо знал, что это пустое дело. Все материалы по юношеской психологии я запечатал в картонку, написал на них «Париж» и дал себе слово, что я ни при каких условиях не открою эту картонку до возвращения из Парижа. В Париж я не поехал. На сей раз мне отказали, ничем не мотивируя... Картонка стояла в уборной. Ты знаешь мою квартиру, там места не было, и периодически разрывались трубы. Картонка была слегка подмочена,

³⁰ Романов Григорий Васильевич (1923—2008) — советский партийный и государственный деятель. В 1976—1985 гг. — член Политбюро ЦК КПСС.

хотя ничего не погибло. Там были уникальные материалы, закрытые материалы, то, что я в течение многих лет собирал.

ДШ: Это были западные материалы?

ИК: Западные. В основном западные, ну, и мои. Все, что было по этой части, было там и было подмочено. И вот я достал эту картонку, сидел на диване перед этой картонкой и мучительно размышлял. Если я открою эту картонку, я нарушу данное слово и, кроме того, у меня начнутся все внутренние проблемы, с которыми я ходил к психоневрологам.

ДШ: Это понадобилось?

ИК: Понадобилось. Понимаешь, у меня была реальная возможность работать с McGraw Hill, я хотел создать новую область знания, которую кроме меня никто создать не мог... Все эти срывы были важны не сами по себе. И в Болонье я был, и всех деятелей знал, использовал какие-то материалы. Тогда мне пришлось посоветоваться с коллегами-психоневрологами, так как я не мог делать никакой работы. Как только я садился за стол, я сразу же вспоминал, заводился и вставал из-за стола в непригодном для работы виде. Так вот, был очень простой разговор [с психиатром]. Я объяснил, что мне нужны поездки для работы. «А кому нужна работа? Вы обязаны делать эту работу?» — «Нет». «Вам что, за нее много платят?» — «Нет». «Вам когда-нибудь „спасибо“ за нее сказали?» — «Нет». «Ну так плюньте на эту работу. Если вы будете продолжать эту работу, то это просто смерть. Здесь нет других вариантов». Я всегда знал, что могу что-то делать только на положительных эмоциях. Так что при сопротивлении, при отрицательных эмоциях я должен немедленно прекращать работу. Я никогда не должен себя насиловать [и работать] только пока мне это нравится.

ДШ: Очень интересный эпизод. Копия письма Романову у вас сохранилась?

ИК: Может быть. То, что я тебе дал напечатанное [о Сизифовом труде], это очень важный текст на самом деле.

ДШ: Вы мне прислали его, я читал этот текст где-то год, полтора тому назад.

ИК: Да. Этому тексту о Сизифовом труде я придавал большое значение, потому что это единственный случай, когда текст, написанный мною, нравился мне через несколько лет. Со мной так не бывает. Полежавший текст у меня вызывает неприязнь. Я всегда переписываю заново. Иногда бывает обидно, потому что потом смотришь и [понимаешь]: это было не так плохо. Ну, это другой вопрос. Значит, после этого у меня появилась запечатанная картонка, и тут я сидел и думал, что делать. Если не открою, то все это так и будет гнить. Не знаю, может быть я так бы и умер от голода, сидя перед этой самой картонкой.

ДШ: От голода?

ИК: Ну, я сидел довольно долго, не зная, что делать. В это время в дверь раздался звонок. Это были ребята-пионеры, они пришли и спрашивают: «Нет ли макулатуры?». Тогда я понял, что это божий глас, и я отдал им эту нераспечатанную картонку, в которой на самом деле лежало их светлое будущее. Там лежали материалы, на основании которых можно было создать...

ДШ: Я не помню этого эпизода.

ИК: В статье — там и нет этого эпизода, заметка чисто теоретическая. Это уже из области мемуаров — пожалуйста, ты можешь это где угодно напечатать.

ДШ: Замечательная история. Вы отдали молодому поколению его будущее.

ИК: Да, чтобы они сдали это в макулатуру. После этого все было прекрасно — мне сразу стало легко на душе. Возвращение к этой тематике было уже невозможно, потому что начинать с нуля — об этом не могло быть и речи.

ДШ: Эта тема...

ИК: Юношеская психология. «Дружба» — это отдельно, о ней вышла одна книжка [Кон, 1980]... И дальше я работал, чтобы завершить весь задел, и чтобы больше нечего было делать. Тогда я решил, что единственное, чем я буду заниматься, это этнография детства — вещи, которые не имеют никакого практического значения. Они очень интересны, гуманитарны, но здесь не имеет никакого значения, существует на свете советская власть или ее никогда не было. Что бы ни произошло, это ни на что не влияет. Извлечь из этого пользу невозможно. То есть теоретически из этого можно было бы извлечь пользу, но [такие исследования] сознательно обращены в прошлое. Книга, которая вышла в 1988-м, «Ребенок и общество» [Кон, 1988d], — это уже было другое время, такая теоретико-методологическая работа, в ней демонстративно опущено все советское. Я сопоставлял Запад и Восток, а посередине — ничего. Только какие-то замечания попутно, но уже не было желания. С «Сексологией»³¹ я тоже хотел покончить, но уничтожить архив я не мог, потому что задерживалось немецкое издание, все затягивалось с переводом с 1985 г. [Не думаю (?)], чтобы это имело большую коммерческую ценность. И архив тоже подлежал уничтожению, как только все будет закончено. Я планировал, чтобы где-то к 1986 или 1987 г. у меня не осталось ничего неопубликованного, и ничего нового я вообще начинать не буду. Поскольку для меня все перестало иметь практическое значение, я перестал отвечать на иностранные письма. К тому же, к этому времени возникли финансовые трудности с книжками, но меня это уже нисколько не расстроило. Мне уже было все равно, потому что я ничего делать не собирался. И надо сказать, что мне стало очень легко на душе. Это была сознательная внутренняя эмиграция.

ДШ: Какой это примерно год?

ИК: Это совершенно четко 1981-й. У меня была установка, как у Пастернака — я мог бы воскликнуть: «Какое, милые, у нас Тысячелетие на дворе?». Установка, что с этой системой я имею дело только через магазины, устройства и неустройства.

ДШ: А на собрания...

ИК: Да, на собрания я ходил. У нас в институте их было не так много. В Институте этнографии хорошая обстановка, приличные люди, и все. Я перестал читать газеты, перестал выписывать журналы, за исключением «Советской этнографии». То есть я выключился из всей этой жизни, насколько это вообще возможно. Я понимал, что полностью из нее не выключиться, но я занимаюсь только вещами, не имеющими к советскому обществу никакого отношения. Бывали исключения, естественно, в силу того, что еще оставались какие-то вещи. Для меня внутренне была очень важна книга «В поисках себя», потому что там идет выстраданный внутренний диалог о морали, об ответственности и так далее. Но я и не пытался

³¹ Имеется в виду монография «Введение в сексологию», выпущенная в 1988 г. издательством «Медицина» [Кон, 1988b]. До выхода русскоязычного издания работа была опубликована в Венгрии [Кон, 1981], ГДР [Кон, 1985] и Эстонии [Кон, 1987].

что-то делать, не хотел. Те минимальные вещи, которые были необходимы, были сделаны жестким канцеляритом, это заведомо чужеродный текст. Поэтому когда текст стали переводить на разные языки, я просто вычеркивал этот механический текст, не заменяя его ничем другим. Переехав в Москву, я тоже ни во что не включался. Меня зазывали всюду — и в социологию, и в психологию. Мне все это было просто неинтересно.

ДШ: Игорь, я вижу здесь если не противоречие, то какую-то недосказанность. Жизнь до 1981 г. не была особенно человеческой, но вы продолжали работу с установкой на то, что это имело смысл для молодых, для таких, как я. Здесь вам отказали в поездке, и вы решили — раз так, я не буду продолжать. Но ведь и после этого были ребята, студенты, кому вы были нужны. Почему пропал смысл?

ИК: Сил больше не было. Ведь это все накапливается. Вот дальше я уже больше не мог. Я устал. На самом деле для меня очень тяжелым был уход из университета.

ДШ: Это было...

ИК: Это было в 1967-м. Для меня очень значимо было преподавание.

ДШ: Я мало знаю об этом эпизоде. Насколько помню, на факультете создалась неблагоприятная обстановка, была история с докторской диссертацией Дроздова.

ИК: Это все не имело значения. Но мне, опять же, срывали заграничные поездки, которые были важны для моей работы.

ДШ: Здесь опять проблема. С одной стороны, поездки были важны для работы, для познания. С другой стороны, вы говорите, что поехать, там, в Болонью на конференцию было не так уж важно: литература продолжала поступать. Значит, поездки были еще и отдушиной?

ИК: Нет, это не столь противоречиво, как кажется. Мне никогда не давали того, что мне нужно было по работе. Я не мог поехать туда, где действительно мне нужно было быть. Я ехал с лекциями, куда меня посылали. Конференции я использовал для получения информации. А туда, куда было нужно, меня никогда не пускали. У меня не было возможности поехать поработать по своей теме. «Свое» было только урывками. Кроме того, это психологически закономерно. Первая аксиома теории организации — то, что сначала является средством, потом становится самоцелью. То же самое с нашей мотивацией — средство становится целью по мере того, как человек на этом зацикливается. Сейчас, когда это стало возможным, для меня [поездки] уже не очень существенны. Я могу от чего-то отказаться. Скажем, не состоялось израильское приглашение, и никаких эмоций по этому поводу не возникло. Но когда это постоянно, человек на этом зацикливается. Однажды в Крыму мы встретились с одним ленинградским психиатром, сидели в ресторане и разговаривали о заграничных поездках. Он мало где был, я мало где был. Я подумал: почему советские люди, когда они встречаются, они так разговаривают? Ведь иногда об этом даже неловко говорить, потому что ты был, а он не был. Статус ли это или хвастовство — неприлично. Но об этом говорили все люди, которым не надо было утверждаться в глазах собеседника. И тогда я понял, что это было настолько важно, настолько дефицитно, что даже в этом Париже ты не верил себе, что там находишься. А когда ты вернешься, то кажется, что этого вообще не было. Ты не хвастаешь, говоришь чистую правду, в то же время такое чувство, будто ты врешь. Ты говоришь правду, а чувство такое, как будто ты врешь.

Вот человеку 70 лет, или 60, у него совсем не ущемленное самолюбие, но десять дней в Париже для него важнее, чем...

ДШ: У меня такое ощущение — по собственной памяти и из разговоров с вами, — что заграничные поездки были особо дефицитным товаром.

ИК: Конечно.

ДШ: Какой у них был смысл? Очевидно, что если тебя пускают, ты что-то значишь.

ИК: Это означало очень много. Это статус.

ДШ: Почему это так важно, особенно для интеллигенции?

ИК: Понимаешь, нельзя сбрасывать со счетов деловые вещи. Я помню, мне рассказывал Александр Данилович Александров³² (он еще был ректором, и у нас с ним были очень хорошие отношения), что как-то они собирались у себя в отделе и пришли к выводу, что неизбежно быстрое отставание от мирового уровня в советской математике. Я спросил: «Почему?», и он сказал: «Из-за невозможности ездить». Конечно, академики ездят, но это не то. Если работаешь в специальной области на передних рубежах, то в мире есть всего несколько человек, с которыми вам важно поговорить, и надо иметь возможность поехать куда надо и когда это надо. Я удивился: «Ведь это же математика, вам ничего не надо». Он говорит: «Все равно, требуются профессиональные коммуникации». Так что профессиональная составляющая важна.

ДШ: Не для всех.

ИК: Не для всех. По большей части ездили не туда и не те люди. Затем туристический момент — посмотреть мир. Ну, прибахлаться, это было менее существенно. Потом это момент престижности — включили, не включили.

ДШ: Ты в обойме.

ИК: Конечно. Более того, когда тебя пустили, ты на этот момент благонадежен. Когда тебя не пускают, то это оскорбительно, мучительно. Я хорошо знал, что представление, что если вас куда-то не пускают, то дело в КГБ — это ложное представление. Большей частью это делали мелкие чиновники. Девятнадцать инстанций сказали «да», но последняя... И каждый раз, когда это срывалось, начинались разговоры, почему не пустили.

ДШ: То есть это такое бельмо, spoiled identity.

ИК: Совершенно верно. Поэтому это было очень важно. Что именно было особенно важно для каждого конкретного человека, это дело индивидуальное, и тут вряд ли можно дать однозначный ответ.

ДШ: Но в системе советских ценностей поездка за границу была одной из самых важных...

ИК: Не одной из — это было самое важное, важнее всего остального...

ДШ: [Возвращаясь к теме внутренней эмиграции, безвыходности и отчаяния 1980-х: как удавалось выжить и как ситуация обстоит сегодня?]

ИК: Я ничего не боюсь, мне ничего не страшно. На самом деле, больше всего на свете я хочу умереть. Мне это все надоело, я очень устал, и удовольствия я не получаю ни от чего.

ДШ: Ну, может быть, посмотреть на Гарвардский сквер не так уж плохо.

³² Александров Александр Данилович (1912—1999) — советский математик, физик, философ, организатор образования и науки. Академик АН СССР (РАН). В 1952—1964 гг. — ректор Ленинградского государственного университета.

ИК: Ты знаешь, это все было хорошо 30 лет назад, 20 лет назад. Сейчас я могу пройтись, могу не пройтись. Двадцать лет назад я мог несколько часов посидеть в колледже, смотреть на церковь, там еще были какие-то музеи, а сейчас мне все равно. Я все равно забуду. Я знаю, что есть какой-то небоскреб с позолотой, но через неделю я уже не помню, было ли это в Бостоне или Миннеаполисе.

ДШ: Игорь, а были у вас мысли о самоубийстве?

ИК: Эту книжку ты, наверное, не читал, она вышла после тебя. Ты, небось, не читал [Германа] Гессе?

ДШ: Я читал его «Игру в бисер» и «Magister Ludi».

ИК: Ты обязательно прочитай «Степного волка». Существует английский перевод, но основные цитаты ты можешь найти у меня в «В поисках себя», и даже в книжке «Юношеская психология»³³. Книжка делалась давно, подростковой статистики самоубийств тогда не было — сейчас она публикуется. Это самое интересное для читателя, для родителей, для учителей, гораздо важнее [общих смыслов (?)]. Я этого в психиатрической литературе нигде не видел, но убежден, что это серьезное дело. Так вот Гессе постулирует существование типа человека-самоубийцы. Это вовсе не значит, что человек обязательно кончает с собой. Наоборот, он часто очень живучий. Тут уже моя психологическая интерпретация этого дела: есть люди с преобладающим типом реакции на конфликтные ситуации. Значит, есть реакция преодоления — это один тип. В другом случае это адаптация, приспособление. В третьем случае это отрицание, психологическая защита. Есть тип реакции withdrawal, реакции ухода из конфликтной ситуации. И вот я думаю, это тип человека, у которого преобладает реакция ухода. В неприятных, конфликтных ситуациях этот человек не может или не хочет приспособливаться, примиряться, бороться. Для него самое соблазнительное — это уход. И вот тогда мысль о самоубийстве...

ДШ: Не просто о побеге, а о самоубийстве?

ИК: Так нет, withdrawal, выключение. И мысль о самоубийстве — это игра, с которой живут очень многие люди. В тупиковой ситуации человек, который не способен по характеру с ней справиться, ему очень приятно, что есть такой выход, конец. На самом деле это не так просто сделать. У Гессе это описано, на мой взгляд, очень хорошо и клинически ясно. Это мой тип характера, и поэтому эта идея со мной постоянно.

ДШ: То есть это такое свое теплое, интимное пространство. «Праздник, который всегда с тобой».

ИК: Да. Эти вещи не обсуждаются, говорить об этом несерьезно, это [провоцирует], когда нет никакой необходимости. Психологически это для меня наиболее приемлемый выход. Другое дело, что это не очень просто.

Список литературы (References)

Гейзенберг В. Часть и целое: Беседы вокруг атомной физики. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Heisenberg W. (1971) *Physics and Beyond: Encounters and Conversations*. N.Y.: Harper & Row.

³³ Имеется в виду книга И. С. Кона «Психология юношеского возраста» [Кон, 1979].

Кон И. С. Этические воззрения Н. Г. Чернышевского // Вопросы философии. 1950. № 2.

Kon I. S. (1950) Ethical Views of N. G. Chernyshevsky. *Problems of Philosophy* No. 2. (In Russ.)

Кон И. С. Наука как форма общественного сознания // Вопросы философии. 1951. № 1.

Kon I. S. (1951) Science as a Form of Social Consciousness. *Problems of Philosophy*. No. 1. (In Russ.)

Кон И. С. Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9. С. 187—205.

Kon I. S. (1966) Psychology of Prejudice: On the Socio-Psychological Roots of Ethnic Prejudices. *New World*. No. 9. P. 187—205. (In Russ.)

Кон И. С. Социология личности. М : Политиздат, 1967.

Kon I. S. (1967) *Sociology of an Individual*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Кон И. С. Размышления об американской интеллигенции // Новый мир. 1968. № 1. С. 175—197.

Kon I. S. (1968) Reflections on the American Intelligentsia. *New World*. No. 1. P. 175—197. (In Russ.)

Кон И. С. Психология юношеского возраста. Проблемы формирования личности. М. : Просвещение, 1979.

Kon I. S. (1979) Psychology of Adolescence: The Problems of Personality Formation. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)

Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М. : Политиздат, 1980.

Kon I. S. (1980) Friendship. Ethico-psychological Essay. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984.

Kon I. S. (1984) In Search of Self: Personality and its Identity. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Кон И. С. Соппротивление (беседа с А. Манаяном) // Журналист. 1987. № 9. С. 16—18.

Kon I. S. (1987) Resistance (Interview with A. Manayan). *Journalist*. No. 9. P. 16—18. (In Russ.)

Кон И. С. Альтернативы на каждый день: Заметки о новом мышлении // Московские новости. 1988а. № 34.

Kon I. S. (1988a) Alternatives for Every Day. Notes on New Thinking. *Moscow News*. No. 34. (In Russ.)

Кон И. С. Введение в сексологию. М. : Медицина, 1988б.

Kon I. S. (1988b) Introduction to Sexology. Moscow: Meditsina. (In Russ.)

Кон И. С. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988с. № 1. С. 64—75.

Kon I. S. (1988c) Psychology of Social Inertia. *Communist*. No. 1. 64—5. (In Russ.)

Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М. : Наука, 1988d.

Kon I. S. (1988d) *Child and Society. Historical and Ethnographic Perspective*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Кон И. С. Что такое Сизифов труд и как с ним бороться? // Кон И. С. Социологическая психология. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. С. 418—420.

Kon I. S. (1999) What is «Sisyphian Labor» and How to Deal with It? Kon I. S. *Sociological Psychology*. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK. P. 418—420. (In Russ.)

Кон И. С. И. С. Кон: «...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз» / интервью подготовил Д. Н. Шалин // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100—137.
Kon I. S. (2011) I. S. Kon: «I Have Made Attempts to Change This System Many Times» (Interview to D. Shalin). *Sociological Journal*. No. 2. P. 100—137. (In Russ.)

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 5 (20). М. 1969а.

Levada Yu. A. (1969a) *Lectures in Sociology*. Vol. 1. Informational Bulletin. No. 5(20). Moscow. (In Russ.)

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 2. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. М., 1969b. № 6 (21).

Levada Yu. A. (1969b) *Lectures in Sociology*. Vol. 2. Informational Bulletin No. 6(21). Moscow. (In Russ.)

Лосев А. Ф. Об интеллигентности // Лосев А. Ф. *Дерзание духа*. М.: Политиздат. 1989. С. 314—322.

Losev A. F. (1989) On Intelligence. Losev A. F. *Daring of the Spirit*. Moscow: Politizdat. P. 314—322. (In Russ.)

Смирнов Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. М. : Политиздат, 1971.

Smirnov G. L. (1971) *Soviet Man: Forming of the Socialist Type of Personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Kon I. Sz. (1981) *Kultúra — szexológia: A modern szexológia elméleti alapjai*. Budapest: Kossuth.

Kon I. S. (1985) *Einführung in die Sexologie*. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.

Kon I. S. (1987) *Interdistsiplinaarne seksuoloogia*. Tallinn: Valgus.

Shalin D. N. (1989) Settling Old Accounts. *Christian Science Monitor*. December, 29th. URL: <https://www.csmonitor.com/1989/1229/eshal.html>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.10

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>.

For citation:

Chernova Z. V. (2019) The unfinished gender revolution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>.

Ж. В. Чернова НЕЗАВЕРШЕННАЯ ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

НЕЗАВЕРШЕННАЯ ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

THE UNFINISHED GENDER REVOLUTION

Zhanna V. CHERNOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

¹ National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена концептуализации современного российского гендерного порядка. Для этого автор использует идею И. С. Кона о трех революциях как социальных процессах переустройства гендерных отношений в сфере сексуальности, семьи, образования и занятости. Также предлагается аналитическая рамка, позволяющая по-новому интерпретировать специ-

Abstract. The article devoted to a conceptualization of Russian actual gender order. For these means, the author uses I. Kon's idea of three revolutions, as a social process of rebuilding the gender relationships in the sexual, familial, educational and occupational spheres. Also, the author introduces an analytical framework to interpret in a new way a specificity of gender relationships (re)

фику (вос)производства гендерных отношений в современной России, а также выделить факторы, как способствующие, так и препятствующие гендерной революции, то есть изменению отношений между мужчинами и женщинами в публичной и приватной сферах в сторону большего гендерного равенства. Концепция множественного равновесия Г. Эспинг-Андерсена и институционального бриколажа С. Данкена позволяют проанализировать взаимосвязь между советским опытом гендерной политики и современными тенденциями индивидуализации и плюрализации. Рассмотрение сексуальной, гендерной и семейной революций в историческом контексте позволяют сделать вывод о том, как происходит (пере)изобретение традиции в современном контексте, как сильно и почему современный гендерный порядок базируется на советском опыте гендерной политики и какой вклад постсоветские трансформации и глобальные тенденции вносят в его специфику.

Ключевые слова: гендерная революция, семья, сексуальность, российский гендерный порядок

production in modern Russia, and identify factors supporting and preventing the change in relations between men and women in the public and private spheres towards greater gender equality, i.e. gender revolution. Using G. Esping-Andersen's concept of multiple equilibrium and S. Duncan's concept of institutional bricolage we can analyze the relationship between the Soviet experience of gender policy and modern trends of individualization and pluralization. When we review the sexual, gender and family revolutions in the historical context, we can find out how the (re)invention of tradition proceeds in the modern context, how the modern gender basing on the Soviet experience of gender policy and how strong it is, and how much post-Soviet transformations and global trends contributed to its specificity.

Keywords: gender revolution, family, sexuality, Russian gender order

Вопрос, каким образом можно концептуализировать современный гендерный порядок, — один из актуальных в области социальных исследований.

То, что за последние несколько десятилетий в большинстве стран произошли фундаментальные изменения в сфере гендерных отношений и приватности, не вызывает сомнений. Эти сдвиги объясняются целым комплексом «больших» трендов структурных изменений, связанных со второй волной феминизма и артикуляцией проблемы гендерного равенства, массовым выходом женщин на рынок труда, вторым демографическим переходом, а также формированием и распространением постсовременных ценностей и социальной трансформацией. Разночтения возникают при попытках обсуждения перспектив развития гендерных отношений в ситуации усиления традиционализма как на уровне идеологии, так и на уровне практик. Это ставит вопрос о возможном сворачивании проекта гендерного равенства

из-за его неспособности противостоять нарастающему консервативному откату, затрагивающему практически все сферы общественного устройства и имеющему сильное гендерное измерение. Противоречивость происходящих процессов в области гендерных отношений и неоднозначность их социальных последствий заставляют исследователей искать объяснительные модели, позволяющие понять сложную констелляцию традиционализма и рациональности, индивидуализма и рефлексивности как проявления детрадиционализма, стандартизации биографий, гендерных ролей и плюрализации жизненных сценариев, моделей гендерных отношений. Особенно важен поиск новой аналитической рамки для понимания российского гендерного случая, который, с одной стороны, встраивается в общие макротренды, являясь частью глобальных изменений в современном мире, а с другой — обладает особой спецификой, обусловленной наследием советского гендерного проекта. Таким образом, необходимо по-новому взглянуть на логику действий различных социальных акторов, которые должны учитывать меняющиеся структурные ландшафты рынка труда и социальной политики.

Революционная оптика как способ понимания социальных изменений

Для социологического осмысления противоречивого и дискутируемого российского гендерного порядка, характеризующегося идеологическим и институциональным «принуждением к традиции» [Печерская, 2012] и формированием новой повестки дня, связанной с поиском места и способа публичного обсуждения гендерно маркированных и гендерно сензитивных вопросов, я буду отталкиваться от работы И. С. Кона о трех революциях [Кон, 2011], а также обращусь к дискурсу о «незавершенной»/«блокированной» гендерной революции [Esping-Andersen, 2009; Gerson, 2009; Hochschild, 2003]. Использование подходов множественного равновесия [Esping-Andersen, 2009; Billari, Esping-Andersen, 2015] и институционального бриколажа [Duncan, 2011] позволит не просто по-новому интерпретировать специфику российского гендерного порядка (понятие, которое по большей части остается «нечетким понятием» (fuzzy concept)) из-за своей размытости, противоречивости и неопределенности, но также выделить факторы, как способствующие социальным изменениям в сфере гендерных отношений, так и препятствующие им.

И. С. Кон определяет социальную революцию как процесс, предполагающий глубинные дискурсивные изменения и выражающийся в трансформации моделей поведения [Кон, 2011]. Он сформулировал тезис о том, что в западных странах во второй половине XX века последовательно развернулись три глобальные революции: сексуальная, гендерная и семейная. Каждая из них имеет собственную повестку, субъектов действия и приводит к определенным изменениям гендерного порядка в долгосрочной перспективе. Предпосылками первой — сексуальной революции — являются индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением, появление эффективной и широкодоступной контрацепции, в первую очередь оральных женских контрацептивов. Ее пик приходится в западных странах на 1960—1970-е гг. На уровне дискурсивных изменений сексуальность отделяется от репродукции, на поведенческом уровне происходит либерализация и плюрализация сексуального поведения: снижение возраста

сексуального дебюта, рост числа добрачных и внебрачных связей и пр. Наряду с этим нормализуются гомосексуальные отношения, повышается либерализация сексуальности со стороны общества в целом.

Гендерная революция затрагивается преимущественно публичную сферу: оплачиваемая занятость, образование и политика. Вторая волна феминизма артикулировала проблему гендерного равенства и способствовала созданию институциональных условий для его реализации (получение женщинами политических прав, доступа к высшему образованию, массовый выход женщин на рынок труда). Ведущими процессами гендерной революции стали индивидуализация и плюрализация, позволяющие мужчинам и женщинам выбирать профессию, стиль жизни, и пр. в зависимости от личных предпочтений. Это привело к отходу от тотальной комплиментарности гендерных ролей мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, появлению двухкарьерной модели семьи на уровне дискурсивных представлений. Это находит свое выражение в увеличении числа работающих матерей, повышении уровня образования женщин и ослаблении дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей. Гендерная революция необратима, поскольку невозможно переопределить разделение труда, выведя женщин из сферы оплачиваемой занятости, образования и политики. Сохранение участия женщин на рынке труда обусловлено как макроэкономическими факторами (потребность в женщинах как в массовой высококвалифицированной рабочей силе, их вклад в общественное производство), так и микроэкономическими (большинство семей не может прожить на одну зарплату, что делает невозможным реванш патриархата, подразумевающий радикальный пересмотр разделения труда между полами).

Семейная революция, по мнению И. С. Кона, — наиболее парадоксальный сюжет современного общества [Кон, 2011: 58]. Изменения в брачно-семейных отношениях начались в конце XX века и продолжаются до сих пор. Индивидуализация и плюрализация стилей жизни особенно ярко проявляется в сфере семейных отношений и родительства. Дискурсивной тенденцией, характерной для современного общества, является растущая ценность семьи и интимности, субъективного благополучия, автономии и значимости каждого члена семьи. В отличие от традиционной или модернизированной семьи, у (пост)современной семьи остается одна важная, неотчуждаемая функция, которую практически невозможно передать на аутсорсинг другим социальным институтам — это интимность, психологически близкие отношения между членами семьи, не только между супругами, но и между родителями и детьми. Этот сдвиг проявляется в изменении количественных и формальных критериев оценки брачно-репродуктивного поведения индивидов: увеличении возраста матери при рождении первого ребенка, сокращении числа детей в семье (количество рождений на одну женщину), уменьшении числа зарегистрированных браков и увеличении количества разводов, широком распространении незарегистрированных партнерств и социального родительства как способа организации семейной жизни. За этими наблюдаемыми количественными изменениями стоят сложные социокультурные процессы, позволяющие фиксировать изменение социальных норм, сценариев семейной жизни, а также тех смыслов и значений, которые вкладывают индивиды в брак и родительство.

Они свидетельствуют о «качественных» изменениях — возрастающей ценности не просто семьи, а качества супружеских и детско-родительских отношений, субъективного благополучия каждого ее члена. И. С. Кон отмечает, что семейная революция изменяет общество сильнее, чем сексуальная революция 1960—1970-х гг. [Кон, 2011: 59]. Невзирая на явные признаки традиционализации гендерного дискурса, И. С. Кон достаточно оптимистично оценивает перспективы развития гендерного равенства, считая, что «другого пути нет... Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут» [Кон, 2011: 64].

Несмотря на бесспорные свидетельства происходящей трансформации гендерных отношений в сторону большего равенства, ряд исследователей для описания современной ситуации использует понятие «незавершенной/блокированной» революции [Esping-Andersen, 2009; Gerson, 2009; Hochschild, 2003]. Его суть заключается в констатации неоднозначного и часто противоречивого состояния гендерных отношений как в публичной, так и в приватной сфере. Оно указывает на разные векторы изменений, которые произошли с фемининностью и маскулинностью. В то время как репертуар возможных ролей и жизненных выборов женщин существенно расширился в результате послевоенных экономических, политических, социальных и культурных изменений, нормативный мужской ролевой набор остался практически неизменным. Исследователи единодушны в том, что причина незавершенной «женской» революции заключается в сохранении гендерной асимметрии в сфере семьи и родительства. Она выражается в том, что женщины по-прежнему вкладывают больше временных, эмоциональных и других видов ресурсов в выполнение неоплачиваемой домашней работы, в заботу о детях и на поддержание семейных связей, по сравнению с мужчинами, которые инвестируют свои усилия преимущественно в сферу профессиональной занятости [Saraceno, 2011]. По мнению Н. Фрейзер, революция остается незавершенной именно потому, что мужчины пока не стали тем, кем являются сегодня большинство женщин, а именно работниками и поставщиками заботы [Fraser, 1994].

Статистические данные и результаты количественных исследований гендерного разделения оплачиваемой и неоплачиваемой работы убедительно демонстрируют разницу в ключевых маркерах профессионального и семейного поведения мужчин и женщин: в числе работающих родителей детей младшего возраста, разнице в оплате труда, количестве родителей, воспользовавшихся правом на отпуск по уходу за ребенком, продолжительности времени, которые тратят партнеры на заботу о ребенке, выполнение домашней работы [Breen, Cook, 2005; Hook, 2006; van der Lippe et al., 2011]. При этом различия как между мужчинами и женщинами, так и между странами более значительны в количестве времени, затраченного на выполнение неоплачиваемой домашней работы, чем в оплате труда [Saraceno, 2011]. В совокупности эти данные свидетельствуют о том, что именно то, каким образом организована и осуществляется забота о детях, является главным дифференцирующим основанием гендерных и межстрановых различий, а также критерием формирования неравенства среди мужчин и женщин. Если для отцов во всех странах, как правило, характерно, что они работают больше, чем бездетные мужчины, то для матерей верно обратное утверждение.

При этом разница в занятости между матерями и бездетными женщинами больше, чем между бездетными мужчинами и бездетными женщинами [Saraceno, 2011]. Таким образом, наличие ребенка и последующие за этим «карьерные штрафы» по-прежнему наиболее значительны для матерей.

Лейтмотивом всех глобальных революций является поиск нового устойчивого равновесия — нормативных и конвенционально одобряемых моделей поведения мужчин и женщин [Esping-Andersen, 2009], — выстраиваемого на основе гендерного равенства как в публичной, так и в приватной сфере. При этом каждая из выделенных революций обладает характерными чертами, своей логикой и протекает по-разному в зависимости от политического, экономического и культурного контекста. Невозможно назвать точные даты начала и окончания социальных изменений в той или иной сфере. Скорее, эти социальные процессы накладываются друг на друга, при этом имея разные траектории и протекая с разной интенсивностью, что приводит к неравномерным изменениям общественного устройства во временной, сравнительной и классовой перспективе.

Необходимо отметить, что именно женщины выступают субъектами изменений, поскольку особенно их положение претерпевает существенные изменения. Все выделенные И. С. Коном революции возглавляют женщины с высшим образованием, имеющие более высокий статус, притязания и ресурсы для создания новых правил гендерных отношений. Примером может служить переход от нормативного гендерного контракта — домохозяйки — к целому репертуару возможных гендерных ролей и жизненных сценариев. Данный тезис базируется на теориях индивидуализации [Giddens, 1992; Beck, Beck-Gernsheim, 2002]. Новый жизненный сценарий, в котором женщины не ограничены правом быть матерью, является, по мнению К. Хаким, результатом изменений, произошедших в последние десятилетия в западных странах: контрацептивной революции; революции равных возможностей; расширения количества рабочих мест для «белых воротничков», которые более привлекательны для женщин; создание рабочих мест для «вторых кормильцев» с возможностью неполной занятости и возрастающей важностью индивидуальных аттитюдов, ценностей и предпочтений в выборе образа жизни [Hakim, 1999]. На основе анализа эмпирических данных исследователь выделяет три группы женщин.

Предпочтения первой группы сконцентрированы вокруг работы, и материнство не является для них приоритетной областью. В эту категорию попадают бездетные женщины. Основные приоритеты представительниц данной группы связаны с профессиональной занятостью или самореализацией в политике, искусстве, спорте и пр. Такие женщины составляют около 20% в Европе. Вторая группа комбинирует свои предпочтения в отношении семьи и работы, то есть обе сферы жизни важны для них, и они пытаются совмещать материнство и профессиональную занятость. Эта группа разнообразна по своему составу, в нее входят как те, кто хочет комбинировать семью и работу, так и те, кто вынужденно стал кормильцами семьи. Данная группа составляет большинство — порядка 60%. Третья небольшая группа — это женщины, ориентированные преимущественно на семью. В нее входят как женщины-домохозяйки, так и те, кто если бы мог, не работал бы (20%) [Hakim, 2000]. Таким образом, в представлении К. Хаким, за что ее позже

неоднократно критиковали, только личные цели и индивидуальные предпочтения влияют на конкретные причинно-следственные связи на уровне индивидуального поведения. Ее данные прекрасно иллюстрируют вариативность возможных жизненных выборов для женщин, но не позволяют понять взаимозависимость между уровнем индивидуальных предпочтений и нормативными представлениями о гендерных ролях, воспроизводимых на уровне культурных и социальных конвенций и подкрепляемых такими институциональными факторами, как рынок труда и семейная политика. Концептуальные попытки объяснения незавершенного характера гендерной революции представлены в работах Г. Эспинга-Андерсена и С. Данкена [Esping-Andersen, 2009; Duncan, 2011].

Прагматика выбора: множественное равновесие и институциональный бриколаж

Г. Эспинг-Андерсен выделяет три факта, основанных на эмпирических данных, которые свидетельствуют о парадоксальных изменениях в сфере брачно-репродуктивного поведения и которые не могут, по его мнению, быть объяснены ни с точки зрения второго демографического перехода, ни с точки зрения «новой домашней экономики» Г. Беккера. [Becker, 1965; 1973a, 1973b].

Первый факт заключается в том, что такие показатели второго демографического перехода, как снижение уровня рождаемости и рост числа разводов, не привели к радикальным изменениям на уровне индивидуальных предпочтений. Семья по-прежнему остается терминальной ценностью, которая разделяется подавляющим большинством людей. Изучение семейных ценностей и аттитудов показывает удивительную степень стабильности предпочтений в отношении брака, материнства и желаемого числа детей [Esping-Andersen, 2009]. Второй факт — изменение тенденции рождаемости, когда на смену снижения уровня рождаемости, характерного для второй половины XX века, пришло ее повышение. Показатели рождаемости позитивно связаны с экономическим развитием, уровнем доходов и уровнем занятости женщин, а также с дружественной женщинам социальной политикой, позволяющей им сочетать карьеру и материнство [McDonald, 2006]. И, наконец, третий факт демонстрирует, по мнению Эспинг-Андерсена, актуальный демографический разворот, когда ценность семьи, стабильность брака и высокий уровень рождаемости характерны для представителей высокообразованных групп, а рост числа разводов, снижение уровня рождаемости и увеличение количества матерей одиночек — для групп с низким уровнем образования. Эта ситуация выглядит парадоксальной с точки зрения предыдущих теоретических объяснений, согласно которым высокообразованные женщины придерживаются ценностей самореализации, более ориентированы на карьеру и, как следствие, на рождение меньшего числа детей. Эспинг-Андерсен и Биллари видят в этом отчетливую новую тенденцию на стабилизацию и «увеличение» семьи и связывают ее с продолжающейся трансформацией гендерных ролей и отношений, когда гендерный эгалитаризм приобретает все более доминирующий нормативный статус [Billari, Esping-Andersen, 2015].

Применяя множественную систему равновесия, Эспинг-Андерсен утверждает, что динамика изменения семьи является следствием второго порядка разво-

рачивающейся трансформации женских ролей, которая сопровождала эрозию нормативной модели семьи «мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки». Если для середины XX века было характерно стабильное семейное равновесие, когда брак заключался в начале жизни, брачные союзы были стабильными, а рождаемость — высокой, то последующие социально-экономические и политические изменения (три гендерные революции по определению И. С. Кона) привели к ситуации неопределенности и нормативной путаницы того, какими должны быть гендерные роли в сфере семьи [Billari, Esping-Andersen, 2015]. Для возникновения нового доминирующего равновесия необходимо, чтобы на смену традиционным гендерным ролям пришли гендерные роли, выстроенные на эгалитарной основе. Для этого необходимо выполнение двух условий. Первое — должно быть достаточно много индивидов, ориентированных на гендерное равенство, критическая масса которых способствует распространению нормативных ожиданий в пользу гендерно-эгалитарных договоренностей. Второе — социальные институты и семейные отношения должны адаптироваться к новым ожиданиям. Исходя из теории рационального действия, эгалитарные гендерные нормы и модели поведения в семье станут распространяться быстрее, если выгоды от их принятия будут высоки, а затраты снизятся.

Для подтверждения своей позиции Билларри и Эспинг-Андерсен обращаются к эмпирическим данным, демонстрирующим положительную зависимость уровня рождаемости от гендерного равенства, а именно социальной политики, ориентированной на поддержку совмещения материнства и занятости у женщин; рост числа зарегистрированных браков и партнерств в странах с преобладающими гендерно-эгалитарными нормами по сравнению с теми странами, где доминирует традиционная гендерная идеология; а также отмечают связь между стабильностью семейных отношений и тем вкладом, который вносят мужчины в выполнение домашней работы и заботы о детях [Billari, Esping-Andersen, 2015]. Таким образом, историческая динамика перехода от устойчивому к множественному равновесию, по мнению авторов, может быть представлена как U-образная кривая, в которой пункт А представляет собой ситуацию, где доминирует модель семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой. Пункт Б — ситуация, когда под влиянием сексуальной, гендерной революции роли женщин существенно изменились, но пока еще общество ни на уровне социальных и культурных конвенций, ни на уровне институтов не адаптировалось к этим изменениям. Это находит свое выражение в снижении уровня рождаемости и нестабильности брачно-семейных отношений, особенно среди представителей образованных классов. Пункт С демонстрирует ситуацию, когда гендерный эгалитаризм достиг нормативного статуса и формируется новое устойчивое равновесие. При этом равновесие определяется авторами как условие, в котором индивиды действуют на основе общеизвестных ожиданий относительно стратегий действий других. Равновесие приобретает стабильность и становится самовоспроизводящимся, когда индивиды последовательно придерживаются одних и тех же нормативных правил. Для любого индивида издержки в случае отклонения от равновесной стратегии, то есть нормативных предписаний, будут превышать возможную выгоду от выбора ненормативного сценария.

Формирование устойчивого равновесия, основанного либо на традиционном разделении гендерных ролей, либо на гендерном эгалитаризме в сфере семейных отношений, возможно при достижении критической массы сторонников той или иной модели поведения. При этом Эспинг-Андерсен убежден, что гендерные отношения устойчиво изменяются в сторону равенства. Эта тенденция становится всеобщей. Различия же между странами, которые фиксируются многочисленными эмпирическими данными, говорят о разной скорости и траектории перехода от ситуации множественного равновесия — сосуществование нескольких возможных сценариев гендерных отношений — к формированию нового устойчивого равновесия. Экзогенные факторы способствуют переходу, а их сила влияет на скорость происходящих изменений. К триггерам перехода от ситуации А к ситуации Б относятся распространение и доступность контрацепции для женщин, автоматизация домашнего хозяйства, а также феминизация высшего образования. Эти эндогенные факторы привели к тому, что для женщин норма экономической независимости стала почти универсальной, а профессиональная занятость стала важной частью их жизненного сценария. Дружественная женщинам социальная политика, а также семейная политика, ориентированная на достижение гендерного равенства в приватной сфере, усиливает переход к гендерно-эгалитарной модели как устойчивому равновесию.

Так что же, по мнению Эспинг-Андерсена, блокирует гендерную революцию, мешает установлению новой гендерно-эгалитарной модели в качестве устойчивого равновесия? Одной из причин является отсутствие критической массы мужчин, поддерживающих эгалитаризм в сфере гендерных отношений. Если исследование К. Хакима [Наkim, 1999; 2000] показывает, что современные женщины могут быть отнесены к трем группам: ориентированные на семью, ориентированные на карьеру и ориентированные на совмещение семьи и работы, причем последняя группа составляет 60%, то подобных данных о мужчинах, к сожалению, нет. Вторая причина связана с институциональным дизайном семейной политики, тем, насколько ее инструменты способствуют достижению гендерного равенства в сфере семьи и родительства. Именно дружественная семье семейная политика позволяет, иногда через механизмы институционального принуждения (ярким примером является родительский отпуск для отцов в Швеции), ускорить процесс адаптации мужчин к изменившемуся статусу женщин.

Другой подход к пониманию противоречивых тенденций (де)традиционализма в сфере семейных отношений развивает Саймон Данкен [Duncan, 2011], предлагая использовать понятие институционального бриколажа. Этот концепт позволяет увидеть, каким образом происходит (пере)изобретение традиции — системы интерпретации тех или иных событий, социальных и культурных конвенций, а также норм поведения и институтов, и то, как она используется индивидами для того, чтобы адаптироваться к изменившимся структурным условиям. Автор критикует теорию индивидуализации, согласно которой индивиды создают свои уникальные жизненные сценарии под влиянием личных предпочтений и свободы выбора, а не под воздействием традиции. Данкен исходит из представления о том, что люди действуют прагматично, исходя из своих материальных, социальных и институциональных обстоятельств, то есть в рамках определенных ограничений.

Иными словами, люди приспосабливаются к обстоятельствам собственной жизни, используя и заново изобретая традиции, делая это часто неосознанно и почти всегда во взаимодействии с другими людьми и социальными группами.

Исследуя жизненные выборы матерей в Британии, Данкен и его коллеги обнаружили, что именно образованные, высококвалифицированные женщины с высоким человеческим капиталом и лучшими шансами на рынке труда, проживающие в более богатых районах страны, чаще отказываются от профессиональной занятости в пользу материнства. То есть они скорее будут действовать «традиционно», как «правильные матери». В то время как женщины из менее экономически развитых районов страны, таких как Северо-Восточная Англия или Южный Уэльс будут выберут сочетание материнства и работы. Исследователи полагают, что это связано с тем, что у матерей с более низким доходом меньше выбора в достижении «правильного» способа сочетания материнства с оплачиваемой работой, и они вынуждены действовать «ненадлежащим образом» по экономическим причинам [Duncan, 2011]. Для объяснения таких жизненных выборов Данкен использует концепт «гендерной моральной рациональности», который показывает, каким образом различные взгляды на то, как «правильно» сочетать материнство с работой, которые формируются и поддерживаются в определенных социальных условиях, затем соотносятся с более общими экономическими условиями: какие рабочие места доступны для женщин и как они оплачиваются, в итоге определяют сценарий занятости одиноких матерей [Duncan, Edwards, 1999].

Примером того, как работает гендерная моральная рациональность, является то, что происходит с оплачиваемой занятостью одиноких матерей после того, как они вступают в семейные/партнерские отношения. Эмпирические данные лонгитюдного исследования позволили зафиксировать разницу между тем, какие жизненные выборы делают женщины, принадлежащие к разным расовым и этническим группам. В первом случае «белые» матери после вступления в брак или имеющие устойчивые партнерские отношения переходили с работы на полный рабочий день на частичную занятость, а также полностью отказывались от оплачиваемой работы. В то время как чернокожие женщины, наоборот, изменяли свой график работы, выбирая полную занятость. Обе эти группы использовали свои экономические ресурсы для реализации того сценария (не)сочетания материнства и профессиональной занятости, который считали наиболее правильным и соответствующим их представлению о хорошем материнстве. Это происходит потому, что решение о балансе между семьей и работой не является «экономически рациональным», а основывается на коллективных представлениях о том, что считается социально приемлемым для той или иной социальной группы. Данкен отмечает, что поиск баланса — не всегда результат рефлексивного выбора и предмет переговоров между партнерами. Скорее, это рутинное и неосознанное принятие конвенциональных и нормативных представлений о том, что естественно и ожидаемо от представителей того или иного пола [Duncan, 2011].

Именно гендерная моральная рациональность как основа индивидуального выбора ставит под сомнение теоретические представления об индивидуализации, рефлексивной модернизации и постсовременной демократической семье, которые развивают в своих работах Э. Гидденс [Giddens, 1992], У. Бек и Э. Бек-

Гернсхайм [Beck, Beck-Gernsheim, 2002]. Выбор в пользу той или иной версии «правильного» материнства обусловлен гендерными ролями, воспринимаемыми в качестве нормативных моделей и обуславливающих индивидуальное поведение, а не прагматическими мотивами, связанными с доступом к большим ресурсам, получаемым в результате замужества или выхода на рынок труда. Данкен считает, что эти «нелогичные» жизненные выборы с точки зрения рефлексивного индивидуализированного жизненного проекта задаются внешними социальными нормами, основанными на моральных обязательствах перед другими и имеющими классовое, этническое, пространственное измерение, а также референтными группами как трендсеттерами определенных, в том числе гендерных идеологий.

Еще одним примером того, каким образом моральные гендерные рациональности определяют индивидуальные выборы формы семейных отношений: незарегистрированное партнерство vs. зарегистрированный брак. Рост числа незарегистрированных браков в зависимости от точки зрения исследователя может интерпретироваться как показатель кризиса семьи как социального института или как маркер «чистых отношений», базирующихся не на традиционной идее романтической любви и семейных обязательствах, а на признаваемой обоими партнерами ценности отношений, которые сохраняются до тех пор, пока они приносят им удовлетворение. Ссылаясь на результаты эмпирических исследований, Данкен утверждает, что партнеры, состоящие в незарегистрированных отношениях, могут вести себя ровно так же, как и состоящие в браке супруги, в вопросах разделения домашней работы, организации заботы о детях, формирования и использования общего бюджета. Для определения своих отношений они часто используют категорию семьи, подчеркивая тем самым значимость, устойчивость и «нормальность» своего выбора. Многие из них полностью не отказываются от идеи брака, не отрицая возможность регистрации своих отношений. Однако, по мнению Данкена, не сам факт юридического оформления отношений, а так называемая белая свадьба является для них способом публичной демонстрации их зрелости, успешности. «Повторное изобретение» викторианской белой свадьбы в 1980-е гг. не только закрепляется в качестве идеала, но и рассматривается индивидами в качестве способа легитимации их отношений. Сценарий свадьбы и соответствующие атрибуты: белое платье невесты, свадебный торт и пр., — показывает, каким образом «старые» символы могут быть использованы в новых социальных и культурных контекстах. Индивиды не просто воспроизводят традиционные паттерны поведения, характерные, например, для поколения их родителей, а вписывают и адаптируют их к изменившемуся социальному ландшафту, наделяя их новыми смыслами [Duncan, 2011]. То есть прагматика выбора той или иной модели поведения определяется нормативными представлениями о том, как необходимо правильно поступать в тех или иных социально-экономических и культурных условиях. При этом именно структурные условия формируют возможности и ресурсы, доступные индивидам, что делает их поведение не столько результатом свободного выбора, сколько следствием привычки или рутины, а также интериоризации характерных для той или иной группы социальных норм.

Эвристические возможности понятия институционального бриколажа позволяют, по мнению Данкена, понять, как агентность индивидов задана социальными

институтами и как она реализуется в повседневной жизни. Автор опирается на работы Мэри Дуглас [Douglas, 1973], которая расширила концепцию «интеллектуального бриколажа» Леви-Стресса. Дуглас сформулировала идею, что «институты думают» от имени людей, и эти институты строятся в процессе бриколажа — сборки и применения аналогий и стилей мышления, которые уже являются частью существующих институтов. Социальные формулы многократно используются при построении институтов, тем самым экономя на когнитивной (и социальной) энергии, предлагая более легкую классификацию и легитимацию тех или иных жизненных событий, систем их интерпретации, а также моделей поведения. Это также подразумевает «институциональную утечку», при которой «наборы правил метафорически связаны друг с другом и позволяют смыслу просачиваться из одного контекста в другой по формальному сходству, которое они показывают» (цит. по: [Duncan, 2011: 7]).

Кливер в своих исследованиях, посвященных использованию природных ресурсов, в отличие от Дуглас, делает акцент на (ре)формировании социальных институтов и предлагает использовать понятие институционального бриколажа [Cleaver, 2002]. Люди сознательно и неосознанно используют существующие социальные и культурные механизмы — существующие институты, стили мышления, социальные нормы и социально одобряемые модели поведения для того, чтобы «соединить» или «собрать воедино» институты в ответ на меняющуюся ситуацию. Таким образом, эти институты не являются ни совершенно новыми, ни совершенно традиционными, а представляют собой динамическую смесь «современного» и «традиционного», а также «формального» и «неформального». В то же время бриколеры обладают разными ресурсами, связанными с их институциональной позицией, что напрямую определяет их способность действовать в качестве бриколеров. Некоторые из них будут в большей степени влиять на изменение конвенциональных представлений и моделей поведения с точки зрения общественного признания, чем другие.

Принцип DIY (Do It Yourself) как способ построения индивидуальной биографии также используется в теориях индивидуализации, когда ««нормальные» биографии любви заменяются «биографиями «сделай сам»» [Beck, Beck-Gernsheim, 2002: 5]. Однако концепция институционального бриколажа претендует на то, чтобы стать теорией среднего уровня в семейных исследованиях, позволяя поместить индивидуальные выборы в более широкий контекст (пере)создаваемых социальных институтов. Опираясь на работы Кливер, Данкен формулирует следующие принципы работы институционального бриколажа. Во-первых, в ситуации необходимости приспособления к новым социально-экономическим и культурным условиям индивиды стараются минимизировать свои усилия по разработке и адаптации новых правил. Этого можно достигнуть, если использовать существующие социальные нормы и модели поведения, перестроив их в соответствии с изменившимся контекстом. Во-вторых, потребность в социальной легитимации требует от индивидов определения своих действий в тех или иных категориях. При этом отсылки к «правильности», «разумности» и «нормальности» модели поведения позволяет им минимизировать свои усилия по выработке социально одобряемых правил поведения. В данном случае речь идет не только об адаптации существующих

практик к новым условиям, но и об их институционализации и социальном воспроизводстве как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Традиция позволяет это сделать, поскольку используется как способ легитимации и позиционирования. Она постоянно (пере)изобретается и реформируется посредством того, как индивиды адаптируются к новым социальным ландшафтам. По мнению Данкена, это и есть форма бриколажа сама по себе [Duncan, 2011]. Таким образом, концепция институционального бриколажа позволяет лучше понять, как индивиды приспосабливаются и воссоздают традицию, реагируя на новые обстоятельства, как это может — или не может — обеспечить легитимацию, как смыслы и значения «просачиваются» от старых к новым традициям, а также то, насколько эти процессы и их результаты социально неоднородны.

(Пере)изобретение традиции: незавершенная гендерная революция в России

Что происходит сегодня в сфере гендерных отношений в России? Возможен ли традиционалистский реванш, в ходе которого будет демонтировано наследие советского гендерного порядка? Какие гендерные проблемы актуальны для современного российского общества? Кто и как их должен и может решить? В каких категориях можно определить современный российский гендерный порядок? Эти и другие вопросы, касающиеся траектории и перспектив развития гендерных отношений в российском обществе, составляют актуальную повестку многочисленных публичных дискуссий и академических социальных исследований. Попробуем посмотреть на этот парадоксальный объект изучения сквозь призму описанных выше подходов.

В отличие от западных стран, где последовательно и постепенно разворачивались процессы социальных изменений, затрагивающих сферу сексуальности, участия женщин в оплачиваемой занятости и образовании, а также сфере семьи и родительства, в СССР причины и характер революционных изменений были подчинены другой логике. Исследователи определяют гендерный порядок советского общества как этакратический, поскольку он в значительной степени обусловливался «государственной политикой, задающей возможности и барьеры для действий людей» [Здравомыслова, Темкина, 2003: 436]. Специфика этакратического гендерного порядка заключается в том, что основным агентом формирования и контроля гендерных отношений выступает государство. Именно государственный проект построения нового социалистического общества, а также действия власти, направленные на его реализацию, являются триггером или экзогенным фактором, согласно Эспингу-Андерсену, запустившим процесс (пере)определения гендерных ролей в публичной и приватной сферах.

Специфика советского варианта заключается в том, что сексуальная, гендерная и семейная революции начались с приходом советской власти, то есть на несколько десятилетий раньше, чем это произошло на Западе. Кроме этого, особенностью является то, что все три революции разворачивались не последовательно и постепенно, давая возможность людям адаптироваться к изменившимся правилам общественных отношений и выработать новые поведенческие модели, а стремительно и одновременно. Третье отличие выражается в том, что женщины

были не субъектом, а объектом гендерной политики государства. Основными направлениями советской эмансипации женщины являлись: обеспечение юридического равенства между мужчинами и женщинами; широкое привлечение женщин к общественному труду, участие в управлении государством; коммунистическое воспитание и формирование женщин нового типа; раскрепощение женщин в семье, обобществление домашнего хозяйства; общественное воспитание детей, воспитание девочек и мальчиков на принципах новой коммунистической морали, морали превосходства общественного над личным [Хасбулатова, 2005: 98]. Как видим, «пути раскрепощения женщин» касались как публичной (образование и профессиональная занятость), так и приватной, семейной сферы.

Гендерная революция, связанная с изменением положения женщин в публичной сфере, выражается в массовом доступе и участии женщин в занятости, образовании и политике, являлась неотъемлемой частью советского проекта эмансипации. Женщины рассматривались советским государством как резервная армия труда, что выразилось в последовательной, часто принудительной политике по включению женщин в сферу оплачиваемой занятости. При всех аргументах против, эта революция скорее состоялась, хотя имеет неоднозначные последствия. Так, несмотря на высокий уровень образования женщин, гендерный профиль рынка труда по-прежнему включает как горизонтальную, так и вертикальную сегрегацию занятости, которая выражается в существенном разрыве в оплате труда между мужчинами и женщинами, пенсионных выплатах и общем уровне благосостояния представителей разных полов. А система квотирования не открыла женщинам доступ к ключевым политическим постам, закрепив за ними сферы деятельности, маркированные как социальное материнство, и открыв доступ к низшим уровням власти.

Гендерный контракт «работающая мать» — нормативный образец советской женственности, характерный для нескольких поколений, получал мощную государственную поддержку, при которой стала возможной практическая реализация женского эмансипационного проекта: политическая и экономическая мобилизация женщин, их массовое включение в общественное производство, высокий уровень образования, квотирование участия женщин в органах власти разных уровней и др. В категориях Эспинга-Андерсена, гендерная политика в сфере занятости выступала тем самым экзогенным фактором, способствующим формированию устойчивого равновесия — модели семьи, где женщина обязательно работала, что способствовало дефамелизации женщин, понимаемой как возможность создавать и поддерживать автономное домохозяйство независимо от мужчины. Опыт 1990-х гг., когда в результате либеральных экономических реформ произошел отток женщин из оплачиваемой занятости в сферу неформальной теневой экономики, показал, насколько необходима государственная поддержка для сохранения высокого уровня экономической автономии женщин [Хоткина, 2000]. Тем не менее как минимум три поколения советских женщин имели ценный опыт получения профессионального образования, занятости в разных сферах общественного производства, социальной поддержки по месту работы, материальной независимости и, пусть и относительной, свободы брачно-репродуктивного выбора.

Более парадоксальными представляются сексуальная и семейная революция. Сексуальная революция советского и постсоветского общества имеет свои структурные и культурные особенности. В своих работах, посвященных российской сексуальности, И. С. Кон отмечал, что «исторически традиционная русская сексуальная культура как на бытовом, так на символическом уровне всегда отличалась крайней противоречивостью», где жесткий патриархатный порядок сочетался с фемининным национальным характером и синдромом «сильной женщины», а откровенный крестьянский натурализм интимной жизни сосуществовал с суровым православным аскетизмом. Парадоксальное сочетание консервативных ценностей и либеральных сексуальных практик усиливалось классовыми и сословными различиями [Кон, 2002: 40]. Я допускаю, использование понятия институционального бриколажа как процесса формирования новых социальных институтов с использованием доступных элементов «старых» предполагает (вос)создание той или иной версии традиции, которая используется для легитимации дискурсивных представлений и поведенческих моделей, позволяет по-новому посмотреть на то, как разворачивалась сексуальная революция в России.

Сексуальные эксперименты раннесоветского времени были невозможны без общественных обсуждений сексуальности начала XX века, сексуального дискурса Серебряного века, а также практик интимности, характерных для крестьянской среды.

Новая половая мораль выступала ресурсом для легитимации либеральных аттитудов и паттернов поведения в сфере сексуальности, отвечающих потребностям социалистического общества в противовес капиталистическому «бескрылому Эросу». «Традиционалистский откат» сталинского периода характеризовался государственной монополией на контроль репродуктивного поведения женщин, символическим порицанием добрачных и внебрачных сексуальных отношений, юридическим преследованием гомосексуализма. Лозунг «семья — ячейка общества» стал ведущей идеологемой консерватизма советской сборки, включающего нормативное представление о брачной сексуальности, направленной на деторождение, как о единственно возможной и социально одобряемой модели поведения. Эта модель позволяла трактовать материнство как предназначение женщины (с отсылкой к природе) и одновременно как социальное обязательство женщин-граждан. Позднесоветский период отмечается некоторым смягчением государственного регулирования и общественного контроля в этой сфере, что привело к приватизации сексуальной жизни, относительной индивидуализации и плюрализации моделей сексуального и репродуктивного поведения людей.

Нормативным образцом — «традиционным» репродуктивным поведением женщин — становится малодетность, а также аборт как способ контрацепции. Эта репродуктивная модель представляет собой результат адаптации женщин к изменившимся условиям, когда рациональность выстраивается на основе сравнения выгод и издержек того или иного поведения в конкретном контексте. Несмотря на снижение числа абортов в современной России, а также десятилетний рост рождаемости, начавшийся в середине 2000-х гг., демографические данные позволяют говорить об этом устойчивом, воспроизводящемся образце поведения, который не претерпевает существенных изменений ни в связи с доступностью

как информации о средствах контрацепции, так и самих средств контрацепции, ни под воздействием пронаталистских мер семейной политики, ориентированных на стимулирование рождаемости [Чернова, 2013].

После распада СССР произошел переход от лицемерной сексуальности советского времени, связанной с умолчанием и низкой рефлексивностью индивидов, к аутентичной сексуальности — проговариваемой, в том числе и публично, главным образом на страницах СМИ [Кон, 1997, 2002]. И. С. Кон выдвинул тезис о том, что существенные сдвиги в сторону либерализации поведения индивидов начались, судя по результатам эмпирических исследований, не в эпоху перестройки и гласности, а уже в 1960-е и особенно 1970-е гг. По его мнению, подростки 1990-х гг. только продолжили этот процесс [Кон, 2002: 42]. Отказ от социалистической идеологии, построение на принципах демократического общественного устройства и рыночной экономики новой России образца 1990-х — начала 2000-х гг. значительным образом либерализовали сферу сексуальности. Разделение репродукции и сексуальности произошло не только на уровне формирования профессионального дискурса о сексе, транслируемого в первую очередь либеральными СМИ, которые выступили площадкой для обсуждений вопросов «про это», к участию в которых в качестве экспертов стали привлекаться специалисты разных профилей, оно также стало возможным, благодаря появлению доступных эффективных способов контрацепции, программ сексуального просвещения и рекламных кампаний, пропагандирующих безопасный секс. В то же время либеральная идеология достаточно сильно повлияла на усиление эссенциализма в интерпретации гендерных отношений. Коммерциализация и гламуризация секса переопределили идеал «романтической любви», сделав востребованными образы сексуально активного и обязательно экономически успешного мужчины и сексуально привлекательной женщины, выступающей объектом мужского интереса и восхищения. Выбор традиционного сценария гендерных отношений стал интерпретироваться как современный и правильный, соответствующий западному стилю жизни, главным образом американскому, знакомому преимущественно по голливудским фильмам и сериалам. В то время как феминизм и ценности гендерного равенства ассоциировались с устаревшим и непривлекательным советским образом жизни. Подчеркнутая сексуальная привлекательность, соответствующая «глянцевым» канонам, стала артикулироваться в качестве ценного ресурса, обладающего высоким уровнем конвертации в другие виды капитала. В таком контексте «забота о себе» как о сексуально привлекательном субъекте становится рациональным проектом, выгода от реализации которого может быть весьма значительной при выстраивании биографии как достижительной стратегии.

Таким образом, отличие российской сексуальной революции от западной заключается, по мнению И. С. Кона не столько в направлении развития, сколько в хронологических рамках и степени общественной рефлексии [Кон, 2002: 42]. То есть траектория и скорость происходящих социальных изменений зависят от политического, социального и культурного контекста той или иной страны. Революционные преобразования начала XX века вывели Россию в авангард социальных изменений, однако последующая консервативная политика государства в сфере сексуальности обеспечила традиционалистский откат, подготовив

почву для сексуальной контрреволюции. Однако на уровне индивидуального поведения можно говорить, что советский вариант сексуальности, связанный со снижением возраста сексуального дебюта, дестигматизацией добрачного и внебрачного секса, «нормализацией» аборта как варианта репродуктивного выбора, плюрализацией сценариев и форм сексуальности представляется устойчивой традицией, на воспроизводство которой оказывает влияние как его длительная история, охватывающая несколько поколений, так и более глобальные изменения в области сексуальных отношений, которые отчетливо прослеживаются в постсоветском обществе.

Семейная революция, начала разворачиваться с первых лет советской власти, поскольку создание нового типа семьи было одним из приоритетов советской политики. Если достижение гендерного равенства в публичной сфере поддерживалось и на уровне деклараций, и на уровне инструментов образовательной политики и политики занятости, то идея о приоритете общественного воспитания так и осталась одним из революционных лозунгов. (Вос)производство гендерного контракта «работающая мать» — нормативного образца советской женственности — включало обсуждение в официальной риторике проблемы баланса семьи и работы, а вся совокупность предпринимаемых действий была направлена на то, чтобы создать благоприятные условия для сочетания женщинами материнства с профессиональной деятельностью и участием в общественной жизни. Наравне с этим сосуществовали консервативные представления о гендерном разделении ролей в сфере семьи и родительства, когда мать рассматривалась как главный поставщик заботы о детях в семье и исполнитель рутинных обязанностей по поддержанию быта. Примером может выступать такая мера семейной политики, как отпуск по уходу за ребенком, право на который имели исключительно женщины. В целом в качестве объектов семейной политики выступали только женщина-мать и ее дети. При этом государство не рассматривало семейные и родительские роли мужчин в качестве своих приоритетов, и большая включенность мужчин в выполнение неоплачиваемой домашней работы не предполагалась даже на уровне задач и инструментов советской семейной политики.

Гендерно-асимметричное родительство и «половое неравенство в быту» [Гордон, Клопов, 1972] являются результатом гендерной политики СССР. Именно политика государства была причиной того, что семейная революция не состоялась, поскольку массовый выход женщин на рынок труда не получил такого же «симметричного ответа» со стороны мужчин в сфере их участия в осуществлении заботы о детях и выполнении неоплачиваемой домашней работы. Время и интенсивность выполнения женщинами домашних обязанностей, связанных с организацией быта и воспитанием детей, существенно больше, чем участие и вклад мужчин в эти же виды деятельности. Патерналистский характер советской семейной политики укрепил альянс женщины и государства, когда в обмен на лояльность и «правильное» исполнение предписаний гендерного контракта женщины-матери получают поддержку от государства.

Постсоветские трансформации в публичной и приватной сферах закрепили данное распределение гендерных ролей в семье и родительства в качестве устойчивого образца. Идеал буржуазной семьи с четким разделением гендер-

ных ролей, представление о женщине как об «ангеле в доме» стали активно (ре) презентироваться медиадискурсом, формирующим образ «настоящего» мужчины как «сильного кормильца» и женщины-домохозяйки. Эти гендерные роли стали востребованы представителями нового среднего класса, ориентирующегося на западный образец жизни обеспеченного класса. Современное представление об ответственном родителстве, связанное в первую очередь с идеологией интенсивного материнства, также вносит вклад в сохранение гендерно-асимметричного родительства в качестве устойчивого образца. Отсутствие дружественной семье семейной политики, когда посредством институциональных механизмов государство создает условия для большего участия мужчин в повседневной заботе о детях, например, посредством специального отпуска для пап, а также сохраняющиеся высокие «штрафы» за материнство, с которыми сталкиваются женщины при попытках найти баланс профессиональной занятости и материнства, обеспечивают устойчивость такого принципа построения семейных отношений.

«Традиционными» элементами советского брачного поведения были также высокий уровень брачности и высокий уровень разводов. Статистические данные о высокой брачности и высокой разводимости позволяют рассматривать эту модель семейного устройства в качестве устойчивого равновесия. В отсутствие экзогенных факторов, стимулирующих переход к более равным отношениям, а также значительная социальная поддержка такого образца гендерных ролей в семье не позволяют прогнозировать скорого перехода к эгалитаризму в этой сфере.

Напротив, неотрадиционализм гендерных отношений закрепляется на уровне, транслируемом государственной политикой в отношении семьи, (вос)производится СМИ и сложившимся семейным укладом советского типа с преобладающим участием женщин в организации заботы и ухода за детьми, а также представителями старшего поколения, незначительным участием мужчин в выполнении домашних обязанностей. Индустрия «белой свадьбы», расцвет которой пришелся на стабилизацию экономической ситуации 2000-х гг. также участвует в формировании новой традиции создания семьи с обязательным ритуалом и соответствующей атрибутикой. При этом высокая значимость семьи в системе ценностей россиян не таким уж парадоксальным образом соседствует с неустойчивостью и хрупкостью зарегистрированного брака, которая связана как с предыдущим устойчивым трендом частых разводов, характерным для позднесоветского времени, так и со вторым демографическим переходом.

Концепт институционального бриколажа, подчеркивающий, каким образом выстраиваются жизненные стратегии индивидов, в ситуации структурных ограничений и под влиянием гендерной моральной рациональности позволяет проанализировать плюралистичность современной гендерной культуры в России, ее интерсекциональность, возникающую на пересечении пространственного, классового, этнического и религиозного измерений. Используя «теорию четырёх России» Н. В. Зубаревич, необходимо говорить о нескольких семейных укладах, составляющих матрицу гендерного порядка, расположенную между ре- и детрадиционализацией форм семейных отношений. И если про специфику гендерных отношений «первой» России, для которой характерна высокая концентрация представителей городского образованного среднего класса с высоким уровнем человеческого капитала и явным запросом на эгалитарные отношения, собрано

определенное количество социологических данных, то гендерные миры других пока не столь очевидны.

Предложенная в данной статье аналитическая рамка, представляется достаточно продуктивной по своему эвристическому потенциалу, позволяющему социологически осмыслить неоднородные и противоречивые процессы изменений, происходящие в сфере гендерных отношений. Идея И. С. Кона о трех революциях позволяет не только сравнить западный и российский контекст, но и определить специфику происходящих сдвигов как на уровне дискурсивных предписаний, так и на уровне практик. Либерализация гендерных отношений, второй демографический поворот, в контексте которого выстраивается брачно-репродуктивное поведение мужчин и женщин, ориентация на ценности самовыражения и гендерного равенства, характерные для более эгалитарного гендерного уклада «первой» России, совпадают с актуальным макротрендом на «усиление» семьи как новым типом устойчивого равновесия. При этом современную российскую ситуацию скорее следует рассматривать как пример ситуации множественного равновесия, когда сосуществует ряд культурных и социальных конвенций относительно нормативной, правильной модели поведения, создаются условия для сосуществования разных семейных укладов, возможных жизненных сценариев, выстроенных в логике советского, традиционного и эгалитарного образца, каждый из которых имеет определенные ресурсы мобилизации сторонников, чья критическая масса принципиально важна для того, чтобы сформировалось устойчивое равновесие.

Список литературы (References)

Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне-рабочего времени. М. : Наука, 1972.

Gordon L., Klopov E. (1972) Man after work. Social problems of life and non-working time. M. : Science. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н. Пушкаревой. М. : РОССПЭН, 2003. С. 436—463.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Soviet Etacratric Gender Order. In: *Social History. Yearbook. 2003. Women's and Gender History*. Ed. by N. Pushkarevoy. M.: ROSSPEN. P. 436—463. (In Russ.)

Кон И. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 51—65.

Kon I. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolution. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 14. No. 1. P. 51—65. (In Russ.)

Кон. И. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. С. 24—46.

Kon I. (2002) Human Sexuality at the Turn of the 21st Century. In: *In Search of Sexuality*. Ed. E. Zdravomyslova and A. Temkina. SPb.: Publishing house "Dmitry Bulanin". P. 24—46. (In Russ.)

Кон И. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. М. : ОГИ, 1997.

Kon I. (1997). Strawberry on Birch. Sexual Culture in Russia. M.: OGI. (In Russ.)

Печерская Н. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 323—342.

Pecherskaya N. (2012) Mythology of Parenthood: Analysis of Discourse Construction of Ideal Family. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 323—342. (In Russ.)

Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2013.

Chernova Zh. (2013) Family as a Political Issue: State Project and Privacy Practices. SPb.: EUSPb. (In Russ.)

Хасбулатова О. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Ивановск. гос. ун-т, 2005.

Khasbulatova O. (2005) Russian Gender Policy in the Twentieth Century: Myths and Realities. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russ.)

Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 85—93.

Hotkina Z. (2000) Female Unemployment and Informal Employment in Russia. *Voprosy Ekonomiki [Issues of Economics]*. No 3. P. 85—93. (In Russ.)

Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. London: Sage.

Becker G. S. (1965) A Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal*. Vol. 75. No. 299. P. 493—517. <https://doi.org/10.2307/2228949>.

Becker G. S. (1973a) A Theory of Marriage: Part I. *Journal of Political Economy*. Vol. 81. No. 4. P. 813—846. <https://doi.org/10.1086%2F260084>.

Becker G. S. (1973b) A Theory of Marriage: Part II. *Journal of Political Economy*. Vol. 82. No. 2. P. s11—s26. <https://doi.org/10.1086%2F260287>.

Billari F., Esping-Andersen G. (2015) Re-Theorizing Family Demographic Change. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 1. P. 1—31. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x>.

Breen R., Cook L. (2005) The Persistence of the Gender Division of Labour. *European Sociological Review*. Vol. 21. No. 1. P. 43—57. <https://doi.org/10.1093/esr/jci003>.

Cleaver F. (2002) Reinventing Institutions: Bricolage and the Social Embeddedness of Natural Resource Management. *The European Journal of Development Research*. Vol. 14. No. 2. P. 11—30. <https://doi.org/10.1080/714000425>.

Douglas M. (1973) *Rules and Meanings*. Harmondsworth: Penguin.

Duncan S. (2011) Personal Life, Pragmatism and Bricolage. *Sociological Research Online*. Vol. 16. No. 4. P. 1—12. <https://doi.org/10.5153/sro.2537>.

Duncan S., Edwards R. (1999) *Lone Mothers, Paid Work: and Gendered Moral Rationalities*. London: Macmillan.

Esping-Andersen G. (2009) *The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles*. Cambridge: Polity Press.

Fraser N. (1994) After the Family Wage: Gender Equity and the Welfare State. *Political Theory*. Vol. 22. No. 4. P. 591—618. <https://doi.org/10.1177/0090591794022004003>.

Gerson K. (2009) *The Unfinished Revolution*. Oxford: Oxford University Press.

Giddens A. (1992) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.

Hakim C. (1999) Models of the Family, Women's Role and Social Policy. A New Perspective from Preference Theory. *European Societies*. Vol. 1. No. 1. P. 33—58. <https://doi.org/10.1080/14616696.1999.10749924>.

Hakim C. (2000) *Work-Lifestyle Choices in the 21st Century. Preference Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Hochschild A. R. (2003) *The Second Shift*. New York: Penguin Books.

Hook J. L. (2006) Care in Context: Men's Unpaid Work in 20 Countries, 1965—2003. *American Sociological Review*. Vol. 71. No. 4. P. 639—660. <https://doi.org/10.1177/000312240607100406>.

McDonald P. (2006) Low Fertility and the State: The Efficacy of Policy. *Population and Development Review*. Vol. 32. No. 3. P. 485—510. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x>.

Saraceno Ch. (2011) Gender (In)Equality: An Incomplete Revolution? Cross EU Similarities and Differences in the Gender Specific Impact of Parenthood. Discussion Paper 13, 03/2011 ISSN 1865—9608.

van der Lippe T., de Ruijter J., de Ruijter E., Raub W. (2011) Persistent Inequalities in Time Use between Men and Women: A Detailed Look at the Influence of Economic Circumstances, Policies, and Culture. *European Sociological Review*. Vol. 27. No 2. P. 164—179. <https://doi.org/10.1093/esr/jcp066>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.11

Правильная ссылка на статью:

Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 243—262. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11>.

For citation:

Iukina I. I. (2019) Discussion on Abortions in the Russian Empire: Private Life and New Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243—262. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11>.

И. И. Юкина

ДИСКУССИЯ ОБ АБОРТАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ДИСКУССИЯ ОБ АБОРТАХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

DISCUSSION ON ABORTIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE: PRIVATE LIFE AND NEW IDENTITY

ЮКИНА Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: irinayukina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4845-8742>

Irina I. IUKINA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor

E-MAIL: irinayukina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4845-8742>

¹ National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена дискуссии об абортах, развернувшейся в России в начале XX века. В ней представлены мнения трех экспертных сообществ — врачебного, юридического и феминистского, рассматривавших тенденцию роста числа аборт как

Abstract. The article devoted to the discussion on abortion that ensued in Russia in the early twentieth century. It presents the opinions of three expert groups — medical, legal and feminist communities, who viewed the growing tendency in the number of abortions as

острую социальную проблему и искавших пути ее решения. Дискуссия зафиксировала ситуацию в России того времени, которая характеризовалась расширением социальных ролей женщин, формированием новой женской идентичности, дальнейшим разделением частной и публичной сфер, изменением отношения представителей доминирующих групп населения к физической любви, детям, личным (гражданским) правам. Автор приходит к выводу, что распространение модернистских взглядов на семью, роль женщины среди представителей образованных групп положило начало формированию новой репродуктивной культуры и способствовало прохождению Россией демографической модернизации.

Ключевые слова: демографическая модернизация, экспертные группы, публичная/приватная сферы, городские либеральные ценности, феминистская мысль, новая репродуктивная культура

an acute social problem and looked for ways to solve it. The situation in Russia of that time described in discussion by the expansion of the social roles of women, the formation of a new female identity, the further separation of the private and public spheres, a change in the attitude of population dominant groups representatives to a physical love, children, personal (civil) rights. The author concludes that the spread of modernist views on the family, the role of women among representatives of educated groups, initiated the formation of a new reproductive culture and contributed to Russia's demographic modernization.

Keywords: demographic modernization, expert groups, public/private spheres, urban liberal values, feminist idea, new reproductive culture

Вступление

Цель статьи — анализ дискуссии об абортах, которая развернулась, прежде всего, на страницах профессиональной печати в России на рубеже XIX—XX веков. Эта дискуссия зафиксировала новые практики жизни представителей разных сословий и классов в сфере интимных отношений, обнаружила изменение отношения россиян к многочадию, абортам, контрацепции, правам женщин. Материалы XII Пироговского съезда о «преступных выкидышах» не раз становились предметом анализа историков, демографов, социологов. Данная статья написана на более широком корпусе источников. В частности, на материалах III и XI Пироговских съездов, дискуссий в региональных отделениях Пироговского общества, на материалах IV съезда Общества российских акушеров и гинекологов и X Общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов, а также на основе статей в профессиональных и толстых журналах, таких как «Терапевтическое обозрение», «Врач», «Русский врач», «Журнал акушерства и женских болезней», «Право», «Русское богатство», «Вестник Европы», феминистского журнала «Женский вестник», брошюрах врачей, юристов и социологов.

Центральная идея статьи состоит в том, что обсуждаемая дискуссия зафиксировала начало процесса демографической модернизации в России. При многих общих с другими странами тенденциях она позволяет выявить и описать российские особенности.

В качестве одной из экспертных групп, наряду с врачами и юристами, в статье представлены равноправки — русские феминистки. Они анализировали проблему роста числа аборт со своих позиций, отстаивали право женщины на собственный выбор, продвигали идеал свободной равноправной женщины, формируя новые ценности и новые подходы к репродуктивным правам женщин и, одновременно с тем, к новой репродуктивной культуре.

Автор считает, что вклад феминистской мысли и активизм русского феминизма недооценены в исследованиях российской демографической модернизации. В известной степени статья написана с позиций истории женщин, истории повседневности и истории ментальностей, которые ставят предметом своего изучения частные практики повседневной жизни людей и осмысление ими своих проблем. Именно расширение социальных ролей женщин, трансформации их идентичности и практик прокреативного поведения актуализировало проблему абортов в России, стало причиной широкой дискуссии. Для женщин обсуждение проблем ограничения деторождения и предохранения от беременности было табуировано культурными кодами поведения, лишившими их права голоса в обсуждении таких «неприличных» вопросов. Поэтому неудивительно, что именно представительницы феминистского сообщества, осмыслявшие социальные проблемы женщин, выступили той экспертной группой, которая заговорила от лица всех женщин.

«Трагедия сменяющихся мировоззрений»

Рубеж XIX—XX столетий был временем великих трансформаций для России. На фоне и в контексте изменений в политической, культурной, экономической сферах, начавшихся еще в годы Великих реформ Александра II, шли процессы смены ценностной парадигмы подданных Российской империи. Менялось отношение людей к своей жизни в целом, включая интимную сферу, любовь, семью, детей. «На щит» поднимались ценности автономии личности от семьи и рода, переосмыслились социальные роли женщин, отношения мужчин и женщин. Шел процесс становления нового типа личности — личности модернизирующегося общества.

Демографическая модернизация осуществлялась в русле общей модернизации страны и вылилась к концу XIX века в публичную постановку вопроса о «свободном материнстве». Под этим эвфемизмом в то время понималось право женщины регулировать частоту и количество беременностей и родов. Детская смертность, особенно в образованных классах, падала [Демографическая модернизация..., 2006], а многодетность на пределе физиологических возможностей женщины представлялась слишком расточительной с экономической и морально-психологической позиций, а также с точки зрения здоровья женщины. Проблема ограничения рождаемости как актуальная и насущная встала прежде всего перед женщинами.

Схожие процессы шли в странах Европы и США. Демографическая модернизация России была неотъемлемой частью мировой демографической модернизации и глобального «демографического перехода», то есть перехода от «извечного

равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [там же: 10].

При всех общих тенденциях, в России, разумеется, были свои особенности. Одной из них был высокий уровень рождаемости, сохранявшийся даже в начале XX века. Несмотря на наличие всех присущих демографической модернизации условий — развитие экономики, урбанизация, повышение грамотности, рост мобильности населения, постепенный отход от патриархального уклада жизни и т. д., — среднее число рождений на одну женщину в России в среднем составляло 7,5 рождений против 5 в европейских странах [там же: 29].

Причина, на наш взгляд, заключалась в медленном усвоении ценностей нового уклада жизни в стране с преимущественно крестьянским населением. Отход от вековых представлений о женской и мужской роли в семье и обществе, об отношениях супругов друг к другу и детям, о материнстве и отцовстве происходил медленно. Поэтому внутрисемейный контроль над рождаемостью, поздняя брачность, «технически» ограждающая женщин от ранних и многочисленных родов, не были распространены. Изменение отношения к многочадию, знания о способах предотвращения беременности и соответствующие практики демонстрировали женщины элитарных, «доминирующих» социальных групп: аристократки, буржуазки, интеллигентки.

В начале XX века наиболее распространенным типом семьи оставалась расширенная семья, хотя нуклеаризация происходила и среди сельского населения [Миронов, 1999: 169]. Главный принцип патриархальных семейных отношений — «человек для семьи» — уже не устраивал молодое поколение, особенно молодых женщин. Традиционная семья, препятствующая интеграции молодежи обоих полов в пореформенную жизнь, рассматривалась ими как пережиток крепостничества и испытывала «полную революцию». Главным актором этих изменений стала женщина: «Вынужденная силой необходимости, не модой — как казалось тогда многим, — она [женщина — И.Ю.] заявила свою готовность к приобретению одинаковых с мужчиной прав на знание и труд» [Некрасова, 1882: 808]. Педагог и писательница Е. Н. Водовозова (1844—1923) в своих воспоминаниях о пореформенном времени писала: «Среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерницами, переписчицами, стенографистками. Отношение общества к трудящимся женщинам тоже быстро менялось» [Водовозова, 1987: 174—175]. Вслед за изменением жизненных целей женщин доминирующих групп менялось и их сексуальное, матримониальное, прокреативное поведение. Пересмотр принципа «семейной необходимости» и предпочтение индивидуалистского сценария собственной жизни были культурным вызовом, и потому встречали серьезное сопротивление в обществе. В публичном дискурсе новые модели поведения, жизненные стратегии «новых женщин» рассматривались поначалу, по меньшей мере, как вопрос о добре и зле. Современница [Андреева, 1901] назвала эту ситуацию «трагедией сменяющихся мировоззрений».

«Женщины наших средних классов», по выражению известного философа и публициста П. Л. Лаврова, переосмыслили ценности супружества и материнства. Появился термин «новое материнство», который фиксировал осознанное рож-

дение женщиной ребенка, внимание к его личности, доверительные отношения. Так формировалась совершенно новая модель взаимоотношений между матерью и ребенком, принципиально противоположная многодетности, исключавшей возможность душевной близости с детьми.

Помимо проблемы ограничения материнства, перед «новыми женщинами» практически сразу встала проблема сочетания его с оплачиваемой занятостью. Как и в каких терминах эту тему обсуждали, каким способом предполагалось ограничивать количество беременностей и родов, чтобы достичь «свободного материнства» — неизвестно. В силу того, что тема была из числа «непроговариваемых», мы не находим ее в стенограммах собраний женских организаций. Понятия «искусственный выкидыш», «аборт», «плодоизгнание» были табуированы в дискурсе равноправия; зато были введены термины «свободное материнство», «новое материнство», «любовь», «женская психология», «двойная половая мораль», «половое воздержание». Последнее было обращено к мужчинам (доктор М. И. Покровская), хотя стратегия отказа от личной жизни, брака и деторождения имела место в среде «новых женщин» — преимущественно радикалок. Можно сказать, что революционный аскетизм стал одной из форм сексуального и прокреативного женского поведения. Однако это был выбор немногих. Создание «детских очагов» (пробраз современного детского сада) для детей «интеллигентных тружениц» при женских организациях также свидетельствовало о поиске путей решения проблемы.

В начале XX века феминистская мысль прочно увязала причины «неравноправности» женщин с их способностью к деторождению и социальными последствиями материнства. Материнство было прямо названо главной причиной зависимого и вторичного положения женщины в обществе. Жизнь женщины, рожавшей восемь-десять раз, сводилась к беременностям, родам, уходу за детьми. Женщина была исключена из культурной и общественной жизни. Именно с позиции социального исключения женщин равноправки стали рассматривать проблему аборт и контрацепции. Право на «свободное материнство» оценивалось ими как право женщины на собственную судьбу. Писательница и феминистка О. А. Шапир (1850—1916) в докладе на Первом Всероссийском женском съезде (1908) определила причины подавления женской личности: «...любовь, свободная всюду и во все времена, ей вменялась в преступление. Мать, не имеющая права свободного материнства и обязанная материнством принудительным в нерасторжимом браке, который заключается помимо ее воли и выбора. Существо, в котором намеренно культивируются пороки и привлекательные слабости, но с которого, с одного только требуются добродетели» [Шапир, 1909: 897]. Проблема репродуктивного выбора женщины, казалось бы, конкретная и частная, стала в начале XX века квинтэссенцией проблемы равноправия.

Таким образом, феминистское сообщество выступило одной из экспертных групп, осмыслявших проблему ограничения рождаемости.

«Зиждительный дух свободы»: постановка проблемы абортов в профессиональных сообществах

Необходимо сказать несколько слов об отношении профессиональных групп русской интеллигенции к власти и пониманию ими их собственной роли в обще-

стве. Конечно, Российская империя на рубеже веков не была правовым государством в современном понимании, но она шла по пути становления гражданских прав, свобод, развития гражданской идентичности. Это предполагало сокращение присутствия государства в частной жизни подданных и участие самих подданных в решении тех социальных проблем, которые они считали важными, через самоорганизацию, коллективные действия, солидарность. Недоверие к власти, осознание себя авангардной группой модернизирующегося общества в силу обладания научными знаниями и близости к народу определяло негативное отношение русской интеллигенции к власти и административным методам управления. Многие считали общественное служение своим гражданским долгом. Защита прав личности стала важнейшей темой.

Врачи по роду своей профессиональной деятельности первыми столкнулись с увеличением числа «искусственных выкидышей», первыми оценили проблему как социальную и ввели ее в публичный дискурс. Явление это набирало темп во всех уголках империи, среди женщин всех классов и сословий. Проблема, безусловно, была для врачей профессиональной, так как они оказывали медицинскую помощь женщинам после неудачных аборт и сами производили их в «исключительных» случаях — например, в случае угрозы жизни женщины. По российскому законодательству аборт был уголовно наказуем для врачей без всяких исключений [Либерман, 1914: 149], а статья 100 освобождала от ответственности в «крайних случаях» только женщину. Поэтому врачебному сообществу необходимо было сформулировать отношение к аборту и определить условия, при которых врач мог нарушить закон.

С другой стороны, врачи истари играли особую роль в осмыслении функций женского тела и женщины как таковой. Физиологией определялись моральные качества женщины, ее поведение и умственные способности. По представлениям, берущим начало от идей Ж.-Ж. Руссо, женщина не могла быть независимой от своих физиологических функций, в то время как считалось, что мужчина мог вырваться из плена своего тела и пола. Таким образом, женское тело было исходной точкой в осмыслении положения женщины в обществе, и общественное мнение признавало необходимость лечения, врачебного наблюдения и контроля над женским телом, а заодно и над женщиной.

Врачи оказались в сложной ситуации. Они одновременно находились в статусе экспертов, в условиях требований врачебного долга, гражданского долга, личных религиозных воззрений и представлений о социальных ролях женщин, близости к «униженным и оскорбленным», принятия на себя роли субъектов изменений и т. д. Со всем этим было сложно разобраться, и уж тем более выработать единую позицию. Поэтому дискуссии и в региональных отделениях Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова¹, и на Всероссийских Пироговских съездах² носили бурный, эмоциональный, можно сказать, страстный характер.

Пироговское общество было свободной дискуссионной площадкой, которую сами пироговцы ценили за «зиждательный дух свободы» (И. В. Кржижановский).

¹ Например, в Одесском, Омском, Уральском медицинских обществах.

² Проблема абортов обсуждалась на III (1889), XI (1911), XII (1913) Пироговских съездах, а также на IV съезде Общества российских акушеров и гинекологов (1911).

Цель своей организации они видели в развитии «свободной науки, установлении основ охраны народного здоровья, столь неразрывно связанного с общими политическими, экономическими и социальными условиями жизни государства» [Кржижановский, 1913: 2].

По мнению американской исследовательницы Лоры Энгельштейн, русские врачи оказались либеральнее своих западных коллег. Например, в Англии и США законы, ужесточившие наказание за аборт, были приняты в значительной мере под давлением медицинского сообщества, которое стремилось упрочить свою профессиональную власть за счет контроля над репродуктивными функциями женщин. В России же, наоборот, врачи, желая повысить свой социальный статус, солидаризировались с требованиями женщин [Энгельштейн, 1996: 340—341]. И. С. Кон объяснял позицию русских врачей их большей демократичностью и близостью к народу, нежели приверженностью корпоративным интересам [Кон, 2019: 95].

Первое публичное обсуждение проблемы «искусственных выкидышей» состоялось на III Пироговском съезде (1889) в секции акушерства и женских болезней. Насколько эта тема была табуирована даже для профессионального обсуждения, говорит тот факт, что председатель секции профессор Г. Е. Рейн счел необходимым выразить благодарность докладчикам, решившимся затронуть «столь щекотливый вопрос». Выступили доктор П. Н. Зейдлер [Зейдлер, 1889: 7] (Николаевский военный госпиталь, СПб.) и женщина-врач Н. В. Тальберг (Киев) [Тальберг, 1889: 7]. П. Н. Зейдлер отметил нарастающую тенденцию к ограничению деторождения в обществе, признал за врачом право и обязанность делать аборт по медицинским показаниям и призвал искать средства к «безвредному и верному предотвращению беременности». Н. В. Тальберг же заняла более жесткую позицию и говорила о необходимости бороться с «этим злом» всем врачебным сословием при участии церкви, законодательства и администрации. Тем не менее она обратила внимание присутствующих и на социальные проблемы женщин, толкающие их на аборт, и предложила изменить ст. 1462 «Уложения о наказаниях» в сторону снижения наказания для женщин, а также расширить сеть приютов и воспитательных домов для детей. Осудила она и врачей, «из корысти» производящих аборт.

Участники секции согласились с тем, что аборт — это зло, но при этом есть основания для оправдания врачей и женщин. Эта двойственность сопровождала дискуссию об абортах на всем ее протяжении, что вполне объяснимо: изменить представления о «естественном предназначении» женщины было непросто, как и распространить на нее права свободной личности.

После съезда 1889 г. тема выплеснулась на страницы специализированных медицинских изданий и прочно вошла в профессиональный дискурс врачебного сообщества. На XI Пироговском съезде в 1911 г. было принято решение создать комиссию по «искусственным выкидышам» в силу того, что аборт принял «характер эпидемии, поразившей все общественные слои». В комиссию вошли врачи, юристы и почему-то зоологи. Перед ними была поставлена задача детально проработать вопрос — как с научной, так и с общественной точек зрения, — и предоставить доклад XII съезду. На IV съезде Общества российских акушеров и гинекологов, прошедшем в том же 1911 г., вопрос об искусственном выкидыше был поставлен в программе первым номером.

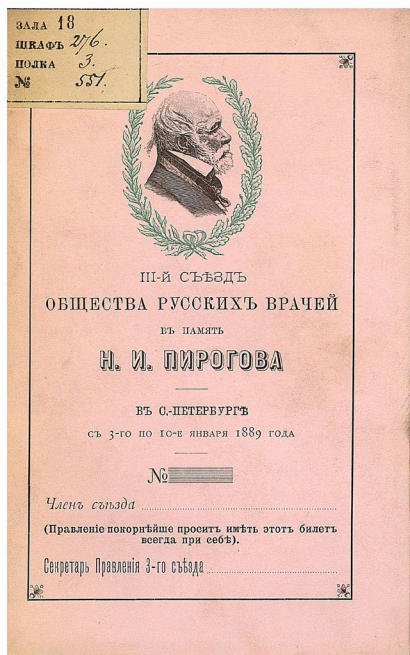

Рисунок 1. Билет участника III съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова

Если врачи фиксировали неуклонный рост «преступных выкидышей», несмотря на их криминализацию и осуждение церковью, то юристы со своей стороны фиксировали снисходительное к ним отношение со стороны населения и присяжных. До суда доходило менее 1 % случаев, из которых не менее 75 % получали оправдательный вердикт присяжных (цит. по: [Либерман, 1914: 152]). На рубеже веков юридическое сообщество активно обсуждало реформу законодательства, считая ее давно назревшей. Адвокаты, криминологи, присяжные поверенные и правоведы пытались внести практический вклад, сделать законодательство в большей степени отвечающим реалиям жизни, в том числе и в вопросе уголовного преследования за «искусственный выкидыш».

Противники декриминализации аборт

Декриминализации абортов сопротивлялись врачи, юристы и ряд общественных деятелей. Вопрос деторождения рассматривался ими как вопрос государственный, так как снижение народонаселения вело, по их мнению, к ослаблению военной мощи государства. В целом аргументация сторонников криминализации абортов строилась на признании государственных интересов выше интересов отдельной личности и праве государства вторгаться в сферу частной жизни, контролировать исполнение подданными «незыблемых норм» при помощи репрессивного законодательства.

Изменившиеся социально-экономические условия жизни не принимались ими как причина роста числа абортов. Основным источником «зла» определялась жен-

щина, которая в силу своей «распущенности», «женского эгоизма», «эгоистичного чувства самосохранения», «боязни родовых болей», «подавленного инстинкта материнства», «нежелания надевать на себя ярмо деторождения» и т. д. совершала это преступление. Профессор права С. В. Познышев утверждал, что декриминализация аборта неизбежно ведет «к еще большей распущенности», утрате христианских ценностей, распаду семьи (цит. по: [Грин, 1913: 70]).

Плод рассматривался противниками декриминализации аборт как живое существо и потому имел право на охрану законом: «Зародыш — не часть тела матери, а отдельно живущий организм в данной стадии своего развития паразитирующий в теле матери» (проф. права М. П. Чубинский) (цит. по: [Мандельштам, 1914: 137]). Отсюда следовал вывод, что аборт — убийство, и никаких оправданий врачей существовать не должно, ибо «капитулировать перед растущим злом нельзя» [там же].

Вопрос об интересах женщины как личности, сложностях ее бытования, о жизни и судьбе будущего ребенка не ставился. Женское поведение описывалось негативно, вплоть до мизогинистских высказываний. Как неоднозначно выразился Л. Н. Толстой, «Женщина, тяготящаяся и не желающая детей, не жена, а стерва» [Гольденвейзер, 1922: 41].

Эта позиция обосновывалась распространенными представлениями о физиологической и интеллектуальной недостаточности женщин. В качестве теоретической базы использовалась теория «наследственности и изменчивости», согласно которой женщины более подвергнуты «наследственности», а потому менее прогрессивны и не способны тягаться с мужчинами в физической и духовной силе. В то время как мужчины более подвержены воздействию закона «изменчивости» — в этом залог их социальной активности и интеллектуальных достижений. Отсюда следовал вывод: женщина не способна взять на себя обязанности, ответственность и права, в том числе и в вопросе деторождения.

Использование противозачаточных средств рассматривалось как «неестественное», ведущее к болезням аморальное новшество. Странников контрацепции клеймили «неомальтузианцами». «Половые отношения» оправдывались только деторождением, отделение сексуального поведения от прокреативного представлялось аморальным и недопустимым: «Средства, препятствующие зачатию, так называемые презервативы, приобретают все более широкое распространение... лучше уж совсем отказаться от полового сношения, чем умножать горе болезнями» [Боряковский, 1893: 886].

В качестве мер борьбы с искусственными выкидышами «государственники» предлагали усиление репрессивных мер и пропаганду идеи о безнравственности и опасности аборта и контрацепции.

Сторонники декриминализации аборт

По другую сторону баррикад стояли представители врачебного и юридического сообществ, относившие проблему аборт к сфере частной жизни. В ее решении главную роль они отводили гражданскому обществу, в задачи которого включалось регулирование отношений личности и государства на основе своего влияния на законодателя, широкой просветительской и профилактической деятельности. Медики и юристы видели себя тем экспертным сообществом, которое, используя

профессиональные знания, могло изменить ситуацию к лучшему. Аргументация сторонников декриминализации абортостроилась на защите интересов личности, но не государства. Ограничение «свободы личности» недопустимо, — доказывал юрист И. В. Грин, — «ибо из того, что женщина может родить, не следует, что она должна родить» [Грин, 1914: 48]. «Как сын, как муж, как гражданин, как мужчина я протестую против того, чтобы... всякую женщину, такую же свободную и равноправную гражданку, как и я, превращали в родильный аппарат» [там же].

Главными причинами «эпидемии искусственных выкидышей» определялись общественные трансформации, изменившие положение женщины в обществе и заставившие ее адаптироваться к новой реальности: «Основными причинами абортов являются, во-первых, постоянное раскрепощение женщины... рост торгово-промышленной жизни... условия борьбы за существование» [Богров, 1914: 164]; «Искусственный выкидыш представляет собою равнодействующую, на которую толкают женщину с одной стороны сила полового влечения, с другой — сила социальных условий, требующих ограничения рождаемости» (доктор Я.Е. Выготский) [Двенадцатый..., 1913: 88]; «Громадное распространение искусственного выкидыша <...> есть естественный, хотя и печальный продукт всего современного уклада нашей жизни, всей современной культуры, всех современных социальных условий» [Гиммельфарб, 1914: 145].

Вопрос о том, является ли плод живым существом, в этих рядах рассматривался однозначно: нет, не является. Он — часть организма/тела матери, и потому женщина имеет «неотъемлемое, суверенное право» распоряжаться своим телом как ей угодно: «плод находится в утробе матери, не может принадлежать никому другому, как только ей» [Грин, 1914: 38]. Отсюда следовал вывод: аборт — не убийство, а медицинская операция, совершаемая по определенным медицинским и социальным показаниям. Об этом на XII Пироговском съезде эмоционально говорил И. В. Грин: «с такими словами как «убийство человека» следует обращаться осторожнее, и отождествление его с абортами — вывод по меньшей мере поспешный... Мы можем смело сказать нашим противникам: господа, вы увлекаетесь!» [Грин, 1914: 31].

Сторонники декриминализации абортов мыслили женщину действующим субъектом, имеющим право на частный выбор в вопросе деторождения в соответствии со своими представлениями и «самоконтролем». Теория «наследственности и изменчивости» как научное обоснование женской недееспособности была раскрытирована. Профессор С. Д. Михнов обвинил ее последователей «в предвзятости намерений и наивной простоте взглядов» [Михнов, 1904].

Определяя «искусственный выкидыш» как неизбежное социальное зло и сложную социальную проблему, сторонники декриминализации предлагали выработать общие показания к производству абортов. Аборт по медицинским показаниям поддерживало подавляющее большинство врачей, но вопрос о социальных показаниях к аборту оказался значительно сложнее, так как давал простор для трактовок и вызвал бурную и страстную дискуссию. Сторонники социальных показаний к аборту строили свою аргументацию в развитие «народнической традиции», то есть апеллировали к несовершенству социально-экономического строя, жесткого отношения общества к «безбрачным матерям», незащищенности и бедности девушек низших классов, бесправия незаконнорожденных детей. Большинство

врачей солидаризировались с этой позицией. Если врач не может отговорить женщину, то «производство аборта — не только его *нравственное право*, но и *нравственный долг*» [Богров, 1914: 165].

Другие же обращали внимание на то, что аборт распространен среди женщин высших и средник классов. Доктор В. Л. Якобсон (Санкт-Петербург) привел статистику, собранную им в Императорском клиническом повивально-гинекологическом институте за восемь лет. Согласно его данным, три четверти соискательниц аборта были замужние женщины, из которых домохозяйки — 60 %, прислуга — 15 %, интеллигентные труженицы — 13 %, ремесленницы — 8 %, черноработницы — 4 % [Якобсон, 1912: 10]. Доктор И. Г. Мандельштам вторил ему: «Не нужда — причина выкидышей. Категория бедных и обесчещенных девушек ушла на далекий план... И светская дама... и проститутка, и горничная, и фабричная работница... совершают одни преступления» [Мандельштам, 1914: 136]. Врач М. И. Покровская на страницах «Женского вестника» доказывала, что все относительно. «Почему светская дама не может сделать аборт, если считает, что обстоятельства ее жизни безвыходные, что рождение ребенка для нее хуже смерти?» — задавалась она вопросом [Покровская, 1914: 103].

Социальные показания к аборту напрямую вели к праву женщины распоряжаться своим телом. Это была инновационная и радикальная мысль даже для такого демократического сообщества, как пироговцы.

В качестве мер предотвращения и сокращения «искусственных выкидышей» сторонники декриминализации предлагали развитие контрацепции, просвещение населения в вопросах гигиены сексуальной жизни, противозачаточных средств, поддержку материнства и детства. Осуждая аборт с морально-этических позиций, они твердо стояли на позиции, что «правила морали не вбиваются в человеческие головы статьями уголовного уложения о наказаниях» [Гиммельфарб, 1914: 145].

Позиция женщин-врачей

Женщины-врачи, с одной стороны, были членами профессионального сообщества, с другой — женщинами, то есть они одновременно являлись и субъектом, и объектом дискуссии. Быть «говорящим субъектом» в производстве дискурса о сексуальности, физической любви, абортах для женщин-врачей было сложно в силу культурных запретов, но обретение профессионального голоса и трибуны произошло довольно быстро.

Большинство из них выступало за право женщины на выбор как рационального, ответственного субъекта. Но не все. Наталья Васильевна Тальберг на III съезде высказалась в поддержку криминализации аборта. Надежда Владимировна Земляничина-Камбарова из Пермской губернии также считала, что «как бы ни были социальные условия тяжелы, — право узаконить выкидыш они не дают» [Двенадцатый..., 1913: 213].

Ольга Петровна Пирожкова (Московская городская больница) по результатам своего статистического исследования делала следующий вывод: «Выход может быть только один: предоставить женщине полную свободу распоряжаться самою собою», «врачи обязаны помочь женщине, т. е. научить ее, как уберечь себя от беременности, по тем или иным причинам ей нежелательной. Только тогда... умень-

шится число абортот и сохранился масса молодых женских жнзней» [Пнрожкава, 1911: 107].

Любовь Михайловна Горовнц (Санкт-Петербург) продолжнла тему опасности немеднцинского абортот. Если богатые женщины имеют возможность делать аборт в профессиональных условиях «малой хирургнн», то бедные рискуют жнзнь в руках деревенских повнтух. Она категорнчески возражала «государственннкам»: «встречались юристы, которые даже высказывались, что «зачавшая женщина заключает с государством договор, в силу которого обязывается, даже рискуя своей жнзнь, роднть государству нового гражданна». Несостоятельность подобного утверждения ясна всем и каждому, ибо государство ничем не помогает матери... отнмает их (сыновей — И.Ю.) <...> для военной службы». «И самое матерннское, и человеческое достоинство женщины <...> только вынграют от того, что женщина не будет принуждаться к деторождению под угрозой уголовного преследования» [Двенадцатый..., 1913: 212—213].

Ксения Николаевна Бронннкова (ст. штат. врач Императорского Санкт-Петербургского роднльного дома) оцннула законодательство об абортот как нарушение прав женщин: «женщина как свободная личность и только она сама имеет право решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет», «Пнроговский съезд должен ясно и определенно сказать, что он считает женщину свободной личностью, имеющей все права таковой на свою судьбу, и в частности в вопросе о детях, и добиваться изменения законодательства в смысле полной ненаказуемости абортот» [Двенадцатый..., 1913: 212]. Надежда Федоровна Беспалова-Летова (штат. врач Ростовской городской больницы) и вовсе заявила, что только уравнение прав женщин и мужчин, а также уравнение их заработной платы решнт проблему абортот [там же: 213].

Врач Мария Ивановна Покровская поддержала коллег на страницах «Женского вестннка»: «Наказуемость (абортот — И.Ю.) защищается с той точки зрения, что зародыш — это человек. Встал вопрос — надо ли предпочнтать интересы будущего человека интересам уже существующей матери?» [Покровская, 1914: 103]; «Наши законодатели думают об охране зародыша, об охране жнзни в утробе матери, но, когда ребенок родился, они им больше не интересуются. Они не думают о принятии широких общественных мер и о проведении социальных реформ, необходимых для охраны уже существующих детей» [там же: 104]; «Другой аргумент, что аборт лншает людей представлений о святости человеческой жнзни, как этической ценности. Это сомнительно, т. к. закон во многих случаях сам проявляет полнейшее пренебрежение к святости человеческой жнзни и даже содействует разрушению этой идеи. Он допускает войну, смертную казнь, простнтутнцию» [Там же: 103].

XII Пнроговский съезд (1913 г.)

XII Пнроговский съезд в известной степени подвел нтог дебатам. На заседании 2 июня 1913 г., посвященном исключительно «нскусственному выкндышу», была выработана резолюция, которую затем с некоторыми оговорками принял съезд. С докладами выступнли: доктор Л. Г. Лнчкус (Санкт-Петербург), юрист И. В. Грнн (Москва), доктор Я. Е. Выготский (Внльно), профессор С. Д. Мнхнов (Юрьев), доктор П. Н. Чунихнн (Харьков) и др. В прениях активно выступали женщины-врачи.

Также был заслушан доклад Комиссии по борьбе с искусственными выкидышами Омского медицинского общества, выводы которого легли в основу резолюции секции.

Признав аморальность аборта, участники дискуссии пришли к выводу, что женщина имеет право на «законный выкидыш», который должен производиться только в клиниках, что снизит смертность от криминальных абортотворцев. По факту это означало признание права женщин на репродуктивный выбор.

Контрацепция была названа единственной реальной альтернативой аборту. Доктор Я. Е. Выготский призвал регулировать рождаемость «без убийств»: «Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие от беременности. Нужно стремиться к усовершенствованию и распространению этих мер» [Двенадцатый..., 1913: 88].

Резолюция секции по искусственному выкидышу исходила из следующих постулатов:

- причиной распространения «зла» являются изменившиеся условия жизни;
- женщина как дееспособный субъект имеет право выбора;
- врач имеет право делать аборт не только по медицинским показаниям, но и по настоянию женщины;
- аборт — это не убийство, так как плод — часть тела женщины;
- закон должен быть пересмотрен в сторону ненаказуемости женщины и врача;
- запрет на аборт способствует увеличению детоубийств, непрофессиональных абортов и увеличению смертности женщин;
- решение проблемы «искусственного выкидыша» лежит в повышении экономического благосостояния женщин, культурного уровня всего населения, широкого распространения информации о контрацепции.

Что до резолюции всего съезда, то она была более политически корректной. Но и она отстаивала интересы женщин, корпоративную автономию врачей и делегировала государству ответственность за поддержание материнства и детства.

Резолюция XII Пироговского съезда

Искусственный выкидыш, не вызванный специальными медицинскими показаниями, есть социальное зло. Борьба с этим злом должна лежать в области государственных и социальных реформ, а не в области карательных мероприятий.

Ныне существующее законодательство об абортах как не соответствующее огромной социальной важности этого явления должно быть пересмотрено.

Вопрос об аборте и отношении к нему врачей должен быть передан на места для обсуждения в медицинских обществах и общественно-врачебных организациях. Материалы должны быть собраны в руках имеющейся при Правлении Пироговского общества Комиссии по этому вопросу с тем, что она предоставит доклад на следующий XIII съезд Пироговского общества [Двенадцатый..., 1913: 31].

Таким образом, главным достижением съезда можно назвать прорыв к институциональной и культурной регламентации приватности, определение интимной

жизни россиян как сферы их личной ответственности, самоконтроля и частного права. Это формировало новую репродуктивную культуру и способствовало прохождению Россией демографической модернизации.

X Общее собрание Русской группы Международного союза криминалистов (1914)

Водораздел в юридическом сообществе проходил по линии неразделенности нравственной и правовой оценки аборта. «Искусственный выкидыш», наряду с такими семейными проблемами, как неуважение к родителям и адюльтер, трактовался как морально-нравственная норма — «преступление против нравственности» — и при этом подлежал уголовному наказанию. Морализаторский характер формулировок нормативно-правовых актов был особенностью российского права того времени. Так, плодоизгнание определялось и как «порок», и как уголовное преступление. «Порок» и «преступление» не одно и то же, а право требует иных, четких и притом светских определений, — утверждали юристы — сторонники декриминализации аборт. Определение «искусственного выкидыша» как «порока», с их точки зрения, не могло быть термином права.

Другой острой темой дискуссии в юридической среде был вопрос о «жизненности» и «жизнеспособности» плода. Отсюда вставал вопрос, является ли жизнь плода «правоохранительным благом»? Большинство участников собрания стояли на позиции, что нужно ясно понимать, что именно охраняет закон и насколько адекватны избранные для этого средства. Именно поэтому, утверждали они, действующее законодательство неэффективно.

«Уложение о наказаниях» (1845, 1885) рассматривало изгнание плода как посягательство на жизнь человека: ст. 1461—1463, раздел «О смертоубийствах». Объектом считался человеческий плод, зачатый, но еще не рожденный; при этом степень развития эмбриона не имела значения. Преследованию подвергалось всякое изгнание плода, никаких «законных» поводов не существовало. Единственной «лазейкой», освобождающей от наказания женщину в «крайних случаях» (угроза жизни), была ст. 100 [Либерман, 1914]. Законодательство наказывало производство аборт каторгой, сроки которой измерялись по последствиям аборт для матери и условиям изгнания плода — с согласия матери или без. Если «оператор» делал аборт без согласия женщины (ст. 1461) — каторжные работы от четырех до шести лет с лишением всех прав состояния. Если нанесен урон здоровью женщины — каторга от шести до восьми лет. Если аборт закончился смертью — восемь-девять лет каторги. Если аборт производился с согласия женщины, то «оператор» получал пять-шесть лет тюремного заключения с лишением всех прав состояния, а женщина была наказуема одной степенью ниже — четыре-пять лет заключения (ст. 1462). Ст. 1463 повышала уровень ответственности и наказания, если аборт производил врач или акушер. Закон, таким образом, имел антипрофессиональную направленность и ограничивал права специалистов. Считалось, что врачи нарушают профессиональную этику и злоупотребляют «общественным доверием». Новое Уложение 1903 г. (не введенное), принятое под влиянием профессора Н. С. Таганцева, сохраняло принципы наказуемости, немного снизив сроки наказания.

Сторонники декриминализации в дебатах доказывали, что плод — не человек, не субъект права, и охраны его существования наравне с человеком быть не может. Это не «смертоубийство». Плод — часть организма матери. Причинение ущерба своему телу и нерождение ребенка можно осудить с моральной точки зрения, но не с правовой. Ни малейшего сомнения, утверждала эта сторона, что женщина должна быть ненаказуема.

Профессор М. Н. Гернет (социолог) обращал внимание на рост детоубийств. По данным его исследования, два преступления — «аборт» и «детоубийство» — находились в обратной пропорции: чем менее доступен аборт, тем больше совершается убийств новорожденных. Едва ли стоит говорить, что последнее действительно является смертоубийством [Гернет, 1914: 824—826]. И. В. Грин доказывал, что аборт может служить «предохранительным клапаном от детоубийства» [Грин, 1913: 70]. Он же оценил проблему аборта как конфликт общества и государства, так как речь по существу шла о расширении сферы частной жизни, уменьшении вмешательства государства в дела семьи, защите прав и свобод личности.

На X собрании преобладали сторонники исключения аборта из уголовного права. Суть их позиции — аборт аморален, но ненаказуем. Так, Резолюция X Общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов (М. Н. Гернета и В. Д. Плетнева) гласила: «Признавая наказуемость плодизгнания противоречащей как юридическим основаниям наказуемости, так и требованиям уголовной политики, десятое общее собрание русской группы международного союза криминалистов признает необходимость высказаться за исключение изгнания плода из числа преступных деяний» [Десятый съезд... 1914: 840]. Результаты голосования по документу выглядели следующим образом: «за» — 38, «против» — 20, «воздержались» — 3.

Решение Общего собрания криминалистов оценивалось современниками как «социальное новаторство», которое продвинуло проблему аборт в публичный дискурс: «Февральский съезд оказался в центре внимания. В ежедневной прессе и толстых журналах, на лекциях и модных ныне диспутах неустанно и страстно дебатировались основные решения происходившего съезда», — свидетельствовал А. Н. Трайнин [Трайнин, 1914: 248]. Сформулированная позиция способствовала развитию частного права и его применению в защите интересов личности, была поддержана женской интеллигенцией: «Резолюции пироговского съезда и съезда русских криминалистов показывают, что русское общество уже не может удовлетвориться таким простым решением вопроса о борьбе (с аборт — И.Ю.). Старина <...> стремилась предупредить его исключительно карательной угрозой. Теперь наказание не считают способным бороться со всяким злом и стремятся уничтожить последнее при помощи культурных мер: социальными реформами, воспитанием, образованием и т. д.» [Покровская, 1914: 104].

Заключение

Дискуссия во врачебной, юридической и феминистской среде обозначила новые ценности общества модерна и потребовала их признания. На первый план вышли личность, ее интересы и защита ее прав. Демографическая модернизация

развивалась через ломку традиционных представлений, норм, стереотипов, моделей поведения и формирования новой идентичности человека модерна.

Тема аборт перешла в публичный дискурс, стала воспроизводиться в массовых изданиях и массовых текстах. В публичный дискурс вошли понятия «любовь», «двойная половая мораль», «двойные стандарты полового поведения», «новое материнство», «свободное материнство», «аборт», «искусственный выкидыш», «половое просвещение», «гигиена половой жизни», «средства, противодействующие беременности». Были поставлены задачи разработать надежные, безопасные, удобные в применении и дешевые средства предупреждения зачатия, развивать «половое просвещение» [Добронравов, 1889; Словцова, 1909; Алексеев, 1911]. По докладу М. Т. Алексеева «Об ознакомлении детей с физиологией половой жизни» на XI Пироговском съезде была принята соответствующая резолюция [Алексеев, 1911: 49]. Защита материнства нашла отражение в требованиях изменить статус внебрачных детей, создать на государственной и частной основе современные клиники по родовспоможению, организовать приюты, воспитательные дома для сирот и т. д. Омское медицинское общество, к примеру, предложило учредить Всероссийский союз защиты материнства, что выводило материнство в область публичной политики, делало его ее предметом.

Таким образом, более века назад общими усилиями были выработаны основы практически современного понимания репродуктивных прав, которые включают в себя право и доступ к законному и безопасному аборту, право на контрацепцию, право и доступ к информации, необходимой для свободного репродуктивного выбора, право на доступ к медицине в репродуктивной сфере.

Рисунок 2. Приемный зал Императорского воспитательного дома. Прием прошений от женщин, желающих отдать своих детей. 1913. Фотоателье Буллы

Л. Л. Окинчиц выразил основной тренд демографической модернизации цитатой из Вольтера: «Не избыток в людях есть главная наша задача, но то, чтобы тех, которые уже имеются, мы постарались по возможности сделать менее несчастными» [Окинчиц, 1912: 57].

Список литературы (References)

Алексеев М. Т. Об ознакомлении детей с физиологией половой жизни // Труды XI Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда под ред. д-ра П. Н. Булатова. Т. 3. СПб. : Типография Министерства Путей Сообщения (Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко), 1913. С. 47—49.

Alekseev M. T. (1913) On Familiarizing Children with the Physiology of Sexual Life. In: Bulatov P. N. (ed.) *Proceedings of the XI Pirogov Congress Issued by the Organizing Committee of the Congress*. Vol. 3. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of Railways (Partners I. N. Kushnerev and Co.). P. 47—49. (In Russ.)

Андреева А. Трагедия сменяющихся мировоззрений. «Приведения» Ибсена. Критический этюд // Сборник на помощь учащимся женщинам. М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1901.

Andreeva A. (1901) The Tragedy of Changing Worldviews. Ibsen's Ghosts. Critical Essay. In: *Compilation to Help Women Students*. M.: Tipo-Lithography of T-va I.N. Kushnerev and Co.

Богров А. Г. Выступление в прениях на соединенном заседании Одесских медицинских обществ // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 163—165.

Bogrov A. G. (1914) Speech at the Debate at the Joint Meeting of the Odessa Medical Societies. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 163—165. (In Russ.)

Боряковский А. Г. О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886—887.

Boryakovskiy A. G. (1893) On the Dangers of Means That Prevent Conception. *Vrach*. No. 32. P. 886—887. (In Russ.)

Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты : в 2 т. Т. 2. М. : Издательство «Художественная литература», 1987.

Vodovozova E. N. (1987) At the Dawn of Life: Memoirs and Portraits. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

Гернет М. Н. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Право. 1914. № 10. С. 824—826.

Gernet M. N. (1914) Extermination of the Fetus from the Criminal-Sociological Point of View. *Pravo*. No. 10. P. 824—826. (In Russ.)

Гиммельфарб Г. И. Исторический очерк вопроса о выкидышах // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 141—147.

Gimmelfarb G. I. (1914) Historical Essay on Abortion Issue. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 141—147. (In Russ.)

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого: записи за пятнадцать лет. Т. 1. М. : Центральное товарищество «Кооперативное издательство»: Издательство «Голос Толстого», 1922.

Goldenveizer A. B. (1922) Near Tolstoy: Fifteen Years of Records. Moscow: Tsentralnoe tovarischestvo "Kooperativnoe izdatelstvo", Izdatelstvo "Golos Tolstogo". (In Russ.)

Грин И. В. Аборт — преступление или операция. Доклад, сделанный на XII Пироговском съезде. М. : Тип. и цинк. т/д. «Мысль», Н. П. Меснянкин и Ко, 1914.

Grin I. V. (1914) Abortion — A Crime or An Operation. XII Pirogov Congress Report. Moscow: Mysl', N. P. Mesnyankin and Ko. (In Russ.)

Грин И. В. Социально-правовое положение аборта // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб. : Типография акц. общ. «Слово», 1913. С. 70—71.

Grin I. V. (1913) Social and Legal Status of Abortion. *Twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29th — June 5th, 1913. Issue II. Saint Petersburg: Slovo. P. 70—71.* (In Russ.)

Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г. Вып. II. СПб. : Типография акц. Общ. «Слово», 1913.

Twelfth Pirogov Congress. Petersburg. May 29 — June 5. 1913 Vol. II. SPb.: Typography of Corp. «Word». 1913. (In Russ.)

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Новое издательство, 2006.

Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1900—2000. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russ.)

Десятый съезд Русской группы Международного союза криминалистов // Право. 1914. № 10. С. 824—839.

Xth Congress of the Russian Group of the International Union of Criminalists. *Pravo*. 1914. No. 10. P. 824—839. (In Russ.)

Добронравов В. А. О необходимости преподавания основ гигиены во всех женских учебных заведениях для предупреждения женских болезней и оздоровления масс вообще // Третий съезд Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в С.-Петербурге (3—10 января 1889 г.): Полный отчет. СПб. : Журнал «Практическая медицина», 1889. С. 42.

Dobronravov V. A. (1889). On the Need to Teach the Basics of Hygiene in All Women's Educational Institutions for the Prevention of Women's Diseases and Mass Recovery. In: *Third Pirogov Congress in Saint Petersburg (January 3—10, 1889). A Complete Report*. Saint Petersburg: Journal "Practical Medicine". P. 42. (In Russ.)

Зейдлер П. Н. К вопросу о показаниях к предотвращению беременности // Никольская А. И. Акушерство и гинекология. На третьем съезде общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб. : Товарищество паровой скоропечати Яблонский и Перотт, 1889. С. 7.

Seidler P. N. (1899) On the Issue of the Indications for the Prevention of Pregnancy. In: *Nikolskaya A. I. Obstetrics and Gynecology. On the Third Pirogov Congress*. St. Petersburg. P. 7. (In Russ.)

Кон И. С. Сексуальная культура в России. М. : Издательство АСТ, 2019.

Kon I. S. (2019) Sexual Culture in Russia. Moscow: Izdatelstvo AST. (In Russ.)

Кржижановский И. В. Сообщение о командировке на XII Пироговский съезд в Санкт-Петербурге. Киев, 1913.

Krzhizhanovsky I. V. (1913) On the Business Trip to the XII Pirogov Congress in Saint Petersburg. Kiev. (In Russ.)

Либерман Я. Э. Изгнание плода в русском законодательстве // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 148—153.

Liberman Ya. E. (1914) Expulsion of the Fetus and the Russian Legislation. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 148—153. (In Russ.)

Мандельштам И. Г. Пандемия искусственного выкидыша и меры борьбы с ней. Показания к выкидышу // Терапевтическое обозрение. 1914. № 5. С. 134—141.

Mandelstam I. G. (1914) Pandemic Abortion and Measures to Combat It. Indications for Abortion. *Therapeutic Review*. No. 5. P. 134—141. (In Russ.)

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Mironov B. N. (1999) A Social History of Imperial Russia (XVIIIth — Early XXth Century). Volume 1.— Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)

Михнов С. Д. О женщине с биологической точки зрения. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1904.

Mikhnov S. D. (1904) On Woman from the Biological Point of View. Yuryev: K. Mattisen Printing House. (In Russ.)

Некрасова Е. Женские врачебные курсы в Петербурге: из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. Т. XVII, № 12. С. 807—845.

Nekrasova E. (1882) Medical Courses for Women in St. Petersburg (Memories and Correspondence of the First Female Students). *Herald of Europe*. Vol. XVII. No. 12. P. 807—845. (In Russ.)

Окинчиц Л. Л. Как бороться с преступным выкидышем // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 53—66.

Okinchits L. L. (1912) How to Fight against Criminal Abortion. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 53—66. (In Russ.)

Пирожкова О. П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита. 1912. С. 103—109.

Pirozhkova O. P. (1912) Statistical Data on the Amount of miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 103—109. (In Russ.)

Покровская М. И. К вопросу об аборте // Женский вестник. 1914. № 4. С. 102—105.

Pokrovskaya M. I. (1914) On the Abortion Issue. *Women's Herald*. No. 4. P. 102—105. (In Russ.)

Словцова Л. В. Половое воспитание детей // Труды Первого Всероссийского Женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10—16 декабря 1908 года. СПб. : Типо-Литография С.-Петербургской Одиной тюрьмы, 1909. С. 674—678.

Slotvtsova L. V. (1909) Sexual Education of Children. In: *Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg. December 10—16, 1908*. Saint Petersburg: Typo-Litography of the St. Petersburg Solitary Prison. P. 674—678. (In Russ.)

Тальберг Н. В. О преступном выкидыше с медицинской и социальной точки зрения и о мерах борьбы против прогрессивного увеличения числа случаев преступного выкидыша // Никольская А. И. Акушерство и гинекология. На третьем съезде общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб. : Товарищество паровой скоропечати Яблонский и Перотт, 1889. С. 7.

Talberg N. V. (1899) On the Criminal Abortion from Medical and Social Point of View and on the Measures to Combat the Progressive Increase in the Amount of Cases of Criminal Abortion. In: *Nikolskaya A. I. Obstetrics and Gynecology. On the Third Pirigov Congress*. St. Petersburg. P. 7. (In Russ.)

Трайнин А. Н. На съезде криминалистов. Факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 248—262.

Traynin A. N. (1914) At the Congress of Criminologists. Facts and Experience. *Russian Wealth*. No. 4. P. 248—262. (In Russ.)

Шапир О. А. Идеалы будущего // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. СПб., 1909. С. 895—898.

Shapir O. A. (1909) Ideals of the Future. In: *Materials of the First All-Russian Women Congress, Russian Women Association at Saint Petersburg. Saint Petersburg*. P. 895—898. (In Russ.)

Энгельштейн Л. Ключи счастья : Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М. : Терра, 1996.

Engelstein L. (1996) *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia*. Moscow: Terra. (In Russ.)

Якобсон В. Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точек зрения // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16—19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб. : Орбита, 1912. С. 3—17.

Yakobson V. L. (1912) Contemporary Abortion from Social and Medical Points of View. In: *Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists (December 16—19, 1911)*. Issue I. Saint Petersburg: Orbita. P. 3—17. (In Russ.)

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.12

Правильная ссылка на статью:

Ожиганова А. А. «Чего хотят женщины»: мотивы отказа от роддома в пользу домашних родов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 263—281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.12>.

For citation:

Ozhiganova A. A. (2019) "What do women want": motives of refusal of maternity hospital in favor of home birth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 263—281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.12>.

А. А. Ожиганова «ЧЕГО ХОТЯТ ЖЕНЩИНЫ»: МОТИВЫ ОТКАЗА ОТ РОДДОМА В ПОЛЬЗУ ДОМАШНИХ РОДОВ*

«ЧЕГО ХОТЯТ ЖЕНЩИНЫ»: МОТИВЫ
ОТКАЗА ОТ РОДДОМА В ПОЛЬЗУ ДО-
МАШНИХ РОДОВ

ОЖИГАНОВА Анна Александровна —
кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Институт этнологии и антро-
пологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Москва, Россия

E-MAIL: anna-ozhiganova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2283-4925>

"WHAT DO WOMEN WANT": MOTIVES OF
REFUSAL OF MATERNITY HOSPITAL IN
FAVOR OF HOME BIRTH

Anna A. OZHIGANOVA¹ — *Cand. Sci.*
(*Hist.*), *Research Fellow*
E-MAIL: anna-ozhiganova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2283-4925>

¹ Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В социальных исследова-
ниях домашние роды рассматривают-
ся как одна из форм протеста женщин
против технократической модели родо-
вспоможения и медикализации родов.
Опираясь на методологию исследова-

Abstract. In social studies, home birth is
considered as one of the forms of wom-
en's protest against the technocratic
model of childbirth and medicalization
of reproduction. In my research, I rely on
the methodology of therapeutic choice

* Отсылка к известной статье Lazarus E. S. (1994) What Do Women Want? Issues of Choice, Control, and Class in Pregnancy and Childbirth. *Medical Anthropology Quarterly*. New Series. Vol. 8. No. 1. P. 25—46.

ния терапевтического выбора, предложенного медицинским антропологом Л. Гарро, я рассматриваю основные ситуации выбора как, где и с кем рожать: ситуацию первой беременности (в двух вариантах: женщины без опыта пациента до беременности и женщины с опытом пациента) и ситуацию повторной беременности (также в двух вариантах: женщины с опытом больничных родов и женщины с опытом домашних родов). Статья основывается на материалах глубоких полуформализованных интервью с женщинами, имеющими опыт домашних родов, а также с перинатальными специалистами (домашними акушерками, доулами, психологами и ведущими разнообразных курсов в центрах подготовки к родам). Одна часть интервью относится к пилотному этапу исследования, который проходил в Москве и Самаре в 2005—2007 гг., другая записана в Москве в 2015—2018 гг. В результате анализа интервью с женщинами, рожавшими дома, я прихожу к выводу, что основной причиной, по которой женщины выбирают домашние роды, является их убежденность в том, что в роддоме им не смогут обеспечить безопасные с их точки зрения роды. Это убеждение обычно основывается на личном негативном опыте пациента, который будущие матери приобретают в предыдущих родах, во время беременности или даже задолго до нее — в сферах медицины, не связанных с репродуктивным здоровьем. В отдельных случаях существенным фактором выбора домашних родов становится принадлежность к сообществу, в котором домашние роды являются общепринятой практикой (например, последователи здорового или естественного образа жизни).

proposed by medical anthropologist L. Garro and consider the main situations of choice how, where and with whom to give birth: situation of the first pregnancy (in two versions: women without patient experience before pregnancy and women with patient experience) and situation of the second pregnancy (also in two versions: women with the experience of hospital birth and women with the experience of home birth). The article is based on the materials of in-depth semi-formalized interviews with women who have experience of home childbirth, as well as with perinatal specialists (home midwives, doulas, psychologists and leads of courses in the centers of preparation for childbirth). One part of interviews refers to the pilot phase of the study, which took place in Moscow and Samara in 2005 - 2007 years, the other is recorded in Moscow in 2015 - 2018 years. When I have completed the analysis of interviews with women who gave birth at home, I came to the conclusion that the main reason for the home births choice was their belief that they maternity hospital couldn't provide them with safe childbirth they desired. This belief is usually based on the patient's personal negative experiences that future mothers could get during previous births, pregnancy or even long before it, in the fields of medicine not related to reproductive health. In some cases, active participation of women in the community, in which home birth is a common practice (for example, followers of a healthy or natural lifestyle), became a significant factor to choose home birth.

Ключевые слова: домашние роды, терапевтический выбор, репродуктивный выбор, медиализация, технократическая модель родовспоможения, естественные роды, альтернативное акушерство

Keywords: therapeutic choice, reproductive choice, medicalization, technocratic childbirth, natural childbirth, alternative midwifery, home birth

Введение. Домашние роды в России

Понятие «домашние роды» сегодня используется для обозначения родов, которые были запланированы и проходили вне медицинского учреждения (роддома). Фактически такие роды могут проходить не только в квартире или доме роженицы, но и на даче, в бане, в палатке, на морском берегу или даже в море. В домашних родах у женщины могут быть разного рода помощники: домашняя акушерка, специалист-медик (роддомовская акушерка или врач акушер-гинеколог), доула¹, муж, родственница или просто знакомая. В том случае, если роды проходили без специалиста (домашней или роддомовской акушерки/врача), они называются «роды-соло».

История российского движения за домашние роды восходит к 1980-м гг., связана с именем И. Б. Чарковского² и его программой «Аквакультура», в которой домашние водные роды были одним из элементов практики, направленной на создание сверхчеловека («ребенка-дельфина» или «сенситива») [Beloousova, 2002; Belousova, 2002, 2012; Ожиганова, 2011]. Последователи И. Б. Чарковского, поспешившие, впрочем, заявить о своей несогласии с его методами [Наумов, 2001], в конце 1980-х-1990-х гг. активно распространяли практику домашних водных родов, открывая семейные клубы и центры подготовки к родам. Многие из них продолжают работу и сегодня. Появляются также новые центры — не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других крупных городах. На их базе женщины, ищущие поддержки в своем стремлении к альтернативным родам, встречаются с домашними акушерками, которые ведут курсы подготовки, консультируют во время беременности, принимают роды и помогают в послеродовый период.

За последние двадцать лет домашнее акушерство в России прошло большой путь от самостоятельной практики и медицинского диссидентства к профессионализации и сотрудничеству с врачами и медицинскими институтами [Ожиганова, 2019]. Домашние роды в ванной или в переносном бассейне по методу И. Б. Чарковского стали лишь одним из возможных вариантов ведения родов в домашних условиях. В то же время этот метод был принят биомедицинским акушерством и в настоящее время активно применяется в роддомах [Бороздина, 2014б].

¹ Доула — в переводе с греческого (Doula) означает «помощница», «прислужница», помощница в родах. Оказывает информационную, физическую и психологическую поддержку женщине во время беременности, родов и в ранний послеродовой период. Подробнее см.: Кто такая доула? // Ассоциация профессиональных доул. URL: <http://doularussia.ru/kto-takaya-doula/> (дата обращения: 23.02.2019).

² Чарковский Игорь Борисович (род. 1936) — автор методики раннего развития детей, популярной в 1980-х — начале 1990-х гг., включавшей в себя плавание («плавать раньше, чем ходить»), ныряние, закаливание и динамическую гимнастику. Водные роды и физическая подготовка будущих матерей рассматривались как важная составляющая развития ребенка.

В отличие от других стран (например, США, Великобритании, Нидерландов, Германии, Дании, Ирландии, Италии) домашнее акушерство в России нелегально, поскольку лицензирование акушерской деятельности вне медицинских учреждений не осуществляется, и квалифицируется как «незаконное занятие частной медицинской практикой»³. Более того, российские СМИ распространяют представление, что домашние роды крайне опасны: «Любая здравомыслящая женщина, даже будучи беременной, должна понимать — рожать дома опасно!»⁴. В популярных сериалах и телепередачах встречаются рассказы о трагических исходах домашних родов, создается негативный образ женщины, которая предпочла их больнице⁵.

Тем не менее часть женщин ежегодно отказывается от госпитализации в роддом. Число детей, родившихся в семьях сторонников домашних родов, неизвестно: официальная статистика «сознательных» домашних родов не ведется. Специалист по домашним родам и ведущая доульских курсов Дарья Стрельцова в книге о подготовке к родам, написанной совместно с американской журналисткой Алишани Акин, приводит данные, что 1,5% детей в Москве рождаются дома, при этом около 7%-10% домашних родов заканчиваются в роддоме [Акин, Стрельцова, 1999: 64]. В частной беседе Стрельцова рассказала, что эту информацию ей предоставил известный домашний акушер Александр Наумов, собиравший данные о таких родах в Москве через отделения ЗАГС, где происходит регистрация новорожденных.

В публичном дискурсе риски и преимущества домашних родов практически не обсуждаются. Исключением стала конференция с участием акушеров-гинекологов из Москвы и Томска, состоявшаяся в октябре 2011 г., на которой была озвучена статистика, обсуждены последствия домашних родов, а также перспективы легализации домашних родов в России. Оказалось, что роды вне медицинских учреждений составляют чуть более 1% от общего числа. В Москве «из 122 тысяч родов, зарегистрированных в течение года (имеется в виду 2010 г. — А.О.), на домашние роды приходится не более 1,5 тысяч, включая женщин из социально неблагополучных семей, а также рожениц, которых по тем или иным причинам просто не успели довести до роддома». Участники конференции предположили, что в московских семьях приверженцев домашних родов рождается нескольких сотен детей в год, и призвали журналистов не преувеличивать масштаб проблемы, поскольку «с точки зрения статистики, повода для опасений нет: домашние роды не оказывают серьезного влияния на показатели материнской и младенческой смертности в стране»⁶.

Сложившуюся в России ситуацию с домашними родами необходимо рассматривать в контексте исключительно высокого уровня недоверия медицине в целом [Brown, Rusinova, 2002; Аронсон, 2006] и области родовспоможения в частности [Rivkin-Fish, 2005; Здравомыслова, Темкина, 2009; Бороздина, 2011]. За послед-

³ Уголовный Кодекс РФ. Статья 235. URL: <http://www.ukrf.net/s235.html> (дата обращения: 23.02.2019).

⁴ Домашние роды: за и против // Woman.ru. 2018. URL: www.woman.ru/kids/newborns/article/50239/ (дата обращения: 23.02.2019).

⁵ См., например: сериалы «Тест на беременность» (1 сезон, 1 серия), «Женский доктор» (1 сезон, 25 серия), шоу «Беременные» (1—2 сезоны).

⁶ Алексеев М. Домашние роды: только не в России // Медновости. 27.10.2011. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/main/2011/10/27/home/> (дата обращения: 23.02.2019).

ние десятилетия в российском родовспоможении произошли значительные изменения — прежде всего вследствие развития платного сегмента. Однако, как отмечает А. Темкина в своем исследовании стратегий будущих матерей, «для того, чтобы условия родовспоможения удовлетворяли возросшим требованиям, недостаточно просто оплатить услуги в родильном доме» [Темкина, 2018: 208—209]. Женщины проделывают большую работу по подготовке и организации своих родов, следуя стратегии «страхования рисков» [Темкина, 2014], в которой роддом призван обеспечить безопасность родов, комфортная палата — компенсировать пребывание в больничных стенах, заранее выбранные врач и акушерка — снизить вероятность недостатка внимания. Действуя таким образом, женщины стремятся обеспечить одновременно и безопасность, и «естественность» (т. е. отсутствие медицинских вмешательств) своих родов. Однако далеко не всегда они получают желанную качественную заботу и тот сценарий родов, который так долго и тщательно планировали.

Постановка проблемы и теоретические рамки

Первым врачом, с которым мне удалось записать интервью о домашних родах, была женщина акушер-гинеколог, много лет проработавшая на специализированной гинекологической «скорой помощи». Она стала свидетелем множества негативных исходов домашних родов, видела погибших новорожденных и женщин, потерявших в родах здоровье, и с горьким недоумением спрашивала меня: *«Зачем они это делают? Ведь всего этого можно было избежать, если бы женщины находились в роддоме»* (И. 1)⁷.

В то же время в самом первом интервью с женщиной, благополучно родившей дома, на мой вопрос: *«Как Вы решились рожать дома? Вам не было страшно?»*, информантка с недоумением ответила: *«Дома — не страшно. Я боялась ехать в роддом»* (И. 2).

Очевидно, что противники и сторонники домашних родов придерживаются различных мировоззренческих установок, по-разному оценивая риски и потребности женщины в родах. Одни считают роды потенциально опасным событием, в котором женщине необходимы медицинский контроль и разного рода медицинская помощь. Другие воспринимают их как естественный физиологический процесс, не требующий медицинских вмешательств, а роддом — как угрозу, категорически отказываясь от госпитализации.

Но совершают ли женщины выбор модели и места родов исключительно на основании своих мировоззренческих принципов? Чем они руководствуются в первую очередь, когда принимают решение не ехать в роддом? Почему некоторые женщины отказываются от услуг платного сегмента родовспоможения, предлагающего своим клиенткам право выбора роддома, палаты, врача и акушерки? В поиске ответа на эти вопросы я обращаюсь к существующим в медицинской антропологии исследованиям терапевтического выбора пациента.

Американский антрополог Артур Клейнман описал феномен так называемого пациентского прагматизма и показал, что нежелание обращаться к врачам отнюдь

⁷ См. приложение «Список интервью».

не является чем-то особенным. Пациенты зачастую предпочитают получать помощь дома, в кругу семьи, и только в случае острой необходимости отправляются на прием к врачу, а врачам биомедицины предпочитают специалистов народной медицины или других медицинских направлений [Kleinman, 1980; Михель, 2016].

Представитель когнитивной медицинской антропологии Линда Гарро сформулировала основные методологические принципы изучения терапевтического выбора [Garro, 1998, 2004]. Во-первых, она настаивает, что процесс принятия решения необходимо изучать, не разделяя его эмоциональную и рациональную составляющие: «Бинарные оппозиции рациональность/иррациональность и разум/эмоции в течение долгого времени играли ключевую роль в дискуссиях о человеческом познании и поведении. Тем не менее все большее число ученых начинает рассматривать эмоции как неотъемлемую часть когнитивных процессов» [Garro, 1998:324]. Во-вторых, при изучении стратегий пациента Л. Гарро предлагает придерживаться описательной модели, то есть формализованного упрощенного представления тех стратегий выбора, которым следуют сами люди, а также использовать методы, сводящие к минимуму эффект ретроспективной рационализации задним числом [Garro, 1998; Лехциер, Готтлиб, 2016: 112].

Среди множества факторов, влияющих на выбор пациентов, Л. Гарро прежде всего выделяет тяжесть заболевания, наличие домашнего (или альтернативного биомедицинскому) средства лечения, веру (или уверенность) в эффективность альтернативного средства лечения и, наконец, наличие финансовых ресурсов [Garro, 1998: 327].

Следуя методологическим принципам Л. Гарро, я рассмотрю основные ситуации выбора *как, где и с кем рожать*, в которой оказываются женщины во время беременности. Сначала я проанализирую мотивы выбора домашних родов у женщин во время первой беременности, выделив две группы информанток: женщины без опыта в статусе пациента до беременности и женщины с опытом пациента. Затем я рассмотрю ситуацию повторной беременности, также в двух вариантах: женщины с опытом больничных родов и женщины с опытом домашних родов.

Ситуация выбора: как, где и с кем рожать

В социальных исследованиях домашние роды наряду с разнообразными альтернативными методами лечения рассматриваются как форма протеста женщин против излишней *медикизации*⁸ [Lock, 2004: 118—119]. Опыт *технократических родов*, в которых женское тело уподобляется машине, а доктор — мастеру-ремонтнику, вызывает у женщин ощущение отчуждения от собственного тела и телесной фрагментации [Jordan, 1997; Martin, 1992; Devis-Floyd, 1988, 1996]. Движение за домашние роды на Западе, поддержанное феминистским движением, развивается в контексте борьбы за *репродуктивные права*⁹ женщин и объединяет

⁸ *Медикизация* — социальный процесс, в результате которого медицина стала основным институтом общественного контроля, заменив более «традиционные» институты религии и права, что привело к «медикизации» многих аспектов повседневной жизни во имя здоровья [Zola, 1972].

⁹ *Репродуктивные права* — законные права и свободы, связанные с воспроизводством и сексуальным здоровьем, включающие право на контрацепцию, аборт и получение информации относительно существующих способов регулирования рождаемости и сохранения репродуктивного здоровья (См.: Репродуктивное здоровье // Всемирная организация здравоохранения. URL: www.who.int/topics/reproductive_health/ru/ (дата обращения: 23.02.2019).

представителей самых разных, порой даже противоположных политических взглядов — например, консервативных религиозно-ориентированных пролайферов и левых феминисток [Devis-Floyd, 2006; Craven, 2010].

Исследования американских антропологов показывают, что женщины принимают решение *как, где и с кем рожать*, исходя из прагматических соображений: они выбирают ту форму, которая, по их мнению, наилучшим образом соответствует их интересам и интересам их семей [Lock, Kaufert, 1998]. При этом предпочтения в родах могут быть очень разными в зависимости от уровня образования и классовой принадлежности: для женщин из среднего класса важен контроль, возможность принимать участие в управлении своими родами, тогда как для женщин из низших классов важно чувствовать, что о них заботятся [Lazarus, 1994]. Исследования мотивов выбора домашних родов показывают, что женщины стремятся обеспечить свою безопасность и предотвратить ненужное медицинское вмешательство [Boucher et al., 2009]. Мировоззренческие установки оказывают сильное влияние на предпочтения женщин в родах, поскольку формируют их восприятие риска и безопасности, однако практики рождения, в конечном счете, определяются более широкими структурными категориями, прежде всего материальным положением и наличием выбора [Miller, Shriver, 2012].

Важно отметить, что домашние роды отличаются от таких форм сопротивления медикализации, как «ВИЧ-диссидентство» и «антивакцинаторство». Домашнее (или альтернативное) акушерство развивается в русле современного биомедицинского знания о родовспоможении, направленного на снижение медикализации родов. В программе Всемирной организации здравоохранения, опубликованной в 2018 г., говорится о необходимости принятия мер по изменению практики родовспоможения: «В настоящее время растет понимание, что существующий медикализированный подход подрывает способность женщины рожать самостоятельно и оказывает негативное влияние на ее опыт родов [...] Необходимо создавать такую практику родовспоможения, которая давала бы женщине ощущение контроля посредством ее участия в принятии решений и чувство личного достижения»¹⁰.

Характеристика полевых материалов

Данная статья основывается на материалах глубинных полуформализованных интервью с женщинами, имеющими опыт домашних родов, а также с перинатальными специалистами (домашними акушерками, доулами, психологами и ведущими разнообразных курсов в центрах подготовки к родам). Одна часть интервью относится к пилотному этапу исследования, который проходил в Москве и Самаре в 2005—2007 гг., другая записана в Москве в 2015—2018 гг. Поскольку среди информанток были многодетные матери, имеющие от шести до девяти детей, а также домашние акушерки, ставшие матерями в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в полевых материалах представлены рассказы о домашних родах с начала 1990-х гг. по 2017 г. Всего в ходе исследования записано 73 интервью, в данной статье цитируются 17 из них. В целях анонимизации первичных данных все личные имена изменены.

¹⁰ New WHO Guideline on Intrapartum Care // World Health Organization. 2018. February, 15. URL: www.who.int/reproductivehealth/intrapartum-care/en/ (дата обращения: 23.02.2019).

Моими информантками были женщины, которых можно отнести к российскому среднему классу: они получили хорошее образование и располагают разнообразными ресурсами, в том числе финансовыми. В соответствии с информацией, которую они сообщили, домашние роды требуют немалых материальных вложений: в настоящее время в Москве оплата услуг домашней акушерки составляет 70 тыс. руб., а в отдельных случаях — 80 тыс. руб. Эта сумма приближается к стоимости минимального контракта: с дежурной бригадой — около 90 тыс. руб., а контракт с врачом — от 120 тыс. руб.

В соответствии с методологическими принципами, предложенными Л. Гарро, я придерживалась описательной модели выбора, то есть описывала стратегии женщин, находящихся в ситуации выбора. Для того чтобы свести к минимуму рационализацию действий задним числом, в ходе интервью я избегала прямых вопросов о причинах того или иного выбора и предлагала информанткам вспомнить, что они делали во время беременности. Как взаимодействовали с медицинскими учреждениями — женскими консультациями, частными клиниками и курсами подготовки к родам? Как и при каких обстоятельствах решили отказаться от роддома и как готовились к домашним родам? Также я просила их рассказать, как проходили роды, что делала акушерка, если она присутствовала, и как они оценивают свои роды. Часть вопросов относилась к стратегиям женщин после родов: выбор специалистов, средств и методов лечения и оздоровления для них самих и их детей.

Ситуация первой беременности без предшествующего пациентского опыта

Для многих информанток знакомство с отечественной системой здравоохранения происходило во время первой беременности. Серьезным негативным опытом могла стать госпитализация, визит в роддом или женскую консультацию. Иногда даже краткое пребывание в стационаре вызывало сильный стресс, получив который, будущие матери принимали решение больше никогда не возвращаться в роддом. При этом женщины переживали и осмысливали этот опыт по-разному. Одних возмущало нежелание врачей считаться с их потребностями и невозможность влиять на происходящее:

«Со мной обращались, как с телом, а не как с личностью. У меня было ощущение страшного оскорбления, что надо мной измываются, никак не объясняя, что именно и для чего они делают. Я боялась не боли, не неприятных процедур, а того, что ничего не говорят» (И. 2).

Другие женщины сомневались в компетентности врачей и эффективности методов лечения.

«Я повелась на домашние роды, потому что меня положили на сохранение в 25 недель беременности. Я оттуда сбежала через полтора дня, потому что увидела, что всех лечат примерно одинаково, и все равно женщины, которые там лежат, теряют детей прямо в отделении, хотя они там совсем не двигаются. Мне вдогонку врач крикнул, что вы родите недоношенного ребенка и будете с ним всю жизнь мучиться» (И. 3).

Даже кратковременный визит в роддом во время беременности, например, чтобы сделать УЗИ, мог стать причиной психологической травмы и отказа от больничных родов. Одна из информанток была напугана видом только что родивших женщин:

«Мы с мужем сидели перед кабинетом, счастливые и довольные, и тут спустились три женщины из послеродового отделения делать УЗИ. Они были в таких рубашках с пелюшками, держали свои прокладки руками, у кого-то пятна крови, у кого-то грудь видна... Я очень четко все это помню, хотя прошла куча лет. Я смотрела на них и думала: что же надо было сделать с этими женщинами, чтобы они стали такими, чтобы они перестали стесняться. У них были такие глаза, как у заключенных: им было все равно, что воля, что неволя. Когда мы оттуда вышли, я сказала, что не знаю, как и где, но в роддоме я рожать не буду» (И. 4).

Для многих женщин серьезным испытанием оказалось посещение женской консультации: они рассказывали о грубости врачей, о том, как падали в обморок в очереди на анализы, получали необоснованные, по их мнению, диагнозы и курсы медикаментозного лечения.

«Я пошла в женскую консультацию. И это было драматично, потому что хуже врачихи я никогда не видела. Ей было вообще все равно. Она мне сказала раздеваться, я разделась, села, и она открыла дверь. Я разрыдалась и сказала, что никогда больше я в эту дверь не войду» (И. 5).

Многие информантки, прежде чем решиться на домашние роды, рассматривали вариант родов по контракту как альтернативу родам на общих условиях по системе ОМС. Однако они не смогли найти подходящего варианта, у них не возникло доверия к врачам, работающим в платном сегменте, и они делали вывод, что «там все то же самое».

«Все сводилось к тому, что есть какие-то люди — педиатры, гинекологи — которые лучше знают, как мне рожать моего ребенка. У меня это вызывало полное отторжение. Я понимала, что знаю намного меньше, чем они, но мне хотелось, чтобы мне объяснили, показали, научили, а не решали за меня, что мне делать» (И. 4).

Женщины из «группы риска» (например, беременные двойней, с тазовым положением плода или с узким тазом) могут принять решение рожать дома, потому что врачи заранее отказывают им в возможности родить так, как они хотят, и назначают плановую операцию кесарева сечения. Одна из информанток с диагнозом «тазовое положение плода» обошла ряд роддомов в надежде заключить контракт с врачом, который бы ее поддержал. Но ее везде склоняли к операции, пока в одном из центров она не нашла домашних акушерок, которые согласились принять роды. Роды оказались очень тяжелыми — акушерке помогал остеопат, которого пришлось срочно вызвать на помощь, — однако все закончилось благополучно для женщины и ее ребенка, и она утвердилась в правоте своего решения (И. 6).

Информантки рассказывают, что до своего опыта домашних родов они были обычными женщинами: у них не было каких-либо предубеждений против врачей и медицины, и они собирались в роддом, «как все».

«Я никогда не была адептом чего-то суперстранного, и само решение рожать дома было для меня удивительным. Я очень доверяла врачам, у меня не было вопроса, где рожать: конечно, в роддоме!» (И. 7).

Однако после беседы с анестезиологом, который в рамках контракта с роддомом должен был рассказать ей про разные методы анестезии, информантка Полина резко изменила свое мнение.

«В какой-то момент я сказала, в шутку: “Наверно, есть такие женщины, которые так мешают рожать, что хочется их вырубить”. А он мне: “Да-да! Очень хочется!” Меня это очень травмировало, такое откровенное признание. Я понимала очень хорошо, что у меня не будет возможности в родах сказать: “Знаете, я прочитала вот эту книгу, там написано по-другому, и мне кажется, вы сейчас сделаете что-то, что не соответствует Федеральному стандарту, протоколу ведения родов и прочее”, и это, конечно, не все-ляло в меня спокойствия и уверенности» (И. 8).

Она не отказалась от контракта, но стала активно искать варианты альтернативной помощи, в итоге решила рожать дома с домашней акушеркой.

Среди моих информанток были женщины с религиозным мировоззрением: православные верующие, члены пятидесятнических церквей и последовательницы российского нью-эйдж движения «Анастасия». Рассказы этих женщин практически ничем не отличались от остальных интервью: к домашним родам их привел негативный опыт, приобретенный в роддоме или женской консультации, а не религиозные мировоззренческие установки.

В то же время женщин, входящих в сообщество приверженцев «естественного» или «здорового» образа жизни, или, как они сами себя называют, «альтернативщиков», отличали принципиально иные стратегии организации своих родов. Информантка Оксана, преподаватель йоги с большим стажем, много лет практиковавшая вегетарианство и различные альтернативные методы оздоровления и лечения, рассказывает о своей первой беременности:

«Когда мы забеременели, мы сразу знали, что будем рожать дома, потому что все у нас рожали дома. Мы это даже не обсуждали. В женскую консультацию я никогда не ходила, никогда не стояла на учете по беременности, мне не нужно было медикаментозное ведение беременности, мне не нужны были все эти анализы, УЗИ, скрининги. Мы за три беременности не сделали ни одного УЗИ» (И. 8).

Перед Оксаной не стояла проблема выбора между роддомом и домашними родами, однако ей нужно было выбирать курсы подготовки, акушерку и форму родов. В первый раз она рожала дома, но не в воду, потому что в ванной ей не понравилось. Для вторых родов она отправилась в Таиланд, где прошла суровую школу подготовки беременных, которой руководит одна из учениц И. Б. Чарковского (занятия включали ежедневные тренировки в спортзале, упражнения в бассейне и езду на велосипеде). В третьих родах она использовала технику самогипноза (гипнороды) и осталась ими довольна в наибольшей степени. Случай Оксаны является примером последовательного медицинского диссидентства, понимаемого как «здоровый образ жизни». Это своего рода идеология, поддерживаемая определенными сообществами и подкрепленная общей практикой — «у нас все так делают» [Bobel, 2002: 165].

Женщины с опытом пациента до беременности

Среди информанток были женщины, которые приняли решение рожать дома под влиянием пациентского опыта, полученного иногда за много лет до беременности. Некоторые из них испытывали недоверие к профессиональной компетентности врачей, поскольку побывали в ситуации, когда те долго не могли поставить диагноз. Кроме того, пугали грубость врачей и невнимание к состоянию и потребностям.

«В возрасте 20 лет я плохо себя чувствовала где-то на протяжении полугода. Я ходила в поликлинику, мне все время ставили ОРВИ. Наконец, однажды я пришла и сказала, что мне ничего не помогает, что таблетки я пью, но лучше не становится. Меня отправили на рентген, и выяснилось, что у меня пневмония. А врач считала, что я симулирую, чтобы больничный получить. Главное, я поняла, что врачу было совершенно все равно, что со мной» (И. 9).

Информантка Марина рассказала, что эта история определила ее отношение к врачам на всю жизнь. Когда она забеременела, негативный опыт пациента стал решающим фактором для обращения не в женскую консультацию, а в центр подготовки к родам, где занятия вели домашние акушерки.

«У меня было огромное доверие к акушеркам из центра, ведь они знали мою беременность, мои анализы, они меня всему научили: как питаться во время беременности, какую делать гимнастику, что надо делать, что не надо делать... Я поняла, что хочу с ними рожать» (И. 9).

Аналогичный случай произошел с информанткой Евгенией: врачи не смогли поставить диагноз и, как она считает, давали ей наугад разные лекарственные препараты, то есть «залечивали» в больнице. Негативный опыт пациента заставил ее искать альтернативных специалистов для ведения беременности и в итоге привел к домашним родам.

«Был опыт общения с врачами — очень тяжелый, поставили под вопрос кучу диагнозов просто страшных: менингит, энцефалит и прочее (меня укусил клещ в походе). А на самом деле было просто переутомление. Полтора месяца я провела в больнице. Потом, когда забеременела, я понимала, что буду рожать как угодно, только не с врачами, потому что была очень напугана этой ситуацией» (И. 10).

Среди женщин, принявших решение рожать дома, встречались пациентки с опытом хронического заболевания. В этом случае именно хорошее знание условий стационара, в котором они неизбежно окажутся со своим заболеванием, стало фактором отказа от госпитальных родов. У этих женщин нет недоверия медицине — напротив, они охотно рассказывали о положительном опыте лечения, хорошо отзывались о врачах. Причиной выбора домашних родов для них стало желание избежать унижительно тяжелых условий роддома.

«Акушерка когда узнала, что у меня пиелонефрит, позвонила моему врачу, они с ней обсуждали, насколько это безопасно. Мы прорабатывали и с ней, и с врачом какие-то варианты больниц, в которые я могла бы отправиться... Но поскольку я уже лежала в больнице с пиелонефритом, было только три роддома, куда меня могли бы взять, и они все были трэшковые, надо сказать» (И. 5).

Информантка Татьяна в первую беременность приняла решение рожать дома. Уже во время второй беременности, оказавшись в отделении патологии в роддоме своего профиля, она решила, что в первый раз приняла правильное решение:

«Это было просто бесчеловечно. Это такое специфическое отделение, где все лежат с больными почками, и все постоянно ходят в туалет, и там на 30 палат 2 туалета. Вот как это? Там были женщины, у которых уже начались схватки, и они сидели на КТГ, все обвешанные этими датчиками, полуголые, прямо на проходе. Зачем это делать в таком унижительном формате, не очень понятно» (И. 5).

Ситуация повторной беременности. Негативный опыт роддома

В ходе интервью было озвучено немало историй, похожих на те, которые женщины рассказали в ходе флешмоба «Насилие в родах»¹¹. В одном случае у женщины во вторых родах погиб ребенок.

«Я спросила врача, которая его смотрела: почему вы не откачиваете ребенка, а она ответила, что уже поздно. Толком мне никто ничего не сказал. Вскрытие делали, и оно показало, что ребенок был здоров. Я так и не знаю, что произошло. Погиб ли он во время родов или раньше» (И. 11).

Когда информантка Ирина снова забеременела, она не знала, что ей делать, к кому обратиться за помощью: «Я боялась за ребенка, я понимала, что ничем не управляю, и ничего не могу сделать». Совершенно случайно она наткнулась на объявление в газете, в котором было написано «Роды в воду» и номер телефона. Это определило ее выбор не только в текущей беременности, но и на всю жизнь. Ирина родила дома пятерых детей и стала довольно известным перинатальным специалистом.

Другая женщина¹² рассказала о страшном стрессе, который она пережила еще в приемном отделении роддома, когда у нее отняли всю одежду и грубо провели унижительные процедуры. У нее поднялось давление, схватки прекратились, ей кололи разные лекарства, а потом были очень тяжелые роды.

«У меня отключился мозг, потому что я поняла, что просто сойду с ума. Они орали, шлепали, взяли огромный тампон и опять всю разрисовали йодом, это жгло, и дальше я уже плохо помню. Они давили на меня, потом показали ребенка и закричали: кто? кто? Я смотрю: девочка. И все. Ребенка унесли. У меня был шок. Я ничего не чувствовала без всякого обезболивания» (И. 12).

После родов у нее начался сепсис, и три месяца она провела в больнице без ребенка. По ее словам, в ходе этих родов у нее было ощущение, что она умерла: настолько это было бесчеловечно.

В гораздо менее драматичных случаях женщины жалуются на излишнюю, по их мнению, медикализацию: стимуляцию родовой деятельности при помощи окситоцина, амниотомии, рассечение промежности, а также на то, что их разделили с ребенком. Женщин возмущает, что врачи с ними совершенно не считались, несмотря на контракт на «естественные роды», в котором были прописаны отказы от стимуляции, обезболивания и т. д., и сомневаются, что в этих медицинских интервенциях была необходимость. Они делают вывод, что в родах по контракту «все то же самое, что и по ОМС» (И. 13), что «контракт ни от чего не спасает» (И. 14) и даже: «чем дороже контракт, тем хуже будет — слишком много ненужных услуг» (И. 15). Тем, кто боится рожать дома, опытные женщины советуют отправляться в роддом как можно позже, в активной стадии родов, чтобы в роддоме не успели сделать «ничего лишнего». Таким образом, недоверие сохраняется даже в отношении тех врачей, которых женщины сами выбрали и с которыми заключили контракт.

¹¹ Проект «Насилие в родах» стартовал в социальной сети «ВКонтакте» осенью 2016 г. и вызвал широкий общественный резонанс. В ходе флешмоба, продолжающего до настоящего времени, сотни женщин, пострадавших от психологического и физического насилия в роддомах, поделились своими историями (см. https://vk.com/humanize_birth).

¹² Это интервью опубликовано здесь: [Ожиганова, 2017].

Повторные домашние роды

Совсем другая ситуация у женщин с положительным опытом домашних родов: практически все они повторно рожают дома.

«Во вторых родах, поскольку уже был опыт положительный, я даже представить себе не могла, что можно еще где-то рожать, кроме как дома» (И. 9).

Изменяется и само отношение к родам: они начинают восприниматься как что-то обыденное.

«Знаете, что такое домашние роды? Это когда женщины в схватках пекут пироги, делают с детьми домашние задания. Это просто самая обычная жизнь. Когда это видишь, уже потом иначе ко всему относишься» (И. 16).

Можно сказать, что происходит своего рода рутинизация выбора домашних родов. Так, одна из информанток, мать девяти детей, шесть из которых родились дома, заметила, что у нее роды обычно начинаются ночью, и она думает лишь о том, что ей надо успеть родить к утру, чтобы отправить детей в школу (И. 17).

Многих женщин опыт домашних родов так впечатлял, что они резко меняли жизненную траекторию и становились акушерками, доулами, перинатальными психологами. Большинство из них потом рожали уже сами, не прибегая к чьей-либо помощи. Они рассказывают, что в своих родах-соло стали как бы сами себе акушерками.

«С этими родами не было ничего интересного. Для меня как акушерки эти роды были понятны. Я понимала, что может быть, и я очень хорошо понимала, что я с этим буду делать. Единственное, у меня было странное ощущение, что я принимаю роды у самой себя. Муж был рядом, но он ничего не делал. Мне не нужна была моральная поддержка, мне не нужна была успокоительная речь, мне вообще ничего не было нужно» (И. 4).

Таким образом, как заметила А. Темкина, «собственный опыт — важнейшая система референции, относительно которой женщины формируют свои запросы, в том числе решают, что им необходим другой подход, если в прошлый раз ведение родов их не устроило, или потребовало слишком больших затрат. Неудовлетворенность медицинской помощью в предшествующих родах становится важной мотивацией поиска новых, более оптимальных возможностей» [Темкина 2018: 214].

Заключение

Основной причиной, по которой женщины выбирают домашние роды, является их недоверие медицине, а точнее — убежденность в том, что в роддоме им не смогут обеспечить безопасные, с их точки зрения, роды. Это недоверие основано на личном негативном пациентском опыте, который будущие матери могли получить в различных ситуациях: в предыдущих родах, во время беременности или даже задолго до нее — в сферах медицины, не связанных с репродуктивным здоровьем.

Отказ от роддома в пользу домашних родов вовсе не является следствием безответственного поведения женщин. Подготовка к домашним родам — это, как правило, долгий и трудоемкий процесс, требующий, к тому же, серьезных материальных вложений. Женщины тщательно изучают ситуацию, опрашивая знакомых, имеющих опыт домашних родов, выбирают курсы подготовки к родам, посещают разнообразные занятия и тренинги (обычно вместе со своим партнером), занимаются поиском подходящей домашней акушерки. Кроме того, им приходится

заниматься организацией предстоящих родов: договариваться с родственниками, готовить план действий на случай экстренной ситуации.

Во многом их действия похожи на стратегии женщин, занимающихся поиском подходящего варианта родов по контракту, чьи усилия А. Темкина сравнила с проведением масштабного социального исследования. Точно так же женщины, выбравшие домашние роды, протестуют прежде всего против грубости медицинских работников и плохих бытовых условий государственных роддомов, а также против обезличивающей и непрозрачной системы здравоохранения [Темкина, 2018: 201]. Однако для женщин, выбравших домашние роды, в гораздо большей степени характерно недоверие медицине в целом и сопротивление доминированию медицинского знания и экспертной власти врачей, чем для женщин, ориентированных на контрактные роды — «амбициозных потребителей различных сервисов» [Темкина, 2018: 224]. Женщины, выбравшие домашние роды, не хотят, чтобы медицинские специалисты контролировали «работу» их тела, и понимают, что контракт их от этого не избавит.

Само понятие «контроль» не подходит для объяснительной модели выбора домашних родов, ведь она основана на нарративе «естественного» [Бороздина, 2014а], описывающего роды как физиологический процесс, а не болезнь. Женщины, рожаящие дома, отказываются от стратегии «страхования рисков».

«Подстраховаться, потом еще подстраховаться, от того, от другого, непонятно от чего еще, потому что все равно непонятно, что происходит, потому что процессом управляем не мы. Это излишний контроль» (И. 10).

Успешный опыт домашних родов еще больше укрепляет женщин в их недоверии к медицине и в дальнейшем сам становится фактором отказа от медицинской помощи. Для подавляющего большинства моих информанток домашние роды стали своеобразной инициацией в мир нетрадиционной медицины, альтернативных оздоровительных и целительских практик. Многие женщины, рожавшие дома, являются проводниками антивакцинаторства, сторонниками гомеопатии и других альтернативных медицинских и целительских систем, а также практики самолечения. Для одних это превращается со временем в основной род деятельности: они становятся домашними акушерками, доулами, специалистами в области нетрадиционной медицины. Другие остаются неформальными экспертами, носителями знания о домашних средствах лечения и альтернативной медицине [Аронсон, 2006: 5—6].

Исключительный интерес в контексте выбора домашних родов представляет вопрос о том, как этот выбор связан с гендерным самосознанием и самовосприятием женщин: восприятием тела, отношением к боли, представлениями о пространстве семьи (дома) и семейных ролях. Эти темы, так же, как и вопрос о влиянии мировоззренческих установок на формирование предпочтений женщин в родах, требуют отдельного пристального изучения.

Список литературы (References)

Акин А., Стрельцова Д. Девять месяцев и вся жизнь. Роды нового тысячелетия. СПб. : Б.&К, 1999.

Akin A., Streltsova D. (1999) Nine Months and all Life. Child-Bearing in the New Millennium. SPb.: B. & K. (In Russ.)

Аронсон П. Я. Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 3. № 20. С. 5—9.

Aronson P. Ya. (2006) Refusal of Professional Medical Care as a Result of Loss of Trust in the Expert Knowledge of the Doctor and the Institutional Healthcare Environment. *Scientific Journal of Herzen University*. Vol. 3. No. 20. P. 5—9. (In Russ.)

Бороздина Е. Медицинская помощь беременным: в поисках заботы // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы / под ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 54—83.

Borozdina E. (2011b). Medical Care of Pregnant Women: In the Search of Care. In: *E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) Health and Intimate Life: Sociological Approaches*. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg. P. 54—83. (In Russ.)

Бороздина Е. Язык науки и язык любви: легитимация независимой акушерской практики в России // *Laboratorium*. 2014a. № 6(1). С. 30—59.

Borozdina E. (2014a) Language of Science and Language of Love: the Legitimation of Independent Midwifery Practice in Russia. *Laboratorium*. No. 6(1). P. 30—59. (In Russ.)

Бороздина Е. Социальная организация естественных родов (случай центра акушерского ухода) // Журнал исследований социальной политики. 2014б. Т. 12. № 3. С. 413—428.

Borozdina E. (2014b). The Social Organization of Natural Childbirth: The Case of Center for Midwifery Care. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 3. P. 413—426. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине / под ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 179—210.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2009) "I don't Trust Doctors, but." Establishing Trust in Reproductive Medicine. In: *E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) Health and Trust: the Gender Approach to Reproductive Medicine*. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg. P. 179—210. (In Russ.)

Михель Д. В. Философия терапевтического выбора: принятие медицинских решений в контексте социокультурных трансформаций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 2. С. 155—161. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-155-161>.

Mikhel D. V. (2016) Philosophy of Therapeutic Choice: Medical Decision Making in the Context of Social and Cultural Transformations. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New Seria. Seria Philosophy. Psychology. Pedagogics*. Vol. 16. No. 2. P. 155—161. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-2-155-161> (In Russ.)

Лехциер В. Л., Готлиб А. С. Медицинский выбор хронических больных в крупном российском городе: опыт качественного анализа // *Mixtura verborum'* 2017: человек и время: философский ежегодник / под общ. ред. С. А. Лишаева. 2017. С. 108—136. Lekhtsier V. L., Gotlib A. S. (2017) Medical Choice of Chronic Patients in a Large Russian City: Experience of Qualitative Analysis. In: *Mixtura verborum'* 2017: Man and Time: Philosophical Yearbook / Ed. by S. A. Lishaev. P. 108—136. (In Russ.)

Наумов А. Домашние водные роды. Современное состояние проблемы. М. : Современник, 2001. Naumov A. (2001) Home Water Birth. The Current State of the Problem. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)

Ожиганова А. А. Рождение «нового человека»: утопический проект движения за естественные роды // *Конструируя детское: филология, история, антропология* / под ред. В. Безрогова, М. Балиной и др. М. : Азимут ; СПб. : Нестор-История, 2011. С. 444—460.

Ozhiganova A. (2011) The Birth of «New Man»: an Utopian Project of the Natural Childbirth Movement. In: *The Construction of Childhood: Philology, History, Anthropology.* / Ed. by V. Bezrogov, M. Balinoy and others. Moscow: Azimut; SPb.: Nestor-History. P. 444—460. (In Russ.)

Ожиганова А. А. Становление и практика независимого акушерства // *Медицинская антропология и биоэтика*. 2017. № 2. URL: www.medanthro.ru/?page_id=3223 (дата обращения: 23.02.2019).

Ozhiganova A. (2017) Development and Practice of Independent Midwifery. *Medical Anthropology and Bioethics*. No. 2. URL: www.medanthro.ru/?page_id=3223 (accessed: 23.02.2019). (In Russ.)

Ожиганова А. Забота о себе, забота о других: практики взаимодействия женщин и акушерок в домашних родах // *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства*. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. (В печати).

Ozhiganova A. (2019) The Care of the Self, the Care of the others: the Practice of Interaction between Women and Midwives in Home Births. In: *Critical Sociology of Care: the Crossroads of Social Inequality*. St. Petersburg.: Publishing House of the European University at St. Petersburg. (In Press). (In Russ.)

Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12. № 3. С. 321—336.

Temkina A. (2014). Medicalization of the Reproduction and Childbirth: a Struggle for Control. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 3. P. 321—336. (In Russ.)

Темкина А. Будущая мать как социальный исследователь: стратегии организации платных родов в российском крупном городе // *Антропологический форум*. 2018. № 37. С. 197—230.

Temkina A. (2018) Mother-to-Be as a Field Researcher: The Strategies of Private Obstetrics Provision in Urban Russia. *Antropologicheskij Forum*. No. 37. P. 197—230. (In Russ.)

Belousova E. (2002) The 'Natural Childbirth' Movement in Russia: Self-Representation Strategies. *Anthropology of East Europe Review*. Vol. 20. No. 1. P. 11—18.

Belousova E. (2002) The Preservation of National Childbirth Traditions in the Russian Homebirth Community. *Journal of the Slavic and East European Folklore Association*. Vol. 7. No. 2. P. 50—77. <http://dx.doi.org/10.17161/folklorica.v7i2.3724>.

Belousova E. (2012) Waterbirth and Russian-American Exchange: From the Iron Curtain to Facebook. Doctoral Dissertation. Houston.

Bobel C. (2002) *The Paradox of Natural Mothering*. Philadelphia: Temple University Press.

Boucher D., Bennett C., McFarlin B., Freeze R. (2009) Staying Home to Give Birth: Why Women in the United States Choose Home Birth. *Journal of Midwifery & Women's Health*. Vol. 54. No. 2. P. 119—126. <https://doi.org/10.1016/j.jmwh.2008.09.006>.

Brown J., Rusinova N. (2002) "Curing and Crippling": Biomedical and Alternative Healing in Post-Soviet Russia. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 583. No. 1. 160—172. <https://doi.org/10.1177/000271620258300110>.

Craven C. (2010) *Pushing for Midwives: Homebirth Mothers and the Reproductive Rights Movement*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Davis-Floyd R.E. (1988) Birth as an American Rite of Passage. In: Michaelson K. (ed.) *Childbirth in America: Anthropological Perspectives*. Beacon Hill, MA: Bergin & Garvey. P. 153—172.

Davis-Floyd R.E. (1996) The Technocratic Body and the Organic Body: Hegemony and Heresy in Women's Birth Choices. In: Sargent C. F., & Brettell C. B. (eds.) *Gender and Health: An International Perspective*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. P. 123—166.

Davis-Floyd R. (2006) ACNM and MANA: Divergent Histories and Convergent Trends. In: Davis-Floyd R., & Johnson Ch. B. (eds.) *Mainstreaming Midwives: The Politics of Change*. N.Y., London: Routledge. P. 29—80.

Garro L. C. (1998) On the Rationality of Decision-Making Studies: Part 1: Decision Models of Treatment Choice. Part 2: Divergent Rationalities. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 12. No. 3. P. 319—355. <https://doi.org/10.1525/maq.1998.12.3.341>.

Garro L. C. (2004) Cognitive Medical Anthropology. In: *Encyclopedia of Medical Anthropology. Health and Illness in the World's Cultures*. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers. P. 12—23.

Jordan B. (1997) Authoritative Knowledge and Its Construction. In: Davis-Floyd R., & Johnson Ch. B. (eds.) *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives*. Berkeley: University of California Press. P. 55—79.

Kleinman A. (1980) *Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley: University of California Press.

Lazarus E. S. (1994) What Do Women Want? Issues of Choice, Control, and Class in Pregnancy and Childbirth. *Medical Anthropology Quarterly*. Vol. 8. No. 1. P. 25—46. <https://doi.org/10.1525/maq.1994.8.1.02a00030>.

Lock M., Kaufert P. (1998) *Pragmatic Women and Body Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lock M. (2004) Medicalization and the Naturalization of Social Control. In: Ember C. R., & Ember M. (eds.). *Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and Illness in the World's Cultures*. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers. P. 116—125.

Martin E. (1992) *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*. Boston: Beacon Press.

Miller A. C., Shriver T. E. (2012) Women's Childbirth Preferences and Practices in the United States. *Social Science & Medicine*. Vol. 75. No. 4. P. 709—716. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2012.03.051>.

Rivkin-Fish M. (2005) *Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention*. Indianapolis: Indiana University Press.

Zola I. (1972) Medicine as an Institution of Social Control. *Sociological Review*. Vol. 20. No. 4. P. 487—504. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb00220.x>.

Приложение. Список интервью

1. М.Л., 58 лет, врач акушер-гинеколог. Москва, 2006.
2. Наташа, 32 года. Москва, 2007.
3. Лиза, 32 года. Москва, 2007.
4. Наталья, 47 лет, домашняя акушерка. Москва, 2017.
5. Татьяна, 34 года. Москва, 2017.
6. Анастасия, 35 лет. Москва, 2017.
7. Полина, 34 года, доула. Москва, 2018.
8. Оксана, 34 года. Москва, 2018.
9. Марина, 38 лет. Москва, 2016.
10. Евгения, 27 лет. Самара, 2006.
11. Ирина. 49 лет. Москва, 2018.
12. Елена, 53 года, домашняя акушерка. Москва, 2016—2017.
13. Маша, 26 лет. Москва, 2016.
14. Оля, 35 лет. Москва, 2016.
15. Инга, 37 лет. Москва, 2016.
16. Анна, 35 лет, акушерка. Москва, 2017.
17. Александра, 45 лет, Москва, 2016.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.13

Правильная ссылка на статью:

Гошин М. Е., Мерцалова Т. А., Груздев И. А. Типы родительского участия в учебном процессе детей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 282—303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.13>.

For citation:

Goshin M. E., Mertsalova T. A., Gruzdev I. A. (2019) Types of parental involvement in children's schooling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 282—303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.13>.

М. Е. Гошин, Т. А. Мерцалова, И. А. Груздев

ТИПЫ РОДИТЕЛЬСКОГО УЧАСТИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ДЕТЕЙ

ТИПЫ РОДИТЕЛЬСКОГО УЧАСТИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ДЕТЕЙ

ГОШИН Михаил Евгеньевич — кандидат химических наук, научный сотрудник Центра социально-экономического развития школы Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: m.goshin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7251-3938>

МЕРЦАЛОВА Татьяна Анатольевна — кандидат педагогических наук, ведущий эксперт Центра социально-экономического развития школы Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tmertsalova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1482-1988>

TYPES OF PARENTAL INVOLVEMENT IN CHILDREN'S SCHOOLING

*Mikhail E. GOSHIN*¹ — Cand. Sci. (Chem.), Research Fellow at the Center of Social and Economic School Development
E-MAIL: m.goshin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-7251-3938>

*Tatiana A. MERTSALOVA*¹ — Cand. Sci. (Ped.); Leading Expert at the Center of Social and Economic School Development
E-MAIL: tmertsalova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1482-1988>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ГРУЗДЕВ Иван Андреевич — директор по внутренним исследованиям и академическому развитию студентов, аналитик Центра социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: igruzdev@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3939-7909>

Ivan A. GRUZDEV¹ — Head of the Office for Internal Monitoring and Student Academic Development, Analyst at the Centre of Sociology of Higher Education
E-MAIL: igruzdev@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3939-7909>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье, на основе данных Мониторинга экономики образования, проведенного Институтом образования НИУ ВШЭ в 2016 г., анализируются категории родительского участия в учебном процессе детей. Авторы утверждают, что степень вовлеченности родителей в учебный процесс детей сильно дифференцирована и выделяют пять типов родительского участия: опекуны, фасилитаторы, спонсоры, контролеры и невидимки. Представленные типы вовлеченности неодинаково представлены в семьях с различным социально-экономическим бэкграундом, а также связаны с успеваемостью детей в школе, их образовательными планами и активностью в дополнительном образовании.

Ключевые слова: участие родителей в образовании, кластерный анализ, социально-экономические характеристики семей, образовательные результаты, дополнительное образование

Abstract. In this article, authors analyze patterns of parental involvement in children's schooling basing on the data of Monitoring of education markets and organizations completed in 2016. Authors argue that the involvement in children's schooling is highly differentiated and suggest five types of it: regents, facilitators, sponsors, inspectors and invisibles. These types of parental involvement represented unequally depending on the socio-economic background of the family and children's progress at school, plans for educational attainment and engagement in extracurricular activities.

Keywords: parental involvement, cluster analysis, socio-economic backgrounds of families, students' academic results, extracurricular activities

Участие родителей в образовании детей в фокусе современных исследователей образования

На всех этапах развития общества семья принимала непосредственное участие в воспитании, обучении, образовании молодого поколения. С появлением школьного образования и особенно на этапе «монополизации школами» всех этих процессов функция и роль родителей менялись в сторону минимизации. Современные практики активного родительского участия в делах детей — явление относительно новое.

Это продукт сформировавшегося на глазах ныне живущих поколений паттерна «детоцентризма», типичного для среды урбанизированного среднего класса. Оставив подробное рассмотрение социокультурного и исторического процесса изменений роли семьи и родителей в образовании детей для отдельной публикации, сконцентрируем внимание на современной ситуации, актуальной для настоящего времени.

Участие родителей в процессе обучения детей рассматривается как важная стратегия, направленная на повышение эффективности и улучшение качества образования [Epstein, 1995], [Chrispeels, 1996], [Driessen, Smit, Slegers, 2005], [Flecha, Soler, 2013], [Greene, Anyon, 2010], [Linse, 2011]. Исследования, проведенные за последние десятилетия, свидетельствуют, что участие родителей в образовании детей является важнейшим компонентом, определяющим их успех в школе и в последующей профессиональной социализации, благоприятно сказывается на самооценке ребенка и его общем субъективном благополучии [Finn, 1998], [Davies, 1988], [Fagnano, Werber, 1994], [Olmsted, 1991], [Ferguson et al., 2008].

Как утверждает социальная когнитивная теория [Bandura, 1977], молодежь узнает о принятых социальных нормах и надлежащем поведении из наблюдений и разговоров со значимыми людьми. Соответственно, родителям отводится важная роль моделирования позитивного отношения к учебе и поведению в школе. Потенциал ребенка раскрывается в значительно большей степени, когда родители проявляют интерес к его деятельности в школе, готовы помочь с выполнением домашнего задания, внимательно относятся к его текущим проблемам и потребностям, воспитывают у него чувство ответственности за свои слова и поступки.

Однако участие родителей в образовании (или вовлеченность в образовательный процесс ребенка) — понятие довольно широкое, подразумевающее многообразие различных форм и видов деятельности, набор и комбинация которых определяются целым рядом факторов. Глубина и степень родительского участия могут варьироваться весьма существенно. Так, Джанет Гудолл и Кэролайн Монтгомери пишут о существовании целого континуума родительских практик — от формальной «родительской привлекенности» (parent involvement) до искренней и осознанной «родительской причастности» (parent engagement) [Антипкина, 2017: 106].

Участие родителей может быть реализовано в двух основных формах: домашнее и школьное участие [Giallo et al., 2010]. Если во втором случае инициатором вовлечения родителей обычно выступают представители образовательных организаций (school-initiated parental involvement), то домашнее участие инициируют сами родители (parent-initiated involvement) [Driessen, Smit, Slegers, 2005: 510].

Большинство классификаций родительского участия разработаны зарубежными исследователями. Среди наиболее известных — типологическая модель, предложенная Дж. Эпштейн [Epstein, 1987]. Она включает шесть категорий, способствующих объединению школы, семьи и местного сообщества: базовое воспитание детей, домашнее обучение, коммуникация со школой, волонтерство в школе, участие в принятии решений в школе и сотрудничество с сообществом.

Многочисленные исследования, проведенные в основном в развитых странах, показали, что родители значительно чаще оказываются вовлеченными в домашнее образование своих детей, чем принимают участие в жизни школы [Lee, Bowen, 2006], [Mau, 1997], [Patrikakou, Weissberg, 2000]. Также в большинстве исследова-

ний отмечается наличие положительной взаимосвязи между участием родителей в учебной жизни ребенка дома (например, проверка домашних заданий, общение о процессе обучения в школе, чтение с детьми) и целым рядом результатов, связанных со школой, включая академические достижения обучающихся и их социально-эмоциональную адаптацию [Charles et al., 1999], [Jeynes, 2003], [Sui-Chu, Willms, 1996]. При этом отмечается, что родительская вовлеченность влияет на образовательные результаты детей в школе не только напрямую, но и путем создания благоприятной домашней обстановки, способствующей учебному процессу [Driessen, Smit, Sleegers, 2005]. Однако некоторые исследования показывают, что такого эффекта может не быть, или, возможно, он будет даже отрицательным [Jeynes, 2003], [Altschul, 2012], [Driessen, Smit, Sleegers, 2005], [Hoover-Dempsey, Walker, Sandler, 2005]. Найти объяснение этим фактам помогает так называемая реактивная гипотеза: в ряде случаев повышенное родительское внимание к учебному процессу ребенка обуславливается наличием у него проблем в учебе. Именно такие дети чаще всего нуждаются в помощи родителей.

Родительская позиция относительно участия в образовании ребенка в значительной степени связана с социально-экономическим бэкграундом семьи [Boethel, 2003]. Так, исследование, проведенное в Нидерландах [Vogels, 2002], позволило выделить четыре группы родителей, различающихся по степени активности участия. «Партнеры» — родители с высокой активностью в официальном и неформальном взаимодействии со школой, от волонтерства до участия в органах управления. «Участники» в значительной степени вовлечены в неформальные мероприятия. К обеим этим группам относятся родители, преимущественно имеющие высокий социально-экономический статус: высокий уровень образования, высокий доход, для них чаще характерна нерелигиозная (неконфессиональная) жизненная философия; их дети чаще посещают частные школы, базирующиеся на неординарных идеях образования (например, школы Монтессори или Йена Плана). Группа «делегаты» объединяет родителей, рассматривающих учителей и школьную администрацию как назначенных экспертов и поэтому возлагающих на них ответственность за обучение и воспитание своих детей. Это наиболее обширная группа родителей, преимущественно среднего класса и выше, дети которых посещают как нерелигиозные, так и протестантские и католические школы. Наконец, четвертую группу составляют так называемые «невидимые» родители, которые значительно реже, по сравнению с другими группами, принимают участие в различных мероприятиях, связанных со школой. В основном это родители с низким социально-экономическим статусом.

Похожая типология родительского участия в зависимости от вида активности предложена Г. Н. Скударевой [Скударева, Шишова, 2014] на основании российских исследований. «Социально активные» родители (26%) занимают активную жизненную позицию. Независимо от занятости, они стараются помогать не только своему ребенку. Их социальная направленность охватывает более широкое социально-образовательное пространство: школу, муниципальные ведомства. Почти половина родителей (46%) — «Индивидуально активные». Они проявляют активность только в отношении собственного ребенка, объясняя это нехваткой времени и высокой занятостью на работе. Участие «Ограниченно заинтересованных» родителей (19%) сводится либо к определенной сфере деятельности ребенка

(«лишь бы учился хорошо, участвовать в жизни класса не обязательно»), либо к налаженным отношениям с конкретными лицами (например, с заместителем директора по начальной школе, который по должности должен влиять на учителя), либо они занимаются ребенком только при исключительных обстоятельствах. Наименьшая доля (9%) — это «Незаинтересованно-пассивные» родители, не считающие нужным вмешиваться в дела школы. Чаще всего это неблагополучные семьи, где взрослым нет дела до детей, они не хотят ничего менять в своей жизни. Такая позиция вызвана материальной несостоятельностью, злоупотреблением наркотиками и спиртными напитками, равнодушием.

На вовлеченность родителей влияет множество факторов: уровень их образования, способности, позиция в отношении разделения функций между школой и семьей, информация об учебном процессе детей, время, финансы и другие материальные ресурсы [Lareau, 1987], [Boethel, 2003]. В значительной степени уровень и характер участия родителей в образовательном процессе зависят от культурного капитала семьи, что частично объясняется теорией культурного капитала П. Бурдьё [Bourdieu, 1977].

Соответственно, уровень образования родителей может быть рассмотрен в качестве одного из наиболее значимых факторов, определяющих участие родителей в образовании детей. В работе [Lareau, 1987] приводится интересный анализ влияния уровня образования родителей на участие в образовании детей в зависимости от занятия ими активной или отстраненной позиции (табл. 1).

Таблица 1. **Влияние уровня образования родителей на участие в образовании детей в зависимости от занятия ими активной или отстраненной позиции (отрывки из интервью с родителями [Lareau, 1987])**

Уровень образования	Отстраненность	Активность
Низкий	Неверие в свои способности помочь ребенку в учебе: «Я знаю, что когда она будет учиться в старших классах, я не смогу помогать ей, особенно по математике, если я сама не пройду данный курс заново... Поэтому я думаю, что задача учителя — помочь ей как можно лучше понять предмет, а я здесь никакой помощи оказать не смогу».	Оказание помощи ребенку в учебе и улучшение своих собственных навыков: «...Когда мне было девятнадцать лет, и я вышла замуж, я не знала, как найти слово в словаре. Но когда я начала читать вместе с Джонни, я обнаружила, что мои навыки в чтении улучшились».
Высокий	Передача школе ответственности за образование своих детей — разделение сфер влияния: «Моя работа здесь, дома. Моя работа — воспитывать его, учить манерам, одевать и отправлять в школу, чтобы он был счастлив. Теперь начинается задача школы (учителя) — научить его учиться... научить его читать, писать... всему тому, чему учат в школе».	Партнерская позиция с представителями школы: «Я не думаю, что учителя более образованные, чем я, или находятся на более высокой позиции. У меня нет никакого чувства иерархии. Я не выше их, и они не выше меня. Мы равны. Мы взаимны. Если у меня будут проблемы, я поговорю с ними. Они не работают на меня, они не делают ничего такого, чего не мог бы сделать я. Просто каждый выполняет свою задачу».

Родители с низким уровнем образования часто высказывали опасения, что не смогут помочь своим детям в учебе. Однако если они занимали активную позицию, даже если им не хватало образовательных навыков, по мере оказания помощи ребенку уровень их собственных компетенций повышался. Высокообразованные родители также неоднородны в своем отношении к участию в образовании детей. Значительная часть из них склонна перекладывать ответственность за обучение детей на школу, как правило, мотивируя это нехваткой времени в силу высокой занятости на работе. Проявление большей активности в данном случае приводит к занятию партнерской позиции с представителями системы образования, установлению с ними диалога на равных и совместному решению проблем в случае необходимости.

Проведенный анализ различных моделей участия родителей в образовании позволяет сформировать представление об основных типах родительской вовлеченности, обусловленных как индивидуально-психологическими характеристиками родителей, так и социально-экономическим бэкграундом семьи. Однако остается непонятным, какие именно формы родительского участия и каким образом влияют на образовательные результаты школьников. Наше исследование, основанное на эмпирическом материале, посвящено раскрытию трех основных вопросов: (1) какие категории родителей можно выделить с точки зрения их участия в учебном процессе? (2) каким образом участие каждой из категорий родителей сказывается на образовательных результатах ребенка в школе и выборе им дальнейшей образовательной траектории? (3) какие социально-экономические характеристики характерны для родителей каждой категории?

Методология и данные

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 3887 представителей семей, в которых дети посещают организации общего образования. Опрос проводился в 2016 г. в рамках Мониторинга экономики образования (НИУ ВШЭ)¹ и охватывал девять федеральных округов Российской Федерации.

Выборка образовательных организаций была стратифицирована по следующим параметрам: 1) географическое положение; 2) тип населенного пункта; 3) тип образовательного учреждения; 4) форма собственности. Выборка распределена по стратам «административно-географический признак» и «тип населенного пункта» пропорционально численности населения этих страт.

Структура выборочной совокупности по типам поселений, уровню образования матери и по уровню доходов семьи представлена в табл. 2.

Чтобы выделить категории родителей, обладающих сходными характеристиками в зависимости от участия в учебном процессе детей, был проведен кластерный анализ методом *k*-средних ответов родителей на вопрос «Участвуете ли Вы в школьной жизни Вашего ребенка, и если да, то каким образом?».

¹ Мониторинг экономики образования [Электронный ресурс]. URL: <https://ioe.hse.ru/monekobr> (дата обращения: 23.02.2019).

Таблица 2. Структура выборочной совокупности опрошенных родителей, %, N = 3887

Типы поселений	г. Москва	12%, N = 471
	Города с населением свыше 1 млн человек (кроме Москвы)	14%, N = 536
	Города с населением от 100 тыс. до 1 млн жителей	26%, N = 1021
	Города с населением до 100 тыс. жителей	18%, N = 709
	Поселки городского типа и сельские поселения вместе	30%, N = 1150
Уровень образования матери (мачехи)	Среднее общее или ниже	5%, N = 178
	Начальное или среднее профессиональное	33%, N = 1273
	Неоконченное высшее и высшее без ученой степени	59%, N = 2289
	Высшее профессиональное и ученая степень	3%, N = 98
Уровень дохода семьи	«Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания»	1%, N = 51
	«На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать»	8%, N = 290
	«На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности»	14%, N = 565
	«На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности»	40%, N = 1513
	«Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги»	32%, N = 1231
	«Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля»	5%, N = 193

Категории родителей в зависимости от участия в учебном процессе детей

Активность участия родителей в учебном процессе детей в целом довольно высока. Большинство родителей обеспечивают своих детей необходимыми для занятий принадлежностями, следят за текущими оценками, за посещаемостью уроков и поведением ребенка в школе, спрашивают ребенка о текущих проблемах и достижениях (рис. 1). В то же время только половина опрошенных родителей проверяют готовность домашних заданий и проектов ребенка и следят за тем, что ему задано на следующие уроки. Менее половины родителей помогают детям в выполнении заданий, поиске материала для занятий, объясняют темы по предметам; лишь четверть родителей сопровождают своих детей в школу. Естественно, степень проявления данных видов активности зависит от возраста ребенка, что будет рассмотрено ниже при анализе различных категорий родительского участия в учебном процессе.

Поскольку в рамках данного исследования родителям школьников были предложены вопросы о видах и интенсивности их участия в школьном образовании детей, предполагающие дихотомический выбор вариантов ответа (да или нет), полученные ответы могут иметь некоторую степень отклонения в сторону «социальных ожиданий». Однако есть основания предположить, что степень завышения незначительна — например, только 86 % респондентов ответили, что они «обес-

печивают ребенка необходимыми для занятий средствами...» (рис. 1). Данный показатель выглядит даже как несколько заниженный. Это позволяет сделать заключение, что вероятность «социально значимых» отклонений не оказывает существенного влияния на основные выводы.

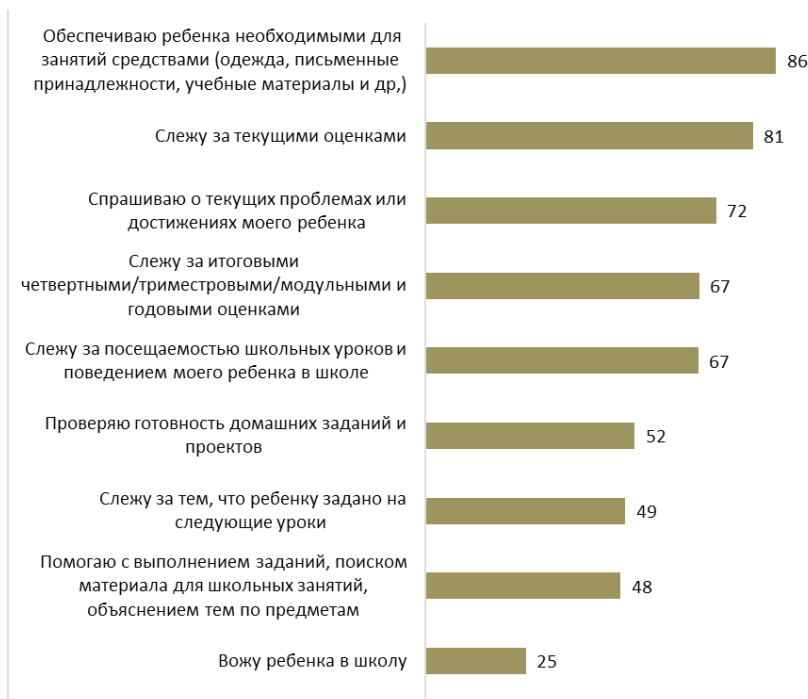

Рисунок 1. Статистика ответов родителей на вопрос «Принимаете ли Вы участие в учебном процессе Вашего ребенка, и если да, то каким образом?», %, N = 3887

Рассматриваемая совокупность родителей, принявших участие в обследовании, не является гомогенной с точки зрения участия в учебном процессе их детей. Результаты кластерного анализа позволили выделить пять категорий родителей в зависимости от участия в образовательном процессе (табл. 3).

«Опекуны» — самая распространенная категория в рассматриваемой выборочной совокупности респондентов (41%). Входящие в нее родители проявляют максимальный спектр активностей относительно участия в учебном процессе своих детей. Их участие объединяет три группы вариантов действий: материальное обеспечение учебного процесса ребенка, различные виды контроля за его поведением и успеваемостью, непосредственная помощь в подготовке к занятиям по предметам.

«Фасилитаторы» участвуют в материальном обеспечении ребенка, контролируют его посещаемость и поведение, успеваемость, интересуются его проблемами и достижениями в школе. К данной категории относится примерно одна пятая (21%) часть рассматриваемой выборочной совокупности.

Таблица 3. **Классификация родителей в зависимости от участия в учебном процессе детей***,
%, N = 3887

Наименование категории	Характеристика	Доля выборки
«Опекуны»	Обеспечиваю ребенка необходимыми для занятий средствами; слежу за посещаемостью школьных уроков и поведением моего ребенка в школе; слежу за текущими оценками; слежу за итоговыми четвертными/триместровыми/модульными и годовыми оценками; слежу за тем, что ребенку задано на следующие уроки; проверяю готовность домашних заданий и проектов; помогаю с выполнением заданий, поиском материала для школьных занятий, объяснением тем по предметам	41 %, N = 1601
«Фасилитаторы»	Обеспечиваю ребенка необходимыми для занятий средствами; слежу за посещаемостью школьных уроков и поведением моего ребенка в школе; слежу за текущими оценками; слежу за итоговыми четвертными/триместровыми/модульными и годовыми оценками; спрашиваю о текущих проблемах или достижениях моего ребенка	21 %, N = 835
«Спонсоры»	Обеспечиваю ребенка необходимыми для занятий средствами	16 %, N = 602
«Контролеры»	Обеспечиваю ребенка необходимыми для занятий средствами; слежу за посещаемостью школьных уроков и поведением моего ребенка в школе; слежу за текущими оценками; слежу за итоговыми четвертными/триместровыми/модульными и годовыми оценками	12 %, N = 459
«Невидимки»	Не участвую в учебном процессе ребенка	10 %, N = 390

* Представлены результаты кластерного анализа методом k-средних с пятью кластерами.

Участие «Спонсоров» в учебном процессе детей ограничивается материальной поддержкой, то есть обеспечением ребенка необходимыми для занятий средствами. В изучаемой выборочной совокупности доля таких родителей составляет 16 %.

Последние две категории — «Контролеры» и «Невидимки» — менее всего представлены в рассматриваемой совокупности (12 % и 10 % соответственно). При этом для «Контролеров» характерны такие виды участия, как обеспечение ребенка необходимыми для занятий средствами и контроль за посещаемостью, поведением и успеваемостью детей, а «Невидимки» не принимают никакого участия в учебном процессе своих детей.

Соотношение различных категорий родительского участия зависит от ступени обучения ребенка, то есть, фактически, от его возраста (табл. 4).

Таблица 4. Представленность различных категорий участия родителей в учебном процессе в зависимости от ступени обучения, %*

Категории участия родителей в учебном процессе	Начальная школа (1—4 класс) (N = 1192)	Средняя школа (5—9 класс) (N = 1926)	Старшая школа (10—11 класс) (N = 769)
«Опекуны»	62	40	13
«Фасилитаторы»	5	24	42
«Спонсоры»	16	14	19
«Контролеры»	7	13	13
«Невидимки»	10	9	13

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 633,869$; ст. св. = 8).

В наибольшей степени от ступени обучения ребенка зависит доля родителей, относящихся к категориям «Опекуны» и «Фасилитаторы»: процент родителей категории «Опекуны» максимальный в начальной школе (62%) и резко снижается при переходе ребенка в среднюю и затем в старшую школу (40% и 13% соответственно). Напротив, доля «Фасилитаторов» возрастает в пять раз при переходе ребенка из начальной в среднюю школу (с 5% до 24%) и затем еще почти вдвое — при переходе в старшую школу (42%). Доля «Контролеров» увеличивается от начальной к средней школе и далее остается без изменений. Процент родителей, участвующих только в обеспечении ребенка необходимыми для занятий средствами и не принимающих участия в учебном процессе («Спонсоры» и «Невидимки»), практически не зависит от ступени обучения.

Следует заметить, что такой вид участия родителей, как помощь с выполнением домашних заданий, поиск материала для занятий, объяснение тем по предметам, наиболее характерен для начальной школы и незначительно представлен в старшей школе. По мере взросления ребенка погруженность родителей в оказание ему помощи в учебе резко снижается, уступая место разговорам о текущих проблемах и достижениях школьника. В старшей школе родители несколько чаще ограничиваются простым контролем за посещаемостью, поведением и успеваемостью ребенка, не вдаваясь в подробности его обучения.

Социально-экономические характеристики семей

Прежде всего рассмотрим гендерное соотношение представителей каждой категории родителей. Статистически значимое влияние на гендерное соотношение оказывает только участие родителей категории «Фасилитаторы», среди которых женщины составляют 60%. Учитывая, что данная группа отличается от других в первую очередь беседами о текущих проблемах и достижениях ребенка, можно заключить, что к такому «психологическому» участию чаще тяготеют женщины. Напротив, среди родителей-«Невидимок» наибольшая доля мужчин в сравнении с другими категориями.

Среди важнейших характеристик семьи — образование родителей, род их трудовой деятельности, материальное положение и культурный капитал. Существенное влияние на распределение категорий участия родителей в учебном процессе оказывает уровень образования матери. Наибольший процент родителей, имеющих высшее образование, среди категории «Опекуны» (табл. 5). Данный факт вполне объясним: родители, окончившие вуз, склонны к проявлению разнообразных действий, направленных на оказание помощи детям в учебе — не только контролю посещаемости и успеваемости, но и принятию непосредственного участия в выполнении детьми домашних заданий и проектов. На втором месте по доле родителей с высшим образованием находится категория «Фасилитаторы». Как уже отмечалось, данная категория родительского участия больше всего представлена в старших классах, в то время как «Опекуны» — в начальной школе. Очевидно, родители младших школьников, имеющие высшее образование, чаще всего относятся к категории «Опекунов», а старшеклассников — к категории «Фасилитаторов». Меньше всего родителей с высшим образованием среди «Невидимок». Напротив, родители, имеющие среднее образование, менее всего представлены в категориях «Опекунов» и «Фасилитаторов». Больше всего родителей со средним образованием среди не принимающих участия в учебном процессе («Невидимки»).

Таблица 5. Категории родительского участия в учебном процессе (распределение по уровню образования матери, %)*

Категории участия родителей в учебном процессе	Образование матери (мачехи)			
	Среднее общее или ниже	Среднее или начальное профессиональное	Высшее, неоконченное высшее	Высшее профессиональное и ученая степень
«Опекуны» (N = 1586)	4	30	64	2
«Фасилитаторы» (N = 833)	3	33	60	4
«Спонсоры» (N = 598)	5	35	58	2
«Контролеры» (N = 454)	6	39	52	3
«Невидимки» (N = 384)	8	39	51	2

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 85,337$; ст. св. = 24).

Что касается распределения по роду занятий матери, то здесь значимое влияние выявлено для категорий «Опекуны» и «Невидимки». Среди «Опекунов» наибольший процент родителей, занимающих руководящие должности, и наименьшая доля родителей рабочих профессий (наряду с «Фасилитаторами»). Среди не участвующих в учебном процессе родителей («Невидимки») наименьшая доля специалистов и служащих, а также предпринимателей; в то же время рабочие и сельскохозяй-

ственные рабочие встречаются почти в два раза чаще, чем среди «Опекунов» и «Фасилитаторов» (табл. 6).

Таблица 6. Категории родительского участия в учебном процессе (распределение по роду занятий матери, %)*

Категории участия родителей в учебном процессе	Род занятий матери (мачехи)				
	Не работает	Рабочий, сельскохозяйственный рабочий	Служащий, специалист	Руководитель	Предприниматель, собственник фирмы
«Опекуны» (N = 1585)	18	8	60	9	5
«Фасилитаторы» (N = 833)	19	8	60	8	5
«Спонсоры» (N = 596)	21	9	59	6	5
«Контролеры» (N = 453)	17	11	62	5	5
«Невидимки» (N = 386)	18	15	56	8	3

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 90,602$, ст. св. = 48).

Все пять категорий родительского участия в учебном процессе довольно равномерно распределены в семьях с разным уровнем дохода. Статистически значимой связи между категориями участия родителей и субъективной оценкой материального благополучия семьи не выявлено. Количество книг в домашней библиотеке семьи, рассматриваемое в ряде международных исследований в качестве индикатора ее культурного капитала, также не показало статистически значимой связи с категориями родительского участия в учебном процессе.

Наконец, имеются определенные различия распределения категорий родительского участия в зависимости от типа населенного пункта. Так, московские родители реже всего ограничиваются покупкой для ребенка материалов и средств, необходимых для учебы («Спонсоры»), и чаще выступают в качестве «Опекунов» и «Фасилитаторов», в то время как жители поселков городского типа и сел чаще проявляют лишь формальное участие в учебном процессе, являясь «Контролерами» и «Спонсорами».

Категории участия родителей в образовательном процессе и успеваемость детей

На основании ответов родителей на вопрос, какие оценки преимущественно их ребенок получает в школе, была исследована взаимосвязь между различными типами родительского участия в учебном процессе и успеваемостью детей в школе (табл. 7).

Таблица 7. Структура успеваемости детей в зависимости от категорий участия их родителей в учебном процессе, %*

Категории участия родителей в учебном процессе	Бывают неудовлетворительные оценки («двойки»)	Чаще удовлетворительные оценки («тройки»)	В основном хорошие оценки («четверки»)	Только хорошо и отлично («четверки» и «пятерки»)	Только отличные оценки («пятерки»)	Индекс образовательных результатов**
«Опекуны» (N = 1486)	3	10	44	40	3	3,29
«Фасилитаторы» (N = 820)	4	10	44	39	3	3,28
«Спонсоры» (N = 522)	3	12	51	32	2	3,19
«Контролеры» (N = 437)	4	16	53	24	3	3,07
«Невидимки» (N = 339)	3	19	53	19	6	3,05

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 111,316$; ст. св. = 16).

** Для расчета индекса каждому варианту ответа присвоено целочисленное значение весового коэффициента от 1 — минимальная оценка успеваемости до 5 — максимальная с шагом в 1 единицу. Индекс рассчитан как сумма произведений весовых коэффициентов на долю выбравших соответствующий ответ. Диапазон возможных значений индекса: от 1 до 5.

Распределение оценок успеваемости, преимущественно получаемых детьми, демонстрирует следующие особенности в зависимости от категории участия родителей в учебном процессе. Наибольшая доля родителей, отметивших, что их дети получают преимущественно хорошие и отличные оценки, относится к категориям «Опекуны» и «Фасилитаторы». В структуре успеваемости детей, родители которых относятся к категориям «Спонсоры» и «Контролеры», преобладают удовлетворительные и хорошие оценки. Наибольшая доля родителей, отметивших, что их дети чаще всего получают удовлетворительные оценки, — среди тех, кто не принимает участия в учебном процессе («Невидимки»). Однако детей, получающих только отличные оценки, больше всего у родителей, не участвующих в их в образовании.

По-видимому, определенная когорта родителей, дети которых успешно справляются с учебой, не считают целесообразным принимать участие в их учебном процессе, предоставляя им возможность самостоятельной реализации в процессе получения образования.

Для сопоставления средних показателей успеваемости детей различных категорий родителей были рассчитаны индексы образовательных результатов (табл. 7). Их сравнение показывает, что наименьшие значения характерны для детей, родители которых не принимают участие в образовании («Невидимки»), а наиболее высокие — для детей «Опекунов» и «Фасилитаторов». Такие виды участия родителей в учебном процессе, как материальная поддержка («Спонсоры») и материальная поддержка с незаинтересованным контролем посещаемости, поведения и успеваемости, незначительно способствуют повышению образовательных результатов, по сравнению с полным отсутствием участия.

Таким образом, наиболее высокие показатели успеваемости характерны для тех детей, родители которых не только обеспечивают материальную поддержку учебного процесса, контролируют посещаемость, поведение и успеваемость своих детей, но и проявляют более высокую заинтересованность; соответственно, их участие более глубокое. Такие родители помогают детям выполнять домашние задания и искать материалы по предметам, стараются объяснять непонятные темы, а также интересуются текущими проблемами и достижениями ребенка. В то же время отсутствие участия родителей в учебном процессе негативно влияет на образовательные результаты, приводит к их снижению.

Поскольку представленность категорий родительского участия в учебном процессе различается на разных ступенях обучения, а данные проведенных исследований свидетельствуют, что степень влияния участия родителей на образовательные результаты детей существенно варьирует в зависимости от того, учится ли ребенок в начальной, средней или старшей школе [Jeunes, 2007], представляет интерес рассмотрение распределения образовательных результатов школьников в зависимости от категории родительского участия по ступеням обучения.

Структура успеваемости детей в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе в начальной, средней и старшей школе по оценкам, которые дети преимущественно получают, по мнению родителей, представлена в табл. 8, а индексы образовательных результатов детей в зависимости от категорий родительского участия по ступеням обучения — на рис. 2.

Наиболее значимая связь между категориями родительского участия и образовательными результатами школьников прослеживается на начальной и средней ступени обучения. В *начальной школе* самый высокий индекс образовательных результатов демонстрируют дети «Опекунов» и «Фасилитаторов» (3,45 и 3,46 соответственно), а наиболее низкий — дети родителей-«Невидимок» (3,04). Наибольший процент родителей детей, учащихся в начальных классах, отметивших, что в структуре успеваемости их детей преобладают неудовлетворительные либо удовлетворительные оценки, — среди «Невидимок» и «Контролеров». Примечательно, что самый высокий процент детей-отличников (получающих почти всегда только «пятерки») — также у родителей-«Контролеров». «Опекуны» и «Фасилитаторы» чаще всего отмечают, что их дети получают только хорошие и отличные оценки (табл. 8).

В *средней школе* структура успеваемости детей по категориям родительского участия в учебном процессе остается в целом сходной, с тем отличием, что наиболее высокий индекс образовательных результатов (хорошие и отличные оценки, см. табл. 8) показывают дети «Фасилитаторов» (рис. 2). Очевидно, значимость глубокого погружения родителей в учебный процесс с целью оказания помощи ребенку в домашнем обучении несколько снижается при переходе ребенка на среднюю ступень образования: при наступлении пубертата, сопровождающегося стремлением подростка к самостоятельности, более ценной оказывается стратегия фасилитирующего сопровождения родителем учебного процесса «на расстоянии».

Сопоставление индексов успеваемости детей в *старшей школе* показывает, что категории родительского участия уже не оказывают существенного влияния на успеваемость школьников, причем наименьший индекс образовательных результатов — у детей родителей категории «Контролеры» (рис. 2). Интересный факт:

наибольшая доля родителей, отметивших, что их дети получают только отличные оценки, — среди тех, кто не принимает участия в учебном процессе («Невидимки»); она в четыре раза превышает данный показатель для остальных категорий.

Интерпретируя результаты успеваемости детей, родители которых относятся к категории «Невидимки», следует обратиться к уже упомянутой «реактивной гипотезе»: уровень значимости родительского участия резко повышается, когда ребенок испытывает затруднения в учебе, плохо справляется с образовательной программой. В случае же успешного обучения значимость вовлечения родителей снижается, причем данная тенденция усиливается по мере взросления ребенка.

Можно предположить наличие внутренней дихотомии в составе кластера «Невидимок»: отстраненность родителей от участия в учебном процессе может быть обусловлена как их сознательной установкой на предоставление детям максимальной свободы, так и ограниченностью ресурсов (временных, материальных, интеллектуальных, культурных, и т. д.). По-видимому, в ряде случаев ориентация родителей на «свободное обучение» их детей, передача им ответственности за результаты обучения приводит к наиболее благоприятным последствиям, причем применение данной стратегии целесообразно именно на ступени старшей школы.

Таблица 8. Структура успеваемости детей в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе в начальной, средней и старшей школе, %

Категории участия родителей в учебном процессе	Бывают неудовлетворительные оценки («двойки»)	Чаше удовлетворительные оценки («тройки»)	В основном хорошие оценки («четверки»)	Только хорошо и отлично («четверки» и «пятерки»)	Только отличные оценки («пятерки»)
<i>Начальная школа (1—4 класс)*</i>					
«Опекуны» (N = 628)	2,7	5,7	38,1	51,0	2,5
«Фасилитаторы» (N = 41)	2,4	2,4	43,9	48,8	2,4
«Спонсоры» (N = 108)	0,9	6,5	53,7	36,1	2,8
«Контролеры» (N = 69)	1,4	10,1	50,7	30,4	7,2
«Невидимки» (N = 72)	2,8	15,3	59,7	19,4	2,8
<i>Средняя школа (5—9 класс)**</i>					
«Опекуны» (N = 762)	3,7	13,1	48,3	32,7	2,2
«Фасилитаторы» (N = 458)	2,8	12,0	42,8	38,9	3,5
«Спонсоры» (N = 263)	3,8	14,1	52,9	28,1	1,1
«Контролеры» (N = 267)	5,6	17,6	53,2	20,6	3,0
«Невидимки» (N = 168)	4,8	22,0	52,4	16,7	4,2

Категории участия родителей в учебном процессе	Бывают неудовлетворительные оценки («двойки»)	Чще удовлетворительные оценки («тройки»)	В основном хорошие оценки («четверки»)	Только хорошо и отлично («четверки» и «пятерки»)	Только отличные оценки («пятерки»)
<i>Старшая школа (10—11 класс)***</i>					
«Опекуны» (N = 96)	4,2	10,4	51,0	31,3	3,1
«Фасилитаторы» (N = 321)	4,7	9,0	45,2	38,9	2,2
«Спонсоры» (N = 151)	2,6	13,2	44,4	35,8	4,0
«Контролеры» (N = 101)	1,0	16,8	51,5	28,7	2,0
«Невидимки» (N = 99)	1,0	17,2	48,5	22,2	11,1

Статистика χ^2 значима на уровне: * $p < 0,000$ ($\chi^2 = 50,063$; ст. св. = 16); ** $p < 0,000$ ($\chi^2 = 57,905$; ст. св. = 16); *** $p < 0,001$ ($\chi^2 = 38,444$; ст. св. = 16).

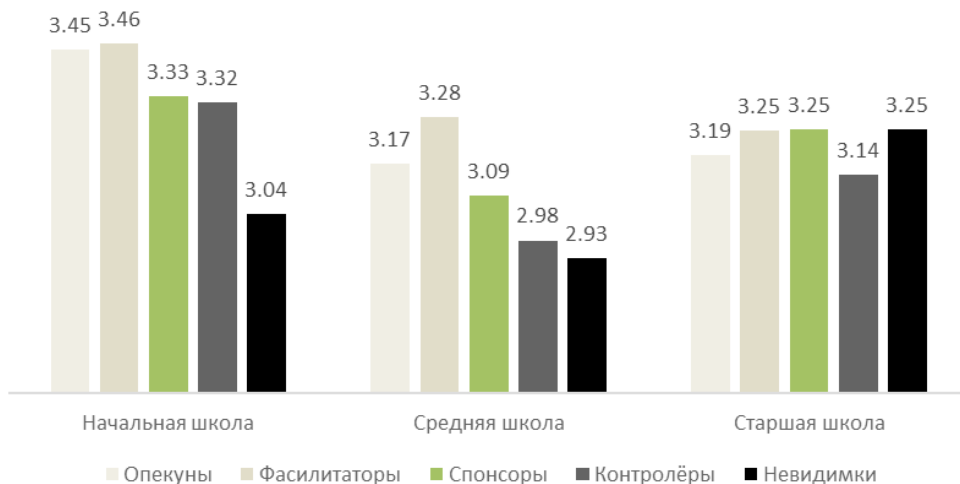

Рисунок 2. Индекс образовательных результатов детей в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе в начальной, средней и старшей школе

Планы учащихся старших классов на продолжение образования

Рассмотрение образовательных результатов на уровне старшей школы логично дополнить ракурсом видения родителями дальнейшей образовательной траектории их детей после окончания школы в семьях с различными типами родительского участия в образовании. Поэтому нами также был изучен вопрос о том, какие образовательные перспективы видят для себя дети и их родители каждой из пяти категорий родительского участия в учебном процессе.

Среди детей родителей, относящихся к категориям «Спонсоры» и «Невидимки», наибольший процент тех, кто не планирует продолжать образование после окончания школы либо еще не определился с выбором дальнейшей образовательной траектории (табл. 9). Дети родителей-«Контролеров» примерно в три раза чаще, по сравнению с остальными категориями, ориентируются на получение среднего профессионального образования, в то время как на учебу в вузе больше всего настроены дети «Опекунов» и «Фасилитаторов».

Обращает на себя внимание доля детей, планирующих получать высшее образование, среди тех родителей, которые не участвуют в учебном процессе («Невидимки»). В этой группе она достаточно высока и превышает показатели категорий «Контролеры» и «Спонсоры». Данное обстоятельство, по-видимому, еще раз свидетельствует о неоднородности семей, относящихся к данному кластеру, и о различиях факторов, лежащих в основе родительского невмешательства в учебный процесс. Вполне естественно, что среди старших школьников имеется определенная категория молодых людей, четко определившихся с будущей профессией и необходимым для нее образованием, способных самостоятельно организовать подготовку к сдаче ЕГЭ и, соответственно, практически не нуждающихся в помощи родителей. В то же время в социально неблагополучных семьях, а также в тех, где родители обладают низким образовательным и культурным капиталом, не имеют высшего образования, дети могут не быть ориентированы на продолжение учебы после окончания школы.

Таблица 9. Планы учащихся старших классов на продолжение образования в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе, %*

Категории участия родителей в учебном процессе	Учиться в вузе	Получать среднее профессиональное образование	Не планируют продолжать образование	Не определились
«Опекуны» (N = 97)	86	5	1	8
«Фасилитаторы» (N = 321)	91	2	2	5
«Спонсоры» (N = 151)	79	5	5	10
«Контролеры» (N = 101)	77	14	0	9
«Невидимки» (N = 99)	81	5	4	10

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 40,156$; ст. св. = 12).

Вовлеченность детей в дополнительные образовательные занятия

Исследования [Косарецкий и др., 2016] показывают различия в характеристиках участия детей в дополнительном образовании и использования свободного времени в зависимости от материального достатка семьи и уровня образования матери. Учитывая выявленную взаимосвязь между участием родителей в учебном

процессе и образовательными результатами их детей, планами на продолжение образования после школы, а также неоднородность представленности различных категорий родительского участия в семьях с различными социально-экономическими характеристиками, важно рассмотреть вовлеченность детей в дополнительное образование для каждого кластера родительской вовлеченности.

Практически неисследованной остается взаимосвязь между видами участия родителей в учебном процессе детей в основном образовании и степенью вовлеченности детей в дополнительные образовательные занятия (кружки, секции, клубы, студии). Проведенный анализ вовлеченности детей в дополнительное образование в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе показал наличие статистически значимых связей для всех переменных.

Родители, в наибольшей степени участвующие в учебном процессе («Опекуны» и «Фасилитаторы»), в три раза реже, по сравнению с другими категориями, отмечают, что их ребенок никогда не посещал никакие дополнительные занятия (табл. 10). При этом дети данных категорий родителей наиболее часто посещают два и более объединения дополнительного образования (52 % — для «Опекунов» и 44 % для «Фасилитаторов»). Примечательно, что родители категории «Фасилитаторы» значительно чаще, по сравнению с «Опекунами», отмечают, что их ребенок ранее посещал дополнительные занятия, а сейчас не посещает. Известно, что существуют определенные сложности с вовлечением старшеклассников в дополнительное образование, а среди детей «Фасилитаторов» наибольшая доля старшеклассников (табл. 4). Среди родителей, не участвующих в учебном процессе («Невидимки»), наибольший процент тех, кто отмечает, что их ребенок никогда не посещал дополнительные занятия (18 %), либо ранее посещал, но сейчас не посещает (31 %).

Таблица 10. Вовлеченность детей в дополнительные образовательные занятия (кружки, секции, клубы, студии) в зависимости от категорий участия родителей в учебном процессе, %*

Категории участия родителей в учебном процессе	Никогда не посещал	Ранее посещал, сейчас не посещает	Посещает один кружок, секцию, клуб, студию	Посещает два кружка, секции, клуба, студии	Посещает три или более кружков, секций, клуба, студии
«Опекуны» (N = 1599)	6	17	25	27	25
«Фасилитаторы» (N = 832)	5	27	23	24	20
«Спонсоры» (N = 601)	16	21	23	19	20
«Контролеры» (N = 459)	13	28	25	22	12
«Невидимки» (N = 389)	18	31	19	18	14

* Статистика χ^2 значима на уровне: $p < 0,000$ ($\chi^2 = 229,293$; ст. св. = 16).

Выявленная взаимосвязь между вовлеченностью детей в дополнительное образование и участием родителей в учебном процессе в рамках основного образования представляется очевидной, однако причины, лежащие в ее основе, тре-

буют отдельного специального рассмотрения. Можно предположить, что родители, в максимальной степени заинтересованные в оказании помощи ребенку в учебе в школе, следящие за его успеваемостью и поведением, ориентированы также и на получение их ребенком дополнительного образования, стремятся записать его в несколько кружков или секций.

Заключение

Проведенный анализ эмпирических данных, полученных в результате опроса родителей, показал, с одной стороны, довольно высокую в целом степень вовлеченности родителей в учебный процесс их детей, а с другой — наличие существенной неоднородности типов активности, проявляемых родителями относительно участия в учебном процессе.

Выделенные в процессе анализа типологические группы родителей по их участию в учебном процессе («Опекуны», «Фасилитаторы», «Спонсоры», «Контролеры», «Невидимки») отражают специфику различных вариантов вовлеченности — от принятия максимального участия до полной отстраненности от учебного процесса.

Полученная в ходе исследования кластерная модель демонстрирует определенное сходство с типологиями, предложенными в зарубежных исследованиях. Практически в каждой из них можно выделить «высшие» и «первичные» типы родительской вовлеченности. Так, в исследовании [Vogels, 2002] к «высшим» типам можно отнести «Партнеров» и «Участников», а «Делегатов» — к «первичному» типу. В нашем исследовании категории «Опекуны» и «Фасилитаторы» являются «высшими» типами вовлеченности, в то время как «Контролеры» и «Спонсоры» — «первичными». Не рассматривая в данном контексте родителей, полностью исключенных из образовательного процесса («Невидимки»), можно заключить, что важной характеристикой «первичных» типов участия, в отличие от «высших», является тенденция к передаче ответственности за обучение детей образовательным организациям, оставляющая родителям функцию контроля (зачастую формального) над учебным процессом, либо даже его простого материального сопровождения. При этом «высшие» типы участия чаще характерны для родителей с высоким социально-экономическим статусом, что согласуется с результатами ранее проведенных отечественных и зарубежных исследований [Vogels, 2002; Скударева, 2014].

Тип вовлеченности сильно связан с возрастом ребенка, что наиболее ярко проявляется на «высших» типах. Среди родителей, дети которых учатся в начальной школе, преобладает категория «Опекунов», а «Фасилитаторов» больше среди родителей старшекласников.

Дети родителей категорий «Опекуны» и «Фасилитаторы» демонстрируют наиболее высокие образовательные результаты, а если родители не принимают участие в учебном процессе («Невидимки»), индекс образовательных достижений детей минимален. Глубокая вовлеченность родителей в образовательный процесс, проявляющаяся в оказании помощи детям в подготовке домашних заданий, поиске и объяснении материала, проявлении интереса к проблемам и достижениям ребенка, сопровождается более высокими учебными достижениями детей, по сравнению с простым контролем посещаемости, успеваемости и поведения.

Выявлена значимая связь между типами участия родителей в учебном процессе и вовлеченностью детей в дополнительное образование: дети родителей категорий «Опекуны» и «Фасилитаторы» значительно чаще посещают два и более объединения дополнительного образования, в то время как дети родителей, не принимающих участия в учебном процессе («Невидимки»), чаще всего не посещают ни одного кружка.

Неоднородность образовательных результатов и планов на продолжение образования у детей, родители которых не принимают участия в образовании (что может быть обусловлено как сознательной ориентацией на предоставление ребенку самостоятельности, так и простым равнодушием), свидетельствует о наличии внутренней латентной структуры в составе данного кластера. Целесообразно продолжение исследований по этому вопросу, в том числе здесь может быть уместно проведение анализа латентных классов, так же как и применение качественных методов исследования (глубинные интервью, фокус-группы, и др.).

Список литературы (References)

Антипкина И. В. Исследования «родительской вовлеченности» в России и за рубежом // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1. № 4 (41). С. 102—114.

Косарецкий С. Г., Куприянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168—190.

Скударева Г. Н., Шишова Г. Г. Новые возможности активизации взаимодействия родителей и школы // Начальная школа. 2014. № 8. С. 25—29.

Altschul I. (2012) Linking Socioeconomic Status to the Academic Achievement of Mexican American Youth Through Parent Involvement in Education. *Journal of the Society for Social Work and Research*. Vol. 3. P. 13—30. <https://doi.org/10.5243/jsswr.2012.2>.

Bandura A. (1977) *Social learning theory*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Boethel M. (2003). *Diversity: School, family, & community connections*. Austin, TX: Southwest Educational Development Laboratory. URL: <http://www.sedl.org/connections/resources/diversity-synthesis.pdf> (accessed 23.02.2019).

Bourdieu P. (1977) *Algérie 60: structures économiques et structures temporelles*. P.: Minuit. 123 p.

Charles V. I., Roger P. W., Wesley J. K., Fendrich M. A. (1999) Longitudinal assessment of teacher perceptions of parent involvement in children's education and school performance. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 27. No. 6. P. 817—839. <https://doi.org/10.1023/A:1022262625984>.

Chrispeels J. (1996) *Effective schools and home-school-community partnership roles: a framework for parent involvement, School Effectiveness and School Improvement*. Vol. 7. P. 297—324. <https://doi.org/10.1080/0924345960070402>.

Davies D. (1988). Low-income parents and the schools: A research report and plan for action. *Equity and Choice*. Vol. 4 (3). P. 51—59.

Driessen G., Smit F., Slegers P. (2005) Parental Involvement and Educational Achievement. *British Educational Research Journal*. Vol. 31. No. 4. P. 509—532. <https://doi.org/10.1080/01411920500148713>.

Epstein J. (1987) Teacher practices of parent involvement: What research says to teachers and administrators. *Education in Urban Society*. Vol. 19. P. 119—136. <https://doi.org/10.1177/0013124587019002002>.

Epstein J. (1995) School/family/community partnerships: caring for the children we share, *Phi Delta Kappan*, May. P. 701—712.

Fagnano C. L., Werber B. Z. (1994) School, family, and community interaction. San Francisco: Westview Press.

Ferguson C., Ramos M., Rudo Z., Wood L. (2008) The school-family connection: Looking at the larger picture: A review of current literature. Austin, TX: National Center for Family and Community Connections with Schools at Southwest Educational Development Laboratory (SEDL). URL: <http://www.sedl.org/connections/resources/sfclitrev.pdf> (accessed 23.02.2019).

Finn J. D. (1998) Parental engagement that makes a difference. *Educational Leadership*. Vol. 58 (2). P. 35—42.

Flecha R., Soler M. (2013) Turning difficulties into possibilities: Engaging 10 Roma families and students in school through dialogic learning. *Cambridge Journal of Education*. Vol. 43(4). P. 451—465. <https://doi.org/10.1080/0305764X.2013.819068>.

Giallo R., Treyvaud K., Matthews J., Kienhuis M. (2010) Making the Transition to Primary School: An Evaluation of a Transition Program for Parents. *Australian Journal of Educational & Developmental Psychology*. Vol 10. P. 1—17.

Greene K., Anyon J. (2010) Urban School Reform, Family Support, and Student Achievement. *Reading & Writing Quarterly*. Vol. 26 (3). P. 223—236. <https://doi.org/10.1080/10573561003769608>.

Hoover-Dempsey K.V., Walker J.M.T., Sandler H.M. (2005). Why do parents become involved? Research findings and implications. *Elementary School Journal*. Vol. 106. No. 2. P. 105—130. <https://doi.org/10.1086/499194>.

Jeynes W. (2007) American Educational History: School, Society & the Common Good. Thousand Oaks, CA: Sage.

Jeynes W. (2003) A Meta-Analysis The Effects of Parental Involvement on Minority Children's Academic Achievement. *Education and Urban Society*. Vol. 35 (2). P. 202—218. <https://doi.org/10.1177/0013124502239392>.

Lareau A. (1987) Social Class Differences in Family-School Relationships: The Importance of Cultural Capital. *Sociology of Education*. Vol. 60. No. 2. P. 73—85. <https://doi.org/10.2307/2112583>.

Lee J., Bowen N. K. (2006). Parent involvement, cultural capital, and the achievement gap among elementary school children. *American Educational Research Journal*. Vol. 43. No. 2. P. 193—218. <https://doi.org/10.3102/00028312043002193>.

Linse C. T. (2011). Creating taxonomies to improve school-home connections with families of culturally and linguistically diverse learners. *Education and Urban Society*. Vol. 43. P. 651—670. <https://doi.org/10.1177/0013124510380908>.

Mau W.-Ch. (1997) Parental influences on the high school students achievement: A comparison of Asian immigrants, Asian Americans, and white Americans. *Psychology in the Schools*. Vol. 34 (3). P. 267—277.

Olmsted P. (1991) Parent involvement in elementary education: Findings and suggestions from the Follow Through program. *The Elementary School Journal*. Vol. 91. P. 221—230. <https://doi.org/10.1086/461649>.

Patrikakou E., Weissberg R. (2000) Parents' perceptions of teacher outreach and parent involvement in children's education. *Journal of Prevention and Intervention in the Community*. Vol. 20 (1/2). P. 103—119. https://doi.org/10.1300/J005v20n01_08.

Sui-Chu E.H., Willms J. D. (1996) Effects of parental involvement on eighth-grade achievement. *The Sociological Quarterly*. Vol. 69. P. 126—141.

Vogels R. (2002) Ouders bij de Les. Betrokkenheid van Ouders bij de School van hun Kind (Den Haag, SCP).

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.14

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П., Степанов А. М. Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 304—317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14>.

For citation:

Lisitsyn P.P., Stepanov A.M. (2019) Moving from Tajikistan to Russia: myths and reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 304—317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14>.

П. П. Лисицын, А. М. Степанов

ПЕРЕЕЗД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЮ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ПЕРЕЕЗД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЮ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

MOVING FROM TAJIKISTAN TO RUSSIA: MYTHS AND REALITY

ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: fox_sociology@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

Pavel P. LISITSYN^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor

E-MAIL: fox_sociology@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8617-5730>

СТЕПАНОВ Александр Михайлович — кандидат социологических наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: 9160001@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1414-9960>

Alexandr M. STEPANOV^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor; Reserch Fellow

E-MAIL: 9160001@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1414-9960>

¹ St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного в России и Таджикистане в 2017—2018 гг. Целью исследования было сопоставление ожиданий мигрантов с реальностью принимающей стороны. Метод исследования — глубинное интервью с четырьмя группами информантов: трудовыми мигрантами ($N=40$, Самара, Иваново, Москва) и посредниками, обеспечивающими их официальными документами и работой на территории России ($N=12$, Самара, Иваново, Москва), готовящимися к отъезду в Россию гражданами Таджикистана ($N=20$, Душанбе) и представителями профсоюзов и работодателей Таджикистана ($N=4$, Душанбе, Худжанд, Бохтар (Курган-Тюбе)).

Ключевые слова: трудовая миграция, посредники миграционных процессов, выталкивающие и притягивающие факторы миграции

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-20107.

Введение

В статье проводится сравнительный анализ ожиданий мигрантов из Таджикистана от приезда в Россию и реальности, с которой они сталкиваются на принимающей территории. Материалы статьи основаны на результатах трех взаимодополняющих друг друга эмпирических исследований. Первое проведено в городах республики Таджикистан и посвящено реалиям жизни и устройству на работу в Таджикистане. Цель этого этапа заключалась в выявлении контекстов повседневности, обуславливающих ожидание потенциальных мигрантов от переезда в Россию. В исследовании, методами которого были экспертные интервью и анализ статистической информации, анализировались как демографические, так и экономические факторы: рождаемость, рынок труда, развитие строительного и финансового секторов экономики, условия и оплата труда. Второе исследование проводилось в Душанбе и было нацелено на выявление личных ожиданий потенциальных мигрантов от предстоящего переезда в Россию, в том

Abstract. The article presents the results of the author's empirical research in Russia and Tajikistan in 2017–2018. The aim of the research was to compare the expectations of the migrants with reality. The research was conducted using in-depth interview technique, four groups of informants participated: labor migrants ($N=40$, Samara, Ivanovo, Moscow) and intermediaries providing them with official documents and work in Russia ($N=12$, Samara, Ivanovo, Moscow), citizens of Tajikistan ready to leave Tajikistan for Russia ($N=20$, Dushanbe) and representatives of trade unions and employers of Tajikistan ($N=4$, Dushanbe, Khujand, Bokhtar (former Kurgan-Tube)).

Keywords: labor migration, intermediaries of migration processes, push and pull factors of migration

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 17-78-20107.

числе и ожиданий относительно простоты или сложности достижения поставленных целей. При реализации данного этапа проведена серия глубинных интервью с потенциальными трудовыми мигрантами в Россию. Третье исследование проводилось уже на территории России, в Москве, Самаре и Иванове. Объектом исследования выступили мигранты и работодатели/посредники из Таджикистана, в ходе глубинных интервью с которыми были получены данные об их миграционном опыте в России. В фокусе внимания находились условия проживания и работы мигрантов из Таджикистана в России, возникающие сложности с поиском работы и оформлением документов.

Структура статьи обусловлена этапностью сбора эмпирического материала и разделена на три смысловые части, которые последовательно раскрывают результаты обозначенных выше исследований, в заключении приведены результаты сравнительного анализа ожиданий мигрантов относительно жизни и работы в России и реальности, с которой они сталкиваются по приезду.

Демографические и экономические условия в стране исхода

Традиционно считается, что развитие глобального рынка рабочей силы инициируется за счет нехватки трудовых ресурсов у одних участников процесса и переизбытка у других, а также за счет различий в условиях и оплате труда. Не принимая в целом это утверждение [Лисицын, 2016], однако соглашаясь с тем, что представленные факторы в значительной степени оказывают влияние на миграционную активность населения страны исхода, авторы обращаются к характеристикам экономико-демографической ситуации в Таджикистане. Представленные ниже характеристики не столько описывают выталкивающие факторы, способствующие миграционной активности населения Таджикистана, сколько служат более глубокому пониманию ожиданий мигрантов от страны-реципиента.

Анализ статистических данных и результатов интервью с экспертами (представителями научного сообщества России и Таджикистана), проведенных в 2018 г., позволил сформулировать следующие выводы, характеризующие контексты повседневной жизни потенциальных мигрантов, которые могут рассматриваться как предпосылки для принятия решения о переезде.

1. Экономическая ситуация в Таджикистане характеризуется переизбытком трудовых ресурсов или, другими словами, нехваткой рабочих мест.

2. Значительная доля работоспособного населения Таджикистана занята на проектных и сезонных работах.

3. Достаточно распространена ситуация выплаты заработной платы «в конвертах», без официального договора.

4. Высокий уровень бедности.

Остановимся на каждом пункте подробнее. В первую очередь обратимся к фактору *переизбытка трудовых ресурсов*. Население Таджикистана на конец 2017 г. насчитывало 8 965 827 человек¹ при годовом приросте населения в 2,24%. Доля граждан трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) составляет 62,7% от общей

¹ Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrymeters.info/ru/Tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

численности населения², что в абсолютных числах соответствует 5 621 932 человек при примерно равном распределении по половому признаку. При этом, по официальным данным, в экономике Таджикистана занято 2 385 000³, то есть примерно половина от общего числа трудоспособного населения. Согласно исследованию таджикских ученых [Раджаббой, 2018], спрос на рабочие места удовлетворялся в 2016 г. всего на 11,9%, а оставшаяся часть трудоспособного населения оставалась безработной. Эти же тенденции подтверждаются и в докладе Всемирного Банка⁴, согласно которому молодежь Таджикистана имеет низкие показатели трудоустройства: 40% молодежи в Таджикистане не работают и не учатся.

Высокий уровень безработицы (отрицаемый официальной статистикой, согласно которой ее уровень составляет 2,3%)⁵ подтверждают исследования, основанные на статистических моделях Международной организации труда; эти исследования показывают безработицу на уровне 10,8%⁶. Сложности с подсчетом предложений рабочих мест в Таджикистане и доли занятых в экономике граждан возникают в том числе из-за большого количества сезонных и проектных работников, а также в связи с распространенностью «серых» схем оформления трудовых соглашений. Большое количество сезонных работ обусловлено тем, что основная часть рабочей силы Таджикистана (примерно 45,3% от общей занятости) привлекается в сельское хозяйство⁷. При этом государственная статистика говорит о том, что работодатель обеспечивает официально оплачиваемой работой лишь 13% от общего числа занятого населения, 39% нанимаются без контракта, а 18% — неоплачиваемые работники в семейной сфере⁸.

Фиксируя *высокий уровень бедности* в Таджикистане, мы основываемся не только на данных официальной статистики, согласно которой уровень бедности в 2016 г. составил 30,3%, а уровень крайней бедности — 14%⁹, но и на исследованиях таджикских коллег, а именно на данных независимого обследования «Слушая Таджикистан» (результаты которого были представлены экономистами Всемирного банка У. Сайцем и А. Раджаббоем). Его авторы вводят понятие субъективной бедности, определяющими критериям которой являются не только денежные потрясения, но и «перебои в электроснабжении, потеря работы, болезни

² Население Таджикистана [Электронный ресурс]. URL: <http://countrysmeters.info/ru/Tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

³ Таджикистан в цифрах. Статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017. С. 39—41.

⁴ Таджикистан: 25 лет государственной независимости: статистический сборник. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016. С. 98.

⁵ Группа Всемирного банка. Повышенная уязвимость несмотря на устойчивый / Доклад об экономике, осенний выпуск 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/851101514559808994/Tajikistan-CEU-Fall-2017-rus.pdf> (дата обращения: 04.08.2018).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Статистические ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017. С. 90.

⁹ Группа Всемирного банка. Повышенная уязвимость несмотря на устойчивый / Доклад об экономике, осенний выпуск 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/851101514559808994/Tajikistan-CEU-Fall-2017-rus.pdf> (дата обращения: 04.08.2018).

и отсутствие достаточных средств для оплаты самых основных потребностей»¹⁰. Результаты их обследования показывают, что 70 % от общего числа опрошенных жителей Таджикистана считают себя «бедными», что более чем в два раза выше показателя официальной статистики¹¹. Кроме того, необходимо отметить, что даже наличие постоянной работы не гарантирует преодоления бедности: так, на конец 2017 г. официальный уровень минимальной заработной платы в Таджикистане составлял 800 сомони (84,97 долл. США)¹², а средняя заработная плата в начале 2018 г. — 1135,16 сомони (121 долл. США). Это самым низкий показатель среди стран СНГ¹³.

Официальная статистика не может продемонстрировать точную картину жизни в Таджикистане. Во-первых, представители практически каждого домохозяйства имеют опыт кроссграничной трудовой миграции, во-вторых, высок процент работников «серого» правового поля. Вот что об этом в проведенном авторами в 2017 г. интервью говорит один из экспертов-практиков¹⁴ в области трудовых отношений и найма рабочей силы:

«Средняя заработная плата в сфере строительства — около 250 долларов США. Ну, тут такое дело — в эту статистику нельзя верить, так как 90 % рабочих получают деньги в конвертах, какие там двести долларов? Получается реально что-то около 500 долларов».

В данном примере информант описывает ситуацию в столице Таджикистана, но подобное наблюдается и в других регионах (согласно проведенным интервью).

Приведем пример из другого экспертного интервью в Хатлонской области Таджикистана г. Бохтар (Курган-Тюбе):¹⁵

Интервьюер: Сколько у Вас средняя заработная плата у рабочих?

Р: Около 500—680 сомони.

И: Это по ведомости?

Р: По ведомости.

И: А в руки еще дают?

Р: Ну как... ну, наверное, еще около двух тысяч, не больше.

Повсеместная практика «серого» правового поля при найме работников в Таджикистане позволяет говорить о том, что к официальной заработной плате нанятых на работу людей исследователи вправе добавлять около 100 % неофициальной. Подобные случаи касаются работников сферы строительства, сельскохозяйственных работников, однако они нехарактерны для государственных

¹⁰ Всемирный банк [Электронный ресурс] // Слушая Таджикистан: обследование благосостояния горожан. URL: <http://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/tajikistan/brief/listening2tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

¹¹ Всемирный банк [Электронный ресурс] // Слушая Таджикистан: обследование благосостояния горожан. URL: <http://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/tajikistan/brief/listening2tajikistan> (дата обращения: 04.08.2018).

¹² Тарасов А. Зарплаты в Таджикистане [Электронный ресурс]. URL: <https://visasam.ru/emigration/pereezdsng/zarplata-v-tadzhikiastane.html> (дата обращения: 04.08.2018).

¹³ Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Пресс-релиз об итогах деятельности министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за 2017 г. URL: <http://www.mehnat.tj/mehnat/?p=1768&lang=ru> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁴ Авторы не называют точную должность и место работы эксперта из-за условий конфиденциальности предоставленной информации.

¹⁵ Авторы не называют точную должность и место работы эксперта из-за условий конфиденциальности предоставленной информации.

служащих. Несмотря на то, что государственные органы борются за легализацию доходов населения, ситуация в целом не меняется. Так, в 2017 г., согласно отчету Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, было проведено 2559 проверок (в частности, 615 внеплановых) хозяйствующих субъектов, в результате которых за совершение административных правонарушений в сфере труда и занятости населения 577 работодателей были оштрафованы на общую сумму 615 500 сомони¹⁶.

Вот что о работе государства по искоренению неофициальных заработков говорит один из экспертов-практиков¹⁷:

«Государство в этом очень заинтересовано (сбор налогов). Оно разработало программу по искоренению... снижению уровня неформальной занятости. Трехгодичная программа. Для этого между федерацией профсоюзов наших создали трехстороннее соглашение — государство, работодатель, федерация, — там этот пункт включен. Но тут одна тонкость — если бы искоренить неформальную занятость, тогда считай, что 50—60 % фирм обанкротятся. Большие налоги идут — 25 % в фонд социальной защиты, 14 % с зарплаты, 1 % еще в пенсионный фонд. Это сколько получается? — Сорок».

«Серое» правовое поле также поддерживается временным трудоустройством на проектные и сезонные работы, что подтверждается словами работодателя в Душанбе:

«Нет постоянных бригад. Есть только инженерно-технические работники, начальство и бухгалтер. Набираем, они работают, опять отпускаем их. Вот определенную часть труда сделали, отпускаем каменщиков. И так далее. Потом штукатурщиков, отделщиков. Их держать невыгодно. Это надо платить, надо им отпуска давать».

Подобное объяснение приводят и работодатели из города Худжанд:

«Маленькая зарплата, отпускные не дают, предпенсионные проблемы. Он же три месяца работает, шесть месяцев безработный. Не оформлен он, неформально занятый, и я не могу его оформлять. Как же я оформлю, если сам тогда банкротом стану».

Домохозяйствам в условиях безработицы существенно помогает трансграничная трудовая миграция, которая не учитывается официальной статистикой, характеризующей общее экономическое положение граждан Таджикистана. Основные направления отъезда — Россия, Казахстан и Евросоюз.

Каким же образом представленные выше результаты, характеризующие экономическую и демографическую ситуацию в Таджикистане, могут быть полезны при изучении ожиданий трудовых мигрантов от переезда в Россию? Мы уже подчеркивали, что экономические и демографические характеристики важны не столько для описания выталкивающих факторов, способствующих миграционной активности населения Таджикистана, сколько для более глубокого понимания ожиданий мигрантов от страны-реципиента. Мы можем предположить, что описанная ситуация устройства на работу является для граждан Таджикистана обычной и повседневной, а значит приемлема и в других странах, например, в России.

¹⁶ Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Пресс-релиз об итогах деятельности министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за 2017 г. URL: <http://www.mehnat.tj/mehnat/?p=1768&lang=ru> (дата обращения: 04.08.2018).

¹⁷ Авторы не называют точную должность и место работы эксперта из-за условий конфиденциальности предоставленной информации.

К числу приемлемых условий труда на принимающей территории, исходя из наших предположений, могут быть отнесены следующие: включенность в «серое» правовое поле при устройстве на работу в России, любой характер труда, устройство на временную или сезонную работу, а также заработная плата выше 400—500 долл. США.

Представление потенциального мигранта об условиях проживания и труда в России

В данной части представлены результаты исследования в Душанбе, где летом 2017 г. методом глубинных интервью были опрошены 20 потенциальных трудовых мигрантов — граждан республики Таджикистан, находящихся в системе действий (покупка билетов, поиск контактов в России, сбор денег для отъезда), заключающихся в подготовке к переезду в Россию с целью трудоустройства. Поиск информантов происходил по методике «снежного кома», когда через контакты первых информантов исследователи получали доступ к последующим. Все информанты — мужчины в возрасте от 18 до 25 лет, не имеющие в прошлом миграционного опыта.

Учитывая, что для трудовых мигрантов определены две основные цели переезда на новое место — повышение благосостояния и улучшение условий труда [Резаев, Лисицын, 2015], — настоящее исследование, выделяя ожидания потенциальных мигрантов от переезда в качестве предмета, фиксировало их планы и субъективное ощущение от перспектив достижения намеченных целей. Также в фокусе внимания были источники формирования мнения и ожиданий от предстоящего переезда.

В рамках интервью были сформулированы вопросы о проблемах поиска работы, применения трудовых навыков мигранта на новой работе, о поддержке со стороны землячков, проживающих на новом месте, ожидаемом уровне заработной платы и условиях труда, уровне жизни, а также рациональных и иррациональных страхах информантов. Помимо этих вопросов затрагивались темы, касающиеся готовности мигранта нарушить закон страны пребывания, его готовности быть «эксплуатируемым».

В результате этого исследовательского этапа удалось выделить, по сути, мифологизированные представления потенциальных мигрантов о принимающей стране (в данном случае о России), предстающие перед нами в виде определенных ожиданий, таких как:

- ожидание легкого устройства на работу;
- ожидание незамедлительной помощи землячков по приезде в Россию;
- ожидание увеличения уровня дохода на 100%—120%;
- ожидание бесконфликтного взаимодействия с местным населением;
- ожидание легкой легализации на территории РФ.

Перед тем как подробнее рассмотреть каждое из сформулированных представлений или ожиданий от переезда, обратимся к источникам, из которых потенциальные трудовые мигранты получают информацию о новом месте пребывания, а также продемонстрируем фактические знания информантов о России.

Для всех исследуемых потенциальных мигрантов источниками информации о России служили истории людей (знакомых или родственников), которые уже

побывали в России на заработках. Эти истории необязательно передавались непосредственно от участника миграционного процесса к нашим информантам напрямую. Так, в двух случаях информанты получали информацию от родственников уехавшего в Россию на заработки, а в одном случае — из собственных наблюдений за соседом и его семьей, имеющей опыт работы в России. Остальные 17 информантов получали информацию напрямую от участников миграционного процесса. Таким образом, вся информация о России и пребывании в ней была получена информантами из рассказов людей, напрямую или косвенно имеющих соответствующий опыт. Несмотря на то, что ключевым фактором для отбора информантов была осуществляемая система действий, направленная на отъезд в Россию, можно утверждать, что фактические знания о новом месте пребывания у них полностью отсутствовали. Это касается знания законов и формальных правил пребывания на принимающей территории, культуры, традиций, географических достопримечательностей, истории, климатических условий («холодно»). В большинстве случаев это усугублялось плохим знанием русского языка.

Начнем с ожидания *легкого устройства на работу*. По ощущениям потенциальных мигрантов, проблем с поиском работы у них не возникнет по причине того, что им уже точно известно место, где они будут работать, так как приглашение на работу они получили от родственников или знакомых (часто через вторые и третьи руки), уже находящихся в России. Как правило (в 19 случаев из 20), информант планировал выехать либо на подмену, возвращающемуся на родину земляку, либо на открывшуюся вакансию на той же работе, где трудится его земляк.

Вот как эту ситуацию описывает один информант:

«Два раза уже звали, но я теперь один остался тут. Отец должен вернуться, там и брат работает уже год... ткацкий станок, они подушки шьют, сейчас на время поеду, потом посмотрим, но брат там встретит... (перевод)».

Тезис относительно *ожидаемой помощи земляков* по приезде в Россию перекликается с ожиданием *легкого поиска работы*, а также с легкой *легализацией на территории РФ*. Именно на плечи земляков ложится бремя легализации и поиска работы, обсуждения условий труда с работодателем. Всю ответственность за собственное благополучие на новом месте потенциальные мигранты перекладывают на тех, кто встречает их в России. Ответ на вопрос, насколько это опрометчиво, мы постараемся дать в следующей части статьи.

Уровень заработной платы, по их мнению, должен будет увеличиться в среднем на 110% по отношению к тому, что они получали или могли бы получать на родине. Не представляя условий труда или возможного уровня и условий жизни на новой территории, информанты не проявляют беспокойства, так как для них это не имеет значения. Их, скорее, огорчает понимание того, что они не смогут применить в России трудовые навыки, полученные на родине.

Ожидание бесконфликтной коммуникации с местным населением, как и другие ожидания, базируются на опыте предыдущих мигрантов. В историях, рассказанных информантами, случаи конфликтных ситуаций при общении с местными отсутствуют.

Таким образом, основываясь на анализе ожиданий наших информантов от переезда в Россию, мы можем выделить следующие группы рисков, с которыми могут столкнуться мигранты, если их ожидания не оправдаются:

- риски конфликтных ситуаций при взаимодействии с местным населением вследствие незнания языка, культуры и традиций принимающего общества;
- риски конфликтных ситуаций с работодателем из-за незнания языка, а также возможного недостатка навыков для выполняемой работы;
- риски конфликтных ситуаций с представителями власти по причине незнания языка и законов РФ;
- риски стать жертвами мошеннических операций вследствие незнания языка и законов РФ;
- риски случайного попадания в незаконное поле деятельности и проживания из-за незнания языка и законов РФ.

Условия проживания и работы мигрантов из Таджикистана в России

Материалы для анализа условий проживания и работы мигрантов из Таджикистана в России были получены в ходе исследования, проведенного в 2017 г. в России (в Москве, Самаре и Иванове) методом глубинного интервью. Участниками стали 40 трудовых мигрантов из Таджикистана и 12 посредников, обеспечивающих трудовых мигрантов официальными документами и работой на территории России. Выбор городов на территории России обусловлен результатами исследования, проведенного в Душанбе, показавшими, что именно эти города информанты рассматривают как потенциальные города переезда.

Далее мы более подробно остановимся на личных историях информантов — мигрантов и посредников. Последние часто являются и работодателями мигрантов во время их нахождения в России. Основные выводы этой части статьи соотносятся с данными, представленными во второй части, а результаты исследования позволяют проверить выдвинутые в качестве гипотез миграционные риски посредством соотнесения ожиданий потенциальных мигрантов с реальными случаями в России.

Начнем с ожиданий потенциальных мигрантов относительно пребывания и устройства на работу в России.

Ожидание легкой легализации на территории РФ изначально рассматривалось авторским коллективом как миф относительно нахождения в России. Необходимо выделить критерии термина легализации. Сами мигранты выражали это в категории «все по закону». При попытках детализации категории «все по закону» мигранты указывали на их легальный статус нахождения в России, что включало в себя: 1) задокументированное пересечение границы, 2) оформленную регистрацию, 3) получение патента на работу. Отметим, что ни в одном из интервью не упоминалась сдача экзаменов или заключение трудового договора с работодателем, хотя обе эти процедуры необходимы для получения патента, как и упомянутая регистрация. Причина такой избирательности в определении обязательных процедур открылась с помощью уточняющих вопросов, из ответов на которые стало ясно, что все перечисленные документы мигранты оформляют самостоятельно, в отличие от тех, которые они упустили. Причем эта ситуация характерна и для тех, кто пользуется поддержкой землячков изначально, и для тех, кто находит поддержку уже на территории России в лице посредников и работодателей.

Таким образом, легкую легализацию на территории России в большей степени можно отнести к неоправданным ожиданиям, даже в случае изначально под-

держки со стороны земляков. Во-первых, часть документов мигранту придется оформлять самостоятельно, во-вторых, любая поддержка земляков или других лиц всегда будет иметь для мигранта определенную стоимость. Вот что говорит об этом посредник/работодатель:

«Я сейчас наберу и все узнаю... (звонит по телефону)... Але... Ас-саляму 'алейкум, говорить буду по-русски, тут сидят люди. Регистрация вообще-то она официально, государственная, у государства она вообще-то платная или бесплатная?.. Бесплатная. А вот госпошлина за патент сколько стоит?.. Так, а экзамен официально сколько стоит?.. а неофициально?.. Так, а патент официально пять, а неофициально наши посредники сколько берут?.. Давай так, ты мне по пунктам давай. Патент две тысячи пятьсот с чем-то, регистрация бесплатно, экзамен официально пять тысяч, медкомиссия официально сколько стоит? Понял, а по медкомиссиям он занимается у нас, хорошо, мы это выясним, а вот услуга ФМС медиков? Так еще че?.. (вешает трубку) Вот неофициально она доходит от тридцати пяти — сорока тысяч, местами».

Все материальные затраты, даже за помощь земляков, ложатся на плечи самого мигранта. Как правило, мигрант отдает долг с доходов от работы в России. Первая заработная плата остается ему для того, чтобы он смог отправить ее на родину близким, вторая частично уходит на погашение долга, и в третьем месяце долг перед кредитором закрывается. Это самый благоприятный сценарий. Хотя в ходе исследования не было выявлено случаев отсутствия работы у мигранта и, как следствие, попадания в долговую зависимость, исследование зафиксировало, что не редки обращения в кредитные финансовые организации со стороны мигрантов. Например, компания «Азия Кредит» предоставляет займ в размере 65 000 руб. на три месяца под 8,9% в месяц. К расходам на оформление официальных документов необходимо добавить обязательную аренду жилья и расходы на продукты питания.

Самостоятельное обращение в государственные структуры автоматически снижает финансовые издержки мигранта на оформление документов, но нельзя говорить о доступности этого варианта. Вот как описывает один из информантов ситуацию в Самаре:

«Два окошка, сюда приходишь, вокруг этих окошек народ, спрашиваешь, говорят: «броней закрыто», что за броня? Раз, два, три, пять, десять, двадцать раз спрашиваешь везде, подходят посредники, мошенники. Выходишь снова на улицу, все — очередь потерял. На входе стоит огромный бугай такой — охранник. Они приходят, говорят, ребята, кто хочет быстрее, без очереди по тыще соберите, собрали по тыще...»

Шестеро информантов рассказали, что, собрав по «тыще», посредник испарялся, унося с собой собранные деньги.

Прямая речь информанта хорошо демонстрирует хаос, творящийся вокруг одного из отделений, где выдаются разрешительные документы на работу в России, засвидетельствованный также авторами статьи в процессе наблюдения.

Встречались во время исследования и случаи обращения в землячества за помощью в оформлении документов, несмотря на то что сами по себе обращения в национально-культурные организации для мигрантов редки [Лисицын, 2016]. Вот один из примеров обращения в национально-культурную организацию:

«Они (землячество) также накручивают на себя за регистрации, по тысяче две они забирают, хотя регистрации всего лишь за какие-то копейки можно делать. Они с ре-

гистрации берут по две-три тысячи, с помощи на получение патента берут как минимум по пятьсот, по тысяче рублей накручивают себе за экзамен, они тоже накручивают себе за медкомиссию...»

Помощь работодателя (как показали исследование мигрантов и интервью с работодателями) при оформлении документов редко бывает эффективной настолько, чтобы снять все заботы с мигранта. Максимальная помощь со стороны работодателя — выделение кредита под небольшой процент на три месяца. Однако при такой поддержке мигранту приходится самостоятельно обращаться в государственные органы или к посредникам. Вот что отмечает один из работодателей:

«Мне туда ход не дадут. Работодатель туда пойдет, скажет: «мне нужны вот эти и эти работники»... вот раньше были квоты, сейчас, слава богу, квот нету, вот это вот немножко спасает нас. Работодатель, если идет без этого товарища, вот этого фильтра (посредника), никто с ним разговаривать не будет. Я долго буду стоять в очередях, замучаюсь, и мой работник в итоге просто просрочит вот эту месячную миграционную карточку. Так как я просто уйду, не смогу сам сделать».

Таким образом, легализация на территории России (при поддержке земляков или без их помощи) — процесс непростой, что не соответствует ожиданиям мигрантов перед первой поездкой.

Ожидание увеличения заработной платы на 110% рассматривалось исследователями как обоснованное ожидание. Действительно, средняя заработная плата в рассматриваемых городах составляла от 1000 до 1300 рублей в день (в месяц при одном выходном дне в неделю — 35—40 тыс. рублей в месяц). Однако долговые обязательства, принятые на себя мигрантами при оформлении документов, переезде на новое место, проживании на новом месте, существенно уменьшают доход, как минимум во второй и третий месяцы нахождения в России.

Ожидание легкого устройства на работу рассматривалось авторским коллективом как оправданное ожидание при том условии, что место работы известно заранее, и мигрант приезжает на конкретное оставленное за ним место. Истории самих исследуемых мигрантов, как и посредников/работодателей, подтверждают это:

«Я работал мастером производственного обучения в училище, я преподавал токарем. Система проф. тех. образования, она начала рушиться, нет этой системы сейчас, но я тогда понял, что эта система закрывается. Я думал над этим, как дальше мне где-нибудь чего-нибудь, и начали земляки, родственники, близкие друзья, братья, сватья приезжать. Я им находил работу на стройках, я и пошел дальше своим заниматься, потом они начали просить — привези, пожалуйста, нам в город ехать далеко, кто дача, кто, где там... привезти продукты. Я им помогал этим заниматься. Потом я понял, что это работа, это же работа. О том, что я с них заработал, если штукатурка стоит сто семьдесят рублей или сто пятьдесят рублей, если я им заплачу по сто, по сто тридцать рублей и двадцать оставляю себе, или от ста пятидесяти рублей двадцать процент себе оставляю себе, это же моя работа. Я езжу в магазин, я им покупаю продукты, я их вожу в баню, я забираю их с аэропорта, такси они не нанимают, я их вожу обратно в аэропорт. Не дай бог, кто заболел, бегу ночь-полночи — приехал, отвез его в больницу. Тогда не было полисов, сейчас они толком не работают, эти страховые полисы, которые нам дают. Надо их везти к врачам, надо с врачами договориться, мне приходилось иногда ночами сидеть до утра в больнице после, чтобы его вылечить. А люди падают, люди

болеют. Это же люди, это же живые люди. Пришлось бегать по больницам, по милициям, вытаскивать их из милиции. Это все труд. Я решил вот тогда, двадцать процентов от стоимости штукатурки — это мои деньги. Я это считал. Ну, сейчас потихонечку дошли до организации. Сейчас у меня в организации есть накладные расходы, из своей сметы прибыли».

Следует понимать, что работодателем, к которому приезжает мигрант, чаще всего является его земляк, имеющий гражданство РФ и работающий по подряду, не имея собственных производственных мощностей, а значит его заказы зависят от сторонних компаний. Таким образом, он не может на 100 % гарантировать мигранту занятость. История такого посредника представлена в примере одного из интервью с посредником/ работодателем из Иваново:

«Все эти годы я работал, естественно, и с местными людьми и, естественно, работал и с нашими (таджикскими) мигрантами. В основном с нашими трудовыми мигрантами. За все эти годы я прошел весь путь, когда начали заводить в нашей стране разрешения, разрешительная документация на трудовых мигрантов, регистрация, карточки. Первые пошли, заказывали из Москвы, их привозили. Здесь в Иванове не было, потом и тут появились разрешения на работу. Оформляли регистрации, оформляли налоги на их аутсорсинг, трудоустройством занимались, их трудоустраивали, платили налоги, кое-где их не трудоустраивали. Им дали разрешительную документацию, для того чтобы получить деньги с них, а потом, оказывается, они давно уже были заочно уволены, когда пришли проверять, они оказались уволенным, была депортация из числа моих рабочих. Я все это пережил, я все это прошел...»

Таким образом, ожидание легкого трудоустройства не является обязательной составляющей приезда мигранта из Таджикистана в Россию, а зависит от каждого конкретного случая, и даже поддержка земляков и заранее известное рабочее место не гарантируют отсутствия проблем. Вместе с тем самостоятельный поиск работы влечет за собой большое количество проблемных, а не редко и конфликтных ситуаций, как в случае общения с государством, с работодателем и с мошенническими организациями.

Ожидание незамедлительной помощи земляков по приезде в Россию рассматривалось исследовательской группой как неоправданное ожидание. Однако исследование продемонстрировало, что вера мигрантов в помощь не лишена оснований. Необходимо уточнить, что, во-первых, под земляками понимается ближний и дальний круг общения, а не организации, представляющие национально-культурные интересы, во-вторых, любая помощь оказывается не на безвозмездной основе. Кроме того, возможности земляков ограничены их собственными ресурсами, а потому мигранты часто указывали на проблемы, которые никто не мог решить (оформление первичных документов, решение о депортации, невыплата заработной платы). Другими словами, ожидания того, что земляки решат любые возникшие проблемы, не оправдано, в то время как мигрант вполне может рассчитывать на поддержку земляков за определенную плату.

Ожидание бесконфликтного взаимодействия с представителями принимающего общества не рассматривалось авторами как оправданное ожидание. Действительно, в ходе интервью с мигрантами и посредниками не редко описывались случаи возникновения конфликтов с местным населением, особенно

на крупных стройках, где одновременно работают несколько бригад. Приведем примеры подобных историй от мигрантов и от посредников:

«...Там крановщица, молодая девушка, у нас один на нее посмотрел... ну, он молодой... а это не понравилось местным ребятам, русским ребятам, и конфликт был...»

«...Конфликт был из-за того, что у каменщиков пропала кирочка наверху, они подумали, что это мои украли, дрались, но, слава богу, я вовремя пришел...»

*«...Было, что ребята местные проходили, бетонщики, это тут наверху бетон кладут... они полезли там и работают, штукатурят, они на стенах пишут — чурки, извини меня за, ну, то что цитата, чурки ***. Они стены исписали — «русские свиньи», а потом они как-то увиделись, они это поняли, что написали, была драка... ну, такая, чисто мужская драка. Нельзя там наверху драться, не так ударил, человек в пропасть ушел...»*

При этом ни в одном интервью не встретилось описания уличных конфликтов.

Заключение

В ходе исследований было выявлено, что контексты повседневности трудовых мигрантов из Таджикистана в России позволяют в определенной степени защититься от возможных неоправданных ожиданий. Так, предыдущие исследования авторского коллектива, проведенные в России [Лисицын, 2017], демонстрировали, что большинство мигрантов находятся в России в «сером» правовом поле. Однако для них это не проблема, так как повседневность на родине готовит их к тому, что «серое» правовое поле при устройстве на работу — норма. Кроме того, предыдущие исследовательские проекты демонстрируют, что социальный капитал мигрантов в России используется не в полной мере [Лисицын, 2015], и это могло бы негативно сказаться на мигрантах из Таджикистана, если бы повседневность на родине не готовила их к этому. То же самое касается и временного, проектного, а иногда и сезонного труда мигрантов в России.

Вместе с тем, несмотря на условия повседневной экономической жизни Таджикистана, не позволяющие испытывать чувства фрустрации в России, существуют некоторые личные необоснованные и неоправданные ожидания мигрантов от жизни и работы в России. Так, среди неоправданных ожиданий можно выделить ожидание легкого устройства на работу, ожидание незамедлительной и всеобъемлющей помощи земляков по приезде в Россию, ожидание бесконфликтного взаимодействия с представителями принимающего общества, а также ожидание легкой легализации на территории РФ. Считаем необходимым отметить, что неоправданность ожиданий (не важно, по чей вине они были сформированы) приводит к чувству фрустрации, а при совпадении определенных условий — и к недовольству, способному повысить уровень протестного потенциала мигрантов.

Список литературы (References)

Лисицын П. П. Теория и практика изучения миграции в России. Монография. СПб. : СПбГУ, 2015.

Lisitsyn P. P. (2015) Theory and Practice of Migration Study in Russia. Saint Petersburg: UNECON. (In Russ.)

Лисицын П. П. Миграционный процесс: мигрант, работодатель, государство. СПб. : СПбГЭУ, 2016.

Lisitsyn P.P. (2016) *The Migration Process: the Migrant, the Employer, the State*. St. Petersburg: UNECON. (In Russ.)

Лисицын П. П. Основные и дополнительные участники миграционного процесса в России: каналы коммуникации // Вестник СПбГУ. 2017. Т. 10. № 1. С. 54—70. <https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu12.2017.104>.

Lisitsyn P.P. (2017) Main and Additional Participants of the Second Stage of the Migration Process: Channels of Communication. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Vol. 10. No. 1. P. 54—70. <https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu12.2017.104> (In Russ.)

Раджаббой А. К вопросу исследования занятости населения в республике Таджикистан в условиях углубления рыночных реформ // Вестник ТГУПБП. Серия общественных наук. 2018. № 1 (74). С. 5—12.

Rajabboy A. (2018) On the Issues Concerned with the Exploration of Population's Settlement in Tajikistan Republic under the Conditions of Market Reform Terms. *Bulletin of TSULBP*. No. 1 (74). P. 5—12. (In Russ.)

Резаев А. В., Лисицын П. П. Трудовые мигранты в России: стратегии социального включения и социального исключения. М. : РГНФ, 2015.

Rezaev A. V., Lisitsyn P.P. (2015) *Labour migrants in Russia: strategies of social inclusion and social exclusion*. M: RSCI. (In Russ.)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18—35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. (2019) Second Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 318—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 18—35 ЛЕТ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО
ПОКОЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 18—35 ЛЕТ
В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВА-
ТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

SECOND GENERATION MIGRANTS AGED
18–35 IN RUSSIA: RESEARCH PROJECT
RESULTS

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — к.с.н., старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; руководитель, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

*Evgeni A. VARSHAVER^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow; Head
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — к.с.н., научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; ведущий исследователь, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; исследователь, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Аннотация. В статье представлены результаты двухлетнего исследовательского проекта, посвященного интеграционным характеристикам мигрантов второго поколения в молодом взрослом возрасте (18—35 лет) из Закавказья и Средней Азии в России. Исследовательский проект включал интернет-опрос, осуществленный посредством таргетирования в социальных сетях ($N = 12524$), и серию интервью ($N = 401$) в десяти регионах России. Основываясь на немецкой традиции изучения интеграции мигрантов, авторы выделяют четыре аспекта интеграции: структурный, социальный, культурный и идентификационный, — каждому из которых посвящен раздел статьи. Авторы приходят к выводу, что в части доходов мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии не отличаются от сопоставимых сверстников, в то время как в части образовательных траекторий эти группы существенно различаются, при этом высшее

Anna L. ROCHEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow; Lead Research Fellow
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Natalya S. IVANOVA^{1,2} — Research Fellow; Research Fellow
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a two-year research project devoted to the integration of second generation migrants in the young adult age range (18-35 years old) from the regions of Transcaucasia and Central Asia currently living in Russia. The project includes an online survey where respondents were recruited using a targeting procedure on social networking sites ($N = 12524$) and a series of interviews ($N = 401$) in 10 regions of Russia. The article contains four parts—each dealing with one of the four migrant integration dimensions—which have been delineated based on the German tradition in migrant integration studies: structural, social, cultural, and identificational integration. The authors show that second generation migrants from Transcaucasia and Central Asia do not differ from their local peers in terms of their earnings, but there are significant variations in their educational level: higher education characterizes first of all second-generation migrants from

образование чаще всех получают закавказские мигранты второго поколения, затем — местные, затем — мигранты второго поколения из Средней Азии. Круги общения мигрантов второго поколения инклюзивны и в них доминируют представители «прочих» этнических категорий, жениться же они предпочитают на представителях «своей» категории, однако существует значительная группа мигрантов второго поколения, придерживающаяся «либеральных» установок и практик в части гендерных отношений, более того, хотя мигранты второго поколения в целом консервативнее местных, этот разрыв невелик. Идентификация мигрантов второго поколения со «своей» этнической категорией сильна, но это не мешает им чувствовать себя своими в России и идентифицировать себя с тем населенным пунктом и регионом, где они выросли. Если сравнивать положение российских мигрантов второго поколения с положением сопоставимых групп в прочих принимающих обществах, можно говорить, что в России интеграция этой группы мигрантов протекает успешно, наравне с такими принимающими обществами, как Канада и Австралия. Связано это, однако, в первую очередь не со взвешенной миграционной политикой, как в указанных странах, а с разнообразными факторами «советского наследия», в частности, с общим в недавнем прошлом культурным пространством, а также с эгалитарной городской средой — именно эти факторы имеют первостепенное значение для понимания миграционной системы, в центре которой находится Россия.

Transcaucasia to a lesser extent local youth, even less so — second-generation migrants from Central Asia. Social networks of second-generation migrants are inclusive and dominated by the representatives of “other” ethnic categories; however, their marriages are mostly monoethnic. A considerable share of second-generation migrants have “liberal” attitudes and practices in the realm of gender relations, and although second-generation migrants are generally more conservative than the local youth, the gap is minor. Second-generation migrants have a strong identification with “their own” ethnic categories but that impedes neither their feeling “at home” in Russia nor their belonging in the town or region of Russia where they grew up. A comparison of integration characteristics of second-generation migrants in Russia with situations in other migrant-receiving countries shows that the Russian case is successful, comparable with Canada and Australia. However, the success is explained not with the well-reasoned migration policy as in the latter states, but with the various factors of the Soviet past including a common cultural environment as well as egalitarian urban landscapes that are of paramount importance for the comprehension of the migration system centered around Russia.

Ключевые слова: интеграция, мигранты, мигранты второго поколения, Закавказье, Средняя Азия, смешанные методы

Keywords: integration, migrants, second generation migrants, Transcaucasia, Central Asia, mixed methods

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

Acknowledgments. The article is based on the research work "Analysis of integration trajectories of second-generation migrants in Russia" within the state assignment of RANEPA for 2018.

Постановка проблемы

Интеграция мигрантов является важнейшим «навыком» обществ XXI века. Известно, однако, что мигранты, переезжающие во взрослом возрасте, редко вливаются в принимающее общество в полной мере. Если экономически такие мигранты могут преуспеть, культурный арсенал принимающего общества зачастую осваивается ими, как минимум, не полностью. Их дети — так называемые мигранты второго поколения — в связи с этим оказываются в лучшем положении. Окончив школу в новой стране (а зачастую и родившись в ней), такие люди свободно ориентируются в культурном пространстве принимающего общества. Вместе с тем, как следует из международного опыта, их положение в системе образования, на рынке труда, их круги общения, ценности и представления о себе и своем месте в мире — все это существенным образом разнится от страны к стране и от группы к группе. Как обстоит дело с интеграцией мигрантов второго поколения в России? Получают ли мигранты второго поколения образование, сопоставимое с местными сверстниками, опережают их или, наоборот, отстают? Как уровень образования сказывается на уровне дохода и как много — в сравнении с местным — мигранты второго поколения зарабатывают, выйдя на рынок труда? С кем дружат и на ком женятся мигранты второго поколения, и верно ли то, что они образуют «закрытые сообщества»? Отличаются ли они от местных в части культурных паттернов, или эта разница преувеличена? Размывается ли у них этническая идентичность в сравнении с их родителями, и если нет, как она сосуществует с разнообразными политическими лояльностями? Эти вопросы, ответы на которые найдены для прочих миграционных обществ, с выпуском детей мигрантов первой постсоветской волны из школ¹ стали релевантны и для России. Ниже даны ответы на эти вопросы.

Основой для этого послужил двухлетний проект, в рамках которого был осуществлен массовый опрос мигрантов второго поколения и сопоставимых сверстников (N=12524), а также глубинные интервью (N=401) с ними, взятые в десяти регионах России. Мигранты второго поколения определяются в нем как все, чьи

¹ Исследованиям этих детей в школах был посвящен ряд проектов, в частности [Александров, Баранова, Иванюшина, 2012; Александров, Иванюшина, Казарцева, 2015], однако обзор релевантной литературы находится вне фокуса данной статьи, а исследования выросшего второго поколения, за исключением данного проекта, был посвящен лишь один проект [Мукомель, 2012].

родители родились не в России и кто окончил в России школу. Это широкое определение термина принято в свете того, что мигранты второго поколения в узком смысле — родившиеся у мигрантов в принимающей стране — среди всех выросших детей мигрантов образуют меньшинство. Терминологически можно было бы говорить о выросших детях мигрантов или о людях с миграционным бэкграундом, однако в свете еще меньшей определенности или противоречивости этих терминов, а также необходимости «привязки» к релевантной литературе было решено использовать термин «мигранты второго поколения» (МВП). Более того, в фокусе исследования так называемые этнические мигранты второго поколения из Армении, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана или Узбекистана, то есть те, чьи родители (один или оба) относятся к одной из «нерусских»² этнических категорий и родились в указанных странах. Прочие категории мигрантов второго поколения (например, дети мигрантов из Украины или русские мигранты второго поколения из Средней Азии) находятся вне фокуса исследования, хотя и были опрошены в ходе количественной его части. Кроме того, исследование фокусировалось на так называемом молодом взрослом возрасте, определяемом как 18—35 лет. Указанные критерии, однако, служили в первую очередь компасом, в исследовании могли принять участие и мигранты второго поколения по лишь одному из родителей, и молодые люди 17 или 36 лет, кроме того, в качественном исследовании исследовательский интерес распространялся и на родителей мигрантов второго поколения, и на локальных экспертов, например, директоров школ, которые могли сообщить релевантную информацию об интеграции мигрантов второго поколения.

Ключевой исследовательский вопрос исследования: «Как происходит интеграция мигрантов второго поколения в России?» В основание исследования положена теоретическая рамка, базирующаяся на «немецкой» традиции изучения интеграции [Esser, 2001; Heckmann, Schnapper, 2003; Esser, 2004; Heckmann, Bosswick, 2005; Варшавер, Рочева, 2016], согласно которой есть четыре основных аспекта интеграции: структурная, характеризующая положение мигрантов в системе образования и на рынке труда, социальная, описывающая круги общения и брачный выбор мигрантов, культурная, связанная с изменением культурных паттернов, а также идентификационная, определяемая через характеристики эмоциональной связи мигрантов с теми или иными этническими или национальными категориями. Ниже описана методология исследования, затем приведены его результаты по каждому из аспектов интеграции (для каждого аспекта приведен свой исследовательский вопрос), в заключении результаты обобщены и сопоставлены с характеристиками интеграции мигрантов второго поколения в других странах, а также высвечены проблемы, связанные с интеграцией мигрантов второго поколения, и намечены пути их решения.

Методология

Проект реализован в рамках методологии смешанных методов. Сбор количественных данных осуществлен посредством организации всероссийского опроса

² Авторы стоят на конструктивистских позициях, что предполагает рассмотрение этнических категорий, в частности, национальностей, в качестве явлений, постоянно производящихся в ходе общения между людьми.

молодежи, включающей в себя как мигрантов второго поколения разного происхождения, так и их местных сверстников. Качественные данные — это серия интервью с мигрантами второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Москве и Московской области, Краснодарском крае, Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО), а также в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Твери и Иркутске.

Опрос проводился совместно с Mail.Ru Group, которая владеет основными российскими социальными сетями — «Одноклассниками» (ОК) и «ВКонтакте» (ВК). В рамках опроса собрано четыре подмассива, различавшихся эмпирическими генеральными совокупностями и выборочными методами. Первый подмассив — это случайная выборка по пользователям группы «Опросы, тесты и мнения» в «Одноклассниках» и «ВКонтакте», социально-демографические характеристики пользователей которой не отличаются от таковых среди всех пользователей соответствующих социальных сетей³, и можно, таким образом, говорить, что была собрана репрезентативная выборка пользователей этих социальных сетей. Второй подмассив — результат таргетирования пользователей 16—35 лет по этнически маркированным группам и сообществам в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» (81 армянская группа в ВК, 43 армянских групп в ОК, 90 азербайджанских групп в ВК, 49 азербайджанских групп в ОК, 13 узбекских групп в ВК, 16 узбекских групп в ОК, 28 таджикских групп в ВК, 18 таджикских групп в ОК, 45 киргизских групп в ВК, 33 киргизских групп в ОК, 14 грузинских групп в ВК, 16 грузинских групп в ОК, 31 украинских групп в ВК, 6 украинских групп в ОК). Третий подмассив — это пользователи 18—35 лет, у которых в профиле указаны родители, а в профиле родителей в качестве места рождения выбрана одна из интересующих нас стран — Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Украина. Сбором данных для первого-третьего подмассива занимались специалисты Mail.Ru Group, совокупное число респондентов из этих подмассивов составило 9318 человек. Четвертый подмассив — это результат таргетирования пользователей 16—35 лет по группам и интересам в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook и Instagram. В последних двух социальных сетях нет возможности таргетировать по группам, поэтому для таргетирования мигрантов второго поколения из Средней Азии, Закавказья и Украины была использована категория «интересы» (например, для таргетирования мигрантов второго поколения азербайджанского происхождения запрос «по интересам» был сформулирован следующим образом: Азербайджан, Баку, азербайджанский язык), а для таргетирования молодежи 16—35 лет без миграционного бэкграунда дополнительных фильтров поставлено не было. В «Одноклассниках» мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии были таргетированы через этнически маркированные группы (97 киргизских групп, 72 таджикские группы, 42 узбекские группы, 46 армянских и 35 азербайджанских групп), другие респонденты опрошены не были. Во «ВКонтакте» мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии были таргетированы через этнически маркированные группы (46 киргизских групп, 75 таджикских групп, 37 узбекских групп, 100 армянских групп, 96 азербайджанских групп), а мигранты второго поколения из Украины

³ Согласно данным анализа, предоставленным партнерами из Mail.Ru Group.

и молодежь без миграционного бэкграунда были таргетированы без использования дополнительных фильтров. Этот подмассив был собран усилиями авторов статьи, число респондентов, достигнутых таким образом, составило 3206 человек. Можно, таким образом, говорить о том, что итоговый подход к отбору респондентов комбинирует принципы случайной и целевой (группы и интересы) выборки.

Опрос проводился в мае-июле 2018 г. Анкета на русском языке была размещена в интерфейсе приложения «Опросы, тесты и мнения», а также на ресурсе SurveyMonkey. Основные блоки анкеты — это социально-демографические характеристики, включая позицию на рынке труда, характеристики родителей, школьный опыт, связанные с идентификацией установки, романтические и брачные отношения, социальные связи, транснациональные практики (для мигрантов второго поколения). Кроме того, мигрантам второго поколения армянского и азербайджанского происхождения задавались вопросы о Карабахском конфликте и их установках в связи с ним. Реклама опроса в социальных сетях частью носила универсальный характер (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3), частью была этнически ориентирована (см. рис. 4).

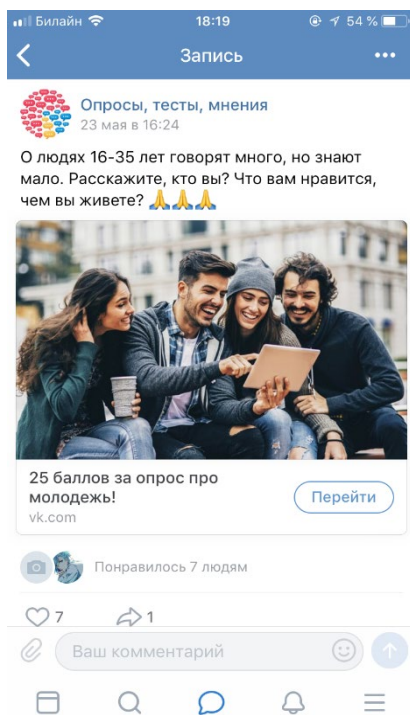

Рисунок 1. Пример креатива универсального характера

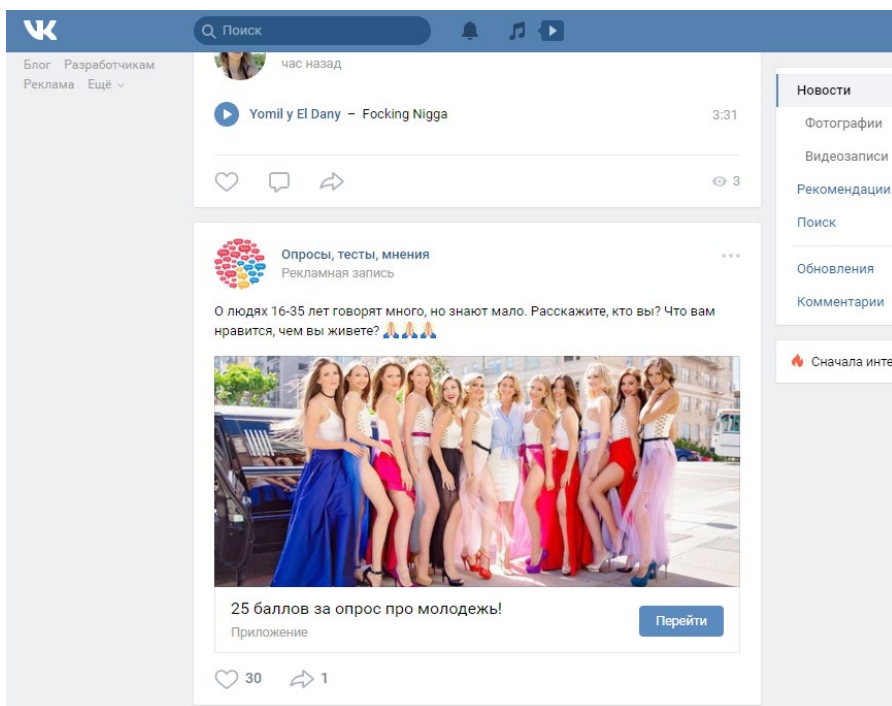

Рисунок 2. Пример креатива универсального характера

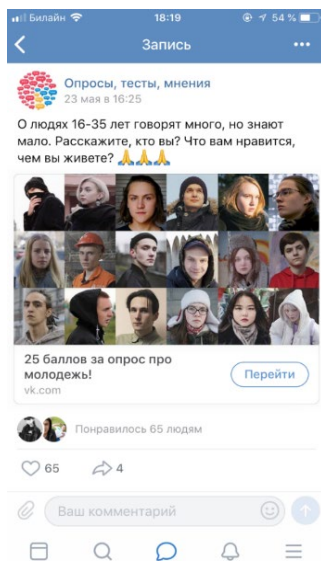

Рисунок 3. Пример креатива универсального характера

Рисунок 4. Пример этнически ориентированного креатива

В итоговый массив после чистки вошли ответы 12 524 респондентов. Для проведения предварительного анализа были выделены группы на основании места рождения и национальности отца или обоих родителей (открытый вопрос, кодировка), а также, в некоторых случаях, национальности респондента (открытый вопрос, кодировка). По умолчанию использовалось место рождения и национальность отца. Для начала было выделено 12 групп. Если отец респондента родился вне России или РСФСР, респондент классифицировался как МВП. Если нет — как местный. Если национальность отца была закодирована как «русский», респондент также классифицировался как «русский». Далее на пересечении национальности и места рождения были выделены следующие группы: армянские МВП (отец родился в одной из стран Закавказья, армянин), азербайджанские МВП (по аналогии), грузинские МВП (по аналогии), киргизские МВП (отец родился в одной из стран Средней Азии, киргиз), таджикские МВП (по аналогии), узбекские МВП (по аналогии), украинские МВП (отец родился в Украине, украинец), закавказские русские МВП (отец родился в Закавказье, русский), среднеазиатские русские МВП (по аналогии), украинские русские МВП (по аналогии), местные русские (отец родился в России, русский), местные нерусские (отец родился в России, любой другой национальности кроме как русский). На втором шаге из 12 групп было сделано 6, в частности, все закавказские этнические МВП были объединены в группу «закавказские МВП», среднеазиатские — в группу «среднеазиатские МВП», а русские МВП из Закавказья, Средней Азии и Украины были объединены в группу «русские МВП». Остальные группы остались такими же. На заключительном этапе, в связи с фокусировкой на МВП из Закавказья и Средней Азии, в анализ были включены только закавказские МВП, среднеазиатские МВП, а также местные русские и местные нерусские, при этом первые и последние две группы также, в зависимости от целей анализа, объединялись в группы «МВП» и «местные» или же исследовались отдельно.

Глубинные интервью были собраны в десяти регионах. В Москве и Московской области было проведено 72 интервью, в Твери — 23, в Иркутске — 23, в Ростове-на-Дону — 4, в Екатеринбурге — 3. Особняком стоят Краснодарский край и Тюменская область (включая ХМАО и ЯНАО), где исследование проводилось во множестве ло-

каций. В Тюменской области проведено 170 интервью с мигрантами второго поколения из Закавказья и Средней Азии, их родителями и экспертами в девяти городах и поселках (Тюмень, Сургут, поселок Нижнесортымский, Покачи, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Салехард, Ноябрьск, Муравленко). В Краснодарском крае проведено 106 интервью, и в фокусе были мигранты второго поколения из Армении и Азербайджана в Краснодаре, Геленджике, Сочи, Армавире, Курганинске и Гай-Кодзоре. Всего в рамках проекта проведено 401 интервью.

Рекрутинг информантов проводился разнообразными методами: через образовательные учреждения (школы, средние специальные и средние профессиональные, а также высшие учебные заведения), мечети, диаспорные организации, социальные сети (например, этнически маркированные и локальные группы), сайты знакомств, места работы первого поколения мигрантов (например, рынки) и через личные контакты исследователей. Каждого информанта в конце интервью просили поделиться контактами других потенциальных информантов — однако ни одной большой цепочки информантов, связанных друг с другом, которая бы позволила говорить о серьезных смещениях в отборе информантов для интервью, не наблюдалось. При отборе информантов мы руководствовались требованиями теоретической выборки.

Гайд интервью включал в себя вопросы об истории миграции и социально-экономическом профиле семьи, об образовательной траектории информанта и траектории на рынке труда, кругах общения на разных этапах, установках и практиках в сфере романтических отношений, интеграционных траекториях братьев и сестер, уровне владения разными языками и особенностях их использования, транснациональных практиках, религиозности и так далее. При согласии информанта интервью записывались на диктофон. После интервью с мигрантом второго поколения исследователь заполнял профиль информанта в специально разработанной под цели проекта таблице — кейсбуке, где одна строка соответствует одному информанту, а столбцы — ключевым блокам гайда. Таким образом, чтение профиля информанта, заполненного в кейсбуке коллегой-исследователем, позволяло быстро, хотя и не полностью, воссоздать историю, которая за этим стоит. Если интервью проводилось с родителем, то столбцы заполнялись информацией о его детях. Если же интервью проходило с экспертом, то, помимо характеристики позиции эксперта, заполнялся один столбец — экспертные тезисы о населенном пункте. Впрочем, столбец с экспертными тезисами не был предназначен исключительно экспертам — второе поколение мигрантов, как и их родители, также делились своими наблюдениями о месте взросления и проживания, о траекториях своих сверстников с разными миграционными профилями. Также в кейсбуке фиксировались материалы наблюдений, проводившихся в ходе или в связи с интервью.

Результаты исследования

Структурная интеграция

Различаются ли мигранты второго поколения и местные в части уровня образования? Для ответа на этот вопрос был создан подмассив, состоящий из тех, кто на момент опроса или только работал, или не работал и не учился, то есть — окончательно или временно — получил образование. Согласно расчетам, есть существен-

ные различия между группами в части высшего уровня полученного образования (см. табл. 1). Закавказские МВП имеют высшее образование или степень кандидата наук в 53% случаев, что значительно больше, чем среднеазиатские МВП и местные. Среднеазиатские МВП, напротив, значительно чаще остальных (43% против 29% у местных и 22% у закавказских МВП) имеют только школьное образование. Более того, формулировка вариантов ответов не позволяет вычленить тех, кто не окончил девять классов, из качественных данных, однако известно, что такие случаи не единичны, в особенности среди среднеазиатских МВП.

Таблица 1. Уровень образования закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

Уровень образования	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Школьное (8, 9, 10 или 11 классов)	22%	43%	29%
Профессиональное, неvyšшее	25%	35%	35%
Высшее или степень	53%	23%	36%
Всего	1199	274	3468

Какими могут быть траектории, за счет которых у мигранта второго поколения может отсутствовать даже базовое школьное образование? Скорее всего, должны присутствовать два фактора — сложная семейная ситуация и запретительные установки родителей. Н. (ж, 21, тадж., Москва⁴) училась в Таджикистане до четвертого класса, после чего ее семья переехала в Москву на два года, в течение которых она не ходила в школу. Затем ее семья на год вернулась в Таджикистан, где Н. ходила в шестой класс, вслед за этим она с матерью и сестрой вернулась в Москву. Отец на тот момент с ними уже не жил — жил с другой женщиной. Мать хотела, чтобы Н. сидела дома, а кроме этого, некому было сидеть с сестрой, которая не ходила в детский сад. После приезда Н. в школу не ходила и ее образование было прервано на шестом классе. Сейчас она работает стилистом по прическам.

В какой степени у мигрантов второго поколения доход больший или меньший, чем у сопоставимых местных? Чтобы понять это, был проведен анализ средних по всем работающим респондентам⁵.

Согласно анализу, различий между группами «мигранты второго поколения» и «местные» не выявлено (см. рис. 5, рис. 6). Если среднее значение по всему массиву составляет 41 343 рубля, значение по мигрантам второго поколения — 41 480 рублей, а по местным — 41 283. Выявленная разница в 197 рублей не является статистически значимой. Анализ по трем группам, в ходе которого из группы «мигранты второго поколения» были выделены мигранты второго поколения из Закавказья и из Средней Азии (см. табл. 2), также не зафиксировал статистически значимой разницы между группами.

⁴ Здесь и далее для каждого респондента указывается пол, возраст, группа по месту рождения и происхождения родителей, а также регион пребывания информанта во время интервью.

⁵ В анализ включены все ответившие «только работаю» на вопрос о занятии.

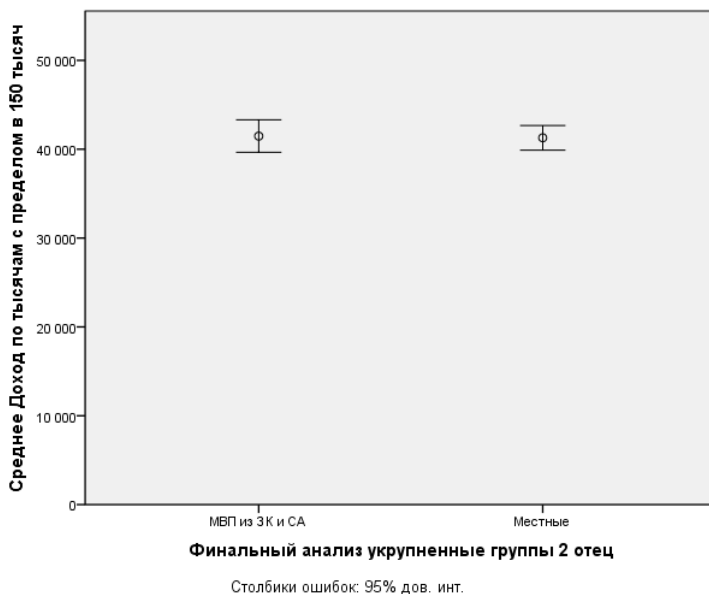

Рисунок 5. Сравнение средних значений: доход местных респондентов и мигрантов второго поколения

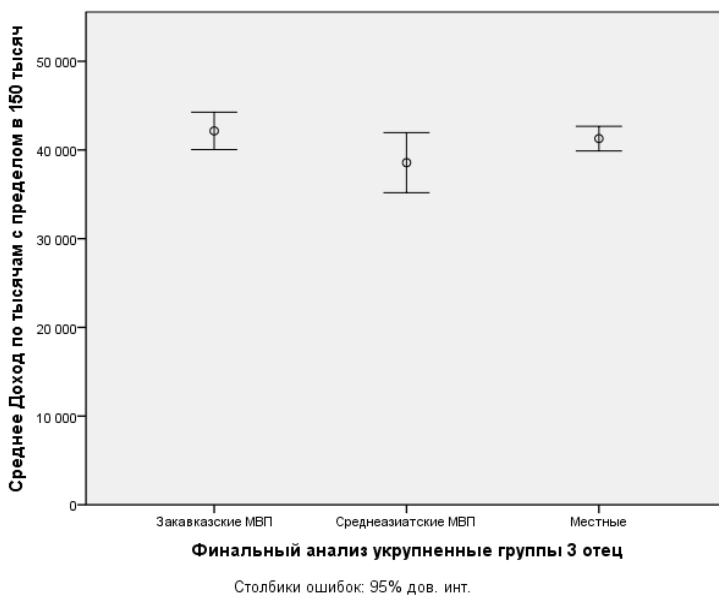

Рисунок 6. Сравнение средних значений: доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МВП

Таблица 2. Сравнение средних значений:
доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МВП

Группа	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	979	42 149		3579	865
Среднеазиатские МВП	225	38 570	-3579		-2713
Местные	2761	41 284	-865	2713	
Всего	3965				

Следует, однако, определить, как обстояло бы дело, если бы группы не отличались по полу и возрасту, и посредством регрессионного анализа сбалансировать группы по этим критериям (см. табл. 3). Согласно регрессионному анализу, отсутствие разницы между местными и всеми мигрантами второго поколения сохранилось бы, как и отсутствие разницы между местными и закавказскими МВП. Вместе с тем появилось бы статистически значимое различие между местными и среднеазиатскими МВП — вторые «стали» зарабатывать меньше на 5,5 тысячи рублей.

Таблица 3. МНК регрессия, зависимая переменная — ежемесячный доход⁶

МНК регрессия, зависимая переменная — ежемесячный доход		
Возраст	-415**	-438***
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-7934***	-8000***
Группа (1 — МВП, 2 Местный)	1295	
Закавказские МВП		-414
Среднеазиатские МВП		-5413***
Константа	62 036	65 362
R ²	0,015	0,016
N	3965	3965

⁶ *** $p < 0,001$

** $0,001 \leq p < 0,01$

* $0,01 \leq p < 0,05$

· $0,05 \leq p < 0,1$

Скорее всего, это различие связано с тем, что в массиве среди работающих среднеазиатские мужчины представлены больше, чем женщины, при том что мужчины по всем группам и по массиву в целом получают больше. Доля мужчин среди работающих среднеазиатских МВП — 63 %, закавказских МВП — 57 %, местных — 50 %. В целом же, таким образом, по России доход работающих мигрантов второго поколения равен доходу местных.

Вместе с тем анализ выявил значимые различия между группами отдельно в столичных (к ним были отнесены Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и нестоличных (все прочие) регионах (см. табл. 4, рис. 7, рис. 8). Более того, различия в доходах между МВП и местными в этих двух группах регионов различаются зеркально. Если в столичных регионах местные получают больше прочих групп (МВП в целом и МВП из Закавказья и Средней Азии), в остальных регионах их доход статистически значимо ниже. В столичных регионах, кроме того, просматривается своеобразная иерархия, согласно которой больше всех получают местные (59 186 рублей), за ними — закавказские МВП (51 494), а замыкают последовательность среднеазиатские МВП (37 050 рублей), в остальной России доход закавказских и среднеазиатских МВП примерно одинаков (39 680 и 36 322 рублей соответственно), а доход местных составляет 32 611 рублей. Наиболее очевидным образом такое положение вещей можно объяснить через различия в занятиях (см. табл. 5). В нестоличных регионах МВП бизнесом занимаются чаще, чем местные, в столичных же регионах бизнесом чаще всего занимаются местные и закавказские МВП, а среднеазиатские по этому показателю отстают. Как будет показано ниже, наличие бизнеса является одним из центральных факторов, объясняющих различия по доходу. Не подтвердилась гипотеза, сформулированная на основе результатов качественного исследования, согласно которой в регионах закавказские МВП занимаются бизнесом чаще, чем в Москве, где они претендуют на позиции специалистов с высшим образованием: в столичных регионах и во всех прочих регионах доля закавказских МВП, которые занимаются бизнесом, идентична — 21 %. Зато подтвердилась гипотеза, что МВП в регионах часто идут работать на семейные предприятия: доля занятых таким образом среди закавказских МВП — 8 %, среднеазиатских МВП — 9 %, местных — 4 %.

Таблица 4. Сравнение средних значений: доход респондентов по регионам

	Местные	МВП	СА МВП	ЗК МВП	Местные — МВП	Местные — ЗК МВП	Местные — СА МВП	ЗК МВП — СА МВП
М, МО, СПб, ЛО	59186	48581	37050	51494	10605***	7692**	22136***	14444**
Прочие регионы	32611	36917	39680	36322	-4306**	-3711*	-7069*	-3358

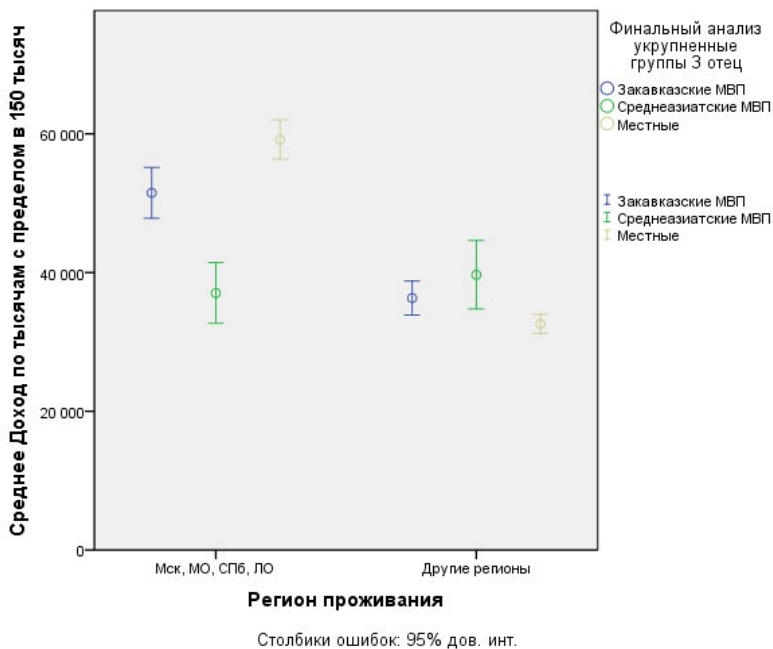

Рисунок 7. Сравнение средних значений: доход групп респондентов по регионам

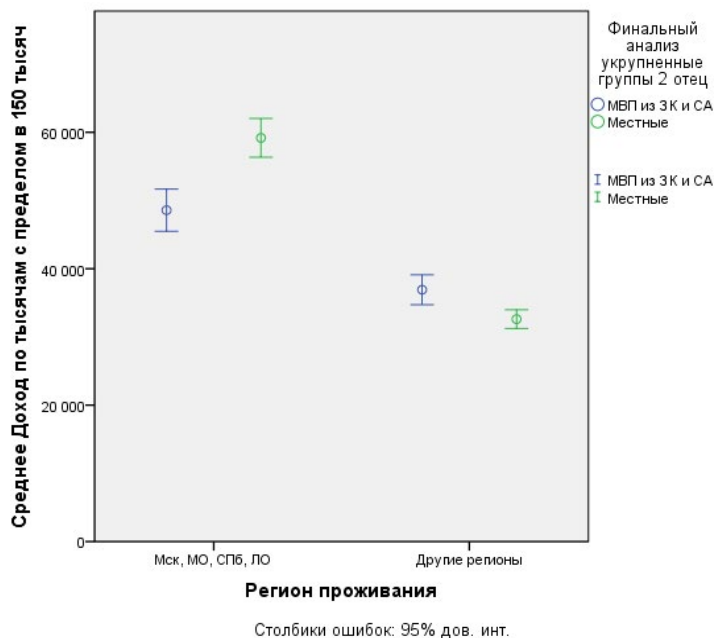

Рисунок 8. Сравнение средних значений: доход МВП и местных по регионам

Таблица 5. Кросс-табуляция: тип занятости закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных респондентов в разных регионах

		Наемный работник, в т. ч. госслужащий	Собственный или семейный бизнес	Самозанятость	Хи-квадрат
Везде	Закавказские МВП	73 %	21 %	6 %	23,487**
	Среднеазиатские МВП	78 %	18 %	4 %	
	Местные	80 %	15 %	6 %	
М, МО, СПб, ЛО	Закавказские МВП	72 %	21 %	7 %	8,855 [^]
	Среднеазиатские МВП	84 %	14 %	2 %	
	Местные	71 %	23 %	6 %	
Прочие регионы	Закавказские МВП	74 %	21 %	5 %	50,330***
	Среднеазиатские МВП	73 %	22 %	5 %	
	Местные	84 %	10 %	5 %	

Как и почему это происходит? Мигранты второго поколения, дети бизнесменов, «вникают» в особенности ведения бизнеса со школьных лет, помогая родителям, и по окончании обучения могут заработать на жизнь, продолжив этот бизнес. Например, В. (м., 22, узб., Тюменская область), живущий в Тюмени с десяти лет, работает в фирме своего отца, которая занимается оптовой продажей фруктов и овощей, и собирается сменить отца «у руля». Поработав на предприятии своих родителей или родственников, мигранты второго поколения могут открыть собственный бизнес. Так поступил С. (м., 21, азерб., Тюменская область), чья семья переехала из Азербайджана, когда ему было 11 лет. Еще обучаясь в средних классах школы, он много времени проводил в магазине своего отца и, окончив девять классов без троек, решил не продолжать обучение, а вместо этого проработал год в этом магазине «на полную ставку», после чего открыл при финансовой помощи отца свой ларек. О своих размышлениях на момент окончания девятого класса он рассказывал так: учиться пять-шесть лет, чтобы зарабатывать 30 тысяч — это не для него, а время он терять не хотел — и никогда потом не жалел, что не продолжил обучение. Бывает и такое, что бизнес открывают МВП, чьи родители бизнесом никогда не занимались. Например, отец С. (м., 25, азерб., ЯНАО) еще в советское время после армии перебрался в Ноябрьск, где всю жизнь работал на дорожных работах, его мать работала воспитателем в детском саду. С. отучился в колледже на электрика, затем, проработав некоторое время по специальности, начал продавать духи «с капота» своей машины, сейчас у него сеть магазинов.

Можно ли говорить об особой типичной занятости тех или иных групп МВП? По всей видимости, да. Несмотря на общее сходство в структуре занятости, были также зафиксированы важные различия (см. табл. 6

). Местные гораздо чаще работают в промышленном производстве (17 % против 6 % у закавказских МВП и 8 % у среднеазиатских МВП). Закавказские МВП чуть чаще двух других групп работают в здравоохранении (7 % против 3 % у среднеазиатских МВП и 4 % у местных), а также в торговле (14 %, 11 %, 9 % соответственно). Среднеазиатские МВП недопредставлены в образовании (1 % против 5 % у закавказских МВП и местных), однако гораздо шире прочих групп представлены в общественном питании (21 % против 6 % у закавказских МВП и 4 % у местных). Более того, анализ, дезагрегированный по группам, позволяет говорить, что чаще всего представлены в этой сфере киргизские МВП (27 % случаев), а медиками становятся азербайджанские МВП (9%), конкретнее — женщины: 18 % от всех занятых азербайджанок МВП женщин работают в медицине. Таким образом, можно говорить о складывающейся «специализации» разных групп МВП.

Таблица 6. Распределение респондентов по сферам занятости

	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные	Всего
Промышленное производство (в т. ч. добывающие отрасли)	6 %	8 %	17 %	14 %
Сельское, лесное, рыболовное и т. п. хозяйство	1 %	3 %	3 %	2 %
Строительство	10 %	8 %	10 %	10 %
Сфера услуг, сервиса, бытового обслуживания	8 %	9 %	8 %	8 %
Общественное питание, ресторанный бизнес	6 %	21 %	4 %	6 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	1 %	0 %	2 %	2 %
Наука, наукоемкое и высокотехнологичное производство	1 %	0 %	1 %	1 %
Образование	5 %	1 %	5 %	5 %
Здравоохранение	7 %	3 %	4 %	5 %
Культура, искусство	2 %	4 %	3 %	3 %
Средства массовой информации	1 %	0 %	1 %	1 %
Система государственного, муниципального управления	2 %	2 %	2 %	2 %
Военная служба	1 %	2 %	2 %	2 %
Правоохранительные органы, силовые структуры, МЧС	2 %	1 %	2 %	2 %
Судебные органы, юриспруденция	3 %	0 %	2 %	2 %
Транспорт, складское хозяйство	4 %	4 %	4 %	4 %

	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные	Всего
Информационные технологии, связь, интернет	4%	2%	4%	4%
Оптовая, розничная торговля, риэлтерский бизнес	14%	11%	9%	11%
Финансовая сфера, банковские услуги	6%	5%	3%	4%
Консалтинг, информационные услуги	1%	0%	1%	1%
Спорт, туризм, сфера отдыха и развлечений	4%	3%	2%	3%
Другое	8%	8%	7%	8%
Затрудняюсь ответить	3%	3%	4%	3%
	100%	100%	100%	100%

Результаты качественного исследования позволяют представить медицинские траектории для азербайджанских девушек и траектории в общепите для киргизских МВП в лицах. Популярность медицинской стези для девушек, выросших в азербайджанских семьях, один из информантов (м., 30, азерб., Тверская область) объяснил так: *«считают, она там отучится, выйдет замуж, а разрешит ли муж работать в той сфере, где имеются сотрудники... ну, мужчины. А в медицине они считают, что она пришла там, да получила образование гинеколога, сотрудники все будут в основном [женщины]. Это такой стереотип»*. Кроме того, в семьях информантов существует представление, согласно которому в доме должен быть врач, а также что медицина — благородное дело. В результате таких установок медицинское образование и соответствующая профессиональная траектория достаточно распространены, и там, где азербайджанских МВП много, значительная часть медицинского персонала в некоторых больницах может быть азербайджанского происхождения. Как рассказала Щ. (ж., 26, азерб., ЯНАО), медицинская сестра одной из больниц Нового Уренгоя, чья семья переехала из Азербайджана в ЯНАО еще до ее рождения, в каждом отделении этой больницы *«по азербайджанке есть точно»*, причем это могут быть медсестры, врачи, санитарки.

Распространенность занятости мигрантов второго поколения киргизского происхождения в сфере общественного питания, по всей видимости, связана с поиском работы через недавно приехавших сверстников, а также через родителей — или через знакомых родителей, которые, в свою очередь, часто трудоустроены именно там. Например, ниже приведен отрывок из интервью с Б. (ж., 21, кирг., Москва) работавшей в одной из московских «Шоколадниц», который объясняет, как может произойти такое трудоустройство:

«Я устроилась после десятого класса летом, мне нечего делать, мы домой не поехали, я отдыхала и гуляла просто. И тут ко мне в голову приходит: «О, надо бы поработать, денег подзаработать на карманные расходы». Прихожу домой, посоветовались с мамой <...>, посоветовались с папой <...>. И я такая: «О, попробую в Макдональдс,

школьников, возможно, берут». Я пришла, мне сказали: «Да, конечно. Ты школьница, да, возможно возьмем, но только на лето. Но ты начнешь после мытья полов, то есть с работы помыть то, помыть то». Я такая: «Ладно». Мне сказали, что позвонят и не звонили. Потом к маме пришла подруга, они поговорили, оказалось, что эта подруга работает в «Шоколаднице» поваром. И она как раз, мы тогда в Медведково жили, и она как раз в Медведково в «Шоколаднице» работала. И она: «Нам как раз нужны официанты. Давай твоя дочка поработает. Ты не против? Давай директору расскажу, что есть такая девочка, знает русский язык, у которой гражданство РФ. Внешность не славянская, но она будет работать хорошо». Мама позвала меня к себе: «Вот, предлагают тебе работу, как ты смотришь на это?» Я такая: «Ооо, давай». На следующий день, она как раз была на работе, рассказала директору, эта женщина мне позвонила, говорит типа: «Приходи на собеседование». Я такая: «О, прикольно». Такая расфуфырилась, оделась, все самое такое, во все свои передовые, крутые вещи. Пришла, она поспрашивала меня <...> Вот таким образом я устроилась. Полгода я работала официантом, через полгода мне предложили стать наставником».

Таблица 7. **Линейная регрессия (МНК), зависимая переменная — ежемесячный доход**

Линейная регрессия (МНК), зависимая переменная — ежемесячный доход. В расчет включены все работающие.

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-9374***	-9649***	-9518***
Возраст	-68	-117	-173
Место рождения обоих родителей	-2776**	-3127***	-2911***
Уровень образования обоих родителей	1202	1523`	1250
Регион проживания	-16229***	-16306***	-16069***
Образование три категории	4283***	3834***	3837***
Оценки в школе	-3457***	-3290***	-3236***
Наличие бизнеса	37908***	38043***	38372***
Местный	1049	4819**	
Русский		-5466**	
Закавказский МВП			-1102
Среднеазиатский МВП			-1782
Константа	79744,781	84688,217	85372,783
R ²	0,27	0,28	0,27
N	4584	4584	4584

Таким образом, можно говорить, что, во-первых, в сравнении с местными закавказские МВП образованы лучше, а среднеазиатские — хуже, однако эф-

факта на усредненном групповом уровне это не имеет — получают закавказские и среднеазиатские МВП, а также местные примерно одинаково. Более того, регрессионный анализ (см. табл. 7) показывает, что ожидаемо на индивидуальном уровне сильнее всего с доходом связано наличие бизнеса, а связи между уровнем образования и наличием бизнеса, согласно простому корреляционному анализу ($r=0,013$, $p=0,389$), выявлено не было. В целом же представленные регрессионные модели довольно четко выявляют связанные с доходом факторы — коэффициент детерминации доходит до 28%. В частности, наряду с наличием бизнеса наиболее значимы такие факторы, как регион проживания (в столичных регионах доход в среднем выше примерно на 16 тысяч рублей в месяц), уровень образования (те, кто имеет только школьное образование, «недополучают» до 12 тысяч в сравнении с теми, кто окончил ВУЗ), а также пол (мужчины получают при прочих равных больше женщин на 9,5 тысяч рублей). А вот фактор принадлежности к мигрантам второго поколения не значим — разница между ними и местными, если контролировать по указанным и прочим факторам, составляет порядка 1000 рублей и не является статистически значимой. Более того, в такой модели нет разницы между закавказскими и среднеазиатскими МВП.

Социальная интеграция

В основание этого раздела помещен вопрос: в какой степени мигранты второго поколения в части общения замыкаются на представителях своей этнической категории, при этом под общением понимаются как коллегиальные, приятельские и дружеские отношения, так и брак и романтическое партнерство. Для ответа на эти вопросы будут проанализированы и установки, и реальные отношения.

В опросе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности». Ответы были перекодированы таким образом, что полное несогласие с данным высказыванием соответствовало значению 0, а полное согласие — значению 3. Значение 1 соответствовало варианту ответа «скорее не согласен», а 2 — «скорее согласен». В расчеты по всем вопросам, посвященным социальной интеграции (за исключением брачных и романтических отношений), были включены МВП из Закавказья и Средней Азии, отметившие в качестве своей «национальности» одну из основных закавказских и среднеазиатских переписных категорий (армяне, грузины, азербайджанцы, езиды, киргизы, таджики, узбеки, уйгуры и проч.), а также «местные» — для сравнения.

Согласно расчетам, установки мигрантов второго поколения можно называть инклюзивными — в целом они находятся посередине между значениями «полностью не согласен» и «скорее не согласен» с таким высказыванием (точное значение — 0,56) (см. табл. 8, рис. 9, рис. 10). При этом среднеазиатские МВП характеризуются чуть более инклюзивными установками в сравнении с закавказскими МВП. Более того, их установки более инклюзивные, чем у местных — у последних среднее значение по этой шкале составляет 1,06, что соответствует варианту «в целом не согласен с высказыванием», однако это значение отстоит от значения у МВП на полградации шкалы. В какой мере, однако, эти установки реализуются в конкретных отношениях?

Таблица 8. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	2159	,58		-,123*	,485***
Среднеазиатские МВП	359	,45	,123*		,608***
Местные	4222	1,06	-,485***	-,608***	
<hr/>					
МВП	2518	,56		-0,502***	
Местные	4222	1,06	0,502***		

Столбики ошибок: 95% дов. инт.

Рисунок 9. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

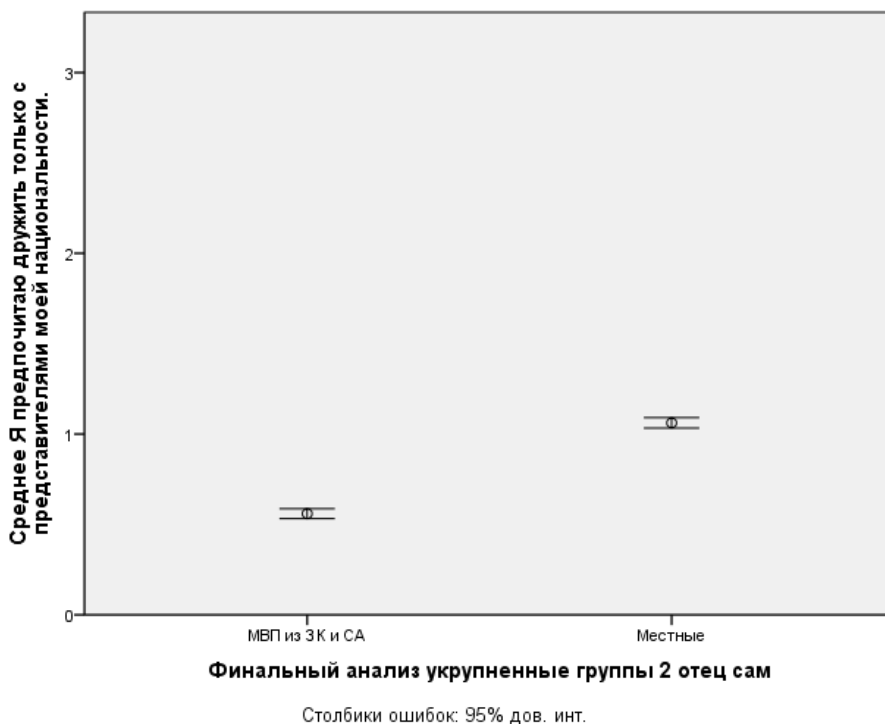

Рисунок 10. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» мигрантов второго поколения и местных респондентов

В табл. 9 и на рис. 11 представлен приблизительный процент представителей той же этнической категории в различных кругах общения респондентов. Этот процент был получен следующим образом: значения шкалы, колеблющиеся от 0 до 3, были умножены на 33,3%. Все различия между местными и МВП статистически значимы. Различия между закавказскими и среднеазиатскими МВП значимы только в отношении кругов общения в школе, на учебе и в социальных сетях, а также в отношении соседей. Анализ демонстрирует, что, во-первых, местные значительно больше общаются с представителями «своей» этнической категории, более того, следует отметить, что в категорию «местные» включены как «русские», так и «нерусские», последние же зачастую проживают в национальных республиках, и в совокупности у «местных» вероятность, что случайным образом взятый человек в школе или на работе будет представителем «их» этнической категории, выше, чем у этнических МВП. Именно этим по большей части объясняется разрыв между местными и МВП в части кругов общения. Вместе с тем в разных кругах общения у МВП представители той же этнической категории представлены в разной степени. В частности, меньше всего представителей той же категории среди соседей, а больше всего — среди лучших друзей и друзей в социальных сетях. В последнем случае речь идет о поприщах, где МВП имеют больше возможностей для выбора,

из чего мы можем заключить, что имеет место так называемая инбридинговая гомофилия [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001], то есть выбор партнеров в той или иной деятельности, основанный на сознательном или несознательном притяжении подобного, в результате чего представленность в личных сетях представителей «своей» категории будет выше, чем если бы взаимодействующие пары складывались случайным образом.

Таблица 9. Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных респондентов, %

	Круги общения в школе	Круги общения на работе	Круги общения на учебе	Круги общения соцсети	Круги общения друзья	Круги общения соседи
Закавказские МВП	26	23	30	43	41	15
Среднеазиатские МВП	20	27	21	40	39	11
Все МВП	25	24	29	43	41	15
Местные	75	73	70	69	76	71

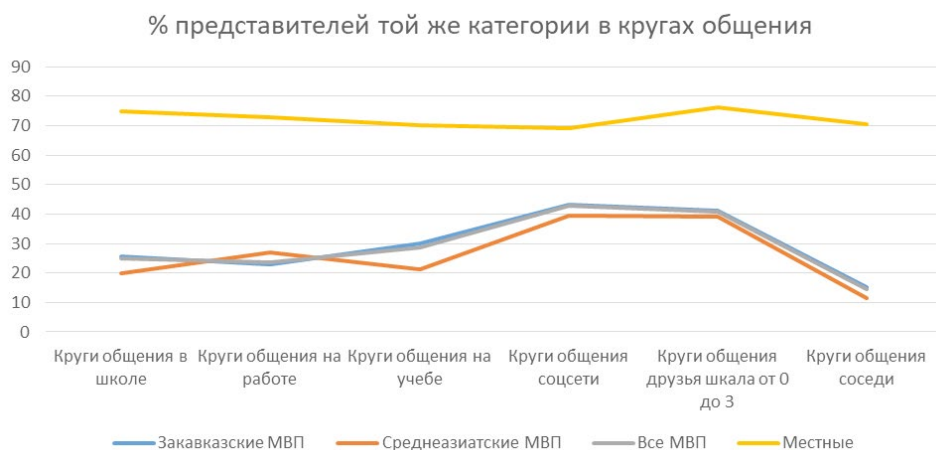

Рисунок 11. Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных респондентов

Можно проверить эту гипотезу и иным способом — проведя корреляционный анализ и посчитав связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения. Анализ демонстрирует, что там, где возможность выбора меньше (соседи), связь между переменными значительно слабее, чем там, где респондент может выбирать (друзья) (см. табл. 10).

Таблица 10. **Корреляционный анализ: связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения**

Круги общения	Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности.
В школе	,217***
На работе	,196***
На учебе	,210***
Соцсети	,288***
Друзья	,308***
Соседи	,088***

Остается, однако, вопрос, в какой степени, если возможность дружить с представителями той или иной категории структурно присутствует, МВП ей обязательно воспользуются. В анкете был вопрос о присутствии в классе представителей этнической категории информанта (см. табл. 11). Обязательно ли они дружили?

Анализ демонстрирует, что примерно 17 % респондентов (чуть больше у среднеазиатских МВП, чуть меньше у закавказских) даже в случае, если представители «своей» категории присутствовали в классе, не дружили с ними. Согласно качественным данным, такое положение вещей распространено, если респондент и его одноклассник разного пола, разной классовой или страновой принадлежности. Приехавший в Москву в девятом классе из Узбекистана У. (м., 21, узб., Москва) вырос в интеллигентной семье, отучился в Самарканде восемь лет в хорошей гимназии, первым языком считал русский, а вторым — самаркандский (называя так городской диалект, сложившийся на основе таджикского с заимствованиями), в Москве же попал в обычную районную школу; среди его одноклассников был кокандский сельский узбек, но с ним он предпочитал не дружить, не находя с ним ничего общего, а общался с русскими одноклассниками, которые, как и он, интересовались учебой. Два мигранта второго поколения узбекского происхождения — один из Узбекистана, второй из Киргизии (м., 21, узб., ХМАО), — учились в одном классе в одном из поселков ХМАО, но никогда не дружили, периодами же открыто конфликтовали — что объясняли, среди прочего, тем, что жившие в этом поселке узбеки из Киргизии и Узбекистана плохо относились друг к другу. Девушка азербайджанского происхождения (3, ж., 26 лет, азерб., Иркутская область), выросшая в Иркутске, училась вместе с азербайджанцем, но не могла с ним дружить из-за ограничений на общение девочек с противоположным полом:

Таблица 11. Распределение ответов на вопросы про друзей в школьном возрасте и одноклассников «своей» этнической категории по группам респондентов: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Группы				Дружил ли с представителями «своей» этнической категории в школе		% не друживших с представителями «своей» этнической категории в случае, если они были в классе	Итого	
				Да	Нет			
Закавказские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1201	249	17 %	1450	
			%	48 %	10 %		58 %	
	Нет	N	326	731	1057			
		%	13 %	29 %	42 %			
	Итого			N	1527		980	2507
				%	61 %		39 %	100,0 %
Среднеазиатские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	148	34	19 %	182	
			%	33 %	8 %		41 %	
	Нет	N	61	197	258			
		%	13 %	44 %	59 %			
	Итого			N	209		231	440
				%	47 %		52 %	100,0 %
Итого	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1349	283	17 %	1632	
			%	46 %	10 %		55 %	
	Нет	N	387	928	1315			
		%	13 %	31 %	45 %			
	Итого			N	1736		1211	2947
				%	59 %		41 %	100,0 %

«Из азербайджанцев только я училась, получается, и один мальчик, причем тоже из Грузии. И... Ну, у нас нет такого, чтоб мы с мальчиками дружили. <...> У нас в детстве, помню, соседи тоже наши были, тоже с Грузии. И там мальчики были, и они звали своих мальчиков друзей, и собирались в общую компанию, в теннис играли, смотрели, угорали, хорошо общались. Когда уже постарше были, как-то было такое, я с дядей проходила, и они навстречу шли. Ну, я поздоровалась. Мне тогда было лет 14, где-то так. Я поздоровалась, друг детства, что не поздороваться. Меня дядя так отругал: «Ты что с мальчиками здороваешься?». Потом объяснил мне, что нельзя так, что с мальчиками у нас не дружат, даже не здороваются, на это плохо будут смотреть. Но сейчас я понимаю, да, среди взрослых... Но тогда для меня это очень дико было, это же друг детства, как это я не буду с ним здороваться. Но потом они тоже это поняли, видимо, им тоже сказали. Мы, когда друг друга видим, просто проходим, типа не замечаем».

Напротив, некоторые респонденты дружили в школе с представителями своей этнической категории, даже если их не было в классе. Механизмы складывания таких дружеских отношений можно проиллюстрировать следующим отрывком из интервью с Б. (м., 25, арм., Иркутская область):

Р: У меня с детства были друзья армяне, а потом в процессе становления превратился круг в более обширный, появилось много русских, бурятов, азербайджанцев. А с детства мы в основном общались армянским кругом. <...>

И: А ваш круг в школьное время?

Р: В школьное время это были друзья мои, это были армяне, сыновья друзей отца. То есть мы с ними подружились. Ну, там соседи мои. Вот, как Э. сказал, мы видели армянина — знакомились. Вот так же и у меня. Но одноклассников и однокурсников армян, у меня, к сожалению, не было. <...> Я сильно хотел, чтобы у меня были армяне, но в ни в школе, ни в институте. Вообще ни одного. Парадоксально, но так.

Таким образом, можно говорить, что круги общения мигрантов второго поколения отнюдь не являются этнически эксклюзивными, и в них в абсолютном большинстве случаев будут присутствовать представители прочих этнических категорий. В то же время среди МВП распространена установка на поддержание отношений с представителями «своей» категории, что будет проявляться в этнической принадлежности собеседников в социальных сетях и лучших друзей. Вместе с тем доля МВП, заявляющих, что все их лучшие друзья — представители «их» категории, невелика и составляет порядка 15 %. Кроме того, из качественного исследования известно, что существенная доля таких друзей, равно как и собеседников в социальных сетях, — это члены семьи, которые лишь во вторую очередь являются представителями той же этнической категории, с которой себя связывает респондент. В целом замкнутые этнические сообщества мигрантов второго поколения, даже несмотря на присутствующую среди некоторой их части установку на преимущественную дружбу с представителями «своей» категории, не складываются, и хотя моноэтнические дружеские круги имеют место, они «раскупориваются» посредством коммуникации на прочих поприщах, в которых МВП принимают участие на протяжении всей жизни — в школе, на работе и в районах проживания.

В какой степени в исследуемых группах присутствуют установки на моноэтнические браки и романтические отношения и в какой степени эти установки реализуются? Косвенным образом об установках можно судить по распределению ответов на вопрос о «национальности» гипотетического супруга дочери. Здесь и до конца пункта для расчетов группы выделены по месту рождения и национальности отца.

Согласно расчетам, различий в этой установке между среднеазиатскими МВП и местными нет, в то же время обе эти группы отличаются от закавказских МВП, среди которых полное или частичное согласие с соответствующим высказыванием присутствует более чем в половине случаев (см. табл. 13). Анализ средних (см. рис. 14) в том случае, если перекодировать значения переменной таким образом, что полное согласие с этим утверждением становится значением 3, а полное несогласие — значением 0, также указывает на большую распространенность этой позиции среди МВП из Закавказья. Вместе с тем согласие с этим утверждением как минимум частично может быть культурным кодом и актом идентифи-

кации со «своей» этнической категорией, а не руководством к действию в жизни. Например, выросший в азербайджанской семье в Тюмени холостой Н. (м., 26, азерб., Тюменская область) хотел бы жениться, но далее он сталкивается со следующей дилеммой. С одной стороны, он думает, что жениться надо на азербайджанке, и именно этого от него ждут все родственники, особенно из-за того, что он последний в их роду мужчина (он единственный сын в своей семье, а у остальных братьев его отца — только дочери), а с другой стороны, опыт ухаживания за девушками азербайджанского происхождения у него негативный, и в целом он хотел бы чего-то «особенного». В результате в силу возраста он начинает допускать, что женится на девушке другой «национальности». Другой информант объяснял, что жена той же «национальности» важна для того, чтобы сохранить «народ»: «У нас большая история, великие предки, вот как раввин говорит, что он передает своему ученику и он должен продолжить, да? Так же и я вижу так. В современном мире стираются грани национальной идентичности. С точки зрения христианства это неплохо, мы все равны, мы все должны быть людьми, но, допустим, я, для меня понятие народа, культ народа, грешно, чуть выше, чем религии» (У., м., 29 лет, арм., Тверская область). Однако в какой степени мигранты второго поколения вступают в супружеские и романтические отношения с представителями других категорий?

Таблица 13. Кросс-табуляция: Согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Все МВП	Местные	Хи-квадрат
Полностью согласен	N	823	109	932	1290	119,775*** при сравнении отдельно по группам, 71,569*** при сравнении всех МВП и местных
	%	30,3%	19,8%	28,5%	21,5%	
Скорее согласен	N	670	107	777	1395	
	%	24,7%	19,5%	23,8%	23,2%	
Скорее НЕ согласен	N	760	197	957	1928	
	%	28,0%	35,8%	29,3%	32,1%	
Полностью НЕ согласен	N	465	137	602	1391	
	%	17,1%	24,9%	18,4%	23,2%	
Итого	N	2718	550	3268	6004	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

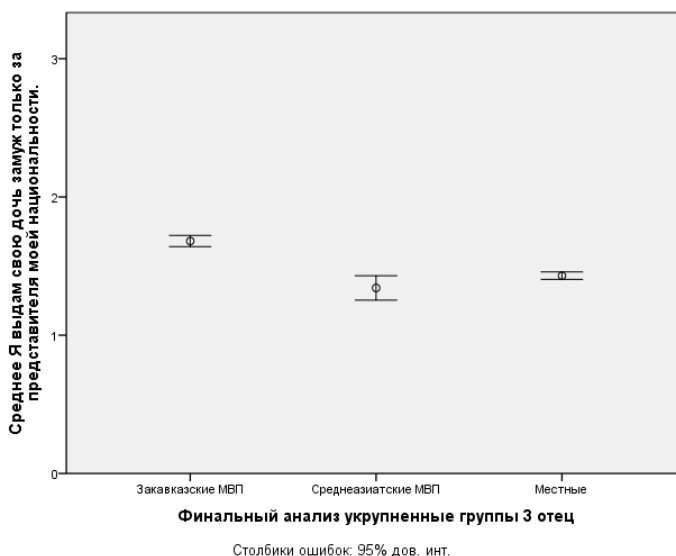

Рисунок 14. Сравнение средних: согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Согласно полученным данным, среднеазиатские МВП в выборе национальности супруга не отличаются от закавказских МВП, равно как и паттерны, связанные с этнической принадлежностью романтического партнера, у этих двух групп практически идентичны (см. табл. 14). Более того, гендерное распределение в части этнической принадлежности романтического партнера у этих групп также не различается — лишь у порядка трети мужчин романтические партнерши связаны с той же этнической категорией, что и сами респонденты, для женщин же в обеих группах эта доля составляет чуть менее двух третей. В ходе качественного этапа исследования информанты не раз отмечали, что представление о запретности для девушки выхода замуж за представителя «чужой» национальности усваивается с детства, в результате чего девушки нередко перестают даже воспринимать таких молодых людей в романтическом свете — как рассказала девушка, выросшая в азербайджанской семье в Новом Уренгое (ж., 26, азерб., ЯНАО): «Знаете, это уже заложено, что не отдадут. Нашим парням-то еще можно как-то, они на русских женятся... а у нас уже заложено, у девочек, что нельзя, запрет, все, поэтому даже и не смотрят, как-то всерьез не воспринимают никого. У меня точно так же, не воспринимаю никого, даже не смотрю в сторону. Даже если общаюсь — с тем же однокурсником [по словам информантки, он был русский и намекал на возможность встречаться] — это просто однокурсник, друг, все, больше ничего не может быть. Даже мыслей не бывает, чтобы другим взглядом на него посмотреть, такого не бывает».

Таблица 14. **Распределение ответов на вопрос об этнической категории супруга или партнера по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП и местные**

	Закавказские МВП				Среднеазиатские МВП				Местные				Хи-квадрат
	м	ж	Все	N	м	ж	Все	N	м	ж	Все	N	
Супруг той же национальности	48%	63%	56%	551	65%	53%	58%	127	69%	72%	71%	2697	48,638***
Романтический партнер той же национальности	31%	63%	48%	730	34%	61%	46%	169	68%	63%	65%	1628	75,273***

Молодые люди из числа мигрантов второго поколения, согласно глубинным интервью, избегают романтических отношений с девушками «своей» этнической категории: например, О. (м., 23, азерб., ЯНАО), по его признанию, никогда не рассматривал их для «несерьезных отношений», поскольку «проблем не оберешься». Он говорил, что все в его городе всех знают, и такие новости мгновенно распространяются.

Таким образом, мигранты второго поколения хотя в целом и ценят личные отношения с представителями своей группы, редко замыкаются только на таких отношениях, и на учебе и на работе обязательно общаются с кем-то другим. Браки заключаются чаще с представителями той же этнической категории, и существенной разницы в гендерном разрезе не фиксируется, а романтические отношения сильно различаются у мужчин и у женщин; молодые люди чаще встречаются с девушками, связанными с прочими этническими категориями.

Культурная интеграция

Пункт о культурной интеграции призван ответить на вопросы о том, насколько мигранты второго поколения отличаются от местных в части культурных паттернов, а также в какой степени эти паттерны меняются со временем и в принципе имеют потенциал к изменению. Для ответов на эти вопросы, во-первых, проведен анализ различий между группами в ответах на вопросы о наиболее ярких культурных нормах — гендерных и брачных, во-вторых, показано, в какой степени эти нормы воспроизводятся через поколения, в-третьих, продемонстрировано, в какой степени те или иные нормативные паттерны связаны с продолжительностью жизни в России.

Культурная интеграция — это сложный нелинейный процесс, в рамках которого зачастую на мигрантов влияют паттерны разных культур. В типичном случае мигрантов второго поколения эти разные паттерны предстают в виде семейных норм и норм принимающего общества. Принимающее общество не абстрактно,

оно проявляется в ходе коммуникации МВП с соседями, одноклассниками, коллегами по работе и проч. С учетом того, что Россия — большая и многонациональная страна, опыт взаимодействия с «культурой принимающего общества» у МВП может существенно различаться в зависимости от контекста этого взаимодействия. Тем не менее в качественном исследовании в интервью воспроизводился образ «русской культуры», от которого МВП могли отталкиваться в самопозиционировании или просто констатировать определенные его паттерны. Элементы этого образа включают в себя, например, то, что в России женщины не умеют готовить (Г., ж., 20 лет, арм., Краснодарский край), в России «нет ориентации на семью» (Д., м., 30 лет, тадж., Тюменская область), русские на досуге «ходят в кальянную и пить» (Б., ж., 20 лет, азерб., Тюменская область).

Для данного анализа, однако, важнее объективные отличия от культурных паттернов, распространенных среди разнообразного немигрантского населения России. В связи с этим было принято решение сравнить как две группы — местных и МВП, — так и четыре группы — закавказских и среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских, — при том, что последняя группа также крайне разнородна и в нее попали те, кто отметил, что их отец, например, поляк, аварец, еврей или татарин. Вместе с этим наша выборка (для категории «местные») в общих чертах воспроизводит национальный состав России: вслед за «русскими» в массиве располагаются татары, украинцы, башкиры и чуваша, и хотя национальный состав «местных нерусских» довольно пестрый, как и в России в целом, в нем преобладают представители кавказских и волжских национальных категорий. На основании всего этого вопрос о схожести культурных паттернов следует сформулировать несколько точнее: в какой степени МВП отличаются от местных — в целом, а также отдельно русских и нерусских.

В отношении гендерных норм можно утверждать, что единственная значимая разница зафиксирована между «местными русскими» и прочими группами, в том числе как среднеазиатскими, так и закавказскими мигрантами второго поколения, при этом две последние группы по большинству вопросов не отличаются от «местных нерусских» (см. табл. 15, рис. 15, рис. 17). Эти три группы более консервативны и чаще соглашались с тем, что если муж зарабатывает меньше жены, для него это позор, а также реже соглашались с тем, что для женщины важно реализовать себя в профессии. Единственное высказывание, в распределении реакций на которое есть разрыв между «этническими» группами — это высказывание «если в семье достаточно денег, женщине не нужно работать». С этим существенно чаще прочих групп соглашались среднеазиатские МВП, у закавказских же МВП, а также местных нерусских, хотя и есть отличие от местных русских, но меньшее, чем отличие каждой из этих групп от среднеазиатских МВП. В то же время следует отметить, что местные русские в сравнении с прочими группами менее консервативны, но назвать среднее значение по этой группе «либеральным» довольно сложно: например, согласных с высказыванием, согласно которому в семье все решения должен принимать муж, среди местных русских примерно столько же, сколько несогласных. Анализ различий между МВП и местными в целом позволяет говорить, что МВП чуть консервативнее местных, однако этот разрыв невелик (см. рис. 16, рис. 18).

Таблица 15. Средние значения ответов на гендерные вопросы и вопросы о брачных практиках закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП, местных русских, местных нерусских и всех групп местных респондентов

	Если денег в семье достаточно, женщине не нужно работать*	Для женщины важно реализовать себя в профессии	Если муж зарабатывает меньше жены, это позор для него	В семье все решения должен принимать муж	Виньетка — возвращаться ли жене на работу после декретного отпуска**	До свадьбы мы ни разу не целовались	Решение о нашей свадьбе было принято за нас нашими родителями	На нашей свадьбе были мои родственники, которых я никогда не видел(а)	Мы познакомились в интернете (в соцсетях, на сайтах знакомств и проч.)
Закавказские МВП	1,59	2,11	1,23	1,68	,45	,20	,10	,25	,33
Среднеазиатские МВП	1,81	2,15	1,27	1,65	,50	,18	,17	,31	,31
Местные русские	1,48	2,01	1,04	1,42	,35	,08	,10	,15	,29
Местные нерусские	1,59	2,07	1,30	1,67	,42	,17	,19	,29	,39
Все МВП	1,63	2,12	1,24	1,67	,46	,20	,11	,26	,32
Все местные	1,50	2,02	1,09	1,47	,37	,10	,12	,18	,31

* Для первых четырех вопросов шкала средних варьируется от 0 (полное несогласие с высказыванием) до 3 (полное согласие с высказыванием), при этом шкала для вопроса 2 (реализация в профессии) является перевернутой. Шкала для остальных пяти вопросов — от 0 (несогласие с высказыванием) до 1 (согласие с высказыванием).

** Формулировка вопроса: «Представьте себе ситуацию. Ваши друзья поженились, у них родился ребенок. Они думают, должна ли жена уйти с работы и, пока дети не вырастут, заниматься только домом и детьми, или после декретного отпуска она может выйти на работу. Как Вы считаете, как им следует поступить?»

1. Пусть жена уйдет с работы и, пока дети не вырастут, занимается только домом и детьми.
2. Пусть жена после декретного отпуска выйдет на работу.

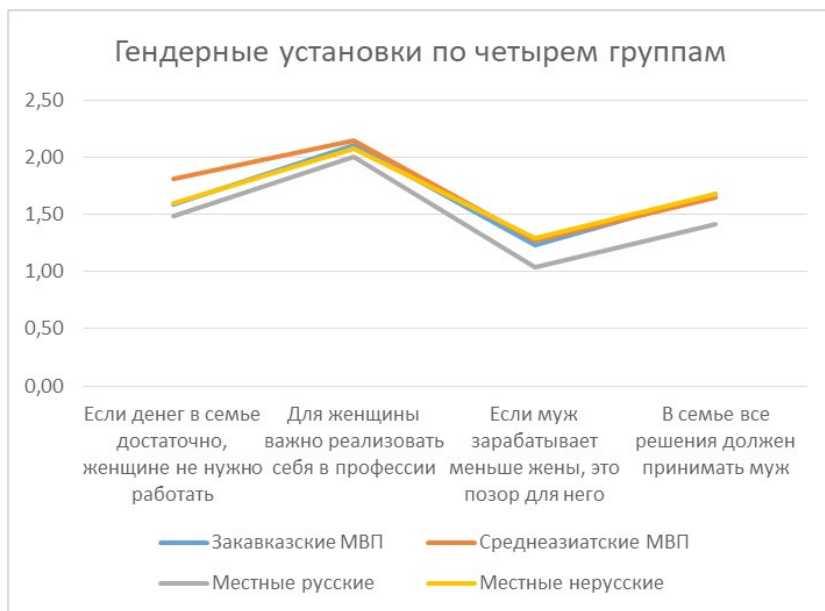

Рисунок 15. Гендерные установки закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

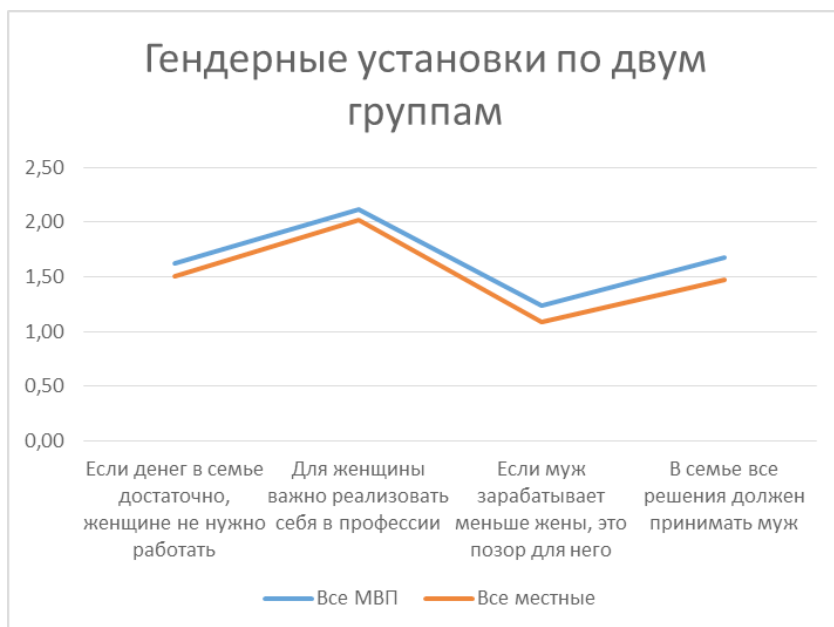

Рисунок 16. Гендерные установки МВП и местных респондентов

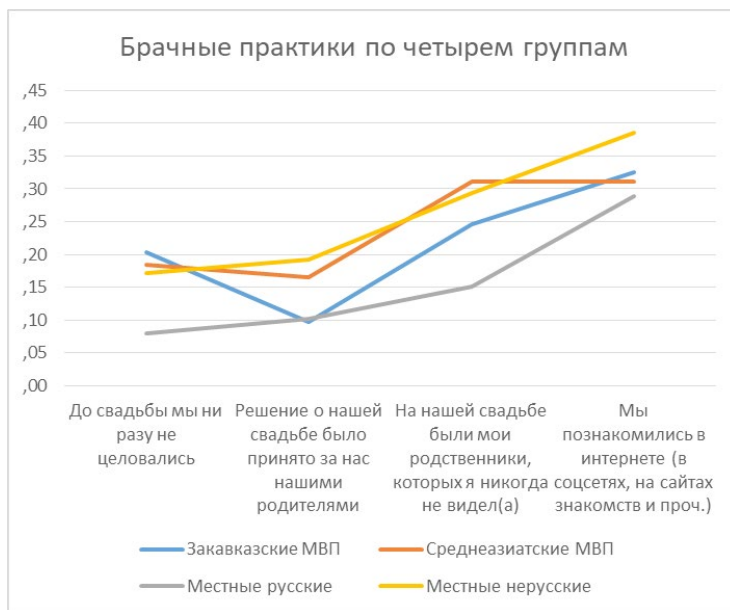

Рисунок 17. Брачные практики закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

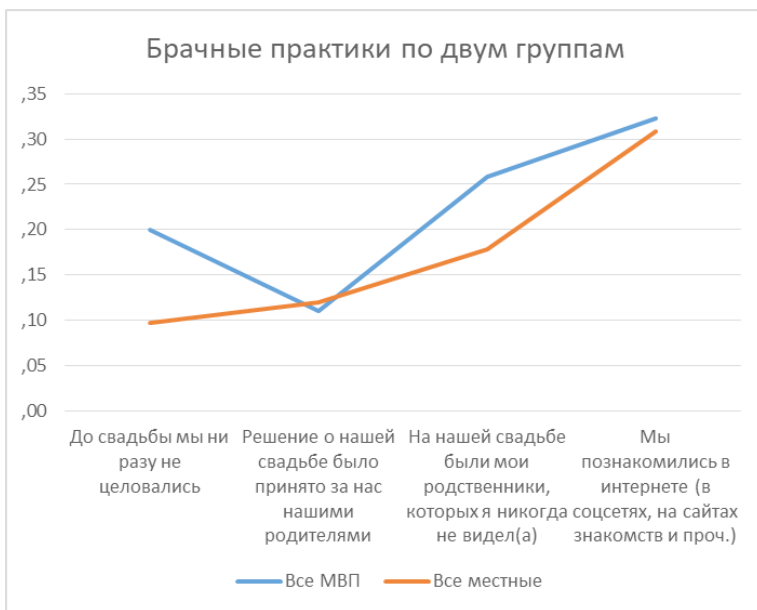

Рисунок 18. Брачные практики МВП и местных респондентов

Интересные паттерны выявил анализ вопросов о браке, которые задавались только женатым и замужним респондентам. В целом тенденция сохраняется, и МВП более консервативны, чем местные; местные русские по большинству вопросов отличаются от прочих групп, а местные нерусские скорее похожи на МВП из Закавказья и Средней Азии, чем на местных русских. Вместе с тем есть ряд тенденций, за которыми могут скрываться новые культурные модели, складывающиеся в ходе культурной интеграции. В частности, если не целовались до свадьбы 15%—20% «нерусских» респондентов (МВП и местных), и около 8% местных русских, в части того, кем принималось решение о свадьбе — молодоженами или их родителями — значение закавказских МВП идентично значению местных русских и составляет 10%, при этом обе эти группы «проигрывают» среднеазиатским МВП (16%) и местным нерусским (19%). Среднеазиатские МВП также больше похожи на местных нерусских, чем на закавказских МВП в распределении ответов на вопрос о том, были ли на их свадьбе родственники, которых они не знали. Косвенным индикатором консервативности (впрочем, не только ее), кроме того, может служить распространенность практики знакомств в интернете — консервативные среды стимулируют такие знакомства. По этому критерию МВП не отличаются ни от местных русских, ни от местных нерусских, а вот различия между этими двумя группами, напротив, значимы, и местные нерусские превосходят местных русских по этому критерию.

Что стоит за этими ответами? Как происходят знакомства в интернете, как заключаются браки без каких-либо интимных контактов жениха и невесты до свадьбы среди мигрантов второго поколения? Установка на то, что все интимные контакты, включая поцелуи, должны происходить только после свадьбы, связана с необходимостью абсолютной чистоты девушки, поскольку репутация девушки напрямую отражается на репутации ее жениха. В ходе групповой дискуссии молодые люди азербайджанского происхождения, выросшие в Москве, обсуждали, почему они до сих пор не женаты — хотя им уже больше 25 лет, и объясняли это большим риском встретить девушку-азербайджанку, собраться на ней жениться, но узнать, что она с кем-то ходила в кино и целовалась. П. (м., 23, арм., Краснодарский край) рассказывал про шутки своих двоюродных братьев, которые задают друг другу «сложные вопросы»: *«ты ее целуешь, а ты уверен, что она нецелованная? А если миллион дам, возьмешь в жены недевственницу?»* В рамках этой консервативной модели девушка, кроме того, не должна проявлять инициативу и показывать, что ей понравился молодой человек. Более того, в консервативных семьях девушки в принципе ограничены в возможностях знакомиться и общаться с противоположным полом, и социальные сети в этом смысле становятся пространством свободы, хотя и относительной. В ходе интервью с двумя девушками, выросшими в азербайджанских семьях в Тюменской области, а также в ходе групповой дискуссии с девушками армянского происхождения в Сочи, обсуждалась возможность познакомиться с молодым человеком — так, чтобы соблюсти все приличия, но при этом пообщаться с ним без строгого присмотра взрослых. Одни признавали, что социальные сети — это один из немногих вариантов, а другие этот вариант отменяли, впрочем, взамен они ничего предложить не могли, кроме разве что вмешательства сверхъестественных сил. При этом знакомство в соци-

альных сетях тоже предполагает определенный набор правил — как рассказала информантка, выросшая в ХМАО в талышской семье (ж., 16, азерб., Тюменская область), если понравился парень — то нельзя его добавлять в социальных сетях, и нельзя быстро одобрять его запрос на дружбу; необходимо подождать, пока он поставит некоторое количество «лайков», «лайкнуть» в ответ — и только после этого можно добавлять друг друга в друзья. Таким образом, социальные сети — это пространство, поведение в котором тоже регламентируется, но оставляет возможность для знакомства и общения в ситуации, когда остальные способы знакомств недоступны или сильно ограничены.

В какой степени происходит межпоколенческий дрейф ценностей? Для ответа на этот вопрос на основании переменных, описывающих гендерные установки родителей и детей, были созданы две переменные — гендерные установки родителей и гендерные установки детей, — каждая из которых имела три позиции: консервативные, нейтральные и либеральные. Далее была осуществлена кросс-табуляция по родителям и респондентам, а также создана новая переменная, оценивающая межпоколенческую динамику «шагами» (см. табл. 16). В частности, если респондент воспитывался в консервативной семье, а сейчас исповедует либеральные взгляды, его грация — это «сделал два «либеральных» шага». По аналогии было созданы прочие грации.

Таблица 16. Кросс-табуляция ответов родителей респондентов и респондентов на гендерные вопросы

Родители и респондент в гендерных вопросах			Респондент в гендерных вопросах			Итого
			Консервативный	Нейтральный	Либеральный	
Родители респондента в гендерных вопросах	Консервативные	N	447	696	351	1494
		%	13,5%	21,0%	10,6%	45,0%
	Нейтральные	N	288	550	445	1283
		%	8,7%	16,6%	13,4%	38,7%
	Либеральные	N	61	194	287	542
		%	1,8%	5,8%	8,6%	16,3%
Итого		N	796	1440	1083	3319
		%	24,0%	43,4%	32,6%	100,0%

Большинство мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии выросли в консервативных семьях (45 %). В чем выражается консерватизм? Один из наиболее ярких примеров консервативной семьи — семья Л. (ж., 19, арм., Москва):

Р: Родные у меня два брата. Одному брату двадцать три года, и второму четыре.

И: Девочек нет?

Р: Нет.

И: Поэтому на Вас такое пристальное внимание?

Р: Да. И со стороны брата, и со стороны отца.

И: Кто более жесткий?

Р: Жесткий? Более строгий отец, более жесткий брат. Объясню разницу. Отец может спокойно сказать: «Нет, ты туда не пойдешь». Я не буду спорить, это нормально. А брат докапывается до всего. Допустим, я надену какое-то платье облегающее. Когда мы пойдем гулять, он до этого платья докопается. А отец сразу скажет «снимай», спокойно.

И: У вас нет облегающих платьев, да, в гардеробе?

Р: Одно есть.

И: Как вы одежду выбираете, с мамой?

Р: Нет, сама. Сама уже себе не позволяю носить то, что, я знаю, будет вульгарно выглядеть, не понравится отцу, не понравится брату, я не смогу в этом, допустим, в ресторане станцевать. А на каждый день главное, чтобы одежда закрытая была.

И: Топик какой-нибудь, майка?

Р: Чтобы ничего не было видно. Рукава — нет, без проблем. Юбки до колена. Выше колена шорты можно. Удивительно, но отец разрешает мне носить шорты, даже короткие.

И: Надо пользоваться!

Р: Но сейчас мне уже самой некомфортно, выросла.

И: Но лет в четырнадцать?

Р: Да. Купальники — я не особо купаюсь, чтобы их носить. Допустим, в деревне если мы ходили в озере купаться, то топик, шорты обязательно тоже. Там были парни, которые заглядываются, и это очень плохо. Здесь я не хожу в бассейн. Не умею плавать. Купальник есть, но я его не ношу, некуда его носить.

И: То есть если вечеринка в бассейне с девочками, только тогда?

Р: Вечеринка?

И: Ну, условно. Типа сауны, бассейна?

Р: Туда мне тоже нельзя. Недавно был день рождения моей подруги, там была вся ее семья, это ресторан был. Человек сто там было. Там были все наши друзья, парни, девочки. Отец с большим трудом мне разрешил. Были слезы, скандалы, но все-таки он разрешил. Все обошлось спокойно.

Сами мигранты второго поколения, однако, придерживаются консервативных взглядов реже родителей — только в 24 % случаев; нейтральная и либеральная гендерные позиции в этих вопросах среди них распространены в большей степени (см. табл. 17). Наиболее частотный шаг — это шаг от консервативной позиции семьи к личной нейтральной позиции (21 % случаев), реже всего осуществляется переход от либеральной позиции родителей к личной нейтральной позиции. Примерно в 40 % случаев сохраняется status quo. Кто, однако, с большей вероят-

ностью, социализировавшись в консервативной семье, не будет придерживаться консервативных позиций: среднеазиатские или закавказские МВП? Согласно вычислениям, родившиеся в консервативных семьях закавказские МВП остаются консерваторами только в 29 % случаев, а среднеазиатские — в 34 %. Более того, закавказские МВП из таких семей чаще встают на выраженные либеральные позиции: в 24 % случаев против 17 % у среднеазиатских МВП. Такие переходы, в рамках которых дети «либеральнее» родителей часто сопровождаются конфликтами: «Для них [родителей] план жизни расписан — это окончить универ, жениться (причем только на своей), что я, конечно же, делать не буду, завести как можно скорее детей и все, а я как бы этого не хочу лет до 35, допустим. И часто возникают ссоры. У меня есть свои планы на жизнь и цели» (К., м., 20 лет, азерб., Тюменская область). Важно отметить, что нормативные конфликты происходят и тогда, когда по части вопросов родители и дети сходятся. Например, по поводу внешнего вида постоянно конфликтует с родителями Р. (ж., 25, азерб., Тюменская область), она наперекор родителям красит волосы в красный цвет и бреет виски, спорит с родителями по поводу возможности самостоятельно принимать решения, пугает их тем, что она атеистка, но с женихом откладывает сексуальные отношения до свадьбы, хотя родителям сразу сказала, что после первой брачной ночи проверять простыню на предмет наличия крови не даст. Кроме того, как видно из таблицы, редко, но встречаются ситуации, когда родители придерживаются более либеральных взглядов, чем их дети: например, в семье армян, переехавших в Москву, дочь, выросшая уже в России, считает, что ее мама одевается не так, как положено скромной армянской женщине, и иногда просит ее надеть более закрытую одежду (Б., ж., 23 года, арм., Москва).

Таблица 17. **Гендерные установки респондентов по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП**

Дети консервативных родителей в гендерных вопросах		Респондент в гендерных вопросах		
		Консервативный	Нейтральный	Либеральный
Закавказские МВП	N	383	606	319
	%	29,3%	46,3%	24,4%
Среднеазиатские МВП	N	64	65	32
	%	34,4%	48,4%	17,2%

Важно отметить, что есть существенные гендерные различия в части динамики позиции по гендерным вопросам (см. табл. 18). Так, мужчины гораздо чаще остаются на позициях родителей или делают шаги в сторону более консервативной позиции, женщины наоборот — более чем в 50 % случаев (против 32 % у мужчин) оказываются более либеральных взглядов, чем их родители.

Таблица 18. Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах по полу

Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах		Мужской пол	Женский пол	Итого
Сделал два консервативных шага	N	30	31	61
	%	2,3%	1,5%	1,8%
Сделал один консервативный шаг	N	278	204	482
	%	21,5%	10,1%	14,5%
Остался на тех же позициях	N	572	712	1284
	%	44,1%	35,2%	38,7%
Сделал один либеральный шаг	N	364	777	1141
	%	28,1%	38,4%	34,4%
Сделал два либеральных шага	N	52	299	351
	%	4,0%	14,8%	10,6%
Итого	N	1296	2023	3319
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Таким образом, консервативная позиция, которой характеризуются родители МВП, далеко не всегда воспроизводится в поколении детей, и ценностные изменения через поколение происходят.

Однако в какой степени гендерные установки различаются в зависимости от того, родился мигрант в России или нет, и если нет, от возраста, когда он был перевезен, то есть от поколения в миграции в узком смысле? Согласно устоявшейся терминологии, вторым поколением в узком смысле называются те, кто родился в стране, куда переехали его родители; 1,75 — это те, кто переехал в принимающую страну, будучи дошкольником; 1,5 — это те, кто оказался в принимающем обществе в возрасте 7—13 лет; а 1,25 — это те, кто приехал после этого, но до совершеннолетия [Rumbaut, 1997]. Кроссекционный анализ является грубым способом измерения динамики установок со временем, однако позволяет сделать обоснованное предположение о явлении (см. табл. 19). Согласно анализу, не зафиксировано различий между гендерными установками поколений 2, 1,75 и 1,5, в то же время респонденты из поколения 1,25 отличаются от всех прочих респондентов и разделяют более консервативные позиции. Таким образом, можно предположить, что ценностный дрейф происходит с большей вероятностью в случае, если переезд произошел до 14 лет. Качественные данные позволяют проиллюстрировать такой переход внутри одной семьи. В семье Д. (ж., 23, тадж., Тюменская область) помимо нее есть еще две сестры, одна из них младше на два года, другая — на девять лет; в России Д. пошла в седьмой класс, а ее средняя се-

стра — в пятый. Информантка отмечает отличия себя от сестры: сестра с большей легкостью надевает короткую и открытую одежду и вышла замуж не за таджика, а за чуваша, с которым познакомилась на работе.

Таблица 19. **Кросс-табуляция: гендерные установки респондентов по поколениям мигрантов**

Гендерные установки респондента		Поколение				Хи-квадрат
		2	1,75	1,5	1,25	
Консервативная	N	469	187	115	20	9,462
	%	24,1%	23,8%	22,7%	27,8%	
Нейтральная	N	842	339	217	40	
	%	43,3%	43,1%	42,9%	55,6%	
Либеральная	N	633	261	174	12	
	%	32,6%	33,2%	34,4%	16,7%	
Итого	N	1944	787	506	72	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

Мигранты второго поколения действительно несколько отличаются в части гендерных и брачных норм от местных, однако местные (в том числе «русские») в этом отношении далеко не «либералы», и разрыв между МВП и местными, небольшой. Кроме того, некоторые паттерны МВП из Закавказья больше близки местным «русским», чем МВП из Средней Азии, а последние, в свою очередь, в некоторых аспектах идентичны в своей позиции местным «нерусским», по части вопросов демонстрирующим наиболее консервативные позиции. Вместе с тем МВП уже зачастую совершили большой шаг в сторону более либеральных установок в сравнении с их родителями. Происходит. Объектом межпоколенческого ценностного перехода, однако, в меньшей степени, становится так называемое поколение 1,25, то есть люди, приехавшие в Россию в возрасте от 14 до 18 лет.

Идентификационная интеграция

Ключевой вопрос данного раздела — идентификация мигрантов второго поколения с Россией и их «лояльность» стране. Мигранты второго поколения, как правило, транснациональны, то есть за счет разных практик связаны одновременно с Россией и страной происхождения родителей, и в связи с этим возникает вопрос об эксклюзивности или инклюзивности их национальных и государственных идентичностей. Важно в свете этого понимать, в какой степени транснациональное поведение или сильная этническая идентичность «мешает» эмоциональной связи МВП с Россией. Следует отметить, что качественное исследование позволяет говорить о разбросе указанного признака. Хорошим его индикатором является поддержка той или иной спортивной команды на крупных соревнованиях. Некоторым информантам задавался вопрос, кого они поддерживают на Олимпийских играх,

и ответы варьировались. В частности, Б. (м., 22, арм., Москва), родившийся и выросший в Москве в семье азербайджанских армян, поддерживает прежде всего Армению, а уже затем Россию, а В. (ж., 22, азерб., ХМАО) болеет в первую очередь за Россию, а «по остаточному принципу» за Азербайджан. В какой степени среди МВП представлены двойные лояльности и насколько они эксклюзивны?

Респондентам был задан вопрос, где они чувствуют себя своими, с вариантами ответов «в России», «в стране происхождения родителей», «в обеих странах», «ни в одной из стран» (см. табл. 20). Анализ распределений показал, что абсолютное большинство «голосов» (около 80 %) примерно поровну распределилось между первым и вторым вариантами ответов, 10 % чувствуют себя своими только в стране происхождения родителей, а еще порядка 8 % ощущают себя маргиналами и не чувствуют себя своими ни в России, ни в стране происхождения родителей. Эти цифры характеризуют МВП как из Закавказья, так и из Средней Азии, и разницы между этими группами не зафиксировано.

Таблица 20. **Кросс-табуляция: ответы на вопрос «Где Вы в большей мере чувствуете себя своим?» по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП**

Чувствует себя своим		Группа респондентов		Итого
		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	
В России	N	1222	264	1486
	%	41,9%	42,1%	41,9%
В стране происхождения родителей (одного из родителей)	N	310	64	374
	%	10,6%	10,2%	10,6%
В обеих странах	N	1167	242	1409
	%	40,0%	38,6%	39,8%
Ни в одной из стран	N	217	57	274
	%	7,4%	9,1%	7,7%
Итого	N	2916	627	3543
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Респондентам было задано и несколько других вопросов об идентификации. В частности, предлагалось согласиться или не согласиться с высказываниями «Во мне есть многое как от русской культуры, так и от культуры страны, где родились мои родители», «В России меня никогда не будут считать своим», а также «Для меня важно, что я [ответ респондента на открытый вопрос о его национальности] по национальности» (см. рис. 19).

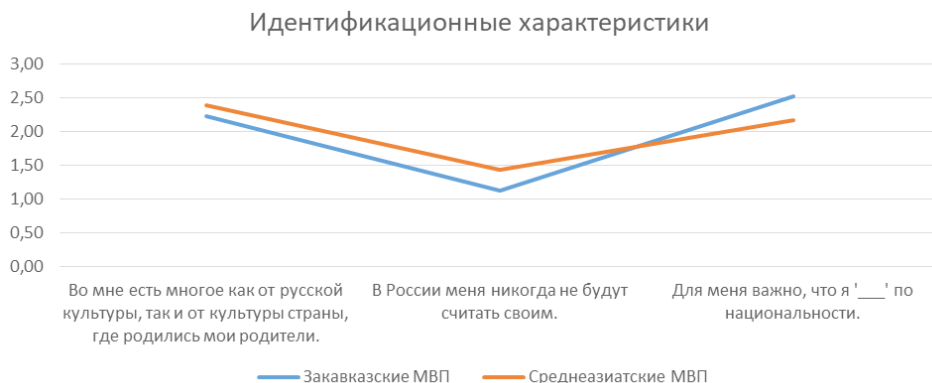

Рисунок 19. Ответы на вопросы об идентификации по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Анализ распределений на эти вопросы показал, что респонденты в целом соглашались с тем, что они впитали в себя две культуры, однако ощущение, что в России их не считают своими, присутствует, при этом касается это в большей степени МВП из Средней Азии. Степень же идентификации с категорией, которую они указали в качестве своей «национальности», у них также высока, и выше она у закавказских МВП. Таким образом, большая часть МВП считают Россию своей страной. Вполне характерен случай Б. (м., 20, арм., Москва), который особенно не рассуждает об этом на постоянной основе, однако когда интервьюер попросил его ответить на соответствующий вопрос, ответил однозначно: «Родина моя Россия получается, я же здесь родился». Характерен также случай В. (ж., 23, арм., Москва), которая говорит о наличии у нее двух родин одновременно:

И: А где твоя родина?

Р: У меня их, мне кажется, две. Потому что я очень благодарна России за эту всю возможность, то, что мои сюда переехали и смогли нас вырастить, дать нам все, все, что мы с сестрой хотели. Ну, а как я могу назвать своей родиной Россию, как бы... да, если я армянка. Я, получается, и там своя, и тут своя. Ну, или, и там чужая, и тут чужая.

Есть ли негативная связь между транснациональным поведением и этнической идентификацией, с одной стороны, и идентификацией с Россией, с другой?

Как можно судить из табл. 21, среди МВП в значительной мере распространено транснациональное поведение. В школьное время каждое лето в страну происхождения родителей ездила треть опрошенных, а еще чуть больше трети были там более одного раза. В то время как дети немигрантов отправлялись в деревню или в оздоровительный лагерь, мигранты второго поколения отдыхали у родственников в Закавказье или Средней Азии. Например, семья Д. (ж., 18, азерб., Тюменская область) каждое лето проводила в деревне недалеко от Гянджи, а И. (ж., 23, узб., Москва) родители отправляли к родственникам в Андижан, сами при этом оставались в России. Кроме того, нередко случалось, что МВП проводили в стране происхождения и более продолжительное время. Например, П. (м., 21, узб., Омская область) родился и пошел в школу в России, затем, после развода

родителей, с четвертого по седьмой класс жил в Киргизии, после чего вернулся в Россию. Кроме того, за последние пять лет как минимум три раза в стране происхождения был 31 % опрошенных МВП. Это в целом меньше, чем в школьные годы, что сообразуется с результатами анализа качественных данных, согласно которому интенсивность поездок в страну происхождения родителей по окончании школы снижается, однако тоже указывает на интенсивность транснационального поведения.

Таблица 21. Кросс-табуляции: ответы на вопросы «Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?» и «А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?» по ответам на вопрос «Чувствуете ли себя своим в России?»

	Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?	Чувствует ли себя своим в России		Итого	Хи-квадрат	А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?	Чувствует ли себя своим в России		Итого	Хи-квадрат
		Нет	Да				Нет	Да		
N	Да, каждое лето	255	931	1186	20,662***	Более пяти раз	103	287	390	47,126***
%		39%	32%	33%			16%	10%	11%	
N	Да, был несколько раз	232	1014	1246	20,662***	Три-пять раз	151	569	720	47,126***
%		36%	35%	35%			23%	20%	20%	
N	Да, был один раз	71	363	434	20,662***	Один-два раза	270	1142	1412	47,126***
%		11%	12%	12%			42%	39%	40%	
N	Нет, не был	90	587	677	20,662***	Ни разу	124	897	1021	47,126***
%		14%	20%	19%			19%	31%	29%	
N	Итого	648	2895	3543	20,662***	Итого	648	2895	3543	47,126***
%		100,0%	100,0%	100,0%			100,0%	100,0%	100,0%	

Согласно данным (см. табл. 22), связь между транснациональным поведением и ощущением себя своим в России присутствует — существенная часть тех, кто чувствует себя своим в России, в страну происхождения родителей ни в школьные годы, ни в последние пять лет не ездили, и эти цифры больше, чем среди тех, кто в России себя своим не чувствует. Одновременно с этим, если вернуться к соотношениям, видно, что среди тех, кто чувствует себя своим в России, интенсивно практиковали транснациональное поведение 67 % опрошенных, а из тех, кто хотя бы раз был в стране происхождения за последние пять лет, таковых 69 %.

Поэтому можно говорить, что связь между транснационализмом и ощущением себя своим в России если и есть, то слабая, и вполне возможно ездить в страну происхождения и ощущать себя своим в России, что и делает подавляющее большинство респондентов. Например, Н. (ж., 22, тадж., Москва) росла в Москве в семье мигрантов из Таджикистана, в которой считалось, что скоро они вернуться. В гости же в Худжанд — родной город родителей — Н. ездила регулярно. Приезжая туда, однако, она чувствовала себя чужой, а в Москве наоборот — своей. Другой пример отсутствия противоречия между российской идентичностью и транснационализмом — О. (ж., 17, кирг., Москва), которая каждый год ездит с семьей в Джалал-Абад, при этом считает Россию своей родиной.

Сходная ситуация — со связью между силой этнической идентификации и ощущением себя своим в России. Есть слабая связь между этими переменными ($r=0,058$, $p=0,001$), однако кросс-табуляция показывает, что среди тех, кто чувствует себя своим в России, очень ценят свою национальность 53% опрошенных против 62% среди тех, у кого с Россией «не сложилось» (см. табл. 22), и можно говорить о том, что сильная этническая идентичность и ощущение себя дома в России, вполне сочетаемы.

И: А как Вы себя чувствуете, армянином?

Р: Я полностью армянин, армянин, но россиянин. То есть в голове я армянин, просто очень дружелюбно отношусь ко всем народам, и к русским и ко всем, ко всем, но воспитание у меня более армянское получилось (м., 21, арм., Москва).

Таблица 22. Кросс-табуляция: согласие или несогласие с высказыванием «Для меня важно, что я ... по национальности» по ответам на вопрос «Чувствуете ли себя своим в России?»

Для меня важно, что я ... по национальности		Чувствует ли себя своим в России		Итого	Chi-квадрат
		Нет	Да		
Полностью согласен	N	350	1327	1677	16,840***
	%	62,8%	53,4%	55,1%	
Скорее согласен	N	130	755	885	
	%	23,3%	30,4%	29,1%	
Скорее не согласен	N	59	306	365	
	%	10,6%	12,3%	12,0%	
Полностью не согласен	N	18	98	116	
	%	3,2%	3,9%	3,8%	
Итого	N	557	2486	3043	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	

Более того, как минимум у части МВП идентичность является объектом рефлексии, и результатом этой рефлексии могут быть достаточно сложные лексические конструкции. Открытый вопрос в опросе позволял выявить такие идентичности: «армянка с русским сердцем», «армяноукраинка», «армянский сын русского наро-

да», «черный русский» (азербайджанец), «по крови киргиз, в душе русский». Среди прочих идентичностей, кроме того, распространена категория «мусульманин/мусульманка».

МВП в большинстве случаев чувствуют себя своими в России, однако страна происхождения родителей, равно как и собственная этническая принадлежность, для них также значат много, и в целом эти лояльности не конфликтуют ни в восприятии самих МВП, ни в их установках и поведении.

Заключение

Результаты исследования показывают, что мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии в целом успешнее местных в части образования, при этом если закавказские МВП существенно превосходят местных, то среднеазиатские МВП, которых в соответствующем возрасте в России меньше, «проигрывают» по этому критерию всем остальным, включая местных. На уровне доходов эти различия, однако, не сказываются — для всей страны он одинаков, при этом в столичных и нестоличных регионах, взятых отдельно, отличия есть. В кругах общения мигрантов второго поколения, как правило, присутствуют представители «своей» этнической категории, однако замкнутые группы такого рода в этой среде складываются редко, и в основном мигранты второго поколения общаются с представителями прочих этнических категорий. Женятся мигранты второго поколения на представителях своей этнической категории чаще, чем на представителях прочих категорий, а вот романтические отношения с последними происходят чаще, однако есть существенные различия по полу: молодые люди встречаются с представительницами других категорий в два раза чаще девушек. Гендерные установки у мигрантов второго поколения в целом отличаются от гендерных установок местных в консервативную сторону, но отличие это не очень большое, не в последнюю очередь в связи с тем, что Россия по большей части достаточно консервативная страна. Одновременно с этим мигранты второго поколения значительно «либеральнее» в этих вопросах, чем их родители. Идентичностные характеристики у мигрантов второго поколения инклюзивные: чаще всего они привязаны как к России и своему региону в ней, так и к стране происхождения родителей, а также для них важна принадлежность к их этнической категории. Все эти идентичности успешно сосуществуют в головах мигрантов второго поколения и не конфликтуют.

Таким образом, можно говорить об успешной интеграции, более того, как показывает изучение случаев интеграции мигрантов второго поколения в разных странах, российская ситуация является одной из наиболее успешных в мире. Интеграционные траектории МВП тесно связаны с характеристиками человеческого капитала их родителей и с особенностями расселения мигрантов в принимающей стране. В России оба фактора благоприятствуют интеграции МВП: во-первых, семьи мигрантов живут дисперсно, и говорить о моноэтнических районах с компактным проживанием мигрантов не приходится. Во-вторых, несмотря на то что в России не действует балльная система отбора мигрантов, как в Канаде и Австралии, большинство родителей МВП имеют как минимум среднее образование и часто владеют собственным бизнесом, размер которого, прав-

да, может сильно варьироваться. В-третьих, в силу того, что все родители МВП из Закавказья и Средней Азии в России выросли в СССР, они хорошо знакомы с институтами принимающего общества, которые за 30 лет слабо изменились в силу институционального эффекта колеи (path-dependence), они неплохо или свободно владеют русским языком, а кроме того, в части некоторых ценностей и установок (например, ценности высшего образования) отличаются от местных зачастую лишь незначительно.

Если оценивать по отдельным аспектам интеграции, в части структурной интеграции ситуация МВП в России также одна из наиболее благополучных. В Бельгии и во Франции, например, показатели МВП в плане образования и положения на рынке труда существенно отличаются в худшую сторону от соответствующих показателей у местных. Сопоставима же российская ситуация с ситуацией в Канаде и Австралии, странах, где действует балльная система отбора мигрантов. В части социальной интеграции Россия слабо отличается от других стран: круги общения МВП в России полиэтничные, и такую же ситуацию можно наблюдать, например, в Германии и Швеции. В отличие от той же Германии, однако, в России МВП практически без исключений владеют русским на уровне родного или свободного (культурная интеграция). Кроме того, в отличие от основных принимающих обществ, сильных отличий МВП от местных сверстников в плане гендерных норм в России анализ не выявил. Идентификационная интеграция МВП в России не является проблемной — и в этом ситуация похожа на ситуацию в североамериканских странах и отличается от Германии, где МВП в первую очередь связывают себя со страной происхождения родителей, а с принимающей страной связь у них слабая.

Мигранты второго поколения в России не испытывают существенных проблем с интеграцией и, в сравнении с международными случаями, находятся в наилучшем положении. Хотя в целом ситуация благоприятная, есть ряд воспроизводящихся проблем, решение которых будет способствовать лучшей интеграции мигрантов второго поколения, сталкивающихся с ними. В частности, так бывает, что мигранты второго поколения за время жизни в России и учебы в школе не получают российское гражданство. В результате, окончив школу, они сталкиваются с невозможностью продолжать бесплатное образование, более того, по достижении совершеннолетия они оказываются юридически уязвимы, в частности могут быть депортированы. Решением этой проблемы может быть включение категории «получивший в России основное общее образование» в число категорий лиц, имеющих право получить российское гражданство по упрощенной процедуре. Вторая проблема — отсутствие комплексного решения проблемы изучения русского языка как иностранного детьми-мигрантами в школах. Низкий уровень русского языка способствует снижению ожидаемого социально-экономического профиля мигрантов второго поколения, более того, делает их изгоями в классе. В решении этой проблемы школы предоставлены сами себе, существенным подспорьем для них может стать масштабирование уже разработанных практик на страну. Третья проблема состоит в том, что девушки из консервативных семей часто становятся объектом домашнего насилия — физического и психологического — и сопряженных с ним ментальных проблем. Создание системы психологической помощи для таких девушек и включение в подготовку специалистов-психологов культурного

компонента, равно как и расширение сети «убежищ для женщин, попавших в беду», может способствовать разрешению ситуаций, связанных с патриархальным давлением в семье. Четвертая проблема — это конфликтный потенциал «культурных» мероприятий в школах и ВУЗах, в которых МВП представляют страны происхождения родителей. Массовая драка армян и азербайджанцев на мероприятии «Москва нас подружила» в РУДН в 2007 г. — характерный пример этой проблемы. Ее решение — изменение сценария типичного мероприятия, в рамках которого на смену соревновательности должно прийти сотрудничество, а национальное должно поменяться на семейное⁷.

Список литературы (References)

Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176—199.

Alexandrov D. A., Baranova V. V., Ivaniushina V. A. (2012) Immigrant Children and Their Parents: Interaction with the Russian School. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 176—199. (In Russ.)

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 173—195.

Alexandrov D. A., Ivaniushina V. A., Kazartseva E. V. (2015) Ethnic Composition and Migration Status of Primary and Secondary School Students in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 173—195. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3. С. 315—330.

Varshaver E., Rocheva A. (2016) Migrant Integration: What it is and What Role Does The State Play in its Implementation? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 315—330. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Методические рекомендации по проведению интеркультурных практик. Academia.edu. 2015. URL: https://www.academia.edu/29851042/Методические_рекомендации_по_проведению_интеркультурных_практик (дата обращения: 06.04.2019).

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2015) Manual for organizing intercultural events. Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/29851042/Методические_рекомендации_по_проведению_интеркультурных_практик (accessed: 06.04.2019).

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110—117.

⁷ Подробнее о том, какие принципы следует закладывать в такого рода мероприятия см. [Варшавер, Рочева, Иванова, 2015; Варшавер, Рочева, Иванова, 2017; Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2017].

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017) Migrant Integration on the Local Level: Results of an Academic and Practical Project. *Sociological Studies*. Vol. 5. P. 110—117. (In Russ.)

Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции представителей полуторного поколения мигрантов // Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Российское общество социологов (Москва). 2012. С. 8148—8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (дата обращения: 05.04.2019).

Mukomel' V.I. (2012) Features of Adaptation and Integration of Representatives of the 1.5 Generation Immigrants. In: *Proceedings of the IV Russian Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development"*. Russian Society of Sociologists (Moscow). P. 8148—8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (accessed: 05.04.2019). (In Russ.)

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017). Bridging Science and Practice: Migrant Integration Events in Moscow Neighborhoods. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 25—39.

Esser H. (2001) Integration und Ethnische Schichtung. Arbeitspapiere — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. No. 40. URL: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf> (accessed: 05.04.2019).

Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1126—1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>.

Heckmann F., Schnapper D. (eds.) (2003) The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence. Stuttgart: Lucius & Lucius.

Heckmann F., Bosswick W. (2005) Integration and Integration Policies. Bamberg: European Forum for Migration Studies.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001). Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual review of sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 415—444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Rumbaut R. G. (1997) Paradoxes (and orthodoxies) of assimilation. *Sociological Perspectives*. Vol. 40. No. 3. P. 483—511. <https://doi.org/10.2307/1389453>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 365—387.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): March — April 2019. (2019) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 365—387.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2019

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

5 ЛЕТ С МОМЕНТА ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ:

МНЕНИЕ КРЫМЧАН366

КРЫМ: ПЯТЬ ЛЕТ С РОССИЕЙ.....370

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ: ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА.....372

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ: ИДЕАЛ ИЛИ ЛОЖНАЯ ЦЕЛЬ? 375

ФЕЙК-НЬЮС: МНЕНИЕ РОССИЯН О НОВОМ ЗАКОНЕ 376

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ХОСТЕЛЫ В ЖИЛЫХ ДОМАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ?379

ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?383

ПОЙДЁМ В ТЕАТР?385

ПОЛИТИКА**5 ЛЕТ С МОМЕНТА ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ:**

МНЕНИЕ КРЫМЧАН366

КРЫМ: ПЯТЬ ЛЕТ С РОССИЕЙ.....370

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ: ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА.....372

**5 ЛЕТ С МОМЕНТА ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ:
МНЕНИЕ КРЫМЧАН**

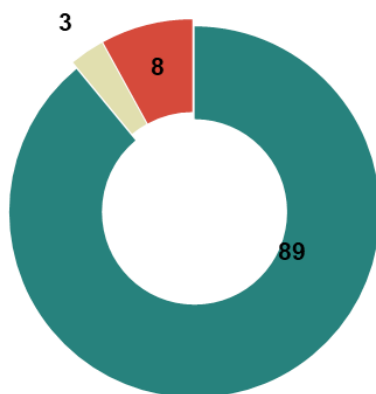
10 марта 2019 г.

В опросе приняли участие жители Республики Крым в возрасте от 18 лет. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов.

Большинство жителей Республики Крым (93 %) положительно оценивают воссоединение Крыма с Россией. Три четверти (72 %) участников опроса утверждают, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи. Напротив, 7 % респондентов считают, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни.

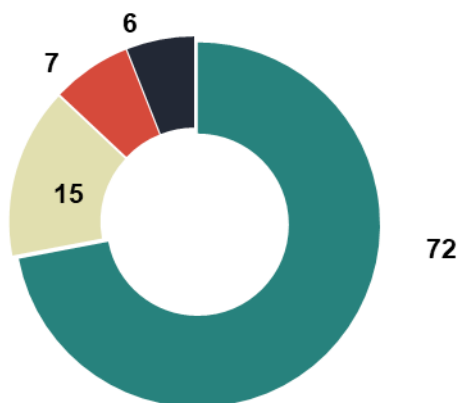

Рисунок 1. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Поддержал бы присоединение Республики Крым к Российской Федерации
- Поддержал бы статус Автономной Республики Крым в составе Украины
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 2. В марте 2014 г. состоялся референдум о судьбе Крыма. Если бы в ближайшее воскресенье состоялся референдум с теми же вопросами, что и пять лет назад, то какой бы вариант Вы выбрали? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Сказалось положительно
- Не сказалось
- Сказалось отрицательно
- Затрудняюсь ответить/Отказ от ответа

Рисунок 3. Воссоединение Крыма с Россией сказалось или не сказалось на Вашей жизни, жизни Вашей семьи, и если сказалось, то как: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 4. К каким положительным последствиям для Вас, Вашей семьи привело воссоединение Крыма с Россией? (открытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, названные не менее 2% респондентов)

Рисунок 5. К каким отрицательным последствиям для Вас, Вашей семьи привело воссоединение Крыма с Россией? (открытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, названные не менее 2% респондентов)

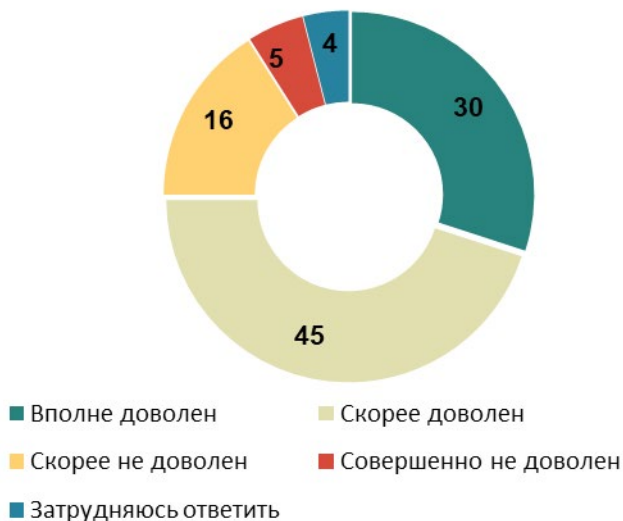

Рисунок 6. Если говорить про Республику в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в Республике? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

КРЫМ: ПЯТЬ ЛЕТ С РОССИЕЙ*12 марта 2019 г.*

Большинство опрошенных (88%) опрошенных положительно оценивают воссоединение Крыма с Россией. По мнению 18% участников опроса, воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи. Напротив, каждый десятый (9%) респондент считает, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на его жизни.

Рисунок 7. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 8. К каким положительным последствиям для Вас, Вашей семьи привело воссоединение Крыма с Россией? (открытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, названные не менее 2% респондентов)

Рисунок 9. К каким отрицательным последствиям для Вас, Вашей семьи привело воссоединение Крыма с Россией? (открытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, названные не менее 2% респондентов)

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ: ИТОГИ ПЕРВОГО ТУРА

2 апреля 2019 г.

93% россиян слышали о президентских выборах на Украине. 31% наших сограждан симпатизируют Владимиру Зеленскому, 63% опрошенных не симпатизируют ни одному из кандидатов.

Рисунок 10. Слышали ли Вы или сейчас слышите в первый раз о том, что в данный момент на Украине проходят президентские выборы? Если слышали, следите ли Вы за избирательной кампанией на Украине или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 11. По результатам первого тура президентских выборов на Украине ни один из кандидатов не набрал большинства голосов избирателей. Во второй тур прошли два кандидата: Владимир Зеленский и Петр Порошенко. Скажите, кому из них Вы в большей степени симпатизируете? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто слышал о выборах на Украине)

Рисунок 12. Почему Вы симпатизируете Владимиру Зеленскому?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто симпатизирует Владимиру Зеленскому)

Рисунок 13. Как Вы думаете, а России сейчас нужен человек, подобный Владимиру Зеленскому, на посту лидера страны, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ: ИДЕАЛ ИЛИ ЛОЖНАЯ ЦЕЛЬ?375

ФЕЙК-НЬЮС: МНЕНИЕ РОССИЯН О НОВОМ ЗАКОНЕ.....376

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ: ИДЕАЛ ИЛИ ЛОЖНАЯ ЦЕЛЬ?

10 марта 2019 г.

62 % россиян считают, что нужно стремиться к полному равенству прав мужчин и женщин. 59 % респондентов утверждают, что нужно стремиться к полному равенству обязанностей мужчин и женщин. Феминистское движение поддерживают 31 % россиян.

Рисунок 1. Как Вы считаете, возможно ли равноправие мужчин и женщин?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Как Вы считаете, нужно ли стремиться к полному равенству прав/обязанностей мужчин и женщин? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Варианты ответов	Права	Обязанности
Безусловно да	22	20
Скорее да	40	39
Скорее нет	24	25
Безусловно нет	9	12
Затрудняюсь ответить	5	4

Рисунок 2. Феминизм — это движение, направленное на достижение равенства политических, экономических, личных и социальных прав женщин и мужчин. Как Вы относитесь к движению феминизм? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ФЕЙК-НЬЮС: МНЕНИЕ РОССИЯН О НОВОМ ЗАКОНЕ

19 марта 2019 г.

О законе «о фейковых новостях» известно 78 % опрошенных. 83 % россиян считают, что нашей стране нужен такой закон. 57 % наших сограждан полагают, что после вступления этого закона в силу фейковых новостей станет меньше.

Рисунок 3. Как Вы считаете, возможно или невозможно отличить недостоверную информацию в СМИ, интернете от достоверной? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 4. Скажите, Вы знаете, Вы знаете, что-то слышали о законе, по которому предусматривается наказание за распространение недостоверной информации, так называемом законе «О фейковых новостях», или впервые слышите об этом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 6. Как Вы считаете, нужен или не нужен в нашей стране закон, согласно которому предусматривается наказание за распространение недостоверной общественно значимой информации, которая может создавать угрозу жизни, здоровью, имуществу граждан, угрозу нарушения общественного порядка, под видом достоверных сообщений? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

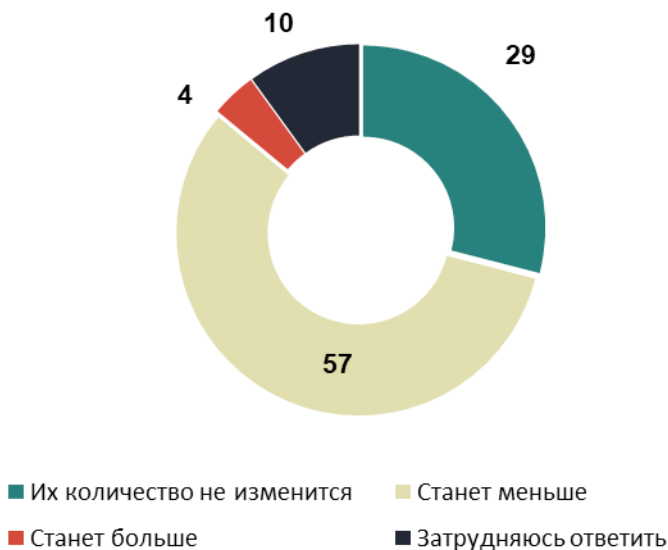

Рисунок 6. Как Вы считаете, после вступления этого законопроекта в законную силу количество недостоверных сведений в СМИ и интернете изменится или нет? И если изменится, то как: недостоверных сведений станет меньше или их станет больше? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ХОСТЕЛЫ В ЖИЛЫХ ДОМАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ?379

ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?383

ПОЙДЁМ В ТЕАТР?385

ХОСТЕЛЫ В ЖИЛЫХ ДОМАХ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОСТАВИТЬ?

9—11 марта 2019 г. по заказу Государственной Думы РФ

Большинство россиян (70 %) уверены, что хостелы в многоквартирных домах создают неудобства для других жителей. Обеспокоенность проблемой среди москвичей и петербуржцев еще выше (80 %). Чаще всего среди неудобств от хостелов в жилых домах отмечают большое количество посторонних (43 %). Более половины опрошенных россиян (55 %) одобряют закон о запрете хостелов на жилых этажах многоквартирных домов.

Рисунок 1. На Ваш взгляд, обычно нахождение хостелов в многоквартирных жилых домах создает неудобства для других жителей дома или нет? И если создает, то какие именно — серьезные или мелкие неудобства? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 2. Какие неудобства, на Ваш взгляд, обычно создают хостелы, расположенные в многоквартирных домах для других жильцов?

(открытый вопрос, до трех ответов, % опрошенных, отметивших, что есть неудобства)

Рисунок 3. Как Вы считаете, что следует предпринять, чтобы предотвратить создание хостелами неудобств для других жителей многоквартирного дома?

(закрытый вопрос, до двух ответов, % опрошенных, отметивших, что есть неудобства)

Рисунок 4. Сейчас Госдума рассматривает законопроект, который запретит хостелы, расположенные на жилых этажах в многоквартирных домах. Скажите, Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас об этом впервые? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

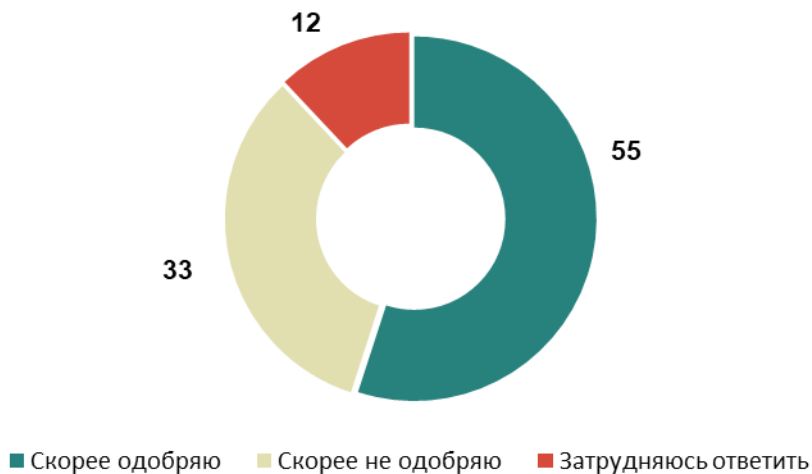

Рисунок 5. Если говорить в целом, Вы скорее одобряете или скорее не одобряете идею запрета размещения хостелов на жилых этажах в многоквартирных домах? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 6. Представьте, что обсуждается возможность открыть хостел в доме, в котором Вы сейчас живете. Для этого нужно получить согласие большинства жителей дома. Как Вы думаете, Вы скорее дадите свое согласие на открытие хостела или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 7. При соблюдении каких условий Вы бы рассмотрели возможность изменить свое мнение и дать согласие на открытие хостела в доме, где Вы живете? (закрытый вопрос, до двух ответов, % от тех, кто не дал бы согласие на открытие хостела в доме проживания)

ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

17 марта 2019 г.

47 % россиян считают, что нужно разрешить желающим голосовать через интернет. 48 % готовы проголосовать через интернет, если представится такая возможность.

Рисунок 8. В нашей стране часто проходят выборы: федеральные, региональные и местные. Поговорим о таком способе голосования на выборах, как голосование через интернет.

В некоторых странах на выборах разрешено голосовать удаленно через интернет. Как Вы считаете, надо ли в нашей стране, наряду с обычным голосованием, разрешить желающим голосовать через интернет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

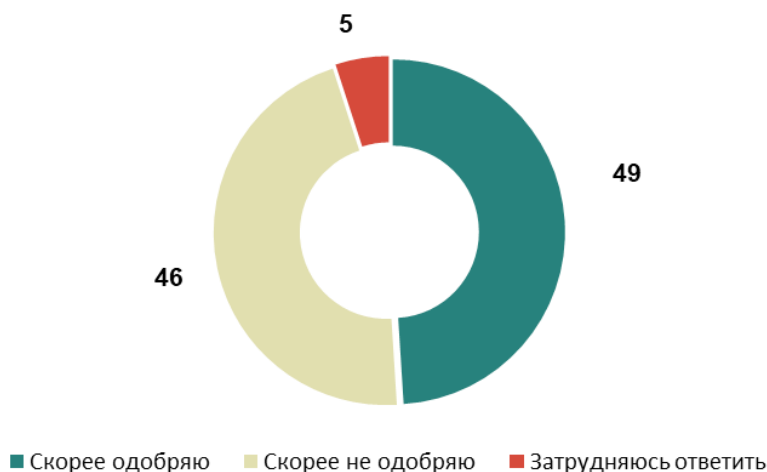

Рисунок 9. Сейчас обсуждается ряд инициатив по совершенствованию избирательного законодательства. Как Вы относитесь к предложению разрешить избирателям голосовать удаленно — через интернет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 10. Если бы Вам представилась возможность голосовать на выборах с помощью компьютера через интернет, то согласились бы Вы проголосовать или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 11. Почему Вы бы не стали голосовать на выборах с помощью компьютера через интернет? (закрытый вопрос, до двух ответов, % от тех, кто не стал бы голосовать через интернет)

Рисунок 12. В случае если на следующих выборах Вам будет официально предложено выбрать способ голосования, то какой Вы предпочтете? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ПОЙДЁМ В ТЕАТР?

21 марта 2019 г.

48% россиян посещают театр с той или иной периодичностью. Любимый театр наших сограждан — Большой театр (12%). Самая запоминающаяся постановка, по мнению опрошенных, — балет «Щелкунчик» (6%).

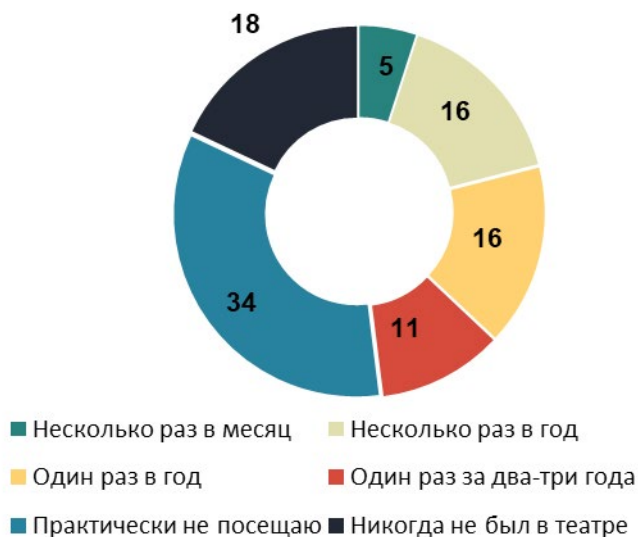

Рисунок 13. Скажите, пожалуйста, ходите ли Вы в театр? Если да, то как часто? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 14. Назовите самые любимые Вами современные театры в нашей стране (открытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных)

Рисунок 15. Назовите, пожалуйста, театральные постановки, которые Вам особенно запомнились за последние два-три года (открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто посещал театр один раз в год и чаще, представлены ответы, названные не менее 1% респондентов)

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.16

Правильная ссылка на статью:

Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>.

For citation:

Kosmarski A. A. (2019) Blockchain for science: revolutionary opportunities, implementation prospects, potential issues. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 388—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>.

А. А. Космарский

БЛОКЧЕЙН ДЛЯ НАУКИ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

БЛОКЧЕЙН ДЛЯ НАУКИ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

BLOCKCHAIN FOR SCIENCE: REVOLUTIONARY OPPORTUNITIES, IMPLEMENTATION PROSPECTS, POTENTIAL ISSUES

КОСМАРСКИЙ Артем Анатольевич — заместитель директора Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке (ЛИБОН), Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
E-MAIL: artyom.kosmarski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

Artyom A. KOSMARSKI^{1,2} — Deputy Head of the Laboratory for the Study of Blockchain in Education and Science (LIBON); Research Fellow
E-MAIL: artyom.kosmarski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

¹ State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы применения технологии блокчейна (распределенного

Abstract. The article discusses the prospects for the use of blockchain (distributed ledger technology) in science. The

реестра) в сфере науки. Объясняется, чем ключевые свойства технологии (децентрализация, гарантия неизменности данных, доверие среди не доверяющих друг другу субъектов) могут быть полезны в организации науки. Подробно рассказывается о том, насколько реально работающие проекты в Европе, США и России смогли воплотить в жизнь обещания новой технологии. Описываются четыре области, где применение блокчейна идет наиболее активно: работа с первичными данными и выход из кризиса воспроизводимости исследований; оптимизация издательских процессов и рецензирования; снижение пристрастности, коррумпированности и бюрократизма в экспертизе и финансировании науки; выстраивание более комплексной, гибкой и «низовой» наукометрии. Наконец, автор обсуждает главные сложности и проблемы, возникающие при интеграции блокчейна в повседневные практики ученых: конфликт между демократическим потенциалом новой технологии и ее использованием в новых инструментах отчетности и контроля над исследователями; опасность исключительно денежной мотивации для ученых (токенизация); плюсы и минусы анархической, коммерческой и государственной «блокчейнизации» науки.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракты, токенизация, организация науки, мотивация ученых, прикладная наукометрия

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Сетевые договоры (смарт-контракты) как способ регулирования

author explains how the key features of this technology (decentralization, immutability of data, trust in trustless environment) may be useful in the organization of science. Successes and failures of relevant blockchain startups from Europe, USA and Russia are delineated. Four areas are described where the use of the blockchain is most active: open data and ways to solve the reproducibility crisis; optimization of publishing processes and peer review; reduction of bias, corruption and red tape in research evaluation and funding; building a more comprehensive, flexible and grassroots scientometrics. Finally, the author discusses the main challenges to integrating blockchain into the everyday practices of scientists: the conflict between the democratic potential of a new technology and its use as a tool of surveillance and control over researchers; the danger of purely monetary incentives for scientists (tokenization); the pros and cons of anarchic, commercial and state-run "blockchainization" of science.

Keywords: blockchain, smart contracts, tokenization, organization of scientific activity, motivation of scientists, applied scientometrics

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the scientific project "Network contracts (smart contracts) as a way of regulation

и организации научной деятельности» (№ 18-29-16184).

Автор выражает благодарность Ивану Тарханову (ГАУГН) за ценные советы, высказанные при обсуждении рукописи статьи.

and organization of scientific activity" (№ 18-29-16184). The author expresses his gratitude to Ivan Tarkhanov (GAUGN) for valuable advice during the discussion of the manuscript.

Блокчейн — одна из наиболее перспективных информационных технологий современности. Хотя наибольший резонанс получило его применение в финансовой сфере (биткойн, эфир и другие криптовалюты), в 2017—2018 гг. технология распределенного реестра (DLT, distributed ledger technology), как более нейтрально называют блокчейн¹, начала внедряться в самые разные отрасли реальной экономики и общественной жизни, даже далекие от «цифрового фронта». Прежде всего это банковское дело², логистика и ритейл³, здравоохранение [Angraal et al., 2017], государственное управление⁴, выборы⁵ и так далее.

Чем же блокчейн вызвал такой интерес? Распределенный реестр — это, по сути, лишь способ хранения информации: блоки данных, соединенных с помощью криптографических инструментов так, чтобы изменить содержание одного блока стало невозможно, не нарушив целостность всей базы. Внутри такой системы все транзакции прозрачны, а информация о них копируется на компьютеры всех участников. Таким образом достигается децентрализация, не позволяющая манипулировать данными или уничтожать их, взломав «ядро» системы.

Криптовалюты (биткойн и другие) сделали блокчейн успешной технологией, соединив несколько важных свойств: криптографические инструменты, механизм достижения консенсуса внутри системы в условиях недоверия пользователей друг к другу, вознаграждение участникам сети за поддержание ее работы (майнинг). Фактически они завоевали внимание и ресурсы тысяч людей (их деньги, время, машинные мощности), создав платежное средство, которое не зависит от авторитета и инструментов центрального банка, судов и полиции — где сам компьютерный алгоритм выступает гарантом того, что пользователя не ограбят и не обманут. Кроме того, криптовалюты обеспечи-

¹ Martha Bennett, Charlie Dai. Predictions 2019: Distributed Ledger Technology. A report. URL: https://www.forrester.com/report/Predictions+2019+Distributed+Ledger+Technology/-/E-RES-144635?utm_source=fortune&utm_medium=pr&utm_campaign=predictions_2019&content=blockchain# (дата обращения: 19.01.2019).

² Mayank Pratap. How is Blockchain Revolutionizing Banking and Financial Markets: Creating Opportunities to Recreate the Financial World. (August 2, 2018). URL: <https://hackernoon.com/how-is-blockchain-revolutionizing-banking-and-financial-markets-9241df07c18b> (дата обращения: 19.01.2019).

³ Maersk and IBM Introduce TradeLens Blockchain Shipping Solution (August 9, 2018). URL: <https://newsroom.ibm.com/2018-08-09-Maersk-and-IBM-Introduce-TradeLens-Blockchain-Shipping-Solution> (дата обращения: 19.01.2019); Carrefour launches Europe's first food blockchain (June 3, 2018). URL: <http://www.carrefour.com/current-news/carrefour-launches-europes-first-food-blockchain> (дата обращения: 19.01.2019).

⁴ Bennett Garner. Estonia E-Residency & Blockchain Governance, Explained (March 15, 2018). URL: <https://coincentral.com/estonia-e-residency-blockchain-governance-explained> (дата обращения: 19.01.2019).

⁵ Stephen Shankland. No, blockchain isn't the answer to our voting system woes — but the distributed, data-protecting storage technology already is being used in the midterm elections (November 5, 2018). URL: <https://www.cnet.com/news/blockchain-isnt-answer-to-voting-system-woes/> (дата обращения: 19.01.2019)

вают **доверие** внутри системы (участники которой не доверяют друг другу), действуют по заранее заданным правилам (обычно прозрачным — ПО выложено в открытом доступе). Эти правила пользователи могут поменять при определенных условиях (например, сделать форк — ответвление криптовалюты с новыми правилами). Наконец, криптовалюты обеспечивают определенную анонимность транзакций.

Но при чем тут наука? Прежде всего потому, что именно блокчейн, технология распределенного реестра вне криптовалютной сферы, обещает улучшить разного рода «большие» системы экономики, политики и общества. Его ключевые преимущества — гарантия стабильности данных, гарантия доверия среди не доверяющих друг другу субъектов, гарантия успешного взаимодействия между этими субъектами без нужды в центральном управляющем органе. Если сформулировать совсем коротко, **интернет произвел революцию тем, что снизил транзакционные издержки на обмен информацией и общение (с дней и часов до секунд), а блокчейн — на взаимодействие и управление (самыми разными ресурсами, в том числе людьми, деньгами, информацией)**⁶.

В распределенном реестре данные:

- прозрачны;
- верифицируемы;
- неизменны (технически невозможно изменить их задним числом, не оставив явный след в системе);
- распределены по разным узлам, во множестве копий;
- децентрализованы (включаются и убираются из системы при условии консенсуса всех участников, а не одного центрального узла власти).

Можно говорить об определенном типологическом сходстве науки и блокчейна: она тоже децентрализована (нет главного органа власти, который решает все) и развивается благодаря сетям доверия и договоренностям внутри сообщества (современный peer review, или средневековый механизм *opinio communis doctorum*). Или, в другой формулировке, «научные данные по своей сути представляют собой большой, динамичный корпус информации, которая коллективно (коллаборативно) создается, изменяется, используется и обменивается — что идеально совмещается с технологией блокчейна» [Joris van Rossum, 2017: 8].

Однако при таком глубинном сходстве на уровне управления, финансирования, рецензирования, прикладной наукометрии, экспертной оценки в науке очень много «черных ящиков» — систем, процессы внутри которых закрыты и непрозрачны [Bunge, 1963]. Как проходит выбор рецензентов для рукописи, поступившей в журнал — и вообще принятие решений о публикации этой рукописи? Кем и на основе каких показателей оценивается уровень и качество работы ученого? Как и кем определяются получатели гранта? Закрытость этих процессов от научного сообщества, их инертность, бюрократизация, коррумпированность часто вызывают справедливое недовольство ученых. Работа самих исследователей не ме-

⁶ Эта мысль родилась в разговоре с Дэвидом Бовиллом (David Bovill) на семинаре по блокчейну в науке (Берлин, 08.11.2018).

нее далека от идеала открытой науки⁷, и также изобилует «черными ящиками»: подкручиванием данных для достижения нужного результата, подгоном данных под гипотезы постфактум или откровенной манипуляцией исходниками [Fanelli, 2009; Head et al., 2015]. Итак, блокчейн в науке как минимум способен раскрыть некоторые из таких «черных ящиков» и сделать идущие внутри них процессы более открытыми, надежными и эффективными.

Резонно спросить — если перспективы использования блокчейна для науки столь радужны, тогда где же успешные кейсы? Они пока в процессе развития — что неудивительно. Наука, в отличие от цифровых финансов или, например, гейминга, является весьма консервативной и не обещающей больших быстрых прибылей сферой. Первые серьезные дискуссии об использовании блокчейна в науке, а также первые академические публикации по теме начали выходить только в 2016—2017 гг. Одновременно, на пике спекулятивного бума криптовалют и ICO⁸ 2017 г., заявили о себе и начали привлекать инвестиции несколько стартапов, обещавших решить все проблемы науки с помощью блокчейна — и освободить ее от олигополий и корпоративных интересов, и обеспечить мощные материальные стимулы для ученых, и создать с нуля более справедливую и оперативную систему публикаций, и вообще спасти науку от искажений. Часть этих стартапов представляет собой сомнительные схемы быстрого сбора денег под красивые лозунги (globex.sci, scientificcoin.com), другие — скорее идеалистические проекты, которые со временем могут вылиться во что-то более реалистичное (sciencceroot.com, frankl.io, orvium.io). Гораздо более перспективными мне представляются проекты, ставящие более скромные задачи и предлагающие блокчейн-решения для отдельных элементов научной деятельности (рецензирования, наукометрии, распределения финансовых средств) — о них речь пойдет ниже.

Одновременно идет процесс собирания единомышленников и выстраивания сети ученых, IT-специалистов, так или иначе заинтересованных в теме стыковки блокчейна с наукой. Ключевую роль в этом процессе играет ассоциация [Blockchain for Science \(blockchainforscience.com\)](http://blockchainforscience.com), которая выросла из разговоров двух берлинских ученых в разветвленную сеть (ассоциация провела первую международную конференцию по теме, которая прошла в Берлине в ноябре 2018 г.). Примечательно, что именно в Европе блокчейн в науке вызывает наибольший интерес: на начало 2019 г. им занимаются лаборатории и исследовательские центры в Берлине, Вене, Амстердаме, Лозанне, швейцарской «криптодолине» кантона Цуг, тогда как в Великобритании, США, Южной Корее интерес проявляют

⁷ Открытая наука — глобальное движение, цель которого — сделать научные исследования, первичные данные и другую связанную с наукой информацию доступной для всех. Шестью принципами движения считаются: открытые данные, открытый исходный код, открытая методология, открытое рецензирование, публикация по принципам открытого доступа и открытые образовательные материалы.

⁸ ICO (initial coin offering) — форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалют, полученных разовой или ускоренной эмиссией. Очень часто в ходе ICO раздаются или распродают (в обмен на инвестиции) так называемые токены — единицы учета, не являющейся криптовалютой, и выполняющей функцию «заменителя ценных бумаг» в цифровом мире. Токены представляют собой запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке. Получить доступ к токenu можно через специальные приложения, которые используют схемы электронной подписи. Основная часть существующих на сегодняшний день токенов формируется на протоколе криптовалюты Ethereum. Эти объекты делают возможным процедуру токенизации — создания цифровых аналогов для реальных ценностей с целью быстрой и безопасной работы с ними.

пока отдельные ученые и стартапы. Нельзя не отметить, что в эту сферу начали заходить крупные институциональные игроки — так, IBM получила патент на платформу по сбору и анализу научных данных с помощью блокчейна⁹.

Если резюмировать: **на начало 2019 г. блокчейн для науки переходит от стадии деклараций и смелых проектов к попыткам внедрения в реальную практику работы ученых и научных организаций.** Далее я расскажу о наиболее перспективных направлениях, а также о фундаментальных проблемах, возникающих при включении инструментов блокчейн-индустрии (распределенного реестра, токенов, смарт-контрактов¹⁰) в организацию науки.

Работа с первичными данными и кризис воспроизводимости

Одна из наиболее серьезных трудностей, с которой в последнее десятилетие столкнулись исследователи — это так называемый кризис воспроизводимости. Во многих науках невозможность воспроизвести эксперимент и независимым образом прийти к выводам других ученых обесценивает эти результаты. В психологии и смежных дисциплинах масштабы бедствия оказались шокирующими: в рамках одного из проектов не удалось воспроизвести результаты 59 из 98 известных работ¹¹, в другом — провалились 14 из 28 повторных экспериментов¹². Опрос, проведенный журналом *Nature* в 2016 г., показал, что более 70 % из 1576 опрошенных ученых пытались и не смогли воспроизвести эксперименты коллег¹³. В биомедицинских науках проблема стоит не менее остро [Ioannidis, 2005].

При этом невозможность воспроизвести — лишь верхушка айсберга. Наука страдает от ошибок и искажений на всех этапах исследовательского цикла, начиная с неудачных процедур сбора данных и ведения протоколов и заканчивая подгонкой эмпирической информации под гипотезу [Simmons et al., 2011], а также «выживанием» нужной статистической значимости из данных (p-hacking, см. [Head et al., 2015]). Публикационное давление (необходимость постоянно отчитываться статьями) и склонность журналов выбирать статьи с положительными, а не отрицательными результатами (так называемый positive-results bias [Sackett, 1979]) добавляет еще больше «токсичных» результатов и приводит к выстраиванию так называемой ложной цепочки исследований (false chain of research): новые исследования выстраиваются на непроверенных (и, вероятно, ошибочных) старых. Однако при этом нельзя сказать, что эти проблемы вызваны исключительно злым

⁹ William Suberg. IBM Targets Scientific Research in Latest Blockchain Patent (November 12, 2018) URL: <https://cointelegraph.com/news/ibm-targets-scientific-research-in-latest-blockchain-patent> (дата обращения: 19.01.2019).

¹⁰ Смарт-контракт — компьютерный алгоритм, предназначенный для заключения и поддержания самоисполняемых контрактов, выполняемых в блокчейн-среде. Такие контракты позволяют выполнять надежные и конфиденциальные транзакции без участия внешних посредников в лице банков или государственных органов. Кроме того, такие транзакции являются прослеживаемыми, прозрачными и необратимыми. Смарт-контракты не только содержат информацию об обязательствах сторон и санкциях за их нарушение, но и сами автоматически обеспечивают выполнение всех условий договора. Впервые идея смарт-контрактов была предложена в 1994 г. Ником Сабо (еще до появления блокчейна). См.: <https://forklog.com/что-такое-smart-kontrakt/> (дата обращения: 19.01.2019).

¹¹ Monya Baker. Over half of psychology studies fail reproducibility test (27 August, 2015). URL: <https://www.nature.com/news/over-half-of-psychology-studies-fail-reproducibility-test-1.18248> (дата обращения 19.01.2019).

¹² Many Labs 2: Investigating Variation in Replicability Across Sample and Setting [Электронный ресурс]. URL: <https://osf.io/8cd4r/> (дата обращения: 19.01.2019). Doi: 10.17605/OSF.IO/8CD4R

¹³ Monya Baker. 1,500 scientists lift the lid on reproducibility (25 May, 2016). URL: <https://www.nature.com/news/1-500-scientists-lift-the-lid-on-reproducibility-1.19970> (дата обращения: 19.01.2019).

умыслом или моральной нечистоплотностью ученых. У них множество причин, от банальных неточностей до принуждения к публикациям (*pressure to publish*), вынуждающего бессознательно склоняться к наиболее выгодным и требующим минимальных временных затрат решениям — например, не ждать пять лет серьезного открытия, а опубликовать сейчас сделанное кое-как, чтобы отчитаться по гранту [Fochler, Sigl, 2018].

Чем же здесь может помочь блокчейн? Открыть и сделать прозрачными базовые этапы научного исследования, облегчив обмен данными и их анализ; зафиксировав в распределенном реестре, кто, когда и к каким результатам пришел. Это позволит одновременно защитить идеи, не прибегая к патентам и публикациям, а также отслеживать все движение научного проекта от гипотезы к сбору данных и к дальнейшему анализу, затрудняя манипуляции на этом пути¹⁴. Ключевую роль здесь играет именно стабильность информации в блокчейне (все изменения видны). Если загрузить данные в такую базу и сделать ее открытой для большого сообщества исследователей, то недобросовестным ученым уже не получится менять их на этапе анализа в целях получения нужного результата, убирать резко отклоняющиеся значения и так далее — или, по крайней мере, объяснять сообществу причины таких изменений¹⁵. Также блокчейн позволяет добиться еще одной цели открытой науки — общедоступности исходных материалов. Например, до публикации результатов исследования в журнале они могут находиться в блокчейн-базе, с указанием авторства и даты поступления, а уже после выхода статьи рассекречиваться и переходить в общий доступ¹⁶.

Притом что многие (если не большинство) работы по блокчейну в науке¹⁷ превозносят возможности этой технологии для выхода из кризиса воспроизводимости и для достижения идеала открытой науки, где *scientific fraud* (фальсификации) можно будет сразу выявить, дальше деклараций дело пока не пошло. Полагаю, причина в том, что для «пересадки» на блокчейн всего объема первичных данных и черновых записей потребуются, во-первых, большие вычислительные мощности а иногда и полная переработка программной и аппаратной частей существующих систем. Для многих современных блокчейн-платформ это будет очень длительный и дорогостоящий процесс. Во-вторых, необходима массовая поддержка со стороны ученых — если это сделают только одиночки или даже десятки исследователей, нормой для сообщества такой подход не станет, а иначе как в виде общепринятой нормы он вряд ли имеет смысл. «Блокчейнизация» своей работы потребует от ученых немалых затрат времени и не даст очевидных выгод. Следовательно, провести ее можно только сверху, с помощью административного ресурса — а наука в Западной Европе и США слишком децентрализована, чтобы какая-либо

¹⁴ См., например: [Benchoufi et al., 2017], а также: John Moehrke. Blockchain and Smart-Contracts applied to Evidence Notebook (August 29, 2016). URL: <https://healthcaresecrecy.blogspot.com/2016/08/blockchain-and-smart-contracts-applied.html> (дата обращения 19.01.2019).

¹⁵ Blockchain for Open Science and Knowledge Creation. Living document. P. 14—15. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/document/d/1Uhhj4K69I0bSx7UXYUStV_rjuPC7VGo0ERa-7xEsr58/edit (дата обращения 19.01.2019).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См. выше, а также: [Dhillon et al., 2017]; Aleksandra Sokolowska. Why we need to seed blockchain in research: crisis and opportunities for collaboration (August 23, 2018). URL: <https://medium.com/validitylabs/why-we-need-to-seed-blockchain-in-research-crisis-and-opportunities-for-collaboration-52424d970aa> (дата обращения 19.01.2019).

правительственная или частная структура смогли применить этот ресурс (и применить его именно для внедрения блокчейна).

Впрочем, есть и другой выход — не принуждать к открытию «черных ящиков» исследований, а поощрять транспарентность с помощью материальных стимулов. Иными словами, создавать блокчейн-платформы с такими правилами, которые делают следование принципам открытой науки выгодным для ученых. На этом пути продвинулась платформа EUREKA (eurekatoken.io), в равной степени вознаграждающая авторов токенами за публикацию положительных, отрицательных и неопределенных результатов¹⁸. Кроме того, отдельный фонд токенов выделяется на оплату повторных наблюдений и экспериментов — чтобы повысить уровень воспроизводимости научных исследований. Замысел хороший, однако его успех зависит от того, сколько токены EUREKA будут стоить на рынке (пока выход на ICO и запуск платформы для одновременного хранения данных и публикации результатов намечен на середину 2019 г.). Также остается открытым вопрос, насколько адекватно привязывать соблюдение определенных научных норм, этических в основе своей, к простым финансовым стимулам (об этом см. ниже).

Блокчейн в издательских процессах и рецензировании

О кризисной ситуации в области академических публикаций слышаны, кажется, все. Традиционная издательская модель (paywall и плата за подписку) пяти главных издателей научных статей (Elsevier, Springer Nature, Wiley, Taylor & Francis, SAGE) противостоит настаивающим на open access журналами и университетскими консорциумами [Else, 2018]. Ученые тем временем попали в ситуацию витьеза на распутье: направо пойти — платить за чтение статей, налево пойти — платить за собственные публикации, прямо пойти — из правового поля выйти (SciHub).

Далее, представление результатов исследований и разработок крайне замедленно: написание статьи, подача в журнал, поиск рецензентов, получение отзывов и доработка могут затянуться на годы. Исследователи вовлечены в гонку за приоритетом, но существующая система публикаций и патентной охраны существенно замедляет обмен результатами, и тем более — идеями: статью или патент ждут, чтобы «не украли» открытие, и не обсуждают его до публикации.

Наконец, сама процедура рецензирования (peer review) — важнейшая для современной науки (от нее зависит публикация, а от публикации — финансирование, а от финансирования — продолжение исследований) — обладает рядом системных уязвимостей. Рецензии формально анонимные, но часто выбора редактора и информации в тексте достаточно, чтобы рецензент догадался, на кого он пишет отзыв, и проявил свою пристрастность. Но еще важнее то, что написание рецензий, без которого развитие науки бы остановилось, очень слабо вознаграждается. О необходимости реформы этой системы и о введении «академических долларов» именно в peer review говорили еще до распространения криптовалют [Prüfer, Zetland, 2009].

Преимущества технологии блокчейна для решения этих проблем вполне очевидны. Как минимум, он обеспечивает функцию нотариального заверения. Фиксация

¹⁸ Tamara Zaytouni. Tackling the reproducibility crisis using blockchain technology (July 18, 2018). URL: <https://medium.com/eureka-token/tackling-the-reproducibility-crisis-using-blockchain-technology-5b6bc9c06a46> (дата обращения 19.01.2018).

текста или даже черновика, «сырой» идеи на блокчейне с привязкой ко времени (time stamp) и удостоверенной идентичности автора позволяет утвердить приоритет и право интеллектуальной собственности, после чего ученый может смело делиться своими идеями, не дожидаясь публикации в журнале и не опасаясь того, что эти идеи будут украдены.

Далее, децентрализованность блокчейна и его базовая установка на избавление от посредников наводит на мысль о создании независимой публикационной платформы, где авторы и рецензенты будут взаимодействовать друг с другом напрямую, по ясным и прозрачным правилам. Привлекательность этой идеи настолько велика, что почти все стартапы по блокчейну в науке обещают создать такую open access платформу (scienceroot.com, eurekatoken.io, pluto.network, orvium.io). Однако упускается из вида, что ученые предпочитают публиковаться в известных им «старых» журналах, а не на неведомых платформах — и не только потому, что эти журналы индексируются в Scopus и Web of Science, обладают импакт-фактором, но и потому, что вокруг каждого из них кристаллизуется свое исследовательское сообщество, там идут важные для дисциплины дискуссии и так далее. Здесь мы снова сталкиваемся с упрямым фактом, хорошо описанным в социологии инноваций: революционные преимущества новой технологии оказываются слабее реальных практик взаимодействия и налаженных связей¹⁹.

Есть и другой путь — встраивать блокчейн в уже существующие издательские процессы и обращать его достоинства на службу крупным игрокам рынка. По этому пути пошел проект Blockchain for Peer Review, реализуемый совместно разработчиком Katalysis (katalysis.io) и компанией Digital Science, связанной со Springer Nature²⁰. Его главная цель — разработка протокола, который позволит собирать от издателей информацию о рецензентах, хранить ее на блокчейне, и затем делать возможным признание заслуг (или, наоборот, фиксацию низкого качества работы) рецензентов при сохранении их анонимности. Иными словами, распределенный реестр позволяет фиксировать связь между автором рецензии и рукописью, не открывая публично личность автора²¹. В проекте уже участвуют такие игроки, как Springer Nature, Taylor & Francis, Cambridge University Press, а также ORCID (крупнейший провайдер цифровых идентификаторов ученых). Подчеркну, что о децентрализации, ликвидации посредников в виде издателей и блокчейн-революции тут речь не идет — это именно внутрикорпоративное решение.

Возможно, более гармоничным подходом в этой сфере стало бы создание системы, которая пришла бы на помощь существующим журналам и оптимизировала бы отношения авторов, редакторов и рецензентов — благодаря фиксации идей и текстов, а также смарт-контрактам, с помощью которых все стороны могут удобным для них образом договориться о сроках, творческом участии и вознаграждении за свой труд. При этом пользователями такой

¹⁹ Кроме того, как отмечают авторы одной из самых проницательных работ по блокчейну и смарт-контрактам для академических публикаций, для создания действенной экосистемы для нескольких журналов могут потребоваться долгие годы и конфликтный процесс разработки правил такой системы [Janowicz et al. 2018].

²⁰ «Ученый больше не сидит в «башне из слоновой кости»: Чего ждать от цифровизации науки в России (29 декабря 2017 года). URL: <https://indicator.ru/article/2017/12/29/digital-science/> (дата обращения 19.01.2019).

²¹ Eveline Klumpers. Peer Review and the blockchain. (September 23, 2018). URL: <https://medium.com/katalysis-io/peer-review-and-the-blockchain-7689397eb218> (дата обращения: 19.01.2019).

системы будут не издатели, а индивидуальные ученые: так достигается «золотая середина» между утопическими замыслами блокчейн-энтузиастов и техническим подходом b2b решений.

Блокчейн и финансирование науки

В финансировании науки много пристрастности, громоздких, непрозрачных и малоэффективных процедур — тех самых «черных ящиков». Кроме того, ученым приходится тратить огромную часть своего времени не на исследования, а на написание отчетов и заявок на гранты и другие бюрократические задачи [Link et al., 2008; Widener, 2014].

Наконец, острой проблемой по всему миру становится сокращение финансирования и в целом падение свободы ученых — свободы выбирать направление работы и получать на нее нужные средства. Государство (в самых разных странах мира) постепенно уходит от крупномасштабного финансирования научных исследований, надеясь на то, что бизнес, промышленность, частные фонды его заменят²². А те или не торопятся брать на себя это бремя, или отдают предпочтение более прикладным и краткосрочным проектам (что «засушивает» многие направления [Stephan, 2012]).

Чем в этой сфере окажется полезной технология распределенного реестра? Например, она уменьшит вероятность злоупотреблений при финансировании научных исследований: и заключения экспертов, и принятые решения, и направление выделенных средств можно представлять на блокчейне, где любые махинации будут заметны. Вообще, работающая автоматизированная система распределения средств с фиксацией транзакций на блокчейне может заметно снизить нагрузку на бухгалтеров, ревизоров, сотрудников фондов и самих ученых, избавляя их от заполнения множества бумаг.

Поможет новая технология и выстроить отношения между, с одной стороны, фондами, инвесторами, другими организациями, финансирующими науку и, с другой стороны, учеными. Смарт-контракты позволят автоматически привязать выделение средств к выполнению грантополучателем определенных условий — например, предоставлению отчета в срок, или публикации в журнале с определенными характеристиками. Другой вариант: встроить опцию автоматического возврата средств фонду в случае мошенничества или невозпроизводимых результатов [Joris van Rossum, 2017: 14].

Наконец, достоинства блокчейна применительно к финансовой сфере (снижение транзакционных издержек, прозрачность, надежность) облегчают эксперименты с принципиально новыми механизмами распределения средств на науку — например, системы, где ученые обязаны распределить 50 % от полученного гранта среди своих коллег [Bollen et al., 2014], или где деньги выделяются через лотереи [Gross, Bergstrom, 2019].

Данные решения используют блокчейн лишь для оптимизации уже устоявшихся процессов в экономике науки. Однако нынешняя система финансирования иссле-

²² Jeffrey Mervis. Data check: U.S. government share of basic research funding falls below 50% (March 9, 2017). URL: <https://www.sciencemag.org/news/2017/03/data-check-us-government-share-basic-research-funding-falls-below-50> (дата обращения: 19.01.2019).

дований и разработок, как верно отмечает Зенке Бартлинг (Sönke Bartling), главный автор основополагающего текста по блокчейну в науке, далека от совершенства: помимо бюрократизма и вала бумаг, она страдает от пристрастности принимающих решения и тяготения к менее рискованным проектам-«среднячкам». И тогда выход в криптовалютную сферу дает ученому шанс найти денег на свое исследование в совершенно других источниках, у инвесторов, чьи интересы и мировоззрение сильно отличаются от государственных структур²³. Блокчейн в таких случаях даст инвесторам гарантию защиты от жульничества и неадекватных проектов: все исходные данные и развитие исследования можно будет проследить, а выделение средств привязать к достижению определенных успехов. Таким образом, создается потенциально мощный канал для финансирования и реализации прорывных идей, даже в фундаментальной науке: «Представьте, что вы инвестировали в теорию относительности на той стадии, когда она еще была лишь безумной идеей»²⁴.

Выход на ICO — не единственная инновационная форма привлечения средств. Риски ICO сподвигли на создание более доступного и гибкого инструмента, а именно рынков курирования (curation markets)²⁵. Такие рынки обеспечивают привязку уникального токена к любому нематериальному активу — тексту, идее, проекту, даже отдельному ученому или музыканту. Далее цена токена гибко растет или падает в зависимости от интереса людей к этому активу; кроме того, конструкция системы блокирует финансовые пирамиды, позволяя инвесторам получить свои вложения назад на любом этапе. Вообще, нет предела экспериментированию с различными инструментами финтех в науке. Например, ученый может открыть проект в духе пари. Он предлагает новую теорию (новое лекарство) — давайте проверим экспериментально, работает она или нет, делайте ставки. Таким образом с 100—1000 ученых, которые заинтересованы в этой сфере, можно собрать деньги на проведение эксперимента. Если он провалился, выигрывают те, кто ставил на провал, если сработал — те, кто ставил на успех.

Однако эти многообещающие возможности наталкиваются на один немаловажный факт: для успешного запуска альтернативных моделей финансирования науки потребуются поменять психологию ученых. Далеко не каждый исследователь готов действовать как инвестор или как руководитель стартапа, привлекающий инвестиции на свой проект (даже если для этого будут созданы удобные инструменты). Но насколько воспитание предпринимательского духа у ученых вероятно, и насколько оно благотворно для науки — вопрос открытый.

Блокчейн и прикладная наукометрия

Прикладная наукометрия — индекс Хирша, импакт-фактор журналов и т. п. — развилась в конце XX-начале XXI века в ответ на взрывной рост числа ученых

²³ Blockchain for Open Science and Knowledge Creation. Living document. P. 24—25. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/document/d/1Uhhj4K69l0bSx7UXYUSt_vrjuPC7VGo0ERa-7xEsr58/edit (дата обращения 19.01.2019).

²⁴ Ibid. P. 25.

²⁵ Simon de la Rouvière. Introducing Curation Markets: Trade Popularity of Memes & Information (with code)! (May 22, 2017). URL: <https://medium.com/@simondlr/introducing-curation-markets-trade-popularity-of-memes-information-with-code-70bf6fed9881> (дата обращения 19.01.2019); Billy Rennekamp. Re-Fungible Token (RFT). What happens when a Bonded Token owns an NFT? (February 26, 2018). URL: <https://medium.com/@billyrennekamp/re-fungible-token-rft-297003592769> (дата обращения 19.01.2019).

и научных учреждений в мире в 1960—1970-е годы. В этот период выросло число претендентов на государственное финансирование, доля которого с 1980-х годов начала постепенно сокращаться [Whitley et al., 2018]. Рост конкуренции на научном рынке сопровождался формированием социального запроса на прозрачность и справедливость распределения средств на научные исследования: делать это за закрытыми дверями, по неясным для налогоплательщиков правилам, стало неприемлемо. Появилась потребность в единообразных правилах и объективных критериях для оценки научной деятельности, в результате появились грубые, но зато емкие метрики (цитируемость, индекс Хирша, статус журнала — по квартилям и импакт-фактору). Из всего многообразия результатов научной работы были выбраны самые массовые, регулярные и единообразные, а именно журнальные статьи.

Второй, даже более важный социальный механизм, породивший прикладную наукометрию — глобальная перестройка науки и образования в ту же эпоху (начиная с восьмидесятых) по принципам неолиберального управления, или *new public management* (NPM). Эта перестройка описывается как экспансия бизнес-моделей в социальные сферы (науку, образование, здравоохранение) [Plerou et al., 1999; Shore, 2008]. От ученых стали требовать измеримых, поддающихся количественной оценке результатов, а также планирования этих результатов. Исследователи теперь вынуждены не только «следить за собой», за выполнением поставленных перед ними KPI, но и соревноваться друг с другом, у кого эти показатели за истекший период выше [Mueller, 2014].

Ожидалось, что эта перестройка и, в частности, введение прикладной наукометрии, сделает науку более эффективной, гибкой, прозрачной, динамичной, усилит обратную связь между учеными и заказчиками исследований (частными или государственными), позволит быстрее выявлять перспективные направления. Однако по мере внедрения прикладной наукометрии в полную силу заработал знаменитый закон Гудхарта: когда социальный или экономический показатель (KPI) становится целью для проведения социальной или экономической политики, он перестает быть достойным доверия показателем [Elton, 2004]. Или, даже точнее, закон Кэмпбелла: «Чем более какой-либо количественный социальный индикатор используется для принятия решений, тем больше он будет подвержен искажающим влияниям и тем более вероятно будет извращать и нарушать социальные процессы, отслеживать которые он предназначен» [Campbell, 1979: 85].

То есть, чем больше финансирование и другие бонусы привязываются к формальным метрикам, тем больше их «взламывают». Иногда грубым способом — например, накруткой цитирований, форсированной публикацией статей в сомнительных или даже хищнических журналах, попавших в Web of Science и Scopus [Кулешова, Подвойский, 2018]. Иногда мягким, но еще более опасным: когда ученый вполне добросовестно думает не о том, как добыть новое знание и поделиться им с коллегами, а как попасть в высокоимпактный журнал и улучшить наукометрические показатели — свои или своего коллектива [Falagas, Alexiou, 2008; Zhivotovsky, Krutovsky, 2008; Abbott et al., 2010]. Так форма (индикаторы) становится важнее содержания (сами исследования). Именно эти закономерности, а не только слабая пригодность существующих механизмов прикладной науко-

метрии для оценки дисциплин, далеких от «журналоцентричных» естественных наук, вызывают самые большие сомнения в адекватности данного инструмента.

С моей точки зрения, лучший выход для научного сообщества — не критиковать существующую наукометрию, не рассуждать, нужна она или нет, а предлагать новые инструменты оценки, того, что называется оценку качества исследований (research evaluation) — более адекватные и пользующиеся доверием ученых. Наукометрия должна не навязываться сверху (администраторами), а выстраиваться снизу, в дискуссиях самих ученых, и она должна быть достаточно разнообразной, чтобы отражать множественность реальных научных практик и академических культур.

Как этого добиться? Я предложил бы подумать над двумя идеями. Во-первых, невидимый труд, который является важной составляющей научной деятельности, но не получает быстрого вознаграждения в виде символического признания и одобрения от коллег. Это кропотливая работа в лаборатории, в архиве, длительная подготовка публикаций, рецензирование статей для научных журналов и т. п. Множество научных практик не замечает и система прикладной наукометрии, в значительной степени распознающая и вознаграждающая лишь одну форму деятельности — написание статей в журналах. Другие активности (участие в семинарах, рецензирование, редактирование работ коллег, участие в «мозговых штурмах», неформальное научное руководство, административная работа) «не видятся» и слабо учитываются при карьерном продвижении и выдаче грантов.

Имеет смысл задуматься о гибкой системе метрик, которая позволит сделать видимым и вознаграждаемым этот невидимый труд — а также о программных приложениях, отмечающих его. Возможно представить себе блокчейн-платформу, где фиксируется и оценивается — в многомодульной наукометрической системе — любая полезная для науки деятельность: проведение исследований, представление признанных научным сообществом результатов, экспертиза статей и заявок, неформальные советы, руководство исследованиями студентов и аспирантов (список открытый).

Там работает гибкая система мер и весов, где правила (как что оценивается) и результаты их применения (кого как оценить) определяются динамически, сообществом ученых и их коллег (например, редакторов), заинтересованных в каждой конкретной подсистеме взаимодействий. Эти подсистемы могут совпадать с реальными институциями (институт РАН), строиться по сетевому принципу (мировое сообщество византинистов), даже охватывать ненавидящих друг друга специалистов, как в российской политологии. Главное, что их объединяет интерес, по выражению Пьера Бурдьё: заинтересованность в существовании того или иного поля, с его специфическими ставками и ценностями, к которым равнодушны «чужие» [Бурдьё, 1994: 134—135]. Далее такие внутренние системы оценок и критериев, опять же через открытые, зафиксированные на блокчейне переговоры конвертируются в меры, понятные и полезные для внешних агентов (фондов или министерств).

С позиции акторов это может выглядеть так: я ученый — у меня есть моя репутация. Она неотчуждаема. Она складывается из множества факторов и меняется от разных действий в системе. Я написал рецензию, которую оценили коллеги, опубликовал статью, дал ценный совет аспиранту, меня процитировал

статусный ученый — это тысячи капель, которые вливаются в мою репутацию. И одновременно — это действия, ценность которых зависят от их резонанса, от того, насколько они были приняты, одобрены, использованы в дальнейшей работе другими учеными.

Блокчейн же может работать именно как технологический «фундамент» науки, живущей в реальном времени (а не инструмент отчетности и подсчета показателей за истекший период). **Таким образом, наукометрия будет уже не накладываться на науку извне, как грубый и чуждый ей измерительный инструмент, а органически вырастать из нее по правилам игры, определяемым изнутри.**

Полезность блокчейна для наукометрии имеет еще один важный аспект. Все современные системы оценки науки (отдельных ли публикаций, проектов, отдельных ученых, или достижений институтов и целых стран) опираются на два принципа. Первый — оценка по формальным наукометрическим показателям: индекс Хирша и его модификации, импакт-фактор журналов, попадание в базы Web of Science и Scopus (что гарантирует некий уровень работы), альтметрики. Второй — экспертная оценка: специалист не смотрит на цифры индексов и квартилей, а также на регалии, а в первую очередь оценивает качество самой работы, опираясь на свое экспертное знание о дисциплине.

Оба принципа в той или иной комбинации реализуются во всех системах оценки науки в мире — однако в каждом из них есть системные, неустранимые уязвимости. Наукометрия или грубо «взламывается» (накрутка цитирований, протаскивание в авторитетные базы данных сомнительных журналов), или, что еще хуже, ученые бросают все свои усилия на «форму» вместо содержания — гонятся за быстрыми публикациями в журналах, из-за чего выбирают модные темы, подтягивают результаты опытов и так далее. «Качественная» экспертиза страдает от классических проблем политики и юстиции — кто назначает судей и выбирает депутатов, непрозрачность критериев, конфликты интересов, личные симпатии и антипатии.

Применение блокчейна позволяет совместить эти системы, снимая их недостатки. Это система распределенных вычислений — и в ней работа по экспертизе будет распределена по сети ученых и объединена в один процесс с собственно исследовательской и публикационной активностью. Иными словами, экспертная, репутационная оценка в такой системе «лечится» формализацией, прозрачностью и привязкой к материальной ответственности (и заинтересованности) — видно, кто за кого чем (какой долей своего научного капитала) поручается, кто на кого ставит и каков «вес» каждого. Наукометрия же «лечится» своей децентрализацией — нет больше никого центрального источника власти, решающего, какой тут журнал мусорный, а какой нет — решения принимают сами ученые посредством сети.

Как я писал выше, наукометрия во многом выросла из кризиса доверия в науке. Блокчейн же как раз и нацелен на решение проблемы недоверия: как выстроить адекватную (защищенную от разрывов между показателем и тем, что за ним скрывается) и работающую систему из множества не доверяющих друг другу субъектов. Таким образом, если не перебрасывать работу экспертизы на узкий пул экспертов, на которых давят бюрократические правила, жестко направляющие их работу

(как в британской системе Research Assessment Exercise²⁶), предлагается распределить работу экспертизы по всей сети ученых, на инфраструктуре блокчейна. **Наукометрию в таком случае будет осуществлять не узкий круг экспертов (владеющих самим инструментом, умеющих обращаться с этим «черным ящиком» или просто занимающих руководящие должности) несколько раз в год за закрытыми дверями, а все научное сообщество — открыто, в реальном времени, с помощью децентрализованной технологии.**

Далее я рассмотрю главные проблемы и сложности, возникающие при использовании блокчейн-проектов в науке.

Демократическая революция или новые инструменты контроля?

Блокчейн в науке постепенно оформляется в единое движение близких по духу ученых — и объединяет их недовольство положением дел в науке: олигополией крупных издательств, погоней за количественными индикаторами и равнодушием к качеству работ, концентрацией власти и влияния в руках узких «клик», растущим количеством (откровенно некачественных и нереплицируемых исследований). Вышли они в основном из естественных наук (особенно биомедицинских и физики), далеко не маргиналы, но и не элита — это исследователи уровня постдоков и молодых преподавателей, плюс некоторое количество IT-специалистов и стартаперов. Блокчейн привлек их обещанием радикально перестроить правила игры в науке: прозрачные транзакции и принятие решений, токены как гибкие стимулы, децентрализация, возможность самим ученым определять, что важно (например, поощрять исследования, результаты которых могут быть реально использованы в другой работе). В целом блокчейн-энтузиасты разделяют ценности открытой науки.

Однако в такой «революции от недовольства» кроется одновременно сила и слабость. Сила — потому что она мотивирует изобретать новые и необычные способы решения тяжелых проблем, от которых страдает наука. Слабость — потому что революционная ситуация (пока) не назрела, и широкие массы ученых хотя и нередко ворчат, но в целом принимают сложившиеся практики и правила игры. Вот хороший пример: проект распределенного реестра цитирований, который поддерживает само сообщество ученых, а не частные компании Elsevier и Clarivate Analytics [Burley, 2018]. Идея интересная, но пока именно Scopus и Web of Science задают стандарты качества и принимаются в качестве источника наукометрических показателей большинством ученых, едва ли реализуемая.

Одновременно к блокчейну в науке стали проявлять интерес крупные игроки (см. выше патент IBM, а также [Novotny et al., 2018]). И отношения между этими двумя «образами будущего» немного натянутые: едва ли не единственный доклад на конференции «Блокчейн для науки» (Берлин, 05—06.11.2018), вызвавший жестко критические реплики из зала, был посвящен как раз проекту peer review для издательств от Digital Science — «вам вообще не нужны ученые здесь», и это «просто инженерный подход, и блокчейн тут не помогает созданию нового знания». В целом ситуация в науке повторяет общую динамику развития блокчейна в мире: то, что создателями и энтузиастами технологии задумывалось как путь к цифро-

²⁶ What is the REF? URL: <https://www.ref.ac.uk/about/what-is-the-ref/> (дата обращения: 19.01.2019).

вой демократии, жизни без банков, государств и корпораций, становится новым инструментом оптимизации бизнес-процессов и укрепления власти все тех же государств и корпораций²⁷.

Действительно, даже в науке блокчейн-технологии могут стать как и средством эмпауэрмента ученых, давать им больше автономии, делать их жизнь более удобной, так и превратиться в орудие надзора — еще более усилить и без того тяжелое бремя отчетности и перманентного контроля над деятельностью ученых. «Когда ученый загружает данные, работает с ними, пишет или подает статью, пишет рецензию — все это автоматически отслеживается и записывается. При работе на блокчейне риск мошенничества значительно ниже, а сбор надежных и полных данных о работе исследователей, научных групп и университетов — легче. Поэтому на основе этих данных можно выстроить более точные и надежные метрики» [Joris van Rossum, 2017: 11].

Но, как я писал выше, блокчейн только начинает входить в науку, и конкретные формы контакта этих двух сущностей еще предстоит определить — в том числе автору и, надеюсь, читателям этого текста. Полагаю, что наиболее разумным было бы активно привлекать институциональных игроков мира науки (университеты, институты, фонды, министерства) — что не всегда получается у «анархических» энтузиастов блокчейна. Но, собирая институциональные коалиции, важно не забывать и о самих ученых — их запросах, потребностях, проблемах. В конечном счете, новая технология «приживается» именно тогда, когда она гармонично встраивается в повседневность и расширяет пространство выбора.

Токенизация и материальные стимулы для ученых

В основе биткойна — самого успешного блокчейн-проекта — лежит продуманная его архитектором Сатоши Накамото система стимулов-поощрений (incentives). Биткойн так упорядочит стимулы и вознаграждения всех участников своей экосистемы (майнеров, пользователей, разработчиков), чтобы на выходе получилась стабильная, безопасная и одновременно децентрализованная цифровая валюта. Сатоши Накамото именно с помощью incentives добился, чтобы полезное для общего блага системы поведение поощрялось, а вредоносное — блокировалось (оказывалось невыгодным)²⁸.

Затем принципы incentive design (конструирования стимулов) были осмыслены как одно из ключевых преимуществ блокчейна. Они вошли в другие криптовалюты, а затем и в более сложные и разнообразные социальные проекты. Объединяет их одна базовая установка: разработчики системы, как боги-творцы, изначально закладывают, какое поведение участников будет поощряться, а какое — наоборот. Сам же механизм поощрения — материальный: через токены, или условные единицы внутри системы, которые в конечном счете стоят сколько-то денег. Наконец, третье важное свойство incentive design на токенах: голосование и принятие решений простым большинством голосов. Так, Gnosis, Augur и другие предикативные

²⁷ Ian Bogost. Cryptocurrency Might be a Path to Authoritarianism. Extreme libertarians built blockchain to decentralize government and corporate power. It could consolidate their control instead. (May 30, 2017). URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2017/05/blockchain-of-command/528543/> (дата обращения: 19.01.2019).

²⁸ Подробнее об этом см. базовое техническое описание биткойна: Satoshi Nakamoto. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения 19.01.2019).

рынки²⁹ на блокчейне стимулируют пользователей делать точные предсказания будущего (в основном финансовые) и ставить на результаты этих предсказаний; социальная сеть Steemit вознаграждает криптовалютой за растущие в популярности посты, что определяется числом поданных голосов (upvoting). Различные проекты токенизированных списков (TCR, token-curated registries) стимулируют создание авторитетных списков чего угодно (кафе, университетов, СМИ), поощряя ответственное голосование за или против включения единицы в список³⁰. Таким образом, блокчейн позволил создать мощные **машины поощрения**: «Можно не только направлять стимулы, но и создавать их... Вы можете заставить людей делать самые разные вещи, вознаграждая их токенами»³¹.

И вот здесь с incentives начинаются проблемы. В биткойне стимулы отработаны до автоматизма, более того — «вшиты» внутрь системы так, что от людей не требуется постоянно принимать решения (достаточно просто майнить). Но при тиражировании этого механизма на более социальные сферы, где действует человек, было бы странно ожидать от него рационального поведения. Люди далеки от модели идеального рационального субъекта, подвержены когнитивным искажениям, стадным инстинктам, нередко предпочитают сиюминутную выгоду долгосрочной и так далее (что, в общем-то, неплохо известно специалистам по психологии и поведенческой экономике). Далее, многие скрытые дефекты блокчейн-систем проявляются только при их имплементации множеством пользователей — а к этому моменту у дефектов уже могут появиться свои бенефициары, настаивающие на их положительных свойствах, и так возникают смуты, начинается борьба за пересмотр «конституции» платформы³².

Движущей силой, «кровеносной системой» большинства блокчейн-стартапов для науки выступают именно токены — с их помощью мотивируются ученые, осуществляются голосования, соединяются отдельные узлы системы, наконец, привлекаются инвесторы. И в «токенизации» науки кроется серьезная опасность. Для ученых жажда признания и стремление к истине, вообще нематериальные стимулы деятельности, не менее, а иногда и более важны, чем материальные — это, кстати, касается и других творческих сфер деятельности человека [Jindal-Snape, Snape, 2006]. Внедрение количественных метрик и рыночных механизмов нередко коррумпирует творческие сферы. Можно выразить эту мысль еще более жестко: «когда вы вводите денежные стимулы в Википедию или peer review, вы их уничтожаете»³³. Вдобавок рыночная логика (когда каждый бьется за максимизацию собственной

²⁹ Предикативные рынки, или рынки предсказаний (prediction markets) — разновидность спекулятивных рынков; их целью является создание прогнозов. На них создаются активы, чья конечная денежная стоимость связана с определенным событием (к примеру, будет ли следующий американский президент республиканцем) или параметром (к примеру, каковы будут продажи в следующем квартале). Цены на этих рынках указывают на то, как большинство игроков оценивают вероятность события.

³⁰ Mike Gordin. Token-Curated Registries 1.0. URL: https://docs.google.com/document/d/1BWWC__Kms09b7yCl_R7ysoGFIT9D_sfjH3axQsmB6E/edit (дата обращения: 19.01.2019).

³¹ Trent McConaghy. Can Blockchains Go Rogue? (February 27, 2018). URL: <https://blog.oceanprotocol.com/can-blockchains-go-rogue-5134300ce790> (дата обращения: 19.01.2019).

³² Elad Verbin. Behavioral Crypto-Economics: The Challenge and Promise of Blockchain Incentive Design (May 18, 2018). URL: <https://medium.com/berlin-innovation-ventures/behavioral-crypto-economics-6d8befbf2175> (дата обращения: 19.01.2019).

³³ Ламберт Хеллер (Lambert Heller), выступление на панельной дискуссии «What is Blockchain (in Science)?» на конференции Blockchain for Science 2018 (Берлин, 05.11.2018, 12.30—13.00).

прибыли) атомизирует научное сообщество, бьет по и так разрушающемуся этосу коллективного поиска истины (общая цель важнее индивидуального карьерного успеха) [Merton, 1973; Higginson, Munafò, 2016]. Фактически мы столкнулись с дилеммой: с помощью блокчейна хотят выстроить автономную саморегулирующуюся систему науки, которой управляют сами ученые, стимулирующую научный прогресс самоуправляющуюся сферу — но в основе которой лежит гонка за поощрениями, за материальными стимулами. Не будет ли такая система, давая определенную автономию от внешнего и неэффективного менеджериального управления наукой, подрывать ее фундаментальный принцип — нематериальную мотивацию ученых?

Что на это можно возразить? Мы не знаем и не понимаем еще в полной мере, что такое токен. Это правда некая новая сущность, которую люди пытаются вписать в существующие схемы. Инерция привычных социально-экономических структур заставляет воспринимать токены как суррогатные деньги, акции, цифровые обязательства на товары или услуги, и так далее. Однако они могут обладать куда более сложной и гибкой сущностью. Токены — это не денежные единицы, как криптовалюты, а технологически защищенные абстрактные единицы ценности, смысл и правила оборота которых определяет сообщество пользователей³⁴. Например, можно токенизировать благодарность за комментарии к научным работам друга друга и запретить такие единицы продавать (только дарить); или токенизировать голоса, поданные при голосовании на тему авторитетности того или иного ученого в некоем вопросе. Или репутацию, оцениваемую и измеряемую нелинейным образом.

Далее, можно помыслить токен как объект, где соединяются голос (vote) и капитал. Точнее, некая личная воля, личное решение и любое измеримое свойство, не обязательно собственность (репутация, влияние и пр.). В таком случае токен выступает как воля, подкрепленная достижениями, или решение, за которым стоит определенная репутация. И тогда токен заново собирает политэкономия — на транспарентном и надежном фундаменте блокчейна. Мы приходим на передний край технологического пронизывания реальности, где идут эксперименты по новым способам соединения, «пересшивания» количественного и качественного, политики и экономики, субъективных чувств и исчисляемых индикаторов — и окончательных решений здесь пока не найдено.

Возвращаясь к главной теме этого раздела: изъян многих современных блокчейн-проектов заключается в том, что они «колонируют» науку внешними относительно нее и весьма примитивными политическими и экономическими механизмами (власть большинства, краткосрочные материальные стимулы). Было бы разумнее понять уникальность форм общения и обменов, характерных именно для науки и ученых, и уже на их основе строить технологическую платформу³⁵.

³⁴ Подробнее об экономическом смысле токена и его неопределенности см. Erik Bordeleau. We don't know yet what a token can do. URL: <https://medium.com/economic-spacing/we-dont-know-yet-what-a-token-can-do-1d76671303ed> (дата обращения: 19.01.2019)..

³⁵ Это, кстати, признают и сами энтузиасты блокчейна в науке, люди в основном с естественно-научным или IT-бэкграундом: на семинарах и митапах мне не раз приходилось слышать, что у них получается придумать только самые простые и наивные «законы» своих систем, и им остро не хватает советов и опыта социологов, STS-исследователей, философов, психологов и других представителей социальных наук, лучше понимающих, как «устроена» наука. См. также: Elad Verbin. Behavioral Crypto-Economics: The Challenge and Promise of Blockchain Incentive Design (May 18, 2018). URL: <https://medium.com/berlin-innovation-ventures/behavioral-crypto-economics-6d8befbf2175> (дата обращения: 19.01.2019).

(Не)готовность научного сообщества

Все изложенное выше, должен признаться, обходит стороной очевидного «слона в комнате» — вопрос готовности научного сообщества к использованию блокчейна. В настоящий момент ученые имеют весьма смутное представление о технологии распределенного реестра, и тем более о том, как она могла бы им помочь. И касается это не только России и других государств постсоветского пространства. По данным мини-опроса, который автор этой статьи и его коллеги по информационному portalу о науке и технологиях Indicator.Ru провели (январь-март 2018 г.) среди выборки из 2500 наиболее цитируемых в 2017 г. ученых (по версии Clarivate Analytics³⁶), большинство исследователей, хотя и слышали что-то о блокчейне, совершенно не представляют себе его применение в науке.

Более того, слабая информированность ученых — это лишь верхушка айсберга. Блокчейн пока еще плохо стыкуется с правовыми, финансовыми, институциональными структурами «реального мира» (и это касается не только науки). А для участия в блокчейн-проектах, помимо понимания принципов их работы, необходимо соблюдение базовых инфраструктурных условий: быстрый и надежный интернет, достаточные вычислительные мощности для подтверждения транзакций, решение проблемы идентификации пользователей и доступ к облачным сервисам [Rachovitsa 2018: 21].

Означает ли все это, что перспективы внедрения блокчейна в науку, особенно в России и соседних странах, весьма туманны? Ни в коем случае. Блокчейн-сервисы приходят не в цифровую пустыню. Последние годы ученые по всему миру все активнее осваивают облачные приложения, позволяющие автоматизировать разные этапы исследования и публикации: написание заметок (Evernote), коллективное написание текста соавторами (Authorea, GoogleDocs, Overleaf), управление ссылками и цитатами (Mendeley, Zotero), обмен данными (Figshare, GitHub). Блокчейн-проекты попадают и в другой тренд — инноваций на всех этапах организации науки. Здесь можно упомянуть и новые модели издательского процесса (open access), и новые метрики и способы оценить качество научной продукции (Altmetrics, Snowball Metrics), и новые формы и практики рецензирования (open peer review, collaborative peer review).

Так что шансы создать новые возможности у блокчейна есть. Но просто обещать, манить перспективами светлого цифрового будущего, как делают энтузиасты блокчейна — этого мало. Победят те проекты, которые достучатся до индивидуальных ученых, а также до сотен небольших «племен», дисциплинарных сообществ, на которые дробится наука; которые гибко и безболезненно встроются в существующие правила и процедуры работы ученых, в их повседневность; которые облегчат их труд, а не потребуют от них новых усилий; и которые докажут главным игрокам, прежде всего государству и крупным фондам, что именно блокчейн обеспечивает стандарт точности, надежности и стимулирования инноваций.

В блокчейне скрыт огромный потенциал: помочь ученому стать одновременно творческим и экономическим субъектом — и при этом действовать в среде, защищенной от закулисных переговоров, от жульничества, от «черных ящиков».

³⁶ Clarivate Analytics Highly Cited Researchers. URL: <https://hcr.clarivate.com/> (дата обращения: 19.01.2019).

Но чтобы этот потенциал был реализован, идеи блокчейна в науке (заявленные в этой статье и другие, более смелые) лучше обсуждать вместе — всем научным сообществом. Иначе блокчейн-проекты, как признают сами их создатели, уподобятся городским пространствам, на реконструкцию которых мэрия потратила миллионы, однако сами горожане их игнорируют.

Список литературы (References)

Бурдые П. (1994). Социология веры и верования социологов // Начала. М.: Socio-Logos. 1994. С. 133—140.

Bourdieu P. (1994) Sociologues de la croyance et croyance de sociologies. In: Choses dites. M.: Socio-Logos. P. 133—140. (In Russ.)

Кулешова А., Подвойский Д. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10> (In Russ.)

Abbott A., Cyranoski D., Jones N., Maher B., Schiermeier Q., Van Noorden R. (2010). Metrics: Do metrics matter? *Nature*. No. 465. P. 860—862. <https://doi.org/10.1038/465860a>.

Angraal S., Krumholz H. M., Schulz W. L. (2017) Blockchain Technology: Applications in Health Care. *Circulation. Cardiovascular quality and outcomes*. Vol. 10. No. 9. <https://doi.org/10.1161/CIRCOUTCOMES.117.003800>.

Benchoufi M, Ravaud P. (2017) Blockchain technology for improving clinical research quality. *Trials*. No. 18: 335. <https://doi.org/10.1186/s13063-017-2035-z>.

Bollen J., Crandall D., Junk D., Ying Ding, Börner K. (2014) From funding agencies to scientific agency. Collective allocation of science funding as an alternative to peer review. *EMBO Reports*. No. 15. P. 131—133. <https://doi.org/10.1002/embr.201338068>.

Bunge M. (1963) A General Black Box Theory. *Philosophy of Science*. Vol. 30. No. 4. P. 346—358.

Burley R. F. (2018) Stable and decentralized? The promise and challenge of a shared citation ledger. *Information Services & Use*. Vol. 38. No. 3. P. 141—148. <https://doi.org/10.3233/ISU-180017>.

Campbell D. T. (1979) Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. Vol. 2, No. 1. P. 67—90.

Dhillon V., Metcalf D., Hooper M. (2017) Blockchain in Science. In: *Blockchain Enabled Applications*. Apress, Berkeley, CA. P. 111—124. https://doi.org/10.1007/978-1-4842-3081-7_8.

- Else H. (2018) Radical open-access plan could spell end to journal subscriptions. *Nature* No. 561. P. 17—18. <https://doi.org/10.1038/d41586-018-06178-7>.
- Elton L. (2004). Goodhart's law and performance indicators in higher education. *Evaluation & Research in Education*. Vol. 18. No. 1—2. P. 120—128. <https://doi.org/10.1080/09500790408668312>.
- Falagas M. E., Alexiou V. G. (2008) The top-ten in journal impact factor manipulation. *Archivum Immunologiae et Therapiae Experimentalis*. No. 56. P. 223—226. <https://doi.org/10.1007/s00005-008-0024-5>.
- Fanelli D. (2009) How Many Scientists Fabricate and Falsify Research? A Systematic Review and Meta-Analysis of Survey Data. *PLOS One*. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0005738>.
- Fochler M., Sigl L. (2018) Anticipatory Uncertainty: How Academic and Industry Researchers in the Life Sciences Experience and Manage the Uncertainties of the Research Process Differently. *Science as Culture*. Vol. 27. No. 3. P. 349—374. <https://doi.org/10.1080/09505431.2018.1485640>.
- Gross K., Bergstrom C. T. (2019) Contest models highlight inherent inefficiencies of scientific funding competitions. *PLOS Biology*. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.3000065>.
- Head M. L., Holman L., Lanfear, R., Kahn A. T. Jennions M. D. (2015). The Extent and Consequences of P-Hacking in Science. *PLOS Biology*. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1002106>.
- Higginson A. D., Munafò M. R. (2016) Current Incentives for Scientists Lead to Underpowered Studies with Erroneous Conclusions. *PLOS Biology*. <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.2000995>.
- Ioannidis J. P. A. (2005). Why Most Published Research Findings Are False. *PLOS Medicine*. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>.
- Janowicz K., Regalia B., Hitzler P., Gengchen Mai, Delbecque S., Fröhlich M., Martinent P., Lazarus T. (2018) On the prospects of blockchain and distributed ledger technologies for open science and academic publishing. *Semantic Web*. No. 8. P. 545—555.
- Jindal-Snape D., Snape J. B. (2006) Motivation of scientists in a government research institute: Scientists' perceptions and the role of management. *Management Decision*. Vol. 44, No. 10. P. 1325—1343. <https://doi.org/10.1108/00251740610715678>.
- Link A. N., Swann C. A., Bozeman B. (2008). A time allocation study of university faculty. *Economics of Education Review*. Vol. 27, No. 4. P. 363—374. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2007.04.002>.
- Merton R. K. (1973) [1942]. The Normative Structure of Science. In: Merton, Robert K., *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press.

- Mueller R. (2014) Racing for what? Anticipation and acceleration in the work and career practices of academic life science postdocs. *Forum: Qualitative Social Science Research*. Vol. 15. No. 3. <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-15.3.2245>.
- Novotny, P., Zhang Q., Hull R., Baset S., Laredo J., Vaculin R., Ford D., Dillenberger D. (2018). Permissioned blockchain technologies for academic publishing. *Information Services & Use*. Vol. 38. No. 3. P. 159—171. <https://doi.org/10.3233/ISU-180020>.
- Plerou V., Nunes Amaral L. A., Gopikrishnan P., Meyer M., Stanley H. G. (1999). Similarities between the growth dynamics of university research and of competitive economic activities. *Nature*. No. 400. P. 433—437.
- Prüfer J. Zetland D. (2009) An auction market for journal articles. *Public Choice*. Vol. 145. No. 3 P. 379—403.
- Rachovitsa A. (2018). Blockchain 4 Open Science & SDGS. In: Blockchain for sustainable development goals. Groningen: University of Groningen. P. 19—21.
- Joris van Rossum. (2017) Blockchain for Research. Perspectives on a New Paradigm for Scholarly Communication. Digital Science Report. November 2017. <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.5607778>.
- Sackett D. L. Bias in analytic research. *Journal of Chronic Diseases*. Vol. 32. No. 1—2. P. 51—63.
- Simmons J. P., Nelson L. D., Simonsohn U. (2011) False-Positive Psychology: Undisclosed Flexibility in Data Collection and Analysis Allows Presenting Anything as Significant. *Psychological Science*. Vol. 22. No. 11. P. 1359—1366. <https://doi.org/10.1177/0956797611417632>.
- Shore C. (2008) Audit culture and Illiberal governance: Universities and the politics of accountability. *Anthropological Theory*. Vol. 8. No. 3. P. 278—298.
- Stephan P. (2012) How Economics Shapes Science. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Whitley R., Gläser J., Laudel G. (2018). The Impact of Changing Funding and Authority Relationships on Scientific Innovations. *Minerva*. Vol. 56. No. 1. P. 109—134. <https://doi.org/10.1007/s11024-018-9343-7>.
- Widener A. (2014) Paperwork Paralysis. Federally funded scientists are overwhelmed by administrative tasks, but attempts to rescind regulations face challenges. *Chemical and Engineering News*. Vol. 92. No. 22. P. 20—21.
- Zhivotovsky L., Krutovsky K. (2008). Self-citation can inflate h-index. *Scientometrics*. Vol. 77. No. 2. P. 373—375.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.17

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Социальная инженерия против социальных исследований или возможна ли «меняющая/решающая социология»? По материалам IX социологической Грушинской конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 410—420. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.17>.

For citation:

Peshkova V. M. (2019) Social engineering versus social studies or is “changing/decisive sociology” possible? Based on the IX Grushin sociological conference proceedings.. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 410—420. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.17>.

В. М. Пешкова

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ «МЕНЯЮЩАЯ/РЕШАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ»? ПО МАТЕРИАЛАМ IX СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ «МЕНЯЮЩАЯ/РЕШАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ»? ПО МАТЕРИАЛАМ IX СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

SOCIAL ENGINEERING VERSUS SOCIAL STUDIES OR IS “CHANGING/DECISIVE SOCIOLOGY” POSSIBLE? BASED ON THE IX GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE PROCEEDINGS.

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

*Vera M. PESHKOVA*¹ — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow

E-MAIL: pever@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Ключевые слова: Грушинская конференция, социальная инженерия, научный диспут, границы профессии, исследовательская индустрия, российское общество

Keywords: Grushin sociological conference, social engineering, scientific dispute, research industry, Russian society, professional boundaries

*Много лет мы вместе: двое
как единый организм,
за окошком ветер воет,
навевая оптимизм.*

Игорь Губерман

Это ироническое четверостишие Игоря Губермана, которым С. Хайкин, советник руководителя Федерального агентства по делам национальностей РФ, предварил одну из секций IX Грушинской социологической конференции, вполне может служить эпиграфом ко всем мероприятиям научного события. Дело в том, что «сочетание власти и социологов», по выражению упомянутого спикера, становится все более актуальным год от года. В последнее десятилетие, например, организация управления и многие управленческие практики в России строятся вокруг реализации различных стратегий и проектов. В частности, самые известные из них — приоритетные национальные проекты «Жилье», «Здоровье» и «Образование» — были предложены президентом России Владимиром Путиным 5 сентября 2005 г. Их реализация, как ожидалось, должна была привести к положительным изменениям в социально-экономической, психологической, общественной-политической сферах страны. В 2019 г. число проектов выросло до 12, их сгруппировали в три категории: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Их исполнение рассчитано до 2024 г. включительно¹. Кроме федеральных свои проекты разрабатывают и реализуют отдельные регионы.

В связи с этим многие управленческие практики ориентируются на проектную логику, в частности, на социальное проектирование и конструирование. Последние являются основными инструментами социальных технологий и социальной инженерии, которая выступает одним из способов соединения науки и практики в социальном управлении. Ее предметная область характеризуется: а) ориентацией на изучение и изменение таких объектов, как социальные институты, социальные (формальные) организации, организованные группы; б) установкой на применение научных методов и средств в практике социального управления; в) нормативной регуляцией; г) внутренней дифференциацией в соответствии с типом объекта и используемыми подходами [Резник, 1994: 92—94].

Необходимость научного обеспечения и осмысления социальных изменений, потребности широкого круга руководителей, управленцев и предпринимателей, других специалистов-практиков в принятии научно обоснованных управленческих решений, объясняют, почему социоинженерная проблематика была выбрана

¹ Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 10.04.2019).

главной темой для очередной организованной ВЦИОМ Грушинской конференции. Участники научного события имели возможность посетить около 30 секций, круглых столов, креативных и культурных мероприятий, где были представлены выступления более 150 спикеров — ведущих представителей исследовательской индустрии, органов федеральной и региональной власти, бизнеса, некоммерческого сектора, федеральных СМИ.

Главная тема конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» охватывает проблематику феномена «меняющей/решающей социологии» и включает вопросы, могут и должны ли исследования социальной реальности измеряться через призму того, насколько их результаты изменили эту самую реальность. Помимо главной темы программа конференции включила в себя несколько традиционных тематических линеек мероприятий: методику исследований, инфраструктуру отрасли и организацию профессионального сообщества, а также специальные секции партнеров и мастер-классы.

Общую тональность и высокий уровень конференции задало традиционно открывающее конференцию пленарное заседание «Россия — страна возможностей?». Ее участники, руководители ведущих исследовательских компаний, органов федеральной и региональной власти, сфокусировались на том, какой ответ среди управленцев и социальных исследователей находит общественно-политический запрос на развитие страны и как при этом организуется взаимодействие между властью и обществом, какую роль в этом взаимодействии играет социальная наука и, в частности, социология.

Отвечая на вопрос, в чем состоят эти возможности развития и будущего страны для различных слоев и групп российского населения, многие спикеры отметили, что российское общество, вслед за всем миром, становится все более фрагментированным и многосоставным, что не может не отражаться как на методологии социальных исследований, так и на постановке задач, формулировании и реализации различных государственных и управленческих стратегий и практик. Иными словами, целевые группы уже не могут быть определены однозначно, как раньше, поэтому работа и исследователей и управленцев должна быть более дифференцирована, настроена на маленькие группы.

Исходя из этой глобальной теоретической установки, президент ФОМ А. Ослон предлагает категоризировать население России в соответствии с ориентацией на успех и, следовательно, на определение респондентами своих возможностей. Спикер выделяет четыре условные категории населения, это люди: 1) «проектов — будущего»; 2) «службы — порядка»; 3) «дела — стабильности»; 4) «заботы — государства». Работа «людей проектов» состоит в достижении результата, они ориентируются на успех, им нужны возможности для развития. «Люди службы» работают не для достижения результата, а следуя ясным и четким образцам, поэтому для них успех заключается в служебном росте. «Людям дела» необходимы гарантии стабильности, поэтому ключевая мотивация успеха для них — признание. Главное условие повседневной жизни последней категории людей — забота, в том числе со стороны государства.

Руководитель исследовательской группы ЦИРКОН И. Задорин также поддержал тезис, что социальное пространство стало более многомерным, поэтому совре-

менное российское общество следует перестать изучать простыми обобщающими способами. И поиск ответа на вопрос о возможностях России должен исходить из точки зрения критических уровней разнообразия и дифференциации. Причем, подчеркивает спикер, этот рост разнообразия является вызовом не только исследователям общества, но и в такой же, если не большей, степени, управленцам, поэтому эффективность повышается именно в совместной работе.

Другой программный тезис пленарного заседания можно сформулировать, как «видеть и деревья, и лес». Как подчеркнул секретарь общественной палаты РФ В. Фадеев, акцент только на фрагментированности может привести к потере аналитичности, поэтому любую проблемную социальную и управленческую ситуацию следует рассматривать в контексте проблем единого российского государства.

Главные вопросы конференции состояли в том, как определить социальную инженерию, насколько она совместима с деятельностью социолога, насколько компетенции и функции социолога исследователя и социального технолога могут и должны совпадать. Хотя все мероприятия конференции, так или иначе, касались темы «меняющей/решающей» социологии, более подробно рассмотрим только секции, вошедшие в линейку мероприятий, давшей название всей конференции.

Свое видение этой темы организаторы конференции генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров и руководитель исследовательской группы ЦИРКОН И. Задорин представили на секции «О границах профессии. Или можно (нужно) ли социологу становиться социальным инженером?», ставшей одним из самых ярких событий научного мероприятия. Отправной точкой диспута стали положения, высказанные руководителями ведущих исследовательских центров в ходе интервью в рамках проекта «Лица конференции»².

И. Задорин предлагает определять социальную инженерию как деятельность по разработке инструментов и технологий социальных изменений, или в широком смысле технологий социального управления, а также сопровождению внедрений этих технологий в социальную практику. По его мнению, есть три профессиональные социологические позиции: социолог-исследователь, социолог-прикладник (управленец) и социальный активист (инженер), изменяющий социальную действительность. По мнению диспутанта, совмещение этих профессий одним человеком имеет множество ограничений — как этических, так и профессиональных. И. Задорин аргументирует это тем, что компетенции исследователя по определению отличаются от компетенций государственного или бизнес-управленца, поэтому совмещение этих позиций может привести к размыванию профессиональной самоидентификации и к утрате признания профессиональным сообществом. Наконец, профессионализм социолога предполагает дистанцированность от объекта исследования, а также стремление к максимальной объективности, что невозможно совместить с задачами социального инженера, которые не могут быть независимыми. Поэтому социолог может перейти в социальную инженерию, оставив перед этим исследовательскую деятельность.

² Лица конференции: [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica_konferencii/#zadorin; https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica_konferencii/#fedorov (дата обращения: 09.04.2019).

Озвучивая свою позицию, В. Федоров начал с того, что в настоящее время многие заказчики социологических исследований заинтересованы не только в описании социальной реальности целевой аудитории, но и в рекомендациях относительно того, как это может быть применимо в управленческой практике. Причина актуальности и все возрастающей востребованности социальной инженерии, а значит, и такой профессии, как социальный инженер, по его мнению, обусловлена несколькими глобальными трендами, среди которых сжатие времени и рост фрагментированности общества. Из-за сжатия времени на принятие решений остается все меньше времени и, следовательно, именно социологи, как ближе всего находящиеся к социальной реальности, могут оперативно изучать изменения и реагировать на них. Усложнение и фрагментированность общества, в свою очередь, заставляют детализировать запросы, чтобы учитывать эти различия при изучении и проектировании управленческих решений. Поэтому поиск ответа на эти запросы требует междисциплинарного подхода. Иными словами, сама общественно-политическая реальность российского общества последних лет вынуждает многих социологов начать заниматься социальной инженерией. В связи с этим, на взгляд второго диспутанта, в рамках профессионального социологического сообщества наряду со специалистами, например, по выборке, должны быть и социальные инженеры как еще одна профессия. Но требования к его компетенциям более высокие, чем к исследователям. В идеале в один творческий коллектив следует включать как социологов, так и социальных инженеров.

Таким образом, хотя участвующие в диспуте заявлялись с диаметрально противоположными позициями, можно заметить, что в их тезисах много общего. Оба диспутанта полагают, что профессиональные компетенции социолога и социального инженера различаются, что позволяет определять их как разные профессии. Причем компетенция социального инженера — самая сложная, которая должна быть освоена социологическим сообществом. В. Федоров и И. Задорин также сошлись в том, что социальная инженерия требует особого внимания в плане этики, своего профессионального кодекса, в том числе со стороны профессионального социологического сообщества.

Одно из знаковых мероприятий — секция «Методология социальной инженерии. Как создается симбиоз научного знания и практического действия», она была посвящена обсуждению разнообразия подходов к теоретико-методологическому обоснованию социально-инженерной деятельности как практической. Участники секции также пытались найти ответ на вопрос, как согласовать действия трех основных участников социально-инженерной деятельности: бенефициариев (управленцев или представителей бизнеса, заказчиков проектов и т. п.), продуцирующих научное знание исследователей-практиков или консультантов и разрабатывающих различные объяснительные и аналитические модели теоретиков и практиков.

Один из форматов такого взаимодействия, по мнению А. Расходчикова, сопредседателя Фонда «Московский центр урбанистики «Город» — социальная экспертиза в сфере управления городскими программами и проектами. По его мнению, экспертиза как социальная технология должна базироваться на следующих теоретико-методологических подходах: на человеко-средовом подходе [Дридзе, 1994], на подходе субъект-субъектных отношений в управлении [Тихонов, 2007],

на популяционно-селекционной модели организационного развития [Щербина, 2015]. Их эффективность докладчик показал на реальных примерах развития городской среды, строительства новых городских объектов с учетом обследования интересов локальных территориальных сообществ Москвы и Калининграда.

С. Кордонский, председатель экспертного совета Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники», заведующий кафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ, Москва, полагает, что для понимания роли участников социально-инженерной деятельности следует учитывать особенности социальной структуры современного российского общества. Исходя из его определения как преимущественно сословного, одной из основных движущих сил, в том числе в управленческой практике, по его мнению, является основанная на угрозах ресурсная система. В таком обществе бюджет распределяется так, чтобы освоить ресурсы на нейтрализацию угроз. На основе введенной им в научную практику методологии веерной матрицы С. Кордонский представил оригинальную систему ранжирования угроз, базирующуюся на оценке вероятности их реализации и отношений между различными типами угроз. Угрозы представлены как отношения между природными, экономическими и технологическими угрозами, то есть как следствие того, что каждый тип угрозы значим, когда он проецируется на другой тип угроз. Например, экономические угрозы, такие как ожидание исчерпания каких-либо ресурсов, могут иметь природные и технологические следствия. Докладчик также представил количественную оценку вероятности затрат на нейтрализацию угроз в зависимости от ее ранга.

Своё видение роли социальной инженерии как сферы практического действия предложила профессор Брянского филиала РАНХиГС С. Барматова. Автор доклада определила цель социально-инженерной деятельности в выработке нового социального алгоритма, позволяющего обеспечить скоординированность человеческих действий в соответствии с изменившимися условиями. Социально-инженерная деятельность может быть на нескольких уровнях: глобальном, национальном, отраслевом или региональном, групповом и личностном или индивидуальном. В частности, на глобальном уровне она носит системный характер с последующим составлением комплексных программ и с приданием им правового статуса. Разработки на государственном или национальном уровне ориентированы на создание правительственных, ведомственных и межведомственных государственных комплексных программ и проектов. На личностном или индивидуальном уровне разработки ориентированы на решение проблем отдельного человека или типовых социальных проблем личности. В заключение спикер сформулировала несколько рекомендаций, призванных, по ее мнению, методологически укрепить социальную инженерию как научно-практическую деятельность в России. В частности, предложено ввести процедуру и инструментарий социально-инженерного мониторинга социальных процессов; в образовательный стандарт подготовки госслужащих добавить курс социальной инженерии; организовать должность социального инженера в проектных офисах.

Руководитель Школы социального дизайна А. Долгоруков, ведущий научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, сформулировал свое выступление довольно провокативно: «Нужен ли России такой архаичный и неэффективный подход

к инновациям — социальная инженерия?». Представив краткую историю и эволюцию отечественных подходов к социально-управленческой и консультационной деятельности, докладчик остановился подробнее на авторской концепции социального дизайна. Социальный дизайн, основанный на антропо-социо-культурной модели, с его точки зрения, является более точным определением для деятельности по созданию и преобразованию социальных систем любого уровня, чем социальная инженерия.

Подвел итоги обсуждения теоретико-методологических особенностей социальных исследований и социально-инженерной деятельности директор по стратегическому развитию ВЦИОМ С. Львов. Он отметил, что любому представителю исследовательской индустрии приходится сталкиваться с необходимостью выбора между легитимностью и эффективностью. Спикер предложил классификацию исследовательских задач в зависимости от сложности и степени неопределенности управленческой проблематики, а также выделил четыре категории исследовательских задач: spin-doctoring (простые задачи и определенность), флагманская кампания (сложные задачи и определенность), проектирование (простые задачи и неопределенность), производство смыслов (сложные задачи и полная неопределенность). Наложенные на триаду коммуникации Н. Лумана, а именно информацию, сообщение и понимание, эти категории исследовательских задач, по мнению докладчика, создают матрицу возможных управленческих решений. Каждую из этих задач докладчик проиллюстрировал примерами из исследовательской практики ВЦИОМ.

В дискуссию «Сегодня в исследовании — завтра в законе» вошли кейсы, посвященные тому, как выстраивается коммуникация между политиками или управленцами и социологами, какую роль конкретные социальные исследования играют в реальной управленческой практике, в каких случаях это взаимодействие оказывается успешным или неуспешным с точки зрения социальных изменений в соответствии с социальными ожиданиями.

Заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН О. Александрова продемонстрировала, как работа по составлению социологического портрета предпенсионеров стала источником совершенствования законодательства и работы службы занятости. На основе комплексных социологических исследований 2017—2018 гг. спикер представила результаты анализа проблем трудоустройства и занятости слабозащищенных слоев населения Москвы: инвалидов, родителей с несовершеннолетними детьми, молодежи, выпускников, граждан предпенсионного и пенсионного возраста. Исходя из результатов исследования, автор доклада сформулировала рекомендации органам власти и службам занятости в области решения проблем этой категории граждан. Среди них, в частности, совершенствование системы учета и анализа положения на рынке труда, повышение эффективности обратной связи в системе трудоустройства, совершенствование работы специалистов медико-социальной экспертизы и др.

Заведующий кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета В. Кашпур представил успешный пример взаимодействия власти и общества в Томской области. Переход на постоянное зимнее время

в 2014 г. вызвал поток обращений жителей области в местные органы власти, что побудило депутатов обратиться к изучению общественного мнения относительно перспективы смены часового пояса. И в этом случае, по выражению спикера, «желание спросить население совпало с желанием населения высказаться по этому поводу». Инициированное властью исследование относительно смены часового пояса вызвало беспрецедентно широкий резонанс в публичном пространстве Томской области. В результате в 2016 г. Государственная дума РФ проголосовала за законопроект о переходе области в шестую часовую зону (МСК+4). Этот кейс применения социальных исследований в управленческой практике стал успешным благодаря тому, что тема оказалась близка повседневной жизни значительной части людей и при этом совпала с началом очередного электорального цикла.

Заместитель председателя Общественной палаты РФ по социальной политике, директор исследовательского центра «Особое мнение» Е. Курбангалеева на примерах изменения Федерального закона «Об образовании» и Постановления Правительства «О признании лица инвалидом» рассказала о другом успешном кейсе, когда социологические исследования привели к поправкам в законодательных документах в области социальной политики. В частности, всероссийский комплексный мониторинг переселения из аварийного жилья (сентябрь 2014 — апрель 2015 гг.) привел к введению термина «новое аварийное жилье» — Всероссийский комплексный мониторинг доступности высшего образования для людей с инвалидностью (февраль — ноябрь 2016 г.) к поправкам в ФЗ «Об образовании» № 273-ФЗ, ст. 71, п. 3 (27.06.2018 г.), п. 5 (01.05.2017 г.), а также проведены две «горячие линии» в Общественной палате РФ (конец мая — 1 сентября 2017 г., совместно с Министерством образования РФ, и июнь-сентябрь 2018 г., совместно с Рособрнадзором РФ). Несмотря на положительные примеры взаимодействия социальных исследователей и управленцев, по мнению спикера, недостаточно принять поправки в законодательный акт, необходим дальнейший мониторинг правоприменительной практики.

Старший научный сотрудник Социологического института ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге О. Божков в своем докладе показал коммуникацию между обществом и властью посредством социологических исследований на основе ретроспективного анализа эффекта исследований общественного мнения в советском Ленинграде. Согласно автору доклада, в середине 1970-х гг. по заказу городских органов власти социологи провели оценку отношения населения Ленинграда к городским инициативам в области жилищного вопроса, что привело к отмене решения исполкома о повышении размера коммунальных платежей. В отличие от этого кейса, исследование конца 1980-х гг. об отношении жителей города к проекту «Жилище 2000», итоги которого были также опубликованы в городских газетах, не получило обратной связи властей, в результате чего, по мнению спикера, «жилищный вопрос» Санкт-Петербурга еще долго не будет решен.

Директор по исследованиям Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге К. Титаев в завершающем дискуссию теоретико-методологическом докладе поднял вопрос, следует ли и каким образом информировать о результатах социальных исследований, оказывающих влияние на принятие решений. Спикер разделяет исследования для принятия

решений и исследования, влияющие на принятие решений. Первые, как правило, заказываются и финансируются лицами, принимающими решения, а значит, транслируют повестку и язык описания заказчика. Влияющие на принятие решений исследования никем не заказываются, но нередко поддерживаются (и/или финансируются) группами интересов, опираются на повестку и язык описания исследователя. С точки зрения автора доклада, это разделение сказывается и на логике исследований. Если в исследованиях для принятия решений выявляются вопросы, перед которыми стоит принимающее решение лицо, далее формируется дизайн и проводится исследование, результаты которого либо учитываются, либо игнорируются, то во втором типе исследований вначале определяется социальная проблема, выявляется повестка и стейкхолдеры, затем формируется дизайн и проводится исследование, результаты которого продвигаются. Исследования первого типа редко меняют социальную реальность и, чаще всего — под влиянием политической воли, а второго — могут менять реальность, но медленно, требуют усилий по продвижению. В продвижении результатов очень важны качества принимающих решения лиц: ориентированы они на краткосрочные или на долгосрочные цели.

Проблема, затронутая на последнем мероприятии главной темы конференции «Мониторинг эффективности и эффективность мониторинга», касалась практик использования социологического мониторинга в процессе принятия управленческих решений. Дискуссия, организованная в партнерстве с Общественной палатой РФ и ФОМ, строилась вокруг того, насколько чувствительны существующие системы мониторинга, как они интегрированы в процесс принятия управленческих решений, как строится взаимодействие социологов и представителей федеральных, региональных органов власти в вопросах анализа и интерпретации мониторинговых показателей. Дискуссия состояла из двух частей: о политических аспектах эффективности мониторингов и об особенностях измерения таких «гуманитарных» показателей общества, как оценка благополучия, ценностей, эмоций.

Специалисты ФОМ Н. Гашенина и Е. Орешкова представили обзор существующих в мире подходов и методик изучения подобных «гуманитарных» показателей и на данных исследований ФОМ продемонстрировали, как эти методики работают в российском случае. Сравнивая результаты применения этих методик с данными открытых вопросов, авторы доклада показали, что для россиян счастье, как правило, ассоциируется с семьей и домом, а благополучие — в первую очередь с доходами и благоприятными или неблагоприятными для их получения внешними условиями.

Анализ проблемы измерения удовлетворенности жизнью в постсоветской России продолжил заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Э. Понарин. Обращаясь к данным Всемирного и Европейского исследований ценностей о соотношении удовлетворенности жизнью и паритетом покупательной способности, автор, например, показал, что скандинавские страны, где низкий уровень социального неравенства, входят в число наиболее счастливых стран. Если распространить этот принцип на российские регионы, то самые счастливые люди проживают не в столицах, где самый большой средний доход. Рассматривая динамику ценностных установок современного российского общества, спикер делает вывод, что между двумя путями

к счастью — через достижение материальных целей и идеализацию собственного положения (через религию и через национальную идеологию) — в России более вероятен путь через национальную идеологию.

В центре доклада директора социологического информационно-исследовательского центра «Пульс» Е. Князевой еще один «гуманитарный показатель» общественных настроений и трансформаций. Она продемонстрировала, что эмоции имеют социальную природу, причем основой эмоционального фона являются доминирующие в обществе общие настроения или эмоциональный опыт, отражающие отношение населения к ситуации. На основе данных опроса населения Одессы по отношению к своей жизни и к будущему страны, а также работ Ю. Левады, спикер выделяет две группы эмоций, актуализирующихся в эпоху трансформаций: тревоги и надежды. В массовом сознании тревоги, как правило, выражаются в нефокусированном аморфном беспокойстве, вызванном неизвестностью будущего, а в сознании высокообразованных групп — в виде ожиданий определенного события или явления, грозящего лишениями, бедствиями.

Доклад преподавателя общеуниверситетской кафедры высшей математики НИУ ВШЭ в Москве Д. Сальниковой был посвящен оценке российским населением своего материального положения и их взаимосвязи с реальными доходами во временной динамике. На основе материалов российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2000—2017 гг. автор пришла к выводу о наличии выраженного эффекта адаптации субъективных показателей к изменениям в реальных доходах населения. Причем такие ограничения в использовании оценок материального положения в качестве индикаторов изменений реальных доходов населения в России, как их краткосрочность и различие силы адаптации к реальным доходам в разных группах населения, не позволяют переносить результаты прогнозирования потребительского поведения на основе субъективных показателей на все население в целом.

В завершение сессии проректор Финансового университета при Правительстве РФ А. Зубец рассказал о том, как измерения социальных настроений могут быть вписаны в прогнозирование различных экономических индикаторов, а также о возможностях и ограничениях макроэкономического прогнозирования на основании социальных измерений. Чтобы построить более эффективную модель измерения и экономического прогнозирования, следует перейти от общего показателя удовлетворенности жизнью к показателям более локальным, среди которых, например, готовность вкладываться в покупку товаров длительного пользования средней ценовой категории. Помимо этого, следует наблюдать за пересечением таких экономических показателей, как инвестиционная и инновационная активность с уровнем социальной напряженности, экономической и социальной активности населения. В заключение А. Зубец на основании измерений настроений населения дал экономический прогноз для России на ближайшие два года. Согласно прогнозу, в целом следует говорить о заметном ограничении потребительской активности населения и бизнеса, которые не дадут российской экономике развиваться более активно. В то же время эта активность остается на достаточно высоком уровне, что дает основания ожидать ограниченного роста российской экономики.

В данном обзоре удалось рассмотреть мероприятия, к сожалению, только одной из линеек IX Грушинской конференции. Подводя итоги, можно отметить, что актуализация проблематики социально-инженерной деятельности создает свои вызовы исследовательской индустрии, которые вынуждают реагировать и профессиональное сообщество социологов. Организаторам конференции и всем ее участникам удалось охватить все главные аспекты проблемы социально-инженерной деятельности и сформулировать ответы на вопрос, возможна ли «меняющая/решающая социология»: от постановки вопроса, теоретико-методологических подходов, до социальных и политических аспектов взаимодействия социологии и социальной инженерии на примере различных кейсов применения социальных исследований в управленческой практике.

Список литературы (References)

Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 131—138.

Dridze T. M. (1994) Man and the Urban Environment in the Forecast Social Design. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 131—138. (In Russ.)

Резник Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения. Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87—96.

Reznik Yu. M. (1994) Social Engineering: Subject Area and Application Boundaries. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2. P. 87—96. (In Russ.)

Тихонов А. В. Социология управления. 2-е изд., перераб. и доп. / А. В. Тихонов. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2007. 472 с.

Tikhonov A. V. (2007) Sociology of Governing. 2nd ed. additional. and revised / A. V. Tikhonov. Moscow: «Canon+» ROOI «Rehabilitation». 2007. 472 p. (In Russ.)

Щербина В. В. Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения (статья 2) // *Социологические исследования*. 2015. № 8. С. 100—108.

Shcherbina V. V. (2015) Population-Selectivity Model of Organization Development: Essence, Sphere and Prospect for Application (part 2). *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8. P. 100—108. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.18

Правильная ссылка на статью:

Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г. НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в регионах. По материалам секции на IX Грушинской социологической конференции // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 421—433. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.18>.

For citation:

Petrova L. E., Burluckaya M. G. (2019) NOTMOSCOW: how sociological data used in management practices in the regions. Based on the IX Grushin sociological conference section proceedings.. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 421—433. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.18>.

Л. Е. Петрова, М. Г. Бурлуцкая
НЕМОСКВА: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РЕГИОНАХ. ПО МАТЕРИАЛАМ
СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

НЕМОСКВА: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РЕГИОНАХ. ПО МАТЕРИАЛАМ СЕКЦИИ НА IX ГРУШИНСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

NOTMOSCOW: HOW SOCIOLOGICAL DATA USED IN MANAGEMENT PRACTICES IN THE REGIONS. BASED ON THE IX GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE SECTION PROCEEDINGS.

ПЕТРОВА Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, проректор, Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: petrova@eaca.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

Larisa E. PETROVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Vice-Rector
E-MAIL: petrova@eaca.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2981-916X>

¹ Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia

БУРЛУЦКАЯ Мария Георгиевна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия; начальник аналитического отдела, Фонд «Социум», Екатеринбург, Россия
E-MAIL: mary-bu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3892-5653>

Maria G. BURLUCKAYA^{2,3} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor; Head of the Analytical Department
E-MAIL: mary-bu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3892-5653>

² Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia

³ Socium (Foundation), Ekaterinburg, Russia

Ключевые слова: социальная инженерия, региональное развитие, мониторинг социально-экономической ситуации, полевая экспедиция

Keywords: social engineering, development of the regions, socio-economical situation monitoring, field expedition

Благодарность. Авторы выражают благодарность Программному комитету IX Грушинской социологической конференции и лично Наталье Седовой, руководителю Департамента науки и образования ВЦИОМ, заместителю председателя Программного комитета, за внимание к проблеме и предоставленную возможность обсудить ее на конференции.

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the Program Committee of the IX Grushin sociological conference and personally Natalia Sedova, head of the Department of science and education of WCIOM, Deputy Chairman of the Program Committee, for attention to the problem and the opportunity to discuss it at the conference.

Тема IX Грушинской социологической конференции, состоявшейся в марте 2019 г., — «Социальная инженерия: как социология меняет мир». Вполне естественно, что значительная доля высказываний (как до, так и во время конференции) предполагала теоретическую категоризацию — эксперты по-своему определяли, что такое «социальная инженерия», выражая свое видение не только через применение тех или иных теоретических подходов, выбор названий секций и круглых столов, но и описывая деятельностную компоненту — социальные ли они инженеры. Так, при подготовке мероприятия в рубрике «Лица конференции» были опубликованы интервью, которые редактор журнала «Мониторинг общественного мнения» В. Силаева взяла у членов программного комитета¹. Эти интервью показали широкий спектр мнений о возможностях и ограничениях социальной инженерии, этических проблемах реализации проектов.

Не менее важной задачей является анализ объекта социальной инженерии. Наше видение социальной инженерии таково: это прикладное знание, преобразованное в практическое действие, в том числе управленческое. Такой подход предполагает, что объект социальной инженерии — это первоначально объект аналитики, исследования. Масштабы такого объекта многообразны, стратифици-

¹ URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica-konferencii (дата обращения: 16.04.2019)

рованы. Представляется, что федеральный уровень обоснования, сбора, анализа и использования данных сформирован в том числе благодаря усилиям российских компаний по изучению общественного мнения (в первую очередь ВЦИОМ и ФОМ). А что в НЕМОСКВЕ² — в оставшихся 84 регионах? На региональном уровне аналитика не часто оказывается востребованной для управления социально-экономическими процессами (политическими — часто).

Еще более важный объект социальной инженерии — муниципальный уровень, уровень городов. Более тысячи российских городов, в которых проживает подавляющее большинство россиян, — это пока зона преимущественно вне аналитического управления. Обилие собираемых разнообразными способами данных не способствует тому, чтобы управленческие решения на уровне регионов и муниципалитетов были бы основаны на аналитической информации.

Регион как объект социальной инженерии вполне вписывается в сегодняшнюю логику — каждая территория разрабатывает стратегию развития. Казалось бы, в этом и состоит наилучшее применение аналитических данных. Но сегодня многие региональные стратегии написаны под копирку, без учета ситуации, без обращения к данным статистики, исследований и пр.

Если сделать акцент на том, что социальная инженерия — это в первую очередь управленческие решения, но обоснованные исследовательски и экспериментально, то уровни этих решений различны. Федеральный, с точки зрения аналитики, обеспечен исследовательскими компаниями, но они дают только обобщенную картину, причем статистика — в значительной степени московская и мегаполисная. Любой исследовательский проект со стратифицированной выборкой опишет ситуацию с учетом образа жизни, мнений преимущественно жителей больших городов, но при этом не учтет специфику значительной части населения. Решения, связанные с социальными проектами регионального и тем более муниципального значения, безусловно, требуют учета местной специфики.

На Грушинской конференции город как объект социальной инженерии обсуждался активно — этому была посвящена линейка мероприятий «Социолог в городском управлении: между исследователем и инженером, от Москвы до Урюпинска» (куратор — В. Звоновский). Было организовано пять секций, каждая из которых в той или иной мере затрагивала вопросы эффективности использования социологической информации в регионах. Секция «Проектирование моделей территориального развития» проведена Центром социального проектирования «Платформа» при поддержке экспертного совета по малым территориям. Она акцентировала внимание на том, что стратегия развития региона может стать платформой для согласования интересов и совместной деятельности населения, активных сообществ, власти и бизнеса. Секция «Куда нам послать социолога? Опыт взаимодействия социолога в проектах изменения городской среды» была организована при участии Ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89» и обращалась к проблемам участия социолога в городских проектах, в том числе в командах по изменению городской среды. Секция «Компании и местные

² Термин «НЕМОСКВА» не является авторским — этот неологизм стал своего рода символом обращения к регионам России. В первую очередь внимание привлекает проект межрегионального взаимодействия в области современного искусства NEMOSKVA, организованный Алисой Прудниковой.

сообщества на территориях присутствия: от взаимопонимания — к взаимному развитию» проведена компанией «Айфорс Рус», обсуждение проблем регионального развития строилось на основе бизнес-логики. Круглый стол «Социология в регионе. Настоящее и будущее социальной инженерии в решении ключевых проблем территориального развития» прошел в дистанционном формате, собрав большое число участников и отличившись тематической широтой, зачастую выходящей за рамки конференции.

Такое разнообразие докладов и мероприятий демонстрирует растущий интерес к теме. Рефреном звучала тема «множественности» России, разнообразия и невозможности анализировать современное общество как единое целое. Иными словами, фокус внимания явно смещается с поиска и описания ключевых трендов, «мейнстрима», к анализу локального, регионального, различного.

Одно из противоречий современного общества — противоречие глобального и локального. Социология развивается в основном в мегаполисах, контекст понимания социальных процессов и, в том числе, социальных изменений — глобальный. В докладе на пленарном заседании VIII Грушинской конференции профессор СПбГУ Д. Иванов заметил, что общество, по сути, расслоилось на две реальности — интернациональную реальность мегаполисов и локальную реальность «остальных» населенных пунктов, которых великое множество. Парадокс в том, что социология со всем ее корпусом объяснений и, что немаловажно, опытом самих социологов развивается в крупных городах. А исследования проводятся по всей России.

Когда исследования проводят жители столиц в регионах, жители региональных центров — в небольших городах, то даже при условии методической чистоты сбора данных переход на уровень объяснений и интерпретаций требует более глубокого понимания местного контекста. Мы преувеличиваем самоценность данных, если просто описываем ситуацию. Данных достаточно, но при переходе исследователем от уровня констатаций к уровню рекомендаций необходимо более глубокое понимание того, что будет «работать» на конкретной территории. Недостаток такого понимания и глубины погружения в местную специфику при интерпретации результатов исследований — таков возможный ответ на один из ключевых вопросов: «Почему не возникает понимания между исследователями и практиками?»

Именно эти основания (как гипотезы) легли в основу секции «НЕМОСКВА: практики управления на основе социологических данных в российских регионах», организованной при участии Екатеринбургской академии современного искусства. Внимание на секции акцентировалось на проблемах взаимодействия исследователей и практиков (исполнительная и законодательная власть в регионах и муниципалитетах, бизнес, крупные социальные институты), алгоритмах использования социологических данных для преобразований в городе и регионе (лучшие практики), доступности аналитической информации по региону (потенциал кабинетных и полевых исследований).

Особенностью данной секции был концептуальный подход, предполагающий релевантность обсуждения его контексту. Проблемы социальной инженерии регионов мы обсуждали с теми, кто в этих регионах живет и работает — конкретные региональные кейсы представили социологи из Екатеринбурга и Саранска, Якутска и Санкт-Петербурга. Показательно, что обсуждение проблем развития

регионов часто ведется ИЗМОСКВЫ. Так, в программе линейки мероприятий Грушинской конференции «Социолог в городском управлении: между исследователем и инженером, от Москвы до Урюпинска» оказались заявлены в основном москвичи — региональные спикеры составляли 20%–30% участников. И в этом еще один острый вопрос потенциала социальной инженерии в современном российском обществе — вопрос о субъекте. Будет ли принятие управленческих решений в регионе автономным и основанным на региональных же исследовательских данных? Субъектом социальной инженерии, ведущейся «по-новому», на основе аналитики, могла бы стать и муниципальная власть. Барьером на пути реализации такой установки может стать современное положение дел в российском местном самоуправлении. Как показал Р. В. Петухов, своими ключевыми признаками — инклюзивностью, доступностью и автономностью — местная власть обладает сегодня в значительной степени лишь формально. Проблемой является разрушение доверия к муниципальным властям, их дистанцированность от жителей [Петухов, 2018].

Итак, на секции «НЕМОСКВА» в режиме кейсов были рассмотрены проблемы сбора, анализа и использования данных социологических исследований для решения проблем регионов. Спикеры отбирались в том числе с учетом имеющегося опыта анализа регионального материала, подтвержденного публикациями (см. Приложение).

Начала дискуссию М. Г. Бурлуцкая из Екатеринбурга. Проблема интерпретации локальных данных в докладе рассматривалась на примере проекта «Исследование аудитории современного искусства в крупных городах России» (реализован при поддержке программы «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина)³ и изучения социально-экономического развития одного из городов Свердловской области (коммерческий проект, реализованный Фондом «Социум»).

В исследовании аудиторий современного искусства решалась задача сравнения ситуации в разных городах. Это была именно НЕМОСКВА — Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Тюмень, Норильск, Томск, Нижний Новгород. В частности, анализировалась структура аудитории с выделением сегментов («ядро» — постоянные посетители площадок современного искусства, «периферия» — эпизодические посетители, «перспектива» — «случайные прохожие», впервые посетившие площадку). В связи с этим вставали непростые вопросы, например, о том, почему в очень близких по формально-статистическим параметрам Екатеринбурге, Нижнем Новгороде и Перми структура аудитории разная, или кого еще можно привести на площадки, как расширить аудиторию. На эти вопросы невозможно ответить без учета местной специфики.

В исследовании небольшого города ставилась прикладная задача, связанная со сложными социально-политическими процессами в этом городе — это был запрос именно местных практиков. Было сложно понять, опираясь только на данные количественного опроса и предшествующий опыт социально-политических исследований, в чем истоки конфликта и социального напряжения именно в этом

³ Его результаты были представлены в коллективной монографии [«Что-то новое и необычное»... 2018].

городе, а главное — как можно с этим конфликтом работать, на каком языке разговаривать с жителями города.

Для решения задач погружения в данные и локализации объяснений чаще всего используются несколько методов. Это, во-первых, изучение статистических и экономических данных о развитии города, региона. Их собирали для анализа ситуации и в том, и в другом проекте. Но таких данных недостаточно, если пытаться найти действительно работающие, глубокие объяснения, более того, переходить к рекомендациям. Второй метод — экспертные интервью, которые дают погружение в местный контекст. Опять же, этот метод использовался в обоих анализируемых проектах, но и его оказалось недостаточно, поскольку эксперт всегда рисует ограниченную картину, как правило, представляя точку зрения местных элит. И это важно для погружения, но недостаточно.

Наконец использовался метод, который представляется достаточно универсальным ответом — это метод исследовательской экспедиции, погружения в местную жизнь. Полевые экспедиции применяются в последние годы все активнее, но сам метод при этом явно недостаточно осмыслен методически, публикаций на эту тему совсем немного (можно вспомнить полевые экспедиции ФОМ, «Группы 7/89», а также студенческие полевые практики студентов-социологов Высшей школы экономики). Все участники таких экспедиций сходятся в том, что они чрезвычайно полезны и дают возможность погружения в местную жизнь, в том числе на уровне впечатлений, эмоций, а не только наблюдений и рациональных объяснений, что, по-видимому, позволяет исследователю приобрести уверенность в своих интерпретациях, а также укрепляет его позиции в диалоге с практиками.

По своей сути полевая экспедиция — это этнографический метод, который базируется на наблюдении (в том числе включенном), спонтанных интервью и — иногда — дискуссиях. Можно выделить несколько важных методических особенностей проведения полевых экспедиций (это не исчерпывающий список, а первые подходы):

1. Важна «точка входа» — тематическое событие, люди, организация или место, с которого начинается погружение в местный контекст. Это именно точка входа, из которой по спирали разворачивается вращение в среду — от человека к человеку, от события к событию. При этом важно быть открытым новым впечатлениям, но понимать, что получаемый опыт ограничен.
2. Экспедиция — это формат **коллективной** исследовательской работы. Это крайне важно для преодоления и ограниченности получаемого опыта, и субъективности восприятия. Невозможно эффективную полевую экспедицию провести в одиночку, даже двух человек бывает недостаточно: предпочтительна группа исследователей, иногда уже на месте разделяющаяся для получения как совместного, так и индивидуального опыта погружения в местный контекст.
3. Еще одно важное методическое соображение, которое является следствием предыдущего — интерпретация полученных данных возможна только в интеракции. Необходимый элемент экспедиции — процедуры обсуждения возникающих исследовательских гипотез. Причем полезны бывают обсуждения не только в команде исследователей, но и с экспертами и просто местными

жителями — важно проверять, насколько гипотезы исследователей находят у них отклик, какую вызывают реакцию.

М. Е. Маркин из НИУ ВШЭ продолжил тему важности полевой экспедиции для интерпретации локальных данных, но сосредоточился скорее не на методологических аспектах, а на прикладных результатах исследования — поездки в Саранск во время Чемпионата мира по футболу (с 1 по 8 июля 2018 г.). Восемь студентов и двое преподавателей провели пять интервью со спортивными функционерами, девять интервью с предпринимателями, шесть — с представителями администрации города, сотрудниками энергетической и транспортной инфраструктуры, 17 углубленных и 81 мини-интервью с горожанами. Здесь мы имеем пример того, что качественная работа с региональным материалом может вестись только в многоголосии социальных агентов.

Выбор места неслучаен — спортивные мегасобытия обычно проходят в мегаполисах, к коим Саранск не относится. Схема анализа мегасобытия была классической: подготовка, проведение турнира, «наследие». Полученные данные указывают на различие в восприятии изменений, происшедших с городом, у администрации и местных жителей. Так, в интервью с городскими управленцами вырисовывалась позитивная картина — федеральный центр выделил деньги, город стал лучше и пр., между тем горожане оценивают перемены по-другому — как логичное продолжение преобразований в городе, для них не важны ни контекст мундиала, ни федеральные деньги. Скажем, новые городские автобусы с эмблемой чемпионата воспринимаются как «подарок» по случаю мегасобытия, однако из интервью выясняется, что они вовсе не были закуплены специально к чемпионату, просто украшены его символикой. Это оценка жителей города. Локальным контекстом можно также объяснить обновление канализационной системы в Саранске, случившееся в результате примерно такого диалога: *«Мы спросили федеральный центр — а что будем делать с канализацией? — А что с ней? — Ну, может прорвать, а может и нет...»*

В ходе экспедиции выявлены противоречия в ожиданиях бизнеса и исполнительной власти относительно того, какое «наследство» получит город от чемпионата. Местный бизнес не инвестировал в крупные объекты — новые отели и супермаркеты открыли иностранные и федеральные сети, составившие серьезную конкуренцию местной инфраструктуре (после чемпионата мира, к примеру, новые пятизвездочные отели снизили цены до трехзвездочных). Решение проблемы предприниматели видят в генерации трафика, а это невозможно без участия региональных властей — требуемого трафика можно добиться только систематическим проведением массовых спортивных мероприятий.

Касаясь программного вопроса «Как разрешить проблемы взаимодействия исследователей и практиков?» (и отвечая, что социологи должны быть полезными, давать интересную информацию), докладчик посетовал, что администрация и местные медиа все еще (спустя восемь месяцев после чемпионата) не ознакомились с результатами работы социологов. И это — зримая проблема социальной инженерии, понимаемой как прикладное знание, становящееся основой для принятия управленческих решений. Организованная университетом экспедиция, собранный полевой материал остались в академическом поле, не превратившись

в источник рефлексии и преобразований. Кейс полевой экспедиции в Саранск — это и кейс интересного для интерпретаций, важнейшего для развития региона материала, и одновременно — кейс неэффективного использования, даже игнорирования полученной информации. Возможно, это повод к выработке новой этики, диктующей, что результаты (некоммерческих) исследований должны быть доведены до горожан, управленцев, СМИ — этики публичной социологии.

С противоположной стороны описал ситуацию в Саранске С. Г. Ушкин. Уникальное исследование эффективности деятельности органов местного самоуправления проводится в Мордовии (с населением почти в 800 тыс. человек) на регулярной основе с 2009 г., ежегодно опрашивается не менее 8600 жителей. Выборочная совокупность репрезентирует состав жителей по полу, возрасту и уровню образования в районном разрезе. Измеряется удовлетворенность следующими направлениями работы местной власти: в целом деятельностью органов местного самоуправления, организацией транспортного обслуживания, качеством автомобильных дорог, организацией тепло-, водо-, электро- и газоснабжения.

Исследования по оценке населением эффективности органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов проводятся на основании Указа Главы Республики Мордовия от 22 марта 2013 г. № 68-УГ. Процедура сбора, анализа и использования данных ясна — мониторинг включает опрос населения, наблюдение, анализ документов; далее производится подготовка доклада по результатам. На основе полученных данных и с учетом анализа социально-экономического развития составляется рейтинг. Итог — поощрение районов, оказавшихся в его верхних строчках. Здесь возникает своего рода эффект Матфея — поддерживают тех, кто уже имеет высокие показатели.

По мнению докладчика, муниципальный срез очень важен, потому что проявляется глубина проблемы, учитываются мнения жителей отдаленных районов, повышается эффективность работы чиновников, получающих возможность точно реагировать на возникающие проблемы, стимулируются развитие отдельных территорий и переориентация работы чиновников на население.

Описанный мониторинг — инструмент получения обратной связи от жителей республики. Является ли он эффективным? Как возможность высказаться для населения — да. Но и здесь обнаруживается проблема — жители спрашивают: «Зачем заполнять анкеты, если ничего не меняется?». Иначе говоря, получается, что собранные данные — не повод для изменений. В то же время только детали, подробности повседневной жизни, обнаруживаемые в ходе исследования, могут объяснить местные проблемы: отсутствие освещения делает улицы пустынными; вырубленные вокруг городской администрации деревья привели к тому, что это место стали звать «лысой горой»; жителей маленького городка оскорбляет то, что коровы ходят по центральной площади, и т. д.

С. Г. Ушкин, резюмируя, указал, что результаты мониторинга не используются пока в режиме социальной инженерии, а организаторы исследования озабочены тем, чтобы «подталкивать чиновников к изменениям».

Следующий кейс описал Ю. И. Жегусов, старший научный сотрудник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Он рассказал, как используются социологические данные в реализации антиалкогольной политики

в Республике Саха (Якутия). Проблема чрезвычайно остра и имеет еще советскую историю — с 1963 по 1985 гг. количество больных алкоголизмом в республике увеличилось в 115 раз. В 2017 г. показатели заболеваемости алкоголизмом в Якутии были в два раза выше, чем в РФ. Докладчик полагает, что в антиалкогольной политике использованы следующие методы социоинженерного воздействия на социальные нормы: изменение правовых норм путем внесения и принятия региональных законов, изменение норм поведения людей в пользу отказа от потребления алкоголя и здорового образа жизни.

В 2003 г. создана нормативная база, активно проводятся мероприятия в рамках реализации антиалкогольной политики, в частности, запрет на розничную продажу алкоголя действует в 188 селах в 31 муниципальном районе. В «трезвых селах Якутии» проживают 25 % сельского населения (8 % населения республики).

В 2016—2017 гг. был проведен мониторинг общественного мнения по вопросам антиалкогольной политики методом анкетирования с большой выборкой — 10,5 тыс. человек. Социологические данные об оценках антиалкогольной политики, поведении и установках населения республики коррелируют с государственной статистикой (заболеваемость алкоголизмом, смертность мужчин трудоспособного возраста, уровень преступности и пр.). Непосредственная роль социологических исследований в антиалкогольной политике выражается также в следующем. Перед принятием решения о статусе трезвого села (специального закона) администрация совместно с общественностью проводят социологический опрос населения. Социологические данные регулярно публикуются в СМИ, что создает благоприятный информационный фон для реализации антиалкогольной политики, а также приводятся на общественных слушаниях перед принятием соответствующих законов, востребованы комитетами представительного органа и депутатским корпусом.

Характеризуя локальный контекст интерпретации данных, докладчик указал на сильную зависимость интенсивности реализации антиалкогольной политики от принципиальной позиции и политической воли первого лица региона; низкую информационно-аналитическую культуру руководителей, государственных служащих, непонимание ими сути и принципов антиалкогольной политики. Сказывается и отсутствие целостной картины социальной проблемы, динамики социальных процессов, а также нестабильность кадров и государственных органов, реализующих антиалкогольную политику.

Таким образом, представленный материал полностью работает на идею социальной инженерии как знания, преобразованного в управленческое действие — реализован замысел социологического исследования как мониторинга изменений. Однако указанные докладчиком проблемы проведения антиалкогольной политики в Якутии в определенном смысле дезавуируют роль аналитики — слишком велик субъективный фактор, влияющий на реформы. Статус исследований — незначительный элемент в цепочке социально-инженерной логики.

Последний доклад был сделан К. А. Галкиным, сотрудником Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он был посвящен, как может показаться, сугубо специальной проблеме — «Повседневность пожилых людей с хроническим (инвалидизирующим) заболеванием в селе и возможности применения

индивидуального опыта в конструировании проблемы». Исследование выполнено в антропологической парадигме. Следуя работам, инициированным Д. М. Рогозиным (см., напр.: [Рогозин, 2018]), автор обратился к изучению хронического инвалидизирующего заболевания, частью которого является ежедневное переживание боли, трудности и барьеры в повседневности, и все это в очевидной НЕМОСКВЕ — на селе.

Исследуемая группа — закрытая вдвойне (в силу возраста и территориальной отдаленности). Исследование проходило в селах Лужского района Ленинградской области (136 км от Санкт-Петербурга) с использованием мягких методов. Информанты — пожилые сельчане, фельдшеры и врачи. Социолог на протяжении длительного времени осуществлял антропологическое погружение в поле — жил в селах, брал двухчасовые интервью, вел дневник. Приведенные докладчиком фотографии дорог, туалетов, колодцев, ступеней в фельдшерский пункт впечатлили участников обсуждения. В докладе были приведены многочисленные цитаты, характеризующие то, из чего состоит повседневность информантов — сельских стариков: работы по дому, автономность существования, сети поддержки, качество медицинской помощи. (Из интервью с врачом: *«На данный момент у нас тяжелых нет, которые бы лежали дома... Умиравших нет сейчас.»*)

Один из исследовательских выводов, касающихся работы с проблемами пожилых сельчан, требует более активного распространения информации через стратегию коротких репортажей, в том числе рассказывающих о том, как пожилой человек пытается вести активную жизнь на фоне хронического заболевания. Назрела необходимость в переосмыслении медицинской инфантилизации, а равно и стигматизации пожилых людей на селе. Не хватает «Атласа третьего возраста» — универсального справочника для чиновников, геронтологов, этнографов, где были бы представлены все проблемы, связанные с жизнью в сельской местности. Наконец, важно картировать проблемы пожилых людей в сельской местности с использованием этнографических методов.

Таким образом, представленные на секции доклады продемонстрировали не столько опыт интеграции аналитики в региональное управление, сколько потенциал такой активности. За редким исключением, результаты даже мониторинговых исследований с мегавыборками не остаются лежать в столах, а задействуются в системе принятия решений. Прагматичная ориентация на использование результатов социологического исследования есть только в бизнесе, который был и остается самым активным заказчиком. Но это — сегмент маркетинговых исследований. Крупный региональный бизнес, несущий социальную ответственность (по аналогии с градообразующими предприятиями можно говорить и о регионообразующем бизнесе), может стать заказчиком такого контента, но при этом перспективы активного участия бизнеса в принятии решений, определяющих региональную социальную политику, невелики, следовательно, проблема более тесного взаимодействия и поиска путей взаимопонимания социологов и региональных, муниципальных властей остается.

Круг проблем, препятствующих активному использованию социологических данных и аналитики для эффективного управления в регионах, широк, но просматриваются и потенциальные возможности их решения:

1. Повышение культуры обращения к данным у всех субъектов принятия решений — представителей исполнительной и законодательной власти, регионального бизнеса, некоммерческих организаций. Цель — включение аналитики в алгоритм принятия решений (по аналогии с постановкой диагноза и назначением лечения). Существует выраженная ориентация на применение кабинетного подхода — обращение к массивам статистики, вторичной информации. Но тут проблемой может стать кадровый потенциал исполнительной власти, особенно муниципального уровня, ведь, как показали Е. В. Фролова и О. В. Рогач, муниципальные служащие в России зачастую не имеют профильного образования, правовой и экономической подготовки. Обязательное повышение квалификации оборачивается перекосом в теорию, унификацией, отсутствием «привязки» к региону, среде [Фролова, Рогач, 2018].
2. Формирование спроса на региональные исследования, привлечение аналитики бизнес-компаний в регионах; инициирование исполнительной и законодательной властью как самостоятельных исследований, так и использование стратегии bigdata — коллаборация с региональными бизнес-структурами, собирающими цифровую информацию. Ясно, что последнее возможно только при работе с открытыми информационными материалами, и определенная зависимость местного бизнеса от властей может даже способствовать такой работе, в частности, это касается агрегаторов цифровой информации, региональных телекоммуникационных компаний и пр.
3. Изменение формата представления аналитики для субъектов принятия решения и региональной публики (если и не для широких ее слоев, то хотя бы для стейкхолдеров). Симплифицированный, упрощенный вариант презентации — видеоролик вместо отчета, лонгрид вместо статьи, исследовательская выставка вместо доклада. Выход на варианты публичной социологии — медиа, презентации общественности, о чем говорила в интервью, предварявшем Грушинскую конференцию, Л. А. Паутова, характеризуя работу ФОМ: «... Деятельностный подход... просвещающие коммуникации, стимулирование интереса, работа с экспертами, сборка инсайтов в публичные материалы (лонгриды и путеводители)»⁴.
4. Переориентация в профессиональном образовании и профессиональной практике. Уход от позиции синоптика («Сегодня вероятен дождь, а возьмете вы зонт или нет — ваше дело»). Включение в профессиональное социологическое образование компетенций социолога-фасилитатора при поиске и использовании аналитической информации. Более активная интервенция социологов в проектные команды социальных преобразований. Расширенная компетенция исследователя, включая элементы консалтинга, позволит (помимо прочего) решить проблему повышения уровня доверия к аналитическим, социологическим данным.
5. Разработка актуальных методологических и методических подходов к учету локальной специфики в интерпретации данных исследований. Прежде все-

⁴ URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2019/lica-konferencii (дата обращения: 16.04.2019).

го, надо активнее использовать инструмент полевых экспедиций в регионы. И здесь уже МОСКВА может помогать НЕМОСКВЕ. Огромный профессиональный потенциал столицы позволяет не только делать регионы объектом своих изысканий — приезжая в регион, москвичи могут не просто собирать материал, а реализовывать в разных форматах позицию просвещения, обучения, презентации для местных экспертов, включая людей, принимающих управленческие решения.

6. Возможное включение в техзадание на коммерческое исследование в регионе общественных слушаний с представлением и обсуждением полученных данных.

Только системность, создание прецедентов, обсуждение и поиск сторонников могут привести к более активному использованию аналитики, социологических данных для управления в регионах, нестоличных городах.

Список литературы (References)

Петухов Р. В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>.

Petukhov R. V. (2018) On the social content of local self-government. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 131—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07> (In Russ.)

Рогозин Д. М. Принятие боли в старшем возрасте // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 115—128. <https://doi.org/10.31857/S086904990000370-9>.

Rogozin D. M. (2018) Admission of Pain in an Older Age. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*. No. 4. P. 115—128. <https://doi.org/10.31857/S086904990000370-9>. (In Russ.)

Фролова Е. В., Рогач О. В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>.

Frolova E. V., Rogach O. V. (2018) Staffing of Local Government in Modern Russian Conditions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>. (In Russ.)

«Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / под науч. ред. Л. Е. Петровой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый : Екатеринбургская академия современного искусства. 2018.

“Something New and Unusual”: the audience of contemporary art in large cities of Russia (2018) / under scientific. ed. L. E. Petrova. Moscow, Ekaterinburg: Cabinet Scientist; Ekaterinburg Academy of Contemporary Art. (In Russ.)

Приложение. Список трудов, подтверждающих имеющийся опыт анализа регионального материала спикеров секции

Булатова В. Д., Петрова Л. Е. «Мы с Урала»: эксплуатация гения места в цифровую эпоху // Цифровая культура открытых городов. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Екатеринбург, 2018. С. 22—26.

Бурлуцкая М. Г., Рыбакова О. В. Кадровая реструктуризация на уральских предприятиях: управленческая риторика и практика внутренних карьерных перестановок // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 1. С. 144—152.

Галкин К. А. Карьерные стратегии молодых сельских врачей ленинградской области: нарративный анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1. С. 158—167.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Аналитическая справка изучения общественного мнения о Законе Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родителстве» // Ответственное родительство: социальные и правовые аспекты. Сборник материалов круглого стола / сост. А. А. Павлова, З. И. Корякина. Казань, 2018. С. 22—30.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Аналитическая справка изучения общественного мнения родителей о Законе Республики Саха Якутия «Об ответственном родителстве» по результатам фокус группы // Научный электронный журнал Меридиан. 2018. № 7. С. 12—14.

Жегусов Ю. И., Корякина З. И. Антиалкогольная политика в Якутии: за и против // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 102—105.

Иншаков В. А., Максимова Л. Ю., Автайкина Л. А., Савкина О. В., Ушкин С. Г. Определение уровня конкурентоспособности и рыночной активности ведущих предприятий Республики Мордовия на приоритетных рынках в 2012—2014 гг. // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2015 г. Сборник научных трудов / под ред. В. В. Конакова и др. Саранск, 2017. С. 245—262.

Ушкин С. Г. Когда хвост виляет собакой: власть мнений и мнения о власти в провинциальном социуме // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. М. Вдовина. 2018. С. 52—56.

Ушкин С. Г., Автайкина Л. А., Максимова Л. Ю. Оценка предпринимательским сообществом общих условий ведения предпринимательской деятельности в Республике Мордовия в 2015 г. // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2015 г. Сборник научных трудов / под ред. В. В. Конакова и др. Саранск, 2017. С. 326—340.

Kuzmin K., Petrova L., Popov D. Migration and social distance: Various ethnic groups as perceived by the Ural's schoolchildren and their parents // International Dialogues on Education: Past and Present. 2015. Vol. 2. No 3. P. 6—16.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.19

Правильная ссылка на статью:

Гаврилина Е. А., Петрова И. Э. (Не)человеческая социология и власть искусственной социальности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 434—438. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.19>.

For citation:

Gavrilina E. A., Petrova I. Ed. (2019) (Not)Human sociology and the power of artificial sociality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 434—438. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.19>.

Е. А. Гаврилина, И. Э. Петрова (НЕ)ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

(НЕ)ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И ВЛАСТЬ ИСКУССТВЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОСТИ

ГАВРИЛИНА Елена Александровна — кандидат философских наук, доцент, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия
E-MAIL: e.a.gavrilina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6077-3879>

ПЕТРОВА Ирина Эдуардовна — кандидат социологических наук, зав. кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: irinapetrovay@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

(NOT)HUMAN SOCIOLOGY AND THE
POWER OF ARTIFICIAL SOCIALITY

*Elena A. GAVRILINA*¹ — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor*
E-MAIL: e.a.gavrilina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6077-3879>

*Irina Ed. PETROVA*² — *Cand. Sci. (Soc.), Head of the Subject and applied sociology chair*
E-MAIL: irinapetrovay@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6969-132X>

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

² Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

В конце марта в Москве в стенах Финансового университета при Правительстве РФ прошла IX Грушинская конференция «Социальная инженерия: как социология меняет мир», организованная Всероссийским центром изучения общественного мнения. Традиционно конференция стала одним из самых значимых мероприятий Российской исследовательской недели. Спектр тем, заявленных для обсуждения на конференции, был чрезвычайно широк, но наше внимание привлекла секция «Нечеловеческая социология: во власти искусственной социальности».

Нечеловеческая социология — оксюморон, введенный организатором секции Анной Кулешовой, — удачен как по сути, так и по функциональности. Конструкт, изначально сформированный на русском, бережит научное воображение гораздо глубже адаптированных французских и английских понятий, на которых пока строится исследование присутствия искусственных акторов в современном социуме.

Проведенная секция не только стала событием второго дня IX Грушинской конференции, но задала поток смыслов с самого момента публикации привлекательного и спорного названия в информационном письме. Дискуссия развернулась в различных контекстах — подписания командировок (в КАКОЙ секции участвуешь?), в поездке до Москвы с коллегами (о ЧЕМ будете говорить на секции?) и более всего по итогам работы — как об ЭТОМ мыслить социологически? Это и есть самый настоящий научный отклик, и с течением времени будет видно, как пополняется состав исследователей, формируются следующие публикации, словом, расходятся круги от брошенного меткого названия.

Заявленная тема секции широка, но фокусировка выступлений выстроилась точно — ничего лишнего, именно искусственный интеллект рядом с людьми, гибридные создания и сознание.

Поставленные для обсуждения вопросы касались возможностей формирования нового типа социальных коммуникаций и мировоззрения человека, возможности участия исследователей в киберреволюции с последующим использованием ее результатов для воздействия на человека, новых социотехнических навыков, необходимых современному исследователю, а также роли и места искусственного интеллекта в поле социологических исследований и их этики.

Острота проблемы была задана второй частью заголовка секции — кому достанется *власть* в пространстве искусственной социальности. Обсуждение именно этого вопроса выступающими и слушателями легло в основу живого общения как во время секции, так и после нее. Эмоциональный фон двух часов совместной работы был гораздо ярче традиционных социологических заседаний: сообщения и реплики сопровождалась переживаниями о судьбе человеческого в гибридном социуме. Не нашлось в аудитории нейтральных авторов, нейтральных тем и нейтральных слушателей.

Заглавный доклад состоялся как позитивная научная провокация, выполненная тихим твердым голосом и обоснованная глубокими научными источниками. Наталья Трегубова (СПбГУ) задала перспективу работы секции, взвесив аргументы «за» и «против». Это противопоставление сопровождает тему нечеловеческой социологии и после завершения работы конференции.

Доклад был посвящен понятию искусственной социальности и ее положительным и отрицательным аспектам. Различая, как и большинство современных ис-

следователей в области искусственного интеллекта (ИИ), сильный и слабый ИИ и определяя слабый искусственный интеллект как набор технологий, направленных на решение конкретных довольно узких задач (например, распознавание лиц, голосовые помощники, умные часы и тому подобное), Наталья обратила внимание на то, что современный слабый искусственный интеллект становится агентом социального взаимодействия. Наделение слабого искусственного интеллекта агентностью, по мнению авторов доклада, связано с развитием интернета. Такие предпосылки позволили сформировать понятие искусственной социальности, которое, по мнению Натальи Дамировны и ее коллег, связано не только с появлением новых социальных агентов, наделенных слабым ИИ, но и с формированием особых сред (виртуальных и/или материальных), задающих новый характер социальных взаимодействий с такими агентами, причем, что важно, сами искусственные агенты, наделенные слабым ИИ, могут выступать в качестве таких особых сред. Появление таких социальных, но нечеловеческих агентов, с одной стороны, порождает спектр новых возможностей для коллективной самоорганизации людей, позволяет более эффективно организовывать свою жизнь и уравнивает возможности в получении образования, работы и тому подобного, но, с другой стороны, появляются и новые вызовы, связанные с умножением одиночества, информационной закрытостью и нарушением приватности человека. Указанные автором противоречия (не)человеческого общения стали началом плодотворной дискуссии как на секции, так и вне ее.

В докладе следующего спикера — Ирины Петровой из НГУ им. Н. И. Лобачевского — социальная робототехника рассматривается как пространство формирования искусственной социальности. Социальная робототехника занимается изучением различных аспектов взаимодействия человека с роботами в разных социальных контекстах (использование роботов-сиделок, роботов для обучения детей с РАС и других). Ирина Эдуардовна показала, что у людей есть определенный набор ожиданий в отношении взаимодействий с роботами, при этом происходит как бы «вочеловечивание роботов» и одновременно — некоторая «роботизация человека». Очень важными аспектами уже недалекого будущего станут вопросы, связанные с наделением роботов субъектностью, как минимум в правовом поле, с пересмотром способов регистрации отношений людей и роботов и другие. Задача работающих в этой сфере исследователей — формирование и описание ключевых черт социальных роботов и изучение последствий развития этого исследовательского и технологического полей.

Незамедлительная реакция на «восторг докладчика перед роботами и киборгизацией» внесла новые краски в продолжающуюся дискуссию.

Доклад Ольги Крокинской (РГПУ им. Герцена) стал самым эмоциональным на секции. Он был посвящен практически бесчувственным по своей сути нечеловеческим акторам современного общества. Автор защитила человечность и выступила против обезличивания, которое несет в себе риск применения к людям технологического/технократического подхода, неизбежного в обществе машин. В сообщении «В прицеле социальной инженерии — природа человека и общества» автор показала, что искусственная социальность — не новый феномен, но она уже существовала ранее. Искусственная социальность строилась из теоретиче-

ской модели социума и была реализована в построении Советского государства и его повседневных практиках. Автономный индивид был исключен из процессов социального развития, а механизм служил моделью для социотехнического подхода в рамках технократического дискурса конструирования нового советского человека. Человек был объективирован, обесценен и подвержен принуждению. Эксперимент по построению искусственной социальности завершился формированием тоталитарного общества. Составилось впечатление — если на всей остальной громадной конференции за дверьми секции социальная инженерия воспевалась разными авторами, только здесь была представлена в полной мере ее разрушительная сила. «Прицеливается» социальная инженерия в самое дорогое — в человеческую природу, и Ольга Крокинская встала на ее защиту.

Полюсы мнений, представленные в первых трех докладах, успешно связывались последующим анализом, не столько уменьшая эмоциональный накал дискуссии, сколько переводя его в рациональное обсуждение специфики современных нечеловеческих акторов.

Юлия Дроздова (ВИУ РАНХиГС при Президенте РФ) в докладе «Социальная инженерия как медиавирус: к вопросу о безопасности человека в инфосфере» поддержала коллегу в том, что социальная инженерия была реализована в концепциях научной организации труда и работах Алексея Гастева. Подчеркивая технократический подход к формированию нового человека в советскую эпоху, Юлия Алексеевна акцентировала внимание на том, что появление новых коммуникативных технологий и технологий воздействия на человека не только не снизило требования к человеку и его функционированию, но и еще больше усилило их, возводя конструкционистский технократический подход в новую степень. Юлия Алексеевна поставила ряд вопросов, связанных с появлением, возможно, «нечеловеческой», проектной, технократической социологии. Часть этих вопросов касается новых способов генерации смыслов, проектирования поведения, образа жизни, отношений и других, а часть затрагивает инструментарий социологии и ангажированность исследователей в таких условиях. Тема открыта и оставлена без ответа, слушателям еще предстоит решить поставленные вопросы для себя лично и в своих научных работах.

Социальная инженерия глазами инженеров — лейтмотив двух докладов профессиональных представителей IT сообщества — Александра Дмитриева (IBM) и Олега Грешнева (Vingrid). Олег Грешнев говорил о различных аспектах искусственного интеллекта с позиций инженеров. Существенно, что каждый из докладчиков подчеркивал, что социальная инженерия — это та область, где социологи могут сотрудничать с инженерами и бесспорно, что искусственный интеллект теперь воспринимается как новый социальный актор. Люди не очень оптимистичны в отношении ИИ, потому что его довольно сложно контролировать даже профессионалам. Особенно тревожным этот факт делает все возрастающая зависимость людей от техники и технологий. Автор видит три сферы использования ИИ в социологии. ИИ можно использовать как инструмент для получения и обработки информации даже от труднодоступных респондентов (обработка естественной речи, распознавание изображений и тому подобное). ИИ может быть инструментом изменений, в частности в социальных взаимодействиях (персонификация

общения, продвижение определенных идей, фильтрация информации и др.). ИИ можно и нужно изучать как нового социального актора, потому что он вызывает эмоциональный отклик у людей, позволяет в перспективе заместить некоторые профессии, может выступать в роли «оценщика» людей и т. д. Однако важнейшим приложением всех исследований и разработок должна быть этическая рефлексия, особенно в контексте того, что «моду» в этой сфере задают девять крупнейших информационных компаний, являющихся коммерческими предприятиями.

Материалы Александра Дмитриева в изложении Олега Грешнева показали значимость учета социальности нечеловеческих акторов. Представлена широкая палитра технологий IBM по управлению ИИ в различных сферах жизнедеятельности общества. Возникло впечатление, что инженеры продвинулись в производстве искусственной социальности гораздо дальше, чем социологи в ее обсуждении. И если робототехнические системы и поисковые механизмы достаточно долго исследовались на предмет влияния на человека, то феномен кибернетических центров с симбиотической интеграцией машин, возможность осуществления режима «умной пыли» еще только появились на горизонте изучения гуманитарными специалистами.

Роман Романов (независимый политконсультант, Санкт-Петербург) рассказал о социальной инженерии в позитивном ключе на примере электорального поведения. Завершая представление докладов секции, он говорил об ассамбляжах, в частности политических, которые представляют собой совокупности динамических отношений, построенных по типу машин Голдберга. Автор доклада отмечает, что для современности дихотомия искусственное/естественное часто замещается описанием гибридных систем, где естественное воспринимается как рутинное. Современного социального инженера не интересует сознание, но интересует изменение поведения социального или гибридного субъекта в условиях нестабильности. Вопрос определения степени гибридизации и возможности управления этим процессом остается на усмотрение слушателей, но перспективы могут испугать.

Резюмируя, можно сказать, что секция поставила много важных вопросов, задающих исследовательские тренды в сфере взаимодействия человека и быстро развивающихся технологий, на несколько ближайших лет.

Секция завершена, но она позволила задать несколько перспектив обсуждения. Введено новое и уже ставшее родным понятие, открыта новая область интересов — нечеловеческая социология. Складывается хронология его существования — от первого заявления о намерениях через выступления, первых презентаций и публикаций к новым академическим вершинам. Заданы вопросы, с которыми социум уже столкнулся, но не успел осмыслить. Эмоциональная составляющая показала человеческую сторону этого анализа, первый эшелон борьбы с технологизацией и засильем машин — не потерять личность, не перестать сопереживать людям. Разнообразие представленных моделей, подходов, а главное — авторов с их удивительным сочетанием образования, сферы работы и интересов, составляет не формальную, а живую междисциплинарность нового направления. Обилие составных конструктов — (без)опасность, (пост)инженерное мышление наглядно представляет гибридизацию, в которой все мы уже участвуем.

По итогам секции приглашаем в сообщество (не)человеческих социологов!

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.20

Правильная ссылка на статью:

Шариков А. В. Государственное радиовещание в России: тренд на потерю влияния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 439—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.20>.

For citation:

Sharikov A. V. (2019) State radio broadcasting in Russia: the trend towards the loss of influence. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 439—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.20>.

А. В. Шариков ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ В РОССИИ: ТРЕНД НА ПОТЕРЮ ВЛИЯНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ В РОССИИ: ТРЕНД НА ПОТЕРЮ ВЛИЯНИЯ

STATE RADIO BROADCASTING IN RUSSIA: THE TREND TOWARDS THE LOSS OF INFLUENCE

ШАРИКОВ Александр Вячеславович — кандидат педагогических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: a.sharikov@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-6035-5960>

Alexander V. SHARIKOV¹ — Cand. Sci. (Ped.), Professor
E-MAIL: a.sharikov@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0001-6035-5960>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы федерального государственного радиовещания на примере радиостанций «Радио России» и «Маяк», являющихся структурными подразделениями Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК).

Abstract. The article deals with the problems of federal state radio broadcasting on the case of radio stations “Radio Rossii” and “Mayak”, which are the structural units of the all-Russian

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Накопленные данные исследований позволяют увидеть, что радиостанции ВГТРК за последние 20 с лишним лет потеряли лидирующие позиции в России. Доля аудитории на общероссийском уровне с 1996 г. по 2018 г. снизилась: у «Радио России» с 27 % до 5,8%, у «Маяка» — с 26 % до 3,1%. И если в 1996 г. две станции занимали, соответственно, первое и второе места по величине доли аудитории, то в 2018 г. «Радио России» было лишь на шестом месте, а «Маяк» — на двенадцатом. Основная причина — недостаточное внимание к техническому распространению сигнала. В 1996 г. население России слушало радио преимущественно с помощью проводного радио и приемников, способных принимать средние и длинные волны. В 2018 г. подавляющее большинство российских радиослушателей использовало FM-диапазон, где государственные станции представлены слабо по сравнению со коммерческими станциями-лидерами. Возможностью приема «Радио России» и «Маяка» на проводном радио в настоящий момент, оценочно, обладает всего лишь 12% российского населения, при том, что вещание на длинных волнах прекращено. Потери аудитории сопровождаются ослаблением силы бренда радиостанций, особо остро проявляющимся у «Радио России» — в 2018 г. спонтанное знание радиостанции обнаруживают лишь 8,3% опрошенных (данные компании «Медиаскоп»). Для того, чтобы вернуть лидирующее положение, государственным радиостанциям необходимо обеспечить стопроцентное присутствие в FM-диапазоне хотя бы крупных и средних городов, в первую очередь в Москве. Если этого не сделать в ближайшее время,

state television and radio broadcasting company (VGTRK). The accumulated research data allow us to see that radio stations owned by VGTRK over the past 20 years have lost a leading position in Russia. The share of the audience at the national level in the period from 1996 to 2018 decreased from 27% to 5.7% for "Radio Rossii" station, and from 26% to 3.1% for "Mayak" station. And if in 1996, two stations took, respectively, was in the 1st and 2nd place in the rating of the share of the audience, in 2018, "Radio Rossii" station was only in the 6th place and "Mayak" station in the 12th. The main reason for this downfall is the lack of attention to the technical distribution of the signal. In 1996, the population of Russia listened to the radio mainly on wired radio, medium and long wave receivers. In 2018, the vast majority of Russian audience listened to the radio on the FM band, where state-owned stations were represented poorly in comparison with leading commercial stations. Only 12% of the Russian population can receive "Radio Rossii" and "Mayak" stations on wired radio at the moment, however, that the broadcasting on long waves terminated. Loss of the audience accompanied by a weakening of the brand power of radio stations. It is especially evident for "Radio Rossii" station — only 8.3% of respondents have spontaneous knowledge of this radio station in 2018 (data of the "Mediascope" research company). In order to regain the leading position, the state radio stations must ensure a 100% presence in the FM broadcasting at least in large and medium-sized cities, but, first of all, in Moscow. If this is not done in the near future, the audience rates will continue to decline. The loss of audience by federal state radio stations threatens

то показатели аудитории будут продолжать снижаться. Потеря аудитории федеральными государственными радиостанциями несет в себе опасность для развития социально-политических процессов в России, поскольку именно благодаря государственным СМИ, в том числе радиостанциям, реализуется конституционное право граждан на получение информации и доступ к культурным ценностям, выполняются законодательно установленные функции освещения деятельности органов государственной власти и агитация за кандидатов и политические партии во время предвыборных кампаний.

Ключевые слова: государственное радиовещание, аудитория радио, эфирное вещание, FM-диапазон, УКВ-диапазон, проводное вещание

the development of social and political processes in Russia, because state media, including radio stations, ensure the constitutional right of citizens to receive information and access to cultural values, fulfill the statutory functions to cover the activities of state authorities and campaigning for candidates and political parties during election campaigns.

Keywords: state radio broadcasting, radio audience, broadcasting, FM band, VHF band, cable radio

В последние годы в России наблюдается повышение интереса к исследованию радиовещания. Об этом, в частности, свидетельствует количество публикаций, размещенных в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ): запрос по ключевым словам «радио» и «радиовещание» показал ясно выраженный тренд. На рис. 1 видно, что за период с 2010 г. по 2018 г. включительно количество публикаций, посвященных проблематике радио, выросло в 2,8 раза — с 260 в 2010 г. до 731 в 2018 г. При этом общее число академических публикаций за указанный период составило 4118. Следует отметить, что примерно половина из них касается инженерно-технической стороны радиовещания.

Если не рассматривать публикации по истории развития радио и по проблемам современного зарубежного радиовещания, а сосредоточиться исключительно на российском радиовещании постсоветского периода, то большинство публикаций будет касаться коммерческого вещания, либо, безотносительно статуса радиостанций, регионального вещания. На этом фоне федеральным государственным радиостанциям, которые представляют объект нашего исследования, посвящено сравнительно немного академических публикаций — около 1%. Кратко охарактеризуем их.

Чаще всего современное государственное радиовещание описывается в работах общего характера, где дается представление о медиасистеме России, особенностях ее развития [Алексеева и др., 2011]. Отдельные работы посвящены радиовещанию в целом, но государственным радиостанциям в их современном состоянии в них отводится сравнительно небольшое место [Барабаш и др., 2005].

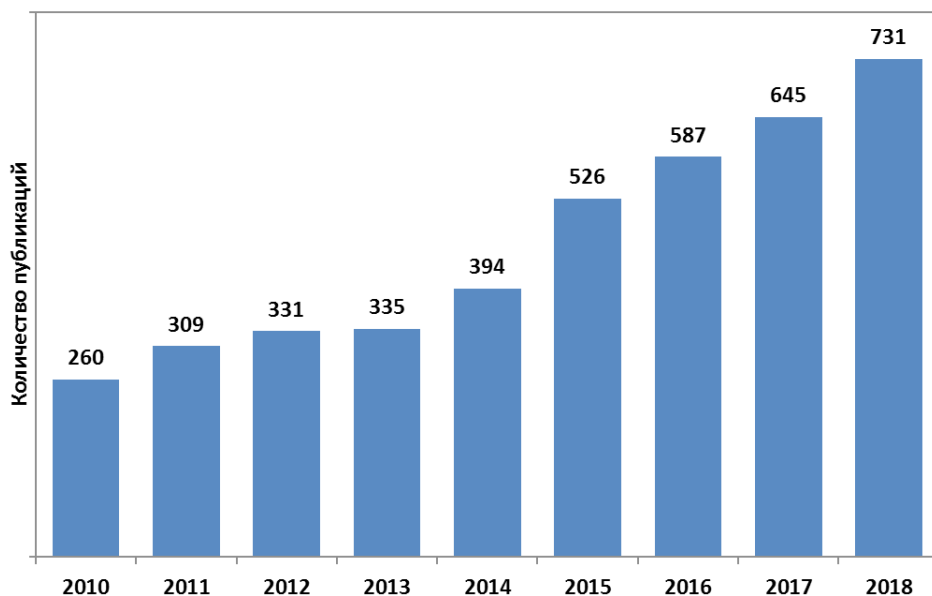

Рисунок 1. Динамика количества академических публикаций 2010—2018 гг. по проблемам радио, размещенных в базе данных РИНЦ

Среди работ, сконцентрированных на проблемах именно государственного радиовещания федерального уровня, выделим двухтомную коллективную монографию под редакцией Г. А. Шевелева [Ключи к эфиру, 2007]. К этому изданию следует добавить ряд книг, выпущенных к памятным датам радиовещания, в частности, касающихся федеральных радиостанций «Маяк», «Радио России», «Юность»¹.

Часть публикаций касается различных аспектов государственного радиовещания, среди которых чаще всего встречаются работы, посвященные анализу жанровой и типологической проблематики [Исакова, 2016; Нестерова, 2015; Сладкомедова, 2010; Умановский, 2001; Шевелева, 2017]; специфике языка радио на примерах конкретных передач [Басовская, 2017; Лобанова, 2016; Минюшева, 2012; Фащанова, 2014]; политическим, социальным и правовым вопросам, обсуждаемым в радиопередачах государственных станций [Баранова, 2013; Бессарабов, Маматов, 2010; Галкина, Лехтиссраи, 2016; Устинова, 2016]; развитию медиатехнологий и их влиянию на формирование новых форм презентации содержания в их деятельности [Баранова, 2016; Зубко, 2017а; Круглова, 2018].

Проблематика социологического характера встречается реже и затрагивает лишь несколько аспектов, среди которых обычно обсуждаются: медиапотребление, где радио рассматривается в ряду других типов СМИ [Ильмухин, 2016; Комарова,

¹ См., напр.: Дважды двадцать, или 40 счастливых лет: радиостанция «Юность» / сост. Н. Киселева, М. Кусургашев. М. : Издательство «Юность». 2002; Позывные тревог и надежд. «Маяк». 40 лет в эфире/ под ред. Г. А. Шевелева. М. : Вагриус. 2004; Радио России. История создания и сегодняшний день. М. : Лаборатория книги. 2012 и др.

2018]; специфика целевых аудиторий различных государственных радиостанций [Николаева, 2004; Соколова, 2016; Шариков, 2017]; проблемы привлечения радиоаудитории и взаимодействия с ней [Егошкина, 2018; Шурыгина, 2016]; социокультурные последствия трансформации отечественного радиовещания [Воронцова, 2002]; компаративные исследования [Вэн, 2007].

Особо следует выделить ежегодные отраслевые доклады по радио, издаваемые с 2010 г. Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям РФ, в которых в каждом выпуске имеется социологическая информация. В частности, приводятся данные о величине аудитории ведущих российских радиостанций в Москве, Санкт-Петербурге, в крупных российских городах и т. п. Так, в статье используются два из множества опубликованных отраслевых докладов по радиовещанию, а именно:

1. Радиовещание в России: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Москва: ФАПМК, 2010.

2. Радиовещание в России в 2017 году: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Москва: ФАПМК, 2018.

Завершая обзор публикаций по проблемам государственного радиовещания, отметим, что в последние годы появляется все больше научных публикаций с критикой государственных радиостанций, в них авторы сосредотачивают внимание на потере аудитории этими станциями, их коммерциализации, наличии в них медиаагрессии, снижении качества русского языка [Бысько, 2017; Зубко, 2017b; Сухарева, 2009]. Эти материалы фиксируют процессы «коррозии» государственного радио, что ведет к снижению качества контента и уходу радиостанций от социальной направленности вещания в сторону коммерческого интереса, и в конечном итоге ставят проблему, вынесенную в заголовок статьи.

Миссия государственного радиовещания

Государственное радиовещание России играет важнейшую роль в обеспечении конституционного права российских граждан на получение информации и на приобщение к культурным ценностям. Государственные СМИ, в том числе радиостанции, выполняют важные функции, закрепленные законодательно, например, размещение агитационных материалов в период проведения предвыборных кампаний, освещение деятельности органов государственной власти и др.

Коммерческие станции нацелены на извлечение прибыли и ориентированы лишь на трансляцию тех типов программ, которые гарантируют привлечение больших аудиторий. Однако высокие рейтинги — удел сравнительно небольшого числа типов программ. Как показывает опыт, большие аудитории привлекает в основном музыкальный и развлекательный контент, а многие другие типы, среди которых программы патриотического воспитания, образовательные, культурно-просветительские и некоторые другие социально значимые передачи, собирают значительно меньшие по объему аудитории.

В эфире доминируют многочисленные радиостанции популярной музыки. Проиллюстрируем это на примере эфирного вещания в столице. По состоянию на начало 2019 г. в Москве эфирное вещание шло на 55 частотах в ультракорот-

коволновом (УКВ) диапазоне, включая FM-диапазон². Эти 55 частот занимали 54 станции (две частоты занимает «Авторadio», одна из которых в FM-диапазоне). Из них 41 станция характеризуется либо как музыкальная (музыка + реклама), либо музыкально-разговорная (преобладание музыки + разговорные форматы + реклама), где объем вещания более чем на две трети состоит из музыкального материала³. По отношению ко всему количеству вещающих станций эти радиостанции составляют 76%. Обратим внимание, что среди 54 станций лишь семь государственных — «Вести FM», «Маяк», «Милицейская волна», «Орфей», «Радио Звезда», «Радио России» и «Радио России Культура». Это 13% от всего числа станций, вещающих в Москве, а значит, 87% московских радиостанций — негосударственные, в подавляющем большинстве музыкальные коммерческие, нацеленные лишь на извлечение прибыли.

В сфере информационного и публицистического вещания, социально-политической аналитики государственные СМИ, в том числе радиостанции, занимают официальную позицию. Как показывают исследования последних десятилетий, в целом население России в большей степени доверяет информации российских государственных радиостанций, чем коммерческих. Так, всероссийский опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный в апреле 2015 г. на репрезентативной выборке 1500 респондентов, показал, что государственным СМИ доверяет 70% опрошенных, а негосударственным — 11%⁴. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы российские государственные радиостанции были технически доступны для своей аудитории.

Однако в последние годы позиции государственного радиовещания существенно ослабли. Дело в том, что использовавшиеся долгие годы технические средства распространения радио — радиоточки, эфирное вещание на длинных, средних, коротких волнах (далее, соответственно, ДВ, СВ, КВ), а также в нижнем УКВ-диапазоне — теперь собирают сравнительно небольшое число радиослушателей. Произошло насыщение приемниками, принимающими FM-частоты. И выигрывают только те станции, которые работают в FM-диапазоне.

Аудиторные показатели государственных радиостанций в 1996 г.

Выбор нижней границы периода анализа связан с важным событием, произошедшим в 1996 г., когда представители Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК), в состав которой сейчас входят крупнейшие федеральные государственные радиостанции «Радио России», «Маяк»,

² С инженерно-технической точки зрения FM-диапазон — это верхняя часть УКВ-диапазона, в которой физически возможна частотная модуляция (англ. frequency modulation, сокращенно FM) — особая организация передачи радиосигнала, гарантирующая высокое качество звучания. Отсюда и такое название. В России это диапазон частот от 87 до 108 МГц.

³ Это «Авторadio», «Весна FM», «Восток FM», «Дорожное Радио», «Европа Плюс», «Жара FM», «Капитал FM», «Комеди Радио», «Маяк», «Мегаполис FM», «Милицейская волна», «Москва FM», «Наше Радио», «Новое Радио», «Орфей», «Радио 7 на семи холмах», «Радио Дача», «Радио Джаз», «Радио Карнавал», «Радио Максимум», «Радио Монте-Карло», «Радио ПИ-FM», «Радио Романтика», «Радио Русский Хит», «Радио Шоколад», «Релакс FM», «Ретро FM», «Рок FM», «Русское Радио», «Серебряный дождь», «Страна FM», «Студио 21», «Такси FM», «Хит FM», «Шансон», «Юмор FM», «DFM», «I.Z.R.U.», «Like FM», «Love Radio», «NRJ».

⁴ Доверие российским СМИ // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/posts/12140> (дата обращения: 24.04.2019).

«Вести FM», впервые вошли в Статистическую группу Европейского вещательного союза⁵ (ЕВС), и Россия стала ежегодно предоставлять официальные статистические данные об аудитории общероссийских телеканалов и радиостанций. Данные перепроверялись и использовались для международных сравнений.

На основе собранных ЕВС данных, нами был проведен анализ показателей аудитории радиостанций ВГТРК, в частности доли аудитории, в динамике с 1996 г. по 2018 г. Важно подчеркнуть, что до 2005 г. исследовательские структуры, занимавшиеся аудиторными измерениями для радио в России, не предоставляли в регулярном режиме данные об аудитории общероссийского масштаба — практиковались только разовые (*ad hoc*), эпизодически проводимые исследования. В 1996—2004 гг. на постоянной основе собирались лишь данные локального характера, прежде всего по Москве и Санкт-Петербургу. С 2005 г. компания ТНС (ныне «Медиаскоп») стала измерять аудиторию радио в российском масштабе непрерывно в пределах совокупного населения городов численностью от 100 тыс. чел. и более. Однако информация поставлялась в роллинговом формате порциями, которые длились от 3 до 6 месяцев в разные годы. С 2010 г. по настоянию Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ компания стала предоставлять такого рода информацию ежегодно для подготовки отраслевых докладов, усредняя непрерывные ежедневные замеры на годовых отрезках времени.

В ЕВС и большинстве европейских стран основным показателем аудитории и радио, и телевидения считается показатель «доля аудитории радиостанции». Он определяется как процент слушателей некоторой радиостанции относительно всех, кто слушает радио в заданный момент времени (либо как усреднение в заданном интервале времени) из заданной генеральной совокупности. Считается, что доля аудитории лучше всего отражает конкурентоспособность телеканалов и радиостанций. Это один из основных показателей, которые запрашиваются для статистического анализа телерадиовещания в Европе. Поэтому ниже анализ тенденций будет представлен на основе доли аудитории радиостанций.

Как выглядел российский радиоландшафт в 1996 г.? Это был период, когда многие тенденции определялись советским прошлым. В анализируемой сфере это проявлялось через абсолютное доминирование государственных радиостанций: только «Радио России» и «Маяк» почти полностью покрывали всю территорию Российской Федерации. Их технический охват эфирного распространения (количество населения, проживающего в зоне вещания), согласно официальной государственной статистике, составлял 96,9% и 94,3%, соответственно⁶. Вещание велось преимущественно в ДВ-, СВ-, КВ- и УКВ-диапазонах, а также через систему проводного радио (прием на радиоточках).

По данным Госкомстата (ныне Росстат), число основных радиотрансляционных точек проводного радио в 1996 г. составляло 34,2 млн единиц⁷. Проникновение

⁵ Европейский вещательный союз (*European Broadcasting Union*) — ведущее объединение европейских организаций, осуществляющих общественное телевизионное и радиовещание. По состоянию на 2018 г. в него входит 117 членов из 56 стран и 34 ассоциированных члена. Союз управляет системами Eurovision и Euroradio, является организатором конкурса «Евровидение».

⁶ Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России. 1997. С. 459.

⁷ Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России. 2001. С. 465.

проводного вещания (процент населения, которое могло слушать радио на радиоточках) оценивалось в 64,3%. Нетрудно заключить, что «Радио России» и «Маяка» слушали в тот период преимущественно с помощью проводного радио. Волновой прием был менее распространен. Подчеркнем, что уже шел процесс необратимого разрушения системы проводного радио. Для сравнения: в 1991 г., на излете советского периода, число основных радиоточек было равно 47,6 млн единиц⁸, а проникновение проводного вещания (количество населения, которое имело возможность слушать с помощью радиоточек) составляло, оценочно, 89,5%.

Отметим также, что в тот период радио еще составляло конкуренцию телевидению, поскольку в отдаленных регионах телевидение было представлено лишь одним-двумя каналами, часто с очень низким качеством приема, фактически отсутствовали спутниковые системы платного телевидения (в 1996 г. была запущена система «НТВ-плюс», очень дорогая и потому недоступная подавляющему большинству населения), а проникновение интернета в России оценивалось в 400—450 тыс. чел⁹. (в основном в крупных городах), то есть составляло менее 1% населения.

Помимо «Радио России» и «Маяка», заметную роль в общем радиоландшафте играли еще две государственные радиостанции — «Юность» и «Орфей». «Юность» распространялась на территории, где проживали около 43,3%, а «Орфей» — 14,1%¹⁰ населения страны. В некоторых регионах хотя бы одна из этих двух станций распространялась также в системе проводного радио.

Коммерческое радиовещание в тот период носило преимущественно локальный характер, активно осваивая FM-диапазон, поскольку рынок радиоприемников постепенно насыщался техникой, способной принимать эти волны. Коммерческих станций, имеющих более или менее широкое распространение, было немного. Наибольший технический охват имело «Радио 1», бывшая государственная станция, которую приватизировали в начале 1990-х гг., она первоначально распространялась в проводной сети, ее технический охват, по данным Госкомстата, в 1996 г. составлял 68%¹¹. Эта цифра и ограничивала общую величину технического распространения коммерческого радиовещания. Кроме «Радио-1», заметную роль на территории России играли: «Европа плюс» (доля аудитории 12%); «Радио России Ностальжи» — музыкальная коммерческая станция, одним из учредителей которой было «Радио России» (6%), «Русское Радио» (1%).

Немаловажно вспомнить, что в тот период у россиян не было такого количества автомобилей, какое имеется сейчас. По данным Госкомстата, в России в 1996 г. число легковых автомобилей в собственности граждан составляло 15,047 млн¹². Слушали радио в автомобилях, по разным оценкам, не более 15% населения. Основное радиослушание происходило дома и на рабочих местах с помощью проводного радио. Отсюда нетрудно понять, почему основную аудиторию собирали «Радио России» и «Маяк», совокупная доля которых составляла 53% (см. рис. 2).

⁸ Там же.

⁹ Залесский П. Интернет: российская аудитория в анфас и в профиль // Лаборатория рекламы, маркетинга и Public Relations. URL: <http://www.adviab.ru/articles/article88.htm> (дата обращения: 24.04.2019).

¹⁰ Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России. 1997. С. 459.

¹¹ Там же.

¹² Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России. 2005. С. 500.

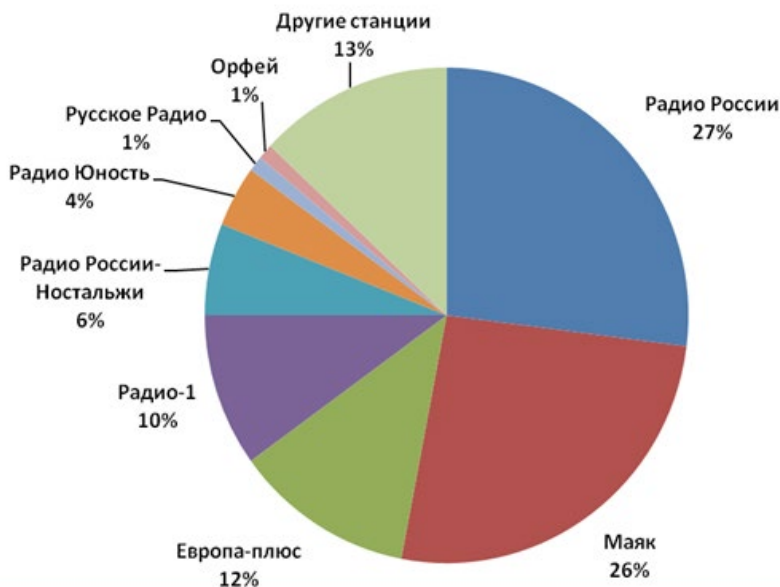

Рисунок 2. Долевое распределение аудитории ведущих российских радиостанций в 1996 г. Данные Европейского вещательного союза (городское население России, возраст 10 лет и старше)¹³

Динамика аудиторных показателей государственных радиостанций в 1996—2018 гг.

Однако двум государственным станциям-гигантам не удалось надолго сохранить свой статус-кво. Первая тенденция, негативно сказавшаяся на показателях аудитории «Радио России» и «Маяка», состояла в том, что неумолимо происходил распад проводного радио. Если в 1996 г. проникновение проводного вещания в России составляло около 64 %, то в 2001 г. этот показатель оценивался в 43 %, а в 2017 г. — в 12 %¹⁴. Как следствие, год от года понижалась доля аудитории ведущих государственных станций (см. рис. 3). У «Радио России» этот показатель снизился с 27 % в 1996 г. до 5,8 % в 2018 г., а у «Маяка» — с 26 % до 3,1 %, соответственно.

Вторая тенденция заключалась в том, что с середины 1990-х гг. шло быстрое формирование сетевых коммерческих станций, освоение ими FM-диапазона в крупных и средних по численности городах, чему способствовали такие факторы, как активная разработка FM-частот, насыщение рынка FM-приемниками, а также повышение количества автомобилей у населения.

В 2002 г. произошел прорыв в области коммерческого музыкального радиовещания. На общероссийском уровне заметно понизились показатели «Юности»,

¹³ Радиовещание в России в 2017 г.: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: ФАПМК. 2018. С. 103.

¹⁴ Радиовещание в России в 2017 году: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: ФАПМК. 2018. С. 102.

которая не выдержала конкуренции с коммерческими музыкальными станциями и смогла собрать лишь 1 % от всей радиоаудитории. Зато существенно возросла доля аудитории таких станций, как «Русское Радио» (11 %), «Радио Шансон» (3 %), «Авторadio» (2 %), «Хит FM» (2 %), «Ретро FM» (2 %), «Наше Радио» (2 %). При этом «Европа плюс» держала в 2002 г. 10 % доли аудитории. Указанные причины привели к перераспределению аудитории. Хотя на общероссийском уровне продолжали лидировать «Радио России» (доля аудитории 25 %) и «Маяк» (19 %), их стали догонять коммерческие станции. Совокупная доля аудитории государственных станций общероссийского масштаба составляла теперь 42 %, в то время как у десяти крупных коммерческих станций суммарная доля аудитории равнялась 35 %.

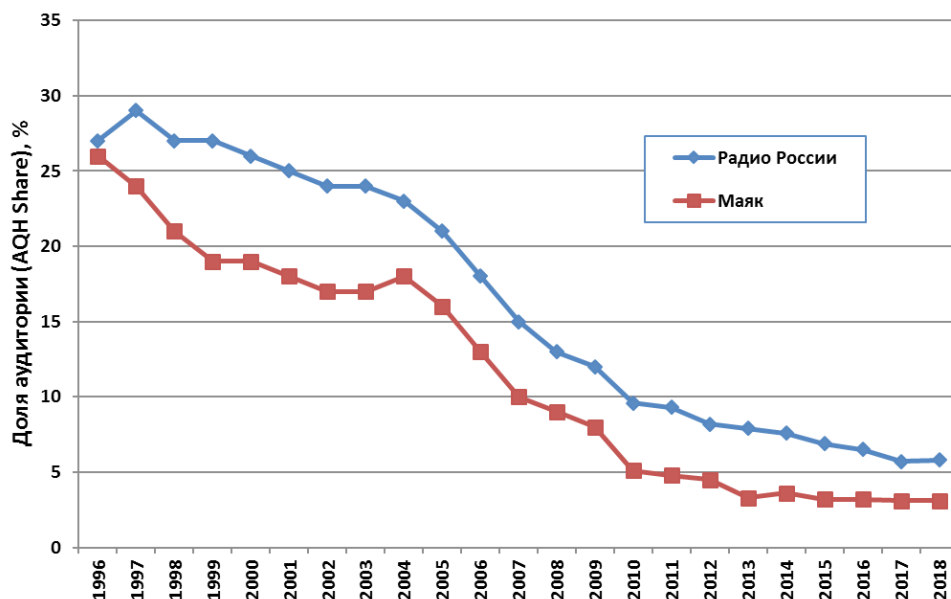

Рисунок 3. Динамика доли аудитории «Радио России» и «Маяка» в 1996—2018 гг. Данные Европейского вещательного союза. С 2010 г. ЕВС использует данные компании «Медиаскоп», представленные в отраслевых докладах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ¹⁵

Критическим для ВГТРК следует считать 2005 г., когда суммарная доля ее радиостанций на общероссийском уровне (39 %) оказалась меньше совокупной доли крупнейших коммерческих станций (45 %). Проникновение проводного радио снизилось до 31 % — как следствие, доля аудитории «Радио России» составила 21 %, а «Маяка» — 16 %. По данным Госкомстата, число автомобилей в собственности граждан в России с 1996 г. по 2004 г. включительно возросло с 15,047 млн (оценочно, 29 % российских семей) до 22,812 млн¹⁶ (оценочно, 45 % семей). Это

¹⁵ Там же.

¹⁶ Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России. 2005. С. 500.

создало предпосылки для дальнейшего более активного освоения коммерческими станциями FM-частот, ведь все более типичным становилось слушание программ радиостанций в автомобиле (особенно в дорожных пробках в крупных городах в часы пик). Это был сигнал государственным станциям принять срочные меры, чтобы предотвратить дальнейшее падение показателей аудитории. Прежде всего, надо было осознать, что население все больше и больше слушает радио в FM-диапазоне и все меньше и меньше — на радиоточках, а также в диапазонах ДВ, СВ, КВ и УКВ. Надо было бороться за FM-частоты в крупных городах, чего так и не произошло. Но и сегодня далеко не на всей территории России «Радио России» и «Маяк» вещают на FM-частотах.

Важное исследование было проведено ВЦИОМ по инициативе ВГТРК в 2009 г. (общероссийский опрос, $N=1600$, респонденты от 18 лет и старше)¹⁷, оно было нацелено на то, чтобы проследить развитие выявленных тенденций в масштабе страны и разобраться с особенностями прослушивания радио в тех зонах, где нет измерений аудитории радио. В соответствии с результатами, представленными в табл. 1, мы видим, что в 2009 г. число тех, кто слушал радио в FM-диапазоне, существенно превысило число тех, кто слушал проводное радио. Радиослушателей в FM-диапазоне оказалось на порядок больше, чем в диапазонах КВ, СВ и ДВ, а интернет-аудитория составила незначительную часть всей аудитории радио — 1,6% населения.

Таблица 1. **Использование россиянами различных технических способов прослушивания радио в 2009 г.**

Устройство, с помощью которого респонденты слушают радио	Респонденты, слушающие радио, $N=935$, %	Все респонденты, $N=1600$, %
Радиоточка (проводное радио)	31,9	18,6
FM-диапазон	43,6	25,4
УКВ-диапазон	14,1	8,2
КВ-диапазон	5,0	2,9
СВ-диапазон	5,8	3,4
ДВ-диапазон	3,9	2,3
Интернет	2,8	1,6

Источник: ВЦИОМ, по заказу ВГТРК в 2009 г. Данные публикуются впервые.

¹⁷ Радио, которое мы любим // ВЦИОМ. 07.05.2009. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2287> (дата обращения: 19.04.2019).

Стало ясно, что практика прослушивания на тех или иных приемниках связана не столько с выбором слушателем частотных диапазонов, сколько с ограниченностью количества приемных устройств, способных настраиваться на те или иные частоты. Так, число приемников у населения, способных ловить длинные и средние волны, составило, соответственно, 3,9% и 5,8%, в то время как число приемников, работавших в FM-диапазоне, равнялось 31,9%.

Все негативные тенденции для государственных радиостанций, описанные выше, только усилились в 2010—2018 гг. Кризис 2008—2010 гг. заставил государственные радиостанции сократить затратное вещание на длинных волнах и частично — на средних. Проводное радио продолжало разрушаться, и в 2012 г. его проникновение уже оценивалось в 18%¹⁸. Оба этих фактора еще сильнее уменьшили аудиторию «Радио России» и «Маяка». В том же году впервые за всю историю наблюдений «Радио России», в прошлом крупнейшая государственная радиостанция, в пределах зоны измерения ТНС оказалась лишь на втором месте по величине доли аудитории, уступив лидерство «Европе плюс» (доля аудитории у «Радио России» равнялась 8,2%, у «Европы плюс» — 8,8%). «Маяк», доля аудитории которого оказалась равной 4,5%, занял лишь восьмое место. Правда, заметное распространение получила радиостанция «Вести FM», ее доля аудитории составила 1,1%. Еще одна станция UFM (бывшая «Юность») собрала 0,2% доли аудитории по России. Таким образом, совокупная доля всех государственных станций на общероссийском уровне по итогам 2012 г. составила всего лишь 14%.

Небольшим утешением для государственных радиостанций было то, что в области общественно-политического вещания они все еще удерживали первенство. Единственная негосударственная станция общественно-политической ориентации «Эхо Москвы» хотя и расширила географию вещания, но все же по доле аудитории занимала десятое место (3,7%).

К концу 2018 г. описанные выше тенденции сохранились. Мы фиксируем дальнейшее разрушение системы проводного радио, проникновение которого, оценочно, достигло невыразительной цифры в 12%. Ежегодный спад этого показателя теперь составляет от 0,5% до 1% против 2%—3% в прежние годы, но мы не можем прогнозировать даже его стабилизацию. «Радио России» по-прежнему не спешит осваивать FM-диапазон, который захватывают коммерческие станции по всей стране. В итоге бывший абсолютный лидер общероссийского эфира не попадает даже в тройку лидеров.

В таблице 2 приведено распределение ведущих российских радиостанций по доле аудитории в 2018 г.¹⁹ Видно, что «Радио России» занимает теперь лишь шестое место (5,8%), уступая «Европе плюс» (9,0%), «Дорожному Радио» (6,2%), «Радио Дача» (6,1%), «Ретро FM» (5,9%) и «Русскому Радио» (5,9%). А «Маяк» теперь на двенадцатом месте (3,1%). Его обогнала станция «Вести FM», успешно осваивающая FM-частоты и занявшая девятое место (4,2%). На общероссийском пространстве стала заметной межгосударственная станция «Радио Мир» (0,6%).

¹⁸ Радиовещание в России в 2017 г.: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: ФАПМК. 2018. С. 102.

¹⁹ Автор выражает глубокую признательность компании «Медиаскоп» и лично ее генеральному директору Руслану Тагиеву за предоставленные данные за 2018 г.

Соотношение совокупной доли аудитории государственных и коммерческих станций общероссийского масштаба явно не в пользу государственных: 14,6% против 74,3% (остальные 11,1% доли аудитории приходятся в основном на станции местного вещания).

Таблица 2. Доля аудитории ведущих российских радиостанций в 2018 г.

	Название станции	Доля аудитории, %
1	Европа Плюс	9,0
2	Дорожное Радио	6,2
3	Радио Дача	6,1
4	Ретро FM	5,9
5	Русское Радио	5,9
6	Радио России	5,8
7	Авторadio	5,7
8	Шансон	4,5
9	Вести FM	4,2
10	Наше Радио	3,2
11	NRJ	3,2
12	Маяк	3,1
13	Love Radio	2,9
14	Эхо Москвы	2,9
15	Юмор FM	2,9
16	DFM	2,4
17	Радио Рекорд	2,1
18	Радио 7 на семи холмах	2,0
19	Хит FM	1,8
20	Комеди Радио	1,5
21	Новое Радио	1,3
22	Бизнес FM	1,0
23	Комсомольская правда	1,0
24	Радио Звезда	0,9
25	Детское Радио	0,8
26	Радио Максимум	0,8
27	Радио Мир	0,6
28	Серебряный Дождь	0,6
29	Студио 21 / Спорт FM	0,6

Источник: «Медиаскоп». В таблице приведены усредненные данные непрерывных измерений аудитории радио за 2018 г. Метод: телефонные интервью с использованием системы CATI. Годовая выборка составила 163 145 человек в возрасте от 12 лет и старше, проживающих в городах РФ численностью населения от 100 000 чел. и более.

Знание брендов государственных радиостанций

Отмеченные выше тенденции привели к печальным результатам, касающимся знания брендов радиостанций ВГТРК. Широко известен лишь один — «Маяк», хуже — «Радио России» и «Вести FM» (см. табл. 3). Среди множества вопросов, которые задают респондентам о радиослушании, есть два на выявление знания брендов радиостанций. Первый вопрос позволяет выявить спонтанное знание (в табл. 3 данная величина представлена в последней колонке); второй выявляет так называемое полное знание: респонденту называются радиостанции, он должен выбрать те названия, которые ему известны. Полученная таким образом величина будет численно больше спонтанного знания.

Таблица 3. **Знание бренда радиостанций в зоне измерения аудитории по России в 2018 г.**

№ п/п	Название станции	Полное знание, %	Спонтанное знание, %
1	Европа Плюс	94,7	35,0
2	Авторadio	93,9	20,4
3	Русское Радио	92,0	29,3
4	Маяк	91,6	28,4
5	Ретро FM	90,9	18,9
6	Радио Шансон	89,9	19,5
7	Дорожное Радио	89,6	19,1
8	Радио Дача	80,9	26,1
9	Юмор FM	78,0	12,1
10	Эхо Москвы	68,6	9,9
11	Love Radio	66,0	11,6
12	Вести FM	65,7	6,0
13	Наше Радио	61,9	9,0
14	Радио России	61,6	8,4
15	NRJ	54,6	11,2
16	Хит FM	52,8	7,3
17	Радио 7 на семи холмах	52,7	6,5
18	Серебряный Дождь	45,6	4,7
19	DFM	42,5	9,0
20	Радио Максимум	39,4	5,1
21	Комеди Радио	39,0	2,9
22	Детское Радио	37,6	2,8
23	Радио Звезда	31,9	2,4
24	Радио Рекорд	30,7	5,0
25	Новое Радио	29,9	2,5
26	Студио 21/Спорт FM	29,5	1,1
27	Бизнес FM	29,4	3,1
28	Комсомольская правда	27,8	2,5
29	Радио Мир	23,5	1,2

Источник: Компания «Медиаскоп». Итоги 2018 г. Годовая выборка 163 145 человек, города от 100 000 человек и более, возраст от 12 лет и старше.

Из табл. 3 видно, что лучше всего респонденты знают станции, имеющие наибольшее FM-покрытие в зоне измерения. Это «Европа плюс» (полное знание 94,7 %, спонтанное знание 35,0 %), «Авторадио» (полное знание 93,9 %, спонтанное знание 20,4 %) и «Русское Радио» (полное знание 92,0 %, спонтанное знание 29,3 %). На четвертом месте по величине полного знания располагается «Маяк» (полное знание 91,6 %, спонтанное знание 28,4 %). Причина такого места в рейтинге заключается в том, что название радиостанции «Маяк» сохранилось с советского времени, бренд обладает силой.

Хуже обстоит дело с брендом «Радио России». Его полное знание демонстрируют 61,6 % (14 место), хотя эфирный технический охват населения России этой станцией до сих пор превышает все другие. Так, согласно данным Росстата, охват населения эфирным радиовещанием станции в 2017 г. равнялся 82,5 %²⁰. При этом спонтанное знание бренда составляет 8,4 %, что обеспечивает станции лишь 16 место по данному показателю. «Радио России» часто путают с радиостанцией совершенно иного формата — «Русским Радио», и это настоящая проблема для ВГТРК.

Знание радиостанции «Вести FM» уступает показателям бренда «Маяк», но опережает «Радио России». Полное знание бренда «Вести FM» составило в 2017 г. 65,7 % (12 место), спонтанное знание — 6,0 % (18 место). Цифры говорят сами за себя, и явно не в пользу государственных радиостанций.

Заключение

Итак, за последние 22 года радиостанции ВГТРК утратили лидирующие позиции в России. Доля аудитории на общероссийском уровне с 1996 г. по 2018 г. включительно снизилась: у «Радио России» с 27 % до 5,8 %, у «Маяка» — с 26 % до 3,1 %. Другими словами, если в 1996 году и ту, и другую радиостанцию слушал каждый четвертый житель страны, то теперь «Радио России» слушает примерно один человек из двадцати, а «Маяк» — один из тридцати. В 1996 г. по стране две станции занимали, соответственно, первое и второе место по величине доли аудитории, то в 2018 г. «Радио России» было лишь на шестом месте, а «Маяк» — на двенадцатом. По нашему мнению, основная причина уменьшения объема аудитории — недостаточное внимание к организации технического распространения. В 1996 г. население слушало радио преимущественно с помощью проводного радио и приемников, способных принимать средние и длинные волны. В 2018 г. подавляющее большинство радиослушателей использовало FM-диапазон, в котором государственные станции представлены слабо.

Такие потери аудитории — серьезная проблема для любого средства массовой информации. Ведь представления о мощи и силе того или иного СМИ в сознании населения ассоциируются с величиной его аудитории. Иначе может возникнуть правомерный вопрос: зачем тратить бюджетные деньги для поддержания радиостанций, которые скоро вообще никто не будет слушать? Потеря аудитории государственными радиостанциями несет в себе опасность для некоторых социально-политических процессов, поскольку государственные СМИ, в том числе

²⁰ Российский статистический ежегодник 2018. М. : Росстат. 2018. С. 230

радиостанции, реализуют конституционное право граждан на получение информации и доступ к культурным ценностям, выполняют законодательно установленные функции освещения деятельности органов государственной власти и агитации за кандидатов и политические партии во время предвыборных кампаний.

Чтобы аудитория окончательно не ушла, чтобы вернуть лидирующее положение, радиостанциям ВГТРК необходимо обеспечить стопроцентное FM-присутствие в эфире, в первую очередь в Москве. В связи с этим обратим внимание на один странный факт. До 2004 г. «Радио России» в Москве вещало в FM-диапазоне на частоте 104,2 МГц, но в 2004 г. по неизвестным причинам эта частота была передана «Радио Танго», просуществовавшему всего год, а затем на ней расположилась коммерческая музыкальная радиостанция NRJ²¹. Причина этого действия непонятна, последствия для «Радио России» катастрофические. Если не вернуть «Радио России» в FM-диапазон, то показатели аудитории могут продолжить снижение. Ни проводное радио, ни интернет, ни мобильная связь, ни УКВ-вещание (нижняя частотная часть), ни тем более КВ-, СВ-, и ДВ-диапазоны не смогут существенно увеличить аудиторию радиостанций ВГТРК. Существенно повлиять на ситуацию может только использование FM-частот.

Необходимы энергичные усилия для повышения знания населением брендов государственных станций, поскольку в настоящий момент широко известен лишь бренд «Маяк». Хочется надеяться, что федеральные государственные радиостанции минуют период кризиса и вновь выйдут на лидирующие позиции в России. Однако для этого нужны политическая воля и энергичные управленческие решения.

Список литературы (References)

Алексеева М. И., Болотова Л. Л., Вартанова Е. Л. и др. Средства массовой информации России. / под ред. Я. Н. Засурского. М. : Аспект Пресс. 2011.

Alekseeva M. I., Bolotova L. L., Vartanova E. L. et al. (2011) Mass Media of Russia / Ed. Ya. N. Zasursky. Moscow: Aspect of Press. (In Russ.)

Барабаш Н. С. и др. Радиожурналистика / под ред. А. А. Шереля. М. : Издательство Московского университета : Наука. 2005.

Barabash N. S. (2005) and others. Radio Journalism / Ed. A. A. Sherel. Moscow: Moscow University Press: Science. (In Russ.)

Баранова Е. А. Влияние процесса медиаконвергенции на сокращение хронометража радиопередач и появление мини-рубрик // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 96—103.

Baranova E. A. (2016) The Influence of Media Convergence Process on Reduction of Radio Programm Length and Mini-Columns Development. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. No. 1. P. 96—103. (In Russ.)

Баранова А. А. Отражение отношений России и зарубежных государств как политических субъектов в эфире радиостанций «Радио России» и «Эхо Москвы» // Журналист. Социальные коммуникации. 2013. № 1(9). С. 20—27.

²¹ Радиовещание в России: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М. : ФАПМК. 2010. С. 23.

Baranova A. A. (2013) Repercussions of Relations between Russia and Foreign Countries as Political Subjects by Radio of Russia and Echo of Moscow Radio Stations. *Journalist. Social communications*. No. 1(9). P. 20—27. (In Russ.)

Басовская Е. Н. «Имя дважды собственное»: антропонимы в названиях радиопрограмм // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 34—45.
Basovskaia E. N. (2017) “Name, Double-Own”: the Anthroponyms in the Names of Radio Programs. *Ecology of Language and Communicative Practice*. No. 4 (11). P. 34—45. (In Russ.)

Бессарабов В. Г., Маматов М. В. Роль радио в реализации правозащитного потенциала современной российской прокуратуры // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 251—256.

Bessarabov V. G., Mamatov M. V. (2010) The Role of Radio in the Implementation of the Human Rights Potential of Modern Russian Prosecutors. *Problems of Strengthening Law and Order: Science, Practice, Trends*. No. 3. P. 251—256. (In Russ.)

Бысько М. В. Радио без слушателя: «Маяк» // Медиамузыка. 2017. № 8. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/8_4.html (дата обращения: 19.04.2019).
Bysko M. V. (2017) Radio Without a Listener: “Mayak”. *Mediamusic*. No. 8. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/8_4.html (accessed: 19.04.2019) (In Russ.)

Воронцова А. В. Социокультурные последствия трансформации отечественной системы радиовещания : дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.

Vorontsova A. V. (2002) Socio-Cultural Implications of the Transformation of the Domestic Broadcasting System: Diss. ... Cand. Sci. (Soc.). Moscow.

Вэн Ц. Социологические исследования аудитории печати, радио и телевидения в России и Китае: сравнительный анализ : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Van Ts. (2007) Sociological Studies of Print, Radio and Television Audiences in Russia and China: a Comparative Analysis. Abstract of Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. (In Russ.)

Галкина М. Ю., Лехтисаари К. Прогноз изменения государственного регулирования российских СМИ // Медиаскоп. 2016. № 4. С. 30.

Galkina M. Yu., Lehtisaari K. (2016) The Forecast of Changes in State Regulation of Russian Media. *Mediascope*. No. 4. P. 30. (In Russ.)

Егошкина В. А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радиийном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 34—45.

Egoshkina V. A. (2018) Speech Strategies of Attracting and Retaining Attention of Addressee in the Entertainment Radio Discourse. *Communication Studies*. No. 2 (16). P. 34—45 (In Russ.)

Зубко Д. В. Радиопублицистика в пространстве интернета: технические возможности и воздействующий потенциал // Международный научно-исследовательский журнал. 2017а. № 8—1 (62). С. 58—60. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.62.004>.

Zubko D. V. (2017a) Radio-Journalism on the Internet: Technical Features and Impact Potential. *International Research Journal*. No. 8—1 (62). P. 58—60. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.62.004> (In Russ.)

Зубко Д. В. Медиаагрессия в современном радиовещании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017b. № 4. С. 86—88.

Zubko D. V. (2017b) Media Aggression in Modern Broadcasting. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. No. 4. P. 86—88. (In Russ.)

Ильмухин В. Н. Социологический анализ практик медиапотребления: виды и методы исследований // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 270—284.

Illmukhin V. N. (2016) Sociological Analysis of the Media Consumption Practices: Types and Methods of the Empirical Study. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 16. No. 2. P. 270—284. (In Russ.)

Исакова Е. А. Языковые маркеры категории «событийность» в современном спортивном радиорепортаже // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 236—243. <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2016.1.019>.

Isakova E. A. (2016) Linguistic Markers of the Category of Event in Contemporary Sport Radio Reports. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. Vol. 18. No. 1(148). P. 236—243. <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2016.1.019> (In Russ.)

Ключи к эфиру : в 2 кн. Кн.1. Радиожурналист и политика. Кн. 2. Основы мастерства / под ред. А. Г. Шевелева. М. : Аспект Пресс. 2007.

Keys to the Radio Broadcasts: in 2 Vol. (2007). Vol. 1. Radio Journalist and Politics. Vol. 2. Basics of Skill. / Ed. A. G. Sheveleva. Moscow: The Aspect of Press. (In Russ.)

Комарова А. А. Основные тенденции медиапотребления в России в условиях динамически меняющейся реальности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2018. № 5. С. 162—166.

Komarova A. A. (2018) Main Trends of Media Consumption in Russia in the Conditions of Dynamically Changing Reality. *Vestnik Universiteta*. No. 5. P. 162—166. (In Russ.)

Круглова Л. А. Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития // МедиаАльманах. 2018. № 1(84). С. 89—101.

Kruglova L. A. (2018) Russian Audio Podcasts: the Specifics of Development and Formation. *MediaAlmanah*. No. 1(84). P. 89—101. (In Russ.)

Лобанова С. В. О некоторых особенностях языковой личности современного эстрадного артиста (на материале интервью с Ириной Богушевской) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 42—47.

Lobanova S. V. (2016) About Some Features of Language Personality of a Modern Entertainer (On the Material of the Interviews with Irina Bogushevskaya). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin (TSPU Bulletin)*. No. 11 (176). P. 42—47. (In Russ.)

Минюшева И. Ф. Стандарт и экспрессия в речевом этикете на радио (на материале передач «Радио России») // Преподаватель XXI век. 2012. № 2—2. С. 39—45.
Minyusheva I. F. (2012) The Standard and an Expression in Speech Etiquette on Radio (on a material of transfers Radio of Russia). *Prepodavatel XXI Vek*. No. 2—2. P. 39—45. (In Russ.)

Нестерова Н. Г. Ток-шоу на радио как новая дискурсивная практика // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4(53). С. 278—282.
Nesterova N. G. (2015) Radio Talk-Show as a New Discourse Practice. *The World of Science, Culture and Education*. No. 4 (53). P. 278—282. (In Russ.)

Николаева Ю. А. Социологическое обеспечение программирования радиостанции : дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.
Nikolaeva Yu. A. (2004) Sociological Software Programming of the Radio Station: Dis. ... Cand. Sci. (Soc.). Moscow. (In Russ.)

Сладкомедова Ю. Ю. «Радио России»: новый радиийный формат культурного содержания в условиях нового государства // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 5. С. 208—218.
Sladkomedova Yu. Yu. (2010) Radio Rossiya: New Radio Format with Cultural Content for the New Nation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 5. P. 208—218. (In Russ.)

Соколова А. В. Роль радио в общественной жизни страны. Анализ рейтингов московских радиостанций и их целевой аудитории // Инновационные технологии в управлении : Сб. научных статей / ред. Е. В. Марченко. М. : ООО «МАКС Пресс», 2016. С. 103—107.

Sokolova A. V. (2016) The Role of Radio in the Public Life of the Country. Analysis of Ratings of Moscow Radio Stations and Their Target Audience. In: *Innovative Technologies in Management: a Collection of Scientific Articles* / Ed. by E. V. Marchenko. Moscow: MAX Press LLC. P. 103—107. (In Russ.)

Сухарева В. А. Общественное радио: перспективы появления в России. История вопроса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 4. С. 66—74.

Sukhareva V. A. (2009) Public Radio: the Prospects for Appearance in Russia. Background. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 4. P. 66—74. (In Russ.)

Умановский В. В. Детские радиопередачи как фактор социального воспитания школьников : дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2001.

Umanovsky V. V. (2001) Children's Radio Programs as a Factor in the Social Education of Schoolchildren: Dis. ... Cand. Sci. (Ped.) Kostroma.

Устинова Л. В. Отражение социальных проблем на «Радио России» (на примере радиопередачи «Адреса милосердия») // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований. Сборник статей Международной научной конференции. Уфа : ОМЕГА САЙНС. 2016. С. 157—159.

Ustinova L. V. (2016) Reflection of Social Problems on the “Radio of Russia” (on the Example of the Radio Program “Addresses of Mercy”). In: *Concepts of Basic and Applied Scientific Research. Collection of Articles of the International Scientific Conference*. Ufa: OMEGA SAINES, 2016. P. 157—159. (In Russ.)

Фащанова С. В. Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория Перевода. 2014. № 4. С. 124—132.

Fashchanova S. V. (2014) Key Precedent Phenomena in a Context of National Mentality (in Radiodiscourse). *The Moscow University Herald*, Series 22, Translation Theory. No. 4. P. 124—132. (In Russ.)

Шариков А. В. Аудитория радиостанции классической музыки «Орфей»: результаты эмпирических исследований (2005—2015) // Наука телевидения. 2017. Т. 13. № 2. С. 124—160.

Sharikov A. V. (2017) Radio Audience of Classical Music “Orpheus”: the Results of Empirical Studies (2005—2015). *Nauka televideniya [The Art and Science of Television]*. Vol. 13. No. 2. P. 124—160. (In Russ.)

Шевелева Е. А. Опыт литературно-драматического радиовещания в контексте создания материалов для современных информационно-разговорных радиостанций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 167—176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-1-167-176>.

Sheveleva E. A. (2017) The Experience of Literary-Dramatic Radio Broadcastings in The Context of Creation of Materials for Modern Information and Colloquial Radio Stations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. Vol. 22. No. 1. P. 167—176. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-1-167-176> (In Russ.)

Шурыгина Е. А. Информационные запросы радиоаудитории и формы взаимодействия со слушателем в условиях формирования новой медиасреды: региональный аспект // МедиаАльманах. 2016. № 3(74). С. 72—77.

Shurygina E. A. (2016) Information Demands of the Radio Audience and Forms of Interaction with the Listener in a New Media Environment: a Regional Perspective. *MediaAlmanah*. No. 3(74). P. 72—77. (In Russ.)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.21

Правильная ссылка на статью:

Бразевич С. С. Эмпирические социальные исследования Карла Маркса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 459—476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.21>.

For citation:

Brazevich S. S. (2019) Karl Marx's empirical social research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 459—476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.21>.

С. С. Бразевич

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЛА МАРКСА

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЛА МАРКСА

БРАЗЕВИЧ Святослав Станиславович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: brazevichss@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4345-7428>

KARL MARX'S EMPIRICAL SOCIAL RESEARCH

Svyatoslav S. BRAZEVICH¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor

E-MAIL: brazevichss@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4345-7428>

Аннотация. В 2018 г. отмечалось двухсотлетие со дня рождения Карла Маркса, который приобрел известность в социологии не как грамотный эмпирик, а как выдающийся теоретик. В статье отмечается, что идеи, понятия, проблемы, разрабатывавшиеся К. Марксом в философских, исторических, экономических, публицистических трудах, являются социологическими по сути

Abstract. In 2018 was the bicentennial of Karl Marx, which became famous in sociology, not as a competent empiricist, but as a great theorist. The article notes that the ideas, concepts, problems developed by Marx in philosophical, historical, economic and journalistic works

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

и вносят вклад в развитие социологии как науки. К. Маркс одним из первых стал использовать эмпирические социальные исследования в теоретических работах. С точки зрения методологии он, подобно позитивистам, считал возможным использовать естественнонаучные методы в анализе общественных явлений. Еще в своих ранних публицистических работах 1842—1843 гг. К. Маркс изучал положение виноделов в долине реки Мозель, опираясь на анализ официальных документов, писем и результатов опроса. Важное значение в его работах имел анализ прессы и статистических материалов. Разработанная Марксом в 1880 г. «Анкета для рабочих» со всей очевидностью показывает, что он рассматривал статистику не только как средство выявления существующего положения в обществе, но и как инструмент его преобразования, необходимый, чтобы действовать с какими-то шансами на успех. «Анкета для рабочих», опубликованная в апреле 1880 г. во французском журнале «Социалистическое обозрение», представляет определенный интерес для эмпирической социологии. «Анкета» включала 99 вопросов, сгруппированных в четыре раздела: характеристика предприятия и условий труда, характеристика режима работы (рабочего времени, времени на дорогу от места работы до дома), порядок найма на работу и заработная плата, сведения о профессиональных союзах, стачках, обществах взаимопомощи. При подготовке своей главной работы — «Капитала» — К. Маркс проанализировал огромное количество экономических и статистических данных. Он показал, что явления общественной жизни — это массовые явления, для познания которых нужны особые методы.

are sociological in their essence and contribute to the development of sociology as a science. Marx was one of the first who used empirical social research in theoretical works. Methodologically, like positivists, he considered that it is possible to use methods of natural science in the analysis of social phenomena. Even in his early journalistic works of 1842-1843 years, Marx studied the situation of winemakers in the Moselle valley, using the analysis of official documents, letters and survey results. The analysis of the press and statistical materials was rather important in his work. "A Workers' Inquiry" written by Marx in 1880 is clear evidence of the fact that he considered statistics not only as a means of identifying the situation in society but also as a tool for its transformation, necessary to act with some chances of success. "A Workers' Inquiry", published in April 1880 in the French journal "La Revue Socialiste", retains some interest for empirical sociology. "A Workers' Inquiry" contained 99 questions grouped into four sections: features of the company and working conditions, working time and commute time, the employment and wages, information on unions, strikes, friendly societies. In preparation of "Capital" - his main work - Marx analyzed a huge amount of economic and statistical data. He showed that the phenomena of social life are mass phenomena, and special methods are needed to comprehend it.

Ключевые слова: марксистская социология, методология, эмпирические исследования, анализ документов, анкета, опрос, социальная реальность, социальная статистика

Keywords: marxist sociology, methodology, empirical research, document analysis, inquiry, survey, social reality, social statistics,

Введение

Научные поиски К. Маркса знаменуются анализом таких глубоких по содержанию научных категорий, как общественно-экономическая формация, способ производства, общественное бытие и сознание (включая идеологию), производительные силы и производственные отношения, социальная революция, классы и классовая борьба, и многих других. Научные труды Маркса, носящие междисциплинарный характер, формально не являются сугубо социологическими, однако именно их социологическое содержание имеет большую научную ценность [Ожиганов, 2004: 13]. Это относится, в частности, к таким работам, как «Немецкая идеология» (1845—1846) (написанная в соавторстве с Ф. Энгельсом), «Нищета философии» (1847), «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850), «К критике политической экономии» (1859), «Капитал» (т. I, 1867; тт. II—III изданы Ф. Энгельсом после смерти Маркса) и др. Сам Маркс не использовал в них термин «социология», поскольку в то время этот термин, во-первых, еще прочно не утвердился, во-вторых, связывался исключительно с доктриной О. Конта, к которой Маркс в целом относился отрицательно.

Социальная теория Маркса построена на использовании трех основных методологических подходов к исследованию общества и его подсистем: метода материалистического детерминизма, функционального подхода и исторического метода (с включением сюда историко-сравнительного метода). В работах Маркса можно обнаружить и элементы того, что впоследствии стало называться эмпирическим социальным исследованием. Анализ вышеназванных работ показывает, что к социологии Маркс «пришел» с помощью философии. Философские вопросы одушевляют и направляют социологический анализ, содержащийся в его произведениях. Маркс был «бесспорно, социологом, но... социологом-экономистом, убежденным, что нельзя понять современное общество, не усвоив механизма функционирования экономической системы, и нельзя понять эволюцию экономической системы, не принимая в расчет теорию человеческой деятельности» (цит. по: [Арон, 1992: 152]).

Значительный интерес для социологии представляет эмпирическая база теоретических выводов К. Маркса, а также методы, с помощью которых собирались материалы для его научных трудов. С точки зрения методологии Маркс, подобно позитивистам, считал возможным использовать естественнонаучные методы в анализе социальных явлений. Впоследствии диалектическая логика, доставшаяся от Гегеля, Марксом была очищена от многих схоластических положений и настолько сильно переориентировала позитивистские установки, что свела их, по сути, к общенаучным требованиям проверять теорию практикой и опираться на силу фактов. Диалектический метод придал особую стройность теоретическим

построениям Маркса. Более того, Маркс использовал в своей научной работе анализ документов (статистические материалы, прессу, письма, заводские книги и т. д.), наблюдение, сравнительно-исторический метод, опросы.

Место и роль конкретных социальных исследований в формировании взглядов К. Маркса

В 1841 г. Маркс окончил Берлинский университет и в этом же году получил докторскую степень. В 1842 г. он поселился в Бонне и начал сотрудничать с «Рейнской газетой» (*Rheinische Zeitung*), которая издавалась в Кельне, промышленном центре Рейнской области. Чтобы быть ближе к газете, Маркс в середине октября 1842 г. переехал в Кельн. 15 октября он стал главным редактором «Рейнской газеты». Работа в газете побудила Маркса заняться исследованием закономерностей экономических отношений в обществе [Рахман, 1969: 19—20].

Этому также предшествовала следующая эволюция его воззрений: вначале, на первых курсах университета, Маркс занимался проблемами права. Затем поставил перед собой задачу «провести некоторую систему философии через всю область права» [Лапин, 1968: 19], но в этих попытках, выполненных с идеалистических позиций, Маркс потерпел неудачу и вскоре целиком отдался изучению философии. Диплом доктора философии ему не пригодился, поскольку прусское правительство преградило ему путь к университетской кафедре. Тогда Маркс стал публицистом, и в центре его внимания оказалась политика.

В качестве редактора «Рейнской газеты» Маркс столкнулся с конкретными, в том числе экономическими проблемами, и в его воззрениях наметился перелом: абстрактно-логическая аргументация начала уступать место аргументации жизненно-конкретной, идущей от знания фактов, вначале разрозненных, затем систематизированных; вместе с такого рода аргументацией в идеалистическую позицию Маркса проникли (вначале стихийно) материалистические элементы. Решающий сдвиг в этом направлении произошел в ходе впервые осуществленного Марксом на рубеже 1842—1843 гг. конкретного социального исследования, результаты которого были опубликованы в виде незаконченного цикла статей «Оправдание мозельского корреспондента» [Рахман, 1969: 21].

Каковы причины и содержание этого исследования? (Подробный анализ см.: [Лапин, 1968: 117—131].) Существовали конкретные факты: продолжительная, с течением времени усиливавшаяся нищета мозельских крестьян, отдельные сведения об этой нищете были известны, но ни у кого не было точного представления о положении дел в целом, а прусское правительство не только само не проводило такого рода анализа, но пресекало подобные попытки со стороны частных лиц. Маркс решил разорвать этот порочный круг и поместил в «Рейнской газете» две небольшие заметки мозельского корреспондента П. Кобленца, написанные в резком тоне с целью привлечь внимание общественности к судьбе мозельских виноделов. В ответ на эти статьи обер-президент провинции обвинил газету в тенденциозности, выхватывании отдельных, нетипичных фактов, в стремлении очернить действия властей и потребовал от редакции привести более обоснованные факты, вскрыть их причины и наметить пути к их устранению. Маркс решил воспользоваться этим требованием обер-президента, чтобы инициировать пуб-

личное обсуждение основ внутренней политики Пруссии, опираясь на конкретный фактический материал. Но как раз фактов-то и не хватало... Две недели спустя редакция сообщила читателям, что ответ обер-президенту задерживается из-за сбора необходимого фактического материала.

Какие же собирались факты? Поскольку готовился ответ официальному представителю власти, основное внимание было уделено сбору официальных документов. В их числе были указы, инструкции, распоряжения правительства и местных органов; отчет о переговорах между министерством финансов, властями Трирского округа и правлением Общества по развитию культуры виноделия; коллективные и индивидуальные ходатайства крестьян о смягчении тягот и ответы властей, сведения из текущей и научной печати. Для подтверждения официальных данных были собраны и личные документы в виде писем. Наряду с этим были получены и данные опроса большого числа лиц о беседах представителей администрации с местными чиновниками и о столкновениях чиновников с крестьянами.

Впоследствии обер-президент так излагал свои впечатления от исследования Маркса: «Когда автор прислал, наконец, в цензуру статью «Язвы примозельского края», то оказалось, что он исколесил предварительно большую часть мозельской долины, собирая данные о происшедших в ней, давно уже разобранных и забытых конфликтах между чиновниками и обывателями, с целью извлечь теперь все эти факты на свет божий и преподнести их в качестве примеров угнетения жителей мозельской долины» (цит. по: [Штейн, 1925: 42]).

По свидетельству Ф. Энгельса, К. Маркс «ни в коем случае не мог лично собирать такого рода материал» [Маркс, Энгельс, 1966: 392]. Тем не менее он был автором самой идеи их сбора. Конечно, собранный материал не был формализован, как этого требует программа современного конкретного социального исследования. Тем более не подвергался количественной обработке. И все же исследование Маркса близко современным конкретным исследованиям по своей методологической направленности, ибо факты выступают в нем уже не как средство иллюстрации общетеоретических положений, а именно как та эмпирическая основа, которая делает извлекаемые из нее теоретические выводы неопровержимо достоверными. Причем такова была сознательная установка автора: «Мы хотим строить все наше изложение на одних только фактах, — писал Маркс, — и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме» [Маркс, Энгельс, 1955: 199].

Каковы же были практические и теоретические последствия этого исследования, которое условно можно назвать зондажным обследованием на качественном уровне? Во-первых, цензура прервала публикацию его результатов, так что из планировавшихся пяти разделов увидели свет только два. Во-вторых, правительство оказалось бессильным противопоставить какую-либо собственную аргументацию и прибегло к крайней мере — запретило газету. В-третьих, запрет вызвал небывалую для Пруссии волну протестов: свыше двух тысяч жителей Кельна и многих городов и местечек Рейнской провинции (особенно из Мозельской долины) направили королю петиции протеста. Таков был общественный резонанс исследования Маркса.

Серьезными были политические и теоретические выводы, сделанные Марксом для себя лично. Прежде всего, он теперь окончательно убедился, что средства по-

литической борьбы, на которые он, как и другие младогегельянцы, до сих пор считывал (например, легальная печать), недостаточны для достижения революционно-демократических преобразований прусского государства и общества. Поэтому Маркс принял решение эмигрировать в Париж, являвшийся тогда сборным пунктом революционеров всех стран, и вести оттуда борьбу. Последующие результаты этого решения оказались еще радикальнее: жизнь в Париже менее чем за полгода превратила Маркса из революционного демократа в пролетарского коммуниста.

Глубокие преобразования произошли и в теоретических воззрениях Маркса. Во-первых, он окончательно и совершенно сознательно отказался от гегелевского отношения к эмпирическому факту как всего лишь отблеску абстрактной идеи, то есть от такого отношения, когда несоответствие идеи и факта расценивается преимущественно как недостаток факта, а не идеи. Это новое отношение проявляется в том, что Маркс строит все свое изложение на фактах, а из полученных фактов он решает делать не только частные, но и фундаментальные общетеоретические выводы. Например, вывод о наличии эмпирически осязаемых и в то же время объективных по своей природе отношений между людьми, определяющих действия отдельных лиц, как частных, так и государственных [Маркс, Энгельс, 1955: 192—193]. Во-вторых, такие выводы свидетельствовали о том, что внимание к эмпирическим фактам не превратило Маркса в эмпирика, но придало иной смысл самой его теоретической деятельности: она теперь оказалась не развертыванием теоретических суждений, осуществляющимся в некотором соответствии с фактами, а построением теоретических суждений на основе эмпирических фактов. В данном случае теоретик отличается от эмпирика не меньшим вниманием к эмпирическому материалу, а стремлением извлечь из этого материала максимум обоснованных теоретических выводов.

Особый интерес в теоретическом осмыслении Марксом результатов своего первого конкретного исследования заключается в том, что из данных этого исследования вытекали выводы, противоречащие той идеалистической философской позиции, которую Маркс тогда еще сознательно разделял. Каким же было решение Маркса? Прежде всего, он поставил под сомнение истинность идеализма. В усилении этих сомнений важную роль сыграли вышедшие «Предварительные тезисы к реформе философии» Л. Фейербаха — подлинное кредо новейшего немецкого материализма. К весне 1843 г. у Маркса возникла «рабочая гипотеза» относительно того, что истинен не идеализм, а материализм, и с целью ее проверки он предпринял развернутую критику гегелевской философии права с позиций материализма. В ходе критики Маркс первоначально опирался на конкретные данные, полученные им во время деятельности в «Рейнской газете»; затем обнаружилась недостаточность такого рода данных, и тогда он обратился к систематическому изучению конкретных фактов истории передовых европейских стран за огромный период — 2500 лет.

Социальные факты, лично им наблюдавшиеся и собиравшиеся, Маркс теперь дополнил богатейшими данными, добытыми из арсенала исторической науки. Но при этом он сохранил и развил тот же самый подход к анализу фактов, который впервые был применен им при конкретном исследовании положения мозельских крестьян. В итоге своих исторических занятий в 1843 г. Маркс окончательно

убедился в истинности материализма, впервые последовательно провел определенную (материалистическую) концепцию через всю область права и разработал предпосылки фундаментальной гипотезы, материалистически объясняющей ход всемирной истории [Маркс-историк..., 1968].

Таким образом, значение первого конкретного социального исследования, проведенного Марксом, выходит далеко за рамки этого исследования как такового. Оно стало мощным ускорителем в развитии политических, философских, исторических и правовых взглядов Маркса, причем не только каждого из них в отдельности, но и их взаимодействия, послужившего, в свою очередь, одной из предпосылок возникновения у Маркса в 1844 г. целого комплекса принципиально новых идей.

К. Маркс и Ф. Энгельс об организации и методологии международной статистики труда рабочего класса

К. Маркс и Ф. Энгельс, исследуя капиталистическое общество, раскрывая его законы, использовали статистику для создания фундамента фактов, обосновывающего и уточняющего их теоретические построения и выводы. На данных официальной статистики основана работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845), в которой использовано множество источников: отчеты фабричной комиссии 1833 г., отчет комиссии по закону о бедных (о результатах обследования санитарных условий жизни трудящихся Великобритании), вышедший в свет в 1842 г.; пятый годовой отчет управления по регистрации рождений, смертей и браков; первый отчет Комиссии по обследованию состояния больших городов и густо населенных районов, изданный в 1844 г., и др. [Энгельс, 1928: 7—37]. После первой встречи с Ф. Энгельсом в 1844 г. К. Маркс прочел эту книгу и был глубоко впечатлен ей.

Как подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, статистика, организованная на научных основах, позволяет в своих сводных итогах — абсолютных, относительных, средних — точно отразить важнейшие явления общественной жизни в их целом, в их связи и закономерном развитии. Поэтому понятно то внимание, с которым К. Маркс относился к работам виднейшего статистика того времени А. Кетле, пытавшегося обобщить массовые статистические данные и установить на их основе некоторые закономерности общественной жизни.

Книгу А. Кетле «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики» К. Маркс характеризовал как превосходный научный труд [Маркс, Энгельс, 1957: 531]. В конце 60-х годов XIX века Маркс писал, что в прошлом у Кетле большая заслуга: «...он доказал, что даже кажущиеся случайности общественной жизни вследствие их периодической возобновляемости и периодических средних цифр обладают внутренней необходимостью. Но объяснение этой необходимости ему никогда не удавалось» [Маркс, Энгельс, 1964: 495—496]. К. Маркс показал важнейшее значение статистических данных, которые позволяют обнаружить необходимость, закономерность в кажущемся хаосе явлений. Вместе с тем Маркс сформулировал и важнейший принцип подхода к статистическим данным — обязательность их научного объяснения.

В процессе организации Первого Интернационала (Международного товарищества рабочих) и руководства его работой Маркс уделял исключительно

много внимания организации статистики рабочего класса в международных масштабах. Уже во «Временном Уставе Товарищества» (1864 г.) указывалось, что Центральный Совет Интернационала, являясь международным органом, осуществляющим связь между различными сотрудничающими обществами, должен добиваться того, чтобы «рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы одновременно и под общим руководством проводилось обследование социальных условий в различных странах Европы...» [Маркс, Энгельс, 1960: 14]. Эта мысль получила дальнейшее развитие в «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (1866 г.), в которой К. Маркс указывал, что необходимо организовать во всех странах силами самого рабочего класса статистическое обследование положения этого класса [Генеральный Совет..., 1961: 262]. При этом он подчеркивал значение статистики именно как важного средства социального познания, которое поможет вооружить пролетариат знанием, необходимым для революционной борьбы.

Помимо постановки проблемы создания всеобщей рабочей статистики К. Маркс разработал и общую схему статистического обследования положения рабочего класса, которая также была включена в «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (в случае необходимости в некоторых местностях в нее должны были быть внесены соответствующие изменения). Эта схема обследования состояла из 11 вопросов или групп вопросов, а именно: наименование производства; возраст и пол занятых в нем лиц; заработная плата; продолжительность рабочего дня; перерывы на еду и обращение с рабочими; характеристика мастерской и условий труда; род занятий; влияние работы на физическое состояние; моральные условия, воспитание; состояние производства [Маркс, Энгельс, 1960: 195—196].

К отдельным вопросам схемы обследования Марксом были даны пояснения. Так, к вопросу о состоянии производства давалось такое пояснение: является ли производство сезонным или более или менее равномерно действующим в течение всего года, испытывает ли оно значительные колебания и т. д. Отдельные вопросы имели подвопросы. Так, к вопросу о продолжительности рабочего дня шли такие подвопросы: продолжительность рабочего дня на фабриках, у мелких предпринимателей и в домашнем производстве; ночной и дневной труд.

Указанная схема обследования стала прообразом той большой «Анкеты для рабочих», которую Маркс разработал в 1880 г. [Маркс, Энгельс, 1961а: 233—240].

Анкета К. Маркса для французских рабочих

Обострение промышленного кризиса во Франции в 1878 г. отразилось на экономическом положении народа и в первую очередь на положении рабочих. Кризис способствовал подъему революционного движения. Перед французской рабочей партией встала задача создать программу, которая объединила бы усилия рабочих, их борьбу с капиталистическим строем. Выработать такую программу можно было только при учете экономики страны, соотношения классовых сил, обобщения опыта революционного движения рабочего класса, точного знания положения рабочего класса и его нужд.

Цель, поставленная Марксом при создании «Анкеты», — помочь рабочим и руководителям рабочего движения изучить политическое и экономическое положение рабочего класса Франции, опыт борьбы рабочих с капитализмом, привести рабочих к сознанию необходимости уничтожения капиталистического строя.

В этой работе К. Маркс поставил задачу организовать обследование положения рабочего класса силами самих рабочих, которое он считал необходимым для того, чтобы рабочие не только чувствовали, «но и действовали как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии» [Маркс, Энгельс, 1960: 195]. В основе «Анкеты для рабочих» лежит рабочая схема опросного листа для секций Интернационала, но каждый вопрос схемы разработан применительно к французским условиям. Маркс обращается не к рабочей организации, а к рабочему. «Рабочая анкета» в первую очередь была предназначена для пропаганды объединения рабочих в партию.

20 апреля 1880 г. «Анкета для рабочих» без подписи была напечатана во французском журнале «Социалистическое обозрение» (*La Revue Socialiste*). В примечании редакции указывалось, что анкета была напечатана тиражом в 25 000 экземпляров и разослана партиями рабочим союзам, социалистическим и демократическим группам и кружкам, французским газетам и отдельным лицам, которые об этом просили. «Анкету» распространили по всей Франции накануне выборов и в период, предшествующий принятию программы Французской рабочей партии. Эта «Анкета» служила средством агитации и пропаганды. Рабочий класс должен был на основе изучения своего положения, опыта борьбы с капиталистическим строем создать свою рабочую партию, выставить в программе свои требования.

Рабочая газета «Равенство» (*L'Égalité*) помогла привлечь внимание к «Анкету» и к ее распространению. В выпуске от 28 апреля 1889 г. рабочая газета призвала читателей заполнять «Анкету». Опросный лист был приложен к газете.

Кроме той оценки значения «Анкеты», которая была дана на страницах первой французской рабочей газеты «Равенство», подробное сообщение о назначении «Анкеты» дано во введении к ней, которое было написано редакцией журнала «Социалистическое обозрение». «Ни одно правительство (монархическое или буржуазно-республиканское) не осмелилось еще предпринять серьезную анкету относительно положения французского рабочего класса. Зато сколько анкет относительно кризисов сельскохозяйственных, финансовых, промышленных, торговых, политических!» [Маркс, Энгельс, 1961а: 572].

Редакция журнала надеялась найти поддержку «со стороны всех городских и сельских рабочих, которые понимают... что одни лишь они, а не посланные провидением спасители могут энергично применить целительные средства в борьбе против социальных зол, от которых они страдают...» [Маркс, Энгельс, 1961а: 573]. Затем подчеркивалось значение сведений анкеты и для руководства рабочим движением. Только в совершенстве зная положение рабочих, их нужды и запросы, можно вести агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих масс — руководить и направлять революционное движение.

Социалисты «...должны желать точного и определенного знания тех условий, при которых работает и приходит в движение рабочий класс, — класс, которому

принадлежит будущее» [Маркс, Энгельс, 1961а: 573]. Сведения, собиравшиеся в «Анкетe», во введении назывались «Наказами труда», как известно, так назывались материалы о положении и борьбе рабочего класса в печати Интернационала.

99 вопросов «Анкеты» названы самыми важными. Рекомендовалось давать ответы возможно более содержательные и подробные. Ввиду того, что ответ на рабочую анкету мог рассматриваться правительством и предпринимателями как выступление против существующего порядка (у рабочего класса Франции уже был опыт преследования со стороны правительства при заполнении опросного листа статистики труда Международного товарищества), во введении к анкете указывалось, что имя работницы или рабочего, дающего ответы, без специального разрешения не будет опубликовано; но имя и адрес необходимо указывать для того, чтобы можно было наладить связь. В этом же обращении к рабочим по поводу «Анкеты» сообщался план обработки и публикации сведений. Полученные материалы «Анкеты» предполагалось подвергнуть группировке и сводке и на основе этих данных создавать специальные монографии по отдельным вопросам. Результаты предполагалось публиковать в журнале «Социалистическое обозрение», а затем — в отдельном томе. В «Анкетe» четыре раздела (четыре главы), ответы на вопросы которых могли бы дать материал для монографии «Положение рабочего класса во Франции» [Кашкарева, 1968: 47].

Первый раздел (состоит из 29 пунктов) К. Маркс посвятил вопросам, характеризующим промышленное предприятие и условия труда рабочих; второй — преимущественно рабочему времени; третий — заработной плате, а четвертый — главным образом формам борьбы пролетариата.

Особенности развития промышленности Франции в 80-е годы XIX века нашли отражение в содержании вопросов. В 1880 г. во Франции сосуществовали различные формы производства. Продукция производилась на крупных фабриках, в мастерских, на дому. В этот период зародились и начали быстро развиваться различные формы капиталистических объединений. Как известно, за этим новым явлением в развитии капитализма Маркс внимательно следил. В первом разделе «Анкеты» он спрашивает: «Кому принадлежит предприятие, на котором вы работаете: частным капиталистам или акционерной компании?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 233].

Большое число рабочих в тот период было так или иначе связано с сельским хозяйством. Изучению влияния этой связи должны были служить ответы на пункт 11: «Если предприятие, на котором вы работаете, находится в сельской местности, является ли ваша работа основным источником вашего существования или дополнением к занятию сельским хозяйством, или сочетается с последним?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 233].

Характеристике «домашнего производства», еще значительно распространеного во Франции, посвящен пункт 29, в котором предлагалось работающим на дому описать состояние рабочего помещения, указать, применяются ли те или иные рабочие инструменты или небольшие машины. Вопросы пункта 29 «Анкеты» помогают выяснить и классовый характер домашнего производства. Заполняющие «Анкету» должны были сообщить, применяют ли наемный труд и используют ли труд женщин и детей.

Выяснению положения детей и женщин на производстве посвящено несколько вопросов. Например, в 5 и 7 пунктах анкеты такие вопросы: «Каков самый младший возраст, с которого принимаются дети — мальчики и девочки?.. Имеются ли ученики и в каком количестве?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 233].

Значительная часть вопросов первого раздела «Анкеты» посвящена технике и организации производства. Таковы, например, следующие вопросы: «Ведется ли работа полностью, или по преимуществу ручным способом, или с помощью машин? Применяется ли сила пара в качестве двигательной силы? расскажите о разделении труда в предприятии, на котором вы работаете» [Маркс, Энгельс, 1961а: 233—234].

Большое число вопросов было задано с целью обратить внимание рабочего на выявление вредных для здоровья условий труда. Таков вопрос о санитарном состоянии рабочего помещения: размеры (пространство, отведенное каждому рабочему); имеется ли вентиляция, температура, в которой приходится работать, общее гигиеническое состояние помещения (шум машин, наличие пыли от производства, сырости и т. п.). Надзор за санитарным состоянием помещения в то время, как правило, отсутствовал. «Анкета» обращает на это внимание рабочих вопросом, существует ли какой-либо надзор, правительственный или муниципальный, за санитарным состоянием помещений.

Большое количество несчастных случаев на предприятиях происходило из-за отсутствия техники безопасности. Группа вопросов была посвящена изучению болезней, производственных травм и смертей рабочих. Эти вопросы помогли узнать отношение предпринимателей к здоровью и жизни трудящихся. Обратив внимание рабочих на необходимость установить, не является ли производство вредным, приняты ли предпринимателем меры предосторожности в отношении двигателя, трансмиссионных устройств и пр. для предотвращения несчастных случаев, Маркс рядом вопросов помогает рабочим понять классовый характер государства, стоящего на страже интересов капиталиста. «Обязан ли по закону предприниматель выплачивать компенсацию пострадавшему или его семье в несчастных случаях? В противном случае, компенсирует ли он каким-либо способом лиц, пострадавших во время работы ради его обогащения?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 234].

Во втором разделе «Анкеты» Маркс переходит к изучению рабочего времени. Внимание рабочего обращается на способы, которые употребляет предприниматель, чтобы удлинить рабочий день. Изучение рабочего времени начинается с выяснения обычной продолжительности рабочего дня и числа рабочих дней в неделе. Но обычный рабочий день капиталист может увеличивать за счет сокращения перерывов для принятия пищи. «Анкета» задает вопросы: «Установлены ли определенные перерывы для принятия пищи или она принимается нерегулярно? Производится ли работа в часы еды? Производится ли чистка машин рабочими, специально нанимаемыми для этой цели, или же она выполняется бесплатно рабочими, занятыми на этих машинах, в течение рабочего дня?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 235].

Во втором разделе несколько пунктов посвящались рабочему времени детей и подростков. Отвечающему нужно было указать продолжительность рабочего

времени «детей и подростков, моложе 16 лет» и ответить на вопрос: «Сменяют ли друг друга различные группы детей и подростков в течение рабочего дня?».

В «Анкете» задан вопрос, наталкивающий на мысль о требованиях, которые должны быть предъявлены рабочими правительству и предпринимателям: «Приняты ли правительством законодательные акты, регулирующие детский труд, и строго ли они соблюдаются предпринимателями?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 235].

Третий раздел «Анкеты» — самый большой (36 вопросов). Он посвящен изучению заработной платы. Маркс обращает внимание рабочих на то, что женщинам и детям, часто выполнявшим ту же работу, что и мужчины, платят гораздо меньше. После вопроса о величине заработной платы рабочего Маркс предлагает указать заработную плату за тот же период, установленную для детей и женщин, работающих в одной мастерской с рабочим.

В третьем разделе приводятся вопросы для изучения формы заработной платы, системы расчетов предпринимателя с рабочими. Вслед за вопросами о том, как платят рабочим (поденно, понедельно или помесечно), задается вопрос, не допускаются ли при этом жульничества. «Если ваша заработная плата выплачивается сдельно, укажите, как она устанавливается. Если вы работаете на производстве, где объем выполненной работы устанавливается измерением или взвешиванием (как, например, в угольных шахтах), то не прибегает ли ваш хозяин, или его подручный, к мошенничеству, чтобы лишить вас части заработка?.. не служит ли качество изделия предлогом для мошеннических удержаний из заработной платы?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 236].

Существовала практика выплаты рабочим заработной платы после того, как они выполнят определенную работу. Маркс обращает внимание рабочего на то, что рабочий оказывает кредит капиталисту, и следующим вопросом подчеркивает невыгодность такого кредита для рабочей семьи: «Независимо от исчисления заработной платы — повременного или сдельного — в какие сроки вы ее получаете? Другими словами, насколько продолжителен кредит, предоставляемый вами вашему хозяину?.. Не замечали ли вы, что подобное промедление с уплатой вам заработной платы заставляет вас часто прибегать к ломбарду и уплачивать высокие проценты, лишаясь в то же время необходимых вам вещей или же пользоваться кредитом у лавочников и, становясь их должниками, оказываться их жертвой?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 236—237].

Для выяснения динамики заработной платы были поставлены вопросы об изменении абсолютной величины заработной платы за все время, которое помнит рабочий, об изменении реального уровня заработной платы. «Наблюдали ли вы, на основе вашего личного опыта, более значительное повышение цен на предметы первой необходимости (как квартирная плата, цены на продукты и т. п.), чем повышение заработной платы?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 237] — спрашивает «Анкета». Далее предлагалось рассказать об изменении цен на производимые им услуги в соотношении с одновременными изменениями либо неизменными размерами заработной платы.

Маркс придавал большое значение изучению бюджета рабочих и их семей. В третьем разделе он наметил пункты, по которым следовало вести запись. Маркс предложил указать фактический заработок рабочего и его семьи, а затем перечислить расходы за тот же период.

В расходной части бюджета выделены такие статьи:

«а) плата за жилье и условия, на которых оно сдается; из скольких комнат оно состоит; какое количество людей проживает; ремонт и страхование; приобретение и ремонт мебели; ночлег; отопление, освещение, вода и т. п.;

б) питание: хлеб, мясо, овощи (картофель и т. п.); молочные продукты, яйца, рыба; сливочное масло, растительное масло, жиры; сахар, соль, пряности; кофе, чай, цикорий; пиво, сидр, вино и т. п.; табак;

с) одежда (для родителей и детей); стирка; предметы гигиены, баня, мыло и т. д.;

д) разные расходы, как почтовые, на займы и взносы за хранение в ломбардах; расходы, связанные с обучением детей в школе, плата за ученичество, покупка газет, книг и т. п. Членские взносы в общество взаимопомощи, в стачечную кассу, в разные объединения, профессиональные союзы и т. п.;

е) расходы, если таковые имеются, связанные с занятием вашей профессией;

ф) налоги» [Маркс, Энгельс, 1961а: 237—238].

«Анкета» рекомендует установить еженедельный и годовой бюджеты расходов и доходов.

В конце третьего раздела анкеты Маркс ставит два вопроса, которые подытоживают исследование труда и жизни рабочих: «Известны ли вам случаи, когда бы рядовой рабочий имел возможность уйти с работы в 50-летнем возрасте и жить на деньги, заработанные им в качестве наемного рабочего? Сколько лет может проработать в вашем производстве рабочий среднего здоровья?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 238].

Разработанная система вопросов «Анкеты» постепенно подводит к осознанию необходимости классовой борьбы. Но существует ли борьба с классом капиталистов, каковы ее методы и формы, применяемые рабочими? Этим важным вопросом посвящен IV раздел «Анкеты», который состоит из 18 пунктов.

Как известно, Маркс не допускал того, чтобы борьба рабочего класса ограничивалась только кругом экономических проблем. Он никогда не упускал из виду конечную цель борьбы. Это отражено и в вопросах «Анкеты». «Сколько стачек рабочих вашей профессии имело место на протяжении вашей работы? Какова была продолжительность стачек? Имели ли они целью повышение заработной платы или сопротивление попыткам ее снижения?.. Каковы были их результаты?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 238—239].

В продолжение предыдущего вопроса следует вопрос о классовой солидарности рабочих: «Поддерживают ли рабочие вашей профессии стачки рабочих, принадлежащих к другим профессиям?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 239].

Маркс отмечает, что, выступая против хозяина предприятия, рабочие выступают и против правительства, которое всегда на стороне предпринимателей: «Существуют ли объединения предпринимателей с целью навязывания рабочим снижения заработной платы, увеличения рабочего дня, вмешательства в случае стачек и вообще для навязывания своей воли рабочему классу? Известны ли вам случаи, на протяжении вашей работы, злоупотребления со стороны правительства государственной властью в интересах хозяев против их рабочих? Выступало ли это правительство когда-либо, на протяжении вашей работы, в интересах рабочих против вымогательства и незаконных махинаций предпринимателей?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 239].

Задав вопрос, имеются ли на предприятии, на котором работает рабочий, общества взаимопомощи, Маркс ставит другой вопрос: «Является ли членство в таких обществах добровольным или принудительным? Находятся ли их денежные фонды исключительно под контролем рабочих? Если взносы в эти фонды являются принудительными и находятся под контролем предпринимателя, удерживает ли он эти взносы из заработной платы? Платит ли он проценты с этих сумм? Получают ли обратно свои взносы рабочие, увольняемые с работы и оставляющие работу?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 239].

Понять и оценить участие рабочих в прибылях предприятий Маркс помогает постановкой вопросов: «Существуют ли в вашем производстве предприятия, в которых часть вознаграждения выплачивается рабочим в качестве заработной платы, а другая часть в качестве так называемого соучастия в прибылях? Сравните общий доход этих рабочих с доходом рабочих, для которых не существует этого так называемого соучастия в прибылях. Каковы обязательства рабочих при этой системе? Разрешается ли им участвовать в стачках или им разрешается только быть покорными слугами своих хозяев?» [Маркс, Энгельс, 1961а: 240]. Последним вопросом четвертого раздела «Анкеты для рабочих» был вопрос об общем физическом, интеллектуальном и моральном состоянии рабочих в данной отрасли производства.

В журнале «Социалистическое обозрение» от 5 июля 1880 г. отмечалось, что ответов на «Анкету» прислано было сравнительно немного. Представляется, что оценивать успех «Анкеты» числом присланных ответов нельзя. «Анкета» Маркса — это тщательно разработанная, доходчиво и ясно составленная программа изучения рабочими экономической и политической капиталистической действительности. Задача «Анкеты» была значительно шире, чем сбор полезных и нужных сведений. Составленную анкету Маркс назвал «Вопросником», это название отражает сущность документа. Прежде всего, это вопросы, над которыми нужно серьезно подумать каждому рабочему. Можно не отвечать на все вопросы, но надо подумать над всеми, чтобы понять свою принадлежность к классу, классу, который может добиться освобождения от эксплуатации, только революционно изменив существующий общественный строй. В этом непреходящее значение «Анкеты» Маркса.

Ряд исследователей высказывали предположение, что сбор материалов «Анкеты» оказался неосуществимым из-за неподготовленности французских рабочих к ответам по обширной программе. Однако они не учитывали, что в течение длительного периода секции Интернационала во Франции успешно организовывали сбор материалов рабочей статистики труда, отвечать же на все вопросы «Анкеты», как это указывалось во введении, было необязательно.

В Советской России впервые «Анкета для рабочих» была издана в 1919 г. в журнале «Статистика труда» № 12 (журнал выходил под редакцией С. Г. Струмилина). В 1932 г. она была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал» — печатном органе Исполкома Коминтерна [Кашкарева, 1968: 56—57]. Этот документ также вошел в первое и второе издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В предисловии к 19 тому второго издания внимание читателей обращается на опубликованную в томе «Анкета для рабочих». Отмечается, что «разработанная Марксом сумма вопросов способствовала всестороннему выявлению экономи-

ческих, физических, интеллектуальных и моральных условий жизни и борьбы городских и сельских рабочих и работниц. Проведение такой «Анкеты»... дало бы пролетарской партии возможность в своей деятельности по руководству рабочим движением исходить из вполне определенных и точных фактических данных» [Маркс, Энгельс, 1961a: XVII].

Статистико-эмпирические методы исследования в «Капитале»

Статистические материалы, использованные в «Капитале», примененные методы обработки и анализа статистических данных, выдвинутые Марксом принципиальные положения по вопросам статистической теории и методологии — все это является одним из результатов его почти 25-летнего изучения фактического материала, огромного массива данных. Надо заметить, что изучение обширного статистического материала по экономике капиталистических стран, особенно Англии, Маркс проводил не только непосредственно в процессе подготовки «Капитала», но и в ходе других исследований.

Статистическая база «Капитала» поражает грандиозностью. Помимо таких специфически статистических изданий, как статистические справочники Соединенного королевства, издания по ирландской сельскохозяйственной статистике, материалы переписи в Англии и Уэльсе за 1861 г. и др., статистическую базу «Капитала» составили материалы многочисленных комиссий, которые образовывал английский парламент, а также отчеты различных английских инспекторов. В «Капитале» использованы материалы около 40 отчетов английских фабричных инспекторов о здоровье населения, шести отчетов комиссий по обследованию условий детского труда, отчетов комиссий по обследованию фабрик, изучению вопросов, связанных с хлебом, зерном и мукой, комиссий и комитетов по банковским вопросам, по вопросам доходов и т. д. В этих отчетах содержались не только сводные статистические данные по тем или иным вопросам, но и результаты опросов купцов, фабрикантов, мастеров, рабочих, даже маленьких детей, врачей, мировых судей, священников, школьных учителей и т. д.

Каждый вопрос и каждый ответ был застенографирован, дословно напечатан и приложен к общему материалу отчета той или иной комиссии. Ф. Энгельс писал, что весь этот обильный материал, охватывающий почти 40-летний период, малоизвестный даже в Англии, в «Капитале» К. Маркса впервые стал доступным для читателя [Маркс, Энгельс, 1960: 381].

В «Капитале» использованы, конечно, не только английские статистические материалы. Так, Маркс рассчитывал энерговооруженность труда рабочих на заводе Круппа по материалам годового отчета торговой палаты в Эссене [Маркс, Энгельс, 1961b: 402], по вопросу о продолжительности рабочего дня во Франции сослался на отчет о работе Второго Международного конгресса статистиков [Маркс, Энгельс, 1961b: 309] и т. д. Но подавляющее большинство статистических данных, использованных в «Капитале», было извлечено из английских источников в результате огромного исследовательского труда. Объяснение этому дал сам Маркс. «Англия, — писал он, — фигурирует здесь на первом плане лишь потому, что она — классическая представительница капиталистического производства и что только она и обладает непрерывной официальной стати-

стикой по освещаемым вопросам» [Маркс, Энгельс, 1961b: 252]. Маркс, таким образом, обратил внимание на два обстоятельства: наибольшее соответствие Англии изучаемому экономическому строю и лучшую, чем в других странах, постановку статистики. Наряду со статистическим материалом, приведенным в «Капитале» в переработанном виде или в извлечениях, весь этот труд насыщен многочисленными примерами и экономическими расчетами как фактического, так и условного характера.

Заключение

Таким образом, теоретический анализ занимает ведущее место в социологии К. Маркса. Благодаря своей научной эрудиции, публицистической и политико-практической деятельности, он в своих исследованиях мог опираться на эмпирический материал, относящийся к социальной истории, экономике, праву и т. д. При создании своего учения К. Маркс исходил из натуралистических установок позитивизма, требовавших рассматривать социальные явления как факты и строить обществоведение по образцу естественных наук с характерным для них причинно-следственным объяснением фактов. К какой бы научной дисциплине или жанру формально ни относилась та или иная работа Маркса, ему было присуще социологическое видение исследуемой проблематики.

Безусловно, к творческому наследию Маркса относится и его методология исследования, наиболее полно воплощенная в «Капитале». Естественно, что ее следует оценивать сравнительно с состоянием и методами науки того времени. В частности, в «Капитале» при анализе объективных законов промышленного капитализма был применен метод «восхождения от абстрактного к конкретному», при котором открывалась «генетическая клеточка» всей экономической системы в ее конкретном воплощении.

Наряду с применением диалектического (гегелевского) метода при анализе экономики Маркс использовал статистико-эмпирические методы исследования социума. Он справедливо считал, что наука об обществе станет равноценной естествознанию, когда качественный анализ дополнится количественным, применением статистики и математики. Признавая большое теоретическое и практическое значение статистики, Маркс не мог ограничиться только широким использованием ее данных; наряду с этим он разрабатывал и важнейшие вопросы статистической теории и методологии. Это были вопросы о предмете статистики и ее значении, о взаимосвязи политико-экономического и статистического анализа, о применении математических методов в экономическом исследовании, о законе больших чисел и средних величинах, об абсолютных и относительных величинах, вопросы статистики населения, труда и уровня жизни, статистики промышленности и сельского хозяйства, вопросы международных экономических сопоставлений, вопросы о классовом характере статистики и значении статистики для классовой борьбы рабочего класса и др.

Статистику, как и другие отрасли научного знания, Маркс рассматривал не только как средство познания мира, но и как средство его преобразования. Такова была, прежде всего, статистика в «Капитале». К. Маркс неоднократно отмечал, что статистико-эмпирическое исследование может быть плодотворным только

в том случае, если оно опирается на правильные политико-экономические или социологические положения.

Список литературы (References)

Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М. : Издательская группа «Прогресс» — «Политика». 1992.

Aron R. (1992) Stages of Development of Sociological Thought /Ed. and Preface by P. S. Gurevich. Moscow: Progress — Politika Publ. 1992. (In Russ.)

Ожиганов Э. Н. Вклад М. Вебера, К. Маркса и Р. Михельса в формирование современной социологии // Социология власти. 2004. Вып. 3. С. 5—28.

Ozhiganov E. N. (2004) The Contribution of M. Weber, K. Marx and R. Michels to the Formation of Modern Sociology. Sociology of Power. Vol. 3. P. 5—28. (In Russ.)

Генеральный Совет Первого Интернационала 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М. : Госполитиздат. 1961.

General Council of the First International 1864—1866. London Conference of 1865. Protocols. (1961) M.: Gospolitizdat. (In Russ.)

Кашкарева Л. Н. Организация К. Марксом и Ф. Энгельсом рабочей статистики труда. М. : Статистика. 1968.

Kashkareva L. N. (1968) The Organization of Labor Statistics by K. Marx and F. Engels. M.: Statistics. (In Russ.)

Лапин Н. И. Молодой Маркс. М. : Политиздат. 1968.

Lapin N. I. (1968) Young Marx. M. : Politizdat. (In Russ.)

Маркс — историк. К 150-летию со дня рождения Карла Маркса / под ред. Э. А. Желубовской. М. : Наука. 1968.

Marx is a historian. To the 150th anniversary of the birth of Karl Marx (1968) / ed. by E. A. Zhelubovskaya. Moscow: Science. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. М., 1955.

Marx K., Engels F. (1955) Collected Works. Vol. 1. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8. М., 1957.

Marx K., Engels F. (1957) Collected Works. Vol. 8. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16. М., 1960.

Marx K., Engels F. (1960) Collected Works. Vol. 16. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. М., 1961а.

Marx K., Engels F. (1961a) Collected Works. Vol. 19. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. М., 1961б.

Marx K., Engels F. (1961b) Collected Works. Vol. 23. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32. М., 1964.

Marx K., Engels F. (1964) Collected Works. Vol. 32. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39. М., 1966.

Marx K., Engels F. (1966) *Collected Works*. Vol. 39. (In Russ.)

Рахман Д. А. Великий учитель рабочего класса. Жизнь и учение К. Маркса. М. : Наука. 1969.

Rahman D. A. (1969) *Great Teacher of the Working Class. The Life and Teaching of Karl Marx*. М.: Science. (In Russ.)

Штейн Г. Карл Маркс и мозельские крестьяне // *Летописи марксизма*. 1926. № 1. С. 38—44.

Stein G. (1926) *Karl Marx and Moselle Peasants. Annals of Marxism*. No. 1. P. 38—44. (In Russ.)

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии в 1844 году. М. ; Л. : Гос. изд. 1928.

Engels F. (1928) *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*. М., L.: State Publ. House. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.22

Правильная ссылка на статью:

Кондаков А. А. Мир глазами Кинг-Конга и теория относительности. Рец. на кн.: Депант В. Кинг-Конг теория / пер. с фр. Е. Шторна. М.: No Kidding Press, 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 477—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.22>.

For citation:

Kondakov A. A. (2019) The World According to King Kong and the theory of relativity. A book review of Despentés V. (2019) King Kong théorie. Trans. from Fr. by E. Shtorn. Moscow: No Kidding Press. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 477—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.22>.

А. А. Кондаков

МИР ГЛАЗАМИ КИНГ-КОНГА И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ. РЕЦ. НА КН.: ДЕПАНТ В. КИНГ-КОНГ ТЕОРИЯ / ПЕР. С ФР. Е. ШТОРНА. М.: NO KIDDING PRESS, 2019

МИР ГЛАЗАМИ КИНГ-КОНГА И ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ. РЕЦ. НА КН.: ДЕПАНТ В. КИНГ-КОНГ ТЕОРИЯ / ПЕР. С ФР. Е. ШТОРНА. М.: NO KIDDING PRESS, 2019

THE WORLD ACCORDING TO KING KONG AND THE THEORY OF RELATIVITY. A BOOK REVIEW OF DESPENTES V. (2019) KING KONG THÉORIE. TRANS. FROM FR. BY E. SHTORN. MOSCOW: NO KIDDING PRESS

КОНДАКОВ Александр Александрович — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Александровский институт при Хельсинкском университете, Хельсинки, Финляндия
E-MAIL: alexander.kondakov@helsinki.fi
<https://orcid.org/0000-0002-0094-906X>

Alexander A. KONDAKOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Post-Doctoral Researcher
E-MAIL: alexander.kondakov@helsinki.fi
<https://orcid.org/0000-0002-0094-906X>

¹ Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Helsinki, Finland

Ключевые слова: гендер, сексуальность, квир-теория, порнография, сексуальное насилие, проституция

Keywords: sexuality, queer theory, pornography, sexual violence, prostitution, gender

Публикация книги Виржини Депант «Кинг-Конг теория» [Депант, 2019] — знаменательное событие для отечественного интеллектуального сообщества. Несмотря на огромный интерес к теме сексуальности, на русском языке печатается очень мало литературы, способствующей осмыслению вопросов из области гендерной теории и отношений власти. Долгое время работы Игоря Семеновича Кона были чуть ли не единственным источником социологического и культурологического знания о сексуальности в России [Кон, 2003; Кон 2010]. К настоящему моменту на русском языке появились некоторые монографии и сборники по изучению сексуальности [Роткирх, 2011; Здравомыслова, Темкина, 2015], в особенности следует отметить литературу по наиболее современному подходу в этой области исследований — квир-теории [Джагоз, 2008; Кондаков, 2014; Градинари, 2015]. Публикуются также специальные выпуски журналов с текущими теоретическими и эмпирическими работами по изучению сексуальности [Бороздина, Кондаков, Шторн, 2017; Ломакин, Тартаковская, 2018; Шторн, 2018]. Однако на этом фоне книга Виржини Депант выделяется своей оригинальностью. С одной стороны, эта работа — автоэтнографическое изучение самых неоднозначных тем гендерной и феминистской повестки: порнография, сексуальное насилие, проституция. С другой стороны, книга написана не в академическом, а в популярном (даже провокационном) стиле, но все же является серьезным вкладом в развитие научных теорий сексуальности и власти. Именно на этом аспекте работы я сосредоточусь далее.

Изнасилование, порнография, коммерческий секс — далеко не полный список проблем, о которых пишет Виржини Депант в этой книге. Но дальнейшее не является предупреждением о триггерах, несмотря на сензитивность поднимаемых тем. Главная мысль, которую хочет донести автор, противоположна логике триггеров и заключается в том, что подобный опыт нельзя замалчивать. Напротив, следует напрямую столкнуться с неудобными вопросами, чтобы найти на них новые ответы. Эту цель автора — столкнуть читателя с реальностью — хорошо передает текст книги. Поэтому в мои задачи не входит рассказать о подробностях будущего столкновения. Скорее я хочу провести параллели между текстом Виржини Депант и другими теориями, упоминаемыми и пропущенными в книге, чтобы восстановить связи между личным опытом, на котором основана книга, и универсальной наукой, принявшей ее аргументы в свой канон.

В той степени, в какой я воспринимаюсь другими женщиной, я — мужчина. Поэтому написание рецензии на книгу, в которой женщина рассказывает об опыте насилия над ней со стороны мужчин, — это в лучшем случае менсплейнинг. В свое оправдание я хочу сказать, что не буду пытаться предлагать единственно верную интерпретацию «Кинг-Конг теории». Моя цель — показать контекст, который поможет каждой самостоятельно интерпретировать Виржини Депант, ее литературный продукт, а также другие ее действия за пределами читаемого текста. Каждая строчка этой книги пережита автором, то есть берет за основание события, карьеру, взаимо-

действия, реально случившиеся с ней в прошлом. Когда на страницах книги появляется Кинг-Конг, этот частный опыт претендует на общий, абстрактный, теоретический характер. Я сконцентрируюсь на общем, чтобы с осторожностью сберечь частное.

Архимед однажды постулировал: «Дайте мне точку опоры, и я поверну Землю». Именно этот тезис деятельно развивает Виржини Депант в «Кинг-Конг теории». На своем опыте она столкнулась с задачами, потребовавшими больших усилий, чтобы мыслить нестандартно. Если что-то существует в этом мире в каком-то одном смысле — например, сексуальное насилие, — то у человека имеются крайне ограниченные возможности придать этому другой смысл, даже если личный опыт не совпадает с принятым текущим определением (ср. [Butler, 1993: 228]). Депант приходится перевернуть Землю, чтобы выработать определения проблем, с которыми она столкнулась, совпадающие с ее опытом, а не принимающие на веру уже имеющиеся смыслы. Но это вовсе не означает, что она выворачивает здравый смысл наизнанку, чтобы подвергать объяснение действительности под свое ощущение. Как и Архимед, она выбирает точку опоры, то есть занимает новую позицию с соответствующей перспективой, чтобы посмотреть на интересующие ее вопросы с другой стороны.

Этот метод познания не нов. Пожалуй, наиболее ярким примером подобного хода мысли можно считать теорию относительности. Согласно ей, в моем дилетантском представлении, в зависимости от положения наблюдателя, физические процессы протекают по-разному: если вы движетесь в ракете со скоростью света и плюете в потолок, ваш плевок немедленно вернется к вам и попадет прямо в глаз. Наблюдающему за вами с Земли, однако, будет очевидно, что плевок проделает более длинный и сложный путь, приземлившись в трех метрах от вашего глаза. На более тонких примерах эта теория была доказана эмпирически. Физики составляют формулы, учитывающие это понимание пространства-времени, чтобы более точно отразить то, что происходит на самом деле. Без учета теории относительности их расчеты часто ошибочны и могут привести к катастрофам.

В социальных науках роль теории относительности играет квир-теория, хотя она и заслужила несколько иную славу [Halperin, 2003]. Если теория относительности называется самой красивой из существующих, то квир-теория — самой мутной, неясной и абстрактной [Paglia, 2011: 84—85]. Правда, одно вовсе не исключает другого. Квир-теория предлагает новые объяснения принимаемым в качестве здравого смысла реалиям и, по мнению критиков, тем самым отступает от наблюдаемой действительности в сторону абстрактных конструкций, а по мнению сторонников, точнее передает комплексную действительность, чем здравый смысл или привычные теории. Это вовсе не означает, что квир-теория выдает любое нестандартное объяснение, противоречащее здравому смыслу, за более точно отражающее эмпирический опыт. Напротив, квир-теория имеет строгие ограничения, как и теория относительности. В частности, этой теории нужна точка опоры — перспектива, — чтобы опереться и представить аргументированную критику текущей версии реальности [Butler, 1993: 228].

В работе Виржини Депант такой точкой опоры является Кинг-Конг. Депант исследует нормы существующего гендерного и сексуального порядка в знакомом ей французском обществе и вырабатывает новые подходы к их осмыслению, проведя

мысленный эксперимент. В рамках эксперимента она обращается к Кинг-Конгу, вымышленному персонажу, вовлеченному в типичные для современных гетеронормативных обществ гендерные отношения — борьбу за обладание женщиной. В этой системе — уже в самой этой фразе — скрыт гендерный порядок, который делит общество на мужчин и женщин, а также наделяет эти категории двумя противоположными статусами: статусом действующего субъекта мужчину и статусом добычи-объекта — женщину. Критика этого подхода стала отправной точкой для квир-теории [Rubin, 1984; Butler, 1990; de Lauretis, 1991; Кософски Сэдживик, 2002]. Кинг-Конг как существо, не относящееся к миру людей и в связи с этим не имеющее притязаний, способствующих воспроизводству гендерных статусов, находится в положении, из которого можно наблюдать за предметом, двигающимся на скорости света, и тем самым увидеть, что происходит на самом деле.

Использование вымышленных персонажей для построения теории довольно типично в квир-подходах. Лучшим примером может служить работа Джека Джудит Хальберстам, которая анализирует подводный мир Губки Боба по кличке «Квадратные штаны», фильм «Где моя тачка, чувак?» и героев «Корпорации монстров» [Halberstam, 2011]. Чудовища и дети, к которым они приходят в кошмарах по ночам в мультфильме компании «Пиксар», могут показать пример и правила выстраивания солидарности между антагонистами (см. также: [Kondakov, 2017; Батлер, 2018]). Это ли не то, что нам требуется, чтобы объединиться для решения общих проблем? Персонажи фильма «Где моя тачка, чувак?» — это наивные простаки, глупость которых позволяет беспрепятственно принимать гендерную вариативность. Тем не менее многим до сих пор сложно представить себе, что общество не делится на два противоположных пола. А мир Губки Боба — это вселенная, в которой отсутствие здравого смысла не разрушает все вокруг, как предсказывают консерваторы (см., напр.: [Щелкин, 2013]), а находится в небывалой гармонии с окружающей средой и населяющими ее существами и предметами. Стоит ли опасаться изменения социальных норм, полагая, что новое обязательно приведет мир к краху?

Развивая эти идеи в книге «Агу-Агу феминизм», Джек Джудит Хальберстам излагает базовые принципы, выражающие методологию познания этой версии квир-теории [Halberstam, 2012]. Во-первых, мудрость следует искать там, где никто не ожидает ее найти. Это позволяет отбросить заранее известные идеи, чтобы отыскать новые, более многообещающие. Во-вторых, необходимо понимать, что социальные изменения происходят постоянно, но только на периферии они заметны до того, как становятся всеобщими. В-третьих, контринтуиция продуктивнее интуиции, поскольку здравый смысл, на котором основана интуиция, — это чаще всего полная бессмыслица. В-четвертых, любая вера в что-либо должна быть подвергнута творческому сомнению, которое только и дает новые результаты. Наконец, нельзя бояться быть «отвязным фриком», считает Хальберстам, поскольку маргинальность — это перспектива, которая открывает большие методологические возможности (см. [Вершинина, 2018]).

Каким образом принятая исследовательская перспектива позволяет выработать подобные принципы познания? Эта перспектива и есть точка опоры, переворачивающая мир, позиция, относительно которой можно взглянуть на опыт другими глазами. Она обнаруживается в квир-теории в различных формах. Для

Хальберстам, исследующей сексуальность и гендерные отношения, это фигура ребенка. Почему? Потому что в ее представлении позиция ребенка является сторонней. Перспектива ребенка в рамках методологии познания — это позиция досексуализированного субъекта. Иными словами, ребенок еще не знает, что такое мужчины и женщины, каковы социальные нормы гендерного разделения труда, как по гендерным каналам распределяется власть в обществе, чем связаны между собой насилие и секс. Ребенок, возможно, вообще ничего не знает о существовании секса, гендера и сексуальности. Наивный взгляд служит опорой для нового знания. Именно поэтому в качестве методологической основы для анализа воспроизводимых на уровне здравого смысла отношений власти в современном обществе такая удаленная и отвлеченная позиция оказывается продуктивной. Относительно этой позиции можно наблюдать за тем, как мимо пролетает космический корабль на скорости света и что происходит в его окнах.

В квир-теории на разных этапах ее становления и развития такой точкой опоры становились разные группы, что позволяло по-новому посмотреть на социальные движения (см., напр.: [Кондаков, 2013]). Геи как перспектива, из которой можно посмотреть на общество, позволили выявить гетеронормативность социальных отношений, политики и истории [Warner, 1997]. Лесбиянки — оспорить центральность мужественности в освободительной политике ЛГБТ [Cvetkovich, 2003]. Опыт трансгендерности уличает современные общества в воспроизводстве неравенства, основанного на бинарной оппозиции полов [Butler, 1990]. Чуть позже перспективами, из которых исследователи смотрели на мир, стали социальные позиции бисексуалов, интерсекс, асексуалов [Przybylo, Cooper, 2014; Куровицка, 2014]. Однако, как видно из приведенных выше примеров, такой точкой опоры может служить не только реально существующий опыт. Любой теории требуется аксиоматика, краеугольный камень, на основе которого будет возводиться аргумент. Квир-теория использовала в качестве таковых разный опыт, организуемый в социальные группы или основывающий идентичности. Тем не менее продуктивной для изучения гендера и сексуальности оказывается позиция, не связанная напрямую с гендерными или сексуальными отношениями. Возможно, именно такая позиция продуктивнее любых других.

Для Виржини Депант Кинг-Конг — это такая точка опоры. Кинг-Конг — это не просто вымышленный персонаж, который живет вне сексуальности и гендерных отношений. Это существо символически представляет собой дистанцию по отношению к современному человеческому обществу: оно не является человеком, обитает на затерянном острове в одиночестве, у него нет партнера по сексуальным связям, семьи или детей¹. С другой стороны, Кинг-Конг представляется в форме примата, то есть существа, относительно человечества позиционируемого в качестве предка. Тем самым его значение в темпоральном аспекте выражено предшествованием: это то время, когда человеческое общество еще не знало современных норм. В этом смысле Кинг-Конг обладает той же наивностью, что и фигура ребенка у Хальберстам: он еще не знаком с господствующими гендерными и сексуальными порядками.

¹ В фильме «Сын Конга» (RKO, 1933) главным монстром является Кико, как следует из названия, сын Кинг-Конга. Однако вопрос о том, как этот сын появился на свет, замалчивается.

Для Виржини Депант Кинг-Конг служит инструментом, препарирующим гендерные нормы современного общества. Заняв его позицию, она показывает, как устанавливается гендерная норма, как подтверждается доминирование и гегемония, как санкционируется отклонение. Сначала отрицается система смыслов Кинг-Конга, которая позволяет ему ориентироваться и действовать в пространстве: прибывшие на остров люди воспринимают его не как гармоничный элемент джунглей, но как претендента в борьбе за власть. Это становится очевидно людям, когда они интерпретируют интерес Кинг-Конга к женщине как интерес романтический и сексуальный (о романтике как элементе гетеронормативной власти см.: [Essig, 2019]). Тогда его вырывают из знакомой ему действительности, чтобы попытаться приручить, то есть подчинить людским нормам, указать на то единственное место, которое существо может занимать в человеческом обществе: экзотизированное чудовище — фрик, — сдерживаемое толстыми прутьями клетки и цепями. Как только Кинг-Конг пытается вернуть свою свободу, его действия жестоко наказываются. При этом насилие восстанавливает и воспроизводит гендерный порядок, поскольку его осуществляет мужчина, обосновывая защитой женщины, которой Кинг-Конг, по интерпретации этого мужчины, хотел обладать. Мужчина возвращает себе «право» на эту женщину — право, которое мыслимо только в системе несправедливых и неравных гендерных отношений, поскольку вне этой системы само словосочетание «право на обладание женщиной» не имеет никакого смысла. Кинг-Конг, на самом деле не заинтересованный в сексуальных отношениях с женщиной, ярко демонстрирует бессмысленность этого «права», насильственный характер поддержания такого «права» и несправедливость порядка, в котором это «право» существует на уровне здравого смысла, то есть не оспаривается.

Читая книгу Виржини Депант, вспоминайте о Кинг-Конге как о перспективе, «технике косо́го взгляда» [Градинари, 2015]. Многие не согласны с Депант, ее идеи могут вызывать шок или отвращение, смятение или смущение. Жизнь и творчество Депант говорит о том, что ей это безразлично, она знает о маргинальном интеллектуальном и социальном положении, которое занимает. Однако она не только не стесняется пребывать в этом положении, но, как и призывает квир-теория в версии Хальберстам, она видит его небывалую ценность. Эта ценность заключается в том, что из перспективы такого положения мы все способны увидеть новые грани воспринимаемых нами на уровне здравого смысла предметов: изнасилования, порнографии, коммерческого секса. Это не означает, что циркулирующие сегодня общепринятые определения будут отвергнуты. Это означает лишь, что нами будет получено новое знание, которое способно привести к новым горизонтам, основываясь на более точном расчете координат.

Список литературы (References)

- Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д. Кралечкин, науч. ред. А. Кондаков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Butler J. (2018) Notes towards a Performative Theory of Assembly. Trans. from En. by D. Kralechkin, ed. by A. Kondakov. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20(5). С. 7—14.

Borozdina E., Kondakov A., Shtorn E. (2017) Current Gender and Sexuality Studies: Theoretical Approaches and Empirical Research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 20(5). P. 7—14. (In Russ.)

Вершинина Д. Преподавание истории маргинальности: перспективы и вызовы // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. № 16(2). С. 387—394. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-387-394>.

Vershinina D. (2018) Teaching the History of Marginalities: Prospects and Challenges. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 16(2). P. 387—394. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-387-394> (In Russ.)

Градинари И. (ред.) Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка. М. : Издательство Института Гайдара. 2015.

Gradinari I. (ed.) (2015) *Queer Eye Technics: Critique of Heteronormative Order*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)

Депант В. Кинг-Конг теория / пер. с фр. Е. Шторна. М. : No Kidding Press, 2019.

Despentes V. (2019) *King Kong théorie*. Trans. from Fr. by E. Shtorn. Moscow: No Kidding Press

Джагоз А. Введение в квир-теорию / пер. с англ. М. Кукарцевой. М. : Канон+, 2008.

Jagose A. (2008) *Queer Theory: An introduction*. Trans from En. by M. Kukartyseva. Moscow: Kanon+. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 Lectures on Gender Sociology*. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М. : АСТ, 2003.

Kon I. S. (2003) *Moonlight at Dawn. Faces and Masks of Same-Sex Love*. Moscow: AST. (In Russ.)

Кон И. С. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. 3-е изд. М. : Время, 2010.

Kon I. S. (2010) *Strawberries on the Birch Tree: Sexual Culture in Russia*. 3d ed. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кондаков А. (ред.) На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей. СПб. : Центр независимых социологических исследований, 2014.

Kondakov A. (ed.) (2014) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Collected Volume. St. Petersburg: CISR. (In Russ.)

Кондаков А. Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2013. Т. 4. № 90. С. 174—190.

Kondakov A. (2013) New Configuration of Politics after Judith Butler's Queer Philosophy: Protest movement in Russia and issues of its interpretation. *The Untouchable Store*. No. 90(4). P. 174—190. (In Russ.)

Кософски Сэдджвик И. Эпистемология чулана / пер. с англ. О. Липовской, З. Баб-
ляна. М. : Идея-Пресс, 2002.

Kosofsky Sedgwick E. (2002) *Epistemology of the Closet*. Trans. from En. by
O. Lipovskaya, Z. Babloyan. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Куровицка А. Конструирование стабильной идентичности в мире квир: асексуаль-
ность // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований
/ под ред. А. Кондакова. СПб. : Центр независимых социологических исследований,
2014. С. 155—165.

Kurowicka A. (2014) Constructing a Stable Identity in a Queer World: The Case of
Asexuality. In: A. Kondakov (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice
of LGBT and Queer Studies. Collected Volume*. St. Petersburg: CISR. P. 155—165.
(In Russ.)

Ломакин И. В., Тартаковская И. Н. Вступительное слово приглашенных редакторов
рубрики, посвященной памяти И. С. Кона // Мониторинг общественного мнения :
Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. i — ii.

Lomakin I., Tartakovskaya I. (2018) Guest Editor's Introduction of the Rubric Dedicated
to the Memory of I. Kon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*.
No. 6. P. i — ii. (In Russ.)

Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях
петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой ; науч. ред. Е. А. Здравомыслова.
СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Rotkirch A. (2011) The Men Question: Love and Sex of Three Generations in
Autobiographies of St. Petersburg Dwellers. Trans. from En. by E. D. Nikiforova.
St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Шторн Е. М. Сексуальное беспокойство: растревоженная машинерия интимности.
Социология власти. 2018. № 30 (1). С. 8—13.

Shtorn E. M. (2018) Sexuality in Trouble: The Disturbed Machinery of Intimacy. *Sociology
of Power*. No. 30 (1). P. 8—13. (In Russ.)

Щелкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа).
Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132—142.

Shchelkin A. G. (2013) Non-traditional sexuality (experience of sociological research).
Sociological Research. No. 6. P. 132—142. (In Russ.)

Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York:
Routledge.

Butler J. (1993) *Bodies that Matter: On the Discursive Limits of "Sex"*. New York:
Routledge.

Cvetkovich A. (2003) *An Archive of Feeling: Trauma, Sexuality and Lesbian Public*.
Durham: Duke University Press.

- De Lauretis T. (ed.) (1991) *Queer Theory: Lesbian and Gay Sexualities. Special Issue of Differences. A Journal of Feminist Cultural Studies*. No. 3 (2).
- Essig L. (2019) *Love, inc. Dating Apps, the Big White Wedding, and Chasing the Happily Everafter*. Oakland, CA: University of California Press.
- Halberstam J.J. (2011) *The Queer Art of Failure*. Durham, NC: Duke University Press.
- Halberstam J.J. (2012) *Gaga feminism: Sex, gender, and the end of normal*. Boston: Beacon.
- Halperin D. M. (2003) The Normalization of Queer Theory. *Journal of Homosexuality*. No. 45. P. 2—4. https://doi.org/10.1300/J082v45n02_17 .
- Kondakov A. (2017) Queer Coalitions: An Examination of Political Resistance to the Russian Migration Law. *Europe-Asia Studies*. No. 69(8). P. 1222—1241. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377157>.
- Paglia C. (2011) *Vamps & Tramps: New Essays*. New York: Vintage.
- Przybylo E., Cooper D. (2014) Asexual Resonances: Tracing a Queerly Asexual Archive. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 297—318. <https://doi.org/10.1215/10642684-2422683>.
- Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. In: C. Vance (ed.) *Pleasure and Danger*. New York: Routledge & Kegan Paul. P. 267—321.
- Warner M. (ed.) (1997) *Fear of a Queer Planet Queer Politics and Social Theory*. 3d Edition. Minneapolis: University of Minnesota Press.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.23

Правильная ссылка на статью:

Багдасарьян Н. Г. Ностальгия по прошлому или в будущее — с надеждой. Рец. на кн.: Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

For citation:

Bagdasaryan N. G. (2019) Nostalgia for the past or looking forward with hope: A book review on Bauman Z. (2019) Retrotopia. Trans. from Eng. by V. Silaeva; edited by O. A. Oberemko. Moscow: VCIOM. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 486—492. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.23>.

Н. Г. Багдасарьян

**НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ ИЛИ В БУДУЩЕЕ — С НАДЕЖДой.
РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З. РЕТРОТОПИЯ / ЗИГМУНТ БАУМАН; ПЕР. С АНГЛ.
В. Л. СИЛАЕВОЙ; ПОД НАУЧ. РЕД. О. А. ОБЕРЕМКО. М.: ВЦИОМ, 2019**

НОСТАЛЬГИЯ ПО ПРОШЛОМУ ИЛИ В БУДУЩЕЕ — С НАДЕЖДой: РЕЦ. НА КН.: БАУМАН З. РЕТРОТОПИЯ / ЗИГМУНТ БАУМАН; ПЕР. С АНГЛ. В. Л. СИЛАЕВОЙ; ПОД НАУЧ. РЕД. О. А. ОБЕРЕМКО. М.: ВЦИОМ, 2019

NOSTALGIA FOR THE PAST OR LOOKING FORWARD WITH HOPE: A BOOK REVIEW ON BAUMAN Z. (2019) RETROTOPIA. TRANS. FROM ENG. BY V. SILAEVA; EDITED BY O. A. OBEREMKO. MOSCOW: VCIOM

БАГДАСАРЬЯН Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор, МГТУ имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва, Россия
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

Nadezhda G. BAGDASARYAN¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Ключевые слова: ностальгия, Гоббс, копикэт, насилие, государство, власть, неравенство, одиночество, диалог

Keywords: nostalgia, Hobbes, copycat, violence, state, power, inequality, loneliness, dialogue

В мире социального познания произошло событие. Издательство ВЦИОМ выпустило перевод последней книги Зигмунта Баумана [Бауман, 2019], выдающегося социолога и социального мыслителя, ушедшего от нас в 2017 г. Книга со странным названием «Ретротопия», сконструированная З. Бауманом, на фоне шквала изданий, посвященных будущему, пугающему своей стремительной непредсказуемостью, занимает особое место. В ней речь о ностальгии как о «глобальной эпидемии», «безнадежном состоянии современности». Впрочем, тоска по прошлому — это, может быть, «защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений», как пишет профессор славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета Светлана Бойм, с цитирования которой З. Бауман начинает свою работу [Бауман, 2019: 17], по дому, которого уже нет, и восстановление которого уже невозможно.

Русскоязычному читателю эта книга, на мой взгляд, особенно созвучна: нами утрачено не только то, что потеряно всем человечеством начала XXI века — его прошлое — всегда безоблачное детство, голубое небо, чистая вода, неспешный ритм жизни и, главное — прелесть молодости... Вдобавок к этому исчезла страна, в которой мы жили все вместе, а геополитическая травма не скоро заживает. Да и заживает ли когда-нибудь? Такие разломы остаются в социальной генетике надолго, и сложная, полифоническая, многоплановая, конфликтующая внутри себя реальность, оставшаяся за той чертой, размываясь более поздними наслоениями, становится энциклопедией утопических иллюзий. З. Бауман пишет, что «утопия Мора сегодня восстала в виде ретротопии — в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого» [Бауман, 2019: 19]. Мне-то представляется — это точно про нас. «Но почему призрачного? — спрашивают меня студенты. — Разве то, что рассказывают о своем счастливом советском детстве наши родители и бабушки с дедушками, — призрачно? Разве не были последние советские десятилетия «золотой эпохой стабильности?»»

Этот миф — не только следствие деятельности оруэлловского Министерства Правды, продолжающего переписывать исторические факты «согласно текущим нуждам государственной политики». Здесь есть кое-что еще, не всегда очевидное, но неизбежно проявляющееся в общественном сознании.

Кажется, что поколения X, Y, Z (или, как их называют, миллениалы) должны бы настроиться на комфортное будущее, реализующее мечты всей предшествующей истории — много свободного времени, легкость перемещений по миру, возможности самореализации и прочее. Но — нет! Мы все оказались на беговой дорожке, скорость движения которой значительно превышает физические и интеллектуальные возможности человека. Эта управляемая кем-то свыше дорожка выбивает нас из «естественной среды обитания надежд и верных ожиданий», и будущее превращается «в обитель кошмаров — страхов потерять работу вместе с прилагаемым к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может «сменить собственника», страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению» [Бауман, 2019: 20].

Добавим к этому список рисков и угроз, многие из которых уже обрели реальное воплощение. Как, например, китайская система социального кредита, где каждо-

му из миллиарда трехсот миллионов граждан присваивается равное количество баллов, около тысячи, и за каждый поступок — плохое вождение, курение в запрещенных местах, покупка слишком большого количества видеоигр, распространение лживых новостей и прочее, — система либо прибавляет, либо отнимает баллы. Итоги подсчета влияют на реализацию любых планов жителей Поднебесной¹.

Многое из того, что появилось как фантастический результат научно-технического прогресса и что вызывало и продолжает вызывать искренний восторг (возможности глобальной коммуникации, средства борьбы с тяжелыми заболеваниями, биотехнологическое улучшение человека, позволяющее не только исправлять ошибки природы, но и улучшать свои физические и интеллектуальные способности, и многое другое), обнаруживает иную, деструктивную природу. Осознание опасности стать объектом манипуляции при условии осуществления биотехнологических утопических замыслов спровоцировало взрыв этической рефлексии во многих странах мира [Попова, 2017: 4].

Ряд рисков и опасностей, осознаваемых человеком в параллели с созидательной цивилизационной деятельностью, сегодня может быть продолжен до бесконечности. Поэтому вовсе не случайно «маятник общественных установок и общественного сознания качнулся в обратную сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» [Бауман, 2019: 20]. Ностальгию по прошлому как характерную черту современного общества З. Бауман называет глобальной эпидемией.

Есть ли шанс справиться с ней? Что нужно понять и сделать, чтобы спастись? Какую жизненную стратегию выработать? По своей сути вся книга З. Баумана посвящена поискам ответа на эти вопросы. И, учитывая, что это последняя в жизни мыслителя работа, может быть, ее следует читать как завещание, обращенное в первую очередь к молодому поколению.

Апеллируя к Питеру Друкеру и Ульриху Беку, Бауман недвусмысленно и жестко делает вывод: институт, уполномоченный «достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям», отсутствует в современных обществах. Оснований ждать помощи и спасения от общества больше нет. Каждый спасается в одиночку: решение порождаемых обществом проблем следует искать и воплощать, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы [Бауман, 2019: 25]. Он формулирует это как общий тренд. Но осознание этого особенно трудно дается нашему соотечественнику, по-прежнему в глубине души рассчитывающему на разного рода социальные вспомоществования вместо того, чтобы стремиться к «улучшению индивидуальной позиции внутри не поддающегося никакому исправлению общества» [Бауман, 2019: 26].

Такому состоянию современных обществ сопутствуют сдвиги в ценностных системах и моральных принципах. Современное общество — это общество с деформированной ответственностью. В книге «Индивидуализированное общество», изданной на русском языке в 2002 г., З. Бауман обращается к анализу процессов,

¹ Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 27.03.2019)

изменивших облик и дух современности, среди которых крах традиционных ценностей, ценностей гуманизма. В качестве аргументации он приводит пример двух телевизионных передач, которые, с точки зрения автора, отражают дух современной эпохи и являются моделью современного общества с его стремлениями, чаяниями и вариациями взаимоотношений. Формат одной из них знаком отечественному зрителю. Это «Слабое звено» — программа, шедшая на одном из центральных каналов в течение нескольких лет. Игра «Слабое звено» формировала и закрепляла в сознании людей, в культурном коде которых из поколения в поколение транслировалась соборность, коллективизм как идеал общественного порядка, что каждый сам за себя, команда нужна лишь как средство для достижения блага, всегда побеждает сильнейший. Менее успешный выбывает из игры, становится аутсайдером. Современная жизнь человека — набор субъективных и индивидуальных рисков. Что бы ни происходило вокруг, даже если человек не является причиной этого происходящего, нести ответственность будет он сам. То есть, с точки зрения З. Баумана, налицо асимметричность двух типов ответственности — коллективной и индивидуальной, при которой коллективная ответственность минимизируется за счет переноса ответственности общества на его индивидов [Бауман, 2002: 60].

В «Ретротопии» З. Бауман, развивая и продолжая эту тему, обращается к феномену копикэта (от англ. *соруcaт* — копирование манеры поведения), который возникает и распространяется в среде новых средств коммуникации, созданных интернетом. Он рассматривает этот феномен как попытку «примирить непримиримое, одновременно удовлетворив две человеческие... абсолютно несовместимые страсти: страсть к социальности и страсть к индивидуальности, вожделение принадлежать и вожделение выделяться» [Бауман, 2019: 38]. Перечисляя и анализируя формы копикэта, З. Бауман особо останавливается на его разновидности, непосредственно связанной с расширением и интенсификацией насилия. Собственно, вокруг проблемы насилия организована вся первая глава «Назад к Гоббсу?». Его «Левиафан» как нельзя лучше служит отправной точкой к размышлению о том, как выглядит сегодня гипотетическая миссия библейского чудовища — подавление врожденной жестокости людей посредством создания государства как гаранта общественного договора, стабилизирующего и регламентирующего общественную жизнь, сдерживающего первобытные инстинкты, заложенные в человеке. Здесь трудно удержаться от невольной ассоциации с фильмом Андрея Звягинцева «Левиафан» (2014 г.), вызвавшего неоднозначную реакцию в российском обществе — саму по себе представляющую превосходный материал для социологического исследования. Это ведь словно о нем пишет З. Бауман: «С помощью хитростей и уловок Гоббсово животное, сидящее внутри человека, пережило реформу нравов модерна нетронутым и неукротенным в своем первоизданном, могучем, грубом, необработанном, невоспитанном/неотесанном виде; процесс цивилизации смог придать лишь внешний лоск этому животному и/или передать его «на аутсорсинг» (например, переноса агрессию с поля брани на футбольное поле), но он не смог его исправить, а тем более изгнать. Животное лишь затаилось, готовое стряхнуть пугающе тонкий покров приличий, годных для того, чтобы скрыть непривлекательность, но не подавить и сдерживать злобность и жестокость» [Бауман, 2019: 29].

И социальный анализ З. Баумана, и показ современной реальности средствами художественного анализа, и журналистские репортажи с мест кровавых событий — все свидетельствует о том, что «человеческая агрессия сохранила свою жизнестойкость и готова проявиться в любой момент» [Бауман, 2019: 27].

В работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм выделял два вида агрессии, присущих человеку: доброкачественную и злокачественную. Доброкачественная агрессия обусловлена стремлением к самосохранению и проявляется лишь в случаях опасности для жизни. Злокачественная агрессия — проявление неоправданной жестокости. Причину этого Э. Фромм видел в несовершенствах социальной структуры, «плохом качестве» социальных контактов и утрате жизненных смыслов. Классифицируя насилие, Э. Фромм выделил семь его типов: реактивное насилие, фрустрация, зависть и ревность, насилие из мести, компенсаторное насилие, садизм, архаическая жажда крови. По мнению Э. Фромма, склонность человека к деструктивному насилию — следствие неудовлетворенности экзистенциальных и социальных потребностей человека индустриальной эпохи и массового общества [Фромм, 1973]. В этом плане Э. Фромм продолжает аналитическую линию Э. Дюркгейма, которому удалось вскрыть глубинные причины роста самоубийств на фоне интенсивного процесса индустриализации, сопровождавшегося усилением государственной машины, подавляющей подлинную социальную жизнь. Что в такой политической системе представляют собой люди? По выражению Э. Дюркгейма, «дезорганизованную пыль из разрозненных индивидов».

З. Бауман, вступая в неявный диалог со своими великими предшественниками, проводит водораздел между «легитимным и нелегитимным, разрешенным и запрещенным, законным и преступным, терпимым и нетерпимым насилием», оставляя открытым вопрос о границе между ними [Бауман, 2019: 31]. Он дает картину современного нам общества, в котором многое из того, что уже получило освещение, по-прежнему актуально. Но есть то, что возникает как следствие новых культурных сдвигов, новых артефактов и паттернов, это требует своего осмысления, что и делает блестяще З. Бауман.

Ключевая мысль главы — о необходимости «тщательного пересмотра взглядов Гоббса на государство как на гаранта безопасности подданных и как на единственную возможность его субъектов защититься от врожденной (инстинктивной и импульсивной) человеческой агрессивности, а следовательно, получить эффективную защиту от неуправляемого насилия со стороны окружающих. Они даже предполагают, пусть и косвенно, возможность причислить государство, в котором некогда видели основного (и даже единственного) стража человеческой безопасности и единственную страховку от насилия, к основным факторам/причинам/операторам сегодняшнего торжества беззащитности и уязвимости перед насилием» [Бауман, 2019: 32—33].

З. Бауман подчеркивает, что в современном мире, где распадаются политически выстроенные структуры, где увеличивается разрыв между политикой и властью, вновь возник театр войны всех против всех, которую люди ведут в одиночку, в бешеной конкуренции. И потому знак вопроса, стоящий в заголовке главы, считает автор, можно удалить.

Столь же остро — и в свете глобальных миграционных перемещений, и заигрывающей власти с нацизмом в Украине, и в постоянно возникающих призраках Холокоста (в настоящий момент — во Франции) звучит вторая глава «Назад к племенам», где З. Бауман делает попытку объяснить взрыв современного национализма. Он пишет о непреодолимой склонности в поиске ускользающей идентичности делить людей на «нас» и на «них», и если даже «они» обнаруживаются с трудом, их следует выдумать, изобрести, назначить, сконструировать образ врага. И в этом современный, ищущий идентичности человек аналогичен члену племени: «принадлежность» требует самоотвержения, «не на живот, а на смерть». Но XXI век вводит в картину мира новые технологии — их всеобщая доступность и «оторванная от территории» мобильность, «несинхронизированная с перемещением тел», привносит новые возможности и новые перспективы в выборе поведенческих образцов.

В третьей главе книги — «Назад к неравенству» — автор обращается к феномену неравенства, включаясь в дискурс разнообразных точек зрения на философию ББД (безусловный базовый доход). Социолог соглашается с теми, кто полагает ББД краеугольным камнем любого будущего «Дома равенства», так как это доход, который государство выплачивает всем полноправным членам общества независимо от того, хотят они наниматься на оплачиваемую работу или нет, богаты они или бедны, имеют какие-либо еще источники дохода или нет, и независимо от оснований совместного проживания в домохозяйстве. Несмотря на глобальный тренд к неравенству — а З. Бауман приводит убедительные исследования, доказывающие наличие этого тренда в ЕС, — ББД «можно использовать как уникальное мощное оружие в борьбе за обращение вспять этого ужасающего, опаснейшего, предвещающего катастрофу тренда» [Бауман, 2019: 117].

Книгу завершает глава с эпатажным названием «Назад в утробу». Однако в самом тексте нет никакого эпатажа. З. Бауман пылливо, въедливо, пристрастно — как он это умеет делать, — изучает социальную ткань современных условий человеческого существования. Он вскрывает социальные причины общества потребления, навязывающего иллюзорные потребности; пытается осмыслить природу современного нарциссизма — является ли он «расстройством личности» или «расстройством общества» (и пишет об этом так, что читатель неизбежно будет соотносить свое бытие с этим описанием); представляет новую мораль «назад к себе» как основанную на переносе ответственности с «где-то там» (т. е. с Другого, близкого и родного, «нас», сообщества, общества, человечества, планеты, на которой мы все живем) на свое собственное тело: на его ловкость, на его способность испытать удовольствие от «хорошего самочувствия». И ущерб этого переноса в том, что теперь мораль стала одним из инструментов разделения, разобщения, размежевания, отчуждения и разрыва. И — одиночества как вируса современной эпохи (например, в Стокгольме 58 % домохозяйств состоят из одного человека, каждый четвертый житель города умирает в одиночестве).

З. Бауман подчеркивает, что феномен «назад в утробу» — продукт успешной социализации в господствующую сегодня философию жизни. Утроба — это одинокое место, но безопасное и свободное от появления посторонних и конкурентов, способных поколебать статус ее единственного жителя, лишить его льгот и привилегий. В Утробу, к племенам, к Гоббсу люди бегут от будущего, признаки которого они

видят уже в настоящем. Но мы ведь не сможем уговорить или заставить Ангела Истории снова развернуться.

Символично название эпилога: «В будущее с надеждой на перемены». Символично, поскольку мы знаем, что это последняя книга великого мыслителя. Подводя итог, он так формулирует сегодняшнюю задачу: она «заключается в том, чтобы впервые в истории человечества, ни больше ни меньше, спланировать интеграцию без опоры на разделение» [Бауман, 2019: 152]. Но надежды нет: «все указывает скорее на то, что ни сейчас, ни в ближайшее время эта задача ставиться не будет». И все же... все же... Диалог! Культура диалога, которая предполагает личную ответственность, которая способна исцелить раны мультикультурного, мультиполярного и мультиконфликтного мира. Коротких путей совладать с попытками «вернуться назад» — к Гоббсу ли, племенам, неравенству или утробе — нет. Но нет и альтернативы. «Или взяться всем за руки, или лечь всем в общую могилу».

Перелистнув последнюю страницу, переживаешь щемящее чувство расставания с близким по духу человеком, сумевшим лучше, чем ты сама, глубже, объемнее представить то, что мыслилось и писалось тобою о социальной действительности текущего времени. Обаяние личности мыслителя, его способность не обольщаться иллюзиями, рационализировать тот иррациональный смысл, что притаился в утопии, и удвоить его в «ретротопии» — все это еще долго бережит ум, провоцируя диалог между мыслью и текстом.

Долг рецензента — обратить внимание и на то, как представлена книга русскоязычному читателю. Как четко обрисован портрет Зигмунта Баумана в предисловии издателя — Валерия Федорова. Как точно и высокопрофессионально сделан перевод Викторией Силаевой, как тщательно осуществлена научная редакция Олегом Оберемко. Примечания, сделанные ими, придают изданию классический академический характер, а оформление обложки отражает дух, метаидею книги.

Список литературы (References)

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society* / Trans. from En. under the editorship of V. L. Inozemtsev. Moscow: Logos. (In Russ.)

Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

Bauman Z. (2019) *Retrotopia* / Trans. from En. V. L. Silaeva, under the scientific editorship of O. A. Oberemko. Moscow: WCIOM. (In Russ.)

Попова О. В. Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017.

Popova O. V. (2017) *Man as an Artifact of Biotechnology*. Moscow: Kanon+ROOI Rehabilitation. (In Russ.)

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. М.: АСТ, 2014.

Fromm E. (2014) *The Anatomy of Human Destructiveness* / Trans. from En. Moscow: AST.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

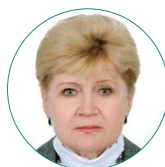
DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.24

Правильная ссылка на статью:

Воловская Н. М., Плюснина Л. К. Феномен прекариата: комплексный исследовательский подход. Рец. на кн.: Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 493—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.24>.

For citation:

Volovskaya N. M., Plusnina L. K. (2019) The phenomenon of the precariat: a comprehensive research approach. A book review on Toschenko Zh. T. (2018) Precariat. From Protoclass to New Class / Institute of Sociology of the RAS, RSUH. M.: Science. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 493—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.24>.

Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина

**ФЕНОМЕН ПРЕКАРИАТА: КОМПЛЕКСНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД.
РЕЦ. НА КН.: ТОЩЕНКО Ж. Т. ПРЕКАРИАТ: ОТ ПРОТОКЛАССА К НОВОМУ
КЛАССУ / ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: НАУКА, 2018**

ФЕНОМЕН ПРЕКАРИАТА: КОМПЛЕКСНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД.
РЕЦ. НА КН.: ТОЩЕНКО Ж. Т. ПРЕКАРИАТ: ОТ ПРОТОКЛАССА К НОВОМУ КЛАССУ /
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: НАУКА. 2018

THE PHENOMENON OF THE PRECARIAT: A COMPREHENSIVE RESEARCH
APPROACH. A BOOK REVIEW ON TOSCHENKO ZH. T. (2018) PRECARIAT.
FROM PROTOCLASS TO NEW CLASS / INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE RAS,
RSUH. M.: SCIENCE

ВОЛОВСКАЯ *Нина Михайловна* — доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Россия
E-MAIL: n.m.volovskaya@nsuem.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5308-5480>

*Nina M. VOLOVSKAYA*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor
E-MAIL: n.m.volovskaya@nsuem.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5308-5480>

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

ПЛЮСНИНА Лидия Константиновна — доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия
E-MAIL: plusnina@ngs.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0417-8669>

*Lidia K. PLUSNINA*¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor
E-MAIL: plusnina@ngs.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0417-8669>

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Вышла новая монография Ж. Т. Тощенко [Тощенко, 2018], общеизвестного в нашей стране и за рубежом социолога. Книга сразу же привлекла внимание научной общественности. Ее появление было вызвано рядом причин, обусловленных изменениями, происходящими в современном социуме, а именно: глобализационными и интеграционными процессами, трансформацией трудовой сферы, возникновением кризиса занятости, проявившемся в прекаризации занятости. Автора в его предыдущих публикациях отличали стремление к тщательному историческому анализу и типологизации, понимание глубинных оснований происходящих процессов, обоснование собственной позиции и т. д. Следует заметить, что он не отошел от этих принципов и при написании данной монографии.

Книга «Прекариат: от протокласса к новому классу» содержит три раздела, в которых рассматриваются теоретико-методологические основы исследования прекариата — его структура, основные группы, настоящее и будущее. Основная идея книги заключается в переосмыслении и теоретическом конструировании этого нового социального класса в предметной области социологической науки. Автор, исходя из того, что прекариат представляет собой принципиально новое образование — социальный слой, олицетворяющий отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, — пишет о необходимости выявления новых индикаторов его определения. Поэтому неслучайно раздел начинается с главы, в которой рассматривается «общество травмы», что позволяет Ж. Тощенко подойти к анализу такого уникального феномена, как прекариат. В данной главе автор остается верен себе, изучая историю понятия «общество травмы», его возникновение. Глубокий анализ состояния, тенденций и функционирования деформированных обществ — «обществ травмы» — позволил ему раскрыть механизм их образования и назвать причины, приведшие к их возникновению. К этим причинам относятся: внутренние катаклизмы, цветные революции, насильственное изменение существующего политического режима и соответствующих институтов управления, экстремистские религиозные и националистические силы, а также ситуации, когда политическое развитие страны пущено на самотек и не осуществляются меры по постоянному согласованию различных социальных интересов. Автор приходит к выводу, что «обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы позитивных преобразований и преодолению деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов (правящего класса, «элиты»), ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие

несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы» [Тощенко, 2018: 17].

Не ограничиваясь общей характеристикой «общества травмы», Ж. Тощенко основанно выделяет родовые черты «общества травмы» — такие как дезорганизация экономической и политической жизни, стагнация и даже потеря и откат от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития, отсутствие четкой и ясной стратегии и понимания перспектив развития, отсутствие активных, творческих созидательных сил, рост социального неравенства и др. [Тощенко, 2018: 16—21].

Используя большой массив данных и литературных источников, автор акцентирует внимание на специфических чертах «общества травмы» в России. Это утрата страной технической и технологической самостоятельности и, соответственно, независимости, ошибочный курс на деиндустриализацию страны; конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть; отказ от государственной идеологии; увеличение воздействия на общество амбициозных и рвущихся к власти реваншистских сил и др. [Тощенко, 2018: 21—26].

В заключительной части главы автор, отвечая на поставленный им вопрос, вечны ли «общество травмы», основываясь на ряде положений П. Сорокина, указывает: «чтобы выйти из травмированного состояния, предстоит мобилизация творческого потенциала народа во всех сферах общественной жизни, так как «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу»» [Тощенко, 2018: 26].

В последующих главах Ж. Тощенко, положив в основу концепцию «общества травмы», рассматривает эволюцию идей от пролетариата к прекариату, классификацию занятости как особой формы трудовых отношений. На наш взгляд, этот переход в эволюции идей «от пролетариата к прекариату» особенно интересен. Дело в том, что до рассмотрения сущности прекариата необходимо осмыслить (что и делает автор) преобразующиеся трудовые отношения, и особенно проблемы занятости, которые в условиях происходящей глобализации несут на себе печать принципиально новых положений, касающихся всех без исключений сфер жизнедеятельности людей. Проведенный анализ позволил Ж. Тощенко в последующих главах перейти к комплексному рассмотрению причин социально-экономических проблем, обусловивших появление прекариата, и изложить его сущность.

Второй раздел полностью посвящен структуре прекариата и характеристике его основных групп. Автор начинает рассмотрение с неформальной занятости, так как, по его мнению, это «основной костяк прекариата» [Тощенко, 2018: 97], поскольку в большинстве случаев работающие неформально социально уязвимы. Далее автор переходит к изучению временной и неполной занятости, и мы согласны с ним в том, что это значимые структурные компоненты прекариата [Тощенко, 2018: 104], так как они ослабляют позиции работников. Автор приходит к выводу, что «*ниша трудоспособного населения, включенного в такие специфические формы занятости, когда работник трудится на временной работе или неполный рабочий день, будучи вынужден соглашаться на деятельность, которая формально ограничивает его способности, олицетворяя разрыв между возможностями и реальным их использованием*» [Тощенко, 2018: 107] (здесь и далее курсив — Ж.Т.).

Отдельная глава посвящена сезонной и фрагментарной (эпизодической) занятости, составляющей еще один структурный компонент прекариата. Автор определил сферы приложения труда данной формы занятости, такие как золотодобыча, участие в геологоразведочных экспедициях, разведке и добыче полезных ископаемых, в которых сезонно возрастает необходимость в привлечении дополнительной рабочей силы. Ж. Тощенко приходит к выводу (и мы разделяем его точку зрения), что большинство занятых в этих отраслях экономики в полной мере необходимо относить к прекариату, так как они характеризуются теми же ограничениями, как и неформально, временно или не полностью занятые. Проведенный автором анализ указанных форм занятости дал возможность раскрыть их состав и структуру и увидеть в них черты, присущие всему прекариату, хотя и с определенными особенностями.

Отдельная глава посвящена заемному труду, его смыслу и рискам. Авторская позиция состоит в том, что это «*один из новых видов прекаризации труда, ставящий работника в зависимое положение и подвергающий сомнению веками устоявшийся принцип, что объектом аренды (лизинга) может быть только имущество, рабочая сила, но не сам человек*» [Тощенко, 2018: 129]. Особое внимание в книге уделяется социальному портрету занятых заемным трудом, а также объективной необходимости закрепления в рамках трудового законодательства форм этого вида занятости, получающих все большее распространение.

В монографии рассматриваются вопросы безработицы, которую автор изучает всесторонне — как в отраслевом, так и в социально-территориальном разрезе, останавливаясь на социально-демографическом и социально-профессиональном аспектах. Изучая виды безработицы, Ж. Тощенко обращает внимание не только на ее традиционные формы, но и выделяет специфические: зарегистрированную, застойную, технологическую, добровольную, региональную и фиктивную. Анализ скрытых форм безработицы помог автору выявить особенности условий экономической жизни России, которые послужили причинами прекаризации трудовых отношений. Ж. Тощенко подробно объясняет и доказывает, почему безработные относятся к прекариату [Тощенко, 2018: 146—148]. Наши опросы [Воловская и др., 2015; Воловская и др., 2016] подтверждают выводы автора. Потеря безработным социального статуса часто связана не с личностными характеристиками индивида как члена общества, а с социальными процессами, происходящими в обществе. В России государство, будучи не в состоянии обеспечить абсолютную реализацию права граждан на труд, прибегает к пассивным мерам политики занятости, таким как регистрация безработных и выплата пособий по безработице.

Автор книги не обделил вниманием и фрилансеров. Проведя глубокий анализ сложившегося жизненного мира и занятости фрилансеров, Ж. Тощенко показал, что немало черт роднят их не столько со средним классом, сколько с прекариатом. Среди таких черт — нахождение вне поля действия трудового законодательства, нестабильность заработка, перерывы в самой занятости (нередко большие), неопределенность с будущей пенсией и т. д. [Тощенко, 2018: 157—170].

Мы считаем обоснованным включение автором участников трудовой миграции в структуру прекариата и вскрытие им общих прекарных черт трудовых мигрантов: работа без разрешающих документов, отсутствие гарантий по обеспечению

жильем, отсутствие необходимых условий для повседневной жизни, низкая оплата труда, отсутствие востребованности всей имеющейся квалификации и накопленного опыта, слабая информированность и другое. Автор не упустил вопросы, связанные с прекаризацией соотечественников на рынке труда, а также проблемы прекаризации занятости на молодежном рынке труда.

В завершающем третьем разделе автор обращается к настоящему и будущему прекариата, описывая особенности его жизненного мира как значимой составляющей авторской концепции исследования прекариата. Следует заметить, что в данной работе автор продолжает развивать категорию жизненного мира [Тощенко, 2000; *Жизненный мир...*, 2016] применительно к прекариату. Данная категория позволяет объединить прекаризованные социальные слои (общности, группы) в единое социоструктурное образование. Осмысление жизненного мира прекариата автор проводит через анализ препятствий и ограничений на пути достижения планируемых целей, к которым стремятся отдельные социальные группы (общности), и приходит к выводу, что *«жизненный мир прекарных слоев — это мир ущемленных в социально-экономическом и правовом отношении людей, мир деформированного человеческого измерения, ограниченного функционирования человеческого потенциала»* [Тощенко, 2018: 211]. В дальнейшем Ж. Тощенко подробно характеризует основные и специфические черты жизненного мира прекариата, обращая внимание на то, что он лишен перспективы, у него нет будущего при нынешнем устройстве общества и государства.

Автор делает далеко идущие выводы о том, что появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и далеко идущие последствия.

С точки зрения автора, для социальных слоев прекариата вопрос занятости — это вопрос не столько о том, что делать, а вопрос о том, кем быть в этом мире. В связи с этим он подробно останавливается на характеристике смысла жизни прекариев как важнейшем условии превращения прекариата в социальный класс.

Завершая раздел, автор, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, приходит к выводу о том, что *«прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости по завершению трудовой деятельности»* [Тощенко, 2018: 270]. В заключении автор замечает: *«Может быть, вернуться к этой мудрой идее, когда государство и общество должны и способны обеспечить работой всех стремящихся трудиться несколько часов в день, что устранил нынешние проблемы неопределенности занятости и в той же мере обеспечит высокое качество жизни и реализацию духовных устремлений, возвышающих человека»* [Тощенко, 2018: 273]. Мы полагаем, что многие читатели согласятся с приведенным выше высказыванием, как согласны с ним и мы.

Итак, книга прочитана. Мы даже испытываем некоторое сожаление, что это интересное и увлекательное занятие закончилось. Монография подкупает обстоятельностью и доказательностью авторских определений и выводов, обширной фактологической базой и создает впечатление добротной сделанной работы.

На нас произвел большое впечатление внушительный по объему эмпирический материал, использованный автором, и его удачное применение в тексте книги. Следует особо отметить, что в книге отсутствует излишняя академичность и читается она легко. Впечатляет масштабность проделанного научного исследования. Автору удалось органически связать высказывания отдельных ученых и вплести их в собственный научный труд. Иногда представленные в монографии авторские оценки носят неоднозначный и дискуссионный характер, но именно это свойство открывает широкие перспективы их обсуждения научной общественностью, так как они затрагивают фундаментальные проблемы социально-трудовой сферы России. Хотелось бы особо подчеркнуть комплексный характер монографического исследования, всесторонность и глубину рассмотрения проблем, новаторские, смелые выводы. Значимость данного научного труда для социологической науки трудно переоценить. Она вытекает из самого названия: представление научного обоснования трансформации протокласса в новый класс — прекариат.

Список литературы (References)

Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Черникова Е. В. Динамика теневой оплаты труда (по данным мониторинга в Новосибирской области) // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 30—40.

Volovskaya N. M., Pliusnina L. K., Rusina A. V., Chernikova E. V. (2016) Dynamics of shadow wages (monitoring data for Novosibirsk region). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 7. P. 30—40.

Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Иноземцева А. В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. № 5. С. 52—60.

Volovskaya N. M., Pliusnina L. K., Rusina A. V., Inozemtseva A. V. (2015) Unemployed population and self-employment in sibirian region. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 5. P. 52—60.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. ЦСП и М, 2016.

Life World of Russians: 25 years later (late 1980s — mid-2010s.). (2016) / Ed. Zh. T. Toschenko. Moscow: CSP&M. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3—12.

Toshchenko Z. T. (2000) Sociology of Life as a Concept of Social Reality Investigation. *Sociological Studies*. No. 2. P. 3—12. (In Russ.)

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. : Наука, 2018.

Toschenko (2018) "Precariat. From Protoclass to New Class / Institute of Sociology of the RAS, RSUH. Moscow: Science. (In Russ.)

